

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 19

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1951

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР. № 19

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

I

Под редакцией
В. Д. БЛАВАТСКОГО и Б. Н. ГРАКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1951

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Выпуском данного сборника Материалов и исследований по археологии СССР, посвященного в основном истории и археологии Боспора, Институт истории материальной культуры отмечает 125-летие одного из старейших музеев нашей страны — Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина.

Еще в XIX в. Керченский музей являлся выдающимся научным учреждением, в котором работали русские археологи, открывшие уникальные древности Южной России.

Особенно плодотворной стала деятельность Керченского музея после Октябрьской революции, когда Музей широко развернул культурно-просветительную и научно-исследовательскую работу. Строго научный подход к археологическим задачам, плановость археологических исследований, изучение памятников в связи с древней историей народов нашей Родины отличают советский период деятельности Музея.

В период Второй Отечественной войны Музей и его коллекции сильно пострадали от рук фашистских агрессоров. Самоотверженным трудом коллектив Керченского музея с помощью широкой советской общественности сумел в короткий срок восстановить Музей, который вновь стал значительным центром научно-просветительной деятельности.

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том Материалов по археологии Северного Причерноморья представляет сборник статей, отражающих результаты работ по ряду основных вопросов, разрешавшихся Сектором античной археологии. Эти статьи посвящены преимущественно изучению античных городов Северного Причерноморья, в особенности Боспора — древнейшего крупного государства на территории нашей Родины. Боспор являлся государством, во многом близким эллинистическим монархиям, возникшим много раньше последних и характеризующимся рядом самобытных и своеобразных черт.

В публикуемых статьях исследуются различные археологические материалы, до сего времени не введенные в науку или недостаточно обработанные. Эти материалы в основном являются результатом полевых работ экспедиций, проводившихся в советское время (в 30-х и 40-х годах) и организованных Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР, Государственным музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Государственным историческим музеем и другими учреждениями. В некоторых статьях были также широко использованы архивные материалы Ленинграда и Керчи. Часть этих документов, а именно хранившихся в архиве Керченского музея, варварски уничтожена фашистскими вандалами. Аналогичная судьба постигла многие из издаваемых в сборнике боспорских пелик, хранившихся в археологических музеях Северного Причерноморья.

Преимущественное внимание в издаваемых материалах уделено изучению истории городов и связанной с этим вопросом археологической топографии городов и некрополей, исследованию экономической истории, местному производству, торговому обмену и денежному обращению. Древние племена и народности имели свою экономическую базу и жили своей жизнью, даже входя в состав рабовладельческих империй [1]. В полной мере это приложимо и к местным племенам Боспора. В настоящем сборнике авторы стремились осветить вопросы экономики и культуры боспорских племен и выяснить роль, которую играли местные элементы в жизни боспорских городов. Выяснению взаимоотношений местных и эллинских элементов в культуре Боспора в той или иной мере посвящена значительная часть публикуемых статей. Эти вопросы привлекают внимание широкого круга советских археологов, а решению их способствуют раскопки последних лет, преследующие цели всестороннего изучения материала.

Изучение экономической истории античных городов Боспора является одной из первоочередных задач, стоящих перед археологами-антиковедами, занимающимися Северным Причерноморьем. Письменные источники, проливающие свет на эти вопросы, крайне скудны, вещественные же материалы весьма обширны и открывают перед исследователем широкие возможности. Различные находки на античных городищах и некрополях позволяют изучить местное производство, исследование которого, в свою очередь, дает возможность уточнить характер культуры городов Северного Причерноморья. Разработке этого вопроса посвящена статья И. Т. Кругликовой «Фанагорийская местная керамика из грубой глины». Торговые связи городов Боспора с метрополией давно уже привлекают внимание исследователей. Значительно менее разработанным является вопрос о внутренней торговле городов Боспора, а равно и их экономических связях с Прикубаньем и другими прилежащими территориями. Между тем, выяснение этих вопросов позволит установить не только, какие товары и когда поступали с Боспора к меотским племенам, но и выяснить пути проникновения последних и, что особенно важно, решить, какова была роль торговых центров, возникавших в глубине страны. Этой теме посвящено исследование И. Б. Зеест «К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией». О регулирующей роли Пантикапея во внутренней торговле Боспора И. Б. Зеест говорит в другой статье «Керамическая тара Елисаветовского городища и его курганного некрополя».

[1] См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950.

Вопросы денежного обращения, теснейшим образом связанного с внутренней торговлей, освещает Д. Б. Шелов в своей статье «Монетная система городов Боспора в VI—V вв. до н. э.».

Изучение истории античных городов Северного Причерноморья — одна из важнейших задач, стоящих перед советскими учеными. История каждого города только тогда получит надежную основу, когда будут точно определены границы города во время его возникновения и все последующие изменения этих границ. Столь же важно установить характер различных районов города и тех изменений, которые они испытывали. При этом подобное исследование только тогда окажется по-настоящему плодотворным, когда параллельно с изучением города будет производиться исследование принадлежащего ему некрополя. Изучение последнего дополняет наши представления не только о топографии, но и о культуре данного пункта. Именно эти цели — решить вопрос о топографии Пантикапея и Фанагории, как источников для истории боспорских столиц,— преследуют статьи В. Д. Блаватского «Материалы по истории Пантикапея. План города», «Раскопки некрополя Фанагории 1938—1940 гг.» и Г. А. Цветаевой — «Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав».

Памятники материальной культуры из античных городищ и некрополей Северного Причерноморья позволяют также выяснить социальный и этнический состав населения и изменения характера последнего. Погребальный обряд и сопровождающий покойника инвентарь, а иногда и остеологический материал из могил античных некрополей являются в этом отношении наиболее показательными. Эти вопросы получили надлежащее освещение в статьях Г. А. Цветаевой «Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав» и М. М. Кобылиной «Южный некрополь Фанагории 1947 г.» и «Восточный некрополь Фанагории 1948 г.».

С последней проблемой тесно связано изучение вопросов культуры Боспора и его искусства. До сего времени недостаточно разработаны вопросы о роли в художественной культуре Боспора эпохи его расцвета произведений, привезенных из метрополии и исполненных на месте. Также далеко не достаточно выяснен вопрос о том, в какой мере ввозившиеся произведения искусства и ремесла удовлетворяли особым требованиям заказчиков. Решению этих вопросов посвящена работа М. М. Кобылиной «Поздние боспорские пелики». Не менее сложной является задача выяснить античные и местные основы и их соотношение в искусстве Боспора в последние века до н. э. и первые века н. э. В этом отношении попытки делались неоднократно, однако проблема далеко еще не является решенной. Разработке этого вопроса на материале боспорского скульптурного портрета посвящена статья М. М. Кобылиной «Скульптура Боспора».

Сборник завершен некоторыми раскопочными отчетами. Об отчетах, излагающих результат раскопок некрополя Фанагории в 1938—1940 и 1947—1948 гг., мы уже говорили выше. Они дополняются статьей Н. Я. Мерперта. Последний отчет посвящен Хараксу. Исследования этого пункта проливают свет на поставленные выше вопросы археологической топографии города и некрополя, экономической жизни, культуры, социального и этнического состава населения.

Данный сборник материалов и исследований не претендует на исчерпывающую разработку всех поставленных авторами проблем. Многие из них могут получить полное и детальное освещение только в результате последующих археологических раскопок и притом весьма обширных. Роль местного элемента в культуре городов Боспора и его этническая принадлежность будут полностью выяснены лишь после подробного исследования меньших городов Боспора, боспорской периферии. Тем не менее нам представляется, что публикуемые в Сборнике статьи, в которых приводятся новые данные, могут послужить материалом при написании соответствующих разделов древнейшей истории СССР.

Сектор античной археологии

В. Д. Блаватский

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ПАНТИКАПЕЯ

ПЛАН ГОРОДА

I. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

(Рис. 1, 2, 3, 4 и 5)

До Великой Отечественной войны археологическая топография Пантикапея, в особенности его городища, мало привлекала внимание исследователей. Значительное количество городищенских находок не было зафиксировано достаточно точно: нередко указывался весьма обширный район места находки того или иного памятника. Кроме того, планы раскопок Пантикапея до времен А. А. Бобринского и К. Е. Думберга (1891—1901 гг.) встречаются лишь случайно и, к тому же, отличаются довольно большой неточностью. С начала XX в. город не подвергался систематическому исследованию.

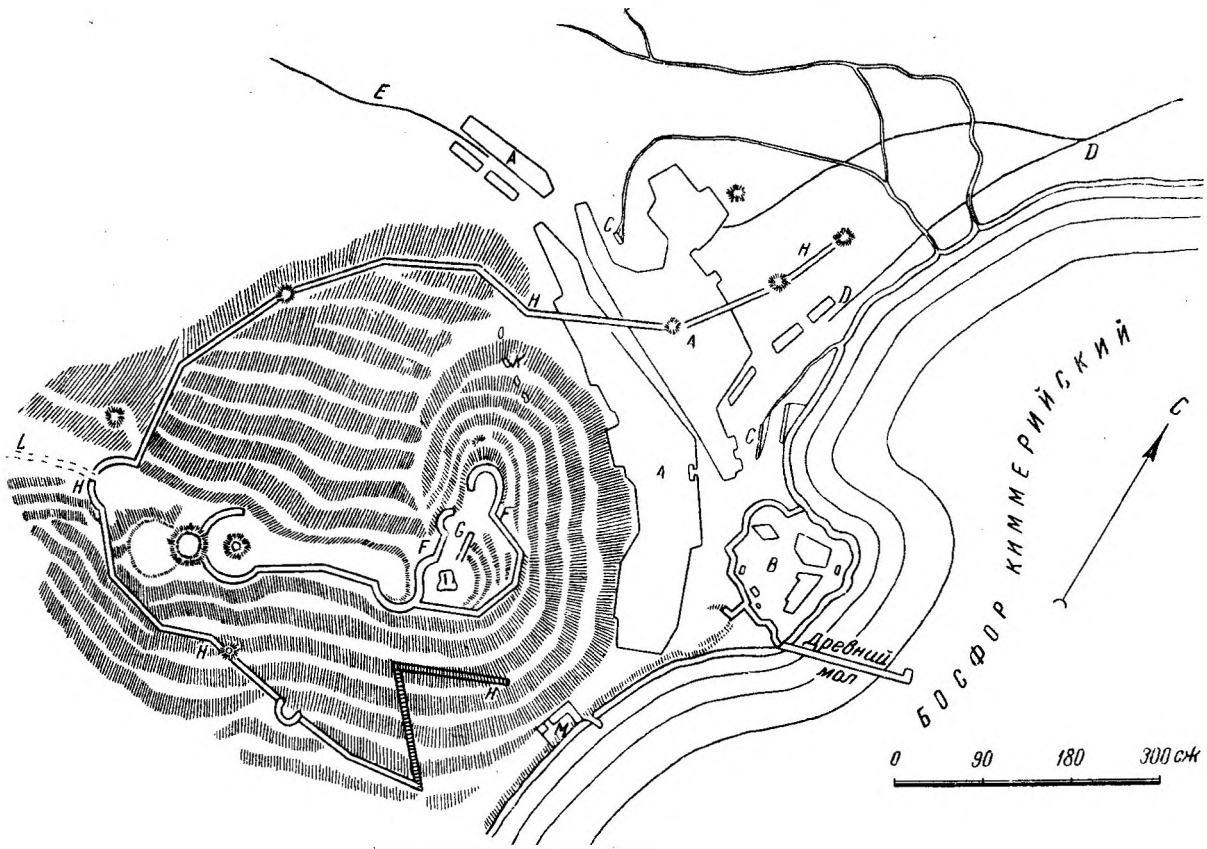

Рис. 1. План Пантикапея по Бларамбергу

Сведения о находках в Пантикапее, особенно о ранних, очень беглы, отрывочны, случайны и явно недостаточны для изучения топографии этого города. Некоторые источники

иногда содержат сообщения о находках лапидарных надписей без упоминания о том, что эти надписи были извлечены из разобранной кладки, как это удается установить по другим данным. Наконец, все памятники городской архитектуры, обнаруженные до времени К. Е. Думберга, не охранялись надлежащим образом и погибли. В большинстве случаев, повидимому, их разбирало местное население, используя как материал для построек. В связи с вызванным этими обстоятельствами катастрофическим недостатком сведений датировка прежних находок на пантикапейском городище возможна лишь в исключительных

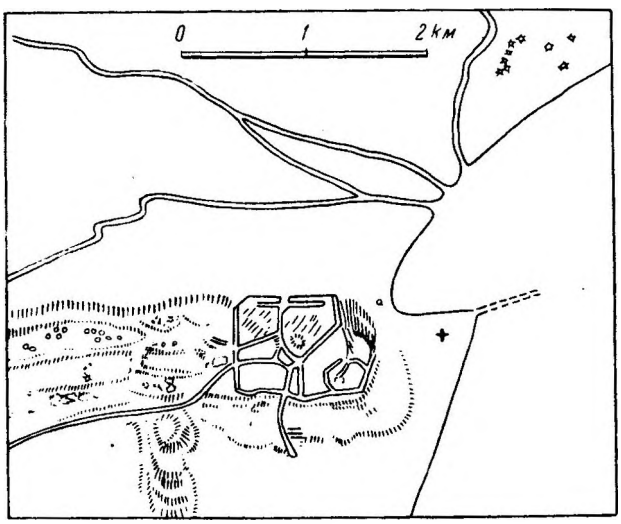

Рис. 2. План Пантикапея по Дюбуа де Монпере

случаях. Однако если данные о раскопках города хотя и недостаточно, но все же отражены в дневниках и отчетах, то еще хуже обстоит дело с безвозвратно погибшими, вероятно, многочисленными, совершенно неведомыми нам случайными городищенскими находками при земляных работах во владениях керченских жителей.

Первыми исследователями, специально работавшими над археологической топографией древнего Пантикапея, были П. Дюбрюкс и И. П. Бларамберг. В их трудах живое участие принимал И. А. Стемпковский. П. Дюбрюкс составил в 1823—1827 гг. подробное описание [1] развалин Пантикапея, которые в то время были еще хорошо заметны, и план последних, к сожалению, не дошедший до нас. План И. П. Бларамберга, снятый в 1827 г. (рис. 1), восполняет эту утрату лишь отчасти, ибо воззрения обоих ученых на археологическую топографию города были различны.

План и описание И. П. Бларамберга и П. Дюбрюкса свидетельствуют о том, что в 20-х годах XIX в. еще ясно были видны остатки стен Пантикапейского акрополя, расположенного на горе Митридата. Также были заметны и развалины стен города. Они тянулись на значительное расстояние к северу от горы и на небольшое к югу от последней. Кроме того, повидимому, по преимуществу на северном склоне Митридата располагались груды развалин городских построек. Эти свидетельства несколько дополняют описание и крайне схематичный план Пантикапея в обширном труде известного путешественника Ф. Дюбуа де Монпере, уделившего особое внимание следам древних улиц (рис. 2) [1].

Следы улиц и «так называемую Митридатову гробницу (развалины какой-то башни)» видел и наш великий поэт А. С. Пушкин, посетивший Керчь в 1820 г. Об этом он упоминает в письме к Дельвигу [2], написанном в декабре 1824 г. из села Михайловского. В другом письме, к брату Л. С. Пушкину [3], посланном поэтом 24 сентября 1820 г. из Кишинева, мы читаем следующее: «Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я — на ближайшей горе, посреди кладбища увидал я груду камней, утесов, грубо высеченных, заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни,— не знаю».

Мы не можем сказать, как долго возвышались на поверхности земли остатки Пантикапея, постепенно разрушаемые все более и более разраставшейся Керчью. Во всяком случае, еще в 1845 г. на горе Митридата были видны «остатки каменной стены, которою была окружена существовавшая на вершине горы цитадель» [4]. В том же году мы находим упоминание, что «на этом месте есть также скалы со ступеньками, местами обтесанные, Митридатовы кресла».

В последующее время археологи надолго перестают интересоваться археологической топографией Керчи. Наблюдения первых исследователей Пантикапея не только не получают дальнейшей надлежащей систематической доработки, но даже не фиксируются на плане места многочисленных раскопок (и находок) времен А. Б. Ашика, А. Е. Люценка, С. И. Веребрюсова и Ф. И. Гросса. Только с 90-х годов прошлого века наступает резкий перелом, связанный с появлением новых деятелей в области керченской археологии — А. А. Бобринского и К. Е. Думберга. Они применяют значительно более совершенные

[1] См. летопись раскопок и случайных находок в Керчи.

[1] Fr. Dubois de Montpereux, Voyage autour du Caucase. Paris, 1839—1843, т. V, стр. 118 сл.

[2] А. С. Пушкин, Собр. соч., т. XIII, М.—Л., 1937, стр. 250—251.

[3] Там же, стр. 18.

[4] Данные слова, равно как и все нижеследующие, заключенные в кавычки, представляют цитату из соответствующих отчетов и других документов керченских археологов.

приемы исследования и наносят свои раскопы на планы Керчи.

Раскопки 90-х годов дали существенные материалы по топографии древнего города. Тогда были обследованы восточный и северный склоны Первого кресла Митридата и нижняя часть юго-западной покатости Второго кресла (рис. 4).

Далее некоторым дополнением для изучения истории развития древнего города явились данные о раскопках пантикапейского некрополя. Местонахождение могил, раскопанных в конце XIX в. А. А. Бобринским и К. Е. Думбергом и в начале XX в. В. В. Шкорпилом, определяется достаточно точно. Это позволяет установить ряд урочищ, заведомо занятых некрополем Пантикапея в тот или иной период, ибо большинство могил поддается довольно точной датировке. Учитывая расположение этих урочищ, мы иногда

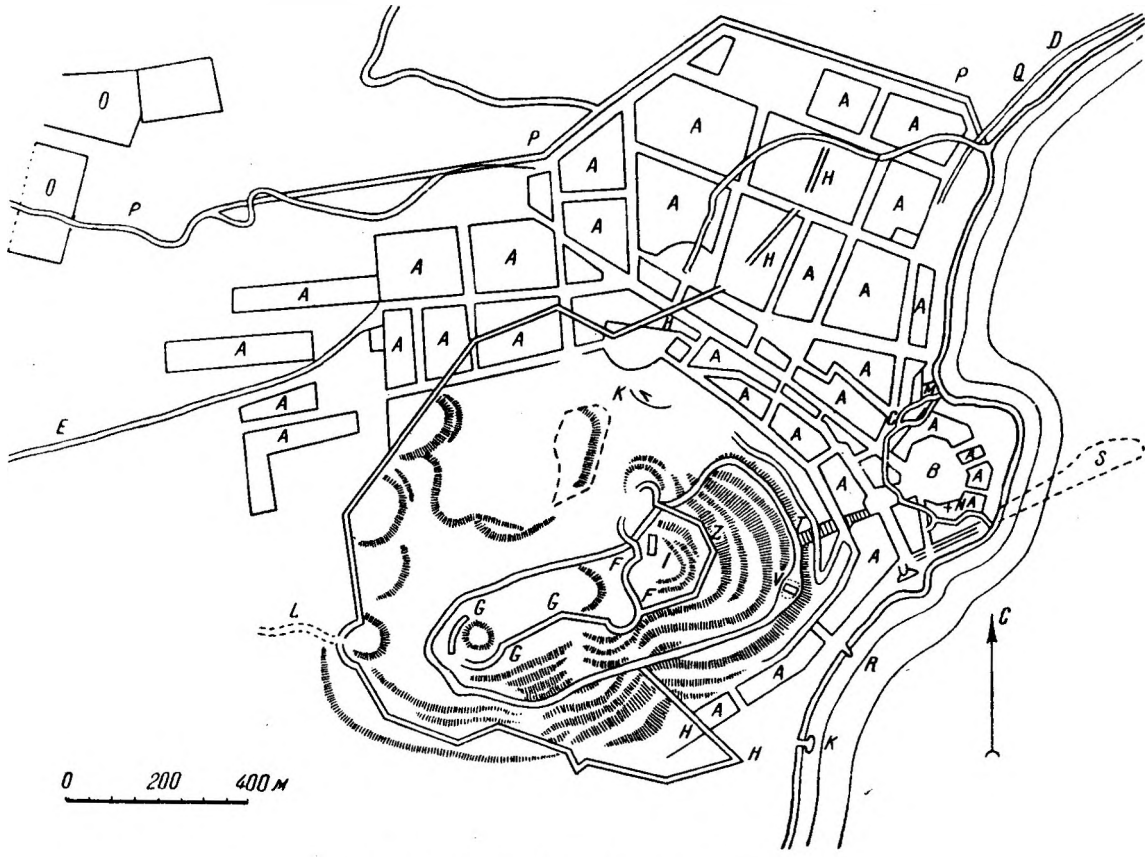

Рис. 3. План Пантикапея по Ашику

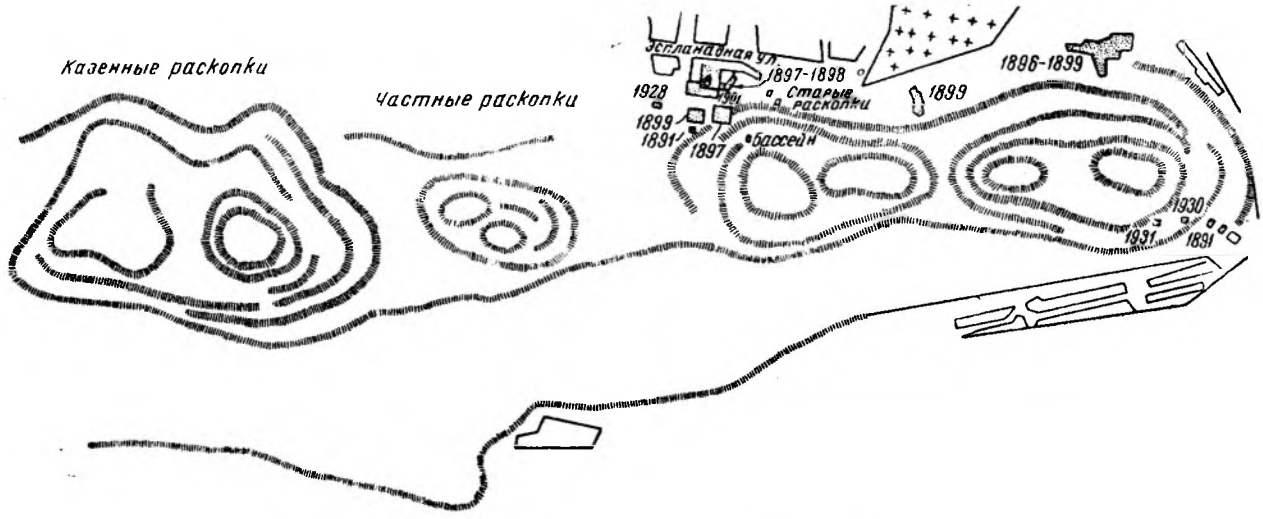

Рис. 4. План раскопок Пантикапея (Керченского музея)

можем намечать или хотя бы догадываться о границах города в различные эпохи. Иной раз древние могилы лежат, по сообщениям раскапывавших их археологов, под слоем «пепелищ» или «насыпью». К сожалению, этими терминами прежние археологи обозначали и культурные напластования города и мусорные свалки за чертой последнего. Не приходится говорить, как затрудняют такие термины изучение истории древнего города.

На основе всех этих работ топография Пантикапея представлялась в следующем виде [1]. Описанные П. Дюбрюксом крепостные стены, обрамлявшие город, сооружены в римское время и отвечают границам Пантикапея в ту эпоху [2]. Граница архаического города и некрополя представлялась неясной, видимо она проходила между Первым и Вторым креслами Митридата в районе к югу от Старого кладбища. Границей древнейшего и, вероятно, позднеримского Пантикапея мог быть овраг, тянувшийся вверх от западного угла кладбища. По одну сторону этого оврага раскопками обнаруживались городские постройки, а по другую — могилы, главным образом, с чернофигурной и краснофигурной посудой и отчасти могилы римского времени. Позднее, в эллинистическую эпоху, граница города отодвинулась на запад. Во II в. до н. э. город распространился на южный склон Второго кресла Митридата, доселе занятый некрополем, и, возможно, достиг в это время наибольших размеров. Граница города проходила тогда по Госпитальной улице и продолжению ее ко Второму креслу Митридата, как
99, 104 это показывает наличие развалин городской стены, обнаруженных В. В. Шкорпилом в 1905 и 1908 гг. На пространстве между древней и эллинистической границами города найдено было много погребений VI—III вв. до н. э. Над этими могилами в эллинистическую и римскую эпоху возникали городские постройки. Вопрос о южной и северной границах города в сущности не ставился вовсе.

В 20-х, отчасти 30-х годах текущего столетия Ю. Ю. Марти и сотрудники Керченского музея производили раскопки преимущественно на северном и восточном склонах горы Митридата и вели наблюдения за земляными работами в различных частях Керчи (рис. 5).

Таковы были работы, освещавшие археологическую топографию Пантикапея, вышедшие до Великой Отечественной войны. Мы не будем более детально останавливаться на рассмотрении прежних попыток обобщить эти материалы. Бегло отметим только, что наши предшественники обычно ограничивались замечаниями о границах города и иногда тех изменениях, которые они претерпевали в различные эпохи, совершенно не уделяя внимания характеру частей города. Эти данные весьма ограничены, но все же можно отметить на-

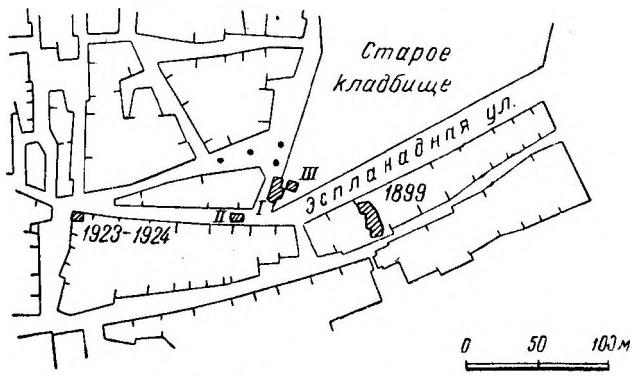

Рис. 5. План северного склона горы Митридат (по Гайдукевичу)

ходки хлебных ям на северном склоне горы Митридата, особенно в районе Старого кладбища, а также печей для обжига глиняных изделий, открытых в тех же местах, и, наконец, известного нам по плану И. П. Бларамберга местонахождения древнего мола, а следовательно, и района гавани.

Значительно пополнили наши представления об истории и археологической топографии Пантикапея раскопки, производившиеся в 1945—1948 гг. (рис. 6 и 7). Они дали представление о характере культурных напластований в различных частях древнего города и тем самым заложили основу для понимания истории различных районов последнего. Кроме того, располагая новыми надежными данными, мы можем, правильнее, чем прежде, истолковать нередко неясные, отрывочные сообщения отчетов XIX в.

Все перечисленные материалы, как нам представляется, достаточны для того, чтобы наметить в основных чертах археологическую топографию Пантикапея.

II. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ПАНТИКАПЕЙСКОГО ГОРОДИЩА

(Рис. 6, 7, 8 и 9)

Доступные нам материалы еще не позволяют набросать полную и надежную картину археологической топографии Пантикапейского городища. Это станет возможным лишь после проведения ряда необходимых раскопочных

[1] См. об этом М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 183 сл.; Ю. Ю. Марти. Проблема раскопок древнего Пантикапея. ТСА РАНИИОН, IV, 1928, стр. 306 сл.; В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 20 сл. Об этих работах см. также В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 156 сл.

[2] В настоящем очерке, подводящем итоги топографическим исследованиям дореволюционного времени, мы сохраняем как периодизацию, так и терминологию, принятые в прежней науке.

работ, которые устранят многочисленные «белые пятна» как в верхней части горы Митридата, так, особенно, на включенных в черту современного города нижних частях склонов горы. Однако доступные нам данные о старых раскопках, несмотря на постоянное отсутствие точной фиксации места работ и надлежащего описания характера находок, а равно и надежной датировки последних, все же позволяют попытаться привести их в систему и высказать некоторые предположения. Существенную помощь в этом отношении оказывают результаты раскопок последних лет, которые не только дают новые сведения, но и помогают также правильнее осмыслить отрывочные свидетельства исследователей прошлого века.

Мы попытаемся подвести некоторые итоги изучения топографии Пантикапейского городища в его историческом развитии. Но с самого начала мы должны оговориться, что наши хронологические вехи не всегда достаточно надежны. Старые отчеты заключают сведения лишь о найденных предметах, а не о точно датированных культурных слоях, но, как известно, ранние памятники нередко встречаются в позднейших напластованиях. Да и указания на эти предметы далеко не достаточны: они касаются лишь некоторых, отнюдь не всех необходимых групп находок. К тому же обозначения обычно настолько суммарны, что датировка их не всегда возможна. Не всегда возможна также точная локализация места раскопок.

Древнейшие находки, упоминаемые в старых раскопочных отчетах,— это обломки чернофигурных ваз, которые следует датировать временем примерно до середины V в. до н. э., т. е. древнейшим периодом существования Пантикапея, а равно и владычества Археанактидов над Боспором [1].

Эпохе Спартокидов отвечают амфорные клейма и, с несколько меньшей уверенностью, пантикапейские автономные монеты (VI—II вв. до н. э.). Еще в большей мере в этой оговорке нуждаются чернолаковые черепки, также относящиеся к VI—II вв. до н. э. В значительной части к временам Спартокидов относится расписная керамика, в том числе краснофигурная, в основной массе принадлежащая V и особенно IV вв. до н. э. По преимуществу к временам поздних Спартокидов принадлежит украшенная рельефами посуда, так называемые «мегарские» чаши.

Эпоха Сарматской династии представлена боспорскими царскими монетами, фибулами и краснолаковой керамикой (вторая половина I в. до н. э.— IV в. н. э.) [1].

Рассмотрим сначала те довольно скудные данные, которыми мы располагаем о Пантикапее доспартокидовского времени (рис. 8).

Судя по доступным нам данным, Пантикапей в это время занимал район Первого кресла Митридата и плато, которое тянется от него в направлении к памятнику Стемпковскому и старому зданию Музея.

При раскопках 1948 г. около самой верши- 155
ны Первого кресла Митридата, с северной стороны, в расселинах материковой скалы были найдены обломки посуды VI в. до н. э.

В 1886 г. Ф. И. Гросс, ведя раскопки на 71
вершине горы Митридата с западной стороны так называемого Первого кресла Митридата, обнаружил на разной глубине в насыпи и материке остатки стен и фундаментов. При этом было найдено много обломков статуй, колонн, карнизов и много фрагментов ваз «этрусского стиля», т. е. чернофигурных.

В 1945 г. производились раскопки на верх- 139
ней части покатости восточного склона горы Митридата, к северу от развалин памятника Стемпковскому. Обнаруженный при этом мощный культурный слой возник, вероятно, в результате земляных работ, производившихся в I в. до н. э.; в нем встречались фрагменты керамики VI—II вв. до н. э., в том числе обломки чернофигурных ваз и других сосудов, среди них встречались черепки первой половины VI в. до н. э.

Раскопки 1945 г. производились неподалеку 34
от места работ А. Е. Люценка в 1866 г. Раскапывая насыпь близ памятника Стемпковскому, Люценко нашел различные архитектурные фрагменты, клейменые ручки амфор, обломки расписных ваз, в том числе чернофигурных. Тот же исследователь, копая на вершине горы Митридата, близ памятника Стемпковскому, обнаружил в 1870 г. части по- 42
строек. В культурном слое встречались автономные и царские монеты, клейменые ручки амфор и черепки расписных сосудов, среди которых были чернофигурные.

Результаты раскопок 1945 г. на склоне 140
горы, над старым зданием Музея близки тем, которые дали работы, производившиеся в том же году к северу от развалин памятника Стемпковскому. Были открыты: подпорная стена, слой насыпи и осыпь последней, заключавшие обломки керамики VI—II вв. до н. э., в том числе чернофигурных и иных архаических ваз первой половины VI в. до н. э.

Несколько ниже по склону горы, в 40 м к западу от старого здания Музея Ю. Ю. Марти откопал в 1930 г. часть бутовой кладки

[1] Обоснование предлагаемой нами новой периодизации истории Боспора: древнейшая эпоха (включая период Археанактидов), эпоха Спартокидов (ранний и поздний периоды) и эпоха Сарматской династии (ранний и поздний периоды) взамен старой (архаическая, классическая, эллинистическая и римская эпохи) мы изложили в статье: «Античная культура в Северном Причерноморье», КСИИМК, XXXV, 1951, стр. 30 и сл.

[1] Красный лак, упомянутый исследователями XIX в., нельзя без колебаний считать красным лаком римского времени. Возможно, что так именуется эллинистический лак или даже покрасневший по условиям обжига черный лак более раннего времени.

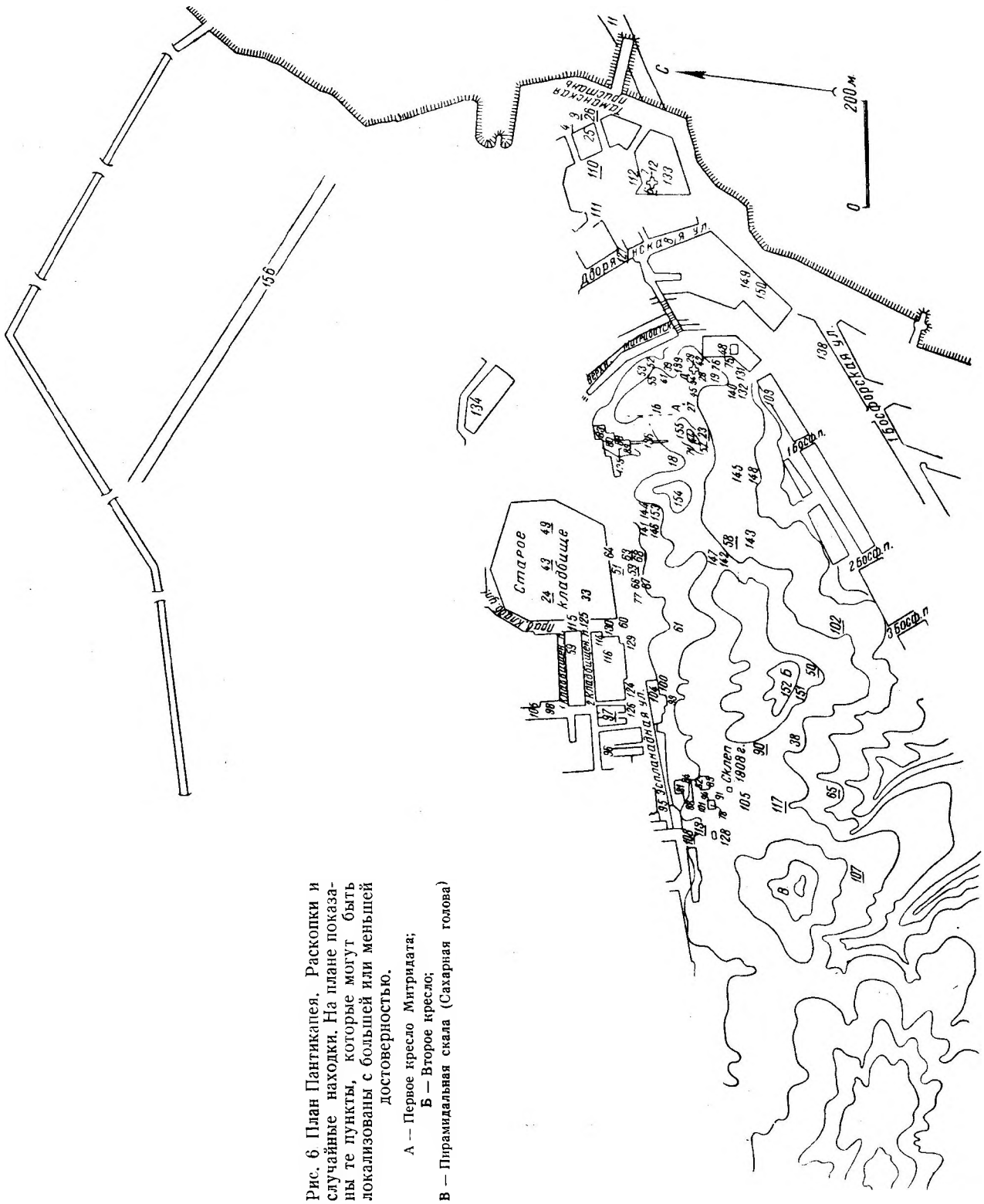

Рис. 6 План Пантикапея. Раскопки и случайные находки. На плане показаны те пункты, которые могут быть локализованы с большей или меньшей достоверностью.

А — Первое кресло Митридата;
Б — Второе кресло;
В — Пирамидальная скала (Сахарная голова)

оборонительной стены 4—5 м толщиной. Эта стена пантикапейского акрополя до сего времени, к сожалению, не получила надежной датировки. По словам исследователя, в насыпи не было четкого чередования слоев. Она заключала чернолаковые фрагменты, ручки амфор с клеймами и обломки чернофигурных черепков с пальметтами.

Таким образом, создается впечатление, что район Первого кресла Митридата и расположенное к востоку от него плато Митридатовой горы, а возможно, и верхняя часть прилежащей покатости были заняты поселением

восточной части этого раскопа аналогичный культурный слой содержал черепки посуды 153
VI—V вв. до н. э. Отсутствие не только остатков построек, но также обломков строительных материалов позволяет думать, что в доспартокидовское время рассматриваемый участок представлял пустырь, возможно, лежавший вне городской черты.

Несколько далее на запад, в районе к югу от Старого кладбища, около места случайных находок скульптур в 1882 г., а также раско- 66
пок С. И. Веребрюсова в 1883 г., К. Е. Дум- 87
берг обнаружил в 1899 г., помимо более позд-

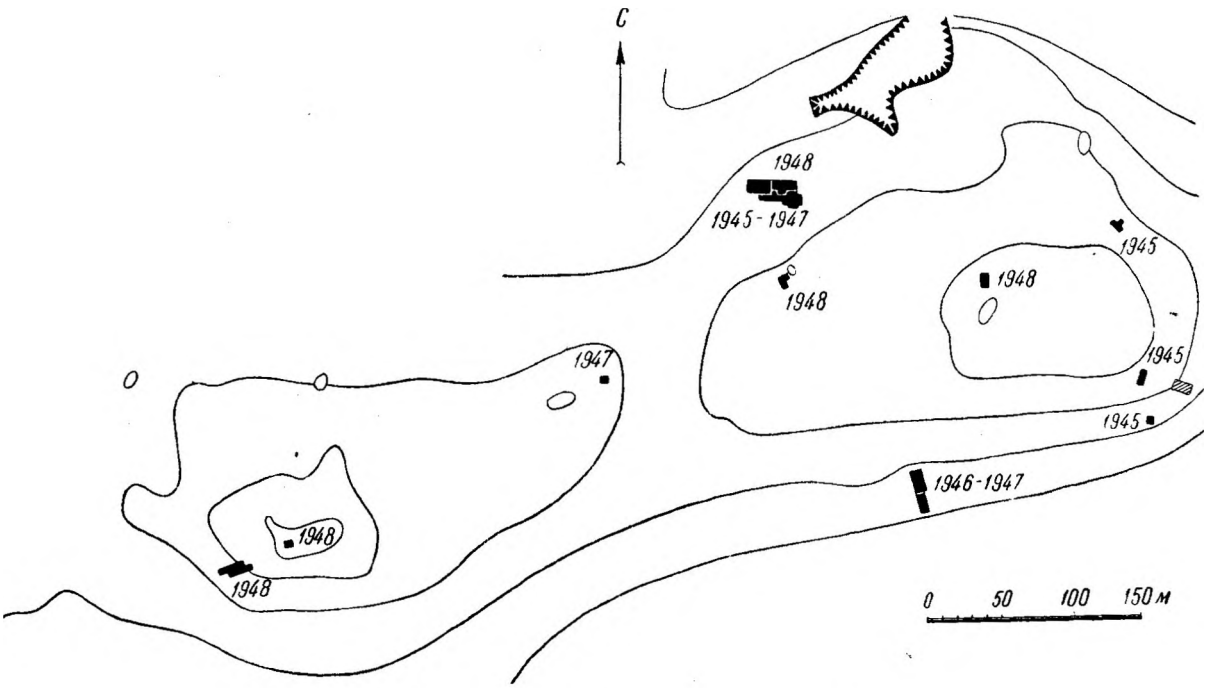

Рис. 7. План раскопок Пантикапея 1945—1948 гг.

уже в VI — первой половине V в. до н. э. Вполне допустимо, что в это время в черте города был и тот участок северного склона горы Митридата, который в конце прошлого столетия раскапывался К. Е. Думбергом, обнаружившим ряд построек греческого и рим-
83 ского периода. Наиболее ранние из них относятся, возможно, еще к IV в. до н. э. Среди многочисленных обломков керамики, найден-
88, ных К. Е. Думбергом в 1899 г., оказалось
89 немного чернофигурных фрагментов, в том числе части лекифа с изображением Геракла и двух воинов и плоской чаши.

Менее вероятно, чтобы город в древнейшую эпоху простирался значительно дальше на запад, как это показал расположенный выше
141, юго-восточного угла Старого кладбища
144, «Эспланадный» раскоп 1945 — 1948 гг. Древ-
145, нейший культурный слой, лежавший непосред-
153 ственно на материке в западной части этого раскопа, заключал обломки посуды примерно конца VI — начала III вв. до н. э. В северо

них остатков городища, жженый точок и погребение конца VI — начала V вв. до н. э.

Пантикапейский некрополь, заключавший погребения главным образом с чернофигурными и краснофигурными сосудами, находился по одну из сторон оврага, о местонахождении которого известно только то, что он спускался к кладбищу. Существовало предположение [1], что этот овраг шел вверх от запад- 87
ного угла кладбища. В таком случае, на-
ванная выше позднеархаическая могила, открытая К. Е. Думбергом в 1899 г., выдавалась на восток на несколько десятков метров от упомянутого оврага.

Раскопками, производившимися В. В. Шкор- 114,
пилом возле западной стены Старого клад- 115
бища в 1911 и 1912 гг., обнаружены могилы VI—V вв. до н. э., находившиеся под толстым слоем насыпи позднейшего (эллинистического) времени. От этих мест архаический некрополь

[1] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 184.

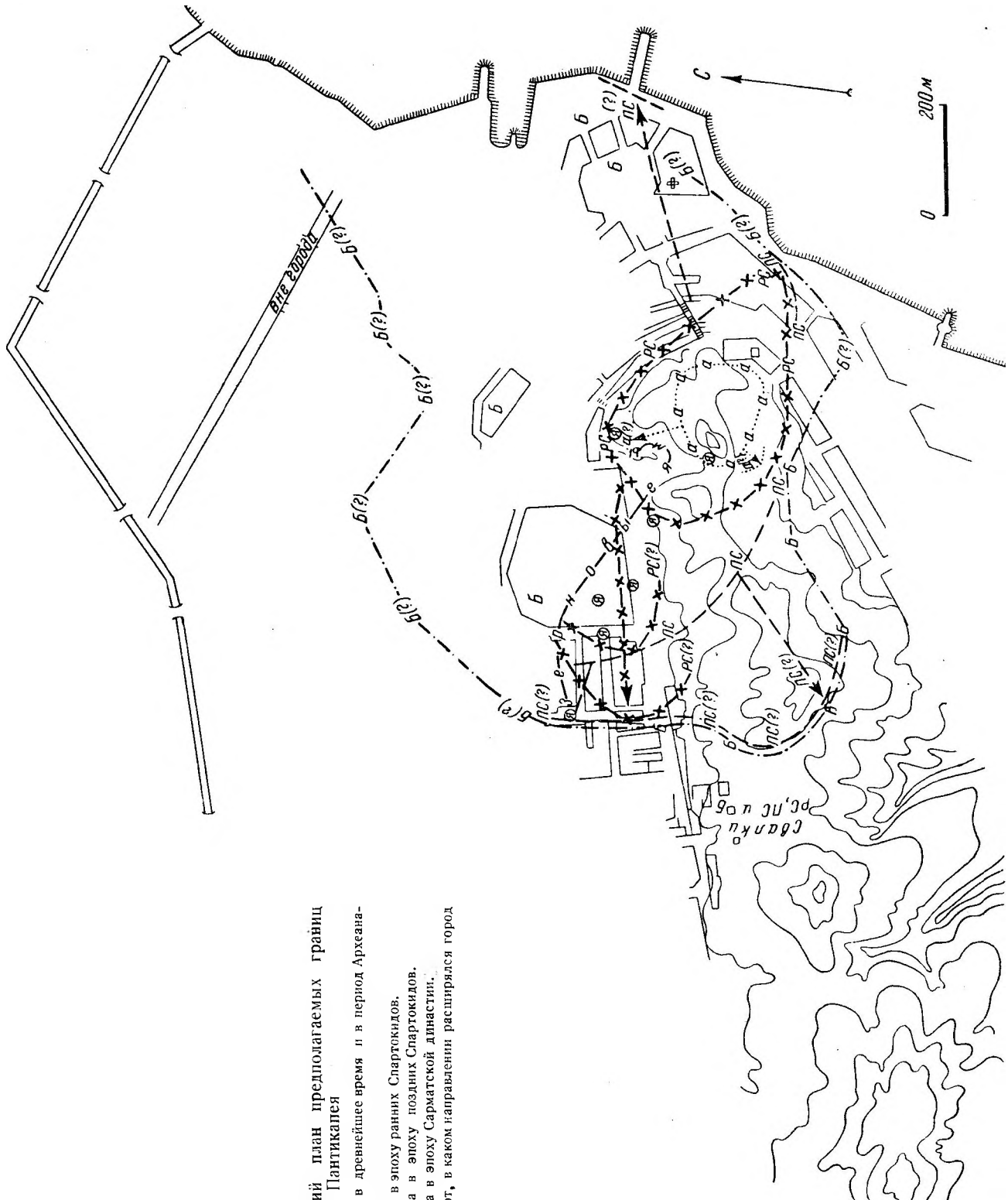

Рис. 8. Схематический план предполагаемых границ Пантикапея

. . . а — границы города в древнейшее время и в период Археанактидов.

× — × — РС — границы города в эпоху ранних Спартокидов.

— · — ПС — границы города в эпоху поздних Спартокидов.

— , — Б — границы города в эпоху Сарматской династии.

Стрелки показывают, в каком направлении расширялся город

простирался дальше на запад, захватывая южную часть Госпитальной улицы, часть Эспланадной улицы и доходя до знаменитых «пепелищ» на склоне горы над Шлагбаумской
94 и 1-й Подгорной улицами. Там в 1900 г. К. Е. Думберг, ведя работы близ так называемого «Графского» раскопа, обнаружил под насыпью «пепелища» могилы конца VI или начала V в. до н. э. Склон Митридата над Шлагбаумской улицей был местом не только архаического некрополя, но, возможно, также и городской свалкой того же времени. Во всяком случае, в насыпи, наряду с предметами классического, эллинистического и римского периодов, были обнаружены обломки чернофигурных ваз, по стилю близких Никосфену.

По имеющимся в нашем распоряжении, правда, довольно скудным данным, южный склон Митридата в доспартокидовское время был освоен еще в меньшей мере, чем северный. Исследование «Босфорского» раскопа
145, 148 1946—1947 гг., разбитого на южном склоне горы, к юго-западу от Первого кресла Митридата, не разрешило еще вопроса о том, простирался ли до этого места город в древнейшую эпоху. Обнаруженные там городские напластования — относятся ко времени не ранее IV в. до н. э., однако обилие в этих слоях обломков керамики VI в. до н. э. допускает предположение, что более ранние напластования были перекопаны в последующее время. Вот все, что мы можем сказать о нагорной части древнейшего Пантикапея и его возможных границах на северо-западе, западе и юго-западе.

Совершенно неясными остаются очертания восточной и юго-восточной частей города. Во всяком случае, трудно допустить, чтобы заселенным был один только акрополь, а прибрежная территория и прилежащие склоны оставались незастроенными. Скорее можно предполагать, что уже в древнейший период город достигал моря, простираясь до него от горы в восточном или юго-восточном направлении [1].

Сведения, которыми мы располагаем о Пантикапее эпохи Спартокидов, значительно обильнее и надежнее, чем о предшествующем времени. Мы попытаемся рассмотреть остатки древнего города этой эпохи, разделив их на два периода: ранних Спартокидов (конец V — начало III вв. до н. э.) и поздних Спартокидов (III—II вв. до н. э.).

О большом значении города в период ранних Спартокидов свидетельствует увеличившееся могущество Боспора, а о возросшем богатстве Пантикапея — его курганный некрополь на Юз-Обе. Все это заставляет полагать, что столица первых Спартокидов должна была не только не уступать по размерам городу Археанактидов, но, скорее, превосходить его. Такому предположению вполне соответствуют доступные нам материалы: почти на всех участках, где были обнаружены городские находки VI и первой половины V вв. до н. э., встречались также памятники классического времени. Кроме того, имеются некоторые данные об увеличении площади города в период ранних Спартокидов.

Следы, возможно, по большей части поврежденных, культурных напластований раннеспартокидовского времени были обнаружены вдоль восточной части Митридатовой горы, около памятника Стемпковскому и старого здания Музея, т. е. в тех же местах, где встречались фрагменты архаических ваз.

Так, на уже упоминавшемся нами раскопе 139
1945 г., к северу от развалин памятника Стемпковскому, в мощном слое насыпи I в. до н. э., заключавшей находки VI—II вв. до н. э., встречались в значительном количестве обломки классической керамики.

Видимо, близкую картину дали раскопки А. Е. Люценка, которые он производил в 60-х и 70-х годах прошлого столетия на северной покатости горы Митридата, выше большой каменной лестницы, ведущей к церкви Александра Невского. Так, в 1867 г. там 30
были обнаружены подпорные стены и культурные напластования, заключавшие автономные и царские монеты, а также черепки украшенной рельефами и расписной посуды. Наряду с более поздними находками обломки расписной посуды встречались также при раскопках 1868 и 1869 гг. Несколько точнее 40, 41, 52, 53
сведения о работах 1875 и 1876 гг., когда на древних пепелищах, среди прочих находок (амфорных клейм, чернолаковых обломков и др.) были обнаружены осколки краснофигурной керамики.

В том же районе, но несколько выше, А. Е. Люценко производил раскопки в 60-х годах XIX в. В 1864 г. к ю.-з. от памятника 28
Стемпковскому, у его подошвы были открыты остатки стен хищнической кладки. Наличие в одной из стен части плиты с надписью времени Левкона заставляет думать, что во всяком случае эта стена была построена не раньше, чем в последние века до н. э. Среди находок в культурном слое упоминаются клейменые ручки амфор и обломки расписных ваз. Также с юго-западной стороны памятника Стемпковскому производились раскопки в 40

[1] Где находилась гавань Пантикапея в древнейшую эпоху его существования, до сего времени неизвестно. Мол, сооруженный, вероятно, в эпоху расцвета города, как известно, был расположен к востоку от Митридатовой горы. Однако это еще не решает вопроса о том, что там же находилась и древнейшая гавань. В юго-восточном направлении от Первого кресла берег моря ближе, чем в восточном. Но особенно существенно следующее обстоятельство: обширное пространство к югу от Митридатовой горы представляет очень низкую равнину, лишь немного возвышающуюся над уровнем моря. Подобно аналогичной низине около поселка Аршинцева (бывшего Камыш-Бурун) она могла быть в древности морским заливом и служить очень удобной гаванью для греческих кораблей.

1868 г., при которых были обнаружены фрагменты расписной посуды. Наконец к западу от памятника Стемпковскому при разысканиях 1866 г., наряду с клейменными ручками амфор, были найдены обломки расписных сосудов.

140 Над старым зданием Музея при раскопках 1945 г. в слое насыпи, заключавшей предметы VI—II вв. до н. э., обнаружено значительное количество находок классического времени.

131 Несколько ниже, в 40 м к западу от старого здания Музея, в 1930 г. Ю. Ю. Марти, как мы уже отмечали раньше, откопал часть кладки оборонительной стены пантикапейского акрополя. По словам исследователя, в насыпи не было четкого чередования слоев; в ней попадались чернолаковые обломки, а также обломки амфор классического и эллинистического времени.

Между участком Ю. Ю. Марти 1930 г. и
75 старым зданием Музея А. А. Бобринский заложил в 1891 г. раскоп, доведя исследование до материковой скалы. Раскопанная насыпь состояла из различных городских отбросов, наслоения перемежались в ней с оползнями. Находки были главным образом греческого времени, а римские почти отсутствовали. Среди этих предметов, нужно думать, к классическому времени относятся обломки расписных ваз. Второй раскоп А. А. Бобринского
76 того же 1891 г. был разбит несколько выше первого, под памятником Стемпковскому. Там были обнаружены каменные плиты, возможно, принадлежавшие подпорной стене. В насыпи были найдены такие же предметы, как и на первом раскопе, но в меньшем количестве.

55 В той же местности, на крутых обрывах Митридатовой горы, на повороте верхней террасы от северо-востока к югу А. Е. Люценко в 1877 г. раскапывал древнее пепелище. Там, вместе с другими памятниками эллинистического и римского времени, были найдены чернолаковые свегильники и черепки расписных сосудов.

В черту города ранних Спартокидов входил
83 район раскопок К. Е. Думберга на северном склоне горы Митридата, на восток от Эспланадной улицы. Там, среди обнаруженных в 1898 г. сооружений римского и греческого времени, наиболее ранние, возможно, следует
88— датировать IV в. до н. э.[1] В числе найден-
89 ных в 1899 г. предметов упоминаются чернолаковые обломки и автономные пантикапейские монеты.

При дальнейшем движении в западном направлении по северному склону горы мы вступаем в район «Эспланадного» раскопа
14, 134, 146, 153 1945—1948 гг. Исследованный в этом месте участок, как мы уже отмечали, в древнейшую эпоху и во времена Археанактидов представлял незастроенный пустырь, возможно находившийся вне городской черты. В IV в. до н. э. на этом участке появляются монументальные сооружения, свидетельствующие о том, что город доходил до этих пределов.

Раскопки, производившиеся в 1948 г. в не- 51
скольких десятках метров выше по склону горы, на самой окраине акрополя Пантикапея, установили наличие там культурных напластований с IV в. до н. э.

В районе к западу от Старого кладбища в эпоху ранних Спартокидов не произошло существенных изменений по сравнению с тем, что было во времена Археанактидов. Восточная граница некрополя времен Спартокидов, вероятно, немного отодвинулась на запад по сравнению с архаическим некрополем, простиравшимся до западной ограды Старого кладбища. Значит, Пантикапей ранних Спартокидов не мог простираться дальше этих пределов. Однако у нас нет оснований и для уверенности в том, что он их достигал. В насыпи древнего пепелища, лежавшей над могилами VI—IV вв. до н. э., которую раскапывали археологи XIX и начала XX вв., можно видеть не только культурный слой древнего города, но также мусорные свалки, лежащие вне городской черты.

В 1878 г. Н. П. Кондаков производил рас- 61
копки на склоне горы, вероятно, над юго-западным углом Старого кладбища. Так, видимо, нужно понимать слова отчета, в котором говорится, что работы велись на северной покатости горы Митридата «от восточного склона две балки у угла кладбища». Земля в обеих балках была насыпная и заключала чернолаковые черепки и ручки амфор с клеймами. В западной балке была обнаружена разоренная каменная гробница с «аттическими лекифами».

В 1911 и 1912 гг. В. В. Шкорпил раскапы- 114,
вал некрополь возле западной стены Старого 115
кладбища. Под слоем позднейшей насыпи, от 3 до 4 м с лишним толщиной, были обнаружены могилы VI—V вв. до н. э. Возможно, близкие результаты дали работы Ф. И. Гросса 59
и С. И. Веребрюсова в 1878 г. на горе Митридата, к западу от Городского кладбища. Было обнаружено «древнее пепелище», заключавшее клейменые ручки амфор и могилы, в которых найдены глиняные сосуды, в том числе лекифы, чернолаковая солонка, «алебастрида» и пр. Аналогичная картина наблюдалась и при дальнейшем продвижении к западу, как это показали раскопки В. В. Шкорпила в начале текущего столетия. В 1905 г. во дворе дома 100
№ 7 по Эспланадной улице и позади восточной части названной улицы были найдены могилы классического времени, видимо, лежавшие под насыпью. В 1903 г. во дворах домов 15, 17и 19 по Эспланадной улице, под глубокой насыпью, найдены могилы V—IV вв. до н. э. 96

[1] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, СПб., 1914, стр. 114—115.

97 Наконец, в 1904 г. на холме в конце продолжения Госпитальной улицы были обнаружены гробницы с чернолаковой керамикой. Эти гробницы были выкопаны в материке, над которым лежал толстый слой насыпи.

В отличие от архаического некрополя Пантикапея, занимавшего сравнительно ограниченное пространство, некрополь классического времени тянулся далеко на запад, доходя почти до Золотого кургана [1].

На северном склоне Митридатовой горы, на участке над Шлагбаумской и 1-й Подгорной улицами, как показали раскопки 90-х и 900-х годов, классический некрополь перемежался со свалками мусора того же времени. Возможно, что городские свалки, возникшие на этом урочище еще в эпоху архаики, продолжали нарастать в период ранних Спартокидов с тем, чтобы при поздних Спартокидах достичь небывало больших размеров. Впрочем, допустимо и другое предположение — что городской мусор сюда начали вывозить лишь в более позднее время: в IV или даже в III—II вв. до н. э. В таком случае более ранние черепки архаической и классической посуды могли попасть сюда при удалении из города выкидов ям, копавшихся в культурном слое.

Отсутствие необходимого наблюдения за стратиграфией «пепелищ» лишает нас возможности сделать с уверенностью необходимые выводы [2].

На рассматриваемом урочище были обна-
78 ружены А. А. Бобринским в 1891 г. земля-
ные курганы под «пепелищем»; К. Е. Дум-
82 бергом: в 1897 г. могилы приблизительно
84, V в. до н. э., в 1898 г.— гробницы того же
85 времени и в 1899 г.— могила с чернолаковым
91 сосудом, а также В. В. Шкорпилом: в 1906 г.
невысокие курганы V—IV вв. до н. э. и в
101, 1908 г.— знаменитый расписной склеп IV в.
105 до н. э. В 1911 г. В. В. Шкорпил обнаружил
113 за южным концом 1-й Подгорной улицы под толстым слоем насыпи могилы IV—III вв. до н. э.

Как мы уже говорили, над этими могилами лежала насыпь, заключавшая вместе со значительным числом более поздних предметов и памятники классического времени. Так,
78 при раскопках А. А. Бобринского в 1891 г. в пепелище обнаружены черепки расписных ваз. К. Е. Думберг в городском мусоре нахо-
105 дил в 1898 г. обломки расписной и чернолаковой посуды В. В. Шкорпил в раскопанном им в 1908 г. нижнем слое насыпи находил фрагменты чернолаковой посуды, амфорные ручки с клеймами и автономные монеты, т. е. предметы, возможно относящиеся к временам не только поздних, но также и ранних Спартокидов.

Несколько отличались по результатам от других изысканий работы К. Е. Думберга в 1899 г. Поднятая насыпь, мощностью до 86
4 саж., заключала вместе с многочисленными более поздними находками черепки краснофигурных ваз роскошного и беглого стиля, чернолаковые светильники, а также обломки чернофигурных ваз. Под насыпью обнаружены скудные остатки стен, стоявших на материке. Эти стены К. Е. Думберг отнес к V в. до н. э. Не располагая необходимыми данными, такую датировку вряд ли можно признать бесспорной, но вне зависимости от этого названные стены явно находились вне города и представляли какое-то загородное строение.

Закончив на этом обзор археологической топографии северного склона Митридата в эпоху ранних Спартокидов, перейдем теперь к рассмотрению южного склона.

Результаты работ на «Босфорском» раскопе 145, 148
1946—1947 гг., расположенном на склоне горы к ю.-з. от Первого кресла, как мы говорили, не дали окончательного ответа на вопрос, входил ли этот участок в черту архаического Пантикапея. Иное дело эпоха ранних Спартокидов, когда на названном участке строились солидные сооружения, свидетельствующие о террасной планировке и применении мощных подпорных стен.

Однако вряд ли можно утверждать, что Пантикапей в IV в. до н. э. значительно разросся по южному склону горы в западном направлении [1].

Во всяком случае, как показали расследования В. В. Шкорпила южного склона горы в 1907 г., под Вторым креслом Митридата 102
хоронили с V по III вв. до н. э.

Можно думать, что Пантикапей IV в. до н. э. занимал юго-западный склон Первого кресла Митридата. В пользу этого предположения свидетельствуют не только результаты работ на «Босфорском» раскопе, но, возможно, еще и работ А. Е. Люценка в 1867 г. 35
на юго-западной покатости горы Митридата. Там были обнаружены остатки фундаментов в культурных напластованиях, заключавших среди прочих находок клейменые ручки амфор и обломки расписных ваз.

Нижний город в эпоху ранних Спартокидов известен нам лишь немногим более, чем в предшествовавший период. Раскопки, про-
149 изводившиеся в 1947 г. у восточной подошвы Митридатовой горы, недалеко от Приморского бульвара, во дворе одного из домов на улице Розы Люксембург, обнаружили четыре культурных слоя, древнейший из которых

[1] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 187.
[2] Пожалуй, единственным исключением являются раскопки В. В. Шкорпила в 1908 г. (в нашей летописи № 105). Но и здесь исследователь не идет дальше деления насыпи на два пласта: греческий и римский.

[1] Косвенным доказательством этого положения могут служить результаты раскопок в 1947 г. под ска- 147
листым выступом между Первым и Вторым креслами. Обнаруженное там древнейшее городское напластование относится к III—II вв. до н. э.

датируется IV—III вв. до н. э. Это позволяет полагать, что пространство между восточным склоном горы и морем в IV в. до н. э. было занято городом.

32 К сожалению, остается неясным место раскопок А. Е. Люценка в 1865 г. на Босфорской улице [1] во дворе Калькани, примыкавшем к насыпи подошвы горы Митридата на правой стороне улицы. Там был обнаружен в нагорной части двора каменный помост; найдена статуя Диониса с пантерой (IV в. до н. э.). Эта находка позволяет думать, что в черту города в IV в. до н. э. входил район, примыкавший к южной подошве Первого кресла Митридата.

Таковы доступные нам данные о Пантикапее во времена ранних Спартокидов. Они не позволяют еще точно установить границы города в эту эпоху. Однако мы можем с полной уверенностью говорить о том, что район, занятый надежно засвидетельствованными остатками города IV в. до н. э., не только полностью включает участок, где были обнаружены городские находки времени Археанактидов, но и значительно превосходит последний. Город занимал Первое кресло Митридата со всеми склонами последнего, а равно и низину у восточной и юго-восточной подошвы горы. Можно с несомненностью утверждать, что в IV в. до н. э. граница города продвинулась в западном направлении.

Несомненно, город простирался по южному склону Первого кресла до участка над Босфорским переулком, а по северному склону до района около юго-восточного угла Старого кладбища. Можно предполагать, но отнюдь не утверждать, что по северному склону город тянулся и много дальше на запад, заходя за западную ограду Старого кладбища и, может быть, даже простираясь до продолжения Госпитальной улицы.

Пантикапей IV в. до н. э., видимо, был значительным городом. Наличие подпорных стен и террас свидетельствует о высоком уровне градостроительства; дошедшие до нас незначительные остатки домов — о существовании в Пантикапее монументальных зданий, а находки скульптур — о богатстве художественного убранства [2].

В отличие от довольно скудных остатков более раннего времени находки на пантикапейском городище эпохи поздних Спартокидов, а также их ближайших преемников — Митридата и Фарнака, довольно многочисленны. Правда, датировка многих из них не вполне точна и даже недостаточно надежна: основой ее, по большей части, являются находки амфорных ручек с клеймами. Помимо многочисленных раскопочных данных для конца рассматриваемой эпохи мы располагаем еще крайне важными свидетельствами письменных источников, в особенности Страбона.

Дадим сначала обзор различных участков на вершине и склонах Митридатовой горы, примерно в той же последовательности, как мы делали это выше.

На восточном склоне Митридата, в районе старого здания Музея и памятника Стемпковскому, находки времени поздних Спартокидов довольно обильны. Вместе с тем, мы можем с полной уверенностью говорить о наличии подпорной стены I в. до н. э. и связанной с нею насыпи, заключавшей предметы VI—II вв. до н. э. на раскопе 1945 г. 140
над старым зданием Музея. Сооружение этой стены, вероятно в I в. до н. э., возможно, было связано с восстановительными работами после разрушений, которые испытал Пантикапей в конце II в. до н. э., когда город дважды становился добычей неприятелей: повстанцев Савмака и войск Диофанта. Производившиеся при этом земляные работы, вероятно, затронули древние культурные напластования, в силу чего образовалась насыпь, заключавшая обломки керамики VI—II вв. до н. э.

Можно думать, близкую картину дали два раскопа А. А. Бобринского в 1891 г., расположенные несколько ниже по склону, позади здания Музея. В верхнем из этих раскопов 76
были обнаружены, по всей видимости, развалы подпорных стен, время сооружения которых нельзя определить с уверенностью. Среди находок в насыпи нижнего раскопа, где на- 75
слоения были перемешаны с оползнями, А. А. Бобринский упоминает клейменые ручки амфор и клейма черепиц.

В том же районе, на крутых обрывах Митридатовой горы «на повороте верхней террасы от северо-востока к югу», возле церкви Александра Невского А. Е. Люценко в 1877 г. при 55
раскопках «древнего пепелища» откопал остатки богатых сооружений: фрагменты мраморных карнизов и других архитектурных деталей, а также обломки мозаик из мрамора, порфира и других материалов. Среди находок, упоминаемых исследователем, встречаются предметы от классического до римского времени, в том числе клейменые ручки и горла амфор.

Возможно, к эллинистическому времени относится постройка, обнаруженная А. Е. Люценко в 1871 г., при разысканиях на крутой 48
покатости горы Митридата с юго-восточной стороны, близ церкви Александра Невского.

---

[1] Вероятно, имеется в виду 1-я Босфорская улица (в Керчи были 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я Босфорские улицы). 1-я Босфорская ближе других к южному склону горы Митридата, но если даже предположить, что работы велись определенно на 1-й Босфорской, остается недостаточно ясным место находок ввиду того, что неизвестно местонахождение двора Калькани, а длина 1-й Босфорской улицы более одного километра.

[2] Помимо упомянутой выше статуи Диониса особого внимания заслуживает большое мраморное изваяние одного из Спартокидов IV в. до н. э. (Б. В. Фармаковский. Боспорські Спартокіди в атеньскому різьбярстве, Збірн. на пошану акад. Багалія, Київ, 1925).

Работы были доведены до материка, который, как выяснилось, был срезан четырьмя уступами. На двух нижних уступах обнаружена часть постройки, снабженной водопроводным желобом. На первом (снизу) уступе обнаружен ряд сложенных насухо столбов, на втором — остатки стен. Возможно, что эти развалины принадлежали постройке, сходной по типу с террасными домами Помпей.

131, 132 Наконец, в том же районе, в начале 30-х годов текущего столетия, были обнаружены развалины оборонительной стены древнего акрополя, время сооружения которой пока остается невыясненным, тем более, что работы не были доведены до материка. Мы можем сказать об укреплениях акрополя лишь то, что они несомненно должны были существовать в I в. до н. э., ибо у Страбона [1] имеется прямое указание на то, что Пантикапей имел акрополь ἔχει δὲ καὶ ἀκρόπολιν.

131 В 1930 г. Ю. Ю. Марти копал в 40 м к западу от старого здания Музея. Вскрыв насыпь, заключавшую предметы от архаической до эллинистической эпох (в том числе эллинистические амфоры), он обнаружил бутовую кладку оборонительной стены толщиной 4—5 м.

132 В следующем, 1931 г. Ю. Ю. Марти копал в 124 м к западу от старого здания Музея, с целью найти продолжение оборонительной стены. Были откопаны остатки разрушенной бутовой кладки этой стены 4—5 м толщиной. В раскопанной насыпи исследователь усмотрел два слоя: верхний — «смешанный», нижний — эллинистический.

Довольно интенсивные работы велись в смежном районе — на вершине горы Митридата, около памятника Стемпковскому. Их производил в 60-х и 70-х годах прошлого века

27 А. Е. Люценко. В 1864 г. на вершине горы с юга в 30 саж. от памятника Стемпковскому в культурном слое были найдены ручки амфор с клеймами. Время открытого при этом водопровода и колодезя не поддается определению.

28 В том же 1864 г. у подошвы памятника Стемпковскому с ю.-з. открыто несколько стен хищнической кладки. В одной из стен обнаружена плита с посвятительной надписью Деметре,. исполненной при Левконе; это заставляет датировать стену не ранее чем III в. до н. э., а скорее всего — временем после разрушения Пантикапея в конце II в. до н. э. В слое встречались обломки расписных ваз и

34 ручки амфор с клеймами. В 1866 г. при раскопках насыпи, примыкающей к горе Митридата с западной стороны, близ памятника Стемпковскому, в культурном слое, среди прочих находок, были обнаружены ручки амфор с клеймами. Открытые на материке камни, может быть, некогда принадлежали стенам

42 зданий. В 1870 г. работы велись на вершине горы близ часовни Стемпковского. Обнаружены остатки какой-то постройки. В насыпи попадались находки различных времен от архаического до римского периодов, среди них черепки посуды, украшенной рельефами, а также ручки амфор с клеймами.

Менее ясно, чем названных выше раскопов, местонахождение раскопа Ф. И. Гросса 1885 г., 69 заложенного на вершине горы Митридата. Найдены были при этом: пифос, амфорные ручки с клеймами и медные монеты.

В районе к северу от развалин памятника 130 Стемпковскому в 1945 г. была открыта подпорная стена I в. до н. э., возможно сооруженная при восстановительных работах после разрушений в конце II в. до н. э. Связанный с нею культурный слой заключал предметы VI—II вв. до н. э., в том числе много находок III—II вв. до н. э. Близкие результаты дали раскопки А. Е. Люценка в 1867 г. на северной 39 покатости горы Митридата, выше каменной лестницы, ведущей к церкви Александра Невского. При них были обнаружены большие завалы, огражденные стенами из камня-дикаря. Мощность раскрытого слоя достигала 4—5 саж. Среди находок упоминается расписная и рельефная посуда, автономные и царские монеты. При последующих работах А. Е. Люценка, про- 40, 41, 52, 53 изводившихся там же в 1868, 1869, 1875 и 1876 гг., в насыпи, наряду с другими находками, встречались клейменые ручки и горла остродонных амфор.

На этом мы закончим обзор развалин, обнаруженных на восточном склоне Митридатовой горы и относящихся к эпохе поздних Спартокидов (III—II вв. до н. э.), и их ближайших преемников (до 47 г. до н. э.). Прежде чем перейти к находкам того же времени на северном склоне, отметим, что на восточном склоне мы неоднократно наблюдали наличие подпорных стен, поддерживавших террасы акропольского холма (№ 140, 76, 139 и 39). Как мы увидим из дальнейшего (см. ниже № 37), такие террасы существовали и на южном склоне и, можно думать, опоясывали гору. Вероятно, одну из таких террас имел в виду Аппиан [1] в описании событий, непосредственно предшествовавших смерти Митридата Евпатора.

Перейдем теперь к северному склону горы, также богатому памятниками рассматриваемого времени. Здесь прежде всего бегло от- 151 5 метим раскопки 1948 г. в верхней части северного склона под самым Первым креслом Митридата; на материковой скале, в расселинах которой найдены черепки VI в. до н. э., был обнаружен только один культурный слой III—IV вв. н. э.; это заставляет считать, что все отложения с V в. до н. э. до II в. н. э. отсюда удалялись, вероятно, на мощные мусорные свалки за чертой древнего города.

[1] Strabo, VII, 4, 4.

[1] App. Mith., XV, 111.

Обратимся теперь к широко известным раскопкам К. Е. Думберга на участке к восто-
80 ку от Эспланадной улицы, начатым в 1896 г.
83 Названному археологу в 1898 и 1899 гг. уда-
88 лось раскопать значительные части монументальных построек III—II вв. до н. э. и найти первоклассные образцы украшавшей их цветной и расписной штукатурки. Здесь, видимо, в рассматриваемый период была одна из богатых частей города.

Где-то на северном склоне горы, возможно, к югу от места раскопок К. Е. Думберга, в
18 1847 г. производил разыскания К. Р. Бегичев. Из его отчета мы узнаем, что работы велись «на покатости горы Митридата с северной стороны возле самой террасы, где находится группа скал, имеющая со стороны террасы вид огромной ниши» [1]. В боковых сторонах ниши были замечены четыре пары углублений для навеса; посредине площади обнаружен каменный столб, на противоположной входу стороне — мраморная ниша и в ней трехсторонняя колонка с тремя женскими головами — вероятно, изваяние Гекаты. Датировать это любопытное сооружение, видимо представлявшее собой святилище Гекаты, довольно затруднительно. Упоминаемые исследователем находки под нишей фрагментов керамики, в том числе ручки с клеймом, для этого недостаточны. Во всяком случае, это сооружение вряд ли могло возникнуть ранее эпохи Спартокидов.

При дальнейшем продвижении на запад мы
141 достигаем района Эспланадного раскопа 1945—
114 1946 гг. Там были обнаружены развалины мо-
146, нументальных построек III—II вв. до н. э.,
153 возможно, жилых домов, украшенных цветной штукатуркой, а над ними остатки цемянкового пола, принадлежавшего винодельне I в. до н. э.

В нескольких десятках метров выше по склону горы, на Верхнем Эспланадном раскопе
154 1948 г. были вскрыты культурные напластования рассматриваемой эпохи. Кроме того, там раскопана выровненная подтеской скала, служившая основанием оборонительным сооружениям акрополя. В скале был грот, заложенный в I в. до н. э. каменной кладкой из разнотипных блоков.

К югу от Старого кладбища [2] на склоне
63 горы в 1885 г. производил раскопки Ф. И. Гросс. Им были обнаружены остатки стен; среди встреченных в насыпи предметов могут быть датированы только ручки амфор с клеймами. В том же районе, на месте случай-
66 ной находки скульптур С. И. Веребрюсов заложил в 1883 г. раскоп; обнаруженные им остатки построек были расположены в различных направлениях одни под другими. К сожалению, эти развалины сооружений, принадлежавших к различным культурным напластованиям, не могут быть датированы даже приблизительно. Все, чем мы располагаем, это
85 косвенное указание К. Е. Думберга, произво-дившего в 1899 г. работы около того же места. Думберг обнаружил остатки построек, в том числе фундамент большого сооружения. Среди находок в насыпи упомянуты ручки амфор с клеймами и обломки чернолаковой посуды.

На лежащей несколько ниже территории Старого кладбища неоднократно при рытье могил попадались произведения античной скульптуры, может быть спартокидовского, а вернее последующего времени. Подробнее о них мы скажем ниже.

Значительно выше по северному склону Митридатовой горы к с.-в. от скалистого выступа
147 между Первым и Вторым креслами в 1947 г. были обнаружены развалины монументального, вероятно общественного, здания III—II вв. до н. э.

Как уже говорилось, за западной оградой Старого кладбища лежал некрополь классического времени. Раскопки в этих местах, производившиеся в XIX и XX вв., обнаружили над могилами классической эпохи мощный культурный слой. К сожалению, все исследователи, копавшие этот слой, уделили ему крайне мало внимания.

Так, Ю. Ю. Марти, раскапывавший в 1929 г.
130 у юго-западного угла кладбища обжигательную печь позднеримского времени, вскрыл древнюю насыпь, в верхней части перекопанную новыми погребениями. О нижней части насыпи известно только, что она заключала чернолаковую посуду со штампованными украшениями и обломки остродонных амфор раннеэллинистического времени.

Н. П. Кондаков, копавший в 1878 г., ве-
61 роятно, в балках над юго-западным углом Старого кладбища, отметил только, что земля в обеих балках была насыпная, а в ней найдены черепки чернолаковых сосудов.

А. А. Бобринский, работавший в 1891 г. близ
77 верхнего южного угла Старого кладбища, открыл древнюю цистерну, сложенную из тесаных плит. При очистке ее были найдены обломки амфор, в том числе ручки с клеймами.

В. В. Шкорпил, производивший в 1911 г.
114 раскопки возле западной стены Старого кладбища, на Правой Кладбищенской улице и в 3-м Кладбищенском переулке, обнаружил над

[1] На одном из старых планов горы Митридата, относящемся, повидимому, ко времени К. Е. Люценка и хранившемся в архиве Керченского музея, на северном склоне недалеко от Первого кресла литерой *а* обозначена «ниша», может быть наша ниша идентична с раскопанной К. Р. Бегичевым в 1847 г. (на плане это место мы обозначили № 18).

[2] К сожалению, совершенно отсутствуют какие-либо данные о датировке «следов древней дороги из мелкого камня», обнаруженных С. И. Веребрюсовым в 1879 г. при раскопках на ровной площади за южной оградой кладбища. Значительная глубина (10 арш.), на которой найдены эти остатки вымостки, и местонахождение их в городской черте позднеспартокидова Пантикапея заставляют нас думать скорее всего об этом времени.

могилами VI—V вв. до н. э. слой насыпи
115 3—4,41 м толщиной. В 1912 г. тот же исследователь, работая вдоль западной стены Старого кладбища, достиг аналогичных результатов, только слой насыпи был несколько тоньше — 2,10—3,15 м.

59 Ф. И. Гросс и С. И. Веребрюсов в 1878 г. вели разыскания на горе Митридата к западу, близ Городского кладбища. Ими были обнаружены могилы, видимо классического и римского времени, и «пепелище».

В насыпи пепелища найдены ручки амфор с клеймами и фрагмент черепицы с клеймом архонта Гигиэнонта.

Далее к западу, в районе к югу от Госпитальной улицы в текущем столетии были сделаны очень важные находки, видимо позволяющие установить один из отрезков западной границы Пантикапея. Были обнаружены развалины тянувшихся с юга на север оборонительных стен, возможно сооруженных в эпоху поздних Спартокидов.

99 В 1905 г. В. В. Шкорпил, ведя раскопки на северном склоне Митридатовой горы, позади Эспланадной улицы за усадьбой № 9, наткнулся на разрушенную городскую стену, толщиной 3 м. Стена направлялась от Второго кресла Митридата вниз по склону горы к Госпитальной улице. Кладка была сложена на глине из камней различной величины и черепицы; в основании фундамента, на материке лежали большие тесаные плиты, в том числе надгробие детей Ксенодема IV в. до н. э. Предложенную выше датировку этой стены подтверждают работы В. В. Шкорпила в том же
103 1905 г. на Эспланадной улице во дворе дома № 7 и позади восточной части названной улицы. Найденные там могилы классического и римского времени указывают на то, что в это время исследованный участок был занят некрополем. Наличие обнаруженной там же, видимо, эллинистической насыпи 2,15—3,16 м мощностью находится в полном соответствии с предположением, что до этих мест простирался город эллинистического времени.

104 В 1907 г. В. В. Шкорпил, копая во дворе Т. Калины, на Эспланадной улице (дом № 9) немного ниже этого места, где в 1905 г. было найдено надгробие детей Ксенодема, нашел надгробную плиту IV в. до н. э. Плита эта была извлечена из древней городской стены, которая тянулась вниз по северному склону горы. На продолжение этой стены наткнулся
124 Ю. Ю. Марти, копавший мину во дворе Калины (дом № 9) на углу Эспланадной улицы и продолжения Госпитальной. В мине была открыта «толстая стена», очевидно, крепостная; далее в отчете говорится: «попытки пробить стену ни к чему не привели». Были обнаружены фундаменты башни. Под стеной найдена подбойная могила, в которой обнаружена пан-
126 тикапейская монета III—II вв. до н. э. В 1924 г. Ю. Ю. Марти продолжал свою работу, копая на сей раз на Эспланадной улице, во дворе Сургучевой между домами Т. Калины и Василия Иванова (Косаря) [1]. Были выкопаны часть оборонительной стены и остатки здания, повидимому, башни со сторожевым помещением. Среди находок упоминаются фрагменты «мегарской» чаши, ручка родосской амфоры и черепицы с клеймами архонта Гигиэнонта, ΒΑCΙΛΙΚΗ и ΑCΤΥΔΑ.

В южной части Госпитальной улицы и прилегающем районе в первом десятилетии нынешнего века копал В. В. Шкорпил, обнаружив мощный слой, видимо, эллинистической насыпи и могилы с чернолаковой керамикой, а также позднеримского времени. Таковы были работы
97 в 1904 г. на холме в конце продолжения
98 Госпитальной улицы и в том же году на Госпитальной улице между домами № 37 и 41. Видимо, такая же насыпь была обнаружена и в 1910 г. в южной части Госпитальной улицы.
106 К сожалению, слишком большая лапидарность упоминаний В. В. Шкорпила об этой насыпи совершенно не дает возможности установить ее природу.

Также не получила надлежащей характеристики насыпь от 4 до 5 м толщиной, лежавшая над могилами V—IV вв. до н. э., которую обнаружил В. В. Шкорпил в 1903 г. при
96 раскопках на Эспланадной улице во дворах домов № 15, 17 и 19. Тот же археолог, ведя работы в 1902 г. на Эспланадной улице между хатами
95 № 7 и № 20 и в прилегающих частях Шлагбаумской и 1-й Подгорной улиц, обнаружил насыпь от 1 до 4 м толщиной и могилы, начиная с архаического и кончая римским временем. Отсутствие необходимых сведений в отчете В. В. Шкорпила крайне затрудняет какие-либо выводы по поводу этой насыпи. Однако местонахождение ее за городской стеной, вероятно, эллинистического времени, и, кроме того, на урочище, занятом ранними и отчасти поздними могилами, делает наиболее вероятным предположение, что данная насыпь скорее представляет эллинистическую мусорную свалку, чем культурный слой, заключавший нормальные городские напластования того же времени.

Несколько выше по склону горы, над Шлагбаумской и 1-й Подгорной улицами, как известно, находится район интенсивных раскопок в 90-х и 900-х годах. Результаты этих работ позволяют заключить, что там были большие свалки эллинистического времени, лежавшие над некрополем классического периода.

Начало раскопкам в этом районе было поло- 78
жено в 1891 г. А. А. Бобринским. Эти работы 82
были продолжены в 1897 г. К. Е. Думбергом, который обнаружил мощный (четырехсаженный) слой городского мусора. На другом

[1] Так это место определено в рукописном отчете, в печатном упоминается угол Эспланадной улицы и продолжения Госпитальной.

раскопе 1897 г., расположенном немного ниже первого, К. Е. Думберг также обнаружил древнюю свалку, заключавшую среди прочих находок ручки остродонных амфор и обломки черепиц с клеймами. Близкую картину дали раскопки того же исследователя в 1898 г. Нужно думать, аналогичное пепелище раскапывал К. Е. Думберг в 1899 и 1900 гг. и В. В. Шкорпил в 1906 г. О последних раскопках нам известно лишь, что поднятая насыпь была от 3,69 до 4,78 м мощностью. Только в отчете о раскопках 1908 г. В. В. Шкорпил, вопреки своему обыкновению, подробнее описал характер вскрытой им насыпи. Она состояла из двух слоев: верхнего — римского времени и нижнего, заключавшего обломки чернолаковой посуды, амфорные ручки и обломки черепиц с именами астиномов, фасосские и родосские ручки, а также автономные монеты.

Трудно определить время тех немногочисленных сооружений, которые упоминаются К. Е. Думбергом в его отчетах о работе в рассматриваемом районе. В 1898 г. в мощном слое городского мусора (от 3 до 4 саж. толщиной), заключавшего среди прочих находок ручки амфор с клеймами, чернолаковую, расписную и краснолаковую посуду, были обнаружены булыжники, лежавшие «дорожкой» к необложенному камнем колодезю. В 1899 г. под насыпью, достигавшей 4 саж. в толщину, были обнаружены остатки стен, стоявших на материке. В насыпи встречались различные предметы от архаического до римского времени, в том числе черепки акварельных ваз, чернолаковой посуды, ручки амфор с клеймами, автономные монеты Пантикапея.

Таким образом, рассмотренный нами район на склоне горы над Шлагбаумской и 1-й Подгорной улицами, занятый во времена ранних Спартокидов некрополем и, может быть, лишь отчасти свалками, позднее перестал быть местом погребения пантикапейцев. Оказавшись теперь вблизи от раздвинувшего свои пределы на запад города, этот участок стал служить местом свалки мусора, мощные четырехсаженные залежи которого свидетельствуют о высоком санитарном уровне жизни и благоустройстве Пантикапея, видимо не отставшего в этом отношении от других эллинистических городов.

Можно думать, что мусорные свалки постепенно оттесняли некрополь, наступая с востока на запад. В этом отношении весьма показательны раскопки В. В. Шкорпила в 1911 г. на северном склоне Митридатовой горы за южным концом 1-й Подгорной улицы, т. е. немного западнее рассмотренного выше района. Под мощным слоем насыпи, достигавшем 5,27—7,21 м в толщину, были обнаружены могилы IV—III вв. до н. э. Другими словами, это место было занято могильником еще в эпоху ранних Спартокидов, свалки вытеснили этот некрополь около начала II в. до н. э., т. е. примерно на столетие позднее, чем это произошло в районе над Шлагбаумской улицей. Близкая картина, видимо, наблюдалась и при раскопках В. В. Шкорпила в 1910 г. на пепелище между Скалкой и южным концом 1-й Подгорной улицы.

Исследования, производившиеся в 1948 г. в верхней части юго-западного склона Второго кресла Митридата в 45 м к югу от скалистой вершины горы, обнаружили развал оборонительной стены первых веков н. э. Однако обилие находок более раннего времени допускает предположение, что город простирался до этого места еще во II в. до н. э. Аналогичное предположение может быть высказано относительно другого участка на верхней площадке горы, около Второго кресла, раскапывавшегося в 1948 г.

К сожалению, невозможно определить место работы А. Е. Люценка 1867 г., которое можно отнести в силу неясности отчета к району и Первого и Второго кресла Митридата. На участке на юго-западной покатости горы были обнаружены остатки фундамента здания. В культурном слое найдены ручки амфор с клеймами.

Как мы уже говорили выше, южный склон горы Митридата обследовался мало. На расположенном к ю.-з. от Первого кресла «Босфорском» раскопе 1946—1947 гг. над остатками города IV—III вв. до н. э. была обнаружена насыпь, на которой стояла кладка из прекрасно отесанных квадров II в. до н. э. Выше залегала другая насыпь, вероятно сооруженная в I в. до н. э. Возникновение этой насыпи, вероятно, было вызвано такими же перепланировочными работами, которые мы наблюдали на восточном склоне горы и возможную связь которых с событиями конца II в. н. э. отметили. Некоторым подтверждением такого предположения может служить вероятное наличие подпорных стен на южном склоне горы, что можно считать засвидетельствованным раскопками А. Е. Люценка в 1867 г. Тогда были открыты стены верхней террасы города. Среди находок встречались ручки амфор с клеймами, пантикапейские монеты, черепки расписной керамики.

Следующий участок на южном склоне горы, о котором мы можем судить, расположенный под Вторым креслом Митридата, к сожалению локализуется недостаточно точно. В 1907 г. В. В. Шкорпил производил раскопки, позволившие установить, что еще в эпоху раннего эллинизма город не простирался до этого места и участок был занят некрополем, где хоронили покойников с V по III вв. до н. э. Над могилами лежал толстый слой насыпи, заключавшей остатки зданий, отчасти повредившие древние гробницы. Временем возникновения этих городских напластований В. В. Шкорпил называет II в. до н. э., полагая,

что эту новую часть Пантикапея Страбон принимал в расчет, когда описывал столицу Боспора.

Вероятно неподалеку от названного раскопа, несколько западнее последнего, производил
50 изыскания А. Е. Люценко в 1872 г. В отчете говорится, что на южной покатости горы Митридата с юго-западной стороны окружающей его террасы при раскопках были обнаружены остатки стен и фундамента. В насыпи найдены ручки амфор с клеймами. Вероятно, примерно в тех же местах копал А. Е. Лю-
35 ценко в 1867 г. у подошвы верхней террасы горы Митридата с юго-западной стороны. Были открыты части стен и фундамент, в насыпи встречались ручки и горла амфор с клеймами.

38 Наконец, отметим раскопки А. Е. Люценко в том же 1867 г. на горе Митридата, несколько выше верхней террасы с западной стороны, во время которых в насыпи обнаружены амфорные ручки с клеймами и пантикапейские монеты.

65 Крайне трудно точно установить место раскопок С. И. Веребрюсова в 1882 г. Они производились где-то на южном склоне горы Митридата к востоку от Пирамидального холма. Обнаружены бедные гробницы и завал из крупных камней. В насыпи встречались ручки амфор с клеймами.

Более ценны результаты работ Ф. И. Гроссе
56 са в 1877 г. на горе Митридата, с восточной стороны Пирамидального холма, близ канавы, проведенной в середине 50-х годов XIX в. Там была обнаружена насыпь мощностью 4—5 арш., в которой прослежены постепенные наслоения пепла и щебня, причем найдено много обломков посуды, костей животных и ракушек. Подобная насыпь, скорее всего, представляла мусорную свалку. Под насыпью обнаружен ряд могил с бедным инвентарем. Другими словами, мы наблюдаем здесь картину, близкую той, которую видели на северном склоне горы под Шлагбаумской и 1-й Подгорной улицами. Вероятно, очень мощная насыпь свалки рассматриваемого времени простиралась и дальше, до восточного склона Пирамидального холма, становясь по мере отдаления от города менее толстой.

Вероятно, такую свалку[1] раскапывал и
117-123 В. В. Шкорпил в 1914 г., когда вел работы на горе Митридата в некоторых пунктах между Вторым креслом и Скалкой.

Завершая обзор раскопок, обнаруживших возможные остатки позднеспартокидова Пантикапея, упомянем работы К. Е. Думберга в
90 1899 г. на границе города и пепелища у подошвы так называемого Пирамидального холма. Была обнаружена стена, сложенная из громадных каменных плит. Скудость доступных нам сведений допускает лишь предположение о назначении этой стены. Местонахождение стены на границе города и «пепелища», а равно солидность кладки позволяют видеть в ней оборонительную стену. В достаточной мере твердо установленные факты застройки склонов Второго кресла Митридата в III—II вв. до н. э. и накопления в это время мощных слоев мусора на урочищах к западу от города заставляют думать, что оборонительная стена, стоящая на рубеже городища и свалок, скорее всего могла быть сооружена также в период поздних Спартокидов.

По сравнению с довольно многочисленными свидетельствами о находках III—II вв. до н. э. на горе Митридата, наши данные о прилегавшей к морю нижней части города крайне скудны. Культурный слой, датируемый находками II—I вв. до н. э., был обнаружен раскопками 1947 г. во дворе одного из домов на 149
улице Розы Люксембург около Приморского бульвара. Находки эпохи Спартокидов были сделаны в том же 1947 г. в другом дворе по 150
той же улице.

К сожалению, не датированы фундаменты из местного известняка, о которых говорит Ю. Ю. Марти, наблюдавший в 1925 г. за 127
земляными работами, производившимися при прокладке кабеля у фабрики Мисаксуди, против школы Короленка (около Базарного и Митридатского скверов). Определить время этих сооружений не представляется возможным, ибо мы знаем только то, что в насыпи встречались ручки амфор и обломки черепиц. В районе Предтеченской и Таманской площадей, при земляных работах XIX и XX вв. неоднократно встречались плиты с надписями первых веков н. э. и древние скульптуры, может быть спартокидовской поры, но главным образом, нужно думать, последующего времени. Подробнее о них мы скажем ниже.

Крайне скудными сведениями располагаем мы о пантикапейском моле, очертания которого были нанесены на старые планы. Все из- 11
вестное о моле по архивным данным 1845 г. ограничивается сведением о том, что следы его еще не совсем были занесены песком, а длина достигала 160 саж. Время сооружения этой грандиозной постройки остается неизвестным. Однако наиболее вероятно предположение, что мол был устроен в эпоху Спартокидов, которая отвечает времени усиленного строительства в греческом мире и появления аналогичных сооружений (например, Гептастадий в Александрии).

Направление древнего мола с ю.-з. на с.-в. наглядно указывает на местонахождение современной ему Пантикапейской гавани в районе нынешней Таманской пристани. Гавань, вероятно, занимала довольно значительную полосу берега: об этом свидетельствует и

[1] По всей вероятности, мусорные свалки Пантикапея занимали еще южный склон горы у так наз. Скалки. Об этом свидетельствуют раскопки В. В. Шкор-
107 пила в 1910 г., обнаружившие там могилы под слоем насыпи.

большая протяженность прикрывавшего ее мола и указания Страбона [1]. Знаменитый географ говорит, что на восточной стороне Пантикапея расположены гавань и доки, примерно для тридцати кораблей. Нужно думать, что занятое этими доками и гаванью место вряд ли тянулось менее, чем на 300 м по береговой линии; скорее, оно занимало большее пространство.

Таким образом, намечается примерно район, занятый гаванью эллинистического Пантикапея. Кроме того, выше мы отмечали ряд пунктов на северо-западной и западной окраинах города, через которые, видимо, проходи- 99, 104, 124, 126, 90 ла оборонительная стена II в. до н. э. Это — район пересечения Эспланадной улицы продолжением Госпитальной, «граница города и пепелища у подошвы Пирамидального холма», 151 а возможно, также верхняя часть юго-западного склона Второго кресла. Эти данные могут служить опорными точками для определения границ города поздних Спартокидов. Страбон в своем кратком, но очень содержательном описании говорит, что Пантикапей представляет холм, окружностью в 20 стадий, со всех сторон заселенный. Если взять нить, равную двадцати стадиям в масштабе плана, наложить ее на более или менее надежно определенные пункты границ города (не менее 300 м берега, защищенного молом, и части древних стен около Эспланадной улицы, а также к западу от Второго кресла), то северная и южная границы города могут быть намечены примерно по линии стен на плане Бларамберга. При этом в пределах указанной Страбоном окружности окажутся все известные нам находки городских древностей Пантикапея III—I вв. до н. э.

Такие очертания города как нельзя больше отвечают словам Страбона, сказавшего, что Пантикапей — это холм, заселенный со всех сторон: λόφος ἐστὶ πάντῃ περιοικούμενος [2] — ибо в пределах городской черты оказывается вся Митридатова гора со всеми ее склонами от Первого кресла до Второго.

Таким образом, при основании Пантикапея, видимо, учитывалось стратегическое значение местности. Лишь соседившая с морем восточная, сравнительно небольшая часть города лежала на низине, остальная же часть боспорской столицы, расположенная на склонах холма, позволяла с удобством соорудить оборонительные стены, господствовавшие над окружающей местностью. Наконец, последним оплотом пантикапейцев были твердыни его акрополя, занимавшего вершину Митридата. Таким рисуется нам город времени поздних Спартокидов.

Доступные нам сведения о Пантикапее последующей сарматской эпохи в общем, пожалуй, столь же обильны, как и о предшествующем периоде. Но, к сожалению, они нередко ненадежны и недостаточны, коль скоро о наличии культурных напластований этого времени (римских) в старых раскопках мы можем судить лишь по упоминаниям о краснолаковых обломках, фибулах и монетах боспорских царей. Можно предполагать, что пантикапейские напластования первых веков н. э. в некоторых пунктах менее мощны, чем наслоения предшествующего времени; во всяком случае, такую картину дали раскопки 1945 и 1946 гг. на восточном и южном склонах Митридата.

Приступим к обзору доступных нам данных, повторив принятый нами маршрут. На восточном склоне Митридатовой горы, в верхней части покатости при раскопках в 1945 г. 140 над старым зданием Музея был обнаружен культурный слой первых веков н. э., который следует признать весьма тощим по сравнению с лежавшим под ним слоем I в. до н. э. Это сказалось и в характере найденных предметов и незначительности открытых вымосток позднейшего периода.

Вероятно, близкую картину выявили раскопы А. А. Бобринского в 1891 г., один из ко- 75 торых был расположен позади старого здания Музея, а другой — несколько выше, под па- 76 мятником Стемпковскому. Относительно первого раскопа А. А. Бобринский говорит, что наслоения в нем перемежались с оползнями, а также, что в насыпи находки были главным образом греческие, а римских почти не было; в переданном при этом перечне находок к предметам римской эпохи можно отнести фибулы. В отчете второго раскопа указывается, что там были обнаружены аналогичные находки, но в меньшем количестве.

Возможно, таковы были и результаты работ А. Е. Люценка в 1877 г. на крутых обрывах 55 Митридатовой горы на повороте верхней террасы от с.-в. к югу, возле церкви Александра Невского. Обнаруженные там остатки, видимо, богатых построек, возможно, украшенных мозаиками, трудно поддаются датировке. В «древнем пепелище» среди многочисленных находок греческого времени упоминаются и фибулы, свидетельствующие о наличии напластований римского времени.

Остатки культурных напластований эпохи Сарматской династии были обнаружены около памятника Стемпковскому. Так, в 1864 г. 28 А. Е. Люценко при раскопках к ю.-з. от памятника обнаружил цистерну, высеченную в скале и покрытую раствором, что позволяет предполагать принадлежность ее первым векам н. э. 42

В 1870 г. тот же исследователь, работая на вершине горы близ часовни Стемпковского, обнаружил развалины постройки; в насыпи, наряду с находками греческого периода, встречались боспорские медные монеты.

[1] Strabo, VII, 4, 4.
[2] Там же.

Севернее развалин памятника Стемпковскому
139 в 1945 г. над мощным слоем I в. до н. э. наблюдался сравнительно тонкий пласт осыпи сарматской эпохи.

39, 40 По всей вероятности, близкую картину дали раскопки А. Е. Люценка в 1867 и 1868 гг. на северной покатости горы Митридата, выше каменной лестницы, ведущей к церкви Александра Невского. Среди сделанных там в насыпи различных находок греческого времени упоминаются боспорские царские монеты. Менее ясные сведения о находках А. Е. Люценка,
41, 52, 53 сделанных им при раскопках в тех же местах в 1869, 1875 и 1876 гг., позволяют нам лишь с оговоркой предполагать, что и тогда были затронуты отложения сарматской эпохи.

Интересные результаты дали работы и на верхнем плато горы, к западу от памятника Стемпковскому, обнаружившие сооружения, связанные с водоснабжением. Там были най-
27 дены водопроводы, повидимому относящиеся к первым векам н. э. В 1864 г. А. Е. Люценко, копая на вершине горы с юга, в 30 саж. от памятника Стемпковскому обнаружил колодезь и водопровод, шедший от него к севе-
16 ру. В насыпи, помимо находок греческого времени, встречались монеты Котиса II. В 1849 г. К. Р. Бегичев раскапывал насыпь, покрывавшую все пространство между памятником Стемпковскому и так называемым креслом Митридата. Был обнаружен древний водопровод хищнической кладки, прослеженный на протяжении 40 саж. Материалом служили различные каменные и мраморные плиты, обломки карнизов капителей и пр., сложенные на извести. Водопровод шел с юга на север от древнего колодезя, совершенно разрушенного уже во времена К. Р. Бегичева [1].

Таковы остатки Пантикапея первых веков н. э., обнаруженные на восточном склоне Митридата и в прилегающем районе. Перейдем теперь к обзору этих остатков на северном склоне горы. Прежде всего остановимся на
155 уже упоминавшемся нами раскопе 1948 г. в самой верхней части северного склона под Первым креслом. Там, как мы отмечали, все напластования с V в. до н. э. до II в. н. э. тщательно удалялись. На материковой скале лежал местами довольно мощный слой III—IV вв. н. э., свидетельствующий об интенсивности жизни в указанную эпоху.

Где-то около Первого кресла Митридата, примерно в середине прошлого столетия, была найдена мраморная статуя Кибелы, представляющая копию римского времени с греческого оригинала [2]. Эта находка позволяет предполагать наличие святилища Кибелы на пантикапейском акрополе.

[1] Возможно, этот колодезь идентичен с колодезем,
5 открытым в 1838 г. А. Б. Ашиком на вершине горы Митридата.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 160.

Сооружения первых веков н. э. были обнаружены на известном раскопе К. Е. Думберга, к востоку от Эспланадной улицы. В 1898 г. 83
там было обнаружено позднеантичное здание терм. Среди находок в насыпи упоминаются краснолаковый сосуд с двумя ручками, глиняные светильники с рельефными украшениями и осколки стеклянных сосудов. Находки римского времени отмечались К. Е. Думбергом при раскопках там же в 1899 г. на участке 88
на юг от разведок 1896 г.; в насыпи, среди прочих предметов, были найдены автономные монеты Пантикапея и Фанагории и сравнительно мало монет боспорских царей. К ю.-з. 89
от названного участка в том же 1899 г. упоминаются среди многочисленных различных находок немного черепков арретинской посуды, обломки стеклянных сосудов и боспорские монеты. Напластования сарматского времени, видимо, были затронуты К. Е. Думбергом и при работах в 1896 и 1900 гг. Непосредствен- 80, 92
но около раскопок К. Е. Думберга Ю. Ю. Марти в 1940 г. открыл две огромные ци- 135
стерны (до $2^1/_4$ м диаметром), «заполненные мусором римского времени».

Далее на запад, значительно выше по склону горы находится «Верхний Эспланадный» раскоп 1948 г., обнаруживший, как мы отме- 154
чали, окраину Пантикапейского акрополя. К рассматриваемой эпохе там относятся два культурных напластования I—II и III—IV вв. н. э., заключавшие многочисленные обломки архитектурных частей, в том числе облицовочных плит. Наличие на данном участке детского погребения в реберчатой амфоре, возможно, свидетельствует о некотором запустении его в позднеантичную эпоху.

Ниже по склону горы находится «Эспланад- 141, 144
ный» раскоп 1945—1948 гг. В I в. до н. э.— 146, 153
II в. н. э. главным образом восточная часть исследованного участка была занята винодельнями, в то же время в западной части находились мощные мусорные свалки, толща пласта которых достигала 3 м.

Позднее, в III—IV вв. н. э., участок был занят большим хозяйственным комплексом с многочисленными зерновыми ямами, подражавшими по форме пифосам.

Зерновые ямы неоднократно встречались при раскопках в Керчи. Уже в 1846 г. 14
А. Б. Ашик упоминал о том, что находки таких ям в Керчи «не новость», ибо на покатости горы Митридата и прежде обнаруживались «хлебные амбары». Подавляющее большинство известных нам ям находится на северном склоне горы, что может быть вызвано малой исследованностью южного склона. Пашенные ямы, открытые при старых раскопках, по большей части не датированы. Немногие исключения, которые поддаются более или менее точной датировке, видимо, относятся к сарматской эпохе. Остановимся на известных нам пантикапейских зерновых ямах.

К югу и ю.-в. от «Эспланадного» раскопа, на вершине горы Митридата, с западной сто-
71 роны так называемого Первого кресла Митридата Ф. И. Гроссом в 1886 г. на глубине 1 арш. открыта плита, служившая крышкой высеченного в скале и оштукатуренного зернохранилища (глубиной 6 арш., шириной от $1^1/_3$ до 3 арш.). Значительно ниже по склону, на раскопе К. Е. Думберга, к востоку от
83 Эспланадной улицы в 1898 г. было найдено семь зерновых ям. В особенно же большом числе ямы-хранилища встречались в районе
33 Старого кладбища. В 1865 г. А. Е. Люценко обнаружил такую яму в юго-западной части
13 кладбища. В 1846 г. А. Б. Ашик, копавший близ того же кладбища, нашел две ямы-хранилища, содержавшие по нескольку амфор.
51 Яма для зерна была открыта А. Е. Люценком в 1874 г. возле ограды кладбища. Менее ясно, что представляла собой огромная «пашенная яма», обложенная штучным камнем, открытая
125 Ю. Ю. Марти в 1923 г. у Старого кладбища, против 3-го Кладбищенского переулка. Два любопытных примера использования больших зерновых ям для погребений позднеантичного
98 времени наблюдал В. В. Шкорпил в 1904 г. при раскопках на Госпитальной улице между домами № 37 и 41.

Наконец, на южном склоне горы Митридата
103 в 1907 г. В. В. Шкорпил обнаружил хлебную яму, в которой найдены обломки «картины на гипсе».

Как видно из приведенного перечисления, пашенные ямы занимали значительное пространство на северном склоне горы Митридата и, кроме того, они были обнаружены и на южном склоне, до сего времени столь мало исследованном. Широкое распространение зерновых ям в Пантикапее наглядно свидетельствует о рустификации города в сарматскую эпоху.

Рассмотренные нами пашенные ямы привели нас в район Старого кладбища. Там, помимо этих хранилищ, был сделан ряд иных находок, также относящихся к сарматскому времени. Так, уже упоминавшимся раскопкам
33 А. Е. Люценка в 1865 г. в юго-западном углу кладбища предшествовало случайное обнаружение базы статуи с надписью, содержащей имя боспорского царя Аспурга. Во время самих работ были обнаружены остатки кладок, с уверенностью установить дату которых не представляется возможным. Другая случайная находка на кладбище отмечена А. Е. Лю-
49 ценком в 1871 г. При рытье могилы была обнаружена глиняная амфора, заключавшая 1500 медных монет («Рескупорида VII, Фофорса и Радамсидиса»). Кроме того, по всей вероятности к римскому времени следует отнести случайно найденные на кладбище следу-
24 ющие скульптуры: в 1860 г.— мраморную го-
43 лову, в 1870 г.— другую мраморную голову,
61 в 1879 г. мужской мраморный «поясной бюст» без головы, обнаруженный около южной ограды.

Особого внимания заслуживает участок около юго-западного угла кладбища. Там в 1929 г. была обнаружена раскопанная Ю. Ю. 130
Марти гончарная печь, датированная В. Ф. Гайдукевичем IV в. н. э. Вероятно, около этого места находилось неогороженное дворовое место унтер-офицера Емельяненка. Рядом с ним, у юго-западного угла Старого православного кладбища, в 1878 г. Ф. И. Гросс и С. И. Ве- 60
ребрюсов раскопали много статуэток-односторонок, вероятно представляющих собой остатки мастерской. Другие известные нам находки, связанные с керамическим производством в Пантикапее, концентрируются на северном склоне Митридата, в районе к востоку и западу от печи 1929 г.

На раскопе К. Е. Думберга, к востоку от Эспланадной улицы в 1899 г. была открыта 89
гончарная печь из саманного кирпича, а в 1898 г. там же найдено много керамического 83
брака: полуобожженных черепиц и грузил, отчасти со штемпелями. Отметим также, что в свалке, раскапывавшейся в 1946 г. на «Эспла- 144
надном» раскопе, был обнаружен обломок формы для изготовления «мегарских» чаш.

В районе к западу от печи 1929 г., по всей видимости, за Вторым креслом Митридата, была сделана очень важная, к сожалению, крайне плохо локализованная находка. А. Е. Люценко в 1853 г., ведя раскопки на скатах 21
третьего, четвертого и пятого холмов горы Митридата и далее к западу, обнаружил большое количество гробниц и сверх того «кирпичное строение в виде круглой обжигательной печи со сводом и столбом посредине».

Таким образом, перечисленные находки гончарных печей, производственного брака, а отчасти также и орудий труда древних мастеров позволяют наметить район, занятый пантикапейским керамиком, возникновение которого на этом месте, возможно, относится еще к эпохе поздних Спартокидов.

Выше мы упоминали установленное раскопками наличие насыпи эллинистического времени в районе к ю.-з. и отчасти к западу от Старого кладбища. Эта насыпь, видимо, представляет остатки древнего города, доходившего в эпоху поздних Спартокидов примерно до линии вдоль продолжения Госпитальной улицы. Во времена Сарматской династии восточная часть Эспланадной улицы еще, несомненно, находилась в черте города. Это можно заключить на основании данных, полученных в результате наблюдений Ю. Ю. Марти и сотрудников Музея за земляными работами, производившимися в 1929 г. при про- 129
кладке водопровода, и последовавших раскопок. На Эспланадной улице были обнаружены на глубине около метра остатки древних стен, по всей вероятности, бедных жилищ позднеантичного времени. Однако при дальнейшем

движении на запад на участках, занятых эллинистической насыпью, мы находим могилы I—II или III—IV вв. н. э.

Так, это имело место при раскопках
100 В. В. Шкорпила в 1905 г. на Эспланадной улице во дворе дома № 7 и позади восточной части этой улицы; там была обнаружена насыпь 2,15—3,16 м мощностью и могилы классического и римского времени. Тот же исследователь в 1904 г., ведя работы на холме продолжения Госпитальной улицы, обнаружил толстый слой насыпи и гробницы, выкопанные в более позднее время — в III—IV вв. н. э.
98 В том же 1904 г. на Госпитальной улице, между домами № 37 и 41, были открыты уже упоминавшиеся нами зерновые ямы, заключавшие погребения III—IV вв. н. э.

Западная часть Эспланадной улицы, служившая, вероятно, в эллинистическую эпоху местом мусорных свалок, в римское время была занята некрополем. На это указывают
95 раскопки В. В. Шкорпила в 1902 г. на Эспланадной улице, между домами № 7 и № 20, причем были исследованы и прилегающие части Шлагбаумской и 1-й Подгорной улиц. Там были обнаружены глубокая насыпь и могилы, начиная с архаического и кончая римским временем.

Заканчивая обзор работ на северном склоне Митридатовой горы, остановимся на широко известном районе обширных раскопок 90-х и 900-х годов над Шлагбаумской и 1-й Подгорной улицами. Этот район, всегда лежавший вне городской черты и занятый грандиозными свалками позднеспартокидовского времени, видимо, и в сарматскую эпоху продолжал служить местом сброса мусора. Во всяком слу-
78 чае, производивший там раскопки в 1891 г. А. А. Бобринский, перечисляя находки в насыпи, отмечает наличие фибул. К. Е. Думберг, копавший в 1898 г., среди различных предметов, преимущественно греческого времени,
84 найденных на раскопе «В» («Артемиды»), называет черепки арретинской посуды, а на рас-
85 копе «А» («Графском») — обломки стеклянных сосудов. Значительно более обстоятельные сведения мы находим в отчете В. В. Шкор-
105 пила о раскопках в 1908 г. той части «пепелища», которая находится между турецким валом, соединяющим Второе кресло Митридата с Сахарной головой, и тем местом, где А. А. Бобринский в 1891 г. открыл гидрию с фигурой бегущего Гермеса.

В этом отчете исследователь, вопреки своему обыкновению, довольно подробно остановился на характеристике вскрытой им насыпи. Он отметил резкое различие характера находок в нижнем и верхнем слоях насыпи. Первый заключал находки греческого времени. В верхнем слое попадались черепки краснолаковой и простой посуды, много фрагментированных гротесков с подвесными ногами и фаллами и монеты боспорских царей I в. н. э.

По сравнению с довольно обширными материалами, которыми мы располагаем о находках римского времени на восточном и северном склонах Митридата, наши сведения о верхней части горы, на пространстве между Первым и Вторым креслами, весьма скудны.

К с.-с.-в. от скалистого выступа раскопками 1945 и 1947 гг. установлено наличие над бо- 142,14
гатым зданием III—II вв. до н. э. двух культурных напластований рассматриваемого времени. В слое I—II вв. н. э. обнаружены остатки довольно скромного здания, погибшего от пожара. В лежавшем над ним слое III—IV вв. н. э. открыты развалины сооружений из рваного камня.

Об остальных раскопках, производившихся в районе между Первым и Вторым креслами, мы знаем очень мало; они позволяют только сказать, что в сарматское время названный район находился в городской черте.

Трудно локализуемыми раскопками А. Б. Ашика в 1838 г. на вершине горы Митридата 5
были обнаружены древний колодезь и кладка, повидимому, ворот. Под одним из камней кладки обнаружено 30 монет боспорских царей. Столь же трудно точно определить место случайной находки в 1847 г. на вершине горы 15
Митридата колоссальных баз колонн и обломков «фриза коринфского ордера», о которых сообщает К. Р. Бегичев. Относить эти архитектурные фрагменты к сарматскому времени мы можем лишь предположительно. Зато не внушает сомнений принадлежность римской эпохе глиняного светильника с изображением битвы «пигмея с петухом» и надписью на донышке, который был найден К. Р. Бегичевым в 1854 г. при раскопках у подножья кресла 23
Митридата, между камнями.

Наконец, должно отметить, что во время войны были произведены земляные работы на вершине горы Митридата. В 1944 г. в этом 137
районе было произведено беглое, а в 1945 г. более подробное обследование обнажений культурного слоя. Тогда на пространстве между Первым и Вторым креслами были сделаны небольшие зачистки обнажений культурного слоя в полутора десятках пунктов. Зачистки эти установили везде наличие культурного слоя первых веков н. э., а чаще III—IV вв. н. э. Несколько детальнее был исследован один из участков, расположенный около ска-
листого выступа, о котором мы говорили 142,147
выше.

Скудны наши сведения и о южном склоне горы. Расположенный к ю.-з. от Первого кресла, «Босфорский» раскоп 1946—1947 гг. сви- 145,148
детельствует о довольно интенсивной городской жизни на этом участке в рассматриваемую эпоху. Там были вскрыты один слой I—II вв. н. э. и три позднеантичных (III—IV вв. н. э.) культурных напластований, причем в нижнем из позднеантичных слоев был обнаружен перекресток улицы и переулка и

части прилежащих зданий. Далее на запад, ближе к Второму креслу, в верхней части южной покатости горы в 1945 г. была замечена
143 и раскопана нижняя часть большого пифоса [1], верхняя часть сосуда была уничтожена.

Раскопки В. В. Шкорпила в 1907 г. пепелищ
102 ща на южном склоне Митридата под Вторым креслом позволяют заключить, что в первых веках н. э. город простирался до этого места. Там над некрополем V—III вв. до н. э. были обнаружены городские напластования, в них среди прочих сооружений открыт бассейн, построенный из камней и облицованный внутри штукатуркой римского времени.

В 1948 г. в верхней части юго-западного
151 склона Второго кресла Митридата в 45 м к югу от скалистой вершины горы обнаружены развал городской оборонительной стены и остатки примыкающих к ней вымосток, вероятно, стратегических улиц. Эта стена, можно думать, существовала в I—IV вв. н. э.

К северу от этого участка, на верхней пло
152 щадке вершины Второго кресла при раскопках в том же 1948 г. на материковой скале обнаружены остатки построек III—IV вв. н. э., а над ними остатки вымостки, также относящейся к III—IV вв. н. э.

По всей видимости, к сарматскому времени следует отнести большую часть античных на-
138 ходка была сделана при земляных работах на территории кино «Ударник» (улица Розы Люксембург, дом № 6/8). Была обнаружена рыбозасолочная цистерна, о которой известно крайне мало. Самая цистерна была уничтожена и весь участок, где она находилась, изрыт. Поэтому мы можем по поводу этого замечательного памятника высказать только предположения. Наиболее вероятно видеть в нем сооружение сарматского времени. Примечательно также местонахождение цистерны недалеко от берега, в то время как зерновые ямы и керамические мастерские, видимо, концентрировались в противоположной части города на северном склоне горы.

149,150 К с.-в. от места находки цистерны в 1947 г. производились раскопки в дворах двух домов на улице Розы Люксембург. На одном раскопе обнаружены два напластования, относящиеся к рассматриваемой эпохе: I—II и III—IV вв. н. э. На другом раскопе среди находок были предметы, относящиеся к первым векам н. э.

В 1934 г. небольшие раскопки были произ-
133 ведены внутри строившегося здания школы во дворе церкви Иоанна Предтечи, а также на участке к югу от названной церкви [1]. Этими работами была обнаружена мощная современная насыпь (в среднем, 4 м толщиной). Под этой насыпью залегал морской песок, заключавший обломки простой, реберчатой и красно-лаковой керамики. Видимо, в позднеантичную эпоху здесь был песчаный морской берег, возможно прилегавший к древней гавани.

Далее следует отметить, что на Таманской и Предтеченской площадях, а также в прилежащих районах в XIX и XX вв. неоднократно находили древние надписи, обломки архитектурных частей, скульптуры и другие предметы, по всей вероятности, преимущественно сарматского времени. Так, в 1863 г. около фонтана 26
возле Таманской пристани были найдены мраморный карниз и гладкая плита. В 1911 г. при рытье котлована для фундаментов новых каменных лавок на Предтеченской площади были обнаружены (в различных частях последней): часть пьедестала с именем импера- 110
тора Адриана, часть плиты с однострочной христианской надписью и незначительный кусок плиты с надписью; в том же году против обоих углов Воронцовской улицы открыта 111
известковая плита с рельефным изображением Собазия и, наконец, тогда же, недалеко от 112
Предтеченской церкви, найдены фрагментированная статуя Кибелы и монеты I—II вв. н. э.

Далее следует отметить, что в 1840 г. во 7
дворе церкви Иоанна Предтечи был найден мраморный рельеф с изображением Аполлона, Гермеса, Артемиды и нимфы Киллены. Годом 6
раньше, близ той же церкви случайно найдена мраморная колонна с надписью, упоминающей Тиберия Юлия Савромата.

В заключение укажем, что неподалеку от Предтеченской площади на Дворянской улице в 1842 г. был найден мраморный бюст посред- 8
ственной работы.

Таковы известные нам, к сожалению, не всегда четко датируемые находки в восточной части Пантикапея, позволяющие, однако, утверждать, что район Таманской и Предтеченской площадей в сарматскую эпоху находился в городской черте.

Еще более скудны доступные нам сведения о находках рассматриваемого времени в северной части Пантикапея. В 1937 г. во дворе 134
дома № 8 по Греческой улице в глубоком подвале была обнаружена стена, которая, как выяснилось в дальнейшем, была сложена в новое время. Ю. Ю. Марти заложил около стены раскоп, в котором нашел черепки римского времени.

В 1948 г. вдоль северной стороны улицы Карла Маркса между улицей Ворошилова и Крестьянской была вырыта узкая канава. 153

[1] Нам известны и другие случаи находок пифосов
69 в Керчи. В 1885 г. при раскопках Ф. И. Гросса на вершине горы Митридата был найден пифос высотой
79 2 арш. 6 верш. В 1894 г. в одном из дворов на горе Митридата немного выше трактира Запорожского был обнаружен пифос высотой 2 арш. 3 верш.

[1] На втором участке, между новой насыпью и слоем песка с древними находками залегал еще сильно перекопанный средневековый слой.

В выкиде ее обнаружены черепки посуды последних веков до н. э. и первых веков н. э. Строительные остатки отсутствовали, слой был тощий, что заставляет скорее видеть в нем отложения загородного пустыря, чем напластования в черте города.

Помимо перечисленных, хорошо локализованных находок известен еще ряд других, местонахождение которых, к сожалению, не поддается точному установлению. Так, нам неизвестно расположение дворов керченских жите-
73 лей — купца Мисаксуди, где в 1887 г. были случайно найдены два мраморных пьедестала
71 с надписями, и Томазини, где в 1888 г. была обнаружена плита с надписью.

Не лучше обстоит дело с интересными сообщениями К. Р. Бегичева, который копал в
17 1849 г. у подошвы горы Митридата, с юго-восточной стороны, против дома купца Дмитриева, возле стены, ограждающей его двор, устроенный под самой горою. Была обнаружена насыпь, в которой среди других находок оказался светильник с рельефным изображением бюста женщины. На глубине более 3 саж. открыта стена из больших тесаных камней шириной в $3^1/_2$ арш. Она шла в гору с ю.-в. на с.-з. и была прослежена на значительном протяжении.

На другом месте, несколько выше в том же направлении, была найдена такая же полуразрушенная стена, может быть, продолжение первой.

Помимо приведенного сообщения, нам известны еще два упоминания о монументальных стенах.

1 В 1811 г., по сообщению П. Дюбрюкса, позади старой таможни, при копании рва вокруг сада был открыт фундамент из тесаного камня на извести (1 саж. толщиной). Стена поднималась к Большой площади и доходила до моря. Против магазина К. Голицыной открыт фундамент стены, также поднимавшейся почти отвесно к Большой площади.

22 В 1854 г. А. Е. Люценко, производя раскопки в Лавриковом переулке, на дворе дома купца Байковича, у подошвы горы Митридата, открыл часть стены шириной 1 саж., высотой около 2 саж. из больших мягких камней. Поблизости обнаружена водопроводная труба, направленная «из глубины горы Митридата... к подошве ее».

Закончим на этом обзор находок, относящихся бесспорно или хотя бы предположительно к сарматскому времени.

При решении вопроса о границах Пантикапея сарматского времени нельзя не привлечь немногие доступные нам материалы о древних стенах, остатки которых были еще заметны в первое десятилетие XIX в. Как известно, до нас дошло подробное описание этих оборонительных сооружений, принадлежащее П. Дюбрюксу, и план, составленный И. П. Бларамбергом (рис. 1). Расположение древних стен города и акрополя, согласно плану И. П. Бларамберга, было перенесено А. Б. Ашиком на план тогдашней Керчи (1847 г.). Сделано это было весьма неточно, что легко заметить, если сравнить хотя бы расстояние крайнего северо-восточного отрезка городской стены от моря и от устья Мелек-Чесмы на планах И. П. Бларамберга и А. Б. Ашика. В силу этого должно заключить, что ашикова копия ненадежна и от пользования ею лучше отказаться, обратившись непосредственно к плану И. П. Бларамберга.

Не приходится сомневаться в том, что П. Дюбрюкс и И. П. Бларамберг имели перед своими глазами и фиксировали оборонительные сооружения позднеантичного времени, ибо невозможно предположить, что в начале XIX в. следы их исчезли совершенно, а остатки более ранних крепостных стен выступали из земли. Таким образом, следует признать, что на плане И. П. Бларамберга зафиксированы укрепления Пантикапея позднеантичного периода. Это еще раз указывает на недостаточность плана А. Б. Ашика, согласно которому оборонительная стена проходит в районе Госпитальной и Шлагбаумской улиц, так что могилы первых веков н. э. (№ 97, 98, 100) оказываются вырвавшимися далеко за городскую черту.

Внимательное рассмотрение плана И. П. Бларамберга и сопоставление с нынешними, более точными, планами местности обнаруживает его погрешности. Для доказательства стоит хотя бы сопоставить расстояния между наиболее надежными ориентирами: вершиной (Первым креслом) Митридатовой горы, береговой линией, устьем Мелек-Чесмы, ее течением. Несовершенство бларамбергова плана выступит еще более резко, если мы постараемся наносить на нынешний план древние стены. Местонахождение, а отчасти даже и направление их будет сильно изменяться в зависимости от того, какой ориентир (расстояние от Мелек-Чесмы, моря, вершины Митридата) будет положен нами в основу. Однако при всяких обстоятельствах очевидно, что границы на ашиковом варианте значительно отодвинуты на север (см. рис. 9).

Не меньшего внимания заслуживают очертания акрополя и западная граница города на плане И. П. Бларамберга. Район Второго кресла представлен на названном плане весьма несовершенно и невразумительно: три кружка — малый, средний и большой, — расположенные в такой последовательности в направлении с с.-в. на ю.-з. Самый меньший из этих кружков обрамлен полукольцом стены западной окраины акрополя. Если мы измерим по масштабу расстояние на бларамберговом плане от Первого кресла Митридата до названного маленького кружка, то окажется, что он приходится примерно посредине седловины, между Вторым креслом и высоким скалистым выступом к востоку от него. А. Б. Ашик,

исправляя эту явную ошибку И. П. Бларамберга, истолковал малый кружок как вершину Второго кресла. Соответственным образом отодвинувшаяся на запад оборонительная стена города выдвинулась довольно далеко за линию Шлагбаумской улицы, а крайне западное полукружье стены оказалось расположенным под командной высотой Пирамидальной скалы. Ясно, что такой выбор места для одного из ответственных участков оборонительной стены противоречит элементарным требованиям фортификации. К тому же такая реконструкция плана Пантикапея категорически отвергалась уже давно известными археологическими данными, ибо нельзя допустить, чтобы внутри городских стен находился район, сначала занятый курганным могильником, а позднее — мусорными свалками.

Мы уже говорили о том, что малый кружок в районе Второго кресла бларамбергова плана приходится как раз посредине между Креслом и вершиной, к востоку от последнего. А. Б. Ашик отожествил его с Вторым креслом, но этому противоречит ряд данных (рис. 3). Иной будет картина, если мы истолкуем этот кружок как скалистый выступ к востоку от Второго кресла, другими словами, если признаем ошибку И. П. Бларамберга не в том, что он преуменьшил на плане длину акрополя (как думал А. Б. Ашик), а наоборот, преувеличил ее. Если принять такой вариант исправления старого плана, тогда в большом кружке следует видеть вершину Второго кресла, а расположенный к с.-з. от нее полукруглый выступ оборонительной стены согласуется полностью с рельефом местности — выступающим кряжем северо-западного склона Второго кресла, в направлении к верхней части Шлагбаумской улицы. Не приходится говорить, что такая реконструкция западной оборонительной линии Пантикапея гораздо правдоподобнее, чем на плане А. Б. Ашика. Это особенно бросается

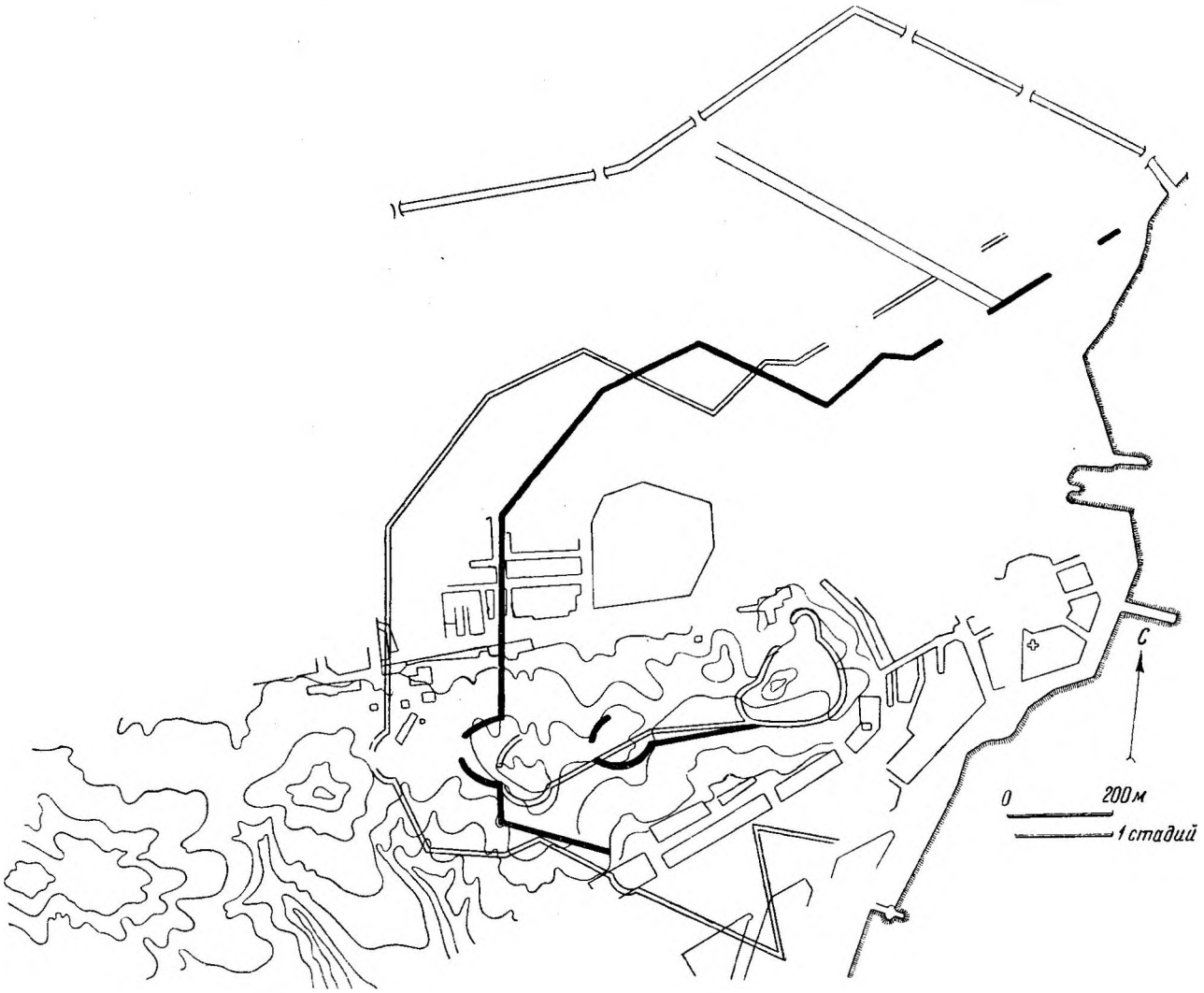

Рис. 9. Схематический план городских стен Пантикапея и его акрополя.

1—стены акрополя и города по Ашику; *2*—предполагаемое нами место стен акрополя и города

в глаза, если мы сопоставим расположение крайнего западного полукруглого выступа стен обоих вариантов: по А. Б. Ашику, он — под угрозой командной высоты, оставленной неприятелю, согласно второму варианту — он сам расположен на возвышенном месте.

Мы уже упоминали выше, что в ряде пунктов, обследованных в 1944 и 1945 гг., на пространстве между Первым и Вторым креслами установлено наличие городищенского слоя сарматского времени. Иная картина наблюдалась в нескольких десятках метров к западу от Второго кресла. Это урочище явно было занято в древности некрополем. В одном пункте, примерно в 140 м к западу от вершины Второго кресла, было обнаружено сильно поврежденное погребение. Далее на запад зачистками выявлялась перерытая могильная земля, заключавшая обломки человеческих костей и незначительные остатки древностей.

Рассматриваемый вопрос окончательно был
151 решен раскопками 1948 г., когда в верхней части юго-западного склона Второго кресла были обнаружены остатки городской оборонительной стены I—IV вв. н. э. и тем самым точно зафиксирована граница древнего города.

Таким образом, мы приходим к выводу, что составленный И. П. Бларамбергом план довольно неточен, а вариант А. Б. Ашика еще дальше удаляется от действительности. Нужно думать, что площадь города была несколько меньше, чем это показано у А. Б. Ашика: западную границу следует немного отодвинуть на восток, а северную — несколько больше на юг. В таких пределах Пантикапей будет более отвечать размерам, указанным в замечательном описании Страбона. Последний назвал город населенным со всех сторон холмом, а гора Митридата, как известно, вытянута именно в направлении с востока на запад. Упомянем еще о плане Пантикапея, составленном Ф. Дюбуа де Монпере (рис. 2). Бесспорно, этот план крайне схематичен. Однако нельзя оставить без внимания и следующее обстоятельство. Ф. Дюбуа де Монпере показывает на своем плане следы древних улиц, чего нет ни у И. П. Бларамберга, ни у А. Б. Ашика. Между тем посетивший Керчь еще в 1820 г. наш великий поэт А. С. Пушкин, в своих письмах кратко отметивший все главнейшие из известных тогда достопримечательностей Пантикапея, упоминает о следах улиц. Можно предполагать, что в схематическом наброске Ф. Дюбуа де Монпере, при всей его беглости, все же метко схвачены некоторые особенности плана древнего города, в том виде, как его можно было еще наблюдать в первой половине прошлого века.

Наш очерк содержит ряд предположений: слишком мало еще материалов для твердых заключений. Они станут возможными, когда новые раскопки устранят многочисленные «белые пятна» на плане Пантикапея.

В заключение отметим, что мы ставили своей задачей разобрать материал, относящийся лишь к античной эпохе. Укажем только, что в более поздние времена пришедший в упадок город лепился к морскому берегу около церкви Иоанна Предтечи. Гора Митридата оказалась вне городской черты и была занята могильником. Средневековые могилы многократно встречались при раскопках на вершине горы — в 1849 г., на ее покатости выше лестницы, ведущей к церкви Александра Невского — в 1867 г., на северном склоне к востоку от Эспланадной улицы — в 1947 г. (на «Эспланадном» раскопе), в том же году у Скалистого выступа между Первым и Вторым креслами, в 1899 г.— на южном склоне, в 1946 г.— там же, над Босфорским переулком, а также в других местах.

16
39
146
147
89
145
30

Подведем итоги нашей работе над топографией Пантикапея. Лучше всего исследованными районами являются северный и отчасти восточный склоны Митридатовой горы. Значительно меньше данных у нас о южном и западном склонах. По сравнению с нагорной частью древнего города, те районы Пантикапея, которые занимали низины к востоку и особенно к югу и северу от Митридатовой горы, остаются еще почти неизученными. Доступные нам данные о городе в древнейшую эпоху и во времена Археанатидов крайне скудны. Мы можем только предполагать, что в черту города входил район Первого кресла Митридата и, возможно, склоны горы с восточной и юго-восточной стороны. Каков был облик этого города, сказать крайне трудно, однако в нем уже несомненно существовали великолепные общественные здания, от которых дошли лишь отдельные обломки, к тому же найденные не in situ.

Значительно обильнее и надежнее те данные, которыми мы располагаем о Пантикапее времен Спартокидов. Уже в IV в. до н. э. город несомненно занимал участки на северном склоне Митридатовой горы выше Эспланадной улицы (раскоп 1948 г.) и на южном склоне над Босфорским переулком (раскоп 1947 г.). При этом достойно внимания, что в эту эпоху в Пантикапее имела место террасная планировка и сооружались монументальные постройки. Несомненно также, что во времена ранних Спартокидов в черте города находился район у восточной подошвы Митридатовой горы (Приморский раскоп 1947 г.). О художественном убранстве Пантикапея в это время дают представление находки монументальных мраморных статуй: Диониса (на Босфорской улице) и одного из Спартокидов IV в. до н. э., а также других произведений.

83, 153
148
149
32

В последующие времена правления Спартокидов город стал расширяться в западном направлении. В III—II вв. до н. э. он достиг восточной подошвы скалистого выступа между Вторым и Первым креслами Митридата, а во II в. до н. э., по всей вероятности, захватил

147

и вершину Второго кресла. Во всяком случае, не ранее чем к этому времени можно отнести оборонительную стену, которая проходила к западу от Второго кресла и к югу от Госпитальной улицы.

О планировке города этого времени мы знаем немного. Однако мы можем полагать, что расположенные на Митридатовой горе части древнего города имели террасную планировку. Подпорные стены террас твердо установлены на восточном и южном склонах горы. Вполне возможно, что они были и на северном склоне и обходили гору со всех сторон.

Свидетельство Страбона позволяет считать существование акрополя твердо установленным в рассматриваемую эпоху. Однако вполне возможно, что он возник и значительно раньше. О границах Пантикапейского акрополя мы можем судить по плану Бларамберга, а также по раскопкам на северном и юго-восточном склонах Митридата.

Раскопки конца XIX в. на северном склоне Митридата, 1946—1948 гг. к северо-востоку от Старого кладбища, а также 1947 г. под скалистым выступом между Первым и Вторым креслами свидетельствуют о том, что в III—II вв. до н. э. эти районы были заняты монументальными богатыми зданиями. То же можно сказать и об южном склоне, над Босфорским переулком. Возможно, что к этому времени относится обнаруженная на восточном склоне постройка, в которой можно видеть террасный дом, позволяющий вспомнить о террасных домах Помпеи.

Сохранившиеся остатки построек и их декора обнаруживают высокий уровень строительной техники и богатство города в это время.

Упоминаемые Страбоном гавань и доки Пантикапея вероятно находились на берегу моря, к востоку от горы Митридата. Нужно думать, что к рассматриваемому времени относится и сооружение мола.

Храмы, существование которых в Пантикапее в эпоху Спартокидов надежно засвидетельствовано, не поддаются достаточно точной локализации.

Раскопки 1945—1948 гг. показали, что в конце II в. до н. э. во времена восстания Савмака и захвата Пантикапея Диофантом, а также при землетрясении в I в. до н. э. город подвергся сильнейшему разрушению. Следы его и последующих восстановительных работ обнаружены на восточном, южном и северном склонах Митридатовой горы.

Пантикапей в эпоху Сарматской династии, нужно думать, занимал примерно те же районы, что и во времена поздних Спартокидов. Неясным остается вопрос о северных и южных границах города в эту эпоху, так же как и в предшествовавшие времена. Мы можем полагать, что в северном направлении город доходил до линии стен, зафиксированных Бларамбергом. При всех обстоятельствах, вряд ли город мог простираться далее нынешней улицы Карла Маркса, как показывают наблюдения над земляными работами 1948 г.

Намечаемая, таким образом, площадь Пантикапея была более 100 га, т. е. превышала примерно втрое территории других крупнейших античных городов Северного Причерноморья: Фанагории, Херсонеса и Ольвии. Доступные нам данные о характере Пантикапея в эпоху Сарматской династии довольно скудны. Однако они позволяют говорить о различном характере районов в городе того времени.

Раскопки и случайные находки около вершины Первого кресла дали нам обломки богатых ордерных построек, куски различных облицовочных плиток и мраморные скульптуры. Это позволяет заключить, что на акрополе Пантикапея стояли богатые общественные здания. Наряду с последними там же засвидетельствованы сооружения, связанные с водоснабжением: колодези и водопроводы.

Общественные здания, возможно, располагались и на северном склоне горы, к северу от Первого кресла; там в конце XIX в. были раскопаны термы. Находки скульптур и баз статуй, нужно думать, по большей части эпохи Сарматской династии, в районах Старого кладбища и Предтеченской площади допускают предположение, что там были богатые кварталы города. Раскопки около церкви Иоанна Предтечи показали, что в сарматскую эпоху там был район, близкий к гавани. У восточной подошвы Митридатовой горы, недалеко от Приморского бульвара, возможно, находились рыбозасолочные предприятия.

С значительно большей уверенностью мы можем говорить об южном склоне Первого кресла, в районе над Босфорским переулком, где находились жилые кварталы. Раскопки 1946—1947 гг. позволяют судить о характере этого района города с узкими улицами и переулками, по которым проходили водостоки.

Западная часть северного склона Митридатовой горы резко отличается от описанных районов. Там на участке к с.-в. от Старого кладбища были обнаружены винодельни I в. до н. э.— II в. н. э. и зерновые ямы III—IV вв. н. э. Зерновые ямы, нужно думать, близкого времени, встречались на значительном пространстве по северному склону и несомненно заходят на южный склон Митридатовой горы, свидетельствуя о сильной рустификации Пантикапея в позднеантичную эпоху. На северном склоне были обнаружены также гончарные печи и сбросы брака керамического производства.

Район у юго-западного угла Старого кладбища, а также под скалистым выступом между Первым и Вторым креслами и, возможно, на вершине горы у Второго кресла Митридата в сарматскую эпоху был занят плохими постройками — вероятно, жилищами беднейших слоев населения.

Как мы уже отмечали, оборонительные стены Пантикапея сарматского времени были нанесены на план Бларамберга. Развал одного из участков названных стен к ю.-з. от вер-
151 шины Второго кресла был обнаружен в 1948 г.

Городские свалки Пантикапея занимали обширное пространство и достигали большой мощности, особенно в районе к с.-з. от Второго кресла. В эпоху Спартокидов они находились за пределами городской черты, к западу от
18, 81, города. В I—II вв. н. э. значительные скопле-
82, 84, ния мусора нам известны и в районе к с.-в. от
86, 91, Старого кладбища.
94, 105, 108, 113 141, 144 145, 155

После падения Пантикапея, в эпоху раннего средневековья, город ограничился небольшим участком в районе церкви Иоанна Предтечи, а запустевшая в это время Митридатова гора была занята некрополем.

III. ЛЕТОПИСЬ РАСКОПОК И СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК НА ПАНТИКАПЕЙСКОМ ГОРОДИЩЕ[1]

1 В 1811 г. П. Дюбрюкс. Позади старой таможни. При копании рва вокруг сада был открыт фундамент стены из тесаного камня на извести (в 1 саж. толщины). Стена поднималась к Большой площади и доходила до моря. Против магазина К. Голицыной открыт фундамент стены, поднимавшейся почти отвесно к Большой площади.

1) П. Дюбрюкс. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на берегу Босфора Киммерийского. От входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук, включительно, при Черном море. ЗООИД, IV, 1858, стр. 23.

2) Ю. Ю. Марти. Сто лет Керченского музея[2], Керчь, 1926, стр. 54.

2 В 1823—1828 гг. П. Дюбрюкс и И. П. Бларамберг. Обследование города и стен Пантикапея. До нас дошло описание, составленное первым, и план Пантикапея, составленный вторым. Описаны остатки стен и башен главной ограды и акрополя, башни указаны: «круглые», «квадратные», «четырехугольные», «овальные», «полуовальные». Скалы, которые служили основанием башням, обтесаны, в стенах двери для вылазок. По поводу южной стены города отмечается, что она была на расстоянии 20 саж. к югу от южной подошвы горы Митридата, имела более $2^1/_2$ арш. толщины и была поставлена на извести.

Стены, вероятно, римского времени (в связи с этим см. ИАК, вып. 18, 1906, стр. 130, № 47).

1) ЗООИД, IV, стр. 16—25, табл. II.

2) М. И. Ростовцев. Скифия и Босфор, стр. 183.

В 1833 г. А. Б. Ашик. На горе Митридата. 3
Открыто древнее водохранилище.

1) Архив Керченского музея, дело 1833 г. по описи № 1, ведомость при рапорте от 4 октября 1833 г. № 148 и ведомость при рапорте от 21 ноября 1833 г. № 158.

В 1836 г. по сообщению А. Б. Ашика при 4
спланировании Биржевой площади был случайно найден меч.

1) Архив Керченского музея, дело 1836 г. по описи № 4, рапорт от 31 августа 1836 г. № 31 и предписание от 4 сентября 1836 г. № 1676.

В 1838 г. А. Б. Ашик. Раскопки на вершине 5
горы Митридата. Обнаружены древний колодезь и рядом с ним кладка, принадлежавшая к какому-то древнему зданию, повидимому, воротам. Кладка была разобрана, причем под одним из камней были найдены 30 монет боспорских царей. Монеты находятся в Эрмитаже.

1) Архив Керченского музея, дело 1838 г. по описи № 6, рапорт от 2 февраля 1838 г. № 20; ответ от 8 февраля 1838 г. № 13/100; рапорт от 21 февраля 1838 г. № 31; ответ от 26 февраля 1838 г. № 21/1469.

2) Архив ИИМК, дело 1838/59.

3) Архив ИИМК, Керченская картотека Спицына, дело 1838/59, рапорт от 26 февраля 1838 г. № 21/1469.

4) Архив Эрмитажа, опись VI, Лит. мат. № 6, A. Aschik, Rélation historique des fouilles, 1821—1842, стр. 77—80.

В 1839 г. близ церкви Иоанна Предтечи бы- 6
ла случайно найдена мраморная колонна. На передней стороне колонны была шестистрочная латинская надпись, в которой говорилось о посвящении Тиберию Юлию Савромату (возможно — Савромату I). Хранится в Одесском музее.

1) Н. Мурзакевич. О латинской надписи с именем боспорского царя Савромата II, ЗООИД, I, стр. 286—288.

2) IOSPE, II, стр. 40, № 40.

В 1840 г. Во дворе греческой церкви найден 7
мраморный рельеф с изображением Аполлона, Гермеса, Артемиды и нимфы Киллены.

1) ЗООИД, XXXII, стр. 15 сл.

2) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 60.

В 1842 г. А. Б. Ашик. На Дворянской улице 8
найден на глубине 2 саж. мраморный бюст посредственной работы.

1) Архив Эрмитажа, опись VI, Лит. мат. № 6, A. Aschik, Rélation historique des fouilles, 1821—1842, стр. 161—162.

В 1843 г. на Биржевой площади «шагах в 9
60-ти от моря, по левую сторону древнего пантикапейского порта, в фундаменте старинной «турецкой бани» случайно открыт ряд мраморных плит: три четырехугольных столба с гре-

[1] Летопись составлена по материалам картотеки, явившейся частью подготовительных работ ГАИМК к археологической кампании 1933 г. Картотека была составлена на основании архивных данных (архива Керченского музея, ИИМК и Государственного Эрмитажа) Б. Н. Граковым и мною. В картотеке, а равно и в этой работе я стремился возможно точно передать содержание рукописных отчетов, по возможности сохраняя все определения отдельных исследователей.

[2] В дальнейшем буду обозначать: Ю. Ю. Марти. Указ. соч.

ческими надписями, куб с надписью, мраморный блок с рельефным изображением всадника и двух фигур и с надписями, затем надписи: а) Левкона, сына Перисада о статуе Аполлона, б) Рескупорида II, сына Савромата от 520 г. боспорской эры и в) о постановке статуй Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице.

1) Архив Керченского музея, дело 1843 г. по описи № 11, донесение от 5 июня 1843 г. № 124.

2) Архив Керченского музея, дело 1843 г. по описи № 11, донесение от 6 июня 1843 г. № 126.

3) Архив Керченского музея, дело 1847 г. по описи № 15, рапорт от 28 апреля 1847 г. № 2496.

4) Архив ИИМК, Керченская картотека Спицына, 1-я папка, рапорт от 5 июня 1843 г. № 124.

5) ЖМВД, 1844, ч. 6, Смесь, Открытия древностей в Керчи во вторую половину 1843 г., стр. 321—322.

6) А. Ашик. О последних археологических раскопках в Керчи, ЖМВД, 1846, ч. 14, стр. 122—123.

7) IOSPE, II, стр. 13, № 15; стр. 25 сл., № 29; стр. 43 сл., № 43.

8) ИАК, вып. 56, 1914, стр. 18—19.

9) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 62.

10 В 1845 г. упоминание о том, что на горе Митридата «видны еще следы валов и остатки каменной стены, которою была окружена существовавшая на вершине горы цитадель» и что «на этом месте есть также скалы со ступеньками, местами обтесанные Митридатовы кресла».

1) Архив Керченского музея, дело 1845 г. по описи № 13, рапорт от 16 декабря 1845 г. № 378.

2) Архив ИИМК, Керченская картотека Спицына, дело 1845 г. по описи № 13, тот же рапорт.

11 В 1845 г. упоминание о том, что в море против восточного склона горы Митридата существовал мол, следы которого еще не совсем занесены песком; длина этого мола 160 саж.

Источник сведений см. № 10.

12 В 1845 г. упоминание о находящейся в Керчи греческой церкви Иоанна Предтечи и описание последней (крест в плане, в центре купол, поддерживаемый четырьмя колоннами коринфского ордера). Год построения вырезан на одной из колонн «6225 от сотворения мира».

Источник сведений см. № 10.

13 В 1846 г. А. Б. Ашик. Раскопки близ городского кладбища. Обнаружены две ямы-хранилища, содержавшие по нескольку амфор.

1) Архив Керченского музея, дело 1846 г. по описи № 14, второй отчет об археологических поисках с 4 февраля по 5 апреля 1846 г.

14 В 1846 г. А. Б. Ашик упоминает о том, что находки хлебных ям в Керчи «не новость», ибо на покатости горы Митридата и прежде находили «хлебные амбары».

Источник сведений см. № 13.

15 В 1847 г. К. Р. Бегичев сообщает о случайной находке на вершине горы Митридата при разработке площадки «без всякого признака гробницы» двух пар золотых серег и мраморных обломков — двух колоссальных баз колонн и фрагментов «фриза коринфского ордера».

1) Архив Эрмитажа, дело 1846/32, отчет К. Р. Бегичева за 1846—1855 гг., стр. 53—54.

16 В 1849 г. К. Р. Бегичев. Раскопки на вершине горы Митридата, в насыпи, покрывающей все пространство между памятником Стемпковскому и так называемым Креслом Митридата. Обнаружен на глубине $1^1/_2$ саж. древний каменный водопровод, устроенный из плит, разной величины, сложенных на извести. Крыша водопровода была хищнической кладки из всевозможных плит каменных и мраморных, обломков карнизов, капителей и т. п.[1]. Водопровод был расследован на протяжении 40 саж.

Водопровод занимал «почти середину верхней плоскости горы, начинаясь у древнего колодца, разрушенного совершенно в наши времена; он шел непрерывною линией, то кривой, то ломаной, имея постоянное направление от юга к северу и слегка понижаясь в эту последнюю сторону, до группы природных скал, лежащих по склонам горы, довольно крутым». Здесь водопровод оканчивался двумя уступами.

Водопровод шел по материку на разной глубине насыпи, в которой встречались каменные и другие гробницы «генуэзские» или «турецкие» (находки: в одной могиле — несколько стеклянных цветных монист и медный крестик — в другой) — вероятно, средневековые.

1) Архив Керченского музея, дело 1849 г. по описи № 17, рапорт от 11 мая 1849 г. № 17, ответ от 1 июня 1849 г. № 4067.

2) Архив Эрмитажа, дело 1846/34, отчет К. Р. Бегичева 1846—1850 гг., стр. 88—91.

3) В. Д. Блаватский. Террасы Пантикапея. КСИИМК, XXI, 1947, стр. 95.

4) О погребениях: Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 63.

17 В 1849 г. К. Р. Бегичев. Раскопки у подошвы горы Митридата, с юго-восточной стороны, против дома купца Дмитриева, возле стены, ограждающей его двор, устроенный под самою горою.

Обнаружена насыпь, в которой оказались различные фрагменты посуды и два глиняные светильника (один простой, а другой с рельефным изображением бюста женщины). На глубине 3 (с лишним) саж. открыта каменная стена $3^1/_2$ арш. шириной из больших тесаных камней. Стена была прослежена «на значительном протяжении»; она шла в гору с ю.-в. на с.-з. и «с одной стороны была уже разобрана и лежала в основании ниже уровня моря».

В другом месте «по тому же направлению, но несколько выше над горизонтом» обнару-

[1] В силу указанного обстоятельства К. Р. Бегичев датирует водопровод эпохой разрушения Пантикапея.

жена такая же стена, может быть, продолжение первой, тоже полуразрушенная. В насыпи найдены простой глиняный светильник и две медные монеты.

1) Архив Эрмитажа дело 1846/34, отчет К. Р. Бегичева за 1846—1850 гг., стр. 94—96.

18 В 1849 г. К. Р. Бегичев. Раскопки на покатости горы Митридата с северной стороны возле самой террасы, где находится группа скал, имеющая со стороны террасы вид огромной ниши [1]. В боковых сторонах ниши были углубления (4 пары), вероятно, для балок навеса, идущих от входа уступами кверху. Грунт в нише был земляной — площадью в 4 кв. саж.; при раскопках на глубине 1-й сажени оказался слой камки и соломы, ниже — земля с золой и углем, посередине площади найден каменный столб. На стороне, противоположной входу, обнаружена мраморная ниша, в которой была «мраморная трехсторонняя колонка, увенчанная тремя женскими головами вместе».

Под нишей найден мраморный торс женщины, несколько фрагментов амфор, в том числе ручка с клеймом.

1) Архив Эрмитажа, дело 1846/34, отчет К. Р. Бегичева за 1846/1850 гг., стр. 92—94.

19 В 1849 г. К. Р. Бегичев. Раскопки на покатости горы Митридата, возле ее вершины с восточной стороны против музея.

Обнаружен колодезь — круглая каменная постройка (диаметром $1^1/_2$ арш., высотой 1 саж.). На дне обнаружены черепки амфор.

1) Архив Эрмитажа, дело 1846/34, отчет К. Р. Бегичева за 1846—1850 гг., стр. 91—92.

2) Архив Керченского музея, дело 1849 г. по описи № 17, рапорт от 29 апреля 1849 г. № 14.

20 В 1849 г. Упоминание о разрешении Василию Гущину возобновить «древний колодезь» близ Золотого кургана.

1) Архив Керченского музея, дело 1849 г. по описи № 17, сообщение градоначальника от 29 января 1849 г. № 655.

21 В 1853 г. А. Е. Люценко. Раскопки на скатах третьего, четвертого и пятого холмов горы Митридата и далее к западу. При раскопках обнаружено большое количество гробниц и сверх того «найдено кирпичное строение в виде круглой обжигательной печи со сводом и столбом посредине».

1) Архив Керченского музея, дело 1853 г. по описи № 5, рапорт от 15 сентября 1853 г. № 55.

2) Архив Керченского музея, дело 1854 г. по описи № 5, рапорт от 28 января 1854 г. № 9.

3) Архив ИИМК, Керченская картотека Спицына, рапорт от 15 сентября 1853 г. № 55.

4) Архив ИИМК, дело 1853/15, стр. 126 сл., тот же рапорт.

5) Извлечение из отчета об археологических разысканиях в 1853 г., стр. 178.

В 1854 г. А. Е. Люценко. Раскопки в Лав- 22
риковом переулке на дворе дома купца Бойковича, у подошвы горы Митридата.

Была сделана выемка в 5 саж. глубиной. Открыта часть стены длиной $2^1/_2$ саж., шириной 1 саж., высотой около 2 саж.; стена делала небольшой поворот, она была сложена из больших тесаных мягких камней, в которых имелись выемки, представляющие следы связи деревянными брусьями.

Поблизости обнаружена засоренная водопроводная труба, направленная «из глубины горы Митридата... к подошве ее».

1) Архив Керченского музея, дело 1854 г., по описи № 5, рапорт от 20 апреля 1854 г. № 38.

2) Архив ИИМК, Керченская картотека Спицына, тот же рапорт.

3) Архив ИИМК, дело 1854/40, стр. 122, тот же рапорт.

В 1854 г. К. Р. Бегичев. Раскопки у под- 23
ножья кресла Митридата (между камнями). Найден глиняный светильник с изображением битвы «пигмея с петухом» и надписью на донышке.

1) Архив Керченского музея, дело 1854 г., рапорт от 7 сентября 1854 г. № 32 с описью.

2) Архив ИИМК, Керченская картотека Спицына, та же опись.

3) Архив ИИМК, дело 1854/40 по описи № 8.

В 1860 г. на Керченском городском кладби- 24
ще случайно найдены «женская голова» из мрамора (в повязке, с ниспадающими кудрями) и небольшое каменное кольцо.

1) Архив ИИМК, дело 1860/4. О мраморной голове (с рисунком). Описи 1860 г., дело 1860/34.

2) ИАК, вып. 49, 1913, табл. III, 1—2.

В 1861 г. при А. Е. Люценко. Между Пред- 25
течевской площадью и Таманской пристанью при устройстве погреба Аллиауди обнаружены каменные стены на растворе (шириной не менее 1 саж.). В кладке найдены мраморные пьедесталы с надписями: а) в 14 строк о посвящении хилиархом Ульпием Антисфеном статуи царя Рескупорида III в 216 г. н. э. и б) в 11 строк Рескупорида I, 250 г. н. э. На той же земле найден рельеф с изображением мужчины.

1) Архив ИИМК, дело 1861/15, рапорт от 10 июня 1861 г. № 14 и пр.

2) ОАК, 1861 г., стр. VII и VIII.

3) IOSPE, II, стр. 40 сл., № 41; стр. 44 сл., № 44; стр. 46 сл., № 46.

4) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 66.

В 1863 г. А. Е. Люценко. На Биржевой 26
площади около фонтана возле Таманской пристани (где были найдены пьедесталы

[1] Возможно, что это место совпадает с упоминаемой П. Дюбрюксом скалой (36). ЗООИД, IV, 1858, стр. 19.

статуй с надписями) найдены мраморный карниз и гладкая плита.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1863, Б [1].

2) Архив ИИМК, Керченская картотека Спицына, 1-я папка, тот же журнал.

3) Архив ИИМК, дело 1863/6, тот же журнал.

27–31 В 1864 г. А. Е. Люценко. Раскопки террас горы Митридата. На вершине горы с юга в 27 30 саж. от памятника Стемпковскому обнаружены колодезь и водопровод к северу от него. В насыпи найдено много черепков, ручки с клеймами, несколько монет (Котиса II и пантикапейские) и пр.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1864.

2) Архив ИИМК, дело 1864/9, тот же журнал.

3) ОАК, 1864 г., стр. XIII—XVI.

4) ОАК, 1865 г., стр. 205—210.

5) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 67.

28 У подошвы памятника с ю.-з. обнаружено несколько стен, примыкающих к скале, стены были сложены из камня-дикаря, тесаных плит и обломков карнизов колонн и других архитектурных фрагментов. Найдены обломки посуды, ручки амфор с клеймами, фрагменты расписных ваз и архитектурные фрагменты из мрамора и известняка. В одной из стен найдена часть плиты из известняка с посвятительной надписью Деметре, исполненной при Левконе.

Возле памятника (тоже к ю.-з.) обнаружена цистерна, высеченная в скале, покрытая раствором с желобком из камня, уходящим внутрь террасы.

1) Источник сведений см. № 27.

2) IOSPE, II, № 7.

3) В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 158 сл.

29 В верхней террасе возле памятника найдены: база из известняка с надписью Μάνις Ἡρακλεῖ IV в. до н. э. и семистрочная надпись с именами Кефисодота, Диогена и Диониса.

Открыты стены, образовавшие нечто вроде сеней. К северу от этих стен раскопана плитовая детская гробница № 26, ориентированная на запад, в гробнице найдены золотые серьги и стеклянный флакон.

1) Источник сведений см. № 27.

2) IOSPE, II, № 24 и № 55.

3) В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 160.

30 У западной и северной подошвы горы обнаружены остатки строений из тесаных плит. В насыпи над ними три «генуэзских» могилы. Найдено много черепков, ручки с клеймами, статуэтки и пр. По печатному отчету здесь найдены медные монеты, одна из них — Котиса II (124—132 гг. н. э.).

При дальнейших раскопках этой террасы, от подошвы к вершине и на продолжении второй террасы к югу и западу обнаружен городской мусор.

1) Источник сведений см. № 27.

У подошвы горы с ю.-з. найдена посвяти- 31
тельная надпись Аполлону Врачу на базе статуи, поставленной жрецом Сатирионом при Перисаде.

1) Источник сведений см. № 27.

2) IOSPE, II, № 10.

В 1865 г. А. Е. Люценко. Раскопки на Бос- 32
форской улице, во дворе Калькани, примыкающем к насыпи подошвы горы Митридата, на правой стороне улицы.

Обнаружен при планировке двора в его нагорной части каменный помост в три слоя штучных камней длиной и шириной более 3 саж. Найдены четыре куска статуи юного Диониса, торс и голова пантеры, женская голова, рука статуи, часть базы, карниз и обломок плиты с византийской надписью.

Помост продолжался во дворе Войтенко. Раскопки там дали ряд скульптурных фрагментов и обломок надписи.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1865, октябрь.

2) Архив ИИМК, дело 1865/9, тот же журнал.

3) ОАК, 1865 г., стр. VIII—IX.

4) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 67.

5) В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 160 сл.

В 1865 г. А. Е. Люценко. Раскопки в юго- 33
западной части Городского кладбища.

Случайно (при рытье могилы) была найдена база статуи с надписью о боспорском царе Аспурге.

Раскопками на месте находки обнаружены каменная стена (фундамент или ограда) и около нее яма для хранения хлеба. В насыпи найдено несколько медных монет и два глиняных светильника.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1865, октябрь.

2) Архив ИИМК, дело 1865/9, рапорт от 30 ноября 1865 г. № 65, тот же журнал.

3) ОАК, 1865 г., стр. VII—VIII.

4) IOSPE, II, стр. 36 сл., № 36.

5) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 67.

В 1866 г. А. Е. Люценко. Раскопки насыпи, 34
примыкающей к горе Митридата с западной стороны близ памятника Стемпковскому. У этой насыпи 28 декабря 1865 г. была открыта при добывании камня статуя Нереиды на дельфине.

Обнаружены на материке дикарные камни и плиты известняка, может быть, от стен зданий.

Найдены фрагменты мраморных карнизов и статуй, черепки расписных, в том числе чернофигурных, ваз, ручки амфор с клеймами, фрагменты статуэток, светильников и монеты.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1866, А.

2) Архив ИИМК, дело 1866/1, тот же журнал.

3) ОАК, 1866 г., стр. III—IV.

4) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 67.

35 В 1867 г. А. Е. Люценко. Раскопки на юго-западной покатости горы Митридата. Открыты на глубине 5 арш. четыре квадратных столба из штучных камней — остатки фундамента здания.

Найдены обломок мраморной колонны и два фрагмента мраморных статуй, черепки посуды, в том числе расписной, 10 ручек амфор с клеймам (имена астиномов) и 20 совершенно испорченных монет.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1867, Б.

2) Архив ИИМК, дело 1867/11, тот же журнал и опись.

36-37 В 1867 г. А. Е. Люценко. Раскопки у подошвы верхней террасы горы Митридата.

36 С юго-западной стороны:

Открыты части стен и фундаментов из дикаря (в кладке несколько архитектурных фрагментов).

В насыпи обломки расписных ваз, ручки и горла амфор с клеймами, фрагмент черепицы с клеймом архонта Гигиэнонта и монеты.

37 С южной стороны:

Открыты стены верхней террасы горы. Найдены фрагменты расписной керамики, ручки амфор с клеймами, головки статуэток, монеты «с обыкновенными пантикапейскими типами».

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1867, С.

2) Архив ИИМК, дело 1867/11, тот же журнал и опись.

3) ОАК, 1867 г., стр. VI.

4) В. Д. Блаватский. Террасы Пантикапея, КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 95.

38 В 1867 г. А. Е. Люценко. Раскопки на горе Митридата несколько выше верхней террасы с западной стороны.

Найдены в насыпи амфорные ручки с клеймами и медные монеты с «обыкновенными пантикапейскими типами».

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1867, А.

2) Архив ИИМК, дело 1867/11, тот же журнал и опись.

39 В 1867 г. А. Е Люценко. Раскопки на горе Митридата на северной покатости горы, выше каменной лестницы, ведущей к церкви Александра Невского.

Обнаружены большие завалы, огражденные стенами из дикаря. В завалах — земля с камнями, ракушки, зола, кости животных, черепки амфор и других сосудов. Толщина слоя 4—5 саж.

На глубине 1½ саж. раскопаны «генуэзские» гробницы (из тонких плит); покойники обращены лицом на восток, в могилах узорчатые пряжки, застежки и бусы.

Найдено много фрагментов расписной и украшенной рельефами посуды, маски Медузы, обломки статуэток, монеты Пантикапея — автономные и царские (большей частью Котиса I), фрагменты греческих надписей.

Раскопки доводились до материка.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1867, В.

2) Архив ИИМК, дело 1867/11, тот же журнал и опись. (Конец журнала в деле 1868/41).

3) В. Д. Блаватский. Террасы Пантикапея, КСИИМК; вып. XXI, 1947, стр. 94 и сл.

40 В 1868 г. А. Е. Люценко. Раскопки (продолжение работ 1867 г., см. № 39), на северной покатости горы Митридата выше большой лестницы, ведущей к церкви Александра Невского (по печатному отчету на скатах горы Митридата с двух сторон — северной и юго-западной, несколько ниже памятника Стемпковскому).

Найдено большое количество ручек и горл амфор с клеймами и фрагментов расписной посуды. Девять ящиков «лучших» из них были отправлены в Археологическую Комиссию.

Найденные монеты — автономные и царские (последние, может быть, Котиса I).

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1868, А.

2) Архив ИИМК, дело 1868/41, тот же журнал.

3) ОАК, 1868 г., стр. III—IV.

4) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 68.

41 В 1869 г. А. Е. Люценко. Раскопки на северной покатости горы Митридата, выше каменной лестницы, ведущей к церкви Александра Невского.

Раскапывавшаяся земля была перемешана с черепками посуды, золою, морскими раковинами и пр.

Найдено 150 расписных ваз, 50 ручек амфор с клеймами, фрагменты горл амфор с клеймами, глиняные статуэтки (юноша с козлом на плечах, дитя с петухом), фрагменты черепицы с клеймами, 20 медных монет и пр.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1870, *А*, 3, 6 и *А*, 1.

2) Архив ИИМК, дело 1869/4, тот же журнал.

3) ОАК, 1869 г., стр. XV—XVI.

42 В 1870 г. А. Е. Люценко. Раскопки на вершине горы Митридата близ часовни Стемпковского.

Обнаружена часть постройки из двух продольных стен и одной поперечной. Стены были сложены из больших обломков скал. Промежуток между стенами (2 саж.) замощен плитами.

В насыпи, в которой попадались зола, камыш и ракушки, найдены черепки посуды, среди них чернофигурные с рельефными украшениями, ручки амфор с клеймами, статуэтки и их фрагменты, «торс» герма Геракла

(фотография № 11), обломки карнизов с украшениями, плиты с надписями и медные монеты, автономные и царские.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1870 г., *А*, 3, 6 и *А*, 1.

2) Архив ИИМК, дело 1870/23, тот же журнал.

3) ОАК, 1870 г., стр. XIX—XX.

4) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 69.

43 В 1870 г. На Городском кладбище случайно найдена голова статуи из белого мрамора.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1870, № 1.

2) Архив ИИМК, дело 1870/23, тот же журнал.

41—47 В 1871 г. А. Е. Люценко. Раскопки «пепелищ»:

44 а) на вершине горы Митридата возле так называемого кресла Митридата;

45 б) на вершине горы Митридата возле часовни Стемпковского;

46 в) на горе Митридата у подошвы ее с юго-западной стороны;

47 г) на горе Митридата с южной стороны. Открыто несколько остатков стен (небрежно сложенных из камней с мелким щебнем и землей).

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1871 г., *А*, 1 с ссылкой на рапорт от 31 декабря 1871 г. № 54.

2) Архив ИИМК, дело 1871/16, тот же журнал и «Краткая записка» А. Е. Люценка при рапорте от 31 декабря 1871 г. № 54.

3) ОАК, 1871 г., стр. XXXIX.

48 В 1871 г. А. Е. Люценко. Раскопки на крутой покатости горы Митридата с юго-восточной стороны, близ церкви Александра Невского.

Обнаружена на поверхности материка, срезанного под насыпью уступами (лестницей), часть постройки, снабженной водопроводным желобом.

На нижнем уступе открыт ряд сложенных насухо столбов-подпор (высотой около 3 арш.), расположенных в направлении с востока на запад. Тут же обнаружены часть водопроводного желоба, сложенного из штучных камней, и круглая яма глубиной в 3 арш. (вероятно, цистерна). Недалеко найдены куски мраморного карниза и базы колонны.

На втором уступе открыты две продольные и одна поперечная стенки (вышиной не более 1 арш.), сложенные из небольших бутовых камней.

Материк на третьем и четвертом уступах был на глубине 1½—2 саж. На одном уступе ничего не найдено, а на другом — две круглые и одна четырехугольная ямы. На обрезах уступов — следы водопровода, который, вероятно, шел к цистерне на вершине горы; цистерна представляла обширную и глубокую впадину.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1871, *А*, 1 с ссылкою на рапорт от 31 декабря 1871 г. № 54.

2) Архив ИИМК, дело 1871/16, тот же журнал и «Краткая записка» А. Е. Люценко при рапорте от 31 декабря 1871 г. № 54.

3) ОАК, 1871 г., стр. XXXIX—XL.

4) В. Д. Блаватский. Террасы Пантикапея, КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 95

В 1871 г. По сообщению А. Е. Люценка 49
найдена при рытье могилы на Керченском городском кладбище глиняная амфора с 1500 медных монет («Рескупорида VII, Фофорса и Радамсидиса»).

1) Архив ИИМК, дело 1871/2, рапорт от 7 декабря 1870 г. № 40.

В 1872 г. А. Е. Люценко. Раскопки на юж- 50
ной покатости горы Митридата с юго-западной стороны окружающей ее террасы.

Обнаружены остатки стен и фундаментов обширного здания из тесаных плит (рисунок: лист 24). Стены образуют прямоугольник длиною (с запада на восток) 10 арш., шириной 7 арш. с простенком посредине.

В насыпи найдены три ручки амфор с клеймами, одна со словом КЄРАМЄΩΣ (опись № 5), и часть карниза.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1872 г., *Б*.

2) Архив ИИМК, дело 1872/30, тот же журнал.

3) ОАК, 1872 г., стр. XX—XXI.

В 1874 г. А. Е. Люценко. На горе Митрида- 51
та возле ограды городского кладбища открыта яма для хранения зерна, в которой кроме земли и камня ничего не было.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1874 г., *В*, 1-*а*.

2) Архив ИИМК, дело 1874/10, тот же журнал.

В 1875 г. А. Е. Люценко. Раскопки на се- 52
верной покатости горы Митридата, выше лестницы, ведущей к церкви Александра Невского (там же, где в 1868—1869 гг.).

В «древнем пепелище» найдено более 1000 черепков глиняных расписных сосудов: чернолаковый лекиф, краснофигурный лекиф с изображением женской головы, чернолаковая солонка с graffiti, 48 ручек и 30 обломков от амфор с клеймами фабрикантов и именами астиномов, 9 терракотовых статуэток и головок, 2 обломка глиняных масок, 2 мраморных фрагмента с надписями, 30 медных монет.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1875 г., *В*, 2.

2) Архив ИИМК, дело 1874/10, тот же журнал.

3) ОАК, 1875 г., стр. XXX—XXXI.

В 1876 г. А. Е. Люценко. Раскопки на се- 53
верной покатости горы Митридата, выше каменной лестницы, ведущей к церкви Александра Невского.

В «древнем пепелище» найдено более 900 черепков чернолаковых сосудов, на одном из них краснофигурные изображения Тезея и Фетиды, чернолаковая чашка с grafitti, 24 ручки амфор с клеймами и около 50 медных монет.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1876 г., *А*.
2) ОАК, 1876 г., стр. XXX—XXXI.
3) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 71.

54 В 1876 г. А. Е. Люценко. Раскопки на северной покатости горы Митридата, недалеко от русского кладбища, по левую сторону глубокой балки, спускающейся с горы к Солдатской слободке (?).

В основании «древнего пепелища» ничего не обнаружено.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1876 г., *Г*.
2) ОАК, 1876 г., стр. XXXI.
3) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 71.

55 В 1877 г. А. Е. Люценко. Раскопки на крутых обрывах горы Митридата, на повороте верхней террасы от северо-востока к югу, возле церкви Александра Невского.

В «древнем пепелище» найдено несколько обломков мраморных карнизов и других частей зданий, мелкие обломки мозаик из мрамора, порфира и пр., 70 черепков расписных сосудов, 6 чернолаковых светильников, 30 ручек и 10 обломков горл амфор с клеймами, 20 бронзовых застежек, фибул и т. п., 60 медных монет.

До раскопок (в 1876 г.) там же была найдена плита с посвятительной надписью Перисаду, его дочери Комосарии и супругу последней Арготу, поставленная Феокритом и Фиаситами.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1877 г., *Д*.
2) Архив ИИМК, дело 1877/8, тот же журнал и рапорт от 1 февраля 1877 г. № 7.
3) ОАК, 1877 г., стр. XII—XIII.
4) IOSPE, II, стр. 16, № 19.

56 В 1877 г. Ф. И. Гросс. Раскопки на горе Митридата с восточной стороны Пирамидального холма, близ канавы, проведенной в середине 50-х годов XIX в.

Обнаружена насыпь мощностью в 4—5 арш., в которой прослежены постепенные наслоения пепла и щебня (в ней найдено множество черепков глиняной посуды, кости домашних животных и морские ракушки).

Под насыпью открыт ряд могил с бедным инвентарем.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1877 г.
2) Архив ИИМК, дело 1877/8, тот же журнал, при рапорте от 31 января 1878 г. № 5.
3) ОАК, 1877 г., стр. V, VIII—IX.

57–58 В 1878 г. Ф. И. Гросс и С. И. Веребрюсов. Раскопки на западной стороне самой высшей части горы Митридата под так называемым «Креслом» и у Первого скалистого холма.

Под так называемым Креслом Митридата 57 обнаружены полуразвалившаяся стена из дикого камня высотой около 1 саж. (направлением с с.-в. на ю.-з.) и другая стена (имеющая направление с с.-з. на ю.-в.), повидимому, представляющая фундамент общественного здания.

В мусоре найдены черепки простой посуды, терракотовые статуэтки, мраморные архитектурные фрагменты и медные монеты. 58

К западу от возвышенной террасы Митридатовой горы у подошвы Первого скалистого холма сделан раскоп с восточной стороны.

На глубине $1^1/_2$ саж. встречена стена шириной до $^1/_2$ саж. из больших тесаных камней, повидимому, фундамент большого здания.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1878 г.
2) Архив ИИМК, дело 1878/16, тот же журнал.
3) ОАК, 1878—1879 гг., стр. XXX—XXXI.

59 В 1878 г., Ф. И. Гросс и С. И. Веребрюсов. Раскопки на горе Митридата к западу близ Городского кладбища.

Обнаружено «древнее пепелище» и некрополь. Открыты разоренные катакомбы (№ 11) на глубине $9^1/_2$ арш. и ряд гробниц (№ 21—52). В них найдены глиняные сосуды, в том числе лекифы, чернолаковая солонка, «алебастрида», «стеклянный рожок», бронзовые украшения, медные монеты.

В насыпи пепелища найдены: 60 амфорных ручек с клеймами, кусок черепицы с клеймом архонта Гигиэнонта, терракотовые статуэтки и два надгробия: античное и христианское.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1878 г.
2) Архив ИИМК, дело 1878/16, тот же журнал.
3) ОАК, 1878—1879 (1878) гг., стр. XXIII—XXIV (?).

60 В 1878 г. Ф. И. Гросс и С. И. Веребрюсов. Раскопки на горе Митридата у юго-западного угла ограды Городского кладбища, «у неогороженного дворового места унтер-офицера Емельяненка».

Найдено много фрагментов статуэток-односторонок, вышедших из одной формы; вероятно, остатки мастерской.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1878 г.
2) Архив ИИМК, дело 1878/16, тот же журнал.
3) ОАК, 1878—1879 (1878) гг., стр. XXIX—XXX.
4) Н. Кондаков и И. Толстой. Русские древности, СПб., 1889 г., I, стр. 76.
5) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 72.
6) В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи, ИГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 21.

61 В 1878 г. Н. П. Кондаков. Раскопки на северной покатости горы Митридата («от восточного склона две балки, у угла кладбища»).

Земля в обеих балках насыпная. Найдены обломки чернолаковых сосудов, битые амфоры, ручки с клеймами (Родос, Синопа), светильники. В западной балке была найдена разоренная каменная гробница с «аттическими» лекифами.

1) Архив ИИМК, дело 1878/11, донесение от 10 сентября 1878 г.

2) ОАК, 1878—1879 (1878) г., стр. XXIV.

3) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 72.

62 В 1878 г. Н. П. Кондаков. Раскопки на южной покатости Митридатовой горы выше Соляного города.

При раскопке кургана обнаружена насыпь из пепла с обломками амфор (ручки с клеймами), фрагменты статуэток «Астарты», боспорские монеты. В центре — завал из дикарных камней. При раскопке на ровной площади на запад от кургана найдены пантикапейские и боспорские монеты, чернолаковые черепки и ручки амфор с клеймами.

1) Архив ИИМК, дело 1878/11, донесение от 10 сентября 1878 г.

2) ОАК, 1878—1879 (1878) г., стр. XVIII.

63 В 1879 г. С. И. Веребрюсов. Раскопки на ровной площади за южной оградой Городского кладбища.

На глубине 10 арш. обнаружены «следы древней дороги из мелкого камня», идущей с востока на запад.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1879 г.

2) ОАК, 1878—1879 (1879) г., стр. LVI.

64 В 1879 г. по сообщению С. И. Веребрюсова на Городском кладбище у южной ограды был найден при рытье могилы мужской мраморный «поясной бюст» без головы.

В том же документе С. И. Веребрюсов отмечает, что на кладбище нередко находят фрагменты статуй и сосудов.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1879 г.

2) ОАК, 1878—1879 (1879) г., стр. LVI.

65 В 1882 г. С. И. Веребрюсов. Раскопки на южном склоне горы Митридата, к востоку от Пирамидального холма.

Обнаружен ряд бедных гробниц, два жженых точка и завал из крупных камней (древний фундамент).

В насыпи могил встречались ручки амфор с клеймами.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1878—1885 и 1887—1891 гг., Журнал 1882 г. при рапорте от 7 января 1883 г. № 7.

2) Архив ИИМК, дело 1882/7, тот же журнал.

66 В 1882 г. Сообщение С. И. Веребрюсова о случайной находке на северном склоне горы Митридата, за южной оградой Городского кладбища, против скалистого холма (к западу от вершины Митридатовой горы).

Найдены: мраморный женский бюст больше натуры, мраморный герм, известняковые плиты с рельефными изображениями собаки и зайца и головы старика (Пана), а также карниз из известняка.

В 1883 г. С. И. Веребрюсов произвел раскопки на том же месте. Открыты и разобраны остатки фундамента древней постройки в форме «двухсаженного квадрата». Обнаружены беспорядочные кучи дикарного камня и остатки фундаментов, не принадлежавшие к «солидным зданиям», расположенные в различных направлениях одни под другими.

Найдены обломки архитектурных украшений и куски мрамора.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий 1883 г., рапорт от 4 декабря 1883 г., № 63.

2) Архив ИИМК, дело 1882/7, рапорт от 7 января 1883 г. № 2; дело 1883/3, тот же журнал.

3) ОАК, 1882—1888 (1883—1884) г., стр. 33—34.

4) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 74.

67 В 1884 г. случайно найдена на горе Митридата мраморная группа Ники и быка.

1) ОАК, 1882—1888 (1884) г., стр. XLI.

2) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 74.

68 В 1885 г. Ф. И. Гросс. Раскопки на северной покатости горы Митридата за оградою Керченского кладбища.

В некоторых местах на материке (обнаруженном на глубине от $1\frac{1}{2}$ до $5\frac{1}{2}$ арш.) открыты остатки стен вышиной 1—$1\frac{1}{2}$ арш., толщиной $1\frac{1}{4}$ арш.

В «пепелище» найдено много камней и обломки надгробий из известняка. По рукописному отчету там же (по печатному, на вершине той же горы) найдены чаша из гранита, фрагмент ионийской капители, амфорные ручки с клеймами, поврежденный светильник, фрагменты терракотовой статуэтки, медные монеты и пр.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1885 г., рапорт от 22 января 1886 г. № 8.

2) Архив ИИМК, дело 1885/10, тот же журнал.

3) ОАК, 1882—1888 (1885) г., стр. LXXXVI—LXXXVII.

4) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 75.

69 В 1885 г. Ф. И. Гросс. Раскопки на вершине горы Митридата.

Найдены: пифос (высотой 2 арш. 6 верш.), амфорные ручки с клеймами и медные монеты.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1885 г., рапорт от 22 января 1886 г. № 8.

2) Архив ИИМК, дело 1885/10, тот же журнал.

3) ОАК, 1882—1888 (1885) г., стр. LXXXVII.

70 В 1886 г. Ф. И. Гросс. Раскопки на северной стороне горы Митридата, у самого основания скалистого уступа.

Открыт ряд каменных желобов, идущих к высеченному в скале древнему водохранилищу, глубиной 3 саж., с небольшим отверстием, расширяющимся к основанию до $2^1/_2$ саж.; стенки цементированы.

Найдены черепки посуды, в том числе черлолаковой, главным образом амфор (ручки с клеймами), куски черепиц, глиняные светильники, грузила, фрагменты мраморных колонн.

Там же обнаружена высеченная в скале пещера и две большие ниши.

1) Архив Керченского музея. Журнал археологических разысканий, 1886 г., рапорт от 13 января 1886 г. № 3.

2) Архив ИИМК, дело 1886/7, тот же журнал.

3) ОАК, 1882—1888 (1886) г., стр. C—CI.

4) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 75.

71 В 1886 г. Ф. И. Гросс. На вершине горы Митридата с западной стороны так называемого Кресла Митридата, на глубине 1 арш. открыта плита, служившая крышкой высеченного в скале и оштукатуренного зернохранилища (глубиной 6 арш., шириной $1^1/_3$—3 арш.), на дне которого была найдена часть женской мраморной головы (см. лист № 1).

На разной глубине в насыпи и на материке встречались остатки стен и фундаментов. Найдено много обломков статуй, колонн, карнизов (см. лист № 2) и много черепков ваз «этрусского стиля» (см. лист № 3) в печатном отчете: «чернофигурных».

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1886 г., рапорт от 13 января 1887 г. № 3.

2) Архив ИИМК, дело 1886/7, тот же журнал.

3) ОАК, 1882—1888 (1886) г., стр. IC—C.

72 В 1887 г. случайно найдены у подошвы горы Митридата «во дворе керченского купца Семенова» в насыпи на значительной глубине пять обломков статуй и разных изделий из мрамора (см. лист № 4), среди них — фрагмент ноги от статуи в рост человека.

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий, 1887 г., рапорт от 28 января 1889 г. № 6.

2) Архив ИИМК, дело 1887/21, тот же журнал.

3) ОАК, 1882—1888 (1887) г., стр. CLXXIII.

4) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 75.

73 В 1887 г. случайно найдены во дворе керченского купца Мисаксуди два мраморных пьедестала с надписями, одна Савромата II (199—200 гг. н. э.), другая — Рескупорида II (218—219 гг. н. э.).

1) Архив Керченского музея, Журнал археологических разысканий 1888 г., рапорт от 28 декабря 1888 г. № 43.

2) Архив ИИМК, дело 1888/24, тот же журнал.

3) ОАК, 1882—1888 (1888) г., стр. CCXVI.

4) IOSPE, II, стр. 35, № 34 и стр. 42—43, № 42.

В 1888 г. случайно найдена во дворе Томазини мраморная плита с надписью. 74

1) ОАК, 1882—1888 гг., Приложение 23.

2) IOSPE, II, стр. 292, № 49.

3) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 76.

В 1891 г. А. А. Бобринский. Раскопки на северном склоне горы Митридата со стороны моря, т. е. с северо-востока. 75–76

Один раскоп был сделан позади здания, в котором ранее помещался Музей. Исследование доведено до грунтовой скалы. Насыпь состояла из различных отбросов города и больших тесаных камней. Наслоения в ней перемещены оползнями. 75

Находки, по определению А. А. Бобринского, главным образом греческие, римских почти нет.

Найдены: обломки расписных ваз, в том числе четырех панафинейских амфор, черепки амфор, в том числе ручки с клеймами, куски черепиц и грузил с клеймами, обломки светильников, детской посуды и терракотовых статуэток, бронзовые пряжки, браслеты, перстни, фибулы, стрелы, куски сплавившейся бронзы, медные монеты, фрагменты скульптур, куски облицовочного мрамора и части карнизов, кости животных (лошади, барана, свиньи, собаки), но не людей.

Другой раскоп был сделан выше, под памятником Стемпковскому. Раскоп дал однородные предметы с вышеупомянутыми, но в меньшем количестве. «Раскопкам сильно мешали каменные глыбы, попадающиеся здесь в изобилии и составляющие как бы стену, разрушенную временем, или заграждение с целью подпереть верх насыпи». 76

1) Архив ИИМК, дело 1891/53, Отчет о раскопках в Керчи в 1891 г.

2) ОАК, 1891 г., стр. 23—25.

3) М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, стр. 135 сл.

4) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 77.

5) В. Д. Блаватский. Террасы Пантикапея. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 94.

В 1891 г. А. А. Бобринский. Раскопки на северном склоне горы Митридата близ верхней стены (южного верхнего угла) городского кладбища. 77

Обнаружена древняя цистерна (высота 5 м), наибольшая ширина (внизу) 4 м. Цистерна сложена из тесаных плит. При очистке найдены фрагменты амфор, в том числе ручки с клеймами. Работы по очистке цистерны не были окончены.

1) Архив ИИМК, дело 1891/53, Отчет о раскопках в Керчи в 1891 г.

2) ОАК, 1891 г., стр. 25.

3) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 77.

78 В 1891 г. А. А. Бобринский. Раскопки на северном склоне горы Митридата, далее за кладбищем по направлению к Золотому кургану, т. е. к западу от дома сапожника Гордикова.

Обнаружена насыпь городской свалки («пепелище»), в которой найдены обломки расписных ваз, остродонных амфор, терракотовых статуэток, лампочек и грузил, медные монеты, бронзовые стрелы, фибулы, браслеты, гвозди и пр.

Под насыпью найдены земляные курганы, в которых открыт ряд могил; погребения были на уровне грунтовой скалы.

1) Архив ИИМК, дело 1891/53, Отчет о раскопках в 1891 г.

2) ОАК, 1891 г., стр. 26—30.

3) В. Д. Блаватский. Чернофигурная ойнохоя Государственного исторического музея, ВДИ, 1946, № 2, стр. 165—169.

79 В 1894 г. случайно найден в одном из дворов на Митридате немного выше трактира Запорожского большой глиняный пифос (вышиной 2 арш. 3 верш.), разбитый и скрепленный свинцовыми скрепами.

1) Архив ИИМК, дело 1894/17, Опись древностям, приобретенным Керченским музеем в 1894 г. № 7а.

80 В 1896 г. К. Е. Думберг. Раскопки на северном склоне горы Митридата в 65 саж. на восток от юго-восточного угла Старого кладбища.

На глубине, в среднем, 3 саж. обнаружены остатки стоящих на материке фундаментов жилых строений. № 4, 5, с красной, желтой, зеленой и черной штукатуркой внутри (в комнате № 4 был очаг № 6), мощеный бутом переулок (№ 3), который соединялся ступенями (№ 2) с рядом других построек (№ 1).

К с.-в. от помещения № 5 была ровная площадь, на северо-западной границе которой обнаружена постройка № 7 с земляным очагом. Найдены обломки глиняной посуды, терракотовых статуэток и медные монеты.

Дата построек, по печатному отчету, I в. до н. э. или I в. н. э., по рукописному — I—II вв. н. э.

1) Архив Керченского музея, Отчет об археологических разысканиях в 1896 г.

2) Архив ИИМК, дело 1898/30. Краткое описание... терм и построек..., открытых в 1896—1898 гг. при рапорте от 31 октября 1898 г. № 154.

3) ОАК, 1896 г., стр. 66—68.

4) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 78.

81 В 1897 г. К. Е. Думберг. Раскопки около домика, находящегося по 1-му Нагорному переулку под № 8 (раскоп «В» «Артемиды»). К 1 января 1898 г. работы не были доведены до материка, был снят лишь верхний слой насыпи.

В насыпи встречались в большом количестве разнородные черепки, амфорные ручки и черепицы с клеймами, терракоты, монеты и т. п., указывающие на то, что здесь в древности была свалка.

1) Архив Керченского музея, Отчет об археологических разысканиях, 1897 г., рапорт от 9 марта 1898 г. № 24.

2) Архив ИИМК, дело 1897/51, тот же отчет (и план горы, табл. VIII).

3) ОАК, 1897 г., стр. 36.

82 В 1897 г. К. Е. Думберг. Раскопки на горе Митридата довольно значительного, искусственного, повидимому, холма, прилегающего с востока к раскопу Бобринского 1891 г. (где была найдена гидрия с изображением Гермеса). Раскоп «А».

Обнаружен мощный слой (4 саж.) городского мусора. В нем найдены ручки амфор, куски черепицы, фрагменты различной глиняной посуды, терракоты и т. д. Под ним обнаружены три могилы приблизительно V в. до н. э.

1) Архив Керченского музея, Отчет об археологических разысканиях, 1897 г., рапорт от 9 января 1898 г. № 124.

2) Архив ИИМК, дело 1897/51, рапорт от 1 января 1898 г. № 2 и тот же отчет.

3) ОАК, 1897 г., стр. 35—36.

83 В 1898 г. К. Е. Думберг. Раскопки на северном склоне горы Митридата («сейчас за южными стенами домов № 30—35, образующих на самой границе крепостной эспланады Верхнюю Митридатскую, где в 1896 г. была сделана попытка открыть остатки древнего Пантикапея»).

Обнаружены термы, состоявшие из ряда помещений. Лестница (№ 8) вела в длинный коридор (№ 9), стены которого были покрыты цветной штукатуркой, а пол — известковой массой с кусочками мрамора. Рядом с лестницей было два помещения: вероятно, exedra (11) со стенами, покрытыми штукатуркой, и ambulatio (№ 10), небольшой, вероятно, крытый двор, окруженный с трех сторон дорийской колоннадой [1].

Лестница (№ 12) вела на площадку (№ 13), в северо-западной части которой обнаружен обложенный камнем колодезь (№ 14); на с.-в. от площадки была комната для хозяйственных надобностей (№ 16) с пятью хлебными ямами. В ней найдено много фрагментов амфор и других сосудов.

Между термами и площадкой (№ 13) — небольшой коридор (№ 17), под которым две

[1] Группа помещений, именуемая К. Е. Думбергом — длинный коридор — № 9, exedra — № 11, ambulatio — № 10 (см. помещения № V—VIII на плане ОАК, 1898 г., стр. 13, рис. 7), отношения к термам не имеет и должна быть датирована значительно более ранним временем. Часть кладки помещения VII (коридор) возможно отнести к эпохе раннего эллинизма или даже к IV в. до н. э. Другая часть стен помещения VII и помещение VI (exedra) датируется эллинистическим временем. Термы следует отнести к позднеантичному времени.

хлебные ямы; коридор, вероятно, был соединен дверью с топочной — profurnium (№ 18), где сохранились остатки очага и яма с золой 2 саж. в глубину и 2 саж. в диаметре. Рядом с топочной продолговатая комната (№ 19) — вероятно, frigidarium, где были найдены глиняные горшки, вставленные донъями один в другой. Около frigidarium обнаружены остатки бассейна — piscina (№ 20) и обложенная камнем яма (№ 21) глубиной в 4 арш.

Комната № 22 могла быть тепидарием — tepidarium, в ней помещались лежанка и полукруглый бассейн (*M*), снаружи был другой бассейн (№ 29). В комнате № 23, вероятно, caldarium, с бетонированным полом и нишей *n*. Недалеко от северного угла кальдария обнаружена мощеная площадь № 32, которая не была доследована, к ней примыкали три желоба из известковых плит № 33.

На с.-з. от терм обнаружены остатки неопределенного строения № 31.

В восточном углу раскопа найдены остатки глиняных труб водопровода № 25, в конце которого была шахта 2 саж. в глубину, с глиняным корытом на дне и колодезь № 24, обложенный тесаным камнем. В колодезе на глубине 3 саж. появилась вода.

Кроме того, обнаружен второй подземный водопровод № 28, состоящий из свинцовых труб (1 верш. в диаметре), и бассейн № 26 (или, вернее, загороженное место), сооруженный позднее, чем термы.

В северо-западном углу раскопа обнаружены остатки черепичного завода[1] № 34, от которого сохранились боковые стены печи. Найдено много полуобожженных черепиц и грузил (отчасти со штемпелями). На с.-в. от завода стали показываться фундаменты, уходящие под площадь № 32 и желоба № 33.

Находки в насыпи: флакон из беловатой массы, покрытый глазурью, краснолаковый сосуд с двумя ручками, вазочка красной глины, глиняная форма, терракотовая маска, терракотовая головка, глиняные светильники с рельефными украшениями и без них, фрагменты стеклянных сосудов, золотые листья, бронзовые щитки от двери, бронзовые стрелки, фрагменты мраморных статуй (Ника и рука с голубем), фрагменты двух мраморных плит с надписями.

1) Архив Керченского музея, Отчет об археологических разысканиях, 1898 г., рапорт от 20 декабря 1899 г. № 67.

2) Архив ИИМК, дело 1898/30, Краткое описание... терм и построек..., открытых в 1896—1898 гг., рапорт от 31 октября 1898 г. № 154.

3) ОАК, 1898 г., стр. 13—16.

4) М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, стр. 114 сл.

5) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 79.

6) В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 164 сл.

[1] Такое истолкование этих остатков оспаривается В. Ф. Гайдукевичем в его работе «Античные керамические обжигательные печи», ИГАИМК, вып 80, стр. 14 сл.

84 В 1898 г. К. Е. Думберг. Раскопки на горе Митридата. Продолжение работ 1897 г. Раскоп «В» («Артемиды»).

Обнаружен мощный слой (от 3 до 4 саж.) городского мусора, в нем найдено много амфорных ручек с клеймами, черепки простой чернолаковой, расписной и арретинской посуды, глиняных светильников и терракот, медные монеты, большей частью пантикапейские (с головой Пана), среди обломков ваз — один чернофигурный с изображением Фетиды, Пелея и двух Нереид.

Посредине раскопа обнаружены булыжники, лежавшие «дорожкой», которая вела к колодцу, не обложенному камнем.

В материке и насыпи обнаружено девять гробниц приблизительно V в. до н. э.

1) Архив Керченского музея, Отчет об археологических разысканиях, 1898 г., рапорт от 20 декабря 1899 г. № 67.

2) ОАК, 1898 г., стр. 16—19.

85 В 1898 г. К. Е. Думберг. Раскопки на горе Митридата. Продолжение работ 1897 г. Раскоп «А» («Графский»).

Обнаружена городская насыпь. В ней найдены ручки амфор с клеймами, немного черепков чернолаковой и стеклянной посуды, светильники, обломки терракот и монеты.

Открыты две могилы.

1) Архив Керченского музея, Отчет об археологических разысканиях, 1898 г., рапорт от 20 декабря 1899 г. № 67.

2) ОАК, 1898 г., стр. 16.

86 В 1899 г. К. Е. Думберг. Раскопки на крепостной эспланаде горы Митридата рядом с обнаружившими древний некрополь раскопками 1897—1898 гг. («раскоп Артемиды»).

Под насыпью, мощностью до 4 саж., следов кладбища не оказалось. Встречались только скудные остатки стен, построенных на материке, которые Думберг датировал V в. до н. э.

В насыпи было найдено большое количество предметов: черепки чернофигурных ваз, по стилю близких Никосфену, осколки краснофигурных ваз роскошного и беглого стиля, обломки расписных (акварельных) ваз и чернолаковых сосудов, небольшое количество черепков «красной и черной арретинской посуды», обломки простой посуды из красной глины, среди них очень много (более 350) амфорных ручек с клеймами, чернолаковые и краснолаковые светильники, терракотовые статуэтки, глиняные кружки от веретена, осколки стеклянных разноцветных флаконов, монеты, большей частью пантикапейские автономные (с головой Пана), три из них — Митридата VIII, Реметалка и императора Валериана, золотая проволока, костяные коробочки, точильный брусок, кусок синей краски.

1) Архив Керченского музея, Отчет об археологических разысканиях, 1899 г.

2) Архив ИИМК, дело 1899/18, тот же отчет.

3) ОАК, 1899 г., стр. 17—18, рис. 26.

4) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 79.

87 В 1899 г. К. Е. Думберг. Раскопки на горе Митридата, «в том месте, где в 1882 г. были найдены мраморный женский бюст и каменный карниз с рельефными головами Пана и бегущих собак и зайцев».

Обнаружен фундамент большого сооружения № 1 из трех рядов каменных брусьев с вырезкой (*а*) в верхнем ряду, около него — три бруса (№ 2) на одном уровне с вырезкой и стена из больших плит (№ 3). На северном конце фундамента по рукописному отчету — сооружение в виде трубы, по печатному — цистерна, вероятно, более поздняя (№ 4).

В западной части раскопа — стена, облицованная плитами, № 5 и по рукописному отчету — помойная яма, по печатному — цистерна № 6.

Кроме того, еще обнаружены три стенки № 7, 8 и 9 из бутового камня (по печатному отчету — более поздние).

На юг от перечисленных построек обнаружен жженый точок (№ 10), там найдены: чернофигурная амфора VI в. с жженными костями, вокруг нее — черепки краснофигурного кратера начала V в. и чернофигурной ойнохои.

В раскопе найдены обломки чернолаковой посуды, несколько ручек амфор с клеймами, несколько светильников, фрагменты терракот, медные монеты.

1) Архив Керченского музея, Отчет об археологических разысканиях, 1899 г.

2) Архив ИИМК, дело 1899/18, тот же отчет (и план).

3) ОАК, 1899 г., стр. 25—27; стр. 17, рис. 26 (план *Е*).

4) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 79.

5) В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи, ИГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 18 сл., рис. 2.

88 В 1899 г. К. Е. Думберг. Раскопки на горе Митридата на юг от сделанных в 1896 г. разведок (в этом месте материк — скала поднимается и образует выступ).

Обнаружены две врубленные в материк цистерны (№ 1 и 2) и основание третьей цистерны (№ 3) или, может быть, пифоса.

По всей юго-западной стороне скалистого выступа обнаружены постройки, состоящие из пяти отделений (*I, II, III, IV, V*), каждое из которых разделено на несколько соединенных дверями комнат.

Помещения *I* и *II* служили подвалами и водохранилищем. В помещении *I* две стены (№ 6 и 7) и две двери, которые позднее были заложены (№ 8 и 5), последняя вела на лестницу (№ 4).

В помещении *II* — четыре комнаты (№ 9—12) с тремя дверями (№ 13—15). В комнате № 9 найден бюст Диониса и герм Геракла. В одной из комнат (№ 10) обнаружена цистерна *а*. На стене помещения № 12 была обмазка из извести.

Помещение *III* было, вероятно, пристройкой к главному корпусу, в нем было две комнаты (№ 16 и 17), стенки (№ 18—20) и водосточные канавы (*а* и *б*), сооруженные позднее.

В помещении *IV* было две комнаты (№ 21 и 22), они оказались на 2,5 м выше уровня *I* и *II* помещения, в одной из комнат (№ 21) — бетонный пол. Помещения *I—IV* относятся к эллинистическому времени.

Помещение *V* представляет пристройку с шестью комнатами (№ 23—28). В комнате № 26 — по рукописному отчету помойная яма (*п*), по печатному — цистерна и, кроме того, часть пола выложена плитами — может быть, основание хлебной печи (*р*).

Стены здания различной конструкции: из тесаного камня, бута, вырублены в скале и пр.

Впоследствии здание было разорено и затем снова использовано. Тогда двери № 5 и № 8 были заложены, поставлены три каменных столба (*с, с′, с″*), над которыми, вероятно, был водопровод, а близ столба *с′* проходил другой водопровод из свинцовых труб, защищенный каменными плитами.

Водопровод проходил по стене *XX*, вероятно, к цистерне *3*.

При раскопках найдены: герм Геракла, бюст Диониса, четыре капители с остатками росписи и другие архитектурные части (колонны, симы и пр.), немного чернофигурных и чернолаковых черепков, а также краснолаковых рельефных; обломки простой посуды, в том числе больших «плоских блюд», имеющих 1 арш. и более в диаметре, немного светильников, терракотовые статуэтки, черепицы, медные монеты Пантикапея (автономные) и Фанагории, сравнительно мало монет боспорских царей; бронзовые браслеты, застежки, гвозди и обломки посуды; костяные изделия, бусы, горло стеклянного флакона, куски разноцветной штукатурки.

1) Архив Керченского музея, Отчет об археологических разысканиях, 1899 г.

2) Архив ИИМК, дело 1899/18, тот же отчет.

3) ОАК, 1899 г., стр. 18—22.

4) М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, стр. 115—117.

5) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 79.

89 В 1899 г. К. Е. Думберг. Раскопки на горе Митридата на юг от сделанных в 1896 г. разведок, к ю.-з. от описанных в пункте № 88 пяти помещений

Обнаружены остатки водопровода (№ 19 и 20 *б* и *в*) и фундамента здания *VI*, в котором найдено большое количество рельефной шту-

катурки. Вероятно, это — подвальная часть дома, как показывает толщина стен *m — m*. Помещение состояло из трех комнат (№ 29—31); последняя, вероятно, позднейшая пристройка.

В юго-западном углу раскопа открыта гончарная печь из саманного кирпича.

При раскопках здания найдены: обломки мраморной статуи и лапы животного из известняка, кусок карниза, плитки из разноцветного мрамора, часть чернофигурного лекифа с изображением Геракла и двух воинов, часть чернофигурной плоской чаши, фрагменты чернолаковой посуды, немного фрагментов арретинской посуды, обломки простых сосудов, ручек амфор, светильники, терракотовые статуэтки, фрагменты стеклянных сосудов, монеты автономного Пантикапея и боспорских царей, костяные изделия, астрагал, бусы, гипсовые карнизы с овами, капители и обломки бычьих голов, со следами черной, красной и зеленой краски.

В насыпи над зданием *VI* открыто несколько каменных «генуэзских» гробниц.

1) Архив Керченского музея, Отчет об археологических разысканиях, 1899 г.

2) Архив ИИМК, дело 1899/18, тот же отчет.

3) ОАК, 1899 г., стр. 23—24.

4) М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, стр. 115 сл.

5) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 79.

90 В 1899 г. К. Е. Думберг. Раскопки на границе города и «пепелища» у подошвы Пирамидального холма.

Обнаружена стена, сложенная из громадных каменных плит.

1) Архив ИИМК, дело 1899/18, рапорт от 3 октября 1899 г. № 42

91 В 1899 г. К. Е. Думберг. Раскопки на горе Митридата, на Графском холме, близ «Графского раскопа» 1897 г.

Обнаружено «пепелище», под ним в материке детская могила с чернолаковым сосудом.

1) Архив Керченского музея, Отчет об археологических разысканиях, 1899 г.

2) Архив ИИМК, дело 1899/18, тот же отчет.

3) ОАК, 1899 г., стр. 27 сл.

92 В 1900 г. К. Е. Думберг. Раскопки на горе Митридата между открытыми в 1899 г. мощеным двором с колодезем и зданием, где был найден герм Геракла.

Обнаружены различные обломки и остатки стен неопределенного характера, найдены черепки разной посуды, амфорные ручки, терракоты и мраморная голова бородатого Диониса (высотой 0,133 м).

1) Архив Керченского музея, Отчет об археологических разысканиях, 1900 г.

2) Архив ИИМК, дело 1900/5, тот же отчет.

3) ОАК, 1900 г., стр. 25.

4) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 80.

В 1896, 1898 или 1899 гг. К. Е. Думберг. 93
Во время раскопок, производившихся на северо-восточном склоне горы Митридата, найдена часть карниза из белого мрамора, длиной 0,29, шириной 0,10 м, с надписью [Σω] τῆρος. Карниз мог принадлежать храму Зевса (Ζεὺς Σωτηρ, IOSPE II, 29), Аполлона, Асклепия или иного божества, носившего наименование Σωτηρ.

1) В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1908 г., ИАК, вып. 33, 1909, стр. 29 сл., № 12.

В 1900 г. К. Е. Думберг. Раскопки на горе 94
Митридата в «пепелище», близ так называемого «Графского раскопа».

Обнаружена насыпь «пепелища»; в ней найдены поврежденные терракоты, черепки посуды, монеты и пр.

Найдены могилы конца VI или начала V в. до н. э.

1) Архив Керченского музея, Отчет об археологических разысканиях, 1900 г.

2) Архив ИИМК, дело 1900/5, тот же отчет.

3) ОАК, 1900 г., стр. 25—26; 29—30.

4) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 80.

В 1902 г. В. В. Шкорпил. Раскопки на 95
Эспланадной улице между домами № 1 и 20, причем были исследованы и прилегающие части Шлагбаумской и 2-й Подгорной улиц.

Под глубокой насыпью обнаружены подробно описанные в отчете многочисленные гробницы, начиная с архаического и кончая римским временем. Эта насыпь, представлявшая культурный слой, не получила надлежащей характеристики в отчете. Судя по упомянутым в отчете глубинам, на которых обнаружены могилы, мощность насыпи колебалась от 1 м с небольшим до 4 с лишним.

1) В. В. Шкорпил. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г., ИАК, вып. 9, 1904, стр. 73 сл.

2) ОАК, 1900 г., стр. 48.

3) Ю. Ю. Марти. Указ соч., стр. 80—81.

В 1903 г. В. В. Шкорпил. Раскопки на 96
Эспланадной улице во дворах домов № 15, 17 и 19.

Под глубокой насыпью обнаружено десять могил, подробно описанных в отчете. Время поддающихся датировке могил примерно V—IV вв. до н. э. Насыпь, представлявшая культурный слой, не получила надлежащей характеристики в отчете. Судя по глубине, на которой обнаружены могилы, мощность насыпи колебалась от 3,98 до 4,98 м (могилы № 19—28) и достигала даже 5 м (могила № 107).

1) В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г., ИАК, вып. 17, 1905, стр. 1, 6 сл., № 26.

2) ОАК, 1903 г., стр. 43 сл.

3) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 81.

В 1904 г. В. В. Шкорпил. Раскопки холма 97
в конце продолжения Госпитальной улицы.

«Раскопками установлено, что здесь первоначально было кладбище с чернолаковой посудой, но в более позднее время прежние могилы были большей частью уничтожены сооружением новых гробниц. Новые могилы были вырыты, когда холм... был уже покрыт толстым слоем насыпи, между тем как древние гробницы были выкопаны прямо в материке, не покрытом еще насыпью». Время новых могил III—IV вв. н. э.

Раскопки установили границы «катакомбного» некрополя: восточная — по Госпитальной улице, южная — по Эспланадной.

1) В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г., ИАК, вып. 25, 1907, стр. 1 сл.
2) ОАК, 1904 г., стр. 69 сл.
3) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 81.

98 В 1904 г. В. В. Шкорпил. Раскопки на Госпитальной улице между домами № 37 и 41.

Обнаружен дромос «катакомбы», в стене которого прорублено отверстие в пашенную яму, служившую для ссыпки зерна. Эта огромная яма напоминала своей формой пифос с усеченным дном; нижняя часть ее высечена в материке, а верхняя — в древней насыпи, которая состоит из земли, смешанной с мелкими камнями, черепками посуды, амфорными ручками, обломками больших черепиц, разными костями и пр. Вверху ямы было круглое отверстие, закрытое гладкою плитою. Высота ямы 2,28 м, диаметр дна 2,35 м.

В яме было погребение с истлевшим деревянным гробом и стеклянными сосудами.

Против ворот дома № 41 на Госпитальной улице была обнаружена другая катакомба (№ 146), сооруженная на месте прежней зерновой ямы. Высота ее от пола до закладной плиты 3,10 м, к яме прибавлен дромос с аркою. Погребение III—IV вв. н. э.

1) В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г., ИАК, вып. 25, 1907, стр. 26 сл., № 113, рис. 7; стр. 36 сл., № 146.
2) ОАК, 1904 г., стр. 69 сл.
3) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 81.
4) В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 г., Советский Крым, 1946, № 2, стр. 123, прим. 2.

99 В 1905 г. В. В. Шкорпил. Раскопки на северном склоне Митридатовой горы, позади Эспланадной улицы за усадьбой № 9.

Обнаружена разрушенная городская стена толщиной 3 м. Она направлялась от Второго кресла Митридата вниз по склону горы к Госпитальной улице от юга к северу. Стена состояла из камней разной величины и обломков черепиц, сложенных на глине, внизу фундамента на материке лежали большие обтесанные плиты, в числе которых оказалось надгробие с надписью: Ξενὼ Ξενοπείθης Ξενοδί-μο(υ), относящееся к IV в. до н. э.

1) В. В. Латышев. Эпиграфические новости из южной России, ИАК, вып. 18, 1906, стр. 130—131, № 47.
2) G. Kieseritzky und C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland, Berlin, 1909, стр. 5—6, № 34.
3) М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 183.
4) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 82.
5) В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи, ИГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 20.

В 1905 г. В. В. Шкорпил. Раскопки на 100
Эспланадной улице во дворе дома № 7 и позади восточной части улицы.

Найдены могилы классического и римского времени, видимо, под насыпью от 2,15 до 3,16 м мощностью.

1) В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г., ИАК, вып. 30, 1909, стр. 1, 3 сл.
2) ОАК, 1905 г., стр. 57 сл.
3) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 82.

В 1906 г. В. В. Шкорпил. Раскопки «пепе- 101
лища» на вершине Митридатовой горы, между Вторым креслом Митридата и Сахарной головой, где в 1891 г. начал производить раскопки А. А. Бобринский.

«Исследованием пепелища подтвердилось предположение, высказанное А. А. Бобринским (ОАК, 1891 г., стр. 29), что под мусорною насыпью, залегающей между Вторым креслом Митридата и Сахарною головою, должны находиться... невысокие курганы... знатных пантикапейцев, похороненных там в V—IV вв. до н. э.». В 1906 г. был найден к ю.-з. от раскопа А. А. Бобринского низкий курган, состоящий из черной земли, не смешанной с мусором; в кургане обнаружена краснофигурная амфора (гробница № 18). Насыпь над этим могильником была от 3,69 до 4,78 м мощностью.

1) В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках, произведенных в 1906 г. в г. Керчи и его окрестностях, ИАК, вып. 30, 1909, стр. 51 сл.
2) ОАК, 1906 г., стр. 83 сл.
3) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 82.

В 1907 г. В. В. Шкорпил. Расследование 102
небольшой части обширного южного склона горы Митридата, где под толстым слоем насыпи был обнаружен древний некрополь.

«Раскопками установлено, что под... Вторым креслом Митридата хоронили непрерывно с V по III вв. до н. э.» В этих местах в 1902 г. найдено надгробие V в. до н. э. Тихона (ИАК, вып. 10, 1904, стр. 63, № 66). В расследованной части некрополя встречались только вещи этого времени, между тем как в могилах северного склона и более поздние (ИАК, вып. 25, 1907, стр. 1, вып. 30, стр. 1). «Сверх того, при этих раскопках весьма часто встречались остатки разрушенных зданий, которыми были или совершенно уничтожены или повреждены древние гробницы; так например, в яме, вырытой возле турецкого вала, проходящего по южному склону Второго кресла Митридата, обнаружен на глубине 1,73 м среди древних гробниц

бассейн, построенный из камней и облицованный внутри штукатуркой римского времени». Ввиду отсутствия в могилах «мегарских» чаш, краснолаковой и стеклянной посуды, а также фибул, В. В. Шкорпил сделал вывод, что на расследованном месте с V по III вв. до н. э. был пантикапейский некрополь, который примерно во II в. до н. э. был застроен городом. Эта новая часть Пантикапея была учтена в описании Страбона.

Судя по описанию могил, мощность насыпи колеблется от 1,63 до 5,57 м.

1) В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г., ИАК, вып. 35, 1910, стр. 12 сл.

2) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 83.

103 В 1907 г. В. В. Шкорпил. Раскопки на южном склоне горы Митридата.

Была обнаружена хлебная яма, в которой найдены обломки «картины на гипсе».

1) Архив Керченского музея, дело 1909 г., Отчет о раскопках в 1907 г., рапорт от 26 октября 1909 г., № 82.

2) Архив ИИМК, дело 1907/6, тот же отчет.

3) ОАК, 1907 г., стр. 75, 83.

4) В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г., ИАК, вып. 35, 1910, стр. 29.

5) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 83.

104 В 1907 г. В. В. Шкорпил. Раскопки во дворе Т. Калинина на Эспланадной улице в доме № 9, немного ниже того места, где в 1905 г. было найдено надгробие детей Ксенодема (ИАК, вып. 18, 1905, стр. 130, № 47).

Найдена надгробная плита IV в. до н. э., на карнизе которой сохранились следы росписи. Плита извлечена из древней городской стены, которая тянулась вниз по северному склону горы Митридата.

1) В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1907 г., ИАК, вып. 27, 1908, стр. 45 сл., № 3.

2) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 83.

3) В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи, ИГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 20.

105 В 1908 г. В. В. Шкорпил. Раскопки той части «пепелища», которая находится между Турецким валом, соединяющим Второе кресло Митридата с Сахарной головой, и тем местом, где А. А. Бобринский в 1891 г. открыл гидрию с фигурой бегущего Гермеса.

Раскопкам предшествовали разведки, при которых был открыт знаменитый каменный расписной склеп IV в. до н. э. («Склеп 1908 г.»).

Раскоп был разбит «на расстоянии нескольких сажен вправо от склепа» и тянулся с ю.-з. на с.-в., имея 11 м в ширину и 69,7 м в длину. Раскоп доходил до того места, где кончалась подземная мина А. А. Бобринского. «Чтобы не подвергать опасности жизнь рабочих, сначала был снят верхний слой, а затем уже слой насыпи, доходящей до материка. По сложению верхний слой резко отличался от нижнего: в верхнем слое попадались только черепки краснолаковой и простой посуды, большое число фрагментированных гротесков с подвижными ногами и фаллами (одних ног оказалось около двух десятков) и монеты боспорских царей I в. н. э., между тем как в нижнем слое встречались обломки чернолаковой посуды, терракотовые изображения стоящих или сидящих женщин, амфорные ручки и обломки черепиц с именами астиномов, фасосские и родосские ручки и автономные монеты. В трех местах в насыпи ясно выделялись черным цветом и однородным составом земли особые конусообразные могильные холмы небольшой высоты, в центре которых находились могилы... разграбленные в недавнее время... В юго-западной части раскопа найдено несколько гробниц с изящными краснолаковыми сосудами».

1) В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1908 г., ИАК, вып. 40, 1911, стр. 62 сл.

2) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 83.

В 1910 г. В. В. Шкорпил. Раскопки в южной части Госпитальной улицы, на южном склоне горы у так называемой Скалки, на «пепелище» между Скалкой и южным концом 1-й Подгорной улицы. 106-108 106 107 108

Судя по отчету, можно предполагать, что над могилами была обнаружена насыпь мощностью 1,50—2,70, 1,30—2,85 и 2,65—4,50 м.

1) В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и в ст. Таманской в 1910 г., ИАК, вып. 47, стр. 42, 45 сл.

2) ОАК, 1909 и 1910 гг., стр. 118 сл.

3) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 84.

В 1910 г. В. В. Шкорпил. Раскопки во впадине на юго-восточном склоне горы Митридата, в 200 шагах на ю.-в. от бывшего здания Музея; впадина начинается за церковью Александра Невского и, постепенно расширяясь, доходит почти до половины склона горы, до того места, где проходит дорога, устроенная в I половине XIX в. кн. Херхеулидзе. Впадина обращена к ю.-в. Нижняя часть впадины была застроена лачугами, верхняя засыпана землей, разбросанной при сооружении названной дороги. 109

Была произведена попытка отыскать пантикапейский театр и сделаны разведки между лачугами, которыми застроена нижняя часть впадины, и дорогой в пустопорожнем месте. Было сделано пять четырехугольных ям На материке, находящемся на глубине 1,95—2,10 м, не найдено никаких следов скамеек, вырезок или каких-либо построек.

1) Архив ИИМК, дело 1910/4, отчет 1910 г.

2) В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и ст. Таманской в 1910 г., ИАК, вып. 47, 1913, стр. 44—45.

3) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 84.

110 В 1911 г. при рытье котлованов для фундаментов новых каменных лавок на Предтеченской площади найдено несколько плит с рельефными украшениями и три обломка с надписями:

а) 21 июля в насыпи, на глубине 2,84 м, обнаружена часть беломраморного пьедестала, вероятно, с именем императора Адриана; б) 13 мая обнаружена часть беломраморной плиты — с однострочной христианской надписью; в) 21 июля обнаружен незначительный кусок беломраморной плиты с надписью.

1) В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1911 г., ИАК, вып. 45, 1912, стр. 9 сл., № 1; стр. 21, № 11; стр. 22, № 14.

2) В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г., ИАК, вып. 56, 1914, стр. 16—21.

3) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 84—85.

111 В 1911 г. при рытье котлованов для построек фундаментов каменных лавок на Предтеченской площади обнаружена под прежней мостовой, против обоих углов Воронцовской улицы, на глубине 0,70 м известняковая плита, размером 0,53 × 0,38 × 0,13 м с рельефным изображением, представляющим (по мнению В. В. Шкорпила) Собазия.

1) В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г., ИАК, вып. 56, 1914, стр. 16 сл., № 1.

112 В 1911 г. При рытье котлованов для постройки фундаментов каменных лавок на Предтеченской площади обнаружена на глубине 1,39 м, недалеко от греческой церкви Иоанна Предтечи, обломанная со всех сторон статуя Кибелы из белого мрамора, вышиной 0,46 м. Статуя найдена в насыпной земле; там попадались монеты I—II вв. н. э.

1) В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г., ИАК, вып. 56, 1914, стр. 19 сл., № IV.

113-114 В 1911 г. В. В. Шкорпил. Раскопки на се-
113 верном склоне Митридатовой горы: 1) за южным концом 1-й Подгорной улицы и
114 2) возле западной стены Старого кладбища, на Правой Кладбищенской улице и в 3-м Кладбищенском переулке.

В первом месте обнаружены могилы IV—III вв. до н. э. под толстым слоем насыпи, достигавшем 5,27—7,21 м, во втором — могилы VI—V вв. до н. э. под слоем насыпи 3—4,41 м.

1) В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г., ИАК, вып. 56, 1914, стр. 1 сл.

115 В 1912 г. В. В. Шкорпил. Раскопки возле западной стены Старого кладбища.

Обнаружены могилы VI—V вв. до н. э. под слоем насыпи примерно 2,10—3,15 м.

1) В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г., ИАК, вып. 60, 1916, стр. 7 сл.

2) ОАК, 1912 г., стр. 36 сл.

3) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 85—86.

В 1913 г. В. В. Шкорпил. Раскопки в пе- 116
реулке, соединяющем 2-й и 3-й Кладбищенские переулки.

Обнаружена древняя яма; в ней на глубине 3,05 м найдена золотая цепочка.

1) Архив Керченского музея, Черновой дневник 1913 г., рапорт от 29 апреля 1913 г. № 30 II.

2) Архив Керченского музея, дело 1916 г. Краткое извлечение из отчета 1913 г., рапорт от 9 июня 1916 г. № 41.

3) Архив ИИМК, дело 1913/4, то же извлечение.

4) ОАК, 1913—1915 гг., стр. 84—85.

5) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 86.

В 1914 г. В. В. Шкорпил. Раскопки на горе 117-123
Митридата. Обнаружен ряд могил разного времени, начиная с конца VI в. до н. э. и кончая эпохой «готского стиля». Эти могилы частично обнаружены в насыпи, частично под «пепелищем». Работы велись в следующих местах:

а) под Турецким валом, тянущимся от 117
Второго кресла Митридата к Пирамидальной скале;

б) возле Турецкого вала с северной сторо- 118
ны, к востоку от Скалки;

в) против раскопа В. В. Шкорпила 1908 г. 119
к востоку от Скалки;

г) за «Графским» раскопом к востоку от 120
Скалки;

д) против «Графского» раскопа и склепа 121
1908 г., к востоку от Скалки;

е) к востоку от Скалки; 122

ж) между Вторым креслом Митридата и 123
Скалкою.

1) Архив Керченского музея, Черновик отчета о раскопках 1914 г.

2) Архив Керченского музея, дело 1916 г., Извлечение из отчета 1914 г., рапорт от 3 июля 1916 г. № 46.

3) Архив ИИМК, дело 1914/4, то же извлечение.

4) ОАК, 1913—1915 гг., стр. 92—93.

В 1923 г. Ю. Ю. Марти. Раскопки во дворе 124
Т. Калины (№ 9) на углу Эспланадной и продолжения Госпитальной улиц (по рукописному отчету) и на углу Эспланадной улицы и Эспланадного переулка (по печатному отчету).

В мине открыта «толстая стена», кроме того, обнаружена еще одна стена, идущая «поперек», в направлении с ю.-в. на с.-з. Стена внизу из дикарного, выше — тесаного камня. Верхняя часть стены разрушена.

Под стеной найдена подбойная могила, в которой обнаружена пантикапейская монета III—II в. до н. э.

Обнаружены были фундаменты оборонительной башни.

1) Архив Керченского музея, Археологический дневник, 1923 г.

2) Изв. Таврич. Общ., IV, 1930, стр. 79.

3) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр 47 и 89.

4) В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи, стр. 20—21.

125 В 1923 г. Ю. Ю. Марти. Раскопки у Старого кладбища, против 3-го Кладбищенского переулка (против дома Казакова).

Обнаружены огромная «пашенная яма», обложенная штучным камнем, и «фундамент стены из бутового камня, шириной 12 верш. и высотой 3 арш.», имевший направление с севера на юг.

1) Архив Керченского музея, Археологический дневник, 1923 г.

2) В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи, стр. 19.

126 В 1924 г. Ю. Ю. Марти. Раскопки на Эспланадной улице во дворе Сургучевой, между домом Т. Калины (№ 9) и В. Иванова. (По напечатанному отчету — на углу Эспланадной и продолжения Госпитальной, под Вторым креслом Митридата, в разоренном дворе Сургучевой, между двором Т. Калины и двором В. Иванова — Косаря).

Продолжены раскопки стены, открытой в 1923 г.

Открыты часть стены и остатки здания, по-видимому, башни (на глубине $1^1/_2$ саж. полукруглые стены из больших известковых квадров), со сторожевым помещением внутри и погребом для съестных припасов. В погребе найдены кости коровы, остов осетра и пр. Найдены чернолаковые фрагменты, обломки «мегарской» чаши, ручка родосской амфоры, глиняный герм Приапа и черепицы с клеймами: архонта Гигиэнонта, „Βασιλική“ и „Ἀστύδα“.

1) Архив Керченского музея, Археологический дневник, 1924 г.

2) Изв. Таврич. Общ., IV, 1930, стр. 80.

3) Крым, Общественно-научный журнал, 1925, № 1, стр. 79.

4) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 47 и 89.

5) Л. А. Мацулевич. Конференция археологов СССР в Керчи, ИГАИМК, т. III, 1924, стр. 275.

127 В 1925 г. Ю. Ю. Марти вел наблюдение за земляными работами при прокладке кабеля мимо Базарного сквера, Митридатского сквера, фабрики Мисаксуди к углу здания ГПУ.

У фабрики против школы Короленко (б. женская гимназия) обнаружен ряд фундаментов из местного известняка. Встречались обломки черепиц, амфорные ручки и т. п.

1) Архив Керченского музея, Археологический дневник, 1925 г.

2) Изв. Таврич. Общ., IV, 1930, стр. 81.

3) Ю. Ю. Марти. Указ. соч., стр. 89.

128 В 1928 г. сотрудники Керченского музея вели наблюдение за земляными работами, производившимися в связи с переустройством городского водопровода. При этих работах на хребте Митридатовой горы за Вторым креслом Митридата был построен водонапорный резервуар.

1) Ю. Ю. Марти. Раскопки Керченской экспедиции 1928 г., Крым, № 1 (9), стр. 11.

2) В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. ИГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 16.

В 1929 г. Ю. Ю. Марти и сотрудники Музея 129 вели наблюдение за копкой траншей (шириной 0,70 м) для укладки водопроводных труб. Эти траншеи прошли от водонапорного резервуара за Вторым креслом через северный склон Митридата до Эспланадной улицы, по которой достигли Старого кладбища, и затем были направлены вниз по Правой Кладбищенской улице. Траншеи позволили обнаружить ряд могил и городских остатков. На Эспланадной улице траншея, имевшая, в среднем, в глубину около 1 м, обнажила в нескольких местах остатки древних стен, по всей видимости, бедных жилищ позднеримского времени. Направление стен было с юга на север.

Против дома № 3 найдено большое скопление разбитых больших амфор (горла имели 0,13 м в диаметре), сопровождаемых кусками обуглившегося дерева (следы пожара). Произведенные там раскопки на площади 37,5 кв. м установили, что слой битых амфор, наметившийся на глубине 0,30—0,40 м, четко выражен на глубине 0,80—1,00 м. Наличие остатков большого числа амфор позволяет предполагать специальный склад последних. Кроме того, обнаружены грубо выстроенный водосточный канал, ложе которого сделано из широких (0,60 м) плит известняка, бутовая кладка 0,60 м шириной, выложенная щебнем и плитками площадка, также очаг, сложенный из глины и камней, около которого найдена битая посуда, обглоданные кости и обугливши̇еся зерна пшеницы.

1) В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи, стр. 16, 44 сл.

В 1929 г. Ю. Ю. Марти. Раскопки у юго- 130 западного угла Старого кладбища. По предположению В. Ф. Гайдукевича, возможно, около места раскопок 1878 г. у неогороженного дворового места унтер-офицера Емельяненка.

Была вскрыта площадь около 113 кв. м; отчасти в 1929, отчасти в 1930 г. Обнаружена большая гончарная печь круглая в плане (внутренний диаметр ее 4,65 м). Кольцевая стена ее 0,70 м толщиной, с внутренней стороны выложена из сырца на глине, занимающего одну треть толщи стены, остальная масса — глинобитная. В центре печи — прямоугольный столб (в основании 1,62 × 1,15 м), поддерживающий пол обжигательной камеры.

Судя по находкам, дата печи IV в. н. э. Участок, прилегающий к печи с восточной стороны, был в верхней части — до глубины 1,50 м — перекопан новыми погребениями. Ниже, на глубине 2,10 м, обнаружена вымостка, покрытая слоем глины, может быть,— часть двора, прилегающего к печи.

Нижняя часть древней насыпи представляла культурный слой, заключавший чернолаковую посуду с штампованными украшениями и обломки остродонных амфор раннеэллинистического времени.

1) Изв. Тавр. Общ., IV, 1930, стр. 88.

2) В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи, ИГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 17—50.

131 В 1930 г. Ю. Ю. Марти. Раскопки на горе Митридата в 40 м к западу от старого здания Музея; на высоте 68—72 м над уровнем моря по плану Столяревского. Между раскопом 1930 г. и Музеем находится раскоп 1891 г.

Вскрытая насыпь состоит из мусора, в котором нет четкого чередования слоев: попадаются чернофигурные черепки VI в. (с пальметтами), чернолаковые обломки, амфоры классического и эллинистического времени, ручки амфор с синопскими клеймами, кусок черепицы с клеймом Спартока. На глубине 0,5 м обнаружена часть бутовой кладки оборонительной стены толщиной 4—5 м. Работы до материка не были доведены.

1) Архив Керченского музея, Черновой дневник 1930 г.

2) Изв. Тавр. Общ., IV, 1930, стр. 91.

3) Ю. Ю. Марти. Прошлое Керчи, Экономический справочник «Керчь Индустриальная», Керчь, 1932, стр. 14.

132 В 1931 г. Ю. Ю. Марти. Раскопки на горе Митридата в 124 м на запад, со слабым отклонением к югу от старого здания Музея; на высоте 72—76 м над уровнем моря по плану Столяревского.

Работа велась с целью найти продолжение оборонительной стены. Обнаружены, начиная с верхнего слоя, остатки разрушенной бутовой кладки крепостной стены 4—5 м толщиной.

Раскоп характеризуется четырьмя слоями (счет сверху): слой мощностью 0,15—0,20 м с камнями, слой мощностью 0,40 м — «кости животных и керамика», слой коричневой глины мощностью 0,10 м и, наконец, слой мощностью 0,30 м, насыщенный керамикой и пищевыми отбросами, в нем — кладка камней.

Находки вверху «смешанные»; характерны обломки амфор и черепицы с надписью: ΒΑΣΙΛΙΚΗ и ΠΕΙ. Нижний слой «эллинистический», находки в нем такие же. Работы до материка не были доведены.

1) Архив Керченского музея, Черновой дневник 1931 г.

2) Ю. Ю. Марти. Прошлое Керчи, Экономический справочник «Керчь Индустриальная», Керчь, 1932, стр. 14.

133 В 1934 г. В. Д. Блаватский. Раскопки во дворе церкви Иоанна Предтечи.

Обследованы два участка: первый, площадью 12,5 кв. м, внутри большой комнаты в западной части строившегося здания греческой школы; второй, площадью приблизительно 26 кв. м, примерно в 31 м на восток от первого и в 12 м на юг от церкви.

На первом раскопе были обнаружены мощная насыпь и погреб недавнего времени, вероятно, XIX в., доходящие до 4,10 м в глубину. Ниже, на глубине 4,10—4,75 м, в глинистом слое встречались обломки античной черепицы, краснолаковых, простых и реберчатых сосудов. Глубже (4,75—5,05 м) залегал обильный влагой песок, в котором были обломки простой посуды, а еще ниже (5,05—5,50 м), в морском песке, попадалась только сильно окатанная керамика.

На втором раскопе современная насыпь доходила до 3,70 м в глубину. В ней найдено недавнее погребение в каменном ящике. Под современной насыпью лежал перекопанный культурный слой, заключавший находки от классического до средневекового времени, в частности рифленную и реберчатую керамику. Слой достигал 4,72 м в глубину. Ниже, в морском песке, встречались обломки простой посуды. Глубже 4,94 м никаких находок обнаружено не было.

Раскопки приводят к выводу, что обследованный участок в античную эпоху, по всей видимости, представлял песчаный морской берег, возможно, прилегавший к древней гавани. Высказывавшееся ранее предположение, что здесь находилась пантикапейская агора, следует считать пока неподтвердившимся. Лежащий выше, сильно перекопанный культурный слой относится к средневековому времени. Еще выше лежала новая четырехметровая насыпь.

1) Архив ИИМК, дело 1934 г.

2) Беглое упоминание см. МИА, вып. 4, 1941, стр. 10.

134 В 1937 г., по сообщению Н. П. Кривокурцева, во дворе дома № 8 по Греческой улице была обнаружена в глубоком подвале монументальная стена, имевшая значительное протяжение. Стена была сложена из хорошо отесанных квадров, кроме того, в нее были заложены различные архитектурные части, в том числе барабаны колонн.

В заложенном около стены раскопе Ю. Ю. Марти нашел черепки римского времени. Обследования стены, произведенные в 40-х годах, установили, что она сложена в новое время.

1) Архив Керченского музея, Дневник Ю. Ю. Марти.

2) Письмо Н. П. Кривокурцева.

135 В 1940 г. Ю. Ю. Марти. Раскопки на северном склоне горы Митридата непосредственно около раскопа К. Е. Думберга.

Обнаружен фундамент стены огромного строения, высотой до 3 м, построенный из больших квадров. Направление его с востока на запад — лицевая северная сторона отделана рустами. С восточной стороны к описанной стене примыкает другая стена, сложенная также из больших блоков. Длина ее 8 м. Обе стены не были полностью прослежены — продолжения их уходили в края раскопа. «Под восточной стеной выявлены две огромные цистерны цилиндрической формы, высеченные в скале, отчасти в стене здания». Диаметр их достигает $2^1/_4$ м. Обе цистерны «заполнены мусором римского времени». При раскопках стен найдено большое количество соленов и калиптеров, а также фрагментов штукатурки с росписью, аналогичной найденной в 90-х годах.

1) Ю. Ю. Марти. Результаты раскопок на горе Митридата, «Керченский рабочий», 12 октября 1940 г.

136 В 1941 г. Ю. Ю. Марти. Раскопки на северном склоне горы Митридата; на юг от раскопа Думберга была прорыта длинная узкая траншея.

137 В 1944 г. В. Д. Блаватский и И. Б. Зеест (обследование). Был составлен акт о повреждениях, причиненных земляными работами различным древностям на горе Митридата.

На восточном склоне горы метров на 30 ниже памятника Стемпковскому была прокопана канава, шириной около 1 м внизу и до 2 м вверху, глубиной до 3 м. Выкид свидетельствует об очень насыщенном культурном слое, заключавшем чернолаковую и краснолаковую посуду, боспорскую черепицу и пр. Канава доходит до юго-восточного склона горы и опоясывает его, поворачивая далее на юг. На северном конце канава также продолжается, переходя на северо-восточный склон. Обрезы канавы и выкиды свидетельствуют о культурном слое большой насыщенности; находки в выкиде: чернолаковые черепки IV в. до н. э., обломки амфор классического и эллинистического времени, синопская черепица.

В канаве примерно в 25—30 м к северу от памятника Стемпковскому обнаружено пять больших барабанов баз колонн ионийского ордера. Примерно в 100 м от памятника Стемпковскому вдоль северного склона горы канава прорезала монументальную стену 1,33 м шириной и 1,40 м высотой. К западу от Первого кресла Митридата канава рассекает очень насыщенный культурный слой. В выкиде встречалась керамика классического, эллинистического и римского времени.

Вдоль южного склона Второго кресла Митридата проходит извилистая канава с ответвлениями глубиной до 4 м. Культурный слой насыщенный. Находки: черепки чернолаковой керамики, эллинистических остродонных амфор, краснолаковой посуды, позднеримских амфор. Вдоль северного склона Второго кресла Митридата также прорыта канава; культурный слой — тощий.

С южного склона Второго кресла канава переходит на западный; там, судя по выкиду, культурный слой довольно тощий. Далее на запад от Второго кресла канавы проходят под Сахарной головой, достигают Долгой скалы и, охватывая последнюю с севера и юга, продолжаются на запад.

1) Архив ИИМК, Отчет В. Д. Блаватского и И. Б. Зеест о командировке на Керченский и Таманский полуострова с 28 июня по 20 июля 1944 г., приложение № 8.

В 1944 г. В. Д. Блаватский и И. Б. Зеест 138
(обследование). На улице Розы Люксембург, в доме № 6/8, в усадьбе кино «Ударник», по словам заведующего хозяйством Керченского музея В. М. Белоусова, при земляных работах была обнаружена рыбозасолочная цистерна.

Глубина цистерны была около $1^1/_2$ м, ширина $1^1/_4$—$1^1/_2$ м, длина точно не известна, вероятно, около 3 м. В. М. Белоусов, раскапывавший цистерну, не мог сообщить более точных данных: во время этих работ он был засыпан рухнувшей землей, сильно повредившей ему ногу; об окончании этих работ ему известно не было.

При осмотре, произведенном 5 июля 1944 г. И. Б. Зеест и В. Д. Блаватским всей территории, занятой развалинами строений и дворами кино «Ударник», следов цистерны обнаружить не удалось.

1) Архив ИИМК, Отчет В. Д. Блаватского и И. Б. Зеест о командировке на Керченский и Таманский полуострова с 28 июня по 20 июля, приложение № 21.

В 1945 г. В. Д. Блаватский. Раскопки на 139-143
восточном и северном склонах горы Митридата и обследования, вызванные необходимостью уточнить границы заповедника.

На верхней части покатости восточного склона горы Митридата раскопки велись в двух местах. Первое — недалеко от развалин памятника Стемпковскому, у самого подножья 139
наружного обрамления монумента павшим за освобождение Крыма. Были откопаны пять барабанов баз колонн ионийского ордера. Диаметр их — до 0,865 м, материал — плотный известняк. Раскопками вскрыта площадь около 76 кв. м на глубину до 5,56 м. Открытый котлован раскопа имел крутые стенки с банкетами. До глубины 0,76 м залегала осыпь с верхней площадки горы, заключавшая находки римского и более раннего времени. Ниже обнаружен мощный культурный слой позднеэллинистического времени, в котором открыта кладка — видимо, подпорной стены, тянувшейся с востока на запад. Глубина подошвы ее 3, верхней части 2,60, толщина 0,70 м. В числе камней кладки был блок ионийского архитрава, расчлененного на три фасции. Высота его — 0,683 м. Фрагменты колонн и архитрава.

найденные на данном раскопе, возможно, принадлежали к одному монументальному зданию ионийского ордера, может быть, храму.

1) Архив ИИМК, дело 1945 г. Отчет о раскопках в Керчи, Архив Государственного музея изобразительных искусств, тот же отчет.

2) В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 г., Советский Крым, 1946, № 2, стр. 119 сл.

3) В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 г. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 106 сл.

4) В. Д. Блаватский. Пантикапейские раскопки 1945—1946 гг., Памятники искусства, Бюллетень ГМИИ, 1947, № 2, стр. 11.

140 Второй раскоп был разбит на верхней части покатости горы над старым зданием Музея. Площадь раскопа достигала 180 кв. м. Работы доведены до материка, обнаруженного на глубине 2,90 м. Установлено наличие двух культурных слоев. Нижний, лежавший на материке,— очень мощный слой I в. до н. э. В нем открыта стоящая на материке подпорная стена (№ 7) хищнической кладки. Сохранилась она в высоту до 1,60 м, при толщине до 0,70 м; с внутренней стороны к стене примыкал мощный пласт каменного бута. На юг от стены № 7 была вскрыта небольшая площадь, где было обнаружено продолжение позднеэллинистического слоя и названной стены (кладки № 6 и 10). В описываемом слое найдено значительное количество обломков посуды VI—II вв. до н. э. Однако отсутствие неповрежденных культурных слоев раннего времени заставляет полагать, что они были перерыты при больших планировочных работах в I в. до н. э., когда была сооружена подпорная стена вдоль восточного склона горы. Второй культурный слой — сарматской эпохи — был значительно менее мощным; обнаруженный, главным образом, в южной части раскопа, он достигал 0,30—1 м в глубину. Вещевые находки были обильны и разнообразны: обломки черепиц, остродонных амфор, чернолаковых, расписных («ориентализирующего», чернофигурного и краснофигурного стилей) и рельефных ваз, посуда из грубой, коричневой и серой глины и простой тонкостенной, глиняных грузил, светильников, терракотовых статуэток, цветной штукатурки и пр.; отметим мраморное яйцо, выточенную из кости руку и миниатюрную чернолаковую солонку IV в. до н. э. с надписью о победе, одержанной Гигентом и Патайком, в исполнении эпических поэм.

1) Архив ИИМК, дело 1945 г., Отчет о раскопках в Керчи, Архив ГМИИ, тот же отчет.

2) В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 г., Советский Крым, 1946, № 2, стр. 120 сл.

3) В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 г. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 108 сл.

4) В. Д. Блаватский. Террасы Пантикапея, КСИИМК, XXI, 1947, стр. 93 сл.

5) В. Д. Блаватский. Пантикапейские раскопки 1945—1946 гг., Памятники искусства, Бюллетень ГМИИ, 1947, № 2, стр. 11—13.

Раскоп на северном склоне горы Митридата 141
был разбит несколько выше Эспланадной улицы против северо-восточного угла Старого кладбища. Работы в 1945 г. были доведены до глубины 3,40 м, причем обнаружено семь культурных напластований от II в. до н. э. до IV в. н. э., заключавших несколько зерновых ям и многочисленные вымостки. Зерновые ямы грушевидной формы вверху обрамлялись воронкообразными каменными венцами. Глубина большей части ям была около 2 м.

Три верхних слоя относились примерно к III—IV вв. н. э. Найденные в них остатки свидетельствуют о том, что в это время исследованный участок был занят довольно обширным зерновым хозяйством. К самому верхнему из слоев относятся вымостки из рваного камня № 1 (глубиной 0,16—0,28 м) и № 18 и зерновая яма № 11 (глубина верха венца 0,11, глубина дна ямы 2,74 м). К следующему слою относились сильно поврежденные вымостки № 2 (глубина от 0,57 до 0,66 м), 20, 21 и 22, а также зерновые ямы № 3 (глубина верха венца 0,46 м, дна ямы 2,86 м), № 4 (глубина верха венца 0,48 м, дна ямы 3,40 м) и, по всей видимости, № 19, венец которой не сохранился (глубина дна ямы — 3,40 м). Наконец, к третьему из названных слоев относятся вымостки № 7, 9, 10, 14 и 17, последняя состояла из больших камней (глубина от 0,85 до 1,13 м) и зерновая яма № 8 (глубина верха венца 0,85 м, глубина дна ямы 3,26 м). Внутри этой ямы выявлены монументальная кладка № 12, видимо, относящаяся к шестому, считая сверху, слою, а по дну ямы проходит каменная вымостка, вероятно, седьмого слоя. У зерновых ям № 23 и № 15 венцы не сохранились. Последняя яма, весьма обширная по размерам (глубина дна 2,80 м), перерезала ряд сооружений: на глубине 1,45—1,51 м — черепяную вымостку и на глубине 1,89—1,95 — каменную вымостку, видимо, относящихся к I—II вв. н. э. Ниже, на глубине 2,45—2,73 м, яма врезалась в цемянковый пол (может быть, давильной площадки винодельни) I в. до н. э.— I в. н. э. Наконец, по дну ямы, на глубине 2,91—3,05 м лежала каменная вымостка примерно II в. до н. э. В отличие от более богатых находок на восточном склоне находки на «Эспланадном» раскопе, особенно первых веков н. э., были значительно скромнее: преобладали осколки черепиц, остродонных амфор, кухонной посуды, попадались обломки краснолаковых сосудов. Те же находки, которые относились к более богатым предметам,— рельефная посуда, терракотовые статуэтки, куски расписной штукатурки — принадлежали по преимуществу эллинистической эпохе.

1) Архив ИИМК, дело 1945 г., Отчет о раскопках в Керчи, Архив ГМИИ, тот же отчет.
2) В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 г., Советский Крым, 1946, № 2, стр. 123—125 и 117—118.
3) В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 г. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 110—113.
4) В. Д. Блаватский. Пантикапейские раскопки 1945—1946 гг., Памятники искусства, Бюллетень ГМИИ, 1947, № 2, стр. 12—14.

Было произведено обследование новых канав, избороздивших верхнюю поверхность горы Митридата на протяжении от Первого Кресла до Золотого Кургана. Зачищены стенки канав в двадцати пяти пунктах между Первым Креслом и Долгой Скалой, преимущественно над южным склоном горы.

В районе Первого кресла наблюдались остатки богатых городских напластований первых веков н. э. Около Второго кресла городские остатки того же времени стали более тощими, а затем исчезли в районе между Вторым Креслом и Сахарной головой.

142 В верху северной покатости горы Митридата к в.-с.-в. от Скалистого выступа (расположенного на запад от Второго Кресла) была вскрыта площадь в 24 кв. м на 3 м в глубину. Обнаружены два культурных слоя. Верхний слой примерно III в. н. э., в нем открыта кладка № 3 из рваного камня (глубина подошвы ее 1,80 м, верхней части 1,10 м) и вымостка № 4 из рваного камня. Ко второму слою, примерно I в. н. э., относятся остатки дома, погибшего от пожара: кладка № 7 из рваного камня (глубина подошвы ее 2,87 м, верхней части 2,34 м) и глинобитный пол (глубина его 2,73 м). Над полом лежал мощный слой сажи с золой и углем, в нем и под ним обнаружены обломки кровельной черепицы.

1) Архив ИИМК, дело 1945 г., Отчет о раскопках в Керчи, Архив ГМИИ, тот же отчет.
2) В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 г., Советский Крым, 1946, № 2, стр. 118.
3) В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 г. КСИИМК, XVII, 1947, стр. 106.

143 В верху южного склона горы Митридата, к востоку от Второго кресла, обнаружен большой пифос, от него сохранилось менее половины. Пифос в древности был ремонтирован посредством свинцовых скреп.

1) Архив ИИМК, дело 1945 г., Отчет о раскопках в Керчи, Архив ГМИИ, тот же отчет.
2) В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 г., Советский Крым, 1946, № 2, стр. 117—126.
3) В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 г., КСИИМК, XVII, 1947, стр. 106.

141-145 В 1946 г. В. Д. Блаватский. Раскопки на
144 северном и южном склонах горы Митридата.

На северном склоне были продолжены работы 1945 г. на раскопе выше Эспланадной улицы, против северо-восточного угла Старого кладбища. Была вскрыта площадь в 110 кв. м к с.-в. от раскопа 1945 г. впритык к последнему. Работы были доведены до материка. Наибольшая глубина выемки достигала 4,80 м. Выявлено восемь культурных напластований, по времени примерно с конца VI в. до н. э. до IV в. н. э.

Древнейший культурный слой, лежавший на глубине 2,90—3,30 м непосредственно на материковой глине, заключал обломки посуды (чернолаковой и остродонных амфор) конца VI — начала III в. до н. э. Отсутствие среди этих обломков строительных материалов заставляло предполагать, что с конца VI до начала III в. до н. э. исследованный участок представлял пустырь, находившийся в пределах города или, скорее, вблизи последнего. Выше, на глубине 2,18—2,90 м, залегал второй слой III—II вв. до н. э. В нем обнаружен мощный развал (№ 2) вымостки и фундаментов двух кладок. В следующем, третьем слое I в. до н. э.— I в. н. э. открыты остатки цемянкового пола, лежащего на глубине 2,45—2,50 м, являющиеся продолжением пола № 25 1945 г. Пол сильно поврежден зерновыми ямами. Назначение сооружения, которому он принадлежал, установить трудно, возможно, это была винодельня. Выше залегал мощный пласт мусорной земли до 2,90 м толщиной, насыщенный золой, большим количеством обломков керамики, костей животных и раковин мидий. Датируется этот слой I—II вв. н. э., но в нем было очень много находок эллинистического времени (в том числе кусков цветной и расписной штукатурки) и более ранних. В то время, когда в восточной части раскопа отлагался названный мусорный пласт I—II вв. н. э., в западной части исследованной площади успели отложиться два культурных напластования. К ним относятся вымостка № 24 (глубиной 1,89—1,95 м) и лежащая над ней вымостка № 16 (глубиной 1,45—1,51 м), открытые в 1945 г.

Над мусорным пластом обнаружены три слоя позднеантичного времени III—IV вв. н. э., аналогичные раскопанным в 1945 г. В нижнем из них обнаружена зерновая яма № 28, схожая с ямами, открытыми в 1945 г.; глубина верха венца ее 0,75 м, дна ямы — 3,50 м; только венец ямы был не круглый, а приближавшийся к прямоугольному с округленными углами. На дне ямы найдены зерна перегоревшего ячменя и пшеницы с примесью ржи. В среднем слое, над ямой, лежала группа камней № 29,— вероятно, развал вымостки (глубина подошвы их 0,65 м). К тому же слою относятся развалы вымосток № 20, 21 и 22 1945 г. Строительные остатки верхнего позднеантичного слоя также были найдены только в 1945 г.

К верхнему или среднему позднеантичному слою относится самая грандиозная из зерно-

вых ям № 35, верхняя часть которой была разрушена. Глубина дна ее от поверхности почвы — 4,80 м, а глубина ее от верха венца до дна, вероятно, была около 4,25 м. Среди находок в этой яме следует отметить часть антаблемента: архитрав и фриз ионийского ордера. Таким образом, работы 1946 г. подтвердили наблюдение 1945 г., что исследуемый участок в позднеантичное время был занят обширным зерновым хозяйством.

1) Архив ИИМК, дело 1946 г., Отчет о раскопках в Керчи, Архив ГМИИ, тот же отчет.

2) В. Д. Блаватский. Пантикапейские раскопки 1945—1946 гг., Памятники искусства, Бюллетень ГМИИ, 1947, № 2, стр. 12 сл.

3) И. Б. Зеест. Земляные зернохранилища Пантикапея, КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 81 сл.

4) И. И. Никишин. Находка зерен в Керчи, КСИИМК, XXIII, 1948, стр. 84 сл.

145 На южном склоне в средней части покатости горы Митридата над Босфорским переулком был заложен раскоп площадью 180 кв. м. Работы были доведены до материка, обнаруженного на глубине 5,97 м. Открытые древности принадлежат семи различным периодам.

Древнейший культурный слой, выявленный на небольшой площади, относится к V—III или, вернее, IV—III вв. до н. э. В нем обнаружены остатки фундамента № 29, лежавшие на материке (глубина 5,97 м). Мощность этого слоя достигала 0,80 м. Выше лежал очень толстый слой (глубина 2,27—5,20 м), заключавший различные находки, главным образом, обломки керамики VI, V, IV, III и II в. до н. э., а также в небольшом числе II—I вв. до н. э. Насыпь, вероятно, состоит из культурных слоев городища, преимущественно классического и эллинистического времени, и, возможно, возникла при перепланировке, производившейся в I в. до н. э. и, может быть, аналогичной перепланировке, наблюдавшейся в 1945 г. на раскопе над старым зданием Музея.

Следующий слой I—II вв. н. э. (залегавший на глубине 1,75—2,59 м) заключал довольно ничтожные остатки разрушенной глинобитной печи. Выше обнаружены три слоя (IV, V и VI), относящиеся к III—IV вв. н. э. Наиболее обильный находками был самый нижний из них. В нем обнаружен перекресток улицы и переулка, а также части прилежащих к ним зданий. Спускающийся по склону горы с севера на юг узкий (1,50 м шириной) переулок был прослежен на 11,14 м в длину. Вдоль переулка тянулся водосток, сложенный из каменных плит. Водосток был поврежден, в туннеле его найдены блоки камня, которыми, видимо, в более позднее время, при ремонте мостовой, он был заложен. Улица, куда входил переулок, шла с востока на запад и имела 2,85 м в ширину, в длину она прослежена примерно на 12 м. По ней также прослежены остатки водостока и широкая, частично хорошо сохранившаяся каменная вымостка, лежавшая на черепяном подстиле. Ширина вымостки — 1,30 м, глубина залегания — 1,03—1,30 м. С запада к переулку примыкало помещение (*А*), тщательно вымощенное большими плитами. Размеры помещения — длина с севера на юг — 5,80 м; с востока на запад оно обнаружено на протяжении 4 м. С востока к переулку примыкало здание, в котором обнаружено два помещения *Б* и *В*. Вдоль улицы с юга тянулся основательный фундамент № 16, явно превосходящий по солидности фундаменты помещений *А*, *Б* и *В*. Ширина фундамента № 16 достигает 0,90 м, глубина подошвы — 1,68 м.

От следующего — пятого слоя сохранились две кладки № 3 и 11 в северо-западной части раскопа. Они шли по одной линии в направлении с с.-в. на ю.-з. К кладкам примыкали развалы вымосток (глубина 1,15 м). Остатки верхнего — шестого слоя ограничивались развалами вымосток, занимавшими северную половину раскопа и заходившими несколько южнее. Глубина их верхней поверхности — 0,46—0,75 м, подошвы — 0,80—0,97 м.

После разорения сооружений шестого слоя городская жизнь замерла на исследованном участке. Он оказался вне черты города и был занят некрополем. В восточной части раскопа обнаружены три средневековых могилы в виде каменных ящиков, в которых лежали детские костяки.

1) Архив ИИМК, дело 1946 г., Отчет о раскопках в Керчи, Архив ГМИИ, тот же отчет.

2) В. Д. Блаватский. Пантикапейские раскопки 1945—1946 гг., Памятники искусства, Бюллетень ГМИИ, 1947, № 2, стр. 14—15.

3) В. Д. Блаватский. Террасы Пантикапея, КСИИМК, XXI, 1947, стр. 93.

В 1947 г. В. Д. Блаватский. Раскопки на 146-150
северном склоне горы Митридата, между Первым и Вторым креслом, на южном склоне горы Митридата и у восточной подошвы той же горы.

На северном склоне были продолжены ра- 146
боты 1945—1946 гг. на раскопе выше Эспланадной улицы, против северо-восточного угла Старого кладбища. Была вскрыта площадь около 250 кв. м к с.-в. от раскопа 1946 г., впритык к последнему. Работы доведены до материка, обнаруженного на глубине от 3 до 5 м. Выявлено восемь культурных напластований, относящихся по времени от VI—III вв. до н. э. до IV в. н. э. При этом первый и второй слои обнаружены только в западной части вскрытой площади.

В первом слое, относящемся к VI—III вв. до н. э., не было обнаружено каких-либо остатков построек, и даже обломки черепицы почти не встречались. Среди находок преобладали черепки остродонных амфор и чернолаковой посуды. Мощность пласта первого слоя местами превышала 1 м.

Второй слой, датируемый III—II вв. до н. э., заключал остатки богатых монументальных

сооружений. К ним относится солидная квадровая кладка № 46. сложенная насухо из больших блоков; она открыта в длину на 5,65 м, ширина ее — 0,80, высота — 0,75, глубина подошвы — 3,12—3,15 м. Найденные около кладки куски сырцового кирпича, позволяют предполагать, что верхняя часть стены № 46 была выведена из сырца. К тому же слою принадлежат вымостка № 47, выложенная из больших известняковых плит (глубина поверхности ее была — 2,40 м, в длину она сохранилась на 1,70, в ширину на 1,20 м), и кладка № 63, сложенная из массивных известняковых блоков (глубина подошвы ее — 2,70, высота — 1,60 м, в длину она выявлена на 3,75 м).

К третьему слою I в. до н. э. относятся площадки винодельн, покрытые непрочным известковым раствором белого цвета. Такова площадка № 62 (примерно 3 м длиной, 2 м шириной и 1,35 м глубиной); крутая лесенка о трех ступеньках вела с этой площадки на другую цемянковую площадку № 4 (длина ее, примерно, 6,5, ширина — 3,20, глубина — 1,45 м). С описанными площадками, возможно, была связана яма № 64. К строительным остаткам слоя принадлежали еще кладки № 69 фундамента стены и, возможно, кладка № 60.

Выше залегают четвертый и пятый слои, относящиеся к I и II вв. н. э. В это время обследуемая площадь резко делилась на два участка. Юго-восточный был занят «обычными» городскими напластованиями, а северо-западный — мусорной свалкой, пласт которой достигает двухметровой мощности.

В юго-восточной половине участка к I в. н. э. относится цемянковая площадка № 43 (глубина 0,92—0,96 м) и, вероятно, очажная яма № 61. Наиболее значительным сооружением пятого слоя является винодельня II в. н. э., дошедшая до нас в хорошей сохранности. Длина ее — 8,60, ширина — 7,40 м, глубина площадок — 1,40—1,50 м. Внутри винодельни имелись две цементированные розоватым известковым раствором площадки: восточная (№ 57) и западная (№ 44), между ними сильно поврежденная средняя — для рычажного пресса. Цистерна для сусла (2,20 × 1,40 м) разделена тонкой перегородкой на два отсека.

Здание винодельни, видимо, продолжало существовать и в последующий период шестого слоя (в III в. н. э.), но функции его изменились. Цистерна, вероятно, стала служить погребом, и в нем были сооружены лесенки, возможно, из плит средней давильной площадки.

Здание винодельни в период шестого слоя, вероятно, было связано с большим хозяйственным комплексом, к которому принадлежали пашенные ямы, открытые в 1945—1946 гг., и монументальная кладка № 38, открытая в 1947 г. Она была сложена из громадных грубо наломанных глыб. Длина ее — около 13, ширина — 1,20 и высота до 1,40 м.

Слои шестой, седьмой и восьмой относятся к III—IV вв. н. э. В седьмом слое обнаружена вымостка № 40, поверхность которой оказалась на глубине 0,35—0,45 м, а в восьмом слое — вымостка или, вернее, россыпь разбросанных камней № 39, покрывавшая запущенный участок города; глубина поверхности ее 0,10—0,20 м.

Вероятно, к раннему средневековью относится разграбленная плитовая гробница № 5, врезавшаяся в восточную стену винодельни.

1) Архив ИИМК, дело 1947 г., Отчет о раскопках Пантикапея, Архив ГМИИ, тот же отчет.

2) В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея (1947 г.), КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 31 сл.

147 В верху северной покатости горы Митридата между Первым и Вторым креслами, к в.-с.-в. от скалистого выступа, там, где в 1945 г. при обследовании была вскрыта небольшая площадь, был разбит раскоп площадью 42 кв. м. Работы доведены до материка, обнаруженного на глубине от 2,55 до 4,10 м.

К III—II вв. до н. э. относятся развалины монументального сооружения, к которому принадлежат две кладки № 5 и 6, сложенные из прекрасно отесанных квадров. Ширина кладок (в один камень) достигает 0,90 м.

Второй слой, примерно I—II вв. н. э., представлен развалинами значительно более скромного здания, погибшего от пожара. К нему принадлежит кладка № 4, имеющая 0,65 м в ширину и 3,28 м в длину. Подошва кладки не горизонтальная, а, в соответствии с рельефом местности, имеет небольшой наклон. Глубина ее колеблется от 2,20 до 2,55 м.

К третьему слою III—IV вв. н. э. относятся кладки из рваного камня № 1 и № 3 и развал № 2 также рваных известняковых камней.

В древние городские напластования была впущена средневековая плитовая гробница № 4, дошедшая до нас в совершенно разоренном виде.

1) Источник сведений см. № 146.

148 На южном склоне горы Митридата, в средней части покатости горы, над Босфорским переулком, продолжались работы 1946 г. Была вскрыта площадь 90 кв. м к югу от раскопа 1946 г., впритык к последнему. Работы доведены до материка, обнаруженного на глубине 6,75 м и ниже.

В первом слое IV—III вв. до н. э. обнаружена мощная подпорная стена террасы № 38, сохранившаяся на 1,50 м в высоту. К тому же слою, но к более поздним строительным периодам, относятся вымостка № 40, а также контрфорс подпорной стены и выгребная яма № 39, выведенная наподобие микенских склепов.

Ко второму слою принадлежит двухметровый пласт насыпи, вероятно, сооруженный во II в. до н. э. В верхнем горизонте этой насыпи

обнаружена кладка № 37 из прекрасно отесанных квадров. Высота ее — 0,30, ширина — 0,35 м, в длину она раскрыта на 2,25 м. Около кладки обнаружена дорийская капитель. Выше лежала насыпь третьего слоя, относящаяся к I в. до н. э., аналогичная насыпи, обнаруженной на боспорском раскопе 1946 г. (см. № 145) и, вероятно, связанная с восстановительными работами в Пантикапее после разрушений в конце II в. до н. э.

Четвертый слой I—II вв. н. э. представлен незначительными остатками (глинобитный очаг № 23). Обильнее остатки III—IV вв. н. э. К пятому слою относятся части дома, примыкающего с юга к улице, раскрытой в 1946 г., к ним принадлежат вымостка № 33 (глубина — 1,55—1,80 м) и кладки №№ 34, 31 и 32. Шестой слой был представлен остатками вымостки из мелкого рваного камня № 30, обнаруженными на глубине 0,50—0,68 м.

1) Источник сведений см. № 146.

149 У восточной подошвы горы Митридата, недалеко от Приморского бульвара по улице Розы Люксембург (бывшая Дворянская) во дворе дома, ворота которого находятся в 77 м от угла улицы Карла Либкнехта, разбит раскоп площадью 30 кв. м. Работы доведены до материка, обнаруженного на глубине 2,45 м.

Раскопками установлено наличие четырех культурных слоев города. Первый относится к IV—III вв. до н. э., второй — ко II—I вв. до н. э.; третий — к I—II вв. н. э. и четвертый — к III—IV вв. н. э.

1) Источник сведений см. № 146.

150 Также у восточной подошвы горы, во дворе другого дома по улице Розы Люксембург, ворота которого находятся в 108 м от угла улицы Карла Либкнехта, заложен раскоп площадью 30 кв. м. Работы доведены до материка, обнаруженного на глубине 0,27—1,45 м.

Участок, на котором производились раскопки, поврежден земляными работами нового времени. Обнаружен только один культурный слой, заключающий черепки черлаковой посуды IV в. до н. э. и остродонных амфор последних веков до н. э. и первых веков н. э.

1) Источник сведений см. № 146.

151-156 В 1948 г. В. Д. Блаватский. Раскопки к ю.-з. от Второго кресла Митридата, на северном склоне горы Митридата, там же, где в 1945—1947 гг., и, примерно, в 50 м выше по склону холма, а также около Первого кресла Митридата. Наблюдения над земляными работами на улице Карла Маркса.

151 В верхней части юго-западного склона Второго кресла Митридата в 45 м к югу от скалистой вершины горы был раскопан участок площадью 96 кв. м. Работы доведены до материка, обнаруженного на глубине от 0,70 до 2,20 м.

Выявлен развал из больших каменных глыб, достигавший 5 м в ширину и являющийся остатками городской оборонительной стены. Внутри стены открыты остатки вымосток, вероятно, стратегических улиц. На глубине 1,45—1,65 м залегал развал вымостки № 4, примерно I в. н. э., выше, на глубине 0,38—0,63 м, обнаружена вымостка № 3, примерно, II—III вв. н. э. Оборонительная стена, вероятно, возникла в I в. н. э. и существовала до IV в. н. э. Обилие более ранних находок допускает предположение, что город простирался до данного участка еще в II в. до н. э.

В 12,75 м к северу от основного участка около Второго кресла, на верхней площадке горы был раскопан квадрат (размером 16 кв. м). Работы доведены до материковой скалы, обнаруженной на глубине 3,60 м. 152

На материковой скале открыты остатки построек III—IV вв., при сооружении которых широко использовалась подтеска скалы, служившей основанием и частями стен. Выше обнаружены остатки вымостки второго слоя, также относящегося к III—IV вв. н. э. Среди находок много обломков керамики эллинистического времени и I—II вв. н. э

На северном склоне горы Митридата, выше Эспланадной улицы, к с.-в. от раскопа 1946—1947 гг., впритык к последнему, была вскрыта площадь около 160 кв. м. Работы доведены до материка, обнаруженного на глубине 3,30 м. 153

Обнаружено девять культурных напластований (ранее в этом месте было известно восемь). Самый ранний слой относится к VI—V вв. до н. э., он содержит только черепки посуды без каких-либо остатков построек. Второй слой заключал развалины монументальной постройки, к которой принадлежала кладка № 110 из больших рваных камней; толщина ее достигала 1,65, высота 0,55 м. Дата слоя — IV в. до н. э.; открытая постройка является первым сооружением этого времени, обнаруженным на исследуемом участке.

Особенно обильны остатки сооружений третьего слоя — III—II вв. до н. э., представляющие часть большого здания, вероятно, жилого дома, состоявшего из многочисленных помещений. Длина вскрытой части здания — 12, ширина — около 8 м. К зданию принадлежат кладки № 63, 63-*а*, 82, 100, 108, 92, 94, 106, 105, 107 и вымостки № 93, 95 и 96.

К четвертому слою I в. до н. э. относится свалка строительного мусора, возникшего в результате разрушения Пантикапея в конце II в. до н. э., а также незначительные остатки построек. Залегавшие выше пять культурных напластований подтвердили наблюдения, сделанные в 1945—1947 гг. Пятый и шестой слои датируются I и II вв. н. э.; в это время в восточной части исследованной площади продолжали сооружаться постройки, а западная была занята мусорной свалкой. Позднеантичные слои седьмой, восьмой и девятый, относящиеся к III—IV вв. н. э., заключали развалы вымосток и зерновую яму № 103.

151 В верху северной покатости горы Митридата, на несколько десятков метров выше по склону от «Эспланадного» раскопа, был разбит раскоп «Верхний Эспланадный» на самой границе акрополя Пантикапея. Вскрыта площадь — 48 кв. м. Работы доведены до материковой скалы, глубина которой достигала 4,05 м.

Раскопана выравненная подтеской скала, служившая основанием древним оборонительным сооружениям. Обнаружено четыре напластования; древнейшее из них — IV—III вв. до н. э.; в это время, вероятно, была произведена упомянутая выше подтеска. В выравненной подтеской скале был грот, заложенный в I в. до н. э. кладкой из разнотипных блоков. Сверху в грот вело отверстие в виде круглого люка (0,70—0,76 м диаметром), которое было заложено камнями. В третьем слое (I—II вв. н. э.) обнаружено впущенное позднее погребение — остродонная реберчатая амфора, заключавшая детские кости. Четвертый слой датируется III—IV вв. н. э.

Среди находок на описываемом раскопе примечательно значительное количество обломков, принадлежавших монументальным, богато украшенным зданиям. Отметим три больших блока карниза, а также многочисленные облицовочные плитки из белого, пестрого и красного мрамора.

155 В верхней части акрополя к северу от Первого кресла Митридата был разбит небольшой раскоп площадью 32 кв. м. Работы доведены до материковой скалы; наибольшая глубина их достигла 3,27 м.

В расселинах скалы найдены черепки архаической посуды, показавшие наличие жизни на этом участке еще в VI в. до н. э. На скале обнаружен только один культурный слой III—IV вв. н. э. Это заставляет думать, что предшествовавшие напластования V в. до н. э.— II в. н. э. тщательно удалялись с вершины акрополя на мусорные свалки.

156 До начала раскопок 1948 г., при обходе городских улиц, сделано следующее наблюдение: вдоль северной стороны улицы Карла Маркса, между улицей Ворошилова и Крестьянской вырыта узкая канава около 1 м глубиной. В выкиде сильно гумированной земли найдено небольшое количество черепков простой посуды, в том числе эллинистических и римских остродонных амфор, а также краснолаковых сосудов.

Строительных остатков не обнаружено, культурный слой очень тощий, в силу чего он представляет скорее отложения загородного пустыря, чем нормальные напластования участка, лежавшего в черте города.

1) Архив ИИМК, дело 1948 г., Отчет о раскопках Пантикапея, Архив ГМИИ, тот же отчет.

2) В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея (1948), КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 17 сл.

IV. ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР РАСКОПОК И СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК НА ПАНТИКАПЕЙСКОМ ГОРОДИЩЕ

Вершина горы Митридата

В 1847 г. К. Р. Бегичев обнаружил базы колонн и обломок фриза. 15

В 1885 г. Ф. И. Гросс нашел пифос 69

Район Первого кресла

В 1872 г. А. Е. Люценко. Раскопки «пепелищ». 44

В 1878 г. Ф. И. Гросс и С. И. Вербрюсов. Обнаружен фундамент общественного здания. 57

В 1886 г. Ф. И. Гросс. Обнаружено оштукатуренное зернохранилище и остатки стен и фундаментов на разной глубине. 71

В 1854 г. К. Р. Бегичев. Найден римский светильник. 23

В 1948 г. В. Д. Блаватский раскапывал культурный слой III—IV вв. н. э. 155

Между Первым креслом Митридата и памятником Стемпковскому

В 1864 г. А. Е. Люценко обнаружил колодезь и водопровод. 27

В 1849 г. К. Р. Бегичев обнаружил водопровод, возможно, там же. 16

В 1838 г. А. Б. Ашик откопал колодезь. 5

Около памятника Стемпковскому

В 1864 г. А. Е. Люценко обнаружил несколько стен. 28

В 1864 г. А. Е. Люценко нашел две надписи. 29

В 1866 г. А. Е. Люценко обнаружил остатки построек. 34

В 1870 г. А. Е. Люценко обнаружил остатки построек. 42

В 1871 г. А. Е. Люценко. Раскопки «пепелищ». 45

В 1891 г. А. А. Бобринский обнаружил подпорную стену. 76

В 1945 г. В. Д. Блаватский обнаружил подпорную стену. 139

На северной покатости горы Митридата, выше каменной лестницы, ведущей к церкви Александра Невского (старое здание Музея)

В 1867 г. А. Е. Люценко. Раскопки «завалов». 39

В 1868 г. А. Е. Люценко. То же. 40

В 1869 г. А. Е. Люценко. То же. 41

В 1875 г. А. Е. Люценко. Раскопки «пепелища». 52

В 1876 г. А. Е. Люценко. То же. 53

Район старого здания Музея

В 1849 г. К. Р. Бегичев обнаружил колодезь. 19

В 1871 г. А. Е. Люценко обнаружил развалины постройки над материком, срезанным уступами. 48

В 1877 г. А. Е. Люценко нашел обломки богатого сооружения. 55

75 В 1891 г. А. А. Бобринский раскапывал наслоения и оползни.
109 В 1910 г. В. В. Шкорпил неуспешно искал остатки театра.
131 В 1930 г. Ю. Ю. Марти раскапывал оборонительную стену.
132 В 1931 г. Ю. Ю. Марти раскапывал оборонительную стену.
140 В 1945 г. В. Д. Блаватский обнаружил подпорную стену.

Северный склон горы Митридата. Район к востоку от Эспланадной улицы

80, 83, 88, 89, 92, 93 В 1896 г., 1898—1900 гг. К. Е. Думберг раскопал постройки позднеклассического, эллинистического и римского времени.
135-136 В 1940—1941 гг. Ю. Ю. Марти копал там же.
151 В 1948 г. В. Д. Блаватский раскапывал окраину акрополя Пантикапея.
141, 144 146, 153 В 1945—1946 гг. В. Д. Блаватский раскопал культурные напластования с VI в. до н. э. до IV в. н. э.
18 В 1849 г. К. Р. Бегичев обнаружил «нишу», возможно, святилища Гекаты.

Возможно, там же

58 В 1878 г. Ф. И. Гросс и С. И. Веребрюсов откопали фундамент большого здания.
70 В 1886 г. Ф. И. Гросс обнаружил древнее водохранилище и желоба, ведущие к нему.

Район старого кладбища. На территории кладбища

24 В 1860 г. случайно найдена мраморная голова.
33 В 1865 г. А. Е. Люценко обнаружил каменную стену и зерновую яму.
43 В 1870 г. случайно найдена мраморная голова.
49 В 1871 г. случайно найдена амфора с 1500 медными монетами.
61 В 1879 г. случайно найден мраморный бюст без головы.

К югу от кладбища

51 В 1874 г. А. Е. Люценко открыл зерновую яму.
61 В 1878 г. Н. П. Кондаков, раскапывая насыпи, обнаружил гробницу.
63 В 1879 г. С. И. Веребрюсов обнаружил следы древней дороги.
66 В 1883 г. С. И. Веребрюсов раскопал фундаменты зданий.
68 В 1885 г. Ф. И. Гросс открыл остатки стены.
77 В 1891 г. А. А. Бобринский открыл древнюю цистерну.
87 В 1899 г. К. Е. Думберг обнаружил развалины зданий и архаическую могилу.

В районе кладбища (без более точного обозначения)

13 В 1846 г. А. Б. Ашик обнаружил две ямы зернохранилища.
54 В 1876 г. А. Е. Люценко. Раскопки «пепелищ».

Около юго-западного угла кладбища

В 1878 г. Ф. И. Гросс и С. И. Веребрюсов 60 открыли остатки гончарной мастерской.
В 1929 г. Ю. Ю. Марти раскопал гончарную 130 печь.

К западу от кладбища

В 1878 г. Ф. И. Гросс и С. И. Веребрюсов 59 обнаружили древнее «пепелище» и некрополь.
В 1911 г. В. В. Шкорпил раскапывал могилы 114 под слоем насыпи.
В 1912 г. В. В. Шкорпил раскапывал мо- 115 гилы под слоем насыпи.
В 1913 г. В. В. Шкорпил нашел древнюю 116 яму.
В 1923 г. Ю. Ю. Марти откопал «пашенную 125 яму», обложенную камнем.
В 1929 г. Ю. Ю. Марти откопал остатки стен 129 позднеримского времени.

В районе южной части Госпитальной улицы и продолжения ее

В 1904 г. В. В. Шкорпил раскопал насыпь и 97 некрополь.
В 1904 г. В. В. Шкорпил обнаружил по- 93 гребение в зерновых ямах.
В 1910 г. В. В. Шкорпил раскапывал по- 106 гребения и насыпь.
В 1923 г. Ю. Ю. Марти откопал оборони- 124 тельную стену.
В 1924 г. Ю. Ю. Марти откопал оборони- 126 тельную стену.

Несколько южнее предыдущего района, за Эспланадной улицей

В 1905 г. В. В. Шкорпил обнаружил обо- 99 ронительную стену.
В 1905 г. В. В. Шкорпил раскапывал мо- 100 гилы и насыпь.
В 1908 г. В. В. Шкорпил обнаружил обо- 104 ронительную стену.

Западнее предыдущих районов, по Эспланадной улице

В 1902 г. В. В. Шкорпил раскапывал мо- 95 гилы и насыпь.
В 1903 г. В. В. Шкорпил, то же. 96

На склоне горы над Шлагбаумской и 1-й Подгорной улицей

В 1891 г. А. А. Бобринский раскапывал 78 «пепелище» и могилы.
В 1879 г. К. Е. Думберг раскапывал «пе- 81 пелище».
В 1897 г. К. Е. Думберг раскапывал «пе- 82 пелище» и могилы.
В 1898 г. К. Е. Думберг, то же. 84
В 1898 г. К. Е. Думберг, то же. 85
В 1899 г. К. Е. Думберг обнаружил «пе- 86 пелище» и остатки стен.
В 1899 г. К. Е. Думберг раскапывал «пе- 91 пелище», могилы.
В 1900 г. К. Е. Думберг раскапывал «пе- 94 пелище» и могилы.
В 1906 г. В. В. Шкорпил, то же. 101
В 1908 г. В. В. Шкорпил, то же. 105

Несколько западнее, за южным концом 1-й Подгорной улицы

108 В 1910 г. В. В. Шкорпил обнаружил могилы и насыпь.
113 В 1911 г. В. В. Шкорпил, то же.
128 В 1928 г. Ю. Ю. Марти. Наблюдения за земляными работами.

К востоку от Скалки

117-123 В 1914 г. В. В. Шкорпил раскапывал «пепелище» и насыпь.

У подошвы Пирамидального холма

90 В 1899 г. К. Е. Думберг открыл монументальную стену.

К востоку от Пирамидального холма

56 В 1877 г. Ф. И. Гросс обнаружил гробницы и насыпь.

То же. Южный склон

65 В 1882 г. С. И. Веребрюсов обнаружил гробницы и насыпь.

На южном склоне горы у Скалки

107 В 1910 г. В. В. Шкорпил обнаружил гробницы и насыпь.

Западный склон (Второго кресла?) Митридата

38 В 1867 г. А. Е. Люценко раскапывал насыпь.

Юго-западный склон (Второго кресла?) Митридата

35, 36 В 1867 г. А. Е. Люценко обнаружил остатки фундаментов.
47 В 1871 г. А. Е. Люценко раскапывал «пепелище».
52 В 1872 г. А. Е. Люценко обнаружил развалины обширного здания.

Юго-западный склон Второго кресла Митридата

151 В 1948 г. В. Д. Блаватский раскопал развал городской оборонительной стены.

Вершина Второго кресла Митридата

152 В 1948 г. В. Д. Блаватский обнаружил культурный слой III—IV вв. н. э.

Южный склон Второго кресла Митридата

102 В 1907 г. В. В. Шкорпил обнаружил некрополь и над ним городище.

Южный склон горы Митридата, выше Соляного городка

62 В 1878 г. Н. П. Кондаков раскапывал насыпь.

Южный склон горы (без точного обозначения)

37 В 1867 г. А. Е. Люценко обнаружил стену террасы.
47 В 1871 г. А. Е. Люценко обнаружил остатки стен.
103 В 1907 г. В. В. Шкорпил обнаружил хлебную яму.

Район между Вторым и Первым креслами Митридата

142,147 В 1945 и 1947 гг. В. Д. Блаватский обнаружил городские напластования от III—II вв. до н. э. до III—IV вв. н э.
В 1945 г. был найден пифос. 143

Южный склон Первого кресла Митридата (над Босфорским переулком)

В 1946 —1947 гг. В. Д. Блаватский обнаружил городские напластования от IV в. до н. э. до IV в. н. э. 145-148

На территории нынешнего города, Греческая улица

В 1937 г. обнаружена монументальная стена, оказавшаяся новой, и древний культурный слой. 134

Биржевая (Таманская) площадь

В 1836 г. случайно найден меч. 4
В 1861 г. случайно найдены надписи. 25
В 1863 г. случайно найден карниз. 26

Около церкви Иоанна Предтечи

В 1839 г. найдена колонна с надписью. 6
В 1840 г. найден рельеф. 7
В 1934 г. В. Д. Блаватский обнаружил тощий культурный слой с находками примерно I—IV вв. н. э. 133

Предтеченская площадь

В 1911 г. случайные находки надписей и скульптур. 110-112

Прилежащий район

В 1842 г. найден мраморный бюст. 8
В 1925 г. Ю. Ю. Марти обнаружил фундаменты зданий. 127

Около Приморского бульвара

В 1947 г. В. Д. Блаватский обнаружил городские напластования от IV в. до н. э. до IV в. н. э. 149-150

В усадьбе кино «Ударник»

В 1944 г. установлена находка рыбозасолочной цистерны. 138

На Босфорской улице

В 1865 г. А. Е. Люценко нашел «помост» и статую Диониса. 32

На улице Карла Маркса

В 1948 г. прорыта канава, выявившая тощий культурный слой с находками первых веков н. э. 156

Плохо локализованные находки в городской черте Керчи

Позади Старой таможни

В 1811 г. обнаружен фундамент стены.

У подошвы горы Митридата в Лавриковом переулке во дворе дома купца Бойковича

В 1849 г. К. Р. Бегичев раскопал оборонительную (?) стену. 17

У подошвы горы Митридата в Лавриковом переулке во дворе дома купца Бойковича

В 1854 г. А. Е. Люценко раскопал оборонительную (?) стену. 22

У подошвы горы Митридата во дворе керченского купца Семенова

В 1887 г. случайно найдены фрагменты статуи. 72

Во дворе керченского купца Мисаксуди

73 В 1887 г. случайно найдены два пьедестала с надписями.

Во дворе Томазини

74 В 1888 г. случайно найдена плита с надписью.

В одном из дворов на горе Митридата, выше трактира Запорожского

79 В 1894 г. случайно найден пифос.

Плохо локализованные находки на горе Митридата

3 В 1833 г. А. Б. Ашик открыл водохранилище.

14 В 1846 г. А. Б. Ашик упоминает, что находки хлебных ям на горе Митридата «не новость».

21 В 1853 г. А. Е. Люценко копал на склонах третьего, четвертого и пятого холмов Митридатовой горы и далее к западу. Обнаружена гончарная печь.

30 В 1864 г. А. Е. Люценко обнаружил остатки построек.

В 1864 г. А. Е. Люценко обнаружил надпись. 31

В 1884 г. случайно найдена мраморная группа Ники и быка. 67

Из остальных номеров нашей летописи на плане значится

1823—1827 гг. стены акрополя и города по И. П. Бларамбергу. 2

То же. 10

В 1845 г. упоминается древний мол. 11

В 1846 г. упоминается церковь Иоанна Предтечи. 12

Не имеет значения для топографии древнего города

В 1843 г. находка древних надписей в стене турецкой бани. 9

В 1849 г. упоминание о древнем колодце около Золотого кургана. 20

Район от Первого кресла до Золотого Кургана

В 1944—1945 гг. обследование. 137

Г. А. Цветаева

ГРУНТОВОЙ НЕКРОПОЛЬ ПАНТИКАПЕЯ, ЕГО ИСТОРИЯ, ЭТНИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ

Русскими археологами накоплен огромный материал по истории некрополя Пантикапея. Можно сказать, что ни один некрополь античного города не был исследован археологами так полно, как этот, что позволило создать богатые, известные всему миру публикации находок и ряд монографий, посвященных исследованиям открытых памятников. Однако раскопки некрополя, проводимые главным образом в дореволюционный период, имели ряд недостатков, одним из которых являлась не совсем точная топографическая фиксация открываемых памятников, что служило большим препятствием для изучения топографии некрополя. Не касаясь специальных работ, посвященных изучению некрополя, заметим, что топографическому принципу было уделено ничтожное внимание. Первая попытка составления топографической карты некрополя Пантикапея принадлежала профессору Ю. А. Кулаковскому, который, изучая земляные склепы северного склона горы Митридата, пытался дать план их расположения [1]. Однако это лишь частично касалось топографии некрополя, поскольку исследование ограничивалось и определенным видом погребальных сооружений и одним районом. Впоследствии В. В. Шкорпил в результате своих многолетних раскопок некрополя сделал ряд выводов относительно его топографии. Материалы исследований позволили ему установить районы погребений аристократии и христиан в некрополе Пантикапея I—VI вв. н. э. и высказать предположение о принципе группового расположения погребений. Однако обширные и систематические раскопки Шкорпила не наносились им на план, и большой открытый материал не был использован для составления археологической карты: дореволюционные археологи считали археологию лишь средством накопления древностей. Советские археологи, вооруженные методом марксизма-ленинизма, переосмысливают добытые вещевые материалы в рамках социально-политической истории.

При отсутствии достаточного количества письменных источников по истории Боспора особое значение получают данные археологии. Изучение топографии некрополя доставляет дополнительный материал для определения некоторых черт жизни и быта населения Пантикапея, подтверждает наличие сильной классовой дифференциации в боспорском обществе и частично восстанавливает живую ткань социальной и культурной истории Боспора.

Кроме того, изучение топографии некрополя позволит сделать ряд дополнительных выводов относительно эволюции столицы Боспорского государства — Пантикапея и, в частности, в отношении этнического состава его населения. Максимально точное нанесение границ некрополя является одним из основных способов определения размеров Пантикапея в различные периоды его существования.

Всякая попытка составления топографической карты пантикапейского некрополя не может претендовать на абсолютную точность, во-первых, в силу крайней суммарности и неточности топографических данных дореволюционных отчетов и, во-вторых, в силу незавершенного характера археологических полевых исследований в области пантикапейского некрополя. В силу тех же причин также приблизительны будут и все статистические подсчеты.

В данной работе при исследовании топографии некрополя мы вынуждены сознательно избегать ряда вопросов. Работа ограничивается исследованием лишь грунтового некрополя, примыкавшего к городу, и оставляет в стороне обширный курганный некрополь.

Мы считаем необходимым, попутно с исследованиями топографии, давать краткую характеристику рядового погребального обряда и основных типов погребальных сооружений,

[1] МАР, вып. 19, 1896, стр. 2.

поскольку это поможет выяснить вопросы социального и этнического характера Пантикапея.

Ввиду того, что нам часто приходится обращаться к дореволюционным археологическим материалам, мы сохраняем прежние наименования улиц и районов Керчи.

I

Некрополь первых веков существования Пантикапея находился, видимо, только на северном и южном склонах горы Митридата (рис. 1). На северном ее склоне погребения VI—V вв. до н. э. найдены были в следующих районах:

1) на территории, лежащей к югу и западу от Старого кладбища;
2) на Правой Кладбищенской улице;
3) в 1, 2 и 3-м Кладбищенских переулках;
4) в верхних частях Госпитальной и Шлагбаумской улиц;
5) на Эспланадной улице и в месте пересечения ее с 1-й Подгорной улицей;
6) в 1-м Нагорном переулке;
7) на территории между Вторым креслом Митридата и Пирамидальной (она же Круглая и Сахарная) скалой.

На южном склоне горы Митридата — под Вторым креслом Митридата.

Таким образом, восточной границей древнейшего некрополя являлась территория Старого городского кладбища; северной — верхние части Госпитальной и Шлагбаумской улиц; западной — 1-й Нагорный переулок и Пирамидальная скала; южная граница проходила где-то южнее Второго кресла, точно ее проследить не представляется возможным.

Толщина культурного слоя, под которым находились погребения, была неодинаковой: она оказалась наименьшей возле юго-западного угла кладбища и в районе Кладбищенских переулков, где она колебалась от 1,78 до 2,72 м, на Эспланадной улице — от 3,80 до 4,00 м. Максимальной мощности культурный слой достигал в районе между Вторым креслом Митридата и Пирамидальной скалой и в особенности на месте раскопа Бобринского, где толщина его достигала 7, а иногда и 10,5 м. Под Вторым креслом Митридата погребения находились на глубине от 2,19 до 5,00 м. Различная мощность культурного слоя объясняется той ролью, которую играли различные участки территории Пантикапея на протяжении всей его истории. Наименьшая толщина возле кладбища объясняется, видимо, тем, что этот район очень скоро вошел в пределы города и, ставши постоянной его территорией, никогда более не служил местом свалок или некрополя. В районе Эспланадной улицы и на территории между Вторым креслом и Пирамидальной скалой культурный слой особенно велик потому, что здесь на протяжении больших периодов очень часто менялось назначение этих мест: в периоды территориального расширения города некрополь сменялся городскими свалками или постройками, в периоды сокращения городской территории на отошедших от нее участках вновь возникали свалки, а затем появлялся некрополь. То же самое можно сказать и в отношении южного склона Второго кресла [1].

В древнейшем некрополе Пантикапея были распространены два вида погребального обряда: кремация и трупоположение. Точное их соотношение установить невозможно, так как отчеты прошлого столетия не сообщают всех необходимых данных. Однако даже очень грубый и поверхностный подсчет имеющегося материала говорит о явном преобладании трупоположения. Кремация составляет примерно 10—13% от общего количества погребений VI—V вв. до н. э.

Придерживаясь топографического принципа в исследовании пантикапейского некрополя, считаем необходимым начать его обзор с погребений северного склона горы Митридата, так как именно этот район, наиболее насыщенный ранними погребениями, дает и наибольшее разнообразие как погребального обряда, так и форм погребальных сооружений.

Погребения с кремацией VI—V вв. до н. э. датируются почти исключительно сосудами, выполняющими роль пеплохранилищ: ионийскими амфорами и ионийскими сосудами с горизонтальными полосками, псевдопанафинейской амфорой конца VI в. до н. э.: черно-фигурными сосудами и краснофигурными сосудами строгого и свободного стилей.

Отчеты А. А. Бобринского о раскопках 1891 г. отчасти проливают свет на обряд погребения при кремации в VI—IV вв. до н. э. (ОАК, 1891, стр. 26 сл.). Уровень современной Бобринскому почвы находился на 7 м выше уровня грунтовой скалы. На серединной высоте этой насыпи была обнаружена площадка с перегоревшей землей и обломками сосудов, разбитых при совершении тризны. Далее, на уровне грунта, был обнаружен «точок» гораздо бо́льших размеров, чем указанная площадка; здесь, видимо, происходило сожжение покойника. О величине костра и силе огня говорит масса расплавленных металлических предметов, среди которых был железный меч и стригили. В центре «точка» находился сосуд с жженными костями, покрытый сверху нижнею частью перепиленной пополам амфоры. Описанный способ погребения встречался неоднократно, причем один жженый «точок» всегда находился на материке или в материке, другой — выше него на расстоянии от 1 до 3 м. Это говорит о том,

[1] Исследования Шкорпила 1902 и следующих годов доказали наличие у Второго кресла некрополя VI—III вв. до н. э. и III—IV вв. н. э.

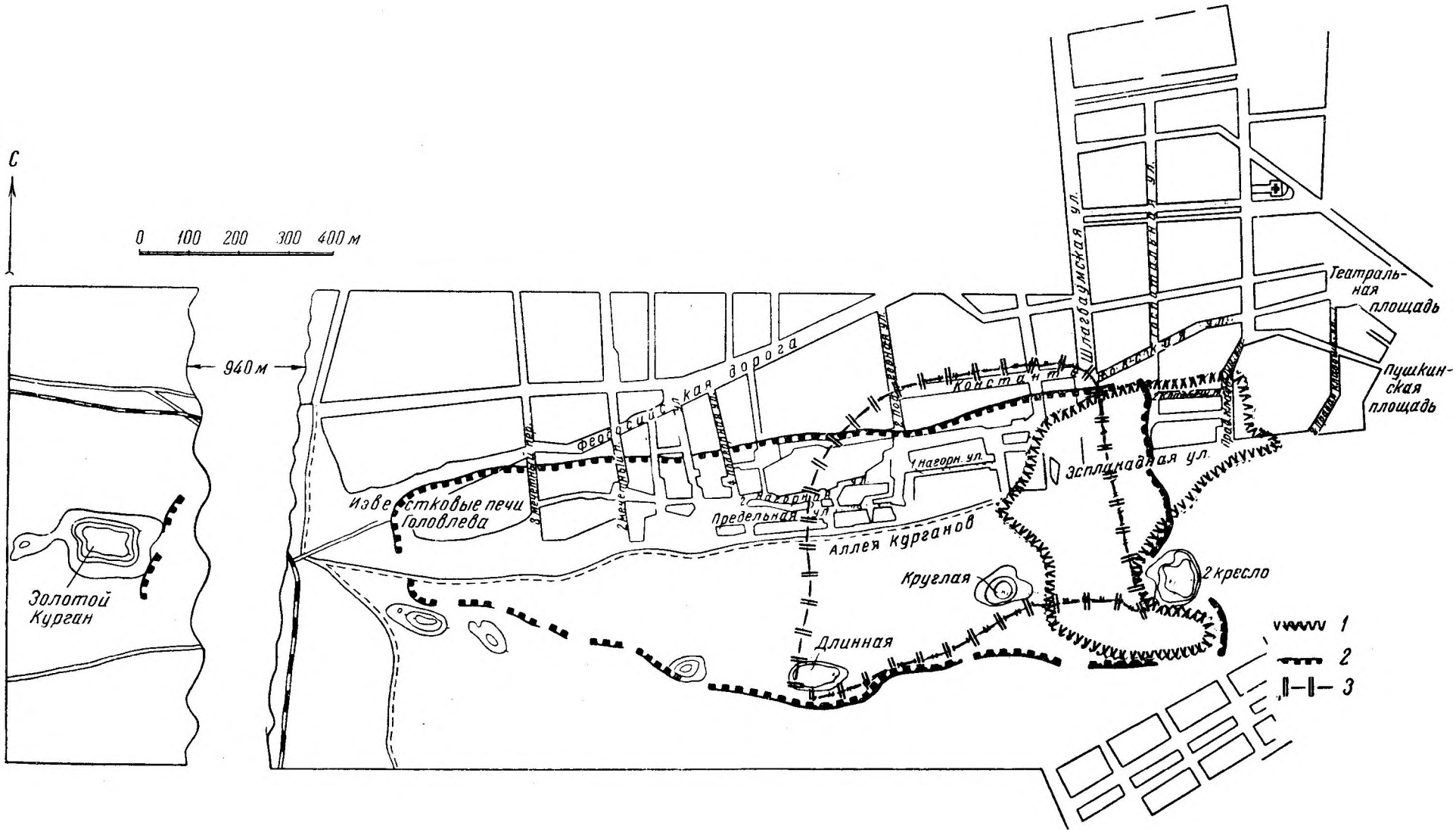

Рис. 1. Границы некрополя VI—I вв. до н. э. в районе горы Митридата

1 — границы некрополя VI—V вв. до н. э.; *2* — границы некрополя IV—III вв. до н. э.; *3* — границы некрополя II—I вв. до н. э.

что над сосудом с пеплом насыпался курган, на вершине которого совершалась тризна. Различные варианты обряда состояли в способе помещения сосуда с пеплом. Первым вариантом являлось описанное выше оставление урны на поверхности «точка» и сооружение над нею небольшого кургана. Второй вариант обряда заключался в помещении сосуда с пеплом в специально вырытую для него четырехугольную или круглую ямку. Четырехугольные ямки имели следующие размеры: длина — до 0,98, ширина — 0,44 и глубина — 0,30—0,56 м; или — диаметр 0,43—0,51, глубина — 0,44—0,62 м (ИАК, вып. 56, стр. 5, № 9, 14, 15; вып. 60, стр. 8, № 2, 7, 90 и рапорт Шкорпила от 1913 г.— Архив ЛОИИМК, Ленинград). Оба углубления после помещения в них сосуда прикрывались плоскими камнями (ИАК, вып. 60, стр. 8, № 2, 13), а сам сосуд — иногда частью отпиленной амфоры (ИАК, вып. 56, стр. 7, № 15). Ямки вырывались или посредине «точка», или рядом с ним [1].

Среди погребений с трупоположением преобладающим являлся тип простой грунтовой могилы, вырытой в мягком грунте или высеченной в скале. Отдельные варианты этого вида можно выделить только по роду перекрытия могил. Первое место занимают гробницы, перекрытые плитами местного известняка. Второе место — гробницы, перекрытые досками. К дополнительным приемам устройства гробниц можно отнести укрепление их стенок камнями мелкими (ИАК, вып. 25, стр. 25, № 106; вып. 30, стр. 26, № 86, 87; вып. 35, стр. 15, № 10) или большими (ИАК, вып. 56, стр. 10, № 21), помещение больших камней по краям могилы (ИАК, вып. 56, стр. 10, № 24), покрывание досок слоем материковой земли (ИАК, вып. 30, стр. 54, № 3) или слоем травы (ИАК, вып. 56, стр. 8, № 16). Одно из погребений свидетельствует о том, что иногда, видимо, вместо досок могилы покрывались брусьями. Третье место занимают гробницы с перекрытием, условно названным нами комбинированным. Сочетание материалов в таком перекрытии довольно разнообразно: иногда часть могилы покрывалась плитой, часть досками (ИАК, вып. 9, стр. 99, № 141; вып. 25, стр. 24, № 102), в других случаях доски сочетались с применением мелкого камня (ИАК, вып. 17, стр. 26, № 108; вып. 60, стр. 11, № 12). Бывало также, что могила покрывалась бревнами и камнем (ИАК, вып. 56, стр. 6, № 13) и т. д. Наличие гробниц с комбинированным перекрытием говорит о том, что для перекрытия можно было использовать любой из подручных материалов.

Немногочисленной, по сравнению с простыми грунтовыми могилами, является группа каменных и сырцовых гробниц. Первые из них были сложены из больших тесаных известняковых плит, впущенных в материк, покрытых сверху каменной плитой (ИАК, вып. 9, стр. 96, № 129; вып. 17, стр. 7, № 20, 23; вып. 56, стр. 5, № 10; вып. 60, стр. 13, № 17). Иногда они имели также каменный пол (ИАК, вып. 56, стр. 8, № 17, 18). Относительно вторых известно только, что они, как и земляные гробницы, перекрывались или каменными плитами или досками (ИАК, вып. 56, стр. 5, № 11; вып. 60, стр. 9, № 6) и имели иногда толщину стенок 0,38 и земляной пол.

При трупоположении, так же как и при кремации, над могилой насыпался холм, на вершине которого совершалась тризна (ОАК, 1898 г., стр. 18 сл.). Покойников хоронили или в гробах (ИАК, вып. 56, стр. 10, № 23), или без них; в этих случаях труп часто помещали на подстилку из морской травы (ИАК, вып. 60, стр. 13, № 17). Костяки при раскопках находили лежащими на спине с вытянутыми руками и ногами. Иногда одна или обе руки были согнуты в локтях и положены на грудь. В абсолютно подавляющем большинстве случаев в погребениях VI—V вв. северного склона покойники были положены головой на восток.

Весьма возможно, что уже в ранний период существования некрополя в нем были отдельные групповые погребения, представлявшие собой семейные кладбища. На территории северного склона горы Митридата были найдены наиболее ранние погребения, датированные сосудами стиля Фикеллуры. Одно из погребений находилось в простой грунтовой могиле против расписного склепа 1908 г., другое — в 3-м Кладбищенском переулке. Нахождение сосудов типа Фикеллуры в пантикапейском некрополе имеет чрезвычайно большое значение, так как в данном случае мы имеем, может быть, погребения конца VII в. до н. э., относящиеся к эпохе до основания города и свидетельствующие о существовании уже в конце VII в. на месте Пантикапея греческого эмпория, ведущего торговлю с местными племенами. Однако подобное предположение требует дальнейших доказательств.

Погребения VI в. до н. э. с коринфскими и ионийскими сосудами были найдены в 1-м Нагорном переулке (ИАК, вып. 17, стр. 26, № 108), на Эспланадной улице (ИАК, вып. 9, стр. 95, № 116), в 3-м Кладбищенском переулке и на Правой Кладбищенской улице. Если в погребении была амфора, то она всегда находилась или за головой, или в ногах покойника. Мелкие сосуды всегда вкладывались в одну или обе руки отверстием к голове покойного (ИАК, вып. 17, стр. 26, № 108; вып. 35, стр. 17, № 19). Если сосудов было много, то

[1] Помещение сосудов с пеплом в ямки имеет аналогию в некрополе Херсонеса и Ольвии. См., например, гробницы №№ 1738, 1964, 1967, 1968.— ИАК, вып. 25, 1907, стр. 85 сл.; ИАК, вып. 8, 1903, стр. 153, № 3.

они располагались вдоль боков или в ногах [1].

В женских погребениях встречаются серьги, перстни, бронзовые зеркала и бронзовые или медные иголки. Изделия из золота находили довольно редко, также редко встречались терракоты. Мужские погребения отличаются наличием предметов вооружения: чаще всего это наконечники копий и стрел, реже — мечи. Расположение их различно. В одном из погребений железный наконечник копья длиною в 0,49 м лежал вдоль левого бока костяка (ИАК, вып. 25, стр. 25, № 107), в другом — железный наконечник копья находился в левой руке (ИАК, вып. 25, стр. 18, № 72); в гробнице № 15 (ИАК, вып. 56, стр. 7) лежало три железных наконечника копий, обтянутых внизу бронзовыми кольцами. Нередко находились также железные и бронзовые наконечники стрел. Довольно полный набор оружия был открыт в погребении № 19 (ИАК, вып. 56, стр. 9), состоял он из 88 бронзовых наконечников стрел, двух железных наконечников копий, железного меча (в обломках) и железного ножа. Здесь же находились обломки алебастра. Эти находки свидетельствуют о том, что погребенный был воином и атлетом.

Соединение оружия с палестрическими сосудами и стригилями в погребениях VI—V вв. дает представление о пантикапейце этого времени, как об атлете и воине одновременно. И действительно, в условиях еще раннего Пантикапея, для каждого пантикапейца занятия атлетикой играли большую роль в воинском воспитании [2].

Некрополь VI—V вв. на южном склоне горы Митридата сильно уступает по территории и количеству известных нам погребений некрополю северного склона. К VI—V вв. относится не более десяти погребений. При сравнении количества погребений на южном склоне с количеством их на северном склоне нужно иметь в виду, что южный склон исследовался значительно меньше и, кроме того, его площадь меньше площади северного склона, так как он гораздо круче последнего. Отсутствие наиболее древних погребений с сосудами типа Фикеллуры заставляет предположить, что эта территория была занята некрополем в VI—V в. до н. э. в дополнение к более раннему некрополю северного склона. Некрополь южного склона имеет ряд особенностей. По типу погребений и инвентарю он носит еще более скромный характер: здесь совсем нет каменных гробниц и отсутствуют ювелирные украшения и оружие. Отсутствует кремация. Преобладающим перекрытием земляных гробниц являются доски, а не плиты. Восточная ориентировка костяков не имеет такого абсолютного преобладания, как на северном склоне; наряду с нею встречаются южная, северная и северо-восточная ориентировки. Ряд погребений свидетельствует о местном элементе в некрополе южного склона. Так, например, к числу погребений V в. до н. э. в указанном районе относится известное погребение Тихона-тавра. В 1902 г. В. В. Шкорпилом была открыта земляная гробница (ИАК, вып. 9, стр. 80, № 35), в которой костяк, лежащий головой на восток, был весь пропитан красной краской. В насыпи, над правой рукой остова, была найдена надгробная плита с метрической надписью V в. до н. э. [1], ее перевод: «(Памятник) Тихона. Под сим памятником лежит муж, многим желанный, родом тавр. Имя его Тихон». Если надгробная плита относится к данному погребению, то мы имеем любопытное сочетание местных элементов (окрашивание костяка) с греческими (постановка стелы с надписью).

Элементы местного культа сохранились в некоторых других погребениях, найденных в том же районе. В одном из них (ИАК, вып. 9, стр. 83, № 50) костяк лежал на боку с подогнутыми к животу ногами, кисть правой руки была под головой, ориентировка северная. В другом погребении (ИАК, вып. 35, стр. 25, № 56) костяк лежал на левом боку лицом к югу. К сожалению, нельзя точно сказать, относятся ли оба погребения к VI—V вв. или к более позднему времени. В третьем погребении (ИАК, вып. 35, стр. 28, № 70) на черепе костяка были заметны следы красной краски. Наличие подобных погребений с ярко выраженными местными чертами невольно порождает предположение о том, что небольшой некрополь на южном склоне Второго кресла горы Митридата служил участком, где наряду с греками некоторое время погребались представители местной части населения Пантикапея или члены одной семьи, сохраняющей элементы особого культа. В связи с этим, для уточнения вопроса о местном населении, дальнейшему изучению должны быть подвергнуты могилы с северной и южной ориентировкой костяков и несколько странные в условиях богатого камнем и бедного лесом Пантикапея перекрытия гробниц из досок и брусьев. Говоря об общем характере некрополя VI—V вв., следует отметить, как вывод, что он все же не был по составу погребенных в нем абсолютно греческим, хотя греческий обряд погребения вероятно преобладал. Видимо, население города этого времени состояло не только из одних греков, так как все развитие Пантикапея с момента основания его как торгового города было связано с участием в его

[1] ИАК, вып. 30, 1909, стр. 30, № 103, в погребении было найдено 10 сосудов, помещенных с правой стороны и в ногах костяка. Обычно же в погребениях находилось небольшое количество сосудов — от одного до трех-четырех.

[2] Оружие, правда, встречается не во всех погребениях, где инвентарь носит палестрический характер.

[1] ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 70; ИАК, вып. 10, 1904, стр. 63, № 66.

жизни представителей местных племен, не говоря уже о том, что сам город был основан на месте догреческого поселения [1].

Некрополь по своим размерам и особенностям погребений носит скромный характер. Некоторые из его участков имели свою специфику: некрополь северного склона с его большим разнообразием типов сооружений, погребениями с оружием, кремацией, дорогой в условиях безлесной местности, выглядит более

мое для защиты города от окружающих племен, должно было представлять гражданское ополчение, воины которого приобретали оружие за свой счет. У нас нет никаких оснований вслед за М. И. Ростовцевым [1] считать подобные погребения не греческими. Было бы странным, если бы скифы-воины, а не греки защищали в это время небольшую греческую колонию, окруженную враждебными ей местными племенами.

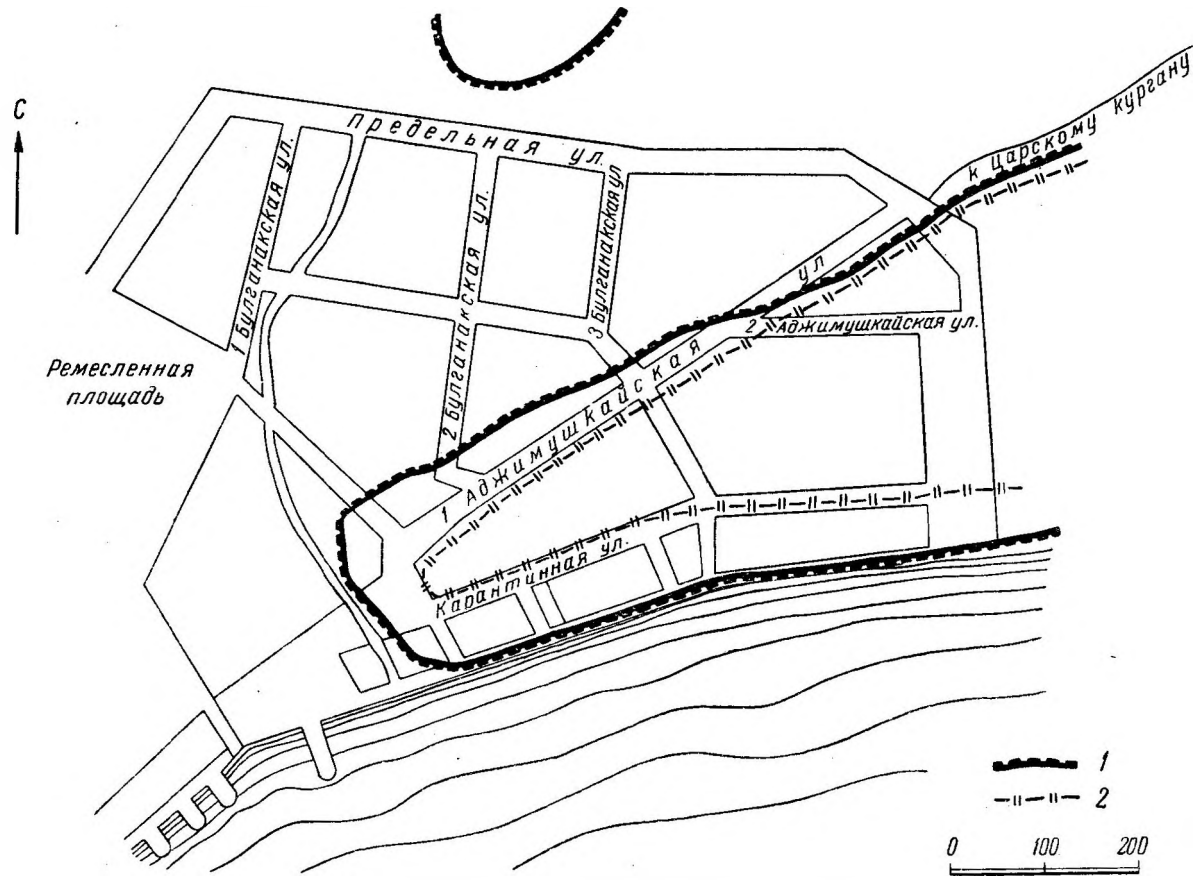

Рис. 2. Границы некрополя IV—I вв. до н. э. на Глинище

1 — границы некрополя IV — III вв. до н. э.; *2* — границы некрополя II — I вв. до н. э.

богатым, чем некрополь южного склона. Возможно, что последний представляет район погребений «простых» граждан. Однако погребения аристократии еще находятся в общем грунтовом некрополе северного и южного склонов горы Митридата, из которого они пока не выделяются, как это будет позднее.

Процент погребений с оружием довольно велик: из восьмидесяти с небольшим погребений оружие встречено в десяти (примерно 12% от общего количества погребений).

Такое соотношение представляется естественным, если иметь в виду, что Пантикапей этого времени не был еще в состоянии содержать наемную армию, и его войско, необходи-

II

Пантикапейский некрополь эпохи расцвета боспорского рабовладельческого государства IV—III вв. до н. э. находился на северном и южном склонах горы Митридата, на высотах, ее продолжающих (рис. 1), и на Глинище (рис. 2). На северном склоне горы Митридата крайним восточным пунктом некрополя являлось теперь не Старое городское кладбище, как в период VI—V вв., а район пересечения Эспланадной и Госпитальной улиц и, вероятно, верхняя часть Госпитальной улицы. Далее некрополь занимал верхний конец Шлагбаумской улицы, Эспланадную улицу на

[1] С. А. Жебелев. Боспорские этюды, ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 8.

[1] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 196, 235.

всем ее протяжении. К западу и с.-з. от нее некрополь находился на 1-й Подгорной улице, возле бывших известковых печей Ростовского, в 1-м Подгорном переулке, на 1-й и 2-й Нагорных улицах. Далее на запад погребения находились в 3-м Мечетном переулке; весьма возможно, что они есть также на 3, 4 и 5-й Подгорных улицах и в первых двух Мечетных переулках. Крайние западные погребения были обнаружены на Почтовой дороге, близ бывших известковых печей Головлева, и у Золотого кургана. К югу от Эспланадной улицы погребения находились против склепа 1908 г., между Вторым креслом Митридата и Пирамидальной скалой, под склонами Скалки. На южном склоне горы Митридата некрополь занимал территорию к югу от Второго кресла Митридата, а также восточные и южные склоны Пирамидальной и Длинной скал.

На Глинище погребения IV—III вв. до н. э. были встречены в следующих местах: в западной части Глинища на территории между 1-й Булганакской и Карантинной улицами; в южной части Глинища — на берегу бухты, на Карантинной улице, по левую и правую стороны Карантинного шоссе; в восточной части Глинища — на 1-й Аджимушкайской улице, на Новой улице, на Предельной улице (близ бывшего здания тюрьмы). Далее погребения выходили за пределы современного Глинища и находились на дороге, идущей к Царскому кургану, за городом, против 2-й Булганакской улицы, на площадке так называемого Собачьего кургана, вблизи Замостского кордона и деревни Катерлес.

У некрополя IV—III вв. до н. э. есть, таким образом, большие территориальные отличия от более раннего некрополя VI—V вв. до н. э.: в него не вошла довольно большая территория прежнего некрополя — Кладбищенские переулки, Правая Кладбищенская улица, территория к Ю.-З. от Старого кладбища. Весь этот район был, скорее всего, освоен разросшимся городом. Величина участка, отнятого городом у некрополя, составила около 2 га. Однако, с другой стороны, некрополь занял новую огромную территорию на склонах горы Митридата и ее продолжении: от 1-го Нагорного переулка и Пирамидальной скалы до Золотого кургана, что в несколько раз превышает территорию раннего некрополя. В целом, учитывая и территорию Глинища, можно приблизительно сказать, что некрополь IV—III вв. территориально в 6—7 раз превосходил некрополь VI—V вв.

Приведем краткую характеристику некрополя IV—III вв. по отдельным топографическим районам.

Обширная территория некрополя северного склона горы Митридата и ее продолжения насыщены известными нам погребениями крайне неравномерно. В западной части, ближе к Золотому кургану, погребения встречаются реже, в восточной же части, и особенно на территории прежнего некрополя, они очень часты. Такая тяга к местам древнего некрополя объяснялась, видимо, близостью города и, может быть, определенными семейными традициями.

Глубина, на которой были открыты погребения, представлялась наименьшей в западной части некрополя, например, в районе 3-го Мечетного переулка, где гробницы находились на глубине 0,07—0,69 м от поверхности, в районе Эспланадной улицы толщина культурного слоя достигала 5 м, а на южном конце Подгорной улицы — более 7 м [1].

В IV—III вв. продолжали существовать оба обряда погребения — кремация и трупоположение. Однако второй обряд еще более, чем раньше, преобладал над кремацией. Последняя составляет примерно около 3% всех погребений. Типы погребений, в которых встречается трупоположение, гораздо разнообразнее, чем в VI—V вв.: помимо грунтовых, земляных, сырцовых и каменных гробниц появились каменные саркофаги и каменные склепы, а также склепы, высеченные в скале. Однако простые грунтовые могилы оставались самым распространенным видом погребений. Наиболее характерным для некрополя на северном склоне в это время являются гробницы с перекрытием из досок или брусьев (ИАК, вып. 9, стр. 79, № 29, стр. 103, № 159; вып. 17, стр. 7, № 24, 26 и др.). Другой особенностью грунтовых погребений является то, что некоторые из них имеют ширину более метра (1,24—1,28 м) (ИАК, вып. 9, стр. 91, № 101, 102, 118; вып. 25, стр. 4, № 8), тогда как средняя ширина большинства могил составляет 0,50—0,80 м. Вероятно, что при устройстве подобных широких гробниц предусматривались возможные случаи повторных захоронений, что и подтверждается наличием в некоторых из них двух костяков (ИАК, вып. 9, стр. 91, № 101).

Каменные гробницы в этот период встречаются в большем количестве, чем ранее. Любопытно, что почти все известные нам каменные гробницы этого времени найдены на Эспланадной улице [2]. Ряд гробниц имел ширину более 1 м и был рассчитан, подобно грунтовым могилам, на повторные захоронения (ИАК, вып. 30, стр. 18, № 70). В каменных гробницах деревянное перекрытие встречается очень редко (ИАК, вып. 30, стр. 3, № 2). В это время в качестве перекрытия уже использовались старые надгробные плиты.

К числу склепов, выстроенных из камня, относится расписной каменный склеп 1908 г., открытый в поле расследованного кургана

[1] Толстый слой насыпи над погребениями в районе 1-й Подгорной улицы возник, видимо, в римское время в период сооружения здесь ряда склепов.

[2] Каменные гробницы VI—V вв. находились у юго-западного угла Старого кладбища и также на Эспланадной улице.

между Вторым креслом Митридата и Пирамидальной скалой. В склепе были похоронены представители трех поколений, живших во второй половине IV и в первой половине III в. до н. э.[1] Склепы, высеченные в скале, появились на северном склоне, видимо, в конце рассматриваемого периода. Некоторые из них датируются акварельными пеликами (ИАК, вып. 40, стр. 69, № 8). По архитектуре они дают большее разнообразие, чем более поздние склепы, высеченные в скале

Обряд погребения IV—III вв. принципиально ничем не отличается от обряда погребения более раннего времени. Костяки лежали на спине с вытянутыми руками и ногами, нередко они помещались в гробы (ИАК, вып. 9, стр. 98, № 139, 140; вып. 30, стр. 54, № 4, 16, 17, 78), или же клались прямо на подстилку из морской травы (ИАК, вып. 9, стр. 96, № 96; вып. 17, стр. 8, № 25; вып. 30, стр. 18, № 70). Преобладающей ориентировкой покойников являлась восточная.

В погребениях IV—III вв. сравнительно с погребениями VI—V вв. находилось гораздо большее число предметов, главным образом, сосудов. Принцип их расположения не изменился: мелкие сосуды и предметы помещались как можно ближе к покойнику, более крупные сосуды и шкатулки находились в некотором отдалении — за головой, в ногах или сбоку. Особенно типичны для этого времени предметы палестрического инвентаря — сосуды и стригили[2]. Иногда вместе с ними находились некоторые предметы оружия, чаще всего наконечники стрел (ИАК, вып. 9, стр. 90, № 95, 96, 142; вып. 30, стр. 31, № 104). Однако некрополь IV—III вв. северного склона при большем его размахе и насыщенности содержит меньшее количество погребений с оружием. Последние составляют, примерно, 6% по отношению к их общему количеству, что дает снижение по сравнению с VI—V вв. более чем в два раза. Повидимому, часть подобных погребений переместилась в IV—III вв. в какой-то другой район некрополя. Для инвентаря женских погребений характерны иглы, зеркала, пронизи от веретен, украшения. Иглы, чаще всего бронзовые, помещались возле головы справа и были воткнуты в материю (ИАК, вып. 9, стр. 90, № 92, 152, 156), в руки вкладывались лекифы или зеркала (ИАК, вып. 9, стр. 96, № 124, 152, 140). Для инвентаря детских погребений помимо сосудов характерны подвески, бусы, серьги и терракоты. Общим для всех погребений являлось помещение монет, находившихся или во рту костяка, или у руки. Характер инвентаря и порядок его расположения не изменялись в зависимости от типа погребений, но в гробницах более сложного устройства предметы инвентаря были многочисленнее. В каменной гробнице № 83 (ИАК, вып. 9, стр. 88) с обеих сторон остова стоял в 4 ряда 21 сосуд).

Особенностью погребений IV—III вв. северного склона является ничтожное количество золотых и серебряных изделий. Этот факт, а также и меньшее количество погребений воинов заставляет предположить, что в то время северный склон сделался за небольшим исключением некрополем рядовых граждан, погребения же аристократии и состоятельных граждан находились на другой территории: во-первых, в курганах Юз-Обы, во-вторых, на территории Глинища.

В некрополе южного склона горы Митридата наибольшая насыщенность погребениями IV—III вв. до н. э. была на южном скате Второго кресла Митридата, меньшая — на южных скатах Пирамидальной и Длинной скал и на территории, лежащей между этими высотами. Толщина культурного слоя над погребениями колебалась от 1,42 до 5,57 м.

Абсолютно преобладающим обрядом погребения также являлось трупоположение; кремация составляла, примерно, такой же процент, как и на северном склоне (3—4%). Среди погребальных сооружений рассматриваемого района встречались грунтовые сырцовые и каменные гробницы. Склепы отсутствовали. Простые грунтовые гробницы значительно преобладали над другими видами могил, они составляли, примерно, 85% всех погребений. Замечено, что бóльшая часть из них имела перекрытие не из плит, а из досок, гораздо реже из брусьев[1]. В устройстве каменных гробниц, повидимому, было несколько вариантов, о которых вскользь упоминается в отчете 1882 г. (ОАК, 1882 г., стр. XIV — стенки одной из гробниц были сложены из дикарных камней).

Восточная ориентировка костяков на южном склоне не была абсолютно преобладающей. Ее имело около половины погребений, ориентировку на с.-в.— 25%, на ю.-в.— 12%. Прямая ориентировка на север или юг единична. Преобладание восточной ориентировки

[1] См. также каменные склепы. ИАК, вып. 9, 1904, стр. 97, № 133, 134; вып. 40, 1911, стр. 65, № 5.

[2] Например, ИАК, вып. 56, 1914, стр. 4, № 2. В правой руке костяка — два чернолаковых лекифа, у правого локтя — обломки медного стригиля, на груди — килик; ИАК, вып. 9, 1904, стр. 91, № 101. У правой руки — железный стригиль, здесь же сетчатые лекифы с белыми точками, у правого плеча — алабастр. (ИАК, вып. 40, 1911, стр. 73, № 19). У левого колена — два сетчатых лекифа, 2 таких же — у правого, 1 — за головой, слева у головы — железный стригиль. См. также вып. 30, 1909, стр. 56, № 16, стр. 18, № 70, 74, 101; вып. 35, 1910, стр. 14, № 7; вып. 40, 1911, стр. 65, № 3, 10, 21 и т. д.

[1] Гробница № 53 (ИАК, вып. 35, 1910, стр. 25) отличалась особым устройством: доски лежали не на уступах, как обычно, но на двух брусьях, впущенных в длинные стенки гробницы. Погребение находилось на той же глубине (5,57 м), на которой был найден упомянутый выше скорченный костяк. Не является ли гробница по своему устройству каким-нибудь местным вариантом?

не вызывает никаких вопросов, ибо она типична для греческого погребального культа. Вызывает некоторое недоумение ориентировка на с.-в. и ю.-в.: считать ли их разновидностью и отклонением от восточной ориентировки, как это утверждал Фармаковский [1], или же они являются отклонениями от северной и южной ориентировок и относятся к двум последним. Не отвергая утверждение Фармаковского, заметим, что ориентировки на с.-в. и ю.-в. не всегда следует соединять с восточной ориентировкой, и нужно иногда прослеживать отдельно от нее. Вторым, пожалуй, главным, является вопрос о том, насколько большое значение придавали ориентировке покойника в то время и как точно ее придерживались. Ведь нередки были случаи, когда открывались два костяка, положенные друг на друга, но головами в разные стороны (ИАК, вып. 35, стр. 22, № 42).

Принцип расположения и характер инвентаря погребений на южном склоне являются такими же, как и на северном склоне, с той лишь разницей, что предметы инвентаря не так многочисленны. Тем не менее, по сравнению с предшествующим периодом, некрополь южного склона в IV—III вв. не только шире территориально, но и гораздо богаче; не говоря о самом характере более многочисленных вещей, в некрополе этого времени появилась кремация, каменные гробницы и погребения с оружием. Однако в общих своих чертах он оставался некрополем небогатых, может быть, даже более бедных граждан, чем те, которых хоронили на северном склоне. В погребениях южного склона этого времени трудно выделить явно негреческие, местные этнические черты, но некоторые второстепенные моменты — большой процент невосточной ориентировки, преобладание досчатых перекрытий гробниц, может быть, говорят о наличии в нем местных элементов. Подобные черты присущи и некрополю северного склона, но выражены они значительно слабее.

В эпоху расцвета Пантикапея, при ранних Спартокидах, под некрополь стала осваиваться новая территория — Глинище [2]. Грунтовой некрополь здесь непосредственно примыкает к тому курганному некрополю, который находился частью на Глинище, а главным образом за ним и тянулся к Царскому кургану. Венцом курганного некрополя являются каменные склепы Царского и Мелек-Чесменского курганов. Помимо последнего, на территории Глинища еще в начале XX в. был засвидетельствован ряд курганов, например: на берегу бухты, обнаруженный во время строительства порта (ИАК, вып. 47, стр. 2), и против 2-й Булганакской улицы (ИАК, вып. 30, стр. 75). Можно предположить, что на Глинище сначала возник курганный некрополь, к которому затем стали примыкать простые погребения. Наличие же курганов свидетельствует об аристократическом характере некрополя или о существовании погребений состоятельных пантикапейцев, выбравших, в отличие от рядового некрополя северного и южного склонов Митридата, особое место для своих могил. Освоение Глинища под некрополь совпадает со временем наибольшего расцвета Пантикапея и с появлением весьма влиятельных и богатых родов среди его граждан. Таким образом, некрополь на Глинище с момента его возникновения носил, видимо, аристократический характер, который удерживался за ним в большей или меньшей степени и в последующие периоды его существования [1]. Помимо каменных курганных склепов, которых мы не будем касаться, на Глинище в этот период были распространены все типы погребальных сооружений, известные на горе Митридата: грунтовые, сырцовые, черепичные, каменные могилы и оба обряда — кремация и трупоположение.

Кремация встречается главным образом в могилах, расположенных за пределами города в курганных насыпях. Обряд погребений был, видимо, идентичен аналогичным погребениям на горе Митридата: сосуды с пеплом также покрывались нижней частью перепиленной амфоры (ИАК, вып. 40, стр. 85, № 40) или находились в гробнице обычного типа и размера (ИАК, вып. 30, стр. 76, № 74). Количественно трупоположения преобладали над кремацией.

Земляные и черепичные гробницы чаще всего находились в курганных насыпях слева от Карантинного шоссе, по дороге к Царскому кургану, на Новой улице. Сырцовые гробницы — на 1-й Булганакской и Карантинной улицах. В том же районе находились и каменные гробницы. Количество погребений IV—III вв. на Глинище очень невелико, но оно пополняется найденными там надгробными стелами с надписями этого времени. Последние могли принадлежать погребениям состоя-

[1] Б. В. Фармаковский. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г., ИАК, вып. 8, 1903, стр. 17.

[2] Трудно сказать, есть ли на территории Глинища погребения ранее IV в. до н. э. Имеющееся в нашем распоряжении упоминание об одном из погребений на 1-й Аджимушкайской улице с чернофигурным лекифом (ОАК, 1892, стр. 29) недостаточно точно датировано и не может еще быть доказательством существования здесь некрополя более раннего времени. Однако возможно, что дальнейшая систематизация и накопление находок смогут ввести территорию Глинища в более ранний некрополь Пантикапея.

[1] Выделение аристократической части некрополя замечено и в других городах северного Причерноморья: в Херсонесе это отмечал К. К. Косцюшко-Валюженич (ИАК, вып. 20, 1906, стр. 65, № 1541 — раскопки могил у монастырских ворот), то же писал Ю. Ю. Марти о Тиритаке (МИА, вып. 4, 1941, стр. 31). Об аристократическом характере Глинища писал В. В. Шкорпил (прим. к надписи, ИАК, вып. 10, 1904, стр. 49, № 46), к мнению которого присоединился Марти (Изв. Тавр. Общ., т. 1, 1927, стр. 121).

тельной части жителей. К IV в. до н. э. относится ряд надписей (IOSPE, IV, № 385, 387, 388, 400; ИАК, вып. 23, стр. 43, № 27; ИАК, вып. 54, стр. 81, № 11; ИАК, вып. 58, стр. 20, 21, № 4, 6). Концом IV или III в. до н. э. В. В. Латышев датировал метрическую надпись Гекатея, видимо, не боспорца по происхождению (ИАК, вып. 3, стр. 36, № 4). К III в. до н. э. также относится ряд надписей (ИАК, вып. 3, стр. 47, № 14; вып. 10, стр. 56, № 55; вып. 10, стр. 68, № 72, стр. 75, № 83). Одна из надписей заслуживает особого внимания: это — четырехугольная плита из местного известняка, найденная на 1-й Аджимушкайской улице и заключавшая лишь одно слово Στρατηγῶν (ИАК, вып. 3, стр. 33, № 1). В. В. Латышев, исходя из того, что надпись стоит в родительном падеже и что ее задняя сторона не отделана и, вероятно, была вставлена в стену, высказал правдоподобное предположение о том, что она указывала участок, отведенный для погребения стратегов. Это место, может быть, было обнесено оградой, в которую была вставлена надпись, или она просто служила пограничным камнем [1]. Вблизи этой надписи найдено надгробие стратега (IOSPE, IV, № 297), относящееся, правда, к более позднему времени, и стела воина, относящаяся к IV—III вв. до н. э. (ИАК, вып. 3, стр. 36, 37). Концом IV—III вв. до н. э. датируется погребение воина с оружием и статером Лисимаха, открытое возле Карантинного шоссе А. Б. Ашиком (ДБК, т. I, 1854, стр. I—XII). Наличие погребений воинов на Глинище в IV—III вв., по нашему мнению, отчасти может объяснить уменьшение числа погребений с оружием на северном склоне горы Митридата.

Таким образом, пантикапейский некрополь IV—III вв. своей обширной территорией, количеством и разнообразием типов погребений, более многочисленным и богатым инвентарем отразил эпоху расцвета Пантикапея. Погребения свидетельствуют о повышении уровня благосостояния некоторых граждан, о большом увеличении населения и в то же время о сильной социальной дифференциации: аристократические погребения выделились из общего некрополя, образовались отдельные курганные некрополи на Юз-Обе и отчасти на Глинище. Территория последнего уже в этот период стала местом грунтового некрополя, примыкавшего к курганному и носящего более аристократический характер по сравнению с рядовым некрополем горы Митридата. Однако и в рядовом некрополе можно заметить выделение ряда более богатых погребений с серией каменных гробниц в районе Эспланадной улицы и склепами, находящимися к западу от этого района.

Некрополь в целом носит греческий характер, что объясняется тем, что IV—III вв. были периодом наибольшего расцвета греческой культуры на Боспоре и ее влияния на окружающие местные племена. Однако представители последних вошли в состав населения Пантикапея и не могли не оказать своего влияния на отдельные стороны жизни города [1]. Представителей низших местных слоев населения могли хоронить в погребениях с северной и южной ориентировками; более состоятельные из них ставили надгробные стелы, сохранившие нам местные имена этого времени (ИРАИМК, т. II, стр. 95; ИАК, вып. 3, стр. 42, № 7), местная же аристократия погребалась и в курганах. Однако выделение этнических элементов чрезвычайно затруднительно, и все выводы могут носить только предположительный характер.

III

Второй век до н. э. вошел в литературу как период постепенного увядания боспорского государства, обусловленного внутренними и внешними причинами: сильным обострением классовой борьбы, натиском местных племен и перемещением торговых путей в античном мире [2]. Однако ряд археологических данных говорит об относительно высоком еще экономическом состоянии Боспора во II в. до н. э. Раскопками В. В. Шкорпила и В. Д. Блаватского 1948 г. на горе Митридата выяснено, что в III—II вв. до н. э. городская территория расширяется за счет включения в город нового района — территории Второго кресла Митридата. На раскопе у восточного конца Эспланадной улицы в слое III—II вв. до н. э. также найдено большое количество фрагментов цветной и расписной штукатурки, свидетельствующих о существовании в этом районе в III—II вв. до н. э. богатых домов. Ю. Ю. Марти во время своих исследований в районе южной части Госпитальной улицы обнаружил фундамент монументальной стены, датируемой II в. до н. э. Этот материал, позволяющий предполагать некоторую экономическую стабилизацию Пантикапея во II в. до н. э., подтверждается раскопками некрополя этого времени. Для второй половины II в. до н. э. характерно сильное обострение социальных противоречий, приведшее к восстанию

[1] Случаи существования небольших оград-стен между отдельными семейными некрополями были замечены В. В. Шкорпилом на северном склоне горы Митридата — ОАК, 1901, стр. 51, 52.

[1] Отзвуком этого влияния может быть известное изменение в титулатуре боспорских династов III в. до н. э., именовавшихся теперь только царями и уничтожившими всякую тень греческого политического управления в виде титула архонта.

[2] С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства, ИАН ООН, 1934, № 8—9, стр. 673; его же. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 51.

рабов под руководством Савмака. С другой стороны, происходила борьба за гегемонию между греческими и местными элементами. Постоянная и тесная связь боспорских городов с окружавшими их местными племенами всегда была их особенностью. Местные элементы играли значительную роль в боспорских городах и влияли на их культуру [1]. Во второй половине II в. до н. э. влияние местных элементов внутри Боспора стало еще более сильным, а натиск их на Боспор извне более упорным. Переплетался ряд противоречий социальной жизни: угнетенными были представители местных племен — рабы и ремесленники, угнетателями — греки-рабовладельцы и крупные торговцы. В этих условиях восстание Савмака очень скоро переросло рамки восстания рабов, сделавшись освободительным скифским движением, распространившимся по всему полуострову и втянувшим большое число сторонников из местного населения [2].

Усиление местных элементов и некоторое противопоставление ими своей культуры эллинской заметно отразилось на характере погребений II и I вв. до н. э.

Погребения II в. до н. э. находились в некрополе обоих склонов горы Митридата и на Глинище (рис. 1 и 2). На северном склоне они найдены на 1-й и 2-й Подгорных улицах, на Эспланадной (видимо, в западной ее части), на Шлагбаумской, между Вторым креслом Митридата и Пирамидальной скалой и у подошвы Длинной скалы. На южном склоне горы Митридата некрополь находился на склонах Длинной и Пирамидальной скал и в лощине между Вторым креслом Митридата и юго-восточным склоном Пирамидальной скалы. На Глинище погребения находятся на Карантинной, Новой, Предельной улицах, за 2-й Булганакской улицей, по дороге в Булганак и к Царскому кургану.

По площади некрополь II в. до н. э. меньше некрополя IV—III вв. Уменьшение произошло, главным образом, за счет отпадения наименее насыщенной погребениями территории некрополя на северном склоне горы Митридата от 2-й Подгорной улицы до Золотого кургана, а также за счет восточной части Эспланадной улицы, отошедшей под городские постройки. На южном склоне горы Митридата в некрополь не вошли южный и, может быть, западный скаты Второго кресла, включенные также в городскую территорию [3]. На Глинище в границах некрополя, вероятно, не было изменений, ибо погребения II в. до н. э. находятся в тех же местах, где были погребения более раннего времени. Территория некрополя II в. до н. э., уменьшившаяся по сравнению с IV—III вв., тем не менее намного превышала площадь некрополя VI—V вв. до н. э. Насыщенность погребениями этой территории значительно меньшая, чем в IV—III вв.

В число погребений II в. до н. э., как и ранее, входят различные типы погребальных сооружений: грунтовые земляные могилы, черепичные, каменные гробницы, подбойные, земляные и каменные склепы. Новым типом погребений, не встречаемым в более раннем некрополе Пантикапея, являются подбойные гробницы. В некрополе VI—IV и III вв. до н. э. они совершенно отсутствовали. Быть может, они появились в Пантикапее одновременно с земляными склепами в III в. до н. э. или на грани III—II вв. до н. э.[1]

Такое позднее распространение подбойных гробниц в Пантикапее заслуживает, может быть, особого исследования, тем более, что в Ольвии [2] и Херсонесе они находились в некрополе V и IV вв. до н. э. Начиная со II в. до н. э. подбойные гробницы будут встречаться во все последующие периоды существования пантикапейского некрополя, но в количестве гораздо меньшем сравнительно с земляными гробницами. На Глинище, например, В. В. Шкорпилом было открыто простых земляных могил 600, а подбойных 155. Подбойные гробницы, так же как и простые земляные, отличались между собой только характером заклада подбоя [3]. Подбой закрывался или плитами местного известняка, или камнем или досками, реже — черепицами, сырцом и комбинированным закладом из камня и досок и прочего материала.

Погребения II в. до н. э. свидетельствуют о большей разнородности в погребальном обряде и инвентаре, чем в погребениях IV—III вв. до н. э. Вместе с греческими вещами в них находится местная посуда из черной глины. Наряду с восточной ориентировкой покойников учащаются случаи северной и южной ориентировки.

На северном склоне горы Митридата ко II в. до н. э. относятся различные погребальные

[1] В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи, М., 1947, стр. 8, 31.

[2] С. А. Жебелев. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 66, 67.

[3] По мнению В. В. Шкорпила, эта часть Пантикапея была принята в расчет при известном описании столицы Боспорского царства у Страбона (ИАК, вып. 35, 1910, стр. 13).

[1] Не исключена возможность того, что к III в. до н. э. относятся две подбойные гробницы, из которых одна найдена в лощине между Вторым креслом и Пирамидальной скалой (ИАК, вып. 9, 1904, стр. 104, № 167), а другая — на Глинище (ИАК, вып. 9, 1904, стр. 162, № 482).

[2] ИАК, вып. 8, 1903, стр. 75, № 66, 73. Однако и в Ольвии большинство подбойных гробниц падает на II—I вв. до н. э.: II в. до н. э.— ИАК, вып. 13, 1906, стр. 118 сл., № 14, 15, 27, 59, 64, 113, 119; I в. до н. э.— вып. 8, 1903, стр. 73 сл., № 9, 22, 68, 69, 71, 93; вып. 13, 1906, стр. 117 сл., № 12, 18, 114 и т. д.

[3] Подробная реконструкция приемов устройства подбойных гробниц, так же как и земляных простых гробниц и склепов, была прослежена Б. Ф. Фармаковским (ИАК, вып. 8, 1903, стр. 9 сл.) на материале ольвийского некрополя.

сооружения. В некоторых земляных гробницах костяки имеют северную или южную ориентировку (ИАК, вып. 2, стр. 55, № 81).

Помимо каменных и подбойных гробниц, представленных единичными образцами, ко II в. до н. э. относится ряд склепов: второй расписной склеп 1832 г.[1], выстроенный из камня и содержавший в себе каменный саркофаг, двухкамерный расписной склеп «Пигмеев»[2], земляной склеп, открытый на северо-восточном склоне Пирамидальной скалы (ИАК, вып. 40, стр. 78, № 32). Кремация встречалась редко.

На южном склоне Митридата ко II в. до н. э. относятся простые земляные могилы и каменная гробница с несколькими урнами II—I вв. до н. э. (ОАК, 1882, стр. XIII). На территории Глинища было открыто несколько каменных гробниц с монетами II в. до н. э. (ОАК, 1892, стр. 29), разоренный каменный склеп, подбойные и земляные гробницы и местные по своему происхождению надгробные стелы с изображениями бытовых сцен[3]. По исследованию Ю. Ю. Марти, приемы изображений на этих стелах находятся в прямой связи с общим культурным уровнем боспорского общества. Эти надгробия интересны также тем, что они отображают часто местные или переработанные греческие мотивы. Так, на одном из надгробий II в. до н. э., опубликованном Ю. Ю. Марти[4], изображен бородатый мужчина в негреческой одежде: в куртке, отороченной мехом, опоясанный, в узких штанах и сапожках. Судя по надписи, он также носит и негреческое имя — Παιρίσαλος или Перисад, часто встречающееся, затем, в римское время. Упомянутые стелы относились, видимо, к погребениям аристократии и находятся главным образом в аристократическом районе некрополя — на Глинище. Это обстоятельство свидетельствует о большом развитии в культуре Боспора II—I вв. до н. э. местного элемента, оказавшего влияние даже на пантикапейскую аристократию. В связи с этим стоит, видимо, и появление новых типов погребений — подбойной гробницы, земляного склепа и изменение в ориентировке костяков. В позднеэллинистическое и римское время погребения типа подбойных гробниц встречаются у сарматов на Нижнем Поволжье[5]. Однако земляные склепы особенно характерны для ольвийского некрополя, где они, согласно Фармаковскому, вместе с подбойными гробницами составляли большинство по сравнению с другими типами погребений. Они датируются III—II вв. до н. э. (ИАК, вып. 8, № 3, 49), II в. до н. э. (ИАК, вып. 8, № 13, 23, 59, 79, 108; ИАК, вып. 13, № 41, 50, 53, 56, 60, 106, 110 и др.), I в. до н. э. (ИАК, вып. 13, № 32, 45, 49, 51, 57, 67, 69, 97, 105 и др.). В позднеэллинистическое время земляные склепы также встречаются у сарматов на Кубани[1].

В связи с этими вопросами обращает на себя внимание также южная и северная ориентировки покойников, выделяющиеся в некрополе Пантикапея II—I вв. до н. э. В Ольвии в это время южная ориентировка встречается в подбойных гробницах (ИАК, вып. 8, стр. 73 сл., № 9, 10, 12, 93), в склепах (ИАК, вып. 8, стр. 83 сл., № 59, 79, 108); северная ориентировка покойников также довольно обычна (ИАК, вып. 8, стр. 75, № 22, 53, 69, 71, 73, 13, 49 и т. д.). В Херсонесе южная ориентировка отмечена в погребении № 1673 у костяка с деформированным черепом, № 1658 — у скорченника (ИАК, вып. 25, стр. 81). Южная ориентировка костяков характерна для сарматских погребений II—I вв. до н. э. Нижнего Поволжья[2], а также для погребений, относимых Б. Н. Граковым к сарматской (или сусловской) культуре (конец II в. до н. э.)[3]. Все это позволяет высказать предположение о том, что погребения с южной или северной ориентировками костяков в Пантикапее чаще всего могут принадлежать не грекам, а представителям местных племен.

Погребений I в. до н. э. известно нам еще меньше, чем погребений II в. до н. э. Занимали они, повидимому, те же районы, а именно: на северном склоне горы Митридата — 1-ю и 2-ю Подгорные улицы, 2-ю Нагорную улицу, подножье Пирамидальной скалы; на Глинище — Предельную улицу, 1-ю Аджимушкайскую улицу и Аджимушкайскую площадь. Найдены погребения также против 2-й Булганакской улицы и по дороге к Царскому кургану. Площадь некрополя сократилась, главным образом, за счет территории, находящейся между Пирамидальной и Длинной скалами.

Ко II—I вв. до н. э. относится ряд погребений с кремацией. Чаще всего они находились в известных амфорах с орнаментом и надписями Διονυσίου Ὀνησιφόρου, повидимому служивших для хранения рыбы и затем употребленных для хранения пепла. Эти амфоры с костями были найдены на северном склоне

---

[1] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, стр. 150.

[2] Там же, стр. 137. Дата склепа — II—I вв. до н. э.

[3] Ю. Ю. Марти. Позднеэллинистические надгробия Боспора, как историко-культурный документ. СА, VII, 1941, стр. 31 сл.

[4] Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора. Изв. ГАИМК, вып. 104, стр. 73, № 10.

[5] И. В. Синицын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья, СА, VIII, 1946, стр. 74, 82, 86.

[1] Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья, КСИИМК, вып. XVI, стр. 154.

[2] И. В. Синицын. Указ. соч.

[3] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3.

в насыпи второго расписного склепа 1832 г. [1], на южном склоне и на Глинище (ИАК, вып. 9, стр. 149, № 442; вып. 25, стр. 61, № 197; вып. 35, стр. 40, № 99; ОАК, 1891 г., стр. 35 и 38).

М. И. Ростовцев высказывал мнение о том, что количество сожжений по мере продвижения в глубь эпохи эллинизма все увеличивается и что в эпоху позднего эллинизма в Пантикапее возобладало трупосожжение [2]. Эта точка зрения была воспринята многими учеными, специально не занимавшимися изучением некрополя, в частности, академиком С. А Жебелевым [3], Ю. Ю. Марти [4] и др. Теория о преобладании кремации основана, якобы, на дешевизне последней по сравнению с трупоположением, из чего следовало, что в бурный период II—I вв. до н. э. население Пантикапея стало прибегать к более дешевому способу погребения. Но действительно ли трупосожжение можно считать более дешевым обрядом, сравнительно с трупоположением? Ведь для кремации требовался костер и не малый по своим размерам. В условиях безлесного Крыма и, особенно, Керченского полуострова дрова должны были быть особенно дорогими. О недостатке дров как горючего материала у скифов писал еще Геродот [5]. В таких условиях безлесья гораздо экономичнее было вырыть простую земляную могилу и похоронить в ней покойника, тем более, что погребальный обряд допускал возможность погребения без гроба. Примеров последнего, когда покойник помещался прямо на подстилку из морской травы или листьев, известно довольно много (ИАК, вып. 9, стр. 90, № 96; вып. 17, стр. 8, № 25; вып. 30, стр. 18, № 70 и др.). История эволюции некрополя Пантикапея говорит скорее о том, что по мере его развития кремация не возрастает, а сокращается: на северном склоне горы Митридата в VI—V вв. до н. э. кремация составляла 13%, в IV—III вв.— 3%. Для II—I вв. за неимением достаточного количества статистического материала трудно определить процент кремации; во всяком случае последняя хотя и дала в это время некоторый скачок вверх, но преобладания над трупоположением не достигла. Быть может, следует поставить вопрос о том, чьим погребальным обрядом она являлась. Помимо трупоположения к кремации прибегали греки, о чем говорят и исключительно греческий характер вещей, находимых в подобных погребениях, и довольно большой ее процент в раннем некрополе VI—V вв. до н. э., когда город был наиболее греческим по этническому составу населения. Кроме того, к кремации могла прибегать местная, эллинизированная аристократия, подражавшая грекам. В первой половине I в. до н. э. процент кремации мог несколько возрасти за счет притока при Митридате Евпаторе малоазийских греческих элементов. Иллюстрацией к последнему может служить, отчасти, надгробная стела синопца Фарнака, учителя гимнастики, с надписью, на которой имеются следующие слова: «Урну с его прахом скрывает боспорская земля» [1]. Применительно к данному случаю трудно предполагать, что у братьев Фарнака, специально привезших из Синопы мраморную стелу, нехватило денег на погребение покойного в могиле. Напротив, этот пример может говорить только за то, что именно состоятельные люди прибегали к кремации. В дополнение к этому следует напомнить, что большинство случаев с кремацией II—I вв. до н. э. относится к Глинищу — привилегированному некрополю, и затем — к северному склону, где несколько урн найдено в богатом втором расписном склепе 1832 г. Ответ на вопрос о том, почему именно во II—I вв. до н. э. состоятельные пантикапейцы стали прибегать к кремации, следует, как нам кажется, искать в событиях этого времени. Период бурных событий — восстания рабов, движения местных племен и т. п. мог порождать у аристократии, рабовладельцев и торговцев страх перед возможностью надругательства над прахом их единомышленников и членов семьи со стороны «черни». Ведь известно, например, что перед смертью Сулла приказал сжечь свой прах, боясь подобного поругания.

Погребения рядовых жителей Пантикапея конца II—I вв. до н. э. с трупоположением нам мало известны. Они могли потонуть в массе недатированных погребений.

Материалы некрополя других греческих колоний Северного Причерноморья также не позволяют установить преобладания кремации в эпоху позднего эллинизма. II в. до н. э. был бурным и опасным для Ольвии, переживавшей натиск местных племен. Казалось бы, что здесь должны были прибегнуть к более дешевому способу погребения. Но и в Ольвии во II в. до н. э. заметно явное преобладание трупоположения. Некрополь позднеэллинистического времени с обрядом трупоположения засвидетельствован также в Тиритаке [2] и Фанагории. Погребения с кремацией более часто встречаются в Херсонесе, но ведь именно в нем всегда сильнее чувствовалось влияние эллинского элемента, чем в других городах Северного Причерноморья.

[1] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, стр. 150.
[2] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 211.
[3] С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства, ИАН ООН, 1934, № 8—9, стр. 673.
[4] СА, № 7, стр. 39.
[5] Herod., IV, 61.

[1] IOSPE, II, № 299.
[2] Ю. Ю. Марти. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки — МИА, IV, стр. 31; там же, М. М. Кобылина. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г., стр. 83, 84.

IV

Погребения последних десятилетий I в. до н. э. начинают новый этап в развитии некрополя уже римского или, точнее, сарматского периода, когда на Боспоре местные элементы получили явное преобладание в области политической истории.

Влияние их культуры, заметное во всех сферах общественного организма, проявлялось и в обряде захоронения. Мы это видим на примере ряда могил последних десятилетий I в. до н. э., дающих поразительное сочетание элементов местного и греческого обрядов погребения.

Три расписных склепа северного склона: склеп 1852 г., склеп Алкима Гегесиппова и Анфестерия Гегесиппова датируются последними десятилетиями I в. до н. э.[1] Склеп 1852 г. своей архитектурой и изображениями птиц напоминает известные Васюринские склепы; в главной камере на люнетке имеется изображение двух всадников на спокойно стоящих лошадях. Изображение аналогично мотивам местных пантикапейских стел этого времени. Под одной из боковых ниш склепа находился скелет лошади, под другой, видимо, конюха. Все это говорит о том, что склеп принадлежал представителям местной аристократии. Тематика росписи склепа Анфестерия Гегесиппова также носит не греческий, а местный характер: кибитка, горит со скифским луком, всадник в местной одежде. Склеп Алкима, хотя и имеет роспись с греческим сюжетом, также был, видимо, погребением местного аристократа. Об этом говорит его имя.

Богатые погребения этого времени на Глинище носили, видимо, более греческий характер, например, впускное погребение в кургане, находящемся на дороге к Царскому кургану (ИАК, вып. 47, стр. 57, № 47). В погребении обнаружены золотой брактеат с оттиском монеты Митридата Евпатора, золотые ювелирные украшения, расписные стеклянные импортные сосуды и простой железный перстень с изображением на стекле Афины, стоящей перед низким жертвенником. (Не являлась ли погребенная представительницей какой-нибудь жреческой коллегии?)

Ростовцев[2] считал, что состав населения в Пантикапее резко изменился именно во второй половине I в. до н. э. в связи с проникновением туда местных элементов. Это предположение нуждается в серьезной проверке, ибо Ростовцев не учитывал того, что изменение населения Пантикапея, как мы видели на материале некрополя, представляло процесс, происходивший длительное время, но особенно заметный уже во II—I вв. до н. э., а может быть, даже на век ранее. Этот процесс привел к указанному выше политическому преобладанию местных элементов в начале так называемого римского или, по сути дела, сарматского периода истории Боспора и Пантикапея, с чем, несомненно, связан новый расцвет государства в I—II вв. н. э.

В I—II вв. н. э. мы имеем еще более значительное увеличение площади некрополя, чем в IV—III вв. до н. э. Погребения I—II вв. н. э. находились в следующих районах:

1. На северном склоне горы Митридата (рис. 3): на современной Шлагбаумской улице, на продолжении Институтской и 1-й Подгорной улиц, за Эспланадной улицей (между домами Эспланадной и двумя холмами — Вторым креслом и Пирамидальной скалой), на 1-й и 2-й Нагорных и Предельной улицах, на Почтовой дороге (особенно между углами 2-й и 3-й Нагорных улиц), во 2-м Мечетном переулке, на дороге к Золотому кургану и у его подножья.

2. На южном склоне горы Митридата (рис. 3): на территории между Вторым креслом Митридата и Пирамидальной скалой, на восточном, южном и западном склонах Длинной скалы и на юго-восточном склоне Золотого кургана.

3. На Глинище (рис. 4): в районе братской церкви, на берегу моря между Братской церковью, городской скотобойней и бывшей фабрикой Серганиди и тюрьмой, на Предельной улице в ее широкой части, на Карантинной улице и слева от Карантинного шоссе, между 1-й Аджимушкайской и Карантинной улицами, на 1-й и 2-й Аджимушкайских улицах, в Школьном переулке, на 2-й и 4-й Продольных улицах, на 2-й Булганакской улице; в степи: за тюрьмой, за 1-й и 2-й Аджимушкайскими улицами, по дороге к Царскому кургану, на площадке Собачьего кургана.

Таким образом, границами некрополя I—II вв. н. э. на горе Митридата являлись: на востоке — Шлагбаумская улица и лощина между Вторым креслом Митридата и Пирамидальной скалой; на юге граница проходила за южным склоном Длинной скалы. Западной границей являлся Золотой курган и Древний вал. Северная граница прослеживается труднее: она проходила, видимо, севернее старой Феодосийской дороги (к северу от цепи высот, прилегающих к горе Митридата).

На Глинище западной границей являлась 2-я Булганакская улица, южной — берег моря, на севере и особенно востоке погребения уходили в степь по направлению к Царскому кургану и сливались с некрополем Мирмекия.

В границах некрополя I—II вв. есть некоторые изменения, отражающие рост города: на горе Митридата на всей территории Эспланадной улицы нет погребений, нет их и в районе Второго кресла. На Глинище не найдены погребения на небольшой территории

---

[1] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, стр. 153 сл., 160 сл., 170 сл.

[2] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 211

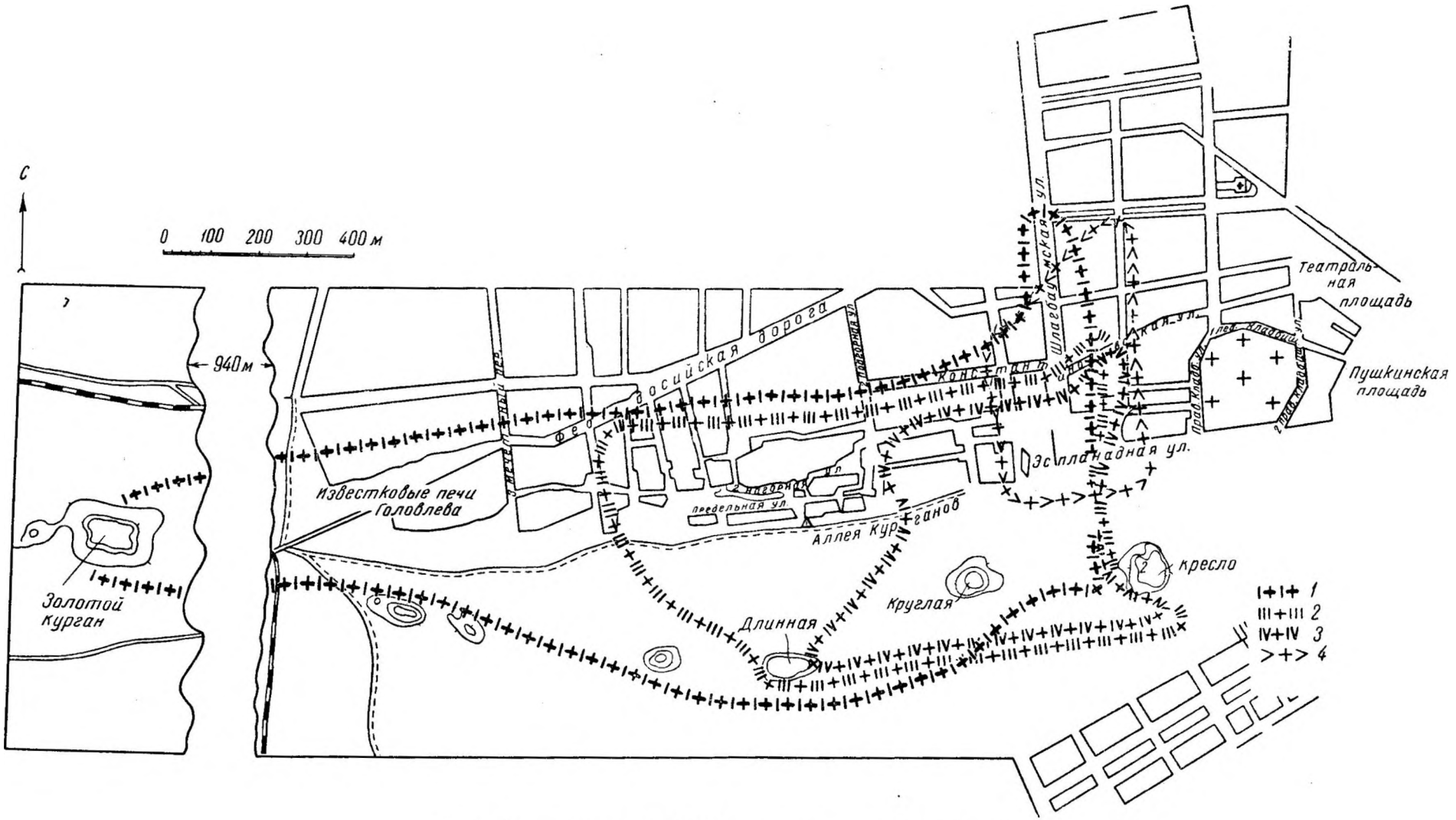

Рис. 3. Границы некрополя I—VI вв. н. э. в районе горы Митридата

1 — границы некрополя I—II вв. н. э.; *2* — границы некрополя III в. н. э.; *3* — границы некрополя IV в. н. э.; *4* — границы некрополя V—VI вв. н. э.

между 1-й Булганакской и Карантинной улицами. Трудно определить новое назначение этой территории, так как в районе Глинища город никогда не подходил вплотную к некрополю.

Количество погребений I—II вв. значительно превышает число погребений IV—III вв. до н. э.: их больше на горе Митридата и особенно на Глинище. Если в IV—III вв. до н. э. погребения здесь встречались спорадически и примыкали к курганам, то в I—II вв. Глинищу преобладание попрежнему остается за простыми земляными гробницами.

В некрополе северного склона горы Митридата грунтовые могилы находились на глубине от 0,55 до 2,89 м. Большинство из них имело перекрытие из плит известняка. Подбойные гробницы находились на глубине от 0,77 до 3,69 м; подбой делался чаще всего с юга; в большинстве случаев он закрывался также плитами. Каменных гробниц I—II вв.

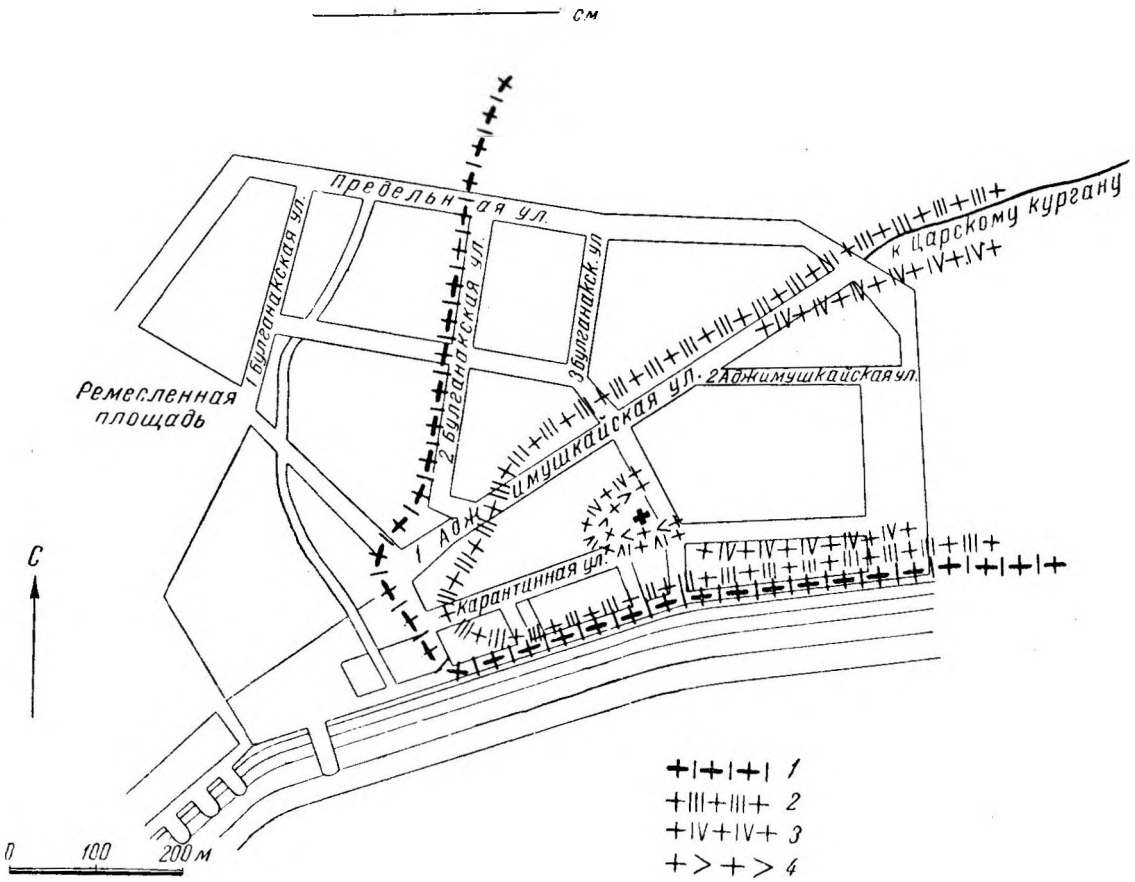

Рис. 4. Границы некрополя I—V вв. н. э. на Глинище

1 границы некрополя I—II вв. н. э.; *2*—границы некрополя III в. н. э.; *3*—границы некрополя IV в. н. э.; *4*—границы некрополя V в. н. э.

ще превратилось в сплошной грунтовой некрополь.

Абсолютно преобладающим обрядом погребения в некрополе I—II вв. являлось трупоположение. Типы погребальных сооружений очень разнообразны — начиная от простых земляных гробниц и кончая курганами с каменными склепами. По сравнению с предыдущим периодом увеличивается количество подбойных гробниц и, особенно, земляных склепов, называемых нередко катакомбами [1]. Однако на северном склоне найдено незначительное количество. Довольно широко распространенным видом погребальных сооружений были земляные склепы, которые особенно характерны для северного склона. Это объясняется, видимо, тем, что характер и условия рельефа северного склона были особенно благоприятны для сооружения земляных склепов. Склепы были вырыты или высечены в слое глины, которая лежала ниже первого каменного слоя материка. Глубина, на которой устраивались склепы, колеблется от 1,86 до 8,50 и даже 10 м. Сооружение состояло из входного спуска, из ведущего в камеру коридора и каме-

[1] На ошибочность такого названия земляных склепов Пантикапея указывал еще Ю. А. Кулаковский — МАР, вып. 19, 1896, стр. 2.

ры. Последняя представляла неправильный четырехугольник, расширяющийся к противоположной от входа стене (ИАК, вып. 35, стр. 31). Противолежащие стены имели различную длину, например, длина стены у входа составляла 2,02 м, длина противоположной ей стены—3,66 м или—длина стены у входа—2,06 м, длина противоположной стены—4,84 м. Потолок камеры имел форму плоского свода и повышался всегда к задней от входа стене. В стенах камер на высоте 0,60—0,90 м от пола устраивались лежанки [1]. Наиболее богатые склепы были оштукатурены и расписаны В расположении склепов, повидимому, существовала определенная система. Кондаков, раскопавший ряд склепов, заметил, что они располагались двояко: во-первых, группами в курганах, идущих по низу северной покатости горы; во-вторых, порознь, но поясами, держащимися параллельно хребту горы. Таких поясов он насчитывал до пяти, причем местами они были почти непрерывны. Наиболее совершенные склепы принадлежат, как заметил Кондаков, к первому типу (ОАК, 1878/79 г., стр. XIII). Земляных склепов на северном склоне найдено несколько сотен, значительно больше, чем на Глинище. В римский период они, пожалуй, могут следовать по своей численности за простыми грунтовыми гробницами.

Склепы I в. отличаются от более поздних тем, что они, во-первых, часто имели не одну, а две камеры (ИАК, вып. 30, стр. 68, № 53, двойной склеп 1873 г., склеп 1841 г., открытый Ашиком), во-вторых, во многих из них не было лежанок, вырезанных в стенах, что сделалось правилом для более поздних склепов, и, в-третьих, в них встречаются каменные саркофаги. К I в. относится ряд расписных склепов, например, склеп 1891 г. с псевдо-исодомной системой росписи, затем склепы с цветочной системой росписи — двойной склеп 1873 г. и склеп 1841 г. Ко II в. н. э. относится также ряд расписных земляных склепов: склеп 1875 г., склеп, описанный Стасовым, и склеп Сорака. Архитектурное отличие склепов II в. состоит в том, что в них бóльшее распространение получают ниши, вырезанные в стене (склеп, описанный Стасовым, представляет пример сочетания в склепе вырезанных и приставных лежанок).

Ко II в. н. э. относятся развалины каменного склепа (ИАК, вып. 17, стр. 3, № 1), внутри которых была найдена мраморная плита с надписью 140 г.

[1] Склепы с лежанками для покойников появились на Боспоре, видимо, около начала н. э. Шкорпил, а за ним и Ростовцев (ИАК, вып. 30, 1909, стр. 2, и Античная декоративная живопись, стр. 509) считали, что тип склепов был принесен из городов Малой Азии при Митридате Евпаторе. Однако склепы с лежанками существовали в Ольвии уже во II и в I в. до н. э. (ИАК, вып. 8, 1903, стр. 85, № 67 и вып. 13, 1906, стр. 116, № 9).

Обряд погребений I—II вв. аналогичен обряду погребения более ранних периодов. Все костяки имели вытянутое положение, большинство из них было ориентировано на восток. Расположение инвентаря то же самое. Изменился лишь самый инвентарь: он заключал теперь краснолаковые сосуды, простые глиняные и большое количество стеклянных, затем много бус, пряжек и т. п. Наличие монет и ювелирных украшений и самый факт устройства дорогих склепов отражает эпоху расцвета Пантикапея и повышения уровня благосостояния граждан. Склепы представляют семейные погребения состоятельных пантикапейцев.

Погребения на южном склоне Митридата также свидетельствуют о бóльшем экономическом благополучии населения по сравнению с предшествующим временем. К началу римского периода — концу I в. до н. э. — началу I в. н. э. относится ряд каменных гробниц на юго-восточном склоне Пирамидального холма (ОАК, 1872 г., стр. XXI сл.), представлявших, видимо, погребения богатой пантикапейской семьи [1]. Вторым примером группового, быть может, также семейного некрополя является ряд земляных и каменных гробниц, находившихся к западу и ю.-з. от Золотого кургана [2]. В качестве примера можно привести три грунтовые могилы, найденные между Вторым креслом Митридата и Пирамидальной скалой (ИАК, вып. 30, стр. 7, № 23, 24, 26). В двух первых женских погребениях на ногах костяков, ориентированных на с.-в., были серебряные обручи. Ряд каменных гробниц находился также на юго-восточном скате Длинной скалы. В одной из них лежал пучок наконечников железных стрел, нож и точильный брусок (ОАК, 1878, стр. XXVIII).

Довольно богатыми были и некоторые погребения II в. н. э.: саркофаги с гипсовыми украшениями и каменные склепы с росписью. В 1884 г. на юго-восточном скате Длинной скалы был открыт каменный склеп II в. с росписью [3]. В 1873 г. у восточного склона Пирамидального холма был открыт земляной склеп с явно выраженными чертами местного обряда погребения: на шее костяка, лежавшего на подстилке из древесных опилок, была

[1] В гробницах стояли деревянные саркофаги в виде храма с двускатной крышей и колонками. Во всех погребениях женских, детских и мужских находились орехи, каштаны и стеклянные сосуды. В женских погребениях — ювелирные изделия, в одном из мужских — меч и золотая диадема.

[2] Наиболее богатыми из них являлись две каменные гробницы (ИАК, вып. 47, стр. 50, № 26 и 28), в которых стояли также саркофаги с колонками и гипсовыми украшениями. В ногах костяков лежали каштаны и орехи, на черепе находились золотые венки, саван был усыпан золотыми листиками.

[3] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, стр. 280. См. также стр. 390— фрагменты облицовки саркофага, найденные на южном склоне.

золотая гривна, у пояса — серебряная пряжка, у левой руки — кожаный кошелек, у правой — камышевая рукоять от кнута. В ногах лежали три серебряных пряжки, видимо, от уздечки, деревянная коробочка и бараньи кости. Присутствие последних невольно напоминает сарматские погребения Прикубанья и Нижнего Поволжья.

Быть может, к этому времени относится ряд конских погребений, найденных на западном скате Длинной скалы (ИАК, вып. 47, стр. 9, № 25) и в «сплошных могильных насыпях, лежащих на продолжении Митридатской горы к западу от террасы, окружающей вершину» (ОАК, 1867 г., стр. VIII).

В погребениях южного склона I—II вв. н. э. выделяется, таким образом, ряд очевидных местных черт: гривны на шее, конские погребения в сплошном грунтовом некрополе.

Территория Глинища с начала римского периода настолько густо заполняется погребениями, что превращается в сплошной некрополь. Однако это не изменило его привилегированный характер. Наоборот, наличие каменных склепов, окруженных большим количеством погребений всевозможных типов, наличие многочисленных и дорогих надгробных стел с рельефами и напыщенными стихотворными надписями, а также большое количество погребений воинов свидетельствуют лишь о силе и могуществе пантикапейской аристократии, окруженной после смерти могилами своих родственников, многочисленных приближенных и, может быть, слуг.

В некрополе I—II вв. на Глинище существовали всевозможные типы погребений. Известное нам большое количество погребений этого времени дает основание для некоторых статистических подсчетов: простые земляные гробницы, как всегда, значительно преобладали, они составляли около 80% всех погребений, подбойные — около 13%, каменные гробницы — около 4%, каменные склепы — 3%. Остальное количество погребений приходится на долю каменных саркофагов и земляных склепов. На Глинище мы имеем преобладание каменных склепов над земляными, что сильно отличает этот некрополь от некрополя северного и южного склонов горы Митридата. Преобладающим обрядом погребения было трупоположение, преобладающей ориентировкой костяков, являлась восточная, составляющая, примерно, 60—70%.

Земляные гробницы находились на глубине от 0,57 до 2,27 м и имели в большинстве случаев перекрытия из каменных плит. Костяки в них нередко лежали в гробах или саркофагах с гипсовыми прилепами в виде фигур Ниобидов (ИАК, вып. 9, стр. 162, № 485; вып. 17, стр. 57, № 278 и стр. 66, № 325), аналогичных фигурам, описанным С. А. Жебелевым [1], головок Медузы и т. п. Инвентарь гробниц довольно многочисленен и богат. Встречаются золотые вещи, особенно часто кусочки листового золота, перстни с резными камнями, бусы, нередко импортные сосуды, очень часто монеты, пряжки, иногда с «загадочными» знаками (ИАК, вып. 17, стр. 45, № 207; вып. 56, стр. 13, № 36), и т. д. После времени Савромата I инвентарь гробниц становится беднее. Принцип расположения инвентаря прежний, с той лишь разницей, что палестрические сосуды заменяются стеклянными и глиняными бальзамариями.

Подбойные гробницы дают большой процент погребений с досчатым закладом (около 40%). Инвентарь в них тот же, что и в земляных гробницах, однако кремация отсутствует.

Каменные гробницы представляли, повидимому, семейные погребения состоятельных граждан [1] и нередко непосредственно примыкали к склепам.

К I в. н. э. относится ряд расписных склепов: склеп Деметры, склеп Ульпиев [2], склеп 1900 г. (ИАК, вып. 2, стр. 52, № 64). К II в.— склеп, открытый в усадьбе Фельдштейна, склеп 1901 г. (ИАК, вып. 7, стр. 75) [3], склеп 1902 г., склеп, находящийся на месте Школьного переулка [4], склеп 1850 г. [5], склеп 1907 г. (ИАК, вып. 35, № 116). Склепы представляли богатые семейные погребения нескольких поколений с каменными саркофагами в них, рельефными стелами и золотыми вещами, остатки которых уцелели даже после грабителей. Таков, например, склеп Ульпиев, в котором похоронены три брата с оружием. Вокруг склепа обнаружен ряд каменных гробниц с богатым инвентарем. Гробницы, в свою очередь, окружены полем грунтовых могил. Аналогично расположены погребения в районе усадьбы Фельдштейна [6]. Третьим примером является расписной склеп 1907 г. с каменным саркофагом. В склепе и вокруг него найден ряд надгробий с повторением одного и того же имени (в числе их — надгробие Феофилы, уроженки Синопы, дочери Гекатея).

В I—II вв. на Глинище получили распространение также погребения в саркофагах вне склепов (ИАК, вып. 17, стр. 40, № 184, или известный расписной саркофаг, открытый в 1900 г., ныне хранящийся в Эрмитаже, ИАК, вып. 2, стр. 40, № 2; М. И. Ростовцев, Античная декоративная живопись, стр. 376).

[1] С. А. Жебелев. Пантикапейские Ниобиды, МАР, вып. 24, 1901.

[1] В I—II вв. существовала, видимо, традиция устройства параллельных, соединенных между собой двойных каменных гробниц (ИАК, вып. 30, 1909, стр. 71, № 59, 60, стр. 34, № 111).

[2] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, стр. 206, 399, 400.

[3] Там же, стр. 277.

[4] Там же, стр. 282.

[5] Там же, стр. 398.

[6] Оба склепа были найдены в районе между городской скотобойней и тюрьмой, недалеко от моря.

На территории Глинища было найдено наибольшее количество известных нам надгробных стел с рельефом и надписями I—II в. Относились они к погребениям придворной аристократии, имевшей официальные должности и звания, затем к аристократии военной и торговой и членам их семей. Большое количество стел свидетельствует о погребениях воинов и их родственников. Погребения придворных аристократов отмечаются рядом надписей. Некоторые из стел связаны с именем знатной и, видимо, влиятельной фамилии Ульпиев: упоминается близкий царю Партенокл, сын Ульпия (IOSPE, II, № 187), затем Ульпий, сын Маста Антимах, начальник острова, поставивший в 107 г. н. э. стелу своей супруге (№ 254). На мраморном саркофаге упоминается имя Антимаха (№ 124). Из других надписей известно, что Марк Ульпий Прим поставил в 97 г. н. э. посвятительную статую Савромату, а Ульпии — Партенокл, Прим (?) и Антимах поставили стелу в память победы над скифами при Савромате (IOSPE, II, № 26).

К числу надгробий государственных деятелей относится надгробие Маста со словами: «Почесть стяжавший царей и сограждан...» (ИАК, вып. 14, стр. 120, № 42), затем надгробие с упоминанием чина управляющего царским двором ὁ ἐπὶ τῆς αὐλῆς, (ИАК, вып. 10, стр. 32, № 24) и чиновника Артемидора (ὁ ἐπὶ τῆς πινακείδος, IOSPE, II, № 131; А. Б. Ашик. Часы досуга, Одесса, 1850, стр. 181). К сожалению, место нахождения остальных, опубликованных в литературе надгробий, в которых упоминаются государственные деятели и чиновники, нам не известно, так как они зачастую были куплены у торговцев древностями. Не исключена возможность, что некоторая часть их была найдена тоже на территории Глинища, ибо мы не можем указать на подобные надписи, найденные на некрополе горы Митридата [1].

К богатым аристократическим надгробиям относятся зачастую мраморные надгробия малоазийцев, которые, очевидно, занимались на Боспоре и торговлей и военным делом. К ним относится, например, нагробие синопца-воина Минодора Аполлониева со словами: «...многие изрубив кровавые доспехи супостатов, я лежу, сраженный копьем в земле Боспорской» (IOSPE, II, № 298). К богатым погребениям относится погребение амастрийца Илиодора [2], синопцев Мениллиона, Феофилы (ИАК, вып. 18, стр. 132, № 49; вып. 14, стр. 124, № 47), учителя гимнастики Фарнака (IOSPE, II, № 299) и т. д. К рассматриваемому периоду относится стела с метрической надписью, поставленная купцу Христиону, сыну Азиатика (ИАК, вып. 10, стр. 66, № 69), метрическая надпись Саббиона (IOSPE, II, № 197), мудреца Гекатея (ИГАИМК, вып. 104, стр. 76, № 12), молодого оратора Илиодора (IOSPE, II, № 86), вольноотпущенника Филофема, носящего также сарматское имя Лайона [1] и многие другие [2].

Однако среди надгробных стел I—II вв. более всего выделяются надгробия, посвященные воинам. Среди них имеются надгробия военачальников, например, стратега из рода Тикандитов (IOSPE, IV, № 297, МАР, вып. 23, стр. 61, № 10). На надгробии из мягкого известняка изображен на коне всадник, а перед ним воин в шлеме, закрытый большим овальным щитом. Не простыми воинами были, вероятно, упомянутый выше Минодор Аполлониев, затем Левкий, покрывший себя подвигами и умерший под натиском «супостатов» [3], и, наконец, Аполлоний Аполлониев, в надгробии которого читаем: «...Но если веретено Мойр и завертело тебя, наткнувшегося на страшное варварское копье, то нынче тебя примет не мрачный дом (Аида), а обитель героев: ибо тебе, Аполлоний, и прежде была положена почетная слава и теперь, после смерти, воздается всякая честь».

К более простым погребениям относятся многочисленные стелы с изображением воинов. Во-первых, это рельефы, на которых представлен всадник с луком на спокойно стоящей лошади, а позади него пеший воин со щитом и копьем, или же стоящий перед всадником мальчик со шлемом. Во-вторых, изображение воина, облокотившегося о колонну; слева от воина изображены меч, кинжал и налучье, висящие перед ним на стене. Подобных стел с изображениями воинов чрезвычайно много, и они были опубликованы в свое время В. В. Латышевым и В. В. Шкорпилом (например, ИАК, вып. 10, стр. 43 сл., № 38, 40, 43, 45, 49, 65; вып. 14, стр. 122, № 44, 45; вып. 23, стр. 42, № 25; вып. 33, стр. 23, № 2, 4; вып. 37, стр. 1, № 5; вып. 49, стр. 69, № 7; ЗООИД, № 23, № 11 и т. д.). К погребениям воинов относятся и надписи фиасотов, часто встречаемые на Глинище, хотя большинство их относится уже к III в.

С материалом надгробных стел согласуется довольно большое количество погребений с оружием, найденных на Глинище.

---

[1] О том, что значительное число надгробий находилось на Глинище, свидетельствуют, хотя бы, надписи, изданные В. В. Латышевым в IOSPE, где каждая вторая или третья надпись найдена на Глинище, например, т. IV, № 260, 263, 268, 270, 271, 285, 288, 297, 298, 304, 306, 309, 312, 314, 315 и т. д.

[2] Ю. Ю. Мартин. Стихотворная эпитафия амастрийца Илиодора, сына Илиева. Изв. Тавр. общ., 1927, № 1, стр. 121.

[1] А. П. Иванова. Надгробная стела вольноотпущенника Филофема, ВДИ, 1948, № 4, стр. 154. Стела имеет дату, соответствующую 143 г. н. э.

[2] Нельзя забывать также о статуях, найденных в некрополе Глинища (ЗРАО, IV, 1852, стр. 42, 110).

[3] В. В. Латышев. Заметки по греческой эпиграфике. ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 72, № 6. Любопытны последние слова надписи: «Ведь и троянский Гектор навлек на себя рок среди передовых бойцов».

Следующие погребения содержали мечи или их фрагменты: склеп Деметры, склеп Фельдштейна (ИАК, вып. 2, стр. 51, № 58 — меч и ножны; вып. 7, стр. 91, № 58; вып. 9, стр. 121 сл.— фрагменты мечей; № 271, 301 — меч, длиною 0,76 м, здесь же кинжал и два наконечника копья; № 317 — меч, длиною 0,71 м; № 383 — меч, длиною 0,93 м; № 518 — меч, длиною 0,61 м; вып. 17, стр. 39 сл., № 179— меч, длиною 0,74 м; № 220 — меч справа; № 244 — меч, длиною 1,11 м, длина клинка — 0,88 м; № 270, 310 — меч; вып. 25, стр. 62, № 198 — меч, длиною 0,84 м; № 206 — меч; вып. 35, стр. 36, № 81 — меч; ОАК, 1888 г., стр. 15 — меч; ОАК, 1877 г., стр. 18 — меч, и т. д.).

Ряд погребений содержал наконечники копий (ИАК, вып. 9, стр. 117 сл., № 248, 287, 305; вып. 35, стр. 42, № 109; вып. 47, стр. 25, № 64). Многочисленны также находки стрел, кинжалов вместе с точильными брусками. Даже ряд перстней с изображением воинов отразили тот военный дух, которым была проникнута известная часть пантикапейского населения (склеп 1902 г.; ИАК, вып. 9, стр. 150, № 427; вып. 7, стр. 88, № 51, 53; вып. 17, стр. 50, № 237; вып. 56, стр. 13, № 30 и т. д.).

Погребальный обряд в некрополе Глинища рассматриваемого периода носит греческий характер, с рядом, однако, местных черт. Таковы, например, погребения, в которых имеются золотая гривна (вып. 35, стр. 37, № 83 — бронзовые или медные гривны; вып. 9, стр. 142, № 387, стр. 148, № 420; вып. 17, стр. 34, № 156; вып. 60, стр. 19, № 51 и т. д.) или уздечки, находящиеся, например, в склепе Деметры и в склепе 1901 г. Повидимому, местный характер носит большое количество погребений с местными сосудами из грубой черной глины, с культовыми терракотами, «гротесками» и т. д.; погребение на войлочной подстилке невольно напоминает об аналогичных погребениях в Неаполе Скифском [1]. О местных погребениях свидетельствуют многочисленные стелы с изображением умерших в местной, негреческой одежде, хотя они и носили греческие имена [2]. В отличие от этих надгробий, на стелах греков-малоазийцев умершие изображались в греческой одежде. Все это подтверждает мнение о том, что в Пантикапее этого времени численно преобладало местное население.

Некрополь Глинища, несмотря на его особые, в известной степени привилегированные черты, по своему характеру, однако, смыкается с некрополем горы Митридата. Общим является большая территория, одинаковые типы погребальных сооружений, один и тот же обряд погребений, внешне греческий, но с рядом местных черт.

Некрополь Пантикапея I—II вв. отразил эпоху экономического подъема города и роста населения. Большое количество погребений воинов, упоминания в стелах о павших в борьбе с «супостатами» и «варварами» свидетельствуют о частых войнах с окружавшими племенами. Погребения второй половины II в. уже несколько беднее, что говорит, видимо, о начинавшемся истощении государства частыми войнами. Последние сопровождались, видимо, и усилением социального движения внутри страны. Новая династия не сумела, очевидно, разрешить все старые противоречия: из упомянутой надписи Лайонака видно, что рабами попрежнему оставались местные жители, а рабовладельцами — греки [1]. Весьма возможно, что отражением социальной борьбы являлись известные нам акты манумиссий, большинство которых падает на I в. н. э. [2].

V

Некрополь III в. н. э. отразил период начинающегося упадка Пантикапея. По своей территории этот некрополь почти в два раза меньше некрополя I—II вв. Погребения III в. были найдены в следующих районах (рис. 3 и 4): на северном склоне горы Митридата — на углу Госпитальной улицы и 2-го Эспланадного переулка, во 2-м Эспланадном переулке, на Шлагбаумской улице, 1-й Подгорной и 2-й Нагорной улицах, на западном скате Пирамидальной скалы, на западном скате Длинной скалы и во 2-м Мечетном переулке.

На южном склоне горы Митридата погребения находились на юго-восточных скатах Длинной скалы, Пирамидальной скалы и на южном склоне Второго кресла Митридата. На Глинище погребения обнаружены в районе пересечения 1-й и 2-й Аджимушкайских улиц, в районе бывш. Братской церкви, на берегу бухты возле тюрьмы, на Карантинной улице, по дороге к каменоломне, возле нового кладбища и на площадке так называемого Собачьего кургана.

В границах некрополя III в. произошли значительные изменения. На северном и южном склонах горы Митридата некрополь перешел восточную границу прежнего некрополя, заняв участки бывшей городской территории — 2-й Эспланадной улицы, западную часть Кладбищенского переулка и южный склон Второго кресла Митридата, но в то же время сильно сократился в западной части, далеко не достигнув Золотого кургана. На горе Митридата некрополь III в. своими размерами превосходил некрополь II в. до н. э., уступая в терри-

[1] Н. Н. Погребова. Мавзолей Неаполя Скифского. КСИИМК, XXI, 1947, стр. 24.

[2] Упомянутая выше надпись вольноотпущенника Лайонака свидетельствует о том, что рабы из числа местных жителей получали греческие имена.

[1] А. П. Иванова. Указ. соч.

[2] Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 66 сл.

тории лишь некрополям IV—III вв. до н. э. и I—II вв. н. э.

На Глинище некрополь сократился в северо-западной части, охватил преимущественно окраины и распространился за пределы этой территории к востоку и северу, заняв, таким образом, лишь площадь некрополя II в. до н. э.

Погребения обоих склонов горы Митридата в это время довольно бедны инвентарем и типами погребальных сооружений. К более богатым принадлежат земляные склепы северного склона, имеющие, иногда, дату их сооружения (ИАК, вып. 9, стр. 107, № 182, 184). К III—IV вв. н. э. относятся девять склепов с геометрической росписью и изображением в некоторых из них бога Сабазия. Своим богатством выделяется склеп № 165 (ИАК, вып. 25, стр. 47), в котором находились золотые вещи: две гривны, бляшки, погребальный венок, а также железный меч и наконечники стрел [1].

Наличие в погребениях гривн и даже деформированных черепов (вып. 9, стр. 107, № 183) свидетельствует о значительном изменении характера некрополя, утрачивающего греческий облик.

Некрополь III в. н. э. на Глинище сохранил свой аристократический характер. Однако и там заметно сильное обеднение населения, о чем свидетельствуют нищенский инвентарь простых погребений, сильное уменьшение количества погребений с оружием и замена каменных склепов земляными. Ряд земляных склепов, в которых теперь покоились останки представителей аристократии, был открыт в долине за Глинищем (ОАК, 1859 г., стр. 15; ИАК, вып. 17, стр. 68, № 339 и др.).

Единственный каменный склеп, относящийся к этому времени и открытый на Глинище, принадлежал, повидимому, самому царю Рескупориду II (склеп 1841 г., открытый А. Б. Ашиком по дороге в каменоломню). Мраморный саркофаг жены или наложницы Рескупорида II был помещен не в склепе, а находился в простой земляной яме. Оба погребения были совершены с соблюдением всех правил местного обряда: в курганной насыпи склепа были найдены конские кости, у ног костяка лежала богатая серебряная уздечка, у правой руки — меч, копье, нож, кинжал и точильный камень, на шее — золотой обруч с фигурами скифов. В мраморном саркофаге также находились серебряные удила с остатками кожаной узды, на шее костяка — золотой обруч.

Погребений воинов значительно меньше. Они иногда встречаются в простых земляных гробницах [1] и о них можно догадываться лишь по надписям фиасотов (ИАК, вып. 10, стр. 32, № 24; вып. 37, стр. 1, № 1,2; вып. 40, стр. 104, № 18 и т. д.).

Обеднение, общее для всего некрополя III в., сказывалось также в том, что с покойником помещались не имеющие хождения монеты, старые и перечеканенные. Кроме того, чувствуется некоторая зависимость от Рима — часто находятся римские монеты или их оттиски.

Некрополь IV в. н. э. еще более сжался в своих размерах (рис. 3 и 4). Погребения его очень немногочисленны и бедны и говорят о большом распространении христианства. Погребения этого времени были найдены в следующих районах. На северном склоне горы Митридата: в южном конце Госпитальной улицы, в западной части Эспланадной, на Шлагбаумской, 1-й Подгорной улицах, между Вторым креслом и Пирамидальной скалой. На южном склоне: на восточной покатости Длинной скалы и южном склоне Второго кресла Митридата. На Глинище: в районе бывшей Братской церкви, на берегу бухты, на Аджимушкайской площади, в районе 2-й Поперечной и 4-й Продольной улиц, по дороге к Царскому кургану, по дороге к Собачьему кургану.

Из известных нам видов погребальных сооружений в IV в. были распространены простые земляные гробницы, подбойные и земляные склепы. Последние встречаются на северном склоне и на Глинище. Вырезались заново они в очень небольшом количестве, чаще использовались старые склепы (ИАК, вып. 25, стр. 41, № 154; вып. 30, стр. 65, № 52) или под склепы приспосабливались прежние зерновые ямы (ИАК, вып. 25, стр. 26, № 113, стр. 36, № 146). Трупоположение являлось, повидимому, единственным погребальным обрядом, случаи кремации отсутствуют. В подавляющем большинстве случаев костяки имели западную ориентировку, есть случаи погребений с деформированными черепами. Изменение в погребальном обряде объясняется широким распространением христианства. Христианские надгробия с надписями и крестами позволили определить места трех христианских некрополей в Пантикапее: на горе Митридата — в районе Госпитальной улицы; на Глинище — в районе Братской церкви и третий — по дороге, ведущей к Царскому кургану. Инвентарь погребений почти полностью утратил греческий характер: даже богатые ювелирные изделия напоминают изделия сарматов и других кочевых народов (ИАК, вып. 17, стр. 118—121), хотя встречаются еще оттиски с монет римских императоров и изредка краснолаковая керамика.

[1] К числу немногочисленных погребений воинов на горе Митридата относилось, видимо, погребение солдата кипрской когорты Гая Меммия (IOSPE, II, № 393).

[1] ИАК, вып. 9, 1904, стр. 154, № 436. В погребении находились: золотой погребальный венок, меч, нож, железный перстень с сердоликом, на котором вырезано изображение воина.

Трудно сказать, оставалась ли территория Глинища привилегированным некрополем. Может быть, судя по христианским склепам IV—VI вв. на северном склоне, привилегированные граждане стали вновь погребаться в этом районе, условия грунта которого были наиболее удобны для сооружения земляных склепов. Так как каменные склепы перестали строить, земляные склепы сделались наиболее богатым видом погребения.

Некрополь более позднего времени V—VI вв. известен нам крайне отрывочно (рис. 3 и 4). Это исключительно христианские погребения, надгробия которых найдены на Глинище в районе Братской церкви (ИАК, вып. 10, стр. 86 сл.) [1], или христианские склепы, открытые большей частью на Госпитальной и 1-й Подгорной улицах. Склепы сделаны очень грубо и небрежно, более тщательно отделан лишь вход, над которым изнутри склепа изображался крест (склепы 1895, 1912 гг.) или дата сооружения (склеп 491 г.).

На горе Митридата некрополь эпохи средневековья еще более продвинулся на восток, приблизившись к сократившемуся городу. Исследования, произведенные в 1946—1949 гг. московской экспедицией под руководством В. Д. Блаватского, доказали, что на северном склоне средневековые погребения находились за восточным концом Эспланадной улицы среди развалин зернового и винодельческого хозяйства римского времени [2], и на южном склоне Митридата к юго-востоку от Второго кресла, среди развалин жилого квартала римского времени [3]. Наличие этих погребений в указанных районах свидетельствует об очень сильном сокращении площади города в эпоху раннего средневековья.

* * *

В результате рассмотрения топографии пантикапейского некрополя мы можем наметить следующую его эволюцию: первоначальной исконной территорией некрополя был, видимо, северный склон горы Митридата, ограниченный пределами небольшого участка от Старого городского кладбища до 1-й Нагорной улицы и Пирамидальной скалы (конец VII в. до н. э.— VI—V вв. до н. э.), к которому вскоре присоединилась небольшая территория на южном склоне у Второго кресла Митридата. Территория представляла общий некрополь рядовых и богатых граждан Пантикапея — греков с небольшим вкраплением местных жителей. Защита города была обязанностью самих граждан, о чем свидетельствуют погребения с оружием этого времени.

В дальнейшем, с развитием города и увеличением некрополя намечается некоторая специфика отдельных районов последнего. Район северного склона, утратив значительное число богатых погребений, сделался некрополем средних слоев населения, район южного склона — оставался некрополем рядовых слоев населения, в погребениях которых резче сказывались местные черты. Район Глинища с момента его освоения оставался районом погребений богатых граждан.

Этапы эволюции некрополя полностью согласуются с этапами социальной жизни города.

Расцвет Пантикапея в IV—III вв. до н. э., сопровождаемый сильной социальной дифференциацией общества, отразился в выделении погребений аристократии из общего грунтового некрополя на горе Митридата и в освоении ею под курганный некрополь изолированных районов Юз-Обы и Глинища. В аристократическом районе некрополя отмечается район военных погребений, что говорит о выделении части населения, занимавшейся исключительно военным делом. Материалы некрополя, особенно периода I—II вв. н. э., позволяют утверждать, что в Пантикапее существовало несколько групп населения; к привилегированным слоям относилась аристократия — греческая и местная, служившая при дворе, занимавшаяся военным делом и торговлей; масса погребений говорит о рядовых гражданах, вольноотпущенниках и рабах (акты манумиссий).

Размеры некрополя свидетельствуют о большом росте населения города, происходившем в периоды его наибольшего расцвета — IV—III вв. до н. э. и I—II вв. н. э. (рис. 5). Закономерным становится вопрос о том, за счет кого происходил рост населения. Материалы некрополя позволяют ответить, что этот рост шел в некоторой степени за счет притока греков: купцов, военных и представителей других сословий. Но в основном, очевидно, рост происходил за счет местного населения, как местной аристократии, так и рядовых жителей — ремесленников, наемников — солдат и рабов. Это относится не только к I—II вв. н. э., но также и к IV—III вв. до н. э. В это время в погребениях стало заметно увеличиваться число погребений с ориентировкой костяков на север и юг, и с III в. до н. э. появились новые типы погребений — земляные склепы и подбойные могилы.

Выяснение этнической принадлежности погребенных является одним из наиболее трудных вопросов при изучении пантикапейского некрополя. Этот вопрос тесно переплетается с вопросом взаимодействия греческой и местной культуры на Боспоре. В некрополе с VI по III вв. до н. э. мы видим явное господство греческого погребального обряда и инвентаря.

[1] В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианского времени из Южной России, СПб., 1896.

[2] «Эспланадный» раскоп 1947 г. Общий дневник начальника раскопа И. Б. Зеест.

[3] «Босфорский» раскоп 1946 г. Общий дневник начальника раскопа М. М. Кобылиной.

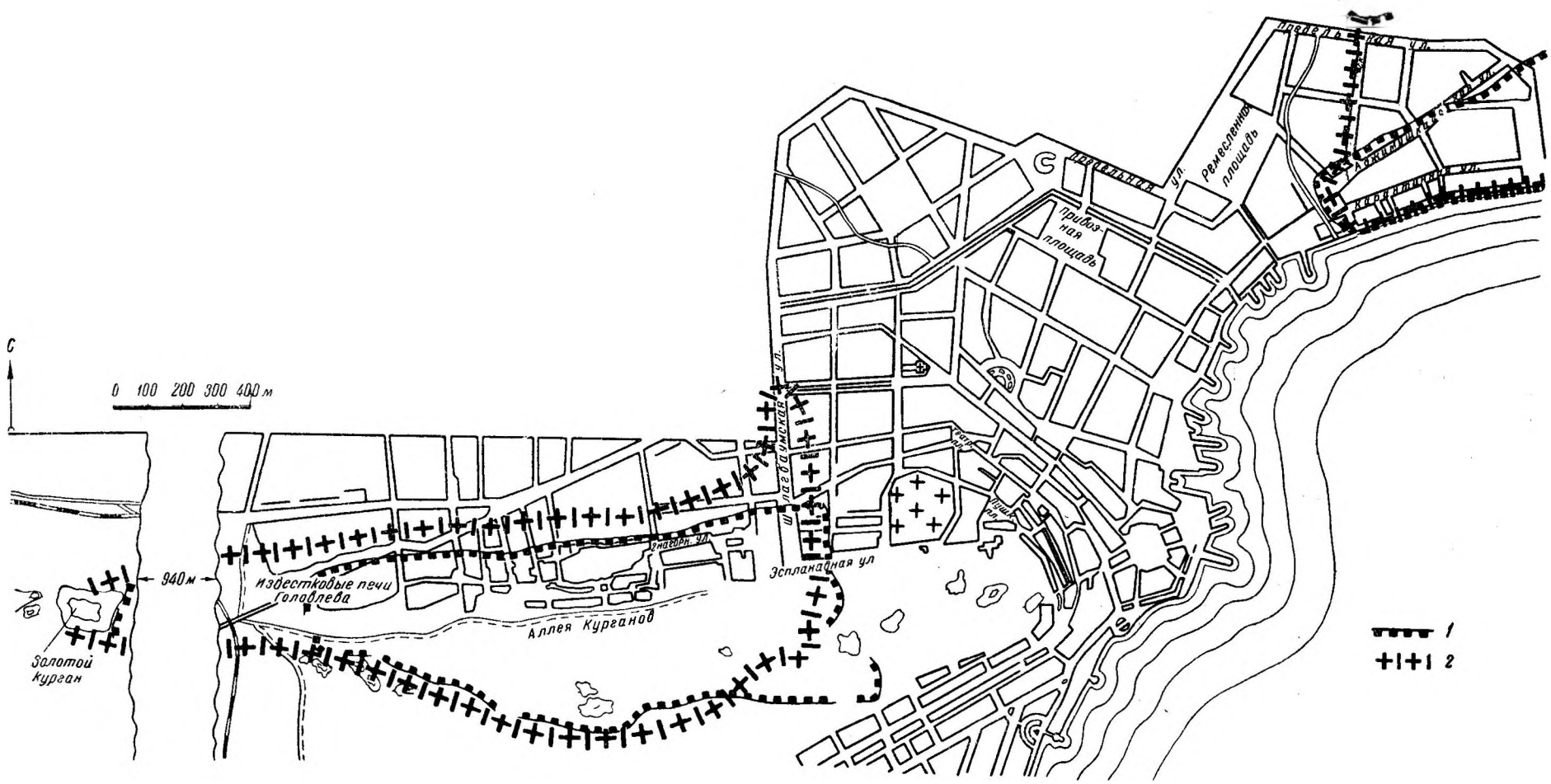

Рис. 5. Границы некрополя периодов 1-го и 2-го расцвета Пантикапея

1 — границы некрополя IV—III вв. до н. э; *2* — границы некрополя I—II вв. н. э.

Местные погребения, не имеющие резко выраженных отличий (например, окрашенность), можно определять лишь предположительно. Погребения со II в. до н. э. дают более выраженные местные черты, проявившиеся в изображениях на надгробных стелах, в тематике росписи и т. д., свидетельствуют о преобладании элементов местной культуры в быту. Местные элементы и их культура сыграли большую прогрессивную роль в истории Боспора на рубеже н. э., предопределив новый расцвет его в I—II вв. По погребениям времени после II в. видно, как быстро исчезают последние следы греческой культуры, уступившей дорогу местной. Некоторые элементы местного погребального культа оказались очень стойкими. Так, например, погребения с лошадьми встречались в некрополе IV в. до н. э. и спустя несколько веков в погребениях III—IV вв. н. э. Устойчивостью местного погребального обряда объясняется, может быть, и преобладание трупоположения над кремацией в период до III в. и полное исчезновение последней в некрополе III в. н. э. и позднее

Все вышеуказанные особенности развития пантикапейского некрополя, установленные анализом археологических данных, позволяют с полным основанием судить по этим дополнительным материалам о социальных и культурных процессах в боспорском обществе.

И. Т. Кругликова

ФАНАГОРИЙСКАЯ МЕСТНАЯ КЕРАМИКА ИЗ ГРУБОЙ ГЛИНЫ

Города Боспора, основанные греческими поселенцами в VI—V вв. до н. э., очень быстро выросли в крупные торговые центры. Население этих городов первоначально, вероятно, состояло только из греков-колонистов и рабов, но очень скоро в них стали проникать представители окружающих города местных племен. Они селились в городах и быстро эллинизировались, воспринимая эллинскую культуру, приспособляя ее к своим вкусам и, в свою очередь, оказывая влияние на общий характер городской культуры. Это проникновение местных элементов в города Боспора проходило неравномерно. Особенно усилилось оно в первые века н. э.

Детальное изучение роли местных элементов в различные периоды существования Боспорского царства необходимо для правильного освещения истории и культуры городов Боспора. В числе источников, привлечение которых позволяет осветить эту проблему, почетное место занимает керамика и, особенно, кухонная посуда из плохо промешанного с грубыми примесями глиняного теста, как лепная, так и сделанная на примитивном гончарном круге, а также сероглиняная лощеная посуда, встречающаяся в огромном количестве при раскопках городищ и могильников, принадлежавших местным племенам. Нахождение аналогичных форм сосудов в городах Боспора позволяет поставить вопрос о включении в состав городского населения представителей окружающих города племен.

Настоящая статья является первым этапом работы и имеет целью рассмотреть только один круг источников — керамику из грубой глины, найденную при раскопках Фанагории. Естественно, что выводы, сделанные на основании изучения только этого одного, сравнительно небольшого круга источников, могут носить лишь предварительный характер.

Подавляющую массу находок в городских слоях Фанагории, относящихся к античной эпохе, составляют фрагменты остродонных амфор, а также других античных сосудов, в том числе и кухонной посуды, из хорошо промешанной и обожженной глины. Но наряду с этими сосудами в тех же слоях в большем или меньшем количестве встречаются фрагменты сосудов совершенно иных форм, резко отличающихся от первых качеством глины и техникой изготовления. Близкие аналогии к ним находятся среди керамики городищ и могильников Прикубанья, принадлежавших местным племенам, что и заставляет связывать эту керамику с представителями поселившегося в городе местного населения. Особую группу в этой керамике составляют сосуды, изготовленные из грубого глиняного теста, очень плохо промешанного, с крупными примесями толченой ракушки, дресвы, кварца, шамота и иногда органических веществ — обычно называемые сосудами из «грубой глины». Чаще всего эти сосуды сделаны от руки, плохо обожжены, но иногда они изготовлялись и с помощью гончарного круга. Характерным для этой группы сосудов является одинаковый состав глины и обильные следы копоти и нагара на наружных, а иногда и на внутренних стенках. Закопченность сосудов, а также их формы и размеры позволяют считать эту керамику кухонной посудой, хотя и отличной от обычной античной кухонной посуды боспорских городов.

До настоящего времени в опубликованной литературе вопрос о керамике местного производства в городах Северного Причерноморья разрабатывался только Т. Н. Книпович в ряде ее работ, посвященных керамике Ольвии [1], Танаиса [2] и Елисаветовского городища [3]. При

[1] Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа «И», Ольвия, I, Киев. 1940, стр. 129 сл.

[2] Е е ж е. Танаис, М.—Л., 1949, стр. 77 сл.

[3] Е е ж е. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской, ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 111 сл.

этом исследованию лепной и простой кухонной посуды посвящена только незначительная часть этих работ. Исследованный материал относится к сравнительно небольшому отрезку времени. Материал Елисаветовского городища охватывает период от V до III в. до н. э.; материал из раскопа «И» в Ольвии ограничивается периодом от второй половины IV в. до н. э. до конца II — начала I в. до н. э.; в работе об ольвийской керамике римского времени о лепных сосудах почти не говорится совсем [1], а местная керамика Недвиговского городища охарактеризована лишь в общих чертах.

Изучение вопроса о типах и характере местной грубоглиняной керамики Фанагории встречает трудности. До настоящего времени этот вопрос никем не разрабатывался. За исключением отдельных упоминаний о находках грубоглиняных сосудов местного производства в отчетах о раскопках Фанагории [2] сведений о них в опубликованных работах нет совсем. Трудность освещения этой темы связана и с состоянием материала, который должен быть подвергнут исследованию. В городских слоях встречаются главным образом фрагменты сосудов, в могилах сосудов из грубой глины почти нет. Восстанавливать форму приходится по частично склеенным сосудам, имеющим полный профиль, или по аналогии с имеющимися целыми сосудами (часто это случайные находки из соседних районов). При вычислении размеров приходится ограничиваться измерением на фрагментах шеек диаметра отверстия горла. Кроме фрагментарности материала, исследование затрудняется также тем обстоятельством, что площадь вскрытых раскопками эллинистических, классических и, тем более, архаических слоев значительно меньше площади вскрытых позднейших слоев; это создает большое несоответствие в общем количестве материала. Для того же, чтобы составить правильное представление об удельном весе грубоглиняной керамики в общем количестве простой керамики в различные эпохи существования городища, необходимо учитывать процентное соотношение между количеством черепков грубоглиняной керамики и общим количеством найденных в данном археологическом слое керамических фрагментов.

Ниже приводятся таблицы, показывающие примерное соотношение фрагментов керамики грубой глины, служащих предметом настоящего исследования, с найденными в тех же слоях на тех же раскопах фрагментами других типов керамики.

Приведенные таблицы только примерно отражают реальную картину. При пользовании ими надо учитывать и различную величину сосудов (так, одна разбитая остродонная амфора дает намного больше фрагментов, чем кувшин или миска грубой глины) и то, что верхние слои содержат значительное количество фрагментов, попавших туда из нижних слоев, перерытых в более позднее время.

Деление на слои взято мною из отчетов о раскопках Фанагории В. Д. Блаватского, а количество найденных фрагментов — из штыковых дневников и дневников, заполненных при разборе «попов». Первая из приводимых таблиц отражает материал, найденный в слоях, находящихся под каким-либо архитектурным объектом или вымосткой, гарантирующих слой от попадания в него более позднего материала. В ней нет данных о состоянии материала IV—V вв. до н. э., так как

Таблица 1

Количественное соотношение фрагментов керамики из грубой глины и простой античной посуды из слоев „попов" раскопа „Город Северный 1939 г."

	Количество фрагментов простой керамики	Количество фрагментов керамики грубой глины	% фрагментов керамики грубой глины по отношению к общему количеству простой керамики
Средневековые слои	4703	184	3,9
Слои I в. н. э. — IV в. н. э.	7048	115	1,6
Слои IV в. до н. э. — I в. до н. э. . . .	2219	3	0,1

Таблица 2

Количественное соотношение фрагментов керамики из грубой глины и фрагментов простой посуды из раскопов „Город Северный 1939 г." (площадь I—III), „Береговой 1939 г." (площадь I) и раскопа „Холм Г 1948 г." (площадь I).

	Количество фрагментов простой керамики	Количество фрагментов керамики из грубой глины	Процентное соотношение
Средневековые слои, содержащие и более ранний материал	16 187	529	3,2
Слои I—IV в. н. э., содержащие более ранний материал	7 227	70	0,96
Слои III в. до н. э. — I в. до н. э. с материалом более ранних эпох . .	7 261	15	0,2
Слои VI—IV в. до н. э.	6 920	5	0,07

[1] Е е ж е. Die Keramik der Römischen Zeit aus Olbia, Frankfurt, 1929.

[2] В. Д. Блаватский. Отчеты о раскопках в Фанагории, Труды ГИМ, XVI, 1941, стр. 5 сл.; ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 287 сл. и рукопись в архиве Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

кладки и вымостки этого времени, как правило, не разбирались. Вторая таблица отражает последовательную смену слоев городища в тех местах, на которых архитектурные остатки отсутствовали или не сохранились.

При всей своей условности, цифры, приводимые в таблицах, позволяют установить удельный вес керамики из грубой глины в общем количестве керамики, находимой при раскопках Фанагории, а также изменение соотношения этих типов керамики в различные хронологические эпохи.

Мы можем констатировать, таким образом, постепенное увеличение удельного веса керамики грубой глины в быту населения Фанагории и именно лепной керамики, которая в этой группе составляет большинство. Мы можем отметить также, что количество грубоглиняной керамики резко увеличивается в первые века н. э., что безусловно должно находиться в связи с резким увеличением к этому времени числа представителей синдо-меотских племен в Фанагории [1].

Достойно внимания, что на «Береговом» раскопе, где средневековый слой отсутствует и слой II—I вв. до н. э. начинается уже на глубине 0,40—0,60 м, встречались лишь единичные фрагменты керамики грубой глины и то преимущественно в верхних штыках. То же самое можно сказать и про слои IV—III вв. до н. э. и особенно VI—V вв. до н. э. на других раскопах. Все это только подтверждает наблюдения, к которым мы пришли на основании изучения цифровых данных, представленных в таблицах, что увеличение количества керамики грубой глины в Фанагории характерно для поздних эпох истории города.

ЭПОХА VI—IV вв. ДО Н. Э.

Находки в Фанагории 1936—1948 гг. показывают, что уже в древнейших городских слоях имеется керамика, резко отличающаяся от греческой по своим формам, глине и орнаменту. Она могла принадлежать только местному негреческому населению. В наиболее ранних слоях были найдены фрагменты, принадлежащие различным лепным сосудам из грубой глины. Все они хранятся в ГМИИ им. А. С. Пушкина. Четыре из них были обнаружены в 1939 г. в «Восточном некрополе» в слое керамической свалки архаического и классического времени [2] (№ 507, 243, 252, 245); один — там же в 1940 г. (№ 77), один — в 1940 г. на раскопе «Город Северный» в слое, содержащем материал от VI до III в. до н. э. (№ 422); один — в 1948 г. на раскопе «Холм Г» в слое IV в. до н. э. (№ 833).

Малочисленность и небольшие размеры найденных фрагментов не позволяют полностью восстановить формы сосудов, и в некоторых случаях приходится ограничиться описанием самого фрагмента.

1. Фрагмент большого лепного сосуда с диаметром тулова более 26 см и толщиной стенок 0,9 см. Внутренняя сторона стенок сосуда была хорошо заровнена пальцами, а внешняя заштрихована зубчатым инструментом (рис. 1, *1*).

Сосуды с подобного рода штриховкой, а также со сходным глиняным тестом были обнаружены в 1947 г. О. А. Граковой в Белозерском городище вблизи Никополя [1]. Возможно, такого же типа штриховка наружной поверхности сосуда встречалась в керамике нижних слоев Елисаветовского городища [2]. Подобную же керамику Т. Н. Книпович характеризует как керамику «доскифского» типа и связывает с кобяковской культурой [3].

2. Фрагмент верхней части лепного сосуда баночной формы (рис. 1, *2*) с диаметром устья около 20 см и толщиной стенки от 0,8 до 1 см. Он имеет орнамент в виде углублений, нанесенных пальцем вдоль края сосуда, отступив от последнего на 1 см и на расстоянии приблизительно 1,5 см друг от друга (ГМИИ, Ф, 39, НБл, IX/5, № 243) [4]. Край сосуда имеет острое ребро с внутренней стороны и небольшой выступ вверх у наружной стороны. Внешняя поверхность заглажена пальцами менее тщательно, чем внутренняя.

Сосуды такой же формы и с таким же орнаментом найдены в Нимфее в слое V в. до н. э. (Эрмитаж, НФ, 48, № 363), на Семибратнем городище в слое IV—III вв. до н. э. (ГМИИ, Вар, 39, III/21), но здесь сосуд имеет чуть закругленный верхний край.

3. Фрагмент верхней части горшка, имеющего покатые плечи и слегка отогнутый венчик (ГМИИ, Ф, 39, НБл, IX/6, № 252, рис. 1, *3*). Поверхность сосуда хорошо заглажена как с верхней, внешней, так и с внутренней стороны. На месте перехода шейки в плечи был нанесен орнамент в виде сделанных пальцем круглых углублений. Верхний край горшка был закруг-

[1] В. Д. Блаватский. Северо-понтийские города в конце II—I вв. до н. э. Вестник МГУ, 1949, № 7.

[2] В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1938—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 299.

[1] Материалы хранятся в ГИМ. Они были мне любезно показаны О. А. Граковой.

[2] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской, ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 171, рис. 50, *7*.

[3] Там же, стр. 172.

[4] При ссылках на материалы раскопок, хранящиеся в музеях, в настоящей статье принят следующий порядок: место хранения, место раскопок (Ф — Фанагория, НФ — Нимфей, Вар — Семибратнее городище, К — Киммерик; И — Илурат, Т — Тиритака, М — Мирмекий), год раскопок (39—1939 г., 40—1940 г. и т. д.), название раскопа (НЕ — Некрополь «Е», НС — Некрополь «С», НБл — Некрополь Восточный, Сев. и ГС — Город Северный, ХГ — Холм «Г», Б — Береговой, ГА — Город «А»). Римские цифры в числителе дроби обозначают площадь, арабские в знаменателе — штык.

лен и с внешней стороны очерчен тонкой вдавленной линией. Диаметр устья равен 20 см, толщина стенки — 0,6—0,8 см. По типу орнаментации горшок сближается с сосудом баночной формы. Подобной формы сосуды с таким же орнаментом, расположенным чуть ниже верхнего края, были найдены в Нимфее в слое V в. до н. э. (Эрмитаж, НФ, 48, № 358, 3581).

В верхних слоях кобяковской культуры встречается керамика с орнаментами из различного рода вдавлин, сделанных пальцем или ногтем. В более поздних находках Елисаветовского городища этот орнамент повторяется [1].

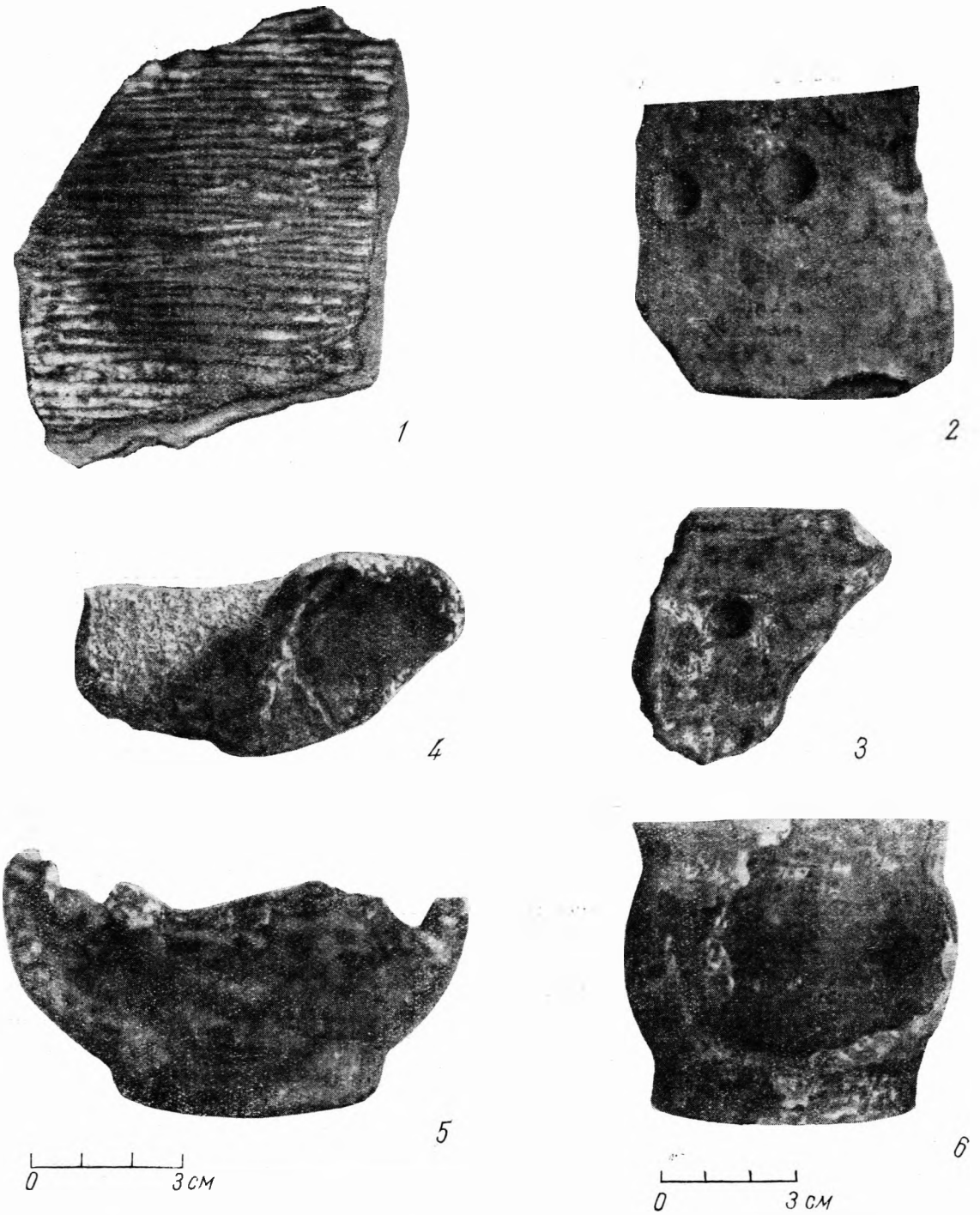

Рис. 1.

1 — фрагмент сосуда с гребенчатым орнаментом; *2* — фрагмент сосуда баночной формы; *3* — фрагмент сосуда со вдавленным орнаментом; *4* — фрагмент миски с ручкой в виде дугообразного выступа; *5* — миска лепная; *6* — горшочек лепной

[1] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской, ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 170, рис. 51.

«Обыкновенно такие вдавлины располагаются в один ряд в месте перехода венчика в плечи или по верхнему краю венчика» [1].

4. Маленький фрагмент края сосуда, возможно, принадлежавший лепному горшку сравнительно небольших размеров с шаровидным туловом без венчика (№ 245). Возможно, форма его напоминала шаровидный сосуд с плоским дном из разрушенного погребения, вероятно IV в. до н. э. могильника № 2 станицы Усть-Лабинская (Собр. Краснодарского краеведческого музея).

Все эти сосуды были сделаны из плотной глины с включениями кварцевого песка, мельчайших частичек слюды, кроме того, некоторые из них имели примеси шамота (№ 507), мелкотолченого известняка (№ 243) или ракушки (№ 245 и 252). Они неравномерно обожжены, и цвет их глины колеблется от серобурого до черного.

Кроме этих сосудов, применявшихся, судя по форме, размерам и закопченности стенок, для приготовления пищи на огне, в слое VI—IV вв. до н. э. были найдены фрагменты лепных сосудов, отличающихся от перечисленных выше качеством глины, тщательностью изготовления, обжигом и имевших иное назначение. Некоторые из них были изготовлены из хорошо промешанной глины с примесью слюды, шамота, мельчайших белых и бурых кусочков и имели лощеную поверхность. Из сосудов этой группы можно выделить миски с загибающимися внутрь краями (рис. 2, *1—2*). Диаметр их края от 28 до 25 см, толщина стенок от 0,8 до 1,2 см. И наружная и внутренняя поверхность миски хорошо заровнены. На наружной стороне некоторых экземпляров заметны слабые следы лощения. Миски представлены тремя фрагментами краев, найденными один на раскопе 1939 г. «Город Северный» в слое V—IV вв. до н. э. (ГМИИ, Ф, 39, Сев, III + 1/25, № 524), другой — в 1940 г. на раскопе «Некрополь Восточный» в свалке V—IV вв. до н. э. (ГМИИ, Ф, 40, НБл, VII, № 77), третий — в 1948 г. в слое, где наряду с керамикой первых веков н. э. находились фрагменты V—IV вв. до н. э. (ГМИИ, Ф, 48, ХГ, 1/11, № 160). Подобного типа широкие неглубокие сероглиняные миски встречаются в слое VI—V вв. до н. э. городища станицы Усть-Лабинской, в погребениях V в. до н. э. Краснодарского могильника (раскопки Н. В. Анфимова — Собр. Краснодарского краеведческого музея) [2], в погребениях VI—V вв. до н. э. Пашковского могильника (раскопки 1948 г. К. Ф. Смирнова, ГИМ № 252) и в Семибратнем городище (ГМИИ, Вар., 39, II/19 и III/24). Лощеные миски с загнутыми внутрь краями часто встречаются и у скифских племен, например в Бельском городище [1], что говорит о широком распространении подобной формы сосудов, употреблявшихся для еды или питья, но не для приготовления пищи, ибо на стенках мисок нет никаких следов копоти или нагара. К тому же типу относится и найденная в 1939 г. небольшая мисочка (диаметр верхнего края — 9 см, диаметр дна — 4,5 см, высота 5 см) из глины с примесью толченой ракушки (рис. 1, *5*). Но она отличается от вышеперечисленных размером и качеством выделки и, вероятно, относится к несколько более поздней эпохе.

Кроме фрагментов мисок в слое VI—IV вв. до н. э. были найдены фрагменты других форм лепных сосудов с лощеной поверхностью. Но характеристика этой группы керамики не входит в задачи данной статьи и будет служить предметом специального исследования.

Вся эта лепная грубоглиняная и лощеная керамика не носит никаких следов греческого влияния. Она изготовлялась от руки, вероятно, женщинами, для хозяйственных нужд по традиционным образцам. Лощеная керамика являлась лучшей столовой посудой; более грубая, со следами копоти употреблялась для варки пищи. Типы этой керамики близки к типам обычной для кубанских племен посуды, что и позволяет сблизить имевшуюся в Фанагории местную часть населения с кругом синдо-меотских племен, которые были ближайшими соседями Фанагории. Некоторые из фрагментов (*1, 2, 3*) находят себе аналогии в более ранних группах керамики и, возможно, могут быть приписаны киммерийцам.

ЭПОХА III—I вв. ДО Н. Э.

В эпоху III—I вв. до н. э. количество сосудов грубой глины несколько увеличивается. Правда, формы этих сосудов очень однообразны. Это, главным образом, лепные плоскодонные горшки с вертикально стоящими или чуть отогнутыми венчиками и покатыми или более крутыми плечами, иногда с ручками, иногда без них. Все они имеют сильно закопченную поверхность, что свидетельствует об употреблении их для варки пищи. Состав глиняного теста, из которого они вылеплены, различен. У одних преобладает примесь толченой ракушки, у других сохраняется обычная для сосудов предшествующих эпох примесь кварцевого песка и слюды. Кроме того, к глине часто примешивают органические включения, что придает ей рыхлость, пористость.

Поверхность сосудов в большинстве случаев плохо заглажена, бугриста, никаких орнаментов нет.

[1] Там же, стр. 173.

[2] См. Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в раннескифский период, СА, XI, 1949, стр. 247 и 257.

[1] Раскопки В. В. Городцова, собрание ГИМ.

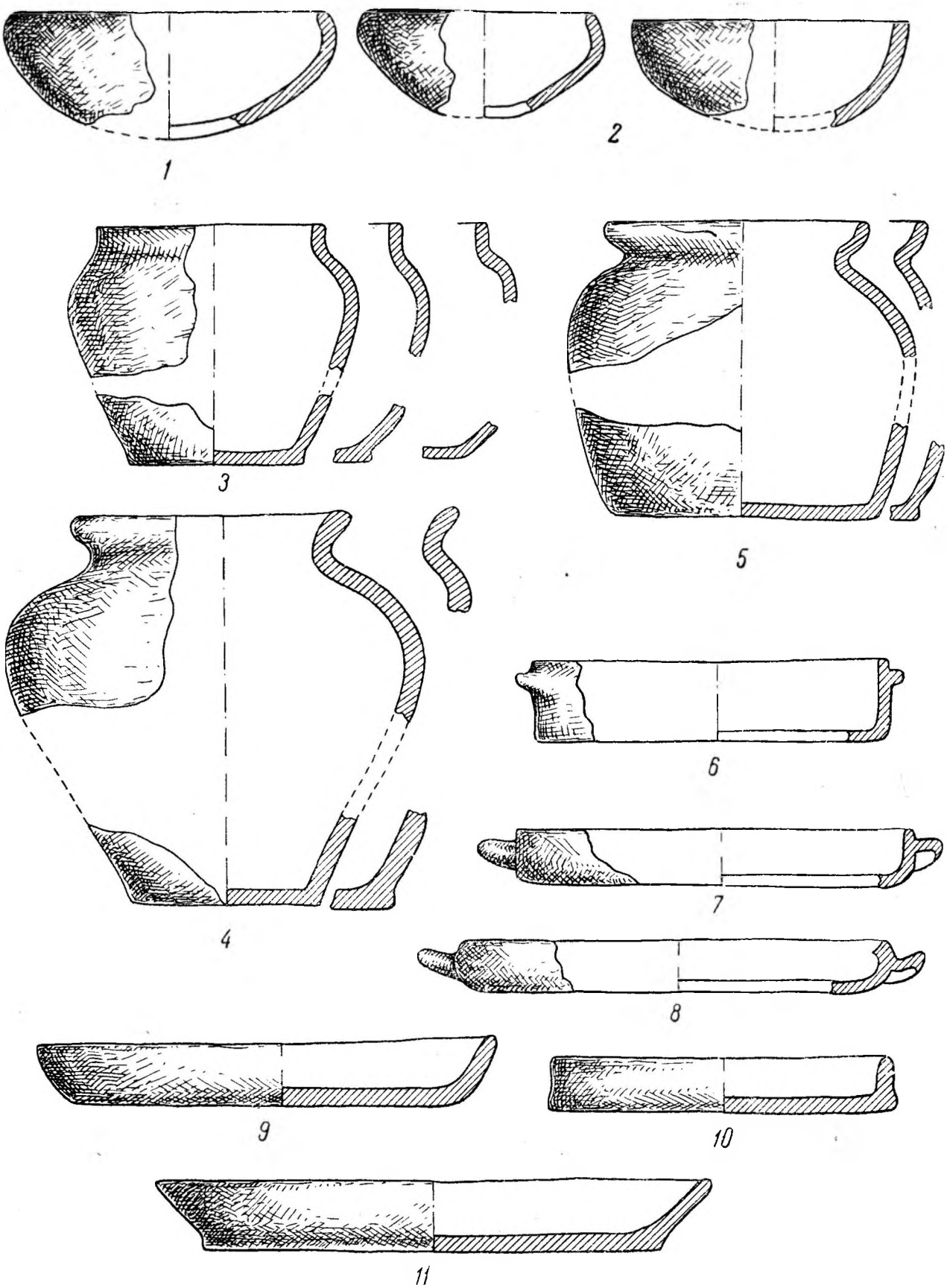

Рис. 2.

1—2 — профили мисок с загибающимися внутрь краями; *3* — профиль горшка типа I эпохи III—I вв. до н. э.; *4* — профиль горшка типа II эпохи III—I вв. до н. э.; *5* — профиль горшка типа III эпохи III—I вв. до н. э.; *6, 7, 8* — лепные миски III—I вв. до н. э.; *9, 10, 11* — профиль «сковородок»

Некоторые из сосудов раскололись по линии соединения глиняной ленты, из которой лепился горшок, что позволяет установить технику изготовления сосудов.

Нижняя поверхность ленты имеет продольную выемку и как бы насаживается на верхний острый край лежащей внизу ленты [1]. Таким образом, верхний острый край ленты охватывается как клещами нижней частью, ложащейся сверху ленты, чем достигается большая прочность соединения (рис. 3). Внутренние стенки сосуда часто выпрямляются или выдавливаются пучком травы, ею же заравнивают поверхность стенки. Этот способ отчетливо виден на фрагментах № 308 и 328. При лепке сосудов дно стояло либо на песке, либо на пучке травы. В первом случае на дне сосуда отчетливо видны отпечатки мелких камешков, песчинок, во втором случае заметны отпечатки травы.

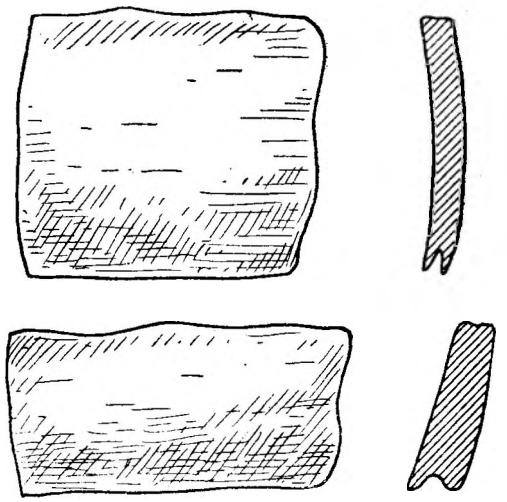

Рис. 3. Фрагменты сосудов, расколовшиеся по линии соединения керамической ленты

Ни одного из найденных в Фанагории горшков III—I вв. до н. э. не удается полностью восстановить. Все обломки нижней части горшков, находимые как в слое этой эпохи, так и в других слоях, принадлежали плоскодонным сосудам. Одни имеют больший, другие меньший диаметр; различна относительная толщина стенок и дна, неодинаков наплыв стенок в нижней части сосуда, иногда образующий выступ в месте их соединения с дном. Но установить, какое именно дно принадлежит каждому из типов, нельзя.

По имеющимся в настоящее время материалам из Фанагории можно наметить примерно четыре типа лепных горшков этой эпохи.

Тип I. Горшок лепной с почти вертикальностоящим горлом и более или менее покатыми плечами. Иногда имеет две круглые в сечении вертикально прикрепленные к плечам ручки. Внешний диаметр горла горшка около 16—18 см, высота горла — 2,5 см, толщина стенки около 0,5 см (рис. 2, *3*).

Представлен этот тип фрагментами семи сосудов, найденными главным образом в слоях III—I вв. до н. э. (ГМИИ, Ф, 39, Сев, № 271 и 272, I/20; Сев, V/22, № 376, 308 и 328; Ф, 40, Сев, V/20, 287; Сев, V, столик № 179; V, № 706; Сев, IV/16, № 70; ГИМ, Ф, 37, № II, 566/210) [1]. Края сосудов подобного же типа были найдены А. А. Миллером при раскопках Елисаветовского городища в 1909 г. (ГИМ, № 47035—145) и датируются, вероятно, как все городище V—III вв. до н. э.

Тип II. Горшок лепной с более или менее сильно отогнутым венчиком, крутыми плечами и сравнительно тонкими стенками, с диаметром горла от 10 до 20 см и наибольшим диаметром тулова от 16 до 26 см (рис. 2, *4*). Найдены фрагменты 12 экземпляров, из них к слою III—I вв. до н. э. относятся пять (ГМИИ, Ф, 39, НБл, X/2, № 333, X/3, № 337; Ф, 40, Сев, VII/19, № 274; Сев, V/20, № 288; поп 240—228, № 664); остальные фрагменты были найдены в слоях более позднего времени, содержащих материал III—I вв. до н. э.

Подобного типа горшок был найден Веселовским в станице Урупской в 1902 г. (собрание ГИМ). Он имеет четкие очертания, одутловатую форму, диаметр его дна меньше диаметра горла. Фрагменты сосудов этого типа были найдены на городище станицы Елисаветовской А. А. Миллером в 1909 г. (собрание ГИМ, № 47035) [2] и на Семибратнем городище — Н. В. Анфимовым в 1939 г. в эллинистическом слое (Краснодарский музей, Вар. 39, IV/10).

Тип III. Горшок лепной с отгибающимся краем, слегка вогнутым или вдавленным, что как бы образует углубление для крышки (рис. 2, *5*). Этот тип представлен тремя фрагментами (ГМИИ, Ф, 40, Сев, V/21, № 310; Ф, 39, Б, XVIII/3, № 348; Ф, 40, Сев, VII/14, № 767). Высота края — от 2,7 до 3 см, толщина стенки — от 0,5 до 0,7 см, внешний диаметр горла от 10 до 16 см. Поверхность сосудов хорошо заглажена. Венец иногда срезан и имеет острые ребра, иногда закруглен. Этот тип горшка можно рассматривать как переходный к появляющимся в последние века до н. э. грубоглиняным кастрюлям с крышкой. Возможно, здесь сказалось влияние греческих типов керамики, в частности, широко распространенных в эпоху эллинизма «боспорских кастрюль». Наряду с лепными горшками в слое III—I вв. до н. э. встречаются, хотя и в меньшем количестве, фрагменты сосудов других форм.

Тип IV. Большая открытая лепная миска (рис. 2, *6*—*7*) высотой 6,1—6,5 см с почти

[1] См. фрагменты из собр. ГМИИ, Ф, 40, Сев, V/21, № 328; V/22, № 308; Ф, 48, ХГ, II/5, № 298.

[1] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики... ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 189.

[2] Там же, стр. 161 сл. (тип. 1).

вертикально поставленными стенками и диаметром устья 25—30 см. Два фрагмента таких мисок найдены в слоях IV—III вв. до н. э. (ГМИИ, Ф, 40, Сев, V/20, № 268; Ф, 39, НБл, IV/4, № 88). Особенно характерны ручки в виде налепов, ровно заглаженный вертикальный край и толстое дно. Поверхность стенок плохо заглажена, и миски производят впечатление небрежно сделанных. Толщина стенок вверху — 0,5 см, внизу — 1 см. Вместо ручек на 1 см ниже края имеются выступы, на одном сосуде в виде горизонтального (№ 268) и на другом в виде дугообразного (№ 88) налепов (рис. 4, *7*, *9*).

Фрагмент такого типа миски с ручкой в виде дугообразного выступа из плохо промешанной и плохо обожженной глины, с массой толченой ракушки, был найден в 1940 г. в одной из могил на Пересыпи, т. е. на территории, населенной меотами (рис. 2, *8*).

Тип V. Маленький лепной горшочек (рис. 1, *6*) высотой 7,9 см, диаметром устья 7,6 см, диаметром дна 6 см, найден в 1948 г. на некрополе в погребении № 5 IV—II вв. до н. э. (ГМИИ, Ф, 48, НЕ, № 28). Костяк лежал в скорченном положении [1]. Вероятно, его надо отнести к сосудам ритуального назначения и выделить из общего ряда описываемой нами керамики хозяйственного назначения, с которой его, впрочем, сближает качество глины и техника изготовления. Подобного типа горшочек был найден К. Ф. Смирновым в 1948 г. в погребении № 17 Пашковского могильника; костяк здесь также лежал в скорченном положении (ГИМ, № 273).

Кроме лепных горшков и мисок в слое III—*I* вв. до н. э. найдены фрагменты лепных сосудов, форма которых не может быть восстановлена. Интересно обратить внимание на встречающиеся среди них фрагменты стенок с прилепными дугообразными и горизонтальными выступами, исполнявшими роль ручек, а также с различными выступами, являвшимися рудиментами ручек. Т. Н. Книпович, анализируя типы лепной керамики Ольвии из раскопа «И» второй половины IV в. до н. э.— начала I в. до н. э. [2], отмечает наличие у горшков I типа ручек в виде различного рода выступов:

1. В виде дугообразных выступов (табл. XXVIII, 1), подобные которым встречаются на керамике доскифской и скифской.

2. В виде плоских выступов (табл. XXVII, 2), которые часто встречаются на скифских сосудах. Например, на серебряной вазе из кургана Солоха и других серебряных сосудах.

В Фанагории дугообразные ручки встречаются несколько раз на сосудах большого диаметра (в 17—20 см и более), сделанных из глины с примесями иногда толченой ракушки, дресвы органических веществ, иногда кварцевого песка или шамота и мелкотолченого известняка (ГМИИ, Ф, 39, НБл, IV/4, № 88; Б. Вост, V/11, № 168; Ф, 39, II, 696—3684; Ф, 36, ГА, IV/4, 2989; Ф, 36, ГА, III/19, 2067). Два фрагмента найдены в слое эллинистического времени (ГИМ, № 88, 2067). Остальные — в слоях, где наряду с поздними фрагментами есть и фрагменты ранней эпохи (рис. 1, *4*; рис. 2, *7*—*8*, рис. 4, *9*). Высокий горшок без шейки с налепными ручками такой формы был найден Сизовым при раскопках Раевского городища близ Анапы [1]. Фрагмент стенки с такой ручкой найден А. С. Башкировым в Патрее в 1948 г. (собрание Гос. педагогического института им. Потемкина). Край сильно закопченного сосуда большого диаметра без шейки с подобной же ручкой найден в 1909 г. на Елисаветовском городище (ГИМ, № 156). Совершенно такой же формы ручки часто встречаются в Семибратнем городище в слоях первых веков до н. э. и первых веков н. э. на сосудах большого диаметра (Краснодарский музей, Вар, 39, V/12; Вар, 39, III/6; Вар, 39, III/7), а также в Илурате (ЛОИИМК, И, 48, 676), Мирмекии (ЛОИИМК, М, 48, № 41, 50, 142) и других местах европейского Боспора.

Другая форма ручки в виде плоского горизонтального выступа встречается в различных вариантах. Иногда глиняный валик большей или меньшей длины прикрепляют к стенке горизонтально. При этом он выступает лишь на 1—1,5 см от стенки. В Фанагории найдено три фрагмента сосудов из грубой глины с ручками в виде горизонтального выступа (ГМИИ, Ф, 40, Сев, I/20, № 286; Ф, 39, Сев, I/18 вост, № 181; ГИМ, Ф, 39, II, 696—1236, XXII, 1) (рис. 4, *7*; рис. 2, *6*). Фрагмент сосуда с подобной ручкой был найден в Вареникове (Краснодарский музей; ГМИИ, Вар, 39, III/7). Второй вариант такого типа ручек более близок ручкам сосуда из Солохи, т. е. собственно скифским. Это — довольно большая пластинка в виде лопаточки, прикрепляемая к плечу сосуда, обычно несколько под углом к стенке и выступающая на 2,6—3,5 см. В Фанагории такие ручки встречены на сосудах различных типов, форма которых полностью не восстанавливается. Среди них есть сосуды с одутловатым, есть и с банкообразным туловом (ГМИИ, Ф, 39, Сев, III/18, № 226; Ф, 40, Сев, VII/10, № 697, Ф, 37, НС, IX/2, № 28) (рис. 4, *10*). Все они лепные, изготовлены из сильно пережженной глины с примесью шамота, имеют плохо заровненную поверхность и следы копоти на наружных стенках. Подобные ручки встречаются на больших лощеных сосудах Бельского городища (ГИМ, № 45440). Горшок с такими ручками найден в Ольвии [2]. Толстостенный

[1] См. в настоящем выпуске, М. М. Кобылина, Восточный некрополь Фанагории, 1948 г., стр. 241.
[2] Сб. «Ольвия», I, Киев, 1940, стр. 129 сл.

[1] МАК, II, 1889, стр. 121, рис. 31.
[2] Сб. «Ольвия», т. I, табл. XXVII.

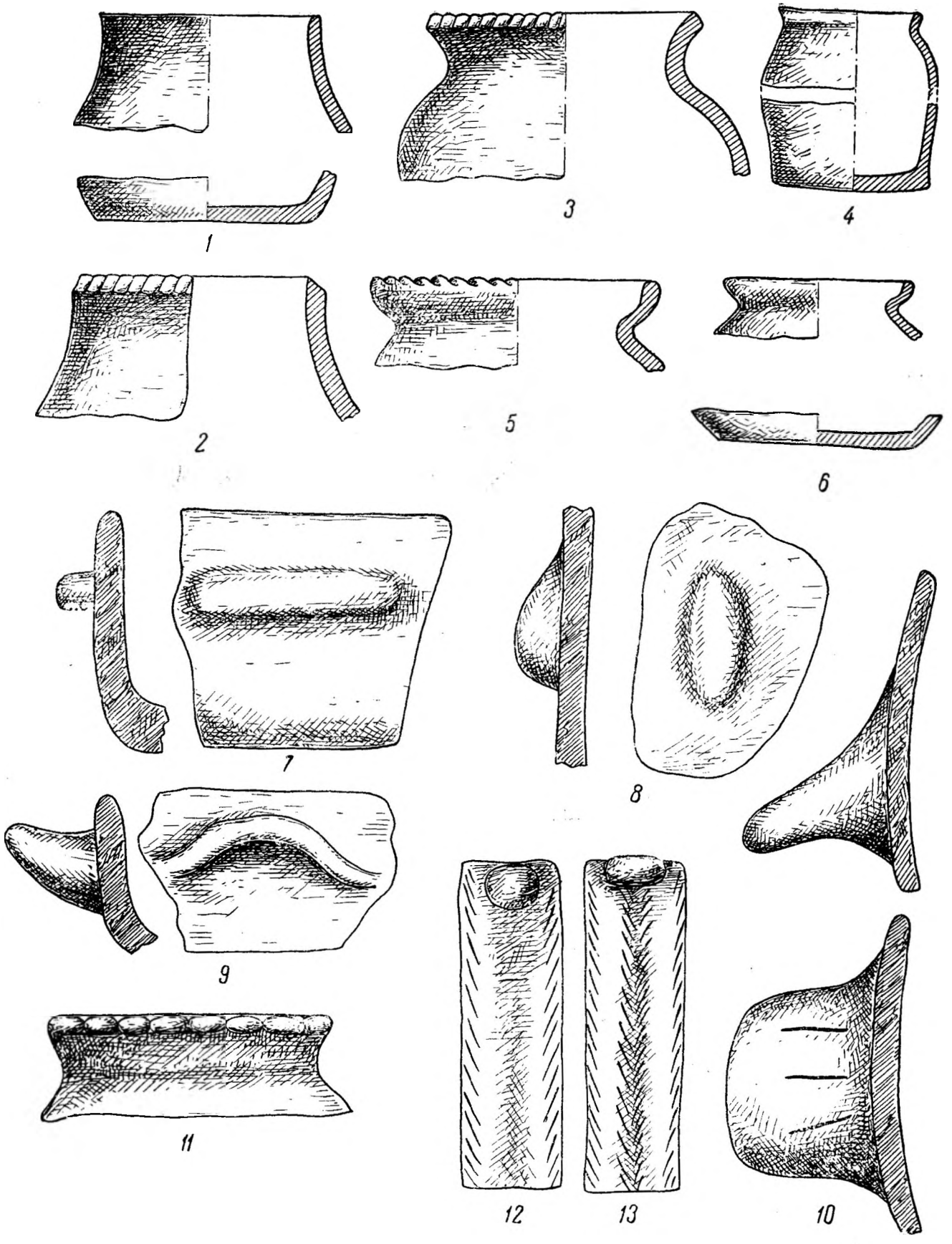

Рис. 4.

1, 2 — профили горшков типа I эпохи I — V вв. н. э.; *3, 4* — профили горшков типа II эпохи I — V вв. н. э.; *5, 6* — профили горшков типа III эпохи I — V вв. н. э.; *7,8,9,10* — фрагменты лепных мисок с выступами в виде ручек; *11* — край горшка с вдавленным орнаментом; *12* — ручка с углублением; *13* — ручка с налепом

шаровидный сосуд с плоским дном и с такими же ручками найден в Усть-Лабинском могильнике № 2 (собрание Краснодарского музея). Два сосуда (один — с высокой шейкой и расширяющимся книзу туловом, другой — горшкообразный без шейки, оба с подобными же ручками, датируемые IV—III вв. до н. э.) найдены в Пашковском могильнике № 3 (погребения 1 и 6, собрание ГИМ).

Кроме ручек перечисленных типов в фанагорийской лепной керамике встречаются сосуды с выступом в виде вертикальных налепов. Так, при раскопках Фанагории в 1939 г. был найден фрагмент стенки большого сосуда с диаметром более 10 см с налепным вертикальным выступом (ГИМ, Ф, 39, № 696—665). Глина имела большое количество включений толченой ракушки. Фрагмент был найден в средневековом слое, содержащем и ранний материал (рис. 4, *8*).

В лепной керамике Елисаветовского городища встречаются фрагменты с вертикально прикрепленными налепными выступами, которые Т. Н. Книпович рассматривает как проявление «архаических мотивов»[1]. Подобные выступы вместо ручек в большом количестве встречаются на Семибратнем городище в слоях римского и эллинистического времени (Краснодарский музей, Вар, 39, раскоп А, VI/8; Вар, 39, пл. V, разбор южного завала; Вар, 39, II/9 и 10; III/14; VI/2 и 10). Горшки с вертикальным краем, имеющие по нескольку таких выступов (до 6), характерны для сарматских погребений Нижнего Поволжья в III—IV вв. н. э.[2].

Проследить, к какому именно времени относится каждый вид налепных выступов на фанагорийском материале, не удается. Вероятно, этот примитивный мотив бытовал в керамике местных племен Северного Причерноморья очень продолжительное время. Был он и у скифских племен, и у меотов, и у синдов. Возник он на том этапе, когда техника керамического производства была очень низка, обжиг слабый и прилепной валик давал большую прочность ручке. Выступы на стенках, кроме того, могли делаться для поддержания сосуда над огнем. По мере совершенствования гончарной техники и освоения новых форм люди забывали старые приемы, делали более совершенную керамику с ручками в виде дужек. Но племена развивались неравномерно, у некоторых из них старые приемы задерживались дольше и, когда представители этих племен приходили в города, они приносили с собой свои способы обработки керамики и формы керамических изделий.

Появившись в Фанагории в эпоху IV—III вв. до н. э., ручки в виде выступов продолжают существовать и в керамике первых веков н. э., может быть, как архаический мотив, может быть, как результат общения или прихода в город представителей местных племен, у которых, судя по находкам в Илурате и Семибратнем городище, этот мотив продолжал бытовать.

Все вышеперечисленные фрагменты свидетельствуют о том, что лепная керамика Фанагории в эллинистическую эпоху была разнообразна и качество ее изготовления в значительной степени зависело от назначения сосуда.

Выше мы разобрали типы сосудов, которые могут быть датированы эпохой от IV до I в. до н. э. включительно. В связи с недостаточностью материала выделить типы, характерные для того или другого века, пока не удается. Несомненно, однако, что в течение четырех веков должно было измениться соотношение греческих и местных элементов в населении Фанагории, а в связи с этим — и формы лепной посуды. Рубеж I в. до н. э. и I в. н. э. может быть принят лишь условно. Более четко выступает разница между керамикой из грубой глины эпохи III—I вв. до н. э. в целом и керамикой эпохи первых веков н. э., когда заметно усилилось влияние местного населения на культуру города и изменился общий облик городов. Этот процесс, происходивший в боспорских городах в I в. до н. э. и I в. н. э. связывается В. Д. Блаватским с наплывом сарматских элементов[1] в города Северного Причерноморья, ослабленные в результате внутреннего экономического кризиса и внешнего конфликта с местными боспорскими племенами.

ЭПОХА I—IV вв. н. э.

В первые века н. э. резко возрастает количество фрагментов керамики, изготовленной из плохо промешанной глины с грубыми примесями. Кроме лепных сосудов, появляются и сосуды, сделанные на гончарном круге. Резко возрастает количество грубоглиняной керамики по сравнению с античной посудой, как привозной, так и боспорской. Меняется и назначение грубоглиняной керамики. До сих пор из грубой глины делали главным образом лишенную украшений лепную кухонную посуду, а именно: горшки и миски крупных размеров для приготовления пищи на огне. В первые века н. э. формы сосудов из грубой глины становятся разнообразнее. Иногда их украшают орнаментами в виде прищепов, насечек, вдавлин и т. д. Появляются сосуды различных размеров и назначения. Одни и те же типы сосудов из глины одинакового качества выделы-

[1] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики..., ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 174, рис. 53.

[2] P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga, Pokrowsk, 1927, рис. 7—9.

[1] В. Д. Блаватский. Северо-понтийские города в конце II—I вв. до н. э., Вестник МГУ, 1949, № 7.

ваются с помощью гончарного круга и без него. В течение первых веков н. э. лепные и сделанные на гончарном круге сосуды существуют одновременно, что подтверждается их совместными находками. Продолжает ли выделываться лепная посуда и в последующее время — сказать трудно. Наличие ее в поздних слоях ничего не доказывает, так как фрагменты ее могли туда попасть при перекапывании грунта. Но количественно в верхних слоях преобладают фрагменты горшков, сделанных на гончарном круге и украшенных нарезным и прищепным орнаментом по краю. Орнамент по краю встречается также и у лепных сосудов, найденных в слоях III—IV вв. н. э. и в более поздних слоях. Два фрагмента имеют орнамент в виде вдавленных пальцем углублений (ГИМ, Ф, 39, XXI/2, № 641, № 635), один — в виде насечек, сделанных ногтем (ГМИИ, Ф, 40, Сев, VI/13, № 115).

Прищепы, ногтевой орнамент и параллельные нарезки, сделанные палочкой или острым штампом, наносились на края сосудов (мисок и горшков) во II—IV вв. н. э. Так, орнамент в виде насечек по краю сосуда встречается на лепных горшочках черной глины в Прикубанье в могилах I—II вв. н. э.[1], в городах европейского Боспора в слоях II—IV вв. н. э. (Илурат — ЛОИИМК, И, 48, № 684 и 352, Мирмекий — ЛОИИМК, М, 37, № 3356, Тиритака — ЛОИИМК, Л, 46, № 283; 40, № 378).

Прищепной орнамент по краю сосуда встречается в слоях III—IV вв. в Тиритаке (ЛОИИМК, Л, 46, № 397 и 36, № 43) и в Таманском могильнике (ЛОИИМК, Т, 38, 146). Орнамент на стенках сосудов, повидимому, появляется позднее.

Среди сосудов грубой глины в эпоху I—IV вв. н. э. наиболее распространенной формой продолжает оставаться горшок. Характер глиняного теста у горшков остается тем же. Наряду с примесями кварца, толченого известняка и ракушки более часто встречается шамот. Примеси делаются более крупными, поверхность горшков плохо заровнена.

Продолжают существовать характерные для предшествующей эпохи I, II и III типы горшков.

Тип I. Лепной горшок с вертикально поставленным краем и пологими плечами, с диаметром устья 16—20 см, иногда имеет круглые в сечении вертикально или горизонтально расположенные ручки (ГИМ, Ф, 36, ГА, III/5, № 2626; ГМИИ, Ф, 40, Сев, V, кладка 22, № 1024 и 1025; Ф, 48, Сев, II/20, № 341 и 345; Сев, VI/10, № 69, ХГ, II/6, № 435; ГИМ, Ф, 39, № 696, 3819, 2519, 4117). Один фрагмент такого горшка имеет по краю орнамент в виде косых параллельных вдавленных линий. Принимая во внимание, что орнамент по краю свойственен более поздним эпохам, можно предположить, что такой тип горшков с вертикальным краем продолжал существовать вплоть до IV в. н. э. Всего имеются фрагменты более чем 30 различных экземпляров, большинство из которых найдены в раннесредневековых слоях, содержащих материал I—IV вв. н. э. (рис. 4, *1*, *2*).

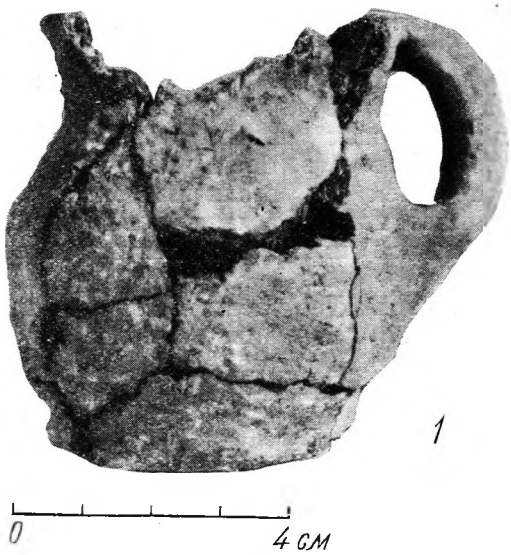
Тип II. Горшок со слегка отогнутым венчиком и иногда менее, иногда более крутыми плечами (рис. 4, *3*). Диаметр шейки от 15 до 20 см, толщина стенок — 0,6—0,8 см. Некоторые экземпляры имели круглые в сечении, вертикально прикрепленные ручки (рис. 5, *5*, *6*). Ни один экземпляр этого типа полностью не восстанавливается. Два фрагмента принадлежат горшкам из плотной глины с примесью шамота, толченого известняка и кварца (ГИМ, Ф, 39, № 3392; Ф, 37, № II 566—3316). Последний фрагмент найден в хорошо датируемом слое, в субструкции под кладкой I в. н. э. Все остальные фрагменты найдены в слоях более позднего времени. Они сделаны из глины с примесью толченой ракушки (ГМИИ, Ф, 39, Сев, III—I, поп 101, № 556; II/11, № 71; Ф, 49, ХГ, № 419; Сев, I/13, № 144 и др.).

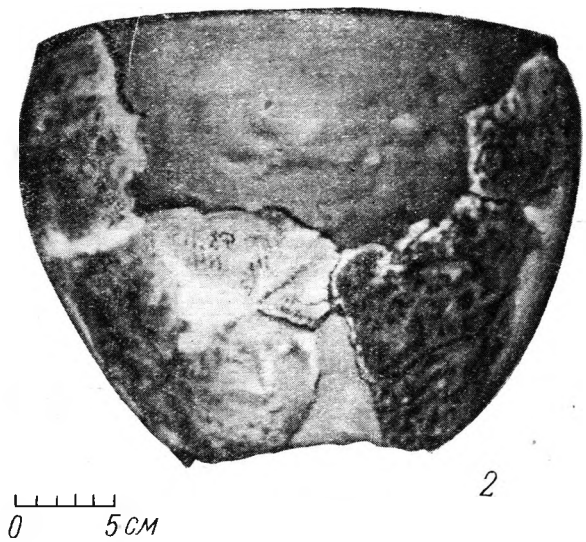
К этому же типу надо отнести меньший по размеру лепной горшок с отогнутым краем, найденный в Фанагории (ГМИИ, ХГ, I/13, № 3779, рис. 6, *7*, рис. 4, *4*). Он имеет диаметр шейки 10 см, диаметр края 12 см и почти полностью восстанавливается. Сравнивая его с подобным типом горшка III—I вв. до н. э., можно сделать вывод, что в более позднюю эпоху сосуды этого типа приобрели менее четкую форму, особенно в нижней части. Дно горшка шире его горла, плечи не имеют округлости. Эта форма горшка доживает, видимо, до средних веков.

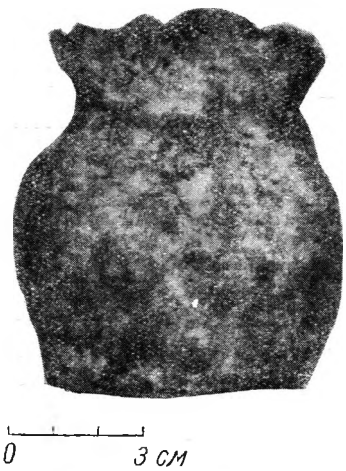
Для эпохи I—IV вв. характерно появление горшков этого типа, изготовленных на ручном гончарном круге (ГМИИ, Ф, 39, Сев, I/4, № 31 и 35; ГИМ, Ф, 39, № 1589; Ф, 36, № 2763), а также горшков, имеющих орнамент по краю в виде косых насечек, сделанных штампом (ГИМ, Ф, 36, № 3097) и углублений, нанесенных пальцами (ГМИИ, Ф, 39, Сев, II/9, № 33 и Ф, 39, Сев, II/10—13, № 72, 48, 62).

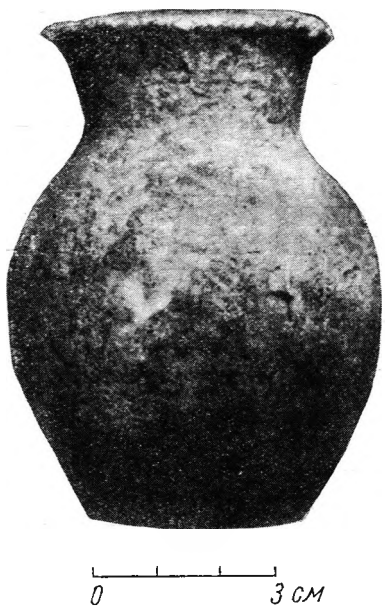
Среди горшков этого типа, изготовленных на гончарном круге, выделяется группа с довольно сильно отогнутым венчиком и характерно обрезанным краем, заканчивающимся острыми ребрами. Диаметр шейки — 14—22 см, толщина стенок — 0,4—0,8 см, высота шейки и края — 2,7—3,3 см. Фрагменты венчиков таких горшков найдены в слое I—II вв. (ГМИИ, Ф, 40, Сев, V, столик 172—175, 6-й слой, № 671; Ф, 39, Сев, II завал, 3-й слой, № 339; Ф, 39, Сев, II, поп 129, 7-й слой, № 434).

[1] Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 148. Орнамент в виде насечек встречается также на горшке из кургана № 18 станицы Тифлисской Кубанской обл. (ГИМ, № 48478).

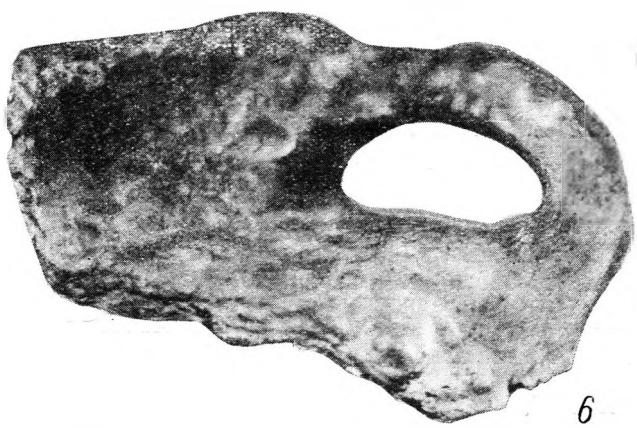

Рис. 5.

1 — горшочек лепной; *2* — фрагментированный лепной сосуд; *3* — лепной горшок; *4* — лепной горшок из могилы IV в. н. э.; *5, 6* — фрагменты венчиков и ручек лепных сосудов

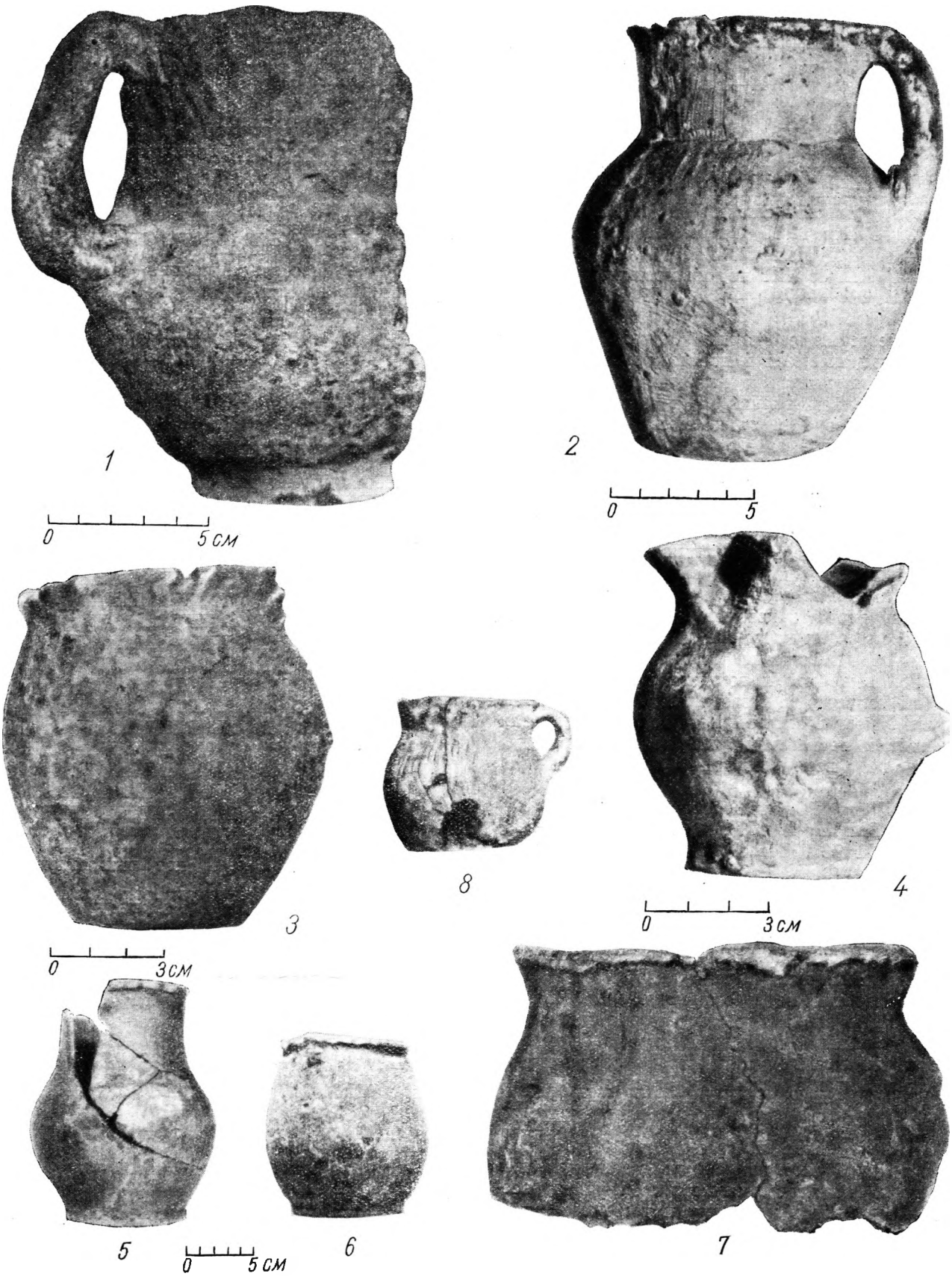

Рис. 6.

1 — часть лепного горшка; *2* — лепной кувшин; *3,4* — лепные кувшинчики со сливами; *5* — лепной кувшин; *6* — лепной горшок из Киммерика; *7* — верхняя часть лепного горшка; *8* — одноручный лепной кувшин

Тип III. Горшок с покатыми плечами с отогнутым венчиком, имеющим выемку для крышки (рис. 4, *5—6*). Они повторяют тип III, встречающийся во II—I вв. до н. э., но отличаются от него качеством изготовления и глиной. В эпоху I—IV вв. н. э. они лепились более тщательно, а иногда даже на гончарном круге из плотной хорошо обожженной глины с примесью массы толченой ракушки и едва заметных блесток слюды (ГМИИ, Ф, 40, Сев, VI/13, № 115; Ф, 39, Сев, II, поп 112, 6-й слой, № 448; Б, XVIII/2, № 326; ГИМ, Ф, 39, ГА, XXI/14; XIX/8; XXI под вымосткой 6; Ф, 37, ГА, XVI/11; XVI/16; Ф, 36, ГА, II/16; I/16; II/13; V/8; VII/5).

Кроме горшков, формы которых повторяют уже встречающиеся в предшествующую эпоху типы и отличаются от них только качеством, способом изготовления и иногда наличием орнамента, в I в. до н. э. и I—II вв, н. э. появляются новые типы горшков, подражающие формам античной кухонной посуды. Эволюция типов керамики из грубой глины в сторону заимствования форм античной посуды, проявлялась уже в последние века до н. э. и выразилась в появлении типа III. Позднее, в I в. до н. э. и I в. н. э., широкое распространение получают кастрюли из грубой глины и горшки, венчики которых подражают венчикам боспорских кастрюль.

Тип IV. Кастрюля. Отличается очень тщательной выделкой и тонкими стенками (0,3—0,5 см толщиной). Изготовлена на гончарном круге. Имеет отогнутый венчик с выемкой для крышки и небольшим углублением, проходящим по всей верхней плоскости края (рис. 7, *1*). Диаметр шейки колеблется от 12 до 22 см, по большей части он равен 15—18 см. (ГМИИ, Ф, 40, Сев, VII, поп 240—228, № 662; № 733, Сев, V/18, № 243; Ф, 39, Б, III/I, № 44; Ф, 40, Сев, V, столик 217, № 1003; № 360; Сев, II/24, № 608; Ф, 48, Б, II/6; ГИМ, Ф, 36, № 1525; № 429, Ф, 37, № II, 566—3122, 3118, 3191). Несмотря на значительное количество обломков, принадлежащих не менее чем 30 различным экземплярам, форма этого сосуда полностью не восстанавливается. Вполне ясна только верхняя часть. Сосуды были сделаны из плотной глины с примесью большого количества толченой ракушки и едва заметных блесток слюды. Цвет глины от серого до черного. Снаружи стенки сильно закопчены. Не сохранилось ни одного фрагмента с ручками. Те из фрагментов, которые могут быть точно датированы, относятся к эпохе последних веков до н. э. и первых веков н. э. Вероятно, все они принадлежат к одному и тому же типу грубоглиняных кастрюлеобразных горшков, тщательно сделанных, появившихся в результате подражания боспорским кастрюлям или «чашам с крышкой и ручками», как их определяет Т. Н. Книпович [1]. Существование подобного типа сосудов характерно для греческих городов Боспора. В городищах Прикубанья они не встречаются. Вероятно, большое распространение подобного типа качественной керамики из грубой глины в I в. до н. э. и I в. н. э. надо поставить в связь с изменением этнического состава населения Фанагории, с упадком античной культуры и развитием местной культуры городов Боспора.

К тому же типу относятся его разновидности: тонкостенный сосуд типа кастрюли с плечом, загибающимся под углом вниз (рис. *7, 2*) и сосуд с сильно закругленными плечами и, возможно, округлым дном (рис. *7, 4*). Профиль края обоих сосудов повторяет профиль типа IV, но на верхней плоскости края иногда нет выемки. Глина и ее примеси, толщина стенок и качество выработки совершенно такие же, как и у типа IV. Фрагменты краев этих сосудов, судя по слоям, в которых они были найдены, также должны быть датированы эпохой I в. до н. э.— I в. н. э.

Имеется другая разновидность лепной кастрюли (ГМИИ, Ф, 40, Сев, V/18, № 242) из грубой глины (рис. *7, 3*). Она имеет сильно выдающийся выступ для крышки и покатые плечи. По верхней срезанной части края нанесен штампованный орнамент в виде вдавленных треугольников. Толщина стенки — 0,4 см, внешний диаметр шейки чуть более 20 см. Глина довольно хорошо обожжена, в изломе серо-черного цвета, с обеих сторон оранжевая. Из включений отчетливо заметны черные и серые кусочки и мельчайшие частички слюды или кварца. Представлена одним фрагментом, найденным в слое, содержащем материал от IV в. до н. э. до III в. н. э.

В том же слое, что и бо́льшая часть кастрюль из грубой глины, найдены фрагменты лепных крышек (ГМИИ, Ф, 40, Сев, V/19, № 266 и Ф, 39, Сев, I, под вымосткой 122, VII, № 990; под вымосткой 128, VII, № 830, Ф, 39, Б, XVIII/3, № 34). С внешней и особенно внутренней стороны крышек сохранились следы обгоревшей накипи и копоти. Один фрагмент из более плотной глины лучшего качества с выступом вверху в виде шишечки был найден в 1948 г. (ГМИИ, Ф, ХГ, I/17, № 175).

Тип V. Лепной горшок с расходящейся кверху шейкой, приплюснутым краем, образующим как бы расширенную кромку для

[1] ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 150.

[1] ГМИИ Ф, 40, Сев, V, столик 186—206, № 913; Ф. 39, ГА, XXI/14 и 1936, ГА, I/16.

Найденные фрагменты не дают возможности с полной уверенностью реконструировать форму сосудов. Но на основании аналогии с профилем верхней части сосуда, найденного Сизовым в Раевском городище (МАК, II, рис. 34), можно попытаться восстановить этот сосуд. Верхняя его часть напоминала обычный верх кастрюли с диаметром края — 24 см, шейки — 21,5 см, а нижняя часть повторяла форму горшка (ГИМ, Ф, 37, № II 566—3118).

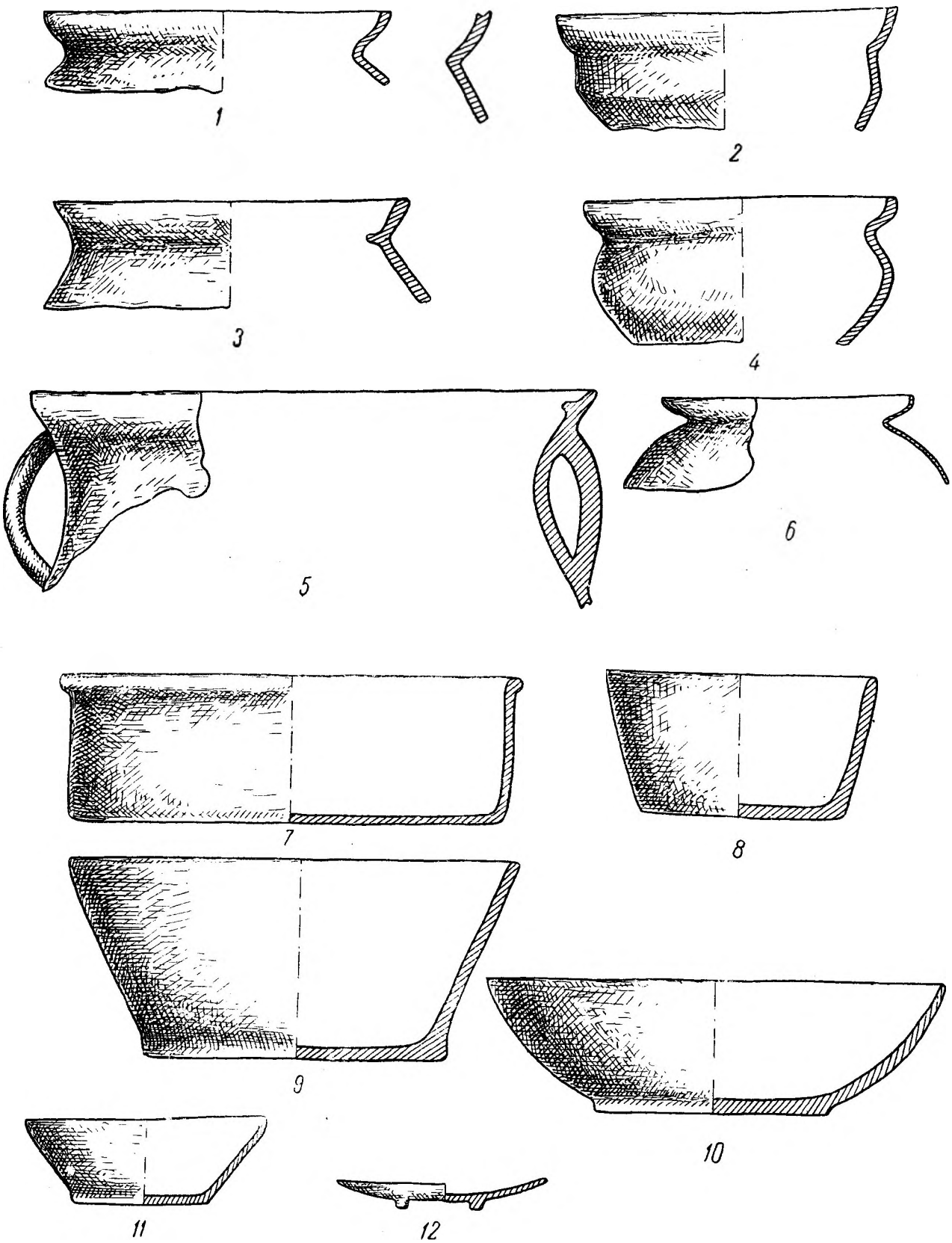

Рис. 7.

1,2,3,4 — профили кастрюль; *5* — верхний профиль горшка с выемкой для крышки; *6* — верхний профиль тонкостенного горшка: *7,8,9,10,11,12* — различные типы мисок эпохи I — V в. н. э.

крышки, и с вертикально поставленной четырехгранной ручкой (рис. 7, *5*). Характерен край, являющийся, вероятно, подражанием венчикам античных мисок или местных боспорских сосудов. Глина его плохо промешана; она — с примесями органических веществ, шамота, слюды и белых кусочков. Стенки плохо заглажены, бугристы. Диаметр устья — 20 см. Вероятно, этот лепной горшок относится к той группе местной лепной керамики, форма которой испытывала влияние античной керамики. Этот тип горшка представлен одним фрагментом края и ручки (ГМИИ, Ф, 40, Сев, V/15, № 162), найденным в слое I—III вв.

Наряду с горшками, в которых заметно подражание формам античной керамики, в эпоху I—IV вв. встречаются новые типы лепных горшков различных профилей и размеров.

Тип VI. Тонкостенный лепной горшок с сильно отогнутым краем и крутыми плечами (рис. 7, *6*). Внешний диаметр шейки — 14 см, толщина стенки — 0,2—0,3 см. Глина очень плотная, серо-черного цвета с крупным песком, небольшим количеством мелкотолченой ракушки и маленькими частичками слюды. Поверхность горшочков в одном случае очень хорошо заглажена, в другом очень неровная (ГМИИ, Ф, 40, Сев, II, № 325; Ф, 39, НБл, № 62).

Кроме того, есть фрагменты тонкостенных лепных горшков с большим диаметром шейки (около 20 см), найденные в слоях более позднего времени, содержащих материал I—IV вв. н. э. (ГМИИ, Ф, 40, Сев, VI, поп 214, 5-й слой, № 398; ГИМ, Ф, 37, № II 566—2967).

Тонкостенные лепные горшки встречаются в Илурате в слое III в. н. э. (ЛОИИМК, И, 48, № 643).

Для эпохи III—IV вв. н. э. характерно широкое применение маленьких лепных сосудов из грубой глины различного хозяйственного назначения.

Тип VII. Лепной горшок маленьких размеров, очень небрежно сделан, с шероховатой поверхностью (рис. 5, *3*). Край слегка и неравномерно отогнут. Вероятно, этот тип должен быть датирован III—IV вв. н. э. Высота горшка — 10,5 см, диаметр дна — 6 см, диаметр края — 6,5 см. Толщина стенок не равномерна (ГМИИ, Ф, 40, Сев, V/13, № 100). Фрагменты таких горшков найдены в 1939 г. (ГМИИ, Сев, III/13, № 601) и в 1948 г. (ГМИИ, ХГ, II/13, № 340, 403). Аналогичного же типа горшочки были обнаружены в Киммерике (рис. 6, *6*) в комплексе III—IV вв. (с двумя отбитыми ручками — ГМИИ, К, 48), в Тиритаке в слое II—IV вв. (ЛОИИМК, с одной ручкой — Л, 37, № 374; без ручек — Л, 39, № 102), в Илурате в слое II — III вв. с чуть заметными следами лощения (ЛОИИМК, И, 48, № 583).

Тип VIII. Лепной кувшин с носиком (рис. 6, *3*). По существу он повторяет форму горшка, но, кроме того, имеет носик и ручку. Его высота — 10 см, диаметр дна — 5 см, диаметр устья — 7 см. Поверхность плохо заглажена. Целый сосуд с отбитой ручкой найден в 1948 г. (ГМИИ, НЕ, VIII/5, № 118), фрагмент другого — в 1937 г., ГИМ, № 844). Лепной кувшинчик такого же типа из серой, хорошо отмученной глины, несколько более четкой формы и с чуть намеченным поддоном был найден в Фанагории (ГМИИ, № 1781) в 1938 г. (рис. 6, *4*). Аналогичного типа лепной кувшин найден в Тиритаке в слое III—IV вв. (ЛОИИМК, Л, 38, № 154).

Тип IX. Лепной кувшинчик с вытянутым горлом (рис. 5, *1*). Высота его — 7 см, диаметр устья — 5,5 см, диаметр дна — 4 см. Представлен целым сосудом и фрагментом стенки, найденными в слое I—IV вв. н. э. (ГМИИ, Ф, 48, Б, II/2, № 542; Ф, 40, Сев, V/15, № 164).

Тип X. Открытая миска. В эпоху I—IV вв. большое распространение получают миски. Они изготовляются от руки и на гончарном круге. Имеется четыре разновидности мисок. Только первая из них несколько напоминает форму мисок, известную в предшествующую эпоху (тип IV). Она отличается от нее меньшим диаметром, большим наклоном и высотой стенок у подавляющей части экземпляров.

1. Лепные миски с невысокими стенками, вертикальными или расходящимися кверху (рис. 7, *7—9*). Диаметр таких мисок различен (от 10 до 20 см вверху и от 6 до 16 см у основания). Толщина стенок от 0,5 до 1,2 см; она различна у одной и той же миски: в нижней части стенки толще, чем в верхней. Высота мисок от 6 до 8 см (ГИМ, Ф, 36, № 3291, 1690; Ф, 39, № 1015, 2447, 1002, 2529, 141; Ф, 36, № 2289; Ф, 38, № 1135; ГМИИ, Ф, 40, Сев, I/21, № 291 и 292, Ф, 40, Сев, VI/15, № 150; ГИМ, Ф, 39, XX—XXI/4, № 222). Один из фрагментов имеет орнамент по верхнему краю в виде параллельных углублений, вдавленных палочкой. Характерно, что миски этой разновидности сделаны из глины почти без примеси ракушки. Примесями к глине этих мисок являются шамот, песок и органические вещества: кусочки мелкотолченого известняка и, может быть, дресва (лишь один случай). Подобного типа миски с плоским дном, но хуже выполненные, встречались в Семибратнем городище в слое первых веков н. э. (Краснодарский музей, Вар, 39, VI/11; VIII/10). Такие же и несколько более низкие, с расходящимися стенками миски найдены в Тиритаке, в слое III—IV вв. (ЛОИИМК, Л, 40, № 60, 258; Л, 46, № 327 и 318).

2. Лепные миски с сильно расходящимися стенками из глины с включением массы толченых ракушек (ГИМ, Ф, 36, № 2159, 2881, 3190, 3143; Ф, 39, № 753, 3866, 2950, 3239, 3887, 3236, 3817, 3074 и др.; ГМИИ, Ф, 38, НВ, № 258; Ф, 39, НБл, № 168; Ф, 40,

Сев, № 14). Размеры мисок различны, но главным образом встречаются большие со сравнительно тонкими стенками. Диаметр их верхнего края колеблется от 16 до 30 см (рис. 7, *10*). Полностью восстанавливаются лишь два профиля мисок. Обе они имеют плоское дно с диаметром 12 см. Такие фрагментированные миски часто встречаются в Семибратнем городище в слоях первых веков н. э. (Краснодарский музей, Вар, 39, V/8). Вероятно, эта форма мисок существовала вплоть до раннего средневековья. Наиболее поздние экземпляры имели орнаментированные края. Они представлены фрагментами лепных мисок с диаметром более 20 см. Один из них с прищепным орнаментом по краю сохранил на внутренней поверхности стенки следы заглаживания пучком травы (ГМИИ, Ф, 40, Сев, V, столик 173—180, 5-й слой, № 687). Другой фрагмент имел орнамент в виде ямок, вдавленных пальцем.

3. Лепные миски, стенки которых загибаются вверх, образуя ребро (рис. 7, *11*). Они имеют плоское дно. Диаметр края 15—17 см, диаметр дна — 9—10 см. Сделаны из плохообожженной глины со включением массы ракушек (ГИМ, Ф, 39, № 1773 и 1581; ГМИИ, 48, ХГ, I/11, № 160). Края подобного типа мисок найдены на Семибратнем городище в слое первых веков н. э. (Краснодарский музей, Вар, 39, II/8 и 9), в Илурате в слое II—III в. (ЛОИИМК, И, 48, № 561). В Елисаветинском городище такой профиль имеют миски с лощеной поверхностью из слоев III—V вв. (МАЭ, 5338/222).

4. Миски с широко расходящимися стенками и с кольцевым поддоном в виде валика, сделанные на гончарном круге из глины с примесью толченой ракушки (рис. 7, *12*). Всего найдено три фрагмента. Один из них может быть точно датирован I в. до н. э.— I в. н. э. (ГИМ, Ф, 37, ГА, V/2, № 3118). Два других — край с диаметром 30 см (ГМИИ, Ф, 39, XX/13, № 3817) и дно со слабо намеченным поддоном — найдены в слоях более позднего времени, но содержащих материал первых веков н. э. (ГИМ, Ф, 39, № 3817). В Фанагории кольцевой поддон в виде валика у сосуда из грубой глины найден дважды (ГИМ, Ф, 37, ГА, 5-й слой, № 3118; Ф, 39, № II, 696—2782). Фрагменты мисок из грубой глины на таком поддоне найдены на Семибратнем городище в слое первых веков н. э. (Краснодарский музей, Вар, 39, XXVI/7; Вар, 40, раскоп А, IX/7, разбор попа). Возможно, что 3 и 4 разновидности мисок появились как результат подражания краснолаковым мискам, очень распространенным в городах Северного Причерноморья.

Тип XI. Сковорода лепная. Отличается от миски с плоским дном большим диаметром, более низкими и толстыми стенками и примесью большого количества ракушек в глиняном тесте. Найдены фрагменты восьми экземпляров. Они различаются между собой высотой стенки, степенью ее отогнутости и диаметром. Глиняное тесто плохо промешано. В нем много органических включений, примесей толченой ракушки и очень маленьких блестящих частичек.

Бо́льшая часть фрагментов была найдена в слое, датируемом I—IV вв. н. э.[1]

Можно выделить две разновидности сковород:

1. Сковорода с толстыми вертикально поставленными стенками (ГМИИ, Ф, 40, Сев, VI/9, № 63 и 5-й слой, № 327). Высота ее 3,8 см, толщина стенки — 0,6—1 см, диаметр — 25 см (рис. 2, *10*).

2. Сковорода со стенкой, находящейся под углом ко дну (рис. 2, *9*, *11*). Высота ее от 3,5 до 5 и 7 см, толщина от 0,9 до 1,4 см, диаметр верхнего края от 30 до 38 см. Иногда край заровнен пальцами, иногда срезан и образует острое ребро. С наружной стороны в месте присоединения стенки и дна часто имеется наплыв. Один из фрагментов наиболее позднего времени имеет по верхнему краю нанесенный пальцем орнамент (ГМИИ, Ф, 48, Сев, I/7, № 104).

Наличие сковород для поджаривания пищи характерно для греческих городов Причерноморья. Сковороды из хорошей глины, сделанные на гончарном круге, встречаются еще в эллинистический период в Ольвии[2], а также в Пантикапее и других боспорских городах, но, по словам Н. В. Анфимова, полностью отсутствуют в материале местных городищ Прикубанья. Вероятно, появление лепной грубоглиняной сковороды в Фанагории связано с влиянием городской культуры и изменением пищи местных жителей, поселившихся в городе.

Тип XII. Лепной одноручный кувшин. Лепные одноручные кувшины из грубой глины с гладкой поверхностью, вероятно, были широко распространены в Фанагории в I—IV вв. н. э. Найдено до 30 ручек и фрагментов горла, которые принадлежали кувшинам (ГМИИ, Ф, 40, Сев, VII/14—16, № 643, 85; Сев, VI/16, № 160; ГИМ, Ф, 39, № 2329, 3067, 3819, 2519 и др.). Но сохранился только один целый экземпляр (№ 109), найденный в 1937 г. в могиле № 33 некрополя «С» (рис. 6, *2*). Его высота — 15,5 см, наибольший диаметр тулова — 14 см, диаметр устья — 9,3 см, высота горла — 4,3 см, диаметр дна — 7,3 см, толщина стенки — 0,5 см, верхний край срезан и чуть отогнут. Кувшин не имеет никаких

[1] Слой 6-й см. В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках в Фанагории в 1940 г. Труды ГИМ, вып. XVI, 1941. Фрагменты: Ф. 40, Сев, V/15, № 160; Ф, 40, Сев, 11/16, № 195; Сев, V/15, № 166; V/16, № 194; Сев, IV, поп 190, № 290; Сев, IV, поп 199, № 327; Сев, IV/10, № 37; Сев, VI/9, № 63.

[2] Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа «И», «Ольвия», Киев, 1940, стр. 137.

следов копоти и, вероятно, был поставлен в могилу новым. Вся его поверхность покрыта штриховкой, образовавшейся, возможно, при заглаживании сырого кувшина пучком соломы. Глина хорошо обожжена, плотная, в изломе серо-черного цвета с примесью белых включений и едва заметных блесток слюды. Никакого другого инвентаря в могиле найдено не было. Сосуд этот можно отнести на основании общей даты некрополя к I—IV вв. н. э. На городище в 1939 и 1940 гг. найдены два фрагмента стенок; у одного — обе стороны, у другого — только наружная покрыты точно такой же штриховкой. Но эти фрагменты принадлежали более крупным сосудам для изготовления пищи, о чем свидетельствуют остатки копоти. Судя по датировке слоев, они относятся к первым векам н. э. (ГМИИ, Ф, 40, Сев, VII/19, № 267; Ф, 39, Сев, I/18, Вост. № 180). Таким образом, полная аналогия в обработке поверхности с кувшином № 109 подтверждает его датировку I—IV вв. Ручка этого кувшина, как и почти всех остальных фрагментов кувшинов, прикреплялась к верхнему краю, который заглаживался с ней в одну плоскость. Иногда ручка имела выемку в середине верхней поверхности, для того, чтобы кувшин было удобнее держать при выливании жидкости. Иногда в верхней части ручки делали углубления для большого пальца (ГМИИ, Ф, 40, Сев, VI/13, № 104 и V/16, № 201) или плоский налеп (рис. 4, *12 — 13*, ГМИИ, Ф, 40, Сев, V/16, № 198; ГИМ, Ф, 37, ГА, XVII/15, № 1339). Все эти ручки найдены в слоях первых веков н. э. или средневековых, содержащих фрагменты более раннего времени.

Возможно, лепные одноручные кувшины из грубой глины такого типа с ручкой, имеющей желобок посредине, существовали в Фанагории уже в последних веках до н. э. Лепная ручка с желобком была найдена в слое IV в. до н. э. (ГМИИ, Ф, 39, Сев, II, поп 138, 9-й слой, № 465), а край с такой ручкой — в слое IV—I вв. до н. э. (ГИМ, Ф, 39, № 2329).

Форма кувшина № 109 является своеобразным соединением элементов сарматского типа кувшинов[1] с обычной в городах Северного Причерноморья античной формой кувшинов, сделанных на гончарном круге[2]. С сарматскими кувшинами его сближает горло, расходящееся кверху, с боспорскими кувшинами — сравнительно правильные пропорции всего тулова. Наиболее близким по форме этому сосуду является лепной кувшин из Тиритаки (ЛОИИМК, № 398) с прекрасно лощеной поверхностью, найденный в яме среди материала III в. н. э.

Тип XIII. Лепной кувшин без ручки с шаровидным туловом и высоким, сужающимся кверху горлом, край которого отгибается (почти целый кувшин найден в 1948 г. на некрополе «Е», ГМИИ, № 102). Он сделан из плохо промешанной глины с примесями органических веществ, мелкотолченой ракушки, шамота и песка. Глина плохо обожжена и различна по цвету (рис. 6, *5*). Сосуду такого же типа, но сделанному на гончарном круге, принадлежал фрагмент, найденный в 1939 г. (ГМИИ, Ф, 39, Сев, I/4, № 33). Он имел такое же высокое, но несколько более широкое горло и отгибающийся край.

Этот тип сосудов не имеет себе прямых аналогий в Прикубанье. В городах Северного Причерноморья встречаются одноручные лепные и сделанные на гончарном круге кувшины, имеющие сужающееся кверху горло при отсутствии резкого перехода от тулова к шейке (Тиритака, из здания III—IV вв., ЛОИИМК, Л, 36, № 314; Л, 40, № 361). Вероятно, эта форма также возникла в городах Северного Причерноморья под влиянием типов сарматской керамики.

Выше описаны типы сосудов, какие можно в какой-то мере восстановить на основании фрагментов, найденных в слоях, относящихся к периоду от I в. н. э. до IV—V вв. н. э. Та часть фрагментов, которая не дает возможности представить тип сосуда, или по условиям находки не может быть отнесена к какому-либо периоду, не вошла в описание. Среди последних можно отметить фрагментированный лепной горшок, почти полностью восстанавливаемый, найденный в слое, содержащем материал от VI в. до н. э. по первые века н. э. (рис. 5, *2*). Верхний край его чуть отогнут Диаметр устья — 20 см, наибольший диаметр тулова — 23,5 см, высота стенки — 17 см (дно не сохранилось), толщина стенок от 0,8 до 1 см (ГМИИ, Ф, 39, НВ, II/5, № 47). Наружная поверхность горшка сглажена гораздо хуже, чем внутренняя. Горшки несколько более баночной формы такого же или меньшего размера находили неоднократно в городищах и могильниках Прикубанья. В могильнике № 4 станицы Пашковской в погребениях № 4, 6, 7 (раскопки Анфимова 1937 г.), в могильнике № 3 в погребении № 5 (раскопки К. Ф. Смирнова 1947 г.), которые датируются эпохой V—III вв. до н. э.; в Семибратнем городище в слоях IV и III вв. до н. э. (Краснодарский музей, Вар, 39, III/24 и III/21), в Елисаветовском городище V—III вв. до н. э. и др.

Сильно отличается от всех вышеперечисленных сосудов керамика средневековой эпохи. Не останавливаясь на ней подробно, отмечу только наиболее характерные типы венчиков, которые как бы являются дальнейшим развитием типов, существовавших в первые века

[1] P. Rau, Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga, 1927, рис. 31; К. М. Скалон. Изображение зверей на керамике, ТОПКЭ, Л., 1946, табл. II, 3, табл. V, рис. 1, табл. VII, рис. 2, табл. VI, рис. 1.

[2] Т. Н. Книпович. Танаис, рис. 31.

н. э., и, в частности, типа IV. Подавляющее большинство фрагментов керамики из грубой глины эпохи VI—X вв. относится к сосудам с сильно загнутым и закругленным венчиком и с гребенчатым орнаментом на плечах. В основном это — большие горшки с широким горлом (диаметр 14—20 см). Наряду с гребенчатым орнаментом в виде параллельного рифления, встречается волнистый орнамент, нанесенный тем же зубчатым инструментом. Все сосуды сделаны на гончарном круге из глины с большим количеством ракушки и иногда дресвы. Эта керамика должна быть связана с «салтово-маяцкой» VIII—X вв. н. э.[1] Она встречается в верхних слоях Фанагории в очень большом количестве и не только в виде отдельных фрагментов, но иногда даже в виде полностью или почти полностью восстанавливаемых сосудов. Некоторые экземпляры являются точной аналогией к найденной на Таманском городище керамике. Много фрагментов являются переходной формой от горшков IV типа I—IV вв. н. э. к горшкам с сильно загнутым венчиком и гребенчатым орнаментом по плечам или по всему тулову, которые И. И. Ляпушкин относит к «салтово-маяцкой» культуре.

Целый горшок, очень близкий по форме и орнаменту к керамике салтово-маяцкой культуры, был найден в Фанагории в 1936 г. на раскопе «Некрополь А». По сопровождающим его находкам он должен быть датирован III—V вв. н. э.[2] Два фрагмента краев горшков с рифлением на плечах, с профилем, напоминающим керамику салтово-маяцкой эпохи, были найдены в слоях III—IV вв. н. э. в 1937 и 1940 гг. (ГИМ, Ф, 37, ГА, II, № 566—2969 и ГМИИ, Ф, 40, Сев, V/4, № 132).

При раскопках Семибратнего городища, самый поздний культурный слой которого датируется III в. н. э.[3], был найден фрагмент горшка с параллельным рифлением, напоминающим керамику салтово-маяцкого типа (Краснодарский музей, Вар, 39, V/14). Все это подтверждает предположение о постепенном развитии форм керамики так называемой салтово-маяцкой культуры из местных типов керамики.

Подводя итог всему вышесказанному, можно кратко сформулировать следующие выводы:

1. Среди фанагорийской керамики выделяется группа сосудов, изготовленных из плохо промешанной с грубыми примесями глины. Стенки большинства из этих сосудов сильно закопчены. Формы их отличаются от античной посуды Фанагории и имеют сходство с сосудами, найденными в городищах и могильниках, принадлежащих местному оседлому населению.

2. Сходство некоторых типов фанагорийской керамики с сосудами, найденными в Ольвии, Днепропетровске или на Бельском городище, для определения хронологии не может быть принято во внимание. Оно лишь может свидетельствовать об общности культурного круга. Отдаленность этих территорий не позволяет делать выводы о непосредственном проникновении оттуда керамических форм в Фанагорию. Другой вывод следует сделать о керамике Кубанской области или Елисаветовского городища — территории, населенной меотскими и синдскими племенами. Сходство форм, техника изготовления, а часто даже сходство глиняного теста и его примесей у сосудов из этих областей и из Фанагории не может быть случайностью. Здесь мы можем говорить уже об этническом родстве, основываясь на свидетельствах античных писателей о расселении местных племен Северного Причерноморья.

3. В слоях VI—IV вв. до н. э. попадается очень мало сосудов из грубой глины. Найденные фрагменты принадлежат сосудам, формы которых аналогичны керамике соседних синдо-меотских племен. Встречаются сосуды баночной формы, миски с загнутыми внутрь краями. Интересен орнамент в виде вдавленных пальцем углублений, а так же поверхность, заглаженная щеткой или метелочкой, характерная для «доскифской» керамики.

4. Среди находок городских слоев III—I вв. до н. э. увеличивается количество сосудов грубой глины, что, вероятно, связано с увеличением количества местного элемента в составе населения Фанагории. Все эти сосуды сделаны от руки, формы их однообразны. Преобладает тип плоскодонного горшка с вертикально стоящим или отогнутым венчиком, с более или менее крутыми плечами (тип I и II). Кроме того, встречаются низкие открытые миски (тип IV) и одноручные кувшины. Общий профиль сосудов, а также детали в виде плоских и дугообразных налепов находят себе прямые аналогии в кругу керамики синдо-меотских племен. Характерно отсутствие орнаментации сосудов грубой глины в эпоху IV—I вв. до н. э.

5. Вероятно, к концу эпохи III—I вв. до н. э. местный элемент в городском населении настолько усилился, что начал оказывать влияние на весь характер городской культуры. Это, в частности, сказалось в появлении типа лепных сосудов, подражающего обычной для греческих городов форме кухонной керамики и не имеющего аналогий среди керамики городищ и могильников соседних областей (тип III), населенных местными племенами. Повидимому, приходящие в город сельские жители и городская беднота, сохраняя тради-

[1] И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения на Дону и Тамани, МИА, вып. 6, 1941, стр. 207 сл., табл. I, рис. 1, 2, 6, 7, 11.

[2] В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории 1936—1937 гг. Труды ГИМ, XVI, 1941, стр. 28, рис. 14.

[3] Н. В. Анфимов. Новые данные к истории азиатского Боспора. СА, VII, 1941, стр. 266.

ционную технику изготовления сосудов и старые рецепты приготовления глиняного теста, заимствуют формы сосудов, обычные для населения Фанагории раннего периода.

6. Резко меняется положение дел в I в. до н. э. и первых веках н. э. Вследствие притока массы негреческих элементов в города Боспора, там создалась самобытная полугреческая — полуместная культура. Это находит свое отражение в появлении новых типов керамики из грубой глины в Фанагории, причем наряду с сосудами, повторяющими формы керамики, встречающейся у местных племен Прикубанья, Дона и Поволжья или подражающими обычной керамике боспорских городов, появляются своеобразные новые местные типы сосудов из грубой глины.

7. В эту эпоху резко возрастает значение керамики из грубой глины среди общего количества находок, а также увеличивается разнообразие ее типов. Кроме известных в предшествующую эпоху плоскодонных горшков с вертикально поставленным краем и отогнутым венчиком (тип I, II, III) и кувшинов (тип XII), получили широкое распространение сосуды, в стиле которых много сходного с боспорскими кастрюлями (тип IV), несколько разновидностей открытых мисок (тип X), сковородок (тип XI), различные типы мелких хозяйственных сосудов (типы VII, VIII и IX), а также появляются новые типы лепных горшков (типы V, VI).

8. Кроме лепной керамики из грубой глины, в эпоху I—IV вв. н. э. появляются сосуды той же формы, изготовленные на гончарном круге из глины такого же качества. Большое количество однотипных горшков и кастрюль, сделанных на гончарном круге, позволяет предположить наличие ремесленного производства некоторых типов сосудов из грубой глины.

9. В III—IV вв. широко распространяется обычай украшать верхний край горшков и мисок орнаментами в виде вдавлин, прищепов, насечек. Вероятно, это связано с расширением функций сосудов из грубой глины и превращением ее из посуды только кухонного назначения в обычную бытовую посуду. Орнамент на стенках сосудов появляется в конце этой эпохи.

10. Для фанагорийской керамики, изготовленной из грубой глины, характерна не столько эволюция одного и того же типа сосуда, как это обычно наблюдается при исследовании античной посуды, сколько изменение формы лепных сосудов в сторону подражания античным типам и появление новых, сделанных на гончарном круге, форм. Из обычного лепного горшка развивается тип кастрюли с крышкой, из лепной миски с загибающимися внутрь краями — миска на кольцевом поддоне с поставленным под углом верхним краем и т. д. В этом сказывается влияние городского ремесленного производства на формы керамики из грубой глины. С другой стороны, формы сосудов, широко распространенные у соседних племен, оказывают влияние на типы керамики, изготовляемой ремесленниками Фанагории, что, повидимому, связано с количественным увеличением и возросшей ролью этих племен в жизни города.

11. Сосуды из грубой глины изготовлялись из глиняного теста двух типов: с примесью шамота, песка, слюды, иногда толченого известняка и толченой ракушки, слюды и песка. Наиболее ранние формы лепной посуды изготовлялись без примеси ракушки. Начиная с III в. до н. э. эти два типа глин сосуществуют. При этом тип кастрюлеобразного тонкостенного горшка изготовлялся только из глины с примесью ракушки. Очевидно, различные примеси связаны с функциональным назначением сосудов.

Наиболее грубые примеси (крупнотолченая ракушка, дресва и т. д.) добавлялись в грубые кухонные сосуды, постоянно подвергавшиеся нагреванию и закапчиванию.

12. Более или менее однообразные формы, одинаковый характер глины, возможность проследить эволюцию некоторых форм (горшок, кастрюля, миска) и орнамент от эпохи последних веков до н. э. до средневековья могут свидетельствовать о постепенном изменении состава городского населения, о постепенном проникновении в него представителей окружающих племен, а также о генетической связи ранне-средневековой, так называемой салтово-маяцкой культуры с культурой предшествующей античной эпохи.

И. Б. Зеест

К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛЕ ПРИКУБАНЬЯ С ФАНАГОРИЕЙ

(По материалам остродонных амфор из раскопок Елисаветинского и Семибратнего городищ)

Среди городов Боспора Фанагория по праву занимает второе место после Пантикапея. Страбон называет ее столицей азиатской части Боспора, указывая, что «для товаров, идущих из Меотиды и выше ее лежащей варварской страны, складочным местом служит Фанагория» [1]. Этим Страбон отмечает значение Фанагории как центра внутренней торговли, в отличие от Пантикапея, участвовавшего в широкой торговле, в порт которого поступали товары, «доставляемые туда с моря» из отдаленных греческих центров.

Указание Страбона на значение Фанагории как большого рынка, куда стекались товары из основной части меотийской периферии, подтверждается местоположением этого города. Из восточной части Приазовья на Фанагорию шел каботажный путь через приморские меотийские поселения: Тирамбу, Киммерик на Фанталовском полуострове, Патрей. Страны, лежавшие за Меотидой, связаны с районом Прикубанья, откуда товары направлялись вниз по течению Гипаниса (Кубани), в устье которого в древности и находилась Фанагория.

В настоящее время, в связи с изменением русла Кубани, Фанагорийское городище оказалось в стороне, но историческая топография этого района позволяет восстановить древнее местонахождение Фанагории у выхода речного пути в море.

Фанагорийское городище лежит на берегу Таманского залива, в древности именовавшегося Каракондамским озером, куда впадал один из рукавов Гипаниса, образуя два острова. «...Фанагория и Кепы лежат на названном острове по левую руку для вплывающего в озеро, а прочие города — по правую, за Гипанисом в Синдике» [2]. Таким образом, Фанагория в древности находилась в устье Кубани и являлась большим приморским портом, связывавшим район Прикубанья с эллинским миром.

Район Прикубанья, являвшийся обильным источником местных товаров, определил блестящее экономическое развитие Фанагории, превратившейся вскоре из небольшой колонии теосских поселенцев в богатый боспорский город, имевший большое экономическое и политическое значение.

В то же время появление фанагорийского рынка оказалось важным фактором в развитии экономики местных поселений. Продукты сельского хозяйства и скотоводства нашли сбыт на фанагорийском рынке. Это способствовало быстрому росту хозяйства и образованию новых местных центров, через которые осуществлялись торговые сношения с приморским рынком.

Как свидетельствует Страбон, Фанагория была тем местом, куда «привозились товары» [1] и откуда преимущественно импортные товары и различные ремесленные изделия направлялись в местные центры Прикубанья, выделявшиеся среди многочисленных местных городов своим более эллинизированным обличием.

Эти «античные» кубанские городища еще недостаточно изучены. Раскопками только частично исследованы два из них: Семибратнее [2] (близ ст. Варениковской) и Елисаветинское [3] (недалеко от Краснодара [4]). Археологический материал этих городищ содержит большое количество обломков остродонных амфор, попадавших сюда, в основном, в

[1] Strabo, XI, 2, 10.
[2] Там же.

[1] Там же.
[2] Раскопки Н. В. Анфимова 1938, 1939, 1940 гг.
[3] Раскопки В. А. Городцова 1933, 1934, 1935 гг.
[4] Кроме того, разведками Н. В. Анфимова установлено наличие нескольких других городищ на Кубани с античным культурным слоем.

качестве керамической винной тары. Ниже мы попытаемся сравнить этот материал с фанагорийским и выяснить, в какой степени керамическая тара проникала из Фанагории на восток, в Прикубанье. Это позволит сделать некоторые выводы об участии различных местных центров во внутренней торговле с приморским центром Боспора.

На Елисаветинском городище материал классического времени очень скуден. Обломки чернолаковой керамики немногочисленны. Наиболее ранние, относящиеся к IV в. до н. э., представлены единичными фрагментами. Среди обломков амфор имеется лишь одна ножка хиосской амфоры V — начала IV в. (рис. 1, *2*) и одна ножка IV—III вв. до н. э., служившая лощилом. Других амфор этого или более раннего времени в городищенском материале не имеется [1].

Материал эллинистического времени III и, в особенности, II в. до н. э. на Елисаветинском городище значительно обильнее. Среди обломков керамической тары выделяются группы синопских и родосских амфор. 69 клейменых родосских ручек (принадлежащих не менее чем 35 экземплярам) и несколько обломков профилированных частей этих сосудов свидетельствуют о значительности родосского импорта. Не уступает ему импорт синопских амфор (36 клейменых ручек). Эти клейма, в основном, относятся ко II в. до н. э.[2] Прочие группы эллинистических амфор найдены на городище в меньшем количестве. Б. Н. Граков отмечает среди клейм Елисаветинского городища одну фасосскую и две книдские ручки. К этому перечню можно добавить еще одну косскую ручку из подъемного материала на городище (находится в Краснодарском музее) с клеймом: ...ΔΑ и ножку амфоры того же типа (рис. 5, *2*) из раскопок Городцова 1934 г. К числу амфор эллинистического времени нужно отнести ножку амфоры (МАЭ, № 5338/309), которая принадлежит к одному из типов херсонесских амфор II в. до н. э.[3], найденных в Херсонесе в комплексе обжигательной печи 1900 г. с клеймами астинома Истрона (рис. 5, *6*).

Особенно интересен фрагмент ножки остродонной амфоры, найденной Н. В. Анфимовым на Елисаветинском городище в 1946 г. (рис. 5, *5*), находящейся в Краснодарском музее. Глина этой амфоры серо-коричневая, без примесей и хорошо обожженная. Она бесспорно является продуктом местного производства, так как носит следы явного керамического брака (об этой группе амфор подробно будет сказано несколько ниже).

[1] Возможно, что археологические материалы из раскопок В. А. Городцова, хранящиеся в МАЭ, не отражают полностью античный материал городища.

[2] Б. Н. Граков. Клейменая керамическая тара эпохи эллинизма. Архив ИИМК.

[3] Р. Б. Ахмеров. Амфоры древнегреческого Херсонеса, ВДИ, 1947, № 1, стр. 165—167, рис. 4.

Привоз чернолаковой керамики в III—II вв. обильнее, чем в предшествующий период. Обломки ее большей частью принадлежат тарелкам и мискам малоазийского происхождения. Часто встречаются флаконы, причем, наряду с привозными флаконами имеются экземпляры местной работы. За исключением рядовой чернолаковой керамики, почти никаких фрагментов художественной посуды здесь нет. Исключение составляет обломок сероглиняной «мегарской» чаши из подъемного материала на городище [1]. На донышке имеется клеймо мастера ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. Эта группа сероглиняных «мегарских» чаш с лучеобразным орнаментом и полосками бус в середине каждого луча происходит из местных боспорских мастерских, что засвидетельствовано нахождением подобной керамической формы в Пантикапее [2]. Имя ΔΗΜΗΤΡΙΟΣ имеется на клейме тонкостенного сосуда (Эрмитаж, № 528 [14]), фанагорийское происхождение которого подтверждается находкой в Фанагории серии аналогичных сосудов с керамическим браком [3]. Таким образом, найденный на Елисаветинском городище обломок с большой долей вероятности может быть отнесен к числу фанагорийских керамических изделий.

Большой интерес представляет также форма для изготовления терракотовой женской головки (МАЭ, № 275). Тип этой головки — греческий, раннеэллинистический. Он характерен для эллинистической коропластики послепраксителевского времени, но глина формы местная. Таким образцом для местного производства некоторых терракот послужил греческий тип терракоты, который мог сюда проникнуть из Фанагории.

Преобладающим археологическим материалом Елисаветинского городища является местная сероглиняная и лепная керамика. В основном это чашки на поддонах и на кольцеобразных ножках, кувшины, кухонная посуда, большие, плоские пирамидальные грузила. Сероглиняная керамика отличается прекрасной выделкой, свидетельствующей о высоком уровне местного гончарного производства.

Привозные изделия, которые значительно уступают в количественном отношении местным, представляют те группы археологического материала, которые в изобилии встречаются в раскопках самой Фанагории и составляют там наиболее рядовой, постоянный материал.

Как было уже сказано, наряду с привозной греческой керамикой встречаются боспорские изделия. О торговых связях Елисаветинского городища с Боспором и с самой Фанагорией свидетельствуют также находки монет,

[1] Находится в Краснодарском музее.

[2] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея 1946 г. Памятники искусства, Бюллетень ГМИИ, 1947, № 2, стр. 14, рис. 8.

[3] Раскопки В. Д. Блаватского в Фанагории 1940 г.

которые принадлежат пантикапейской и фанагорийской чеканке IV—III вв. до н. э.[1]

Раскопанный В. А. Городцовым грунтовой могильник, непосредственно примыкавший к городищу, по характеру находок идентичен городищу. Здесь тоже преобладает сероглиняная сарматская лощеная керамика и лепные сосуды. Интересующая нас группа остродонных амфор и здесь находится в том же соотношении с местной керамикой. Среди амфорного материала здесь, как и на городище, преобладают родосские и синопские амфоры. Пять целых родосских амфор происходят из этого могильника[2]. Одна из этих амфор (рис. 4, *3*) из погребения № 37 (МАЭ, № 5266/211) была найдена совместно с краснолаковым сосудом № 212, разыскать который в коллекции не удалось. Очевидно, это мисочка позднеэллинистического лака II в. до н. э. Размеры амфоры очень значительны: примерная высота ее — 0,84 м[3], наибольшая ширина — 0,35 м и высота ручек — 0,23 м, диаметр горла — 0,12 м. Ручки высоко подняты в углах. Одно клеймо на ручке совершенно стерто, другое клеймо однострочное, читается: Σω[κρά]τευ[ς. Кроме того, в ряде могил были найдены ручки родосских амфор, служившие лощилами.

В том же могильнике найдены три синопские амфоры в погребениях № 18, 43 и 7 (раскопки 1935 г.). Одна из этих амфор (рис. 4, *6*) неклейменая. У двух других — сильно стертые клейма. Амфоры несколько различны по своим размерам, но однотипны по форме и характеризуются округлыми очертаниями тулова, слегка раздутой формой горла; их ножки не высоки — 0,05 м и приближаются к конической форме. Высота одной из амфор 0,66 м, диаметр — 0,34 м, высота ручек — 0,15 м, диаметр горла — 0,09 м. Все три амфоры совместными находками датируются II в. до н. э.[4].

В погребениях с синопскими амфорами наряду с сероглиняной и чернолощеной керамикой был найден красноглиняный флакон (№ 214).

Флаконы в этом могильнике встречаются постоянно. Большая часть из них малоазийского происхождения. Их глина — светло-коричневая, с мелкими блестками слюды. Часто флаконы бывают покрыты красным эллинистическим лаком. Иногда лаком покрывалась только внутренняя поверхность флакона, что способствовало непроницаемости сосуда, содержащего ароматические вещества. Наряду с привозными флаконами часто употреблялись флаконы местного производства, отличающиеся более грубой формовкой и отделкой поверхности и глиной красновато-оранжевого оттенка, очень тонкой и хорошо отмученной. Именно такого типа флакон был в инвентаре погребения № 7. Там же находились железные трехгранные втульчатые наконечники стрел, характерные для кубанских погребений III—II вв. до н. э.

Точнее дата погребения с эллинистической чашкой, снабженной двумя небольшими горизонтальными ручками, прилепленными к краям в виде бантиков. Верхняя часть сосуда с наружной стороны и внутренняя поверхность его покрыты бурым эллинистическим лаком. Форма чашки и лак позволяют датировать ее и весь комплекс могилы № 43 II в. до н. э.

Нам известен другой, более ранний тип синопской амфоры. В Феодосийском музее имеется целая амфора с клеймом:

N]ικομη(δης)
'αστυνο(μου)
Μάνεω

Орел на дельфине

Это клеймо Б. Н. Граков относит к концу хронологического периода I группы, т. е. ближе к 270 г. до н. э.[1] Феодосийская амфора (рис. 4, *4*) отличается более массивными формами, плечи ее подняты выше, ножка имеет почти цилиндрическую форму, венец исполнен в виде валика.

В Елисаветинском могильнике была найдена амфора, по форме напоминающая косскую, но сделанная из совершенно другой глины.

Косские амфоры хорошо засвидетельствованы клеймами. Глина их чистая, хорошо промытая, светлокоричневая, нежно розового оттенка; в этой глине присутствует небольшое количество очень мелких блесток слюды. Подобная целая неклейменая амфора имеется в Киевском музее из б. собрания Ханенка[2]. У косских амфор длинное, вытянутое тулово, оканчивающееся низкой профилированной ножкой (рис. 5, *2*). Горло прямое, невысокое, отделенное от плеч профильком, ручки двухстворчатые, и довольно полный венец, резко подчеркнутый острым инструментом снизу. Поверхность покрыта светлой облицовкой.

В погребении № 20 встречена раздавленная амфора (рис. 5, *3*). Сходство ее формы с формой косских амфор очевидно, но она отличается некоторыми особенностями: ее двустворчатые ручки более массивны и небрежно отделаны (особенно с внутренней стороны), профилек, четко отделяющий горло косской амфоры от плеч, здесь заменен слегка углубленной бороздкой, ножка проще профилирована, хотя в основе ее лежит та же кон-

[1] Определены А. Н. Зографом; они хранятся в МАЭ.
[2] Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья, КСИИМК, XVI, 1947, стр. 155.
[3] Амфора реставрирована.
[4] Комплексы датированы Н. В. Анфимовым.

[1] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, М., 1928, стр. 115, № 18.
[2] Древности Приднепровья, II, табл. XXV, № 790. См. также: A. Maiuri. Nuova Silloge epigrafica di Rodi e Cos., Firenze, 1925.

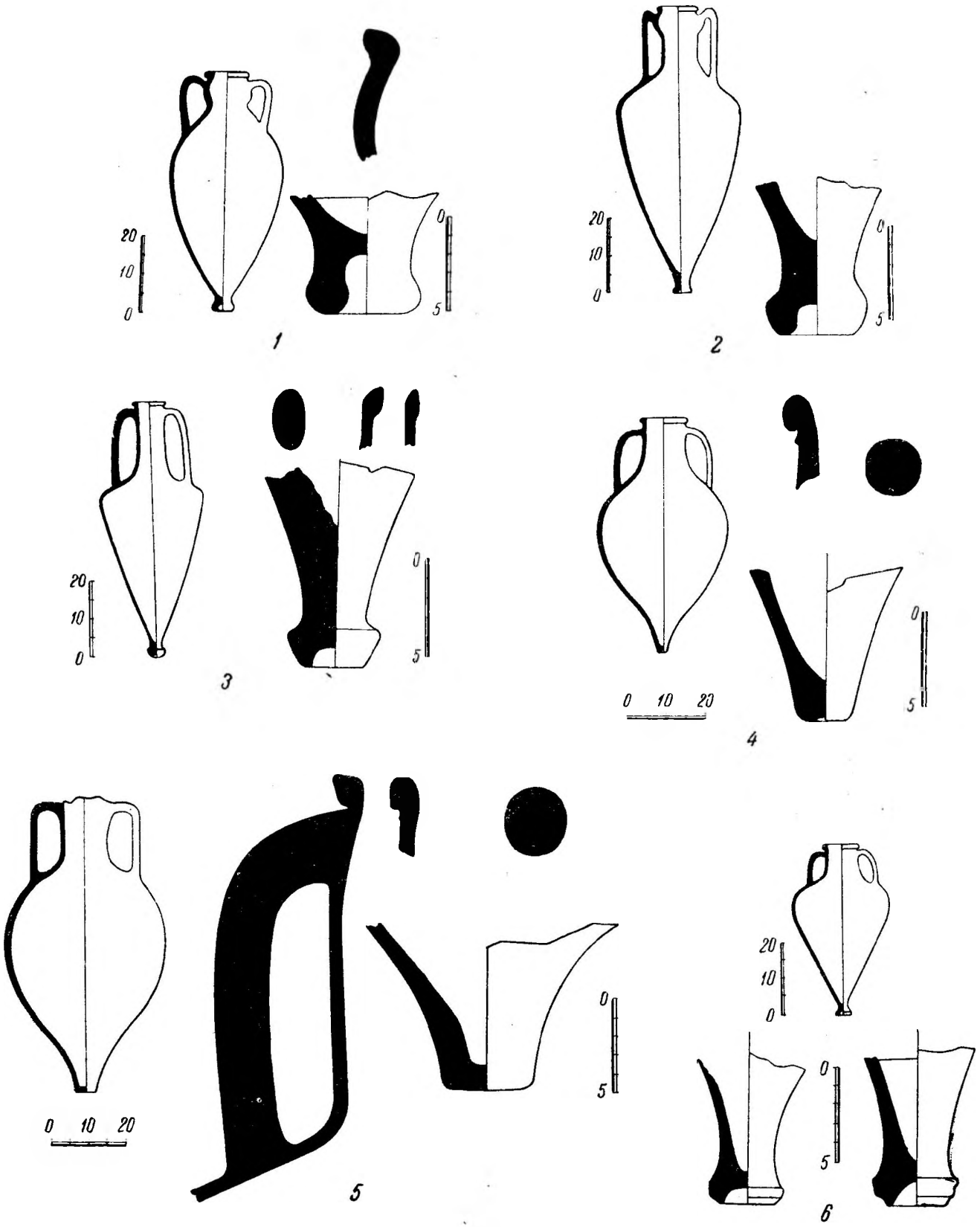

Рис. 1.

1 — хиосская амфора VI—V в. до н. э.; *2* — хиосская амфора V — нач. IV в. до н. э.; *3* — хиосская амфора IV в. до н. э.; *4* — амфора со стаканообразной ножкой V в. до н. э.; *5* — местная амфора темной глины V в. до н. э.; *6* — «протофасосская» амфора V в. до н. э.

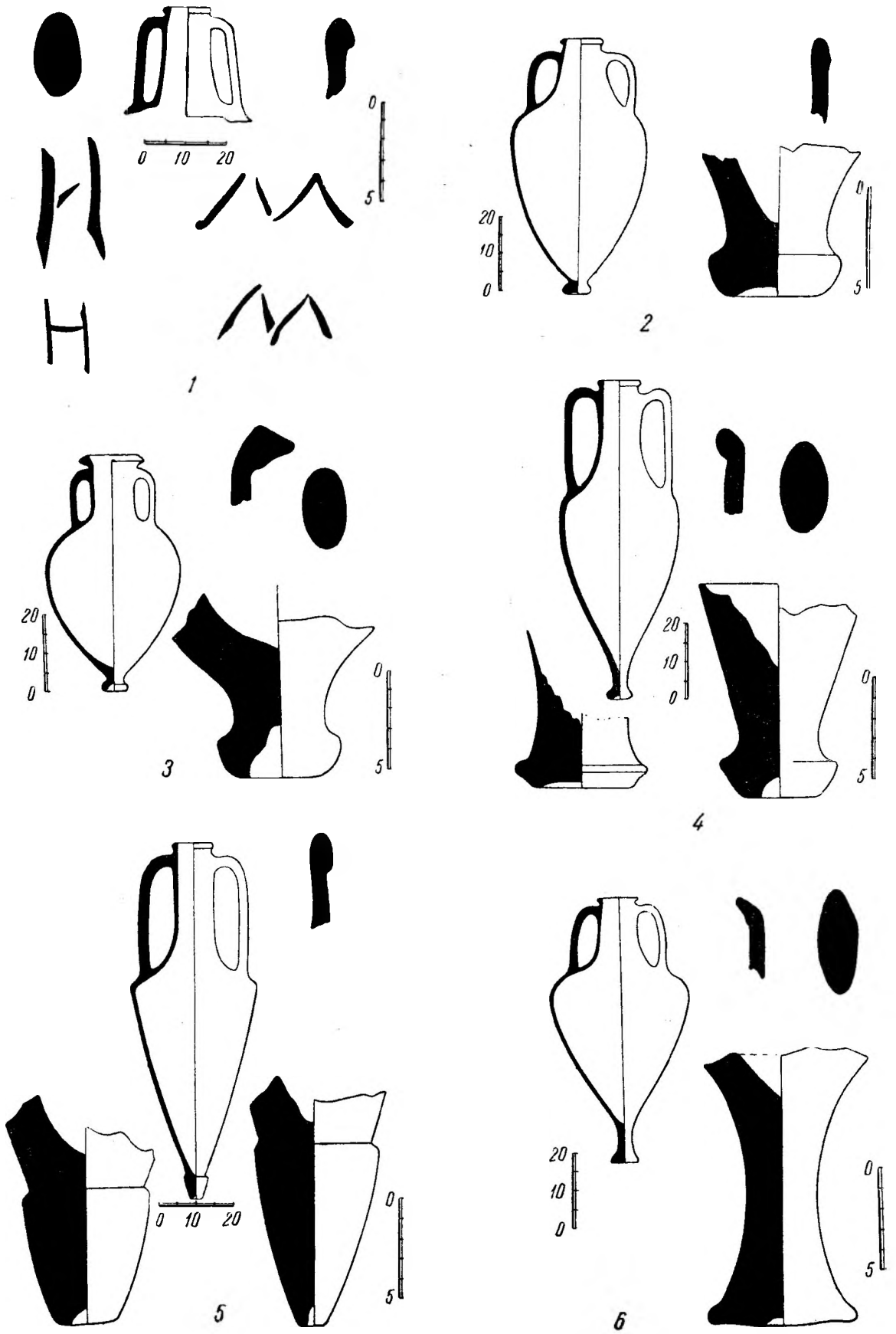

Рис. 2.

1 — красноглиняная амфора из Елисаветовского некрополя; *2* — боспорская амфора IV — III в. до н. э; *3* — амфора первого солохинского типа; *4* — амфора красноглиняная IV — III вв. до н. э.; *5* — амфора с «колпачковой» ножкой; *6* — амфора с рюмкообразной ножкой

струкция, и, кроме того, она крупнее и выше. Венец довольно массивный и напоминает венец косской амфоры. Поверхность, как и у косских амфор, покрыта светлой обмазкой. Однако если форма амфоры из погребения № 20 сходна с формой косских, то глина ее иного качества: зерно этой глины гораздо грубее, и в ней присутствуют значительные включения песка, мелких черных частиц (туф?) и блестящего кварца. Сосуд тяжелый и поверхность его шероховатая. На двуствольных ручках в этой глине, в отличие от косских, никогда не встречаются клейма. Никаких совместных с амфорой находок в погребении не было, но датировка ее может быть установлена на основании многочисленных находок обломков подобных амфор в эллинистических слоях городов Боспора III—II вв. до н. э.

Ни одного экземпляра гераклейских и фасосских амфор в раскопках грунтового могильника встречено не было.

В Краснодарском музее имеются две целые амфоры, происходящие из Елисаветинской станицы (не имеющие более точного паспорта). Одна из них, возможно, относится к группе книдских амфор. Эта амфора отличается широким в плечах туловом и довольно высоким горлом (рис. 4, *5*). Нижняя часть тулова коническая и оканчивается узкой цилиндрической ножкой, отделенной от тулова кольцеобразным налепом. Венчик амфоры довольно широкий, четко профилирован и имеет плоские вертикальные стороны в виде невысокого обруча. Мы не можем с полной уверенностью отнести эту амфору к типу книдских, так как клеймо, имеющееся на одной из ручек, стерто и не поддается прочтению. Однако профиль ножки ее полностью совпадает с типом ножки книдских клейменых амфор (рис. 4, *2*). Очертания ее тулова и ручек также совпадают с типами книдских амфор, но плоский обручеобразный венец ни разу не был встречен на известных нам книдских образцах, что заставляет с большой осторожностью отнести краснодарскую амфору к книдской группе.

Нужно вместе с тем заметить, что книдские амфоры нам очень мало известны и в Советском Союзе нет ни одного целого клейменого экземпляра.

Возможно, что краснодарский экземпляр является одним из вариантов типа книдской амфоры. Профиль ножки с невысоким цилиндрическим концом и поднятые углом ручки заставляют отнести эту амфору, по аналогии с формами книдских амфор, ко времени не ранее II в. до н. э.

Другая амфора неклейменая, но особенности формы позволяют отнести ее к числу херсонесских амфор II в. до н. э. (рис. 5, *6*).

Особо следует выделить амфору местного производства № 5338/1257), один экземпляр которой (раздавленный) находится в погребении № 14 (рис. 5, *5*). Стенки амфоры гладкие, тонкие, и весь сосуд отличается тщательной формовкой. Горло слегка раздуто, и с внутренней стороны его на месте, соответствующем прикреплению ручек, имеются небольшие углубления. Ножка низкая, коническая, полая внутри [1]. Ручки небольшие, с выпуклым продольным гребнем на наружной стороне и продольной выемкой на обратной стороне ручки. Глина этой амфоры чистая, хорошо отмученная, оранжеватая, с включениями мелких блесток слюды. По всем признакам эта глина совпадает с глиной местных изделий типа кувшинов и мисок. Из этой же глины изготовлялась и местная сероглиняная керамика, но при иных условиях обжига.

Совместно с амфорой в погребении № 14 был обломок бронзового зеркала и сероглиняная лощеная керамика: обломки миски с загнутыми внутрь краями, кольцеобразная ножка которой очень низка, небрежно сделана, почти смазана. Такая же низкая, почти не выделяющаяся кольцеобразная ножка имеется на другом сероглиняном сосуде с одной горизонтальной округлой ручкой.

В этом же комплексе обнаружена небольшая сероглиняная лощеная чашка на высоком поддоне. Высота — 7 см, диаметр поддона — 5,2 см. Особенностью этой формы является резкая отогнутость краев, четкая и жесткая профилировка сосуда. Подобные небольшие чашечки на высоких поддонах встречаются в кубанских погребениях II—I в. до н. э. [2].

К этой дате должна быть отнесена и местная елисаветинская амфора. Мы не знаем ни одного целого или лучше сохранившегося экземпляра амфоры этого типа. В массовом материале Семибратнего городища фрагменты этих амфор встречались неоднократно, но кроме кубанских городищ этот тип амфор нигде не был засвидетельствован.

Сравнение массового археологического материала Елисаветинского городища и его могильника показывает общность этого материала. Как на городище, так и в могильнике доминирует местная сероглиняная лощеная и лепная керамика.

Керамическое производство в Елисаветинском городище было широко развито: это установлено и наличием керамических обжигательных печей. Местная керамическая продукция не только многочисленна, но и разнообразна. В местной глине, серой или красно-оранжевой, выполнялись многочисленные формы простой керамики: те же миски с загнутыми внутрь краями, закрытые сосуды типа кувшинов, фла-

---

[1] Подобная ножка амфоры, со следами керамического брака, была найдена на Елисаветинском городище в 1946 г.

[2] Сероглиняная керамика датирована Н. В. Анфимовым и К. Ф. Смирновым.

коны, амфоры вышеприведенного типа, а также пряслица, грузила и черепица.

Начиная со второй половины IV в. до н. э. сюда проникали через Фанагорию различные греческие изделия, но в ограниченном количестве.

Частично это были греческие изделия, частично изделия боспорских городов и самой Фанагории.

Вся местная керамическая продукция в эллинистический период, в который мы застаем ее на Елисаветинском городище, носит черты сильной эллинизации, которая сочетается с ярко выраженными местными особенностями керамики Прикубанья. Так, в сероглиняной керамике широко распространены формы, в основе которых лежат античные прототипы[1]: встречаются сероглиняные канфары, сероглиняные патеры, чашечки типа аттических чернолаковых солонок, флаконы. Особенно распространена форма сероглиняного канфара. В основе ее лежит тип греческого канфара, повторенный в деталях, но в иной интерпретации. В то время как тулово греческого канфара всегда четко расчленено на нижнюю широкую часть вместилища (часто канелированную) и верхнюю, более легкую и всегда гладкую часть, а ручки конструктивно состоят из двух частей: нижней — вертикальной и верхней — горизонтальной, сероглиняный канфар лишен четкого членения на верхнюю и нижнюю части: поверхность его вся гладкая, и тулово представляет единую форму, расширяющуюся воронкообразно кверху. Легкое расширение (утолщение) нижней части сосуда механически передает одну из особенностей формы прототипа. Подобно греческому канфару, у него высокая, профилированная ножка и две вертикальные ручки. Однако ручки здесь сделаны совершенно иначе: они круглые в сечении, и хотя внешне подражают греческим канфарам, но вместо верхней пластины, приспособленной для нажима пальца, ручка сероглиняного канфара снабжена шипообразным выступом. Сероглиняный канфар сохраняет все особенности местной керамики не только по технике, но и по трактовке формы, при которой привнесенная греческая форма осталась лишь внешней и не понятой мастером. Остродонные амфоры еще в большей степени носят местный характер. По существу, тип местной небольшой тонкостенной амфоры трактован как форма кувшина. Подобно всякой остродонной амфоре, она снабжена двумя ручками и коническим дном. Однако изящные размеры их, тонкая стенка с хорошо сглаженной поверхностью, горло со сложной профилировкой, небольшие ручки, плоские в сечении и тщательно профилированные, позволяют усмотреть в этих сосудах прямую связь с многочисленными формами кувшинов. С последними у этой местной амфоры гораздо больше сходства, чем с любой другой формой из числа привозных остродонных амфор, служивших прочной тарой для дальних перевозок. Местная сероглиняная амфора не приспособлена для транспорта. И действительно, этот хрупкий сосуд имеет ограниченную сферу распространения в пределах кубанских городищ и нигде не был встречен за пределами Елисаветинского и Семибратнего городищ. Флакон из местной красной глины появился как прямое подражание греческой эллинистической форме флакона. Его отличают чисто технические особенности: местная красная глина, более округлая форма тулова и отсутствие покрывающего поверхность лака.

Некоторые формы тонкостенной посуды типа кувшинов очень сходны с привозными и, в особенности, с боспорскими изделиями. Эти формы возникали на основе непосредственных образцов тонкостенной боспорской керамики с витыми ручками, которая неизменно встречается здесь.

Особый интерес представляет черепица. Хотя в материале раскопок В. А. Городцова ее слишком мало, чтобы делать общие выводы, но наблюдение над встреченным здесь типом черепицы заслуживает внимания. Немногочисленные обломки черепицы, находящиеся в коллекции МАЭ, позволяют реконструировать форму солена (за исключением его длины). Она полностью совпадает с формой хорошо известных боспорских соленов[1], отличаясь лишь в деталях размеров профилей. Однако глина этой черепицы совершенно отлична от глины боспорской черепицы. Она не имеет заметных включений, кроме небольшого количества слюды. Цвет ее светлокоричневый, красноватый. Возможно, что эта черепица изготовлялась на месте или в мастерских Фанагории. Эти группы черепиц пока еще не выделены. Несомненно только, что она не является продуктом боспорских царских мастерских, но выполнена по их образцам в другой глине, возможно, местной. О калиптерах можно судить на основании материала Семибратнего городища, где обломки калиптеров в той же глине были встречены наряду с боспорской черепицей. Форма калиптера тоже совпадает с формой эллинистического боспорского калиптера. Встречаются фрагменты этих калиптеров, покрытые белой обмазкой.

Употребление черепицы не имело своей традиции в местном производстве и началось лишь с проникновением сюда культуры Боспора, оказавшей известное влияние на местную архитектуру. В какой степени принципы греческой строительной техники и греческого градо-

[1] Эта особенность в сероглиняной кубанской керамике была отмечена в специальном исследовании Н. В. Анфимова (доклад, прочитанный на пленуме ЛОИИМК в 1945 г.).

[1] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы, ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 222, рис. 60.

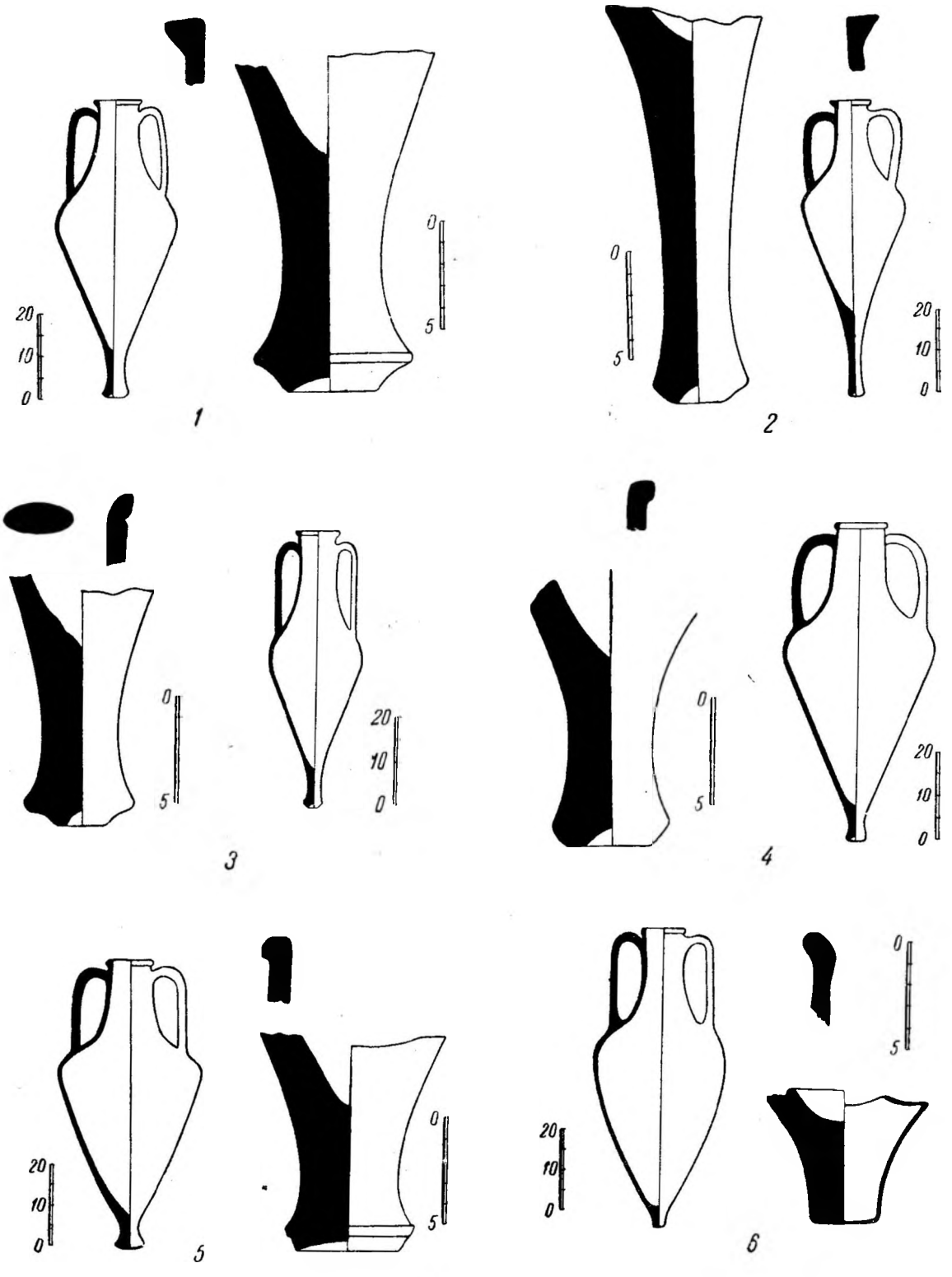

Рис. 3.

1 — фасосская амфора IV в. до н. э.; *2* — фасосская амфора III—II в. до н. э.; *3*—*6* — фасосские амфоры III в. до н. э.

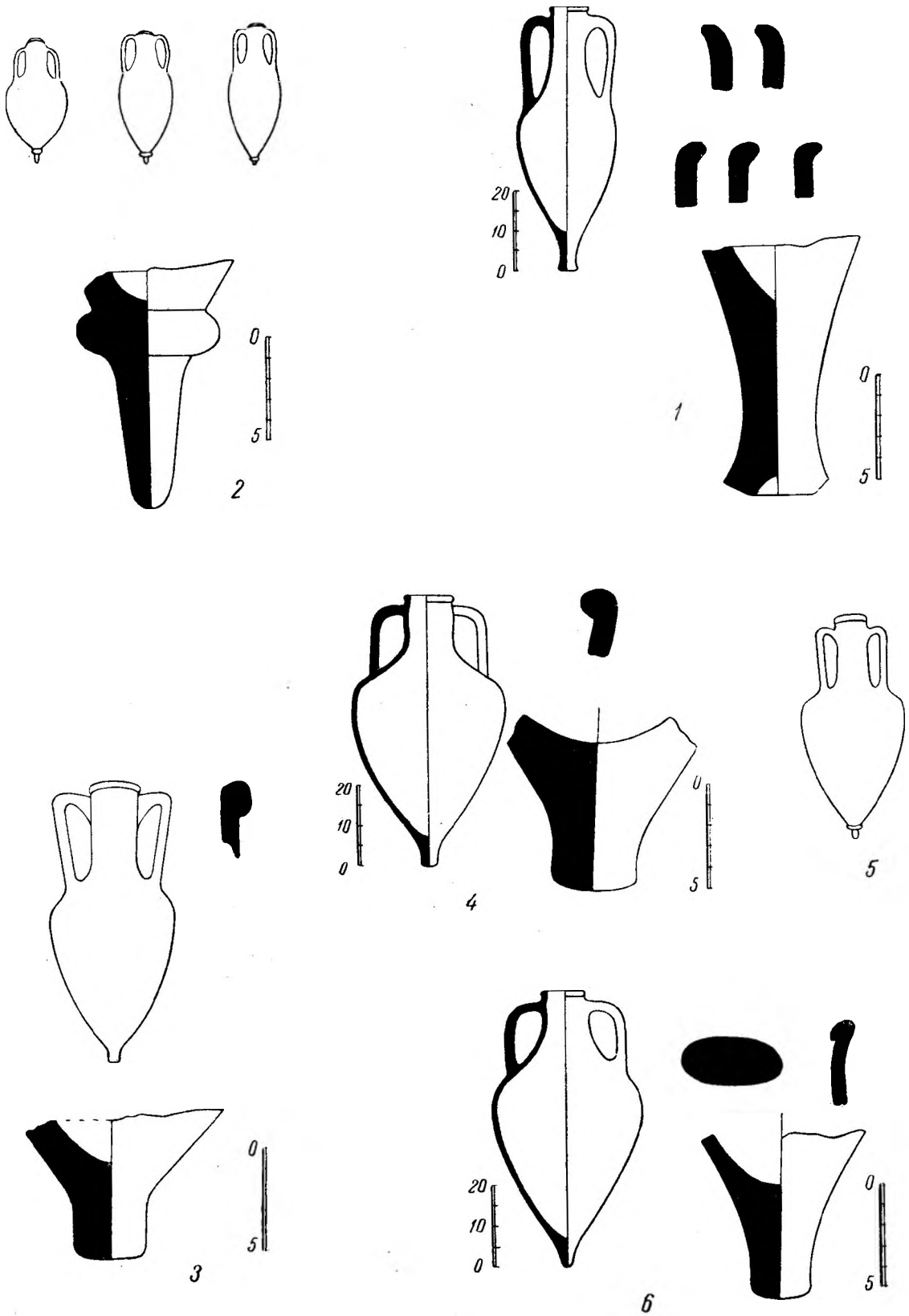

Рис. 4.

1 — гераклейская амфора III в. до н. э.; *2* — три типа книдских амфор; *3* —родосская амфора III—II в. до н. э.; *4* — синопская амфора нач. III в. до н. э.; *5* — книдская амфора из Елисаветинской станицы; *6*—синопская амфора II в. до н. э.

строительства нашли здесь применение и развитие,— судить трудно из-за ограниченности раскопочных данных. Скорее можно предположить, что строительное дело, как и область керамического производства, сохраняло свои местные традиционные черты, которые в известной степени подверглись эллинизации. Характерно, что никаких остатков архитектурной декорировки зданий (элементов ордера, расписной стенной штукатурки, облицовок мрамора или керамических украшений крыши) среди городищенского материала обнаружено не было. Вместе с тем, Елисаветинское городище не дало до сего времени ни одной греческой надписи, что также подтверждает негреческий, местный характер культуры этого города.

Как было уже отмечено выше, весь археологический материал городища и его могильника преимущественно носит местный самобытный характер. Местные черты культуры нашли выражение в обряде погребения и в особенностях городского строительства. Об этом же свидетельствуют многочисленные предметы обихода, орудия труда и вооружение.

Торговые связи, установившиеся с греческим приморским центром Боспора (в первую очередь с Фанагорией) способствовали проникновению элементов эллинской культуры в быт этого крупного городища Прикубанья.

* * *

Далее мы попытаемся изложить общую картину проникновения в Елисаветинское городище греческих товаров, связанных с керамической тарой, и выяснить, каково было участие этого отдаленного центра во внутренних торговых связях.

Как уже было отмечено, наиболее значительной группой амфорного материала на Елисаветинском городище являются родосские и синопские амфоры, датировка которых в большей своей части относится ко II в. до н. э.

Обе эти группы в эллинистическое время составляют главный предмет ввоза в Северное Причерноморье, но участие Синопы и Родоса в мировой торговле, как показал Б. Н. Граков, было различно.

Торговля Родоса носила характер широких международных торговых связей, в то время как Синопа почти исключительно направляла свой импорт в Северное Причерноморье. Употребление синопского и родосского вина в III и особенно во II в. до н. э. прочно вошло в быт местного населения Боспора. Вино употребляли не только в портовых городах, куда оно доставлялось непосредственно, но также еще и в тех отдаленных небольших городах, связь которых с приморскими центрами носила более тесный характер, способствуя бытовой эллинизации местного населения. Это подтверждают и новые раскопки Неаполя Скифского и обильное проникновение родосских амфор в Прикубанье.

Все прочие группы керамической тары, как уже было сказано, значительно уступают количественно и родосским и синопским и, в основном, тоже относятся к эллинистическому времени. Эти группы представлены единичными находками косских, книдских и херсонесских амфор. Во II—I вв. до н. э. здесь развивается местное производство керамической тары.

Как видно из вышеприведенного перечня, на Елисаветинское городище и в его некрополь почти не проникают группы гераклейских и фасосских амфор IV—III вв. до н. э., а также все неклейменые амфоры этого времени: боспорские IV—III вв. до н. э., колпачковые, амфоры с рюмкообразной ножкой, типы солохинских амфор и некоторые другие, которые в большом количестве имеются в самой Фанагории (рис. 2, *2—6*).

Таким образом, в самом начале основания города и на протяжении ближайшего столетия импортные изделия и в том числе привозимые продукты в керамической таре, если и проникали сюда, то в весьма ограниченном количестве. Ввоз начинает заметно усиливаться с середины III в. до н. э., достигает наибольшего размера во II в. до н. э. и продолжается еще в I в. до н. э. Во II—I вв. до н. э. возникло местное производство амфор, которое, по всей вероятности, связано с развитием местного виноделия. Производство это приняло настолько значительные размеры, что удовлетворяло не только местные потребности, но и распространилось и на соседний центр (Семибратнее городище).

Определив основные группы амфор, найденных на Елисаветинском городище, сопоставим этот материал с аналогичным материалом самой Фанагории и Семибратнего городища, находящегося в низовье Кубани на пути от Фанагории к Елисаветинскому городищу. Еще в V в. до н. э. происходит интенсивный ввоз в Семибратнее городище почти всех форм керамики раннеклассического времени, обычных и в Фанагории. Главным образом, это амфоры хиосские с раздутыми горлами, амфоры V в. со «стаканообразным» коническим дном и круглой ручкой, (рис. 1, *4*), а также амфоры «протофасосского» типа (рис. 1, *6*).

В дальнейшем, на протяжении IV—III вв. до н. э. преобладает ввоз гераклейских и несколько уступающий ему ввоз фасосских амфор. Одновременно сюда ввозятся и многочисленные неклейменые амфоры IV—III вв. до н. э. типа «колпачковых» (рис. 2, *5*), амфор с «рюмкообразной» ножкой (рис. 2, *6*) и амфор с широкими венцами, подобных найденным в кургане Солоха (рис. 2, *3*) и др.

Из эллинистических типов III—I вв. до н. э. встречаются в ограниченном количестве косские и книдские амфоры и почти совершенно отсутствуют родосские. Синопские амфоры

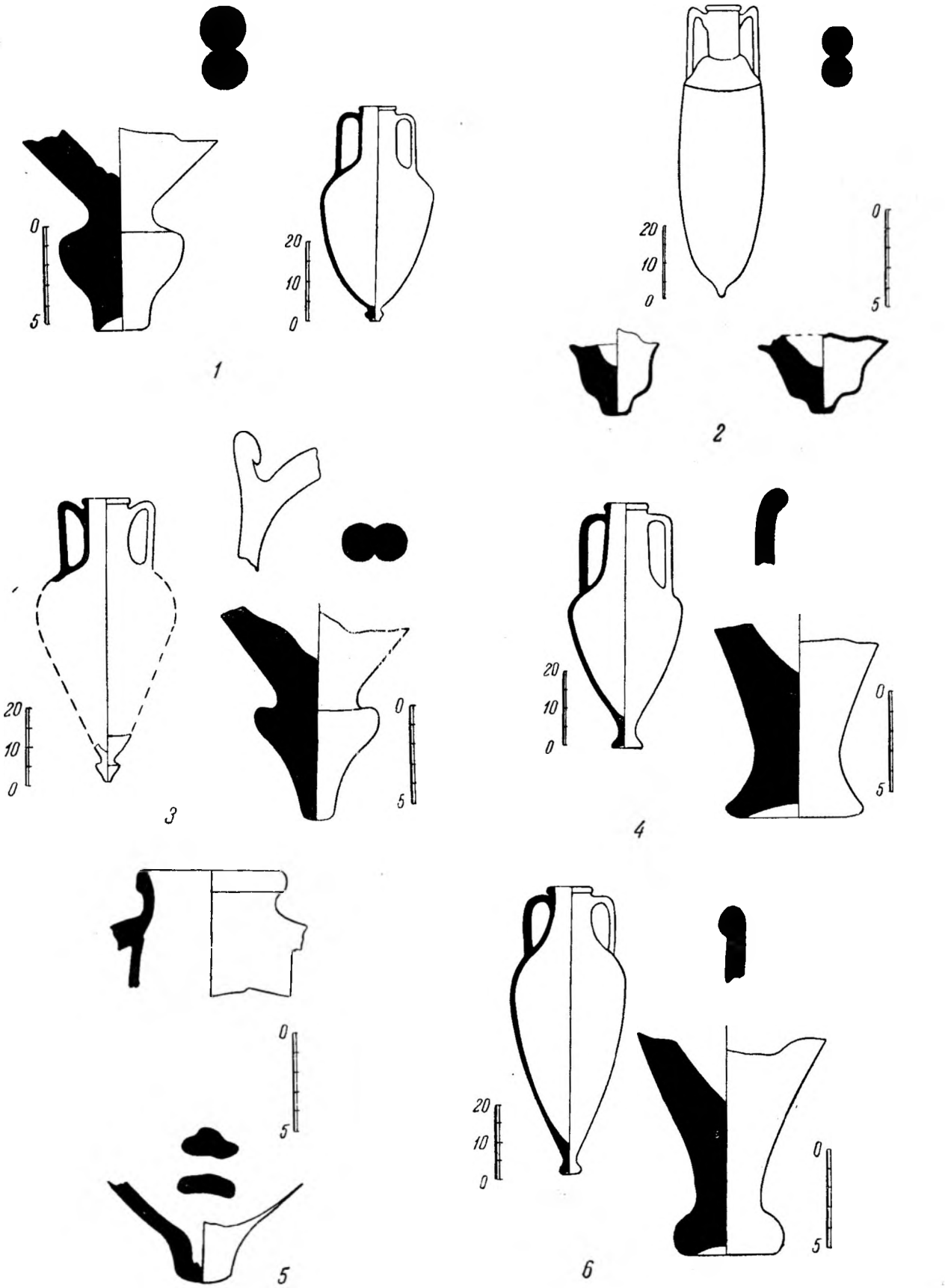

Рис. 5.

1 — амфора с двустольными ручками типа марицынской; *2* — косская амфора; *3* — амфора с двуствольчыми ручками из Елисаветинского некрополя; *4* — херсонесская амфора из Елисаветовского некрополя; *5* — местная елисаветинская амфора; *6* — херсонесская амфора из Елисаветинского некрополя

встречаются здесь в небольшом количестве и преимущественно относятся к ранним типам, т. е. конца IV — начала III в. до н. э. В Фанагории встречаются все вышеперечисленные группы керамической тары, а родосские и синопские амфоры составляют во II в. до н. э. главный предмет импорта.

Во II—I вв. до н. э. в Семибратнее городище в довольно значительном количестве привозятся местные «елисаветинские» амфоры. В дальнейшем здесь выделяется ввоз светлоглиняных амфор с двуствольными ручками I в. до н. э.— I в. н. э., различных амфор I и II вв., которые также в большом количестве имеются в Фанагории. Керамическая тара ввозится сюда вероятно и в более позднее время.

Таким образом, в Семибратнее городище со времени его основания, т. е. с V в. до н. э., и на протяжении IV—III вв. до н. э. поступают в обилии все сорта вин и прочих продуктов, имеющихся на фанагорийском рынке.

Однако в III—II вв. до н. э. ввоз этих продуктов в Семибратнее городище резко падает; в то же время в Елисаветинском городище, начиная с середины III и, в особенности, во II в. до н. э., наблюдается подъем греческого импорта. Наиболее ярким показателем этого перемещения экономического центра вглубь страны является продукция Родоса и Синопы, обильный экспорт которых, минуя Семибратнее городище, направляется прямо в Елисаветинское городище.

Как Семибратнее, так и Елисаветинское городища имели торговые связи не только с Фанагорией, но вели и внутреннюю торговлю с периферией Кубани. Так, находки в могильниках Усть-Лабы и Ладожской, а также в Елисаветовском и Марьевском курганах гераклейских и фасосских амфор и некоторых типов неклейменой тары IV—III вв. до н. э., не встреченных на Елисаветинском городище, свидетельствуют об участии Семибратнего городища во внутренней торговле в период IV—III вв. до н. э.

В последующее время Семибратнее городище засылает в Елисаветинское весьма ограниченное количество косских и книдских амфор и, в свою очередь, получает оттуда продукцию в местной «елисаветинской» таре.

Елисаветинское городище, установив торговые связи с Семибратним городищем, начиная с III—II вв. до н. э., в свою очередь развивает посредническую торговлю, о чем свидетельствует проникновение в район Ладожской станицы и Усть-Лабы родосских и синопских амфор.

Все вышесказанное рисует общую картину проникновения греческого импорта сначала лишь в устье реки Кубани (Семибратнее городище) и затем продвижение небольшой части этой продукции далее, в Прикубанье. Здесь в эллинистическое время возникает новый центр — Елисаветинское городище, куда переходит основная часть иноземного ввоза и который, в свою очередь, приобретает значение центра местной торговли.

Однако нам представляется, что было бы неверным рассматривать проникновение греческого импорта, а с ним и некоторых элементов эллинской культуры в глубь страны как результат распространения греческой торговли.

Проникновение Родоса и Синопы из Фанагории в Елисаветинское городище непосредственно, минуя Семибратнее городище, в тот период, когда последнее еще продолжало существовать, доказывает, что Елисаветинское городище в период своего экономического расцвета вышло на путь самостоятельной торговли не только с окружающими его местными поселениями, но завязало прямые торговые связи с отдаленной от него Фанагорией.

Если бы торговая инициатива находилась в руках фанагорийских купцов, то трудно предположить, чтобы какая-то часть фанагорийского экспорта Родоса и Синопы не оседала бы в Семибратнем городище. Надо думать, что перемещение торгового центра в глубь страны стоит в прямой связи не только с пониженной торговой способностью Семибратнего городища во II в. до н. э. в силу каких-то исторических причин, но с расширением территории местных поселений, заинтересованных в сбыте своих товаров и участии в торговле с внутренним центром боспорской торговли. Это свидетельствует о том, что инициатива местных городов в развитии торговли с Фанагорией была очень велика и являлась важным фактором в увеличении экономических сил страны и ее культурного роста.

И. Б. Зеест

КЕРАМИЧЕСКАЯ ТАРА ЕЛИСАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА И ЕГО КУРГАННОГО НЕКРОПОЛЯ

Судьба малых городов Боспора и их отношение к главному центру — Пантикапею были различны. Многие из этих городов возникали одновременно и независимо от Пантикапея и первоначально были такими же приморскими греческими колониями, какими были Фанагория и Пантикапей. Со временем все эти свободные города так или иначе вошли в систему Боспорского государства и подпали под его владычество.

Другие города Боспора возникли уже в процессе внутренней колонизации Боспора [1] и, естественно, что культура этих центров носила ярко выраженный местный характер. Одним из подобных центров, возникших в результате расширения торговых связей Пантикапея, был город, существовавший на месте станицы Елисаветовской в дельте Дона.

Изучению археологического материала этого городища посвящено специальное исследование Т. Н. Книпович [2], которая сделала ряд исторических выводов, связанных с локализацией Танаиса, и указала на преимущественно местный характер культуры этого торгового города, тесно связанного с жизнью окружающих племен, населявших район Нижнего Придонья. В свое исследование Т. Н. Книпович включила и амфорный материал, выделив основные группы амфор, найденных на городище. Керамическая эпиграфика городища и его могильника введена Б. Н. Граковым [3] в его обобщающий труд о торговых связях Северного Причерноморья в эллинистический период, в котором отмечено значение этого окраинного центра внутренней торговли Боспора и его экономическая зависимость от Пантикапея.

Нам представляется возможным отчасти дополнить имеющиеся сведения об амфорном материале самого городища, а также рассмотреть его в связи с амфорным материалом Елисаветовского курганного могильника, который до сих пор еще не подвергался специальному изучению.

Сопоставление этого материала с импортом самого Пантикапея показывает, какая часть продукции, поступавшая в Пантикапей или производившаяся в самом городе в V—III вв. до н. э., продвигалась посредством внутренней торговли в исследуемый центр Нижнего Придонья. Это дает возможность судить об одной из существенных сторон экономики Елисаветовского городища, связанной с импортом вина.

Наиболее ранний тип амфор, встреченный на городище, относится к группе хиосских амфор, которые ввозились сюда в V и IV вв. до н. э. Из приведенных Т. Н. Книпович типов амфорных ножек этого времени к группе хиосских амфор следует отнести изображенные на рисунках: № 28, *1* и *3*, № 29, *1*, а также № 34, *4* [1]. Других групп амфор классического времени здесь почти нет. Можно указать на единичный обломок «стаканообразной ножки» амфоры V в. до н. э. (рис. 1, *4*) [2] из раскопок А. А. Миллера на городище 1909 г. (Эрмитаж, № 83). Ни одного обломка так называемых «протофасосских» амфор среди раскопочного материала не обнаружено. Вместе с тем оба эти типа имели самое широкое распространение в Пантикапее так же, как и в Фанагории.

Т. Н. Книпович указывает, что из прочих групп амфор на городище преобладают синопские, уступают им гераклейские (с энглифическими клеймами на горлах), еще меньше импорт Фасоса и Херсонеса и почти совершенно отсутствует родосская тара. Наиболее

---

[1] С. А. Жебелев. Боспорские этюды, ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 7.

[2] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища близ станицы Елисаветовской, ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 111.

[3] Б. Н. Граков. Клейменая керамическая тара эпохи эллинизма. Архив ИИМК.

[1] Т. Н. Книпович. Указ. соч.

[2] Рисунки см. в статье: И. Б. Зеест. Внутренняя торговля Прикубанья с Фанагорией.

ранние из этих амфор — гераклейские — относятся к IV—III вв. до н. э., все прочие группы в основном датируются III в. до н. э. и лишь единичные заходят во II в. до н. э.

Т. Н. Книпович приводит еще один экземпляр, характерный для конца IV — начала III в. до н. э. Этот фрагмент заслуживает особого внимания, так как, с нашей точки зрения, он принадлежит одному из типов боспорских амфор. В Пантикапее встречается и другой, более распространенный тип ножки боспорской амфоры. Она отличается характерной для боспорских керамических изделий, в особенности для черепицы, красной глиной, с теми же включениями. Ножка массивная, невысокая, с небольшим углублением внизу (рис. 2, *2*).

К вышеперечисленным группам мы можем еще добавить следующие: среди массового археологического материала имеются две двуствольные косские ручки. Обе они без клейм, однако принадлежность их к этой группе засвидетельствована большим количеством аналогичных двуствольных ручек, с характерной светлокоричневой глиной розоватого оттенка, очень чистой и не лишенной мелких блесток слюды. Поверхность этих амфор обычно покрывалась светлой зеленоватой обмазкой. Одна ручка находится в Эрмитаже (Е. 408), другая была найдена среди подъемного материала на Елисаветовском городище (ЛОИИМК). Обе ручки отличаются округлой формой верхней части, что позволяет отнести их к наиболее раннему типу косских амфор конца IV — начала III в. до н. э.

Среди массового материала Елисаветовского городища, хранящегося в Эрмитаже, имеется одна книдская ручка с клеймом:

ωΔΥϽΘ	Θευδω
ΙΙΨΑΔΙϥ	ρίδα. Κνί(δου)

Книдская ручка с клеймом, содержащим имя фабриканта Θευδωρίδας была найдена в комплексе II в. до н. э. на Афинской агоре[1]. Шрифт этого клейма, как и елисаветовского, отличается лунарной формой, что позволяет отнести последнее клеймо тоже ко II в. до н. э.

Фрагменты косских и книдских амфор представлены этими единичными находками и среди массового археологического материала профилированных частей этих сосудов встречено не было.

Имеется еще одно клеймо из раскопок А. А. Миллера 1908—1909 гг. Оно наложено на овальную ручку, глина которой очень напоминает глину гераклейских амфор.

ϽΑΜΑ	Ἀμάσ
ϽΟΙϥΤ	τριος

[1] Hesperia, III, стр. 305, № 7b.

У Придика имеются два аналогичных клейма на ручках, происходящих из Керчи[1]. Шрифт клейма № 170 энглифический; сигмы — лунарные.

Как елисаветовская ручка, так и обе ручки из каталога Придика должны быть отнесены к одной и той же группе амфор, ввиду того что формы ручек и глиняное тесто совершенно аналогичны, а имя Ἀμάστριος ни в одной из других групп клейм не встречается.

Как нам представляется, эти клейма стоят в тесной связи с группой гераклейских амфор: у них полностью совпадают формы ручек и в особенности глины, у № 170 энглифический способ наложения клейма, как и у всех гераклейских клейм. Наконец, бросается в глаза идентичность эмблем (изображение листа) на керченской ручке с аналогичными эмблемами гераклейских клейм. Вместе с тем у них имеются и существенные отличия от гераклейских клейм:

1. Гераклейские амфоры всегда клеймятся на горле, в то время как вышеприведенные клейма находятся на ручках.

2. Имя Ἀμάστριος не встречается в списке имен гераклейских клейм.

3. Лунарная сигма, имеющаяся на этих клеймах, в шрифтах на гераклейских клеймах отсутствует.

Все сказанное позволяет предположить, что клейма Ἀμάστριος принадлежат не Гераклее Понтийской, а иному центру, связанному с Гераклеей и, судя по глине, находящемуся поблизости от нее. Предположительно местом изготовления этой тары можно считать город Амастрий или Амастриду, находившийся на южном побережье Черного моря, недалеко от Гераклеи Понтийской; импорт откуда проникал в Северное Причерноморье, но не имел большого распространения. И если елисаветовское и керченское клеймо № 169 на основании эпиграфических данных можно отнести еще к III в. до н. э., то клеймо № 170 с лунарной сигмой должно быть отнесено ко времени не ранее конца III — начала II в. до н. э., когда прекратилось клеймение гераклейской тары.

На городище встречен обломок амфоры еще одной группы. Амфоры этой группы обладают очень широким коническим туловом на узкой высокой ножке, которая внизу сильно расширена и напоминает ножку рюмки. На подошве ножки имеется небольшое углубление (рис. 2, *6*). Глина этих амфор светлокоричневая или красноватая, мелкопористой структуры с небольшим количеством блесток и обильной примесью белого кварцевого песка. Тип амфор с «рюмкообразной» ножкой распространен во всем Северном Причерноморье очень широко

[1] Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм эрмитажного собрания, II. Пгр., 1917, стр. 109, № 169, инв. № 536 (1); стр. 109, № 170, инв. № 535[8] (д[5], [3]). Ручка найдена в Керчи.

и в большом количестве встречается в Пантикапее.

Среди массового городищенского материала имеется еще одна ножка амфоры (рис. 5, *1*) светлокоричневой глины, принадлежащей к типу амфор, встречающихся сравнительно редко. Целый экземпляр такой амфоры был обнаружен в некрополе Марицына в кургане „Р", совместно с чернолаковым киликом на кольцеобразном поддоне *(а)* с высоко загнутыми кверху ручками. Комплекс кургана „Р" датируется IV—III вв. до н. э. Амфора имеет двуствольные ручки; за исключением косских, на эллинистических амфорах они редки.

Вышеприведенные образцы амфор свидетельствуют о разнообразии керамической тары, привозимой в Елисаветовское городище. Здесь встречены почти все группы амфор, известные в самом Пантикапее. Однако только немногие из этих амфор служили предметом массового ввоза: первоначально привозилось преимущественно хиосское вино, в IV и III вв. до н. э. преобладал импорт Гераклеи и Синопы. Одновременно поступала продукция Фасоса и Херсонеса, но в более ограниченных размерах, чем продукция южнопонтийских центров. Все же прочие типы амфор, как было сказано, встречены на Елисаветовском городище в единичных обломках. Следовательно, эта тара не могла служить предметом массового ввоза, а доставлялась сюда, по всей вероятности, эпизодически.

Ниже мы вернемся к рассмотрению этого материала совместно с материалом курганного некрополя, что позволит нам сделать ряд общих выводов на основании сравнения его с амфорным материалом Пантикапея.

* * *

Елисаветовский курганный некрополь раскапывался систематически А. А. Миллером [1].

В коллекции имеется более 60 целых и фрагментированных амфор, которые до сего времени не были предметом специального изучения.

Подавляющее большинство из них принадлежит к группе гераклейских амфор, относящихся преимущественно к двум ранним типам [1] этой группы, т. е. датируемым второй половиной IV в. до н. э. 32 амфоры принадлежат к ранним типам и лишь 9 — к типу III в. до н. э.

Амфоры прочих групп, найденные в некрополе, единичны. Фасосских найдено всего четыре. Из них две находились в одном комплексе (курган 3, 1909 г.) и принадлежат к распространенному типу IV в. до н. э. Этот тип характерен расширяющимся книзу горлом, переходящим в веретенообразное тулово, высокой стройной ножкой, снизу расширенной и сложно профилированной. Венец плоско срезан сверху и сбоку, образуя острый угол (рис. 3, *1*); пропорции сосуда строго закономерны. Одна из амфор неклейменая, у другой — плохо сохранившееся трехстрочное клеймо.

Другие две фасосские амфоры представляют разновидность амфор этой группы и заслуживают индивидуального описания. Первая из них не точно паспортизирована (возможно, что она происходит из кургана № 4, 1908 г.) (рис. 3, *3*), она — неклейменая, однако глина, форма и в особенности профиль ножки позволяют отнести ее к группе фасосских амфор. В отличие от вышеприведенного типа IV в. до н. э., она имеет более вытянутую форму и закономерность пропорции в ней отсутствует. Венец этой амфоры округлых очертаний, что резко отличает ее от стандартного типа клейменых амфор IV—III вв. до н. э. с плоско срезанным сверху венцом. Как будет показано ниже, округлый венец на фасосских амфорах появляется на некоторых других типах, начиная с III в. до н. э. Это дает нам основание считать, что данная амфора относится ко времени не ранее III в. до н. э.

Последний экземпляр фасосской амфоры (из кургана № 10, 1909 г.) (рис. 3, *4*) представляет редкую форму, лишь отдаленно напоминающую стандартную форму IV—III вв. до н. э. Тулово у нее коническое, оканчивающееся сравнительно невысокой ножкой, не имеющей той сложной профилировки, которой отличаются все фасосские амфоры IV—III вв. до н. э. Венец небольшой, округлой формы. На ручке клеймо:

ΘΑΣΙΩΝ Θασίων
топор
ΥΘΙ⁰Ν Π]υθίων

В каталог эрмитажных клейм оно не вошло. Это клеймо сходно с другим клеймом, содержащим то же имя Πυθίων из комплекса III в. до н. э.[2]. Об этой же дате свидетельствует найденный совместно с амфорой флакон местной боспорской глины. Вышеприведенную елисаветовскую амфору нужно отнести к III в. до н. э. и по особенности формы, сопоставив ее

[1] Материалы этих раскопок находятся в коллекции Эрмитажа (1908, 1909 и 1911 гг.) и частично в Государственном историческом музее (отчеты изданы в ИАК, вып. 35, 1910, и 56, 1914). Кроме того, некоторые комплексы относятся к раскопкам 1910 г., которые А. А. Миллером изданы не были. Некрополь характеризуется ярко выраженным местным обрядом погребения. С умершим неизменно кладется часть туши коня, иногда скифские котлы, короткие скифские мечи и скифские наконечники стрел. Все эти погребения не отличаются богатством инвентаря: привозная керамика вся массового стандартного производства (за исключением одной панафинейской амфоры). Торевтика в большинстве случаев боспорского производства: золотые бляшки обычного типа и в двух могилах более дорогие золотые обкладки мечей.

[1] И. Б. Зеест. О типах гераклейских амфор. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 48.

[2] Hesperia, III, стр. 304, № 4.

с другой амфорой, хранящейся в Эрмитаже (X, 43/423). Сосуды эти почти идентичны, но у амфоры X, 43/423 ножка профилирована наподобие ножек стандартного типа IV—III вв. до н. э. Она должна быть рассмотрена как промежуточный тип между стандартным типом IV—III вв. и амфорой III в. до н. э. (рис. 3, *5*). Обе они относятся к III в., но елисаветовская форма — более поздняя.

Клеймо на амфоре X, 43/423 читается:

Θασίων

Ἐ[υ]αλκ(ίδες)

Посредине двухручный сосуд.

Нам известен еще один тип фасосской амфоры III в., который сосуществует с вышеприведенными типами III в., но по форме совершенно отличен от них. Эта амфора находится в Государственном историческом музее и происходит из раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии 1896 г. (14/17—239, № 36519, рис. 3, *6*). Она ничем не напоминает стандартную форму фасосских амфор, но несомненно подражает форме синопских, о чем свидетельствует ее полное округлое тулово, слегка раздутое горло и цилиндрическая ножка, типичная для синопских амфор. Б. Н. Граков датирует ее клеймо III в. до н. э.[1] На эту дату указывает и сходство ее с синопскими амфорами, массовое производство которых началось именно с III в., что и послужило причиной подражания им на Фасосе. Клеймо этой амфоры читается: Θασίω[ν] Ἀστυκρ(έων) с лунарными σ и ε. Эмблема: шапка Диоскуров и звезда.

Как было показано, в Елисаветовском курганном некрополе были обнаружены четыре фасосские амфоры, из которых две относятся к типу наиболее ранних клейменых амфор IV в. до н. э. Две другие амфоры свидетельствуют о разнообразии форм фасосских амфор в III в., сосуществовавших наряду с основным стандартным типом клейменых амфор III в. до н. э. Амфора Государственного исторического музея № 36519 представляет еще один вариант формы этой группы III в., подражающей синопской таре.

Из группы синопских амфор ни одного целого экземпляра в Елисаветовском некрополе обнаружено не было. В насыпи кургана № 9 1911 г. найдена ручка с астиномным клеймом:

[Ναύπ]ωνο(ς)	
ασ]τυ	Голова
νό]μου	Аполлона
Γλα]υκίου	в венке

Аналогичное клеймо приводит Б. Н. Граков, относя его к III хронологической группе этих клейм (220—183 гг. до н. э.)[2].

Прочие группы амфор, найденных в Елисаветовском некрополе, все неклейменые. Наиболее многочисленна из них группа амфор с «рюмкообразной» ножкой (рис. 2, *6*). Одна из этих амфор была обнаружена в кургане № 2 1909 г. (находится в Государственном историческом музее, № 47035). Совместно с ней найдены гераклейская амфора раннего типа и расписная котила (ИАК, вып. 35, 1910, стр. 111, рис. 15), чернолаковый килик на низкой ножке со штампованным орнаментом (ИАК, вып. 35, 1910, стр. 107, рис. 13, фиг. 1 и 2) и бронзовые наконечники стрел обычных типов для IV—III вв. до н. э.[1].

Роспись котилы, выполненная в беглом стиле, и характер пальметт под ручками заставляют отнести этот сосуд ко второй половине IV в. до н. э. Килик в собрании разыскать не удалось; однако, судя по его изображению в ИАК, он может быть отнесен к середине IV в. до н. э. Таким образом, этот комплекс датирует амфору с «рюмкообразной» ножкой второй половиной IV в. до н. э.

Среди немногочисленных красноглиняных неклейменых амфор имеется три, глина и в особенности форма которых позволяет отнести их к группе хиосских позднеклассического времени (рис. 1, *3*). Ножка сохраняет в несколько видоизмененном виде конструкцию ножки пухлогорлых хиосских амфор. Клеймились эти амфоры очень редко. Нам известно лишь одно клеймо на подобном прямом горле с изображением сфинкса перед амфорой, находящееся в Керченском музее, а также клейменые амфоры из раскопок на Афинской агоре[2].

Хиосская амфора раннего типа с раздутым горлом была встречена лишь в одном погребении (курган I, 1911 г., рис. 1, *2*). Подобный тип амфор, у которых раздутое горло посажено не на плечи, но на узкую часть горла, относится к V в. и началу IV в. до н. э. Эта форма хиосских амфор существовала наряду с другим типом клейменых хиосских амфор, о которых речь была выше. Данная амфора была найдена совместно с панафинейской амфорой, датируемой Н. А. Радловым концом V — началом IV в. до н. э. (не позднее 70-х годов)[3].

В кургане № 34 1911 г. имеется одна неклейменая амфора, которую, с нашей точки зрения, можно отнести к группе херсонесских (рис. 5, *4*). Глина довольно грубая, с включением песка, темных и белых известковых частиц, хорошо заметных на поверхности сосуда. Характерен профиль ножки, свойственный ран-

---

[1] Б. Н. Граков. Клейменая керамическая тара эпохи эллинизма.

[2] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, М., 1928, табл. II, 6.

[1] Весь комплекс находится в Государственном историческом музее, инв. № 47035.

[2] Hesperia, III, табл. 1, 1, рис. 1, 1—2.

[3] Н. А. Радлов. Две панафинейские амфоры, найденные в южной России в 1911 г., ИАК, вып. 45, стр. 83.

ним типам херсонесских амфор [1]. Херсонесская амфора найдена в комплексе с гераклейской амфорой первой группы.

В коллекции Миллера имеются четыре совершенно одинаковых горла амфор красно-оранжеватой глины. Горла эти прямые, не очень высокие (0,23 м), венец пухлый и массивный, ручки овальные. Бросается в глаза стандартность форм этих горл, их яркая оранжеватая глина и неизменные знаки на горлах или плечах: Н или М. Полная форма этих амфор нам неизвестна, и вообще нигде, кроме Елисаветовского некрополя, этот тип амфор нам не встречался (рис. 2, *1*).

Большой интерес представляют обломки амфоры серой глины с грубыми включениями из неизвестного центра, возможно из Северного Причерноморья. Обломки такой амфоры найдены в кургане № 5 1910 г. Ножка — конусовидная, плоско срезанная снизу, горло — с массивным округлым венцом и высоко прикрепленными ручками, круглыми в сечении. Высота горла около 0,2 м, диаметр — 0,13 м. Известна одна целая амфора этого типа в Эрмитаже, происходящая из раскопок в Ольвии 1908 г. (№ II, 5617, рис. 1, *5*).

Последняя группа амфор, встреченная в Елисаветовском некрополе — группа красноглиняных амфор IV—III в. до н. э., которая по характеру глины и по профилю ножки должна быть отнесена к числу местных боспорских амфор (рис. 2, *2* и *4*). При раскопках боспорских городов фрагменты подобных амфор встречаются постоянно в большом количестве, но ни разу производство этих амфор на месте не было засвидетельствовано условиями находки. В некрополе встречены два экземпляра подобных амфор: в кургане № 14, 1909 г. и в кургане № 4, 1908 г.

Подводя итог сказанному о находках амфор в Елисаветовском курганном некрополе, можно установить, что подавляющее большинство их принадлежит группе гераклейских амфор, из которых 32 относятся ко второй половине IV в. до н. э. и лишь 9 к III в. до н. э. Все прочие группы значительно уступают гераклейским: 4 фасосских, 4 хиосских и 4 амфоры с «рюмкообразными» ножками. Синопские и херсонесские амфоры здесь почти отсутствуют. Выделяется группа амфор, происхождение которых, очевидно, связано с Северным Причерноморьем: боспорские, сероглиняные и амфоры оранжеватой (возможно, кубанской) глины со знаками Н или М.

Все найденные в курганном некрополе амфоры относятся к IV—III вв. до н. э., преимущественно ко второй половине IV в. [2].

Амфорный материал самого городища, как сказано выше, отличается от амфорного материала курганного некрополя большим разнообразием групп. На городище, кроме тех же групп амфор, которые были встречены в некрополе, засвидетельствованы амфоры книдской, родосской, косской, амастрийской группы и несколько групп неклейменых амфор, из которых следует отметить группу «колпачковых амфор», широко распространенных в Северном Причерноморье.

Что касается соотношения групп, то в некрополе мы отметили безусловное и подавляющее преобладание гераклейских амфор и почти полное отсутствие синопских, в то время как на городище преобладают синопские (18) [1], а гераклейских значительно меньше (8). Сравнительно много на городище херсонесских амфор: в раскопках 1928 г. их было столько же, сколько и фасосских (6), в то время как в могильнике херсонесских амфор почти нет.

* * *

Сопоставление материала некрополя и городища не может дать сколько-нибудь надежных выводов, так как городищенский материал крайне ограничен, и правильнее рассматривать его совместно с материалом курганного некрополя.

В наиболее ранний период жизни города сюда проникают преимущественно хиосские вина, которые и в Пантикапее составляли в то время наиболее значительную часть всего импорта. Керамическая тара из других центров античного мира, которая в V в. до н. э. в огромном количестве встречается в Пантикапее, здесь совершенно отсутствует, или же находки ее единичны.

В IV в. до н. э. над всем импортом здесь решительно преобладает импорт Гераклеи. В это же время выделяются, но значительно уступают гераклейским, некоторые группы амфор северо-причерноморских центров: продукция самого Боспора и отчасти Херсонеса, импорт которого принял большие размеры только в III в. до н. э., а также продукция некоторых других местных центров, один из которых, возможно, связан с Кубанью. Фасосская тара IV в. до н. э. в Елисаветовском городище почти отсутствует: ее ввоз принял более широкие размеры только в III в. до н. э. В Пантикапее же, начиная с середины IV в. до н. э., импорт Фасоса был значителен. Это показывает, что фасосская тара поступала из Пантикапея в Елисаветовское городище с некоторой задержкой и лишь с того времени, когда в Пантикапее импорт ее достиг больших размеров. В отличие от фасосских, гераклейские товары проникают в Елисаветовское городище свободнее

[1] Р. Б. Ахмеров. Амфоры древнегреческого Херсонеса, ВДИ, 1947, № 1, стр. 161, рис. 1.

[2] Исключения составляют: хиосская из погребения с панафинейской амфорой, которая, возможно, относится еще к концу V в. до н. э., и ручка синопской амфоры, которая, возможно, относится к началу II в. до н. э.

[1] Б. Н. Граков учел 18 синопских клейм, которые все найдены на городище.

и появляются одновременно в Пантикапее и здесь.

На протяжении III в. до н. э. наиболее значительной и преобладающей группой керамической тары в Елисаветовском городище были синопские амфоры. В это время ввоз из Гераклеи Понтийской уже сильно сократился.

В Пантикапей товары из Синопы начали поступать еще в конце IV в., но на елисаветовский рынок они проникли несколько позднее, так же как и из Фасоса.

Задержка некоторой части товаров на пантикапейском рынке свидетельствует о регулирующей роли этого главного центра Боспора во внутренней торговле с местными центрами. Это подтверждается и характером импорта родосской продукции. Родосское вино начало поступать в дельту Дона только со второй половины III в. до н. э., несмотря на то, что Пантикапей получал эту продукцию уже в конце IV — начале III в. до н. э. В Елисаветовское городище, жизнь которого в конце III в. уже клонилась к упадку, родосский импорт не дошел: он направился в Танаис (Недвиговку), который к этому времени приобрел значение главного торгового центра Нижнего Придонья [1].

Таким образом, значительная часть привозной продукции, проникавшая в Елисаветовское городище посредством торговли Пантикапея, появлялась здесь не ранее того времени, когда рынок самого Пантикапея был насыщен этой продукцией.

Амфорный елисаветовский материал показывает также, что в импортной продукции этого центра относительно большое место занимала продукция различных центров Северного Причерноморья, в частности Херсонеса и самого Боспора, но главным предметом ввоза являлась продукция двух южнопонтийских центров: Гераклеи и Синопы, поступавшая в большом количестве через Пантикапей. Это свидетельствует не только об экономической зависимости Елисаветовского городища от Пантикапея, но и рисует ограниченный и замкнутый характер внутренней торговли этого наиболее отдаленного центра Боспора.

---

[1] Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 74.

Д. Б. Шелов

МОНЕТНАЯ СИСТЕМА ГОРОДОВ БОСПОРА в VI—V вв. до н. э.

Чеканка монеты на Боспоре возникла около середины VI в. до н. э., когда Пантикапей, первый из боспорских городов, начал выпускать серебряные драхмы и более мелкие подразделения по эгинской весовой системе. В первой половине V в. начинают чеканить свое серебро города Аполлония и Мирмекий, а в последней четверти этого века монета выпускается уже в Феодосии, Нимфее, Синдике и, наконец, в Фанагории. Но к началу IV в., в связи с расширением державы Спартокидов и включением в нее ранее самостоятельных полисов, вся эта автономная чеканка прекращается, и пантикапейский монетный двор становится на некоторое время монопольным поставщиком монеты для внутреннего боспорского денежного рынка (на внешнем рынке ходила иностранная, а не боспорская монета) [1].

Таким образом, первый период в развитии монетного дела на Боспоре охватывает около полутораста лет до начала IV в. до н. э. Изучение монетной системы боспорских городов этого времени может дать весьма интересный материал для суждения об общем экономическом и политическом положении Боспора, о внутренних связях, существовавших между отдельными греческими городами уже в эту эпоху.

Между тем вопрос этот почти совсем еще не затронут в археологической и нумизматической литературе. До последнего времени не была даже твердо установлена и обоснована последовательность и датировка выпусков серебряной монеты боспорскими городами в V в.

Для решения вопроса о подразделении ранних боспорских монет на номиналы и о весовой системе боспорских городов единственной точкой опоры может служить сводка монетных весов, составленная в начале XX в. А. Л. Бертье-Делагардом [2], в которой он собрал веса всех известных ему монет, вывел средние цифры по каждой серии и подразделил серии на номиналы. Все остальные исследователи боспорской нумизматики ограничивались в своих работах отдельными попытками определить номинал той или иной монеты, не приводя всей системы подразделений в целом, а обычно не делали и этого, ограничиваясь лишь указанием веса монеты. Сводка Бертье-Делагарда очень полна, она содержит, как указывает в предисловии сам автор, весовой материал, собранный во всех крупнейших общественных и частных коллекциях, как в России, так и за границей. Эта полнота приведенного у Бертье-Делагарда материала позволяет и нам пользоваться его таблицами, несмотря на то, что с момента их составления прошло уже около 50 лет. Интересующий нас материал за это время почти не увеличился, а отдельные экземпляры, оставшиеся почему-либо неизвестными Бертье-Делагарду или найденные позже, могут быть без труда прибавлены к его таблицам.

При единых для всех номиналов изображениях лицевой и оборотной сторон отнесение монеты к тому или иному номиналу часто становится затруднительным. Единственным критерием здесь является вес монеты. Но в раннегреческой чеканке вес отдельных монет внутри одного и того же номинала часто колеблется очень значительно, и нередко отдельные монеты соседних номиналов получают почти одинаковый вес. Это неизбежно приводит к ошибкам, которых не избежал и Бертье-Делагард. Подразделение выпусков на номиналы является у него иногда весьма спорным, в один и тот же номинал попадают иногда монеты со слишком большим колебанием в весе, причем для вывода средних весов принимаются в расчет и наиболее отдаленные от средних цифры. Имеются у Бертье-Делагарда ошибки и при определении нормального веса номиналов некоторых серий, объясняющиеся тем, что он получал эти веса просто как средние арифметические из известного числа индивидуальных весов, не обращая внимания на значи-

[1] А. Н. Зограф. Античные монеты, МИА, XVI, 1951, стр. 164.

[2] А. Л. Бертье-Делагард. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды, Н. сб., II, 1913, стр. 49—134.

тельные отступления весов отдельных экземпляров от этого среднего в ту или другую сторону. Между тем в некоторых случаях это имеет большое значение, особенно для определения границ между номиналами и для определения нормального, т. е. «указного», веса каждого номинала. При подразделении монет одной серии на номиналы необходимо учитывать не только колебание веса между наиболее тяжелыми и наиболее легкими монетами, но и, если можно так выразиться, расположение монет на весовой шкале и количество находок монет каждого веса. Монеты, в отношении веса слишком далеко отстоящие в ту или другую сторону от основной массы монет данной группы, не могут приниматься в расчет при определении весовых границ номинала; они должны быть рассматриваемы как особый номинал или, если для последнего нет достаточных оснований, должны быть оставляемы в стороне от определенных номиналов системы до тех пор, пока не будет найдено достаточно ясное объяснение их необычного веса. Насильственное втискивание этих монет в прокрустово ложе системы не только затрудняет объяснение особенностей их веса, но и искажает самое систему. Этот метод весовой шкалы должен быть применяем в некоторых случаях и для определения нормального «указного» веса монет того или иного номинала, так как иногда средний вес, выведенный арифметическим путем из индивидуальных весов нескольких монет, не может считаться нормальным для данного номинала. Это случается тогда, когда значительная часть экземпляров монет располагается достаточно кучно в одном месте весовой шкалы, а остальные располагаются разбросанно, выше или ниже этой группы. В таком случае можно подозревать, что нормальным весом номинала и является тот вес, который показывает тесная группа монет, в то время как средний вес, полученный из арифметического подсчета, может несколько склониться вверх или вниз под влиянием индивидуальных весов остальных, разбросанных по шкале, монет.

Конечно, и этот метод не дает гарантии безошибочности в определении номиналов и их весов, но он уменьшает в какой-то степени возможность ошибок, поскольку привлекает для исследования еще один критерий — частоту находок монет того или иного веса,— который ускользает от внимания при простом арифметическом подсчете. Наиболее эффективен этот метод был бы при исследовании большого количества монет одного номинала. К сожалению, раннее боспорское серебро представлено очень немногими экземплярами каждой серии; число монет одного номинала серии никогда не превышает двух-трех десятков, а обычно номинал представлен лишь несколькими монетами. Это очень затрудняет исследование и придает выводам известный оттенок гипотетичности. Тем не менее все же можно, используя метод весовой шкалы, наметить основные черты весовых систем боспорских городов V в. и сделать некоторые выводы, касающиеся денежного обращения на Боспоре в эту эпоху.

Древнейшие монеты Пантикапея, имеющие на реверсе неоформленный еще углубленный квадрат и датируемые серединой VI в. до н. э.[1], могут быть подразделены на 7 номиналов. Крупнейший из них, со средним весом в 5,61 гр, определяется Бертье-Делагардом, вероятно вполне правильно, как эгинская драхма с несколько редуцированным весом [2]. Следующий номинал, тетробол, представлен всего одной монетой весом в 3,55 гр [3]. Далее идет почти непрерывный ряд монет весом от 3,04 до 1,27 гр, который Бертье-Делагард подразделяет на два номинала — триоболы со средним весом в 2,48 гр и диоболы со средним весом в 1,64 гр [4]. С этим можно согласиться. Сомнение вызывает только средний вес триоболов. Дело в том, что размещение индивидуальных весов триоболов на весовой шкале дает значительную группу монет в области 2,80—2,75 гр. Можно думать, что этот вес и является нормальным весом триоболов, хотя арифметически вывести его невозможно. Диоболы довольно равномерно распределяются по весовой шкале и дают лишь небольшое скопление монет весом около 1,75—1,55 гр, чем и подтверждается правильность вывода среднего веса их Бертье-Делагардом. Три монеты этого же типа отнесены последним к номиналу в $1^1/_2$ обола (вес около 0,99 гр), а две маленькие монеты он считает гемитетартемориями (вес — 0,13 и 0,10 гр) [5]. Наконец, существуют еще монеты этой же серии, вес которых изменяется от 0,68 до 0,24 гр. Бертье-Делагард причисляет их все к одному номиналу — гемиоболу со средним весом 0,48 гр [6]. Значительное колебание в весе, более чем в $2^1/_2$ раза, могло бы указывать на то, что мы должны здесь различать два номинала и в наиболее тяжелых монетах этой группы (тяжелее 0,50 гр) видеть обол, средний вес которого тогда оказался бы 0,60 гр, а средний вес полуобола упал бы до 0,38 гр. Но против такого предположения говорит, кажется, то обстоятельство, что в следующей серии пантикапейских монет средний вес полуоболов составляет 0,47 гр, т. е. почти совпадает с выведенным Бертье-Делагардом для этих ранних гемиоболов весом. Слишком незначительное количество известных монет не позволяет здесь воспользоваться методом графического разме-

[1] Последовательности в датировке монетных выпусков Пантикапея, Мирмекия и Аполлонии нами посвящена особая статья, ВДИ, 1949, № 1, стр. 143—153.
[2] Н. сб., II, стр. 72, № 54.
[3] Там же, № 55.
[4] Там же, стр. 73, № 56—57.
[5] Там же, стр. 73, № 58, 60.
[6] Там же, № 59.

щения весов на весовой шкале. Впрочем, всякие выводы по этой серии монет надо делать с сугубой осторожностью, так как Бертье-Делагардом включены в нее некоторые веса более поздних монет, которые могут до известной степени затемнить общую картину.

Следующая серия пантикапейских монет, имеющая на оборотной стороне quadratum incusum, разделенный на 4 отсека с точками внутри них, и датируемая второй половиной VI в., представлена у Бертье-Делагарда тремя номиналами: триоболом, средний вес которого — 2,70 гр — хорошо согласуется с только что указанным нами нормальным весом триоболов предыдущей серии, оболом, имеющимся лишь в одном экземпляре (вес 0,77 гр), и гемиоболом (средний вес 0.47 гр) [1].

В конце VI или в первые десятилетия V в. до н. э. в Пантикапее чеканятся монеты с рисунком в виде крыльев ветряной мельницы в углубленном квадрате. Бертье-Делагардом они в особую группу не выделены, поэтому определение их номиналов весьма затруднительно. Нам известны монеты весом в 2,69; 2,53; 2,23; 2,18; 2,11 гр [2], которые являются, очевидно, триоболами, и монеты более мелкие: 1,85; 1,69; 1,62; 1,58 гр [3] — скорее всего диоболы. Наконец, монеты весом в 1,04 и 1,02 гр [4] вряд ли могут быть диоболами, скорее в них можно видеть номинал в $1^1/_2$ обола. Более мелкие монеты этой же серии помещены Бертье-Делагардом под № 76—77 его таблицы [5]. Несколько монеток весом от 0,32 до 0,17 гр он считает гемиоболами, выводя средний вес для этого номинала в 0,25 гр; но мы видели, что средний вес гемиобола в предыдущих сериях составлял 0,47—0,48 гр. Поэтому нам казалось бы вернее видеть в этих монетках не гемиобол, а тетартеморий; во всяком случае вес 0,25 гр слишком низок для полуоболов даже облегченной эгинской системы. Единственная известная мельчайшая монетка в 0,07 гр, вероятно совершенно справедливо, принимается Бертье-Делагардом за гемитетартеморий.

Гораздо более ясную картину дает нам следующая серия пантикапейских монет, имеющих на реверсе две четырехлучевые звезды, помещенные на рельефных таблетках внутри углубленного квадрата. Эта последняя анэпиграфная серия пантикапейских монет, выпускавшаяся еще в первой четверти V в., представлена тетроболами (нормальный вес — 3,29 гр) и диоболами (нормальный вес — 1,58 гр) [1]. Мелких монет с этим же типом реверса известно всего две: тетартеморий (вес — 0,24 гр) [2] и гемитетартеморий (вес 0,13 гр) [3]. Нами уже было высказано предположение о том, что в этой серии роль мелких номиналов играли монеты, имеющие на оборотной стороне углубленный квадрат, разделенный на четыре отсека поперечными перегородками с точками в двух накрест лежащих отсеках [4]. Эти монеты в таблицах Бертье-Делагарда представлены тремя номиналами: гемиоболами со средним весом 0,36 гр, тетартемориями (0,20 гр) и гемитетартемориями (0,12 гр) [5]. Средний вес гемиоболов этой серии — 0,36 гр, значительно ниже, чем в предыдущих выпусках. Это могло бы породить сомнения в правильности нашего разделения на номиналы, если бы последующие серии не давали примерно такого же веса. Соответственно понижен в этой и в последующих сериях и вес тетартемория. Это понижение веса служит лишним аргументом в пользу нашего предположения о сравнительно позднем происхождении мелких монет с двумя точками в отсеках углубленного квадрата [6].

Монеты с первыми буквенными обозначениями (буквы ПА на рельефных табличках реверса), выпускавшиеся в Пантикапее во второй и, может быть, в начале третьей четверти V в., разделены Бертье-Делагардом на 4 номинала [7]. Наиболее крупные из них он считает пентоболом. Средний вес этой группы, по таблице Бертье-Делагарда, равен 4,33 гр, а если добавить еще одну монету, изданную

---

[1] Там же, стр. 74, № 64, 65, 66. После того как настоящая статья была сдана в печать, в Вестнике древней истории был опубликован В. М. Скудновой небольшой клад серебряных пантикапейских монет VI—V вв. до н. э. из Нимфея, пополняющий наши представления о ранней боспорской чеканке (ВДИ, 1950, № 4, стр. 78 сл.; ср. ВДИ, 1951, № 1, стр. 263). Весовые данные этого клада уже не могли быть включены в основной текст статьи и не могли получить отражения в таблице нормальных весов номиналов. Впрочем, эти данные ничего существенного в таблице и не изменили бы, так как они находятся в полном соответствии с выведенными нами весовыми нормами. К разбираемой серии принадлежат 4 монеты из состава нимфейского клада; одна из них (№ 11, вес 0,45 гр) является гемиоболом, три остальные (№ 12—14; вес — 0,31; 0,33; 0,34) повидимому представляют тетартеморий — номинал ранее в этой серии неизвестный.

[2] Ch. Giel. Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands, Moskau, 1886, стр. 21, табл. III, 19—20; П. О. Бурачков. Общий каталог монет, Одесса, 1884, табл. XIX, 1; Br. Egger. Auction-Katalog der Sammlung Th. Prowe, Wien, 1904, стр. 21, № 329.

[3] Ch. Giel. Указ. соч., стр. 21, табл. III, 29; П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XIX, 5; Br. Egger. Указ. катал., стр. 21, № 333, 334.

[4] Br. Egger. Указ. катал., стр. 21, № 335.

[5] Н. сб., II, стр. 76, № 76, 77.

[1] Там же, № 73, 74.

[2] BMC, Thrace, стр. 187, № 4.

[3] Н. сб. II, стр. 76, № 75.

[4] См. ВДИ, 1949, № 1, стр. 153.

[5] Н. сб., II, стр. 74—75, № 67, 68, 69.

[6] К первой четверти V в. относится чеканка серебряных пантикапейских монет, имеющих на реверсе изображение восьмилучевой звезды (ВДИ, 1950, № 4, стр. 79, № 15—17, табл. I). Три монеты этого типа, находившиеся в составе упомянутого выше нимфейского клада, представляют повидимому номинал в $^1/_2$ или $^1/_4$ обола.

[7] Н. сб., II, стр. 77. № 84, 85, 86, 87.

Имхоф-Блумером [1], то — 4,42 гр; большая группа монет средней величины признается Бертье-Делагардом за диоболы со средним весом 1,39 гр. Все более мелкие монеты он делит на гемиоболы и тетартемории (средний вес соответственно 0,34 и 0,22 гр, колебание веса 0,57—0,27 и 0,26—0,17 гр). Но применяя графический метод размещения весов на весовой шкале, мы должны будем несколько изменить это деление. Прежде всего сомнение вызывает особняком стоящая монета с весом 0,57 гр; она значительно тяжелее остальных и может принадлежать иному номиналу (обол?) или же являться просто случайным изделием, резко превышающим норму. И в том и в другом случае она не должна приниматься в расчет при выведении нормального веса номинала. Удаление этой монеты и некоторое передвижение границы между весами гемиобола и тетартемория, диктуемое той же весовой шкалой, изменит средний вес этих номиналов до 0,31 и 0,21 гр.

Совсем необычный номинал дает следующая серия монет, имеющая на реверсе буквы ПАN и звездочку. Датируется эта серия началом третьей четверти V в. до н. э. Три монеты весом в 8,54; 8,16 и 7,20 гр Бертье-Делагард объединяет в один номинал, считая их монетами в 9 оболов [2]. Веса их как будто бы отвечают этому предположению, но сам факт чеканки монеты такого номинала кажется несколько странным, коль скоро ни в одной другой серии ни Пантикапея, ни других боспорских городов номинал этот неизвестен. Все три монеты, указанные Бертье-Делагардом, не изданы и сам он их не видел, а сведения о них получил из вторых рук [3]. Поэтому в подлинности этих монет абсолютной уверенности быть не может. Между тем известны в нескольких экземплярах подделки монет как раз этой серии и именно монет с большим весом [4]. Все это заставляет нас относиться с чрезвычайной осторожностью к этим необычным в боспорской нумизматике монетам, считаясь с возможностью фальсификации. Среди остальных монет этой серии Бертье-Делагард различает 2 номинала: диобол (вес 1,48—1,02 гр, средний вес 1,34 гр) и гемиобол (вес 0,33—0,20 гр, средний вес 0,27 гр [5]). Но может быть правильнее было бы три наиболее легкие монеты высшей группы выделить в особый номинал. Веса их — 1,12; 1,09; 1,02 гр — довольно далеко отстоят от весов остальных монет (не ниже 1,32 гр) и сами по себе скорее могут принадлежать тригемиоболам. В таком случае средний вес диоболов повысится до 1,42 гр.

Монеты с надписью ПАNTI на рельефных табличках или прямо в поле углубленного квадрата, чеканившиеся в третьей четверти V в., образуют только 3 номинала: диобол (средний вес 1,68 гр), гемиобол (0,37 и 0,33 гр) и тетартеморий (0,20 гр) [1]. Средний вес диоболов этой серии значительно выше соответствующих цифр предыдущих выпусков, в которых наблюдалась тенденция к постепенному понижению веса. Несмотря на небольшое количество известных нам диоболов, это все же не производит впечатления случайного преобладания находок с высоким весом. Такое повышение веса основного номинала системы может быть объяснено сознательным стремлением стабилизировать вес монеты и помешать дальнейшему его падению, вернув его к первоначальному уровню (1,64 гр). Такое предположение тем более вероятно, что чеканка всей этой серии в весовом отношении кажется гораздо более тщательной, чем чеканка предыдущих и последующих выпусков. Эта попытка стабилизации веса монеты, видимо, успеха не имела, и в следующей серии вес диоболов опять значительно ниже.

Вся последняя четверть V в. до н. э. занята чеканкой пантикапейского серебра с новым типом оборотной стороны (голова барана в углубленном квадрате). Чеканка эта распадается на две серии [2]: к первой из них (голова барана вправо) относится монета весом в 3,10 гр, которую Бертье-Делагард считает тетроболом [3]; ко второй (голова барана влево, под ней осетр или звезда) — монеты весом в 5,47; 5,33 и 4,63 гр, являющиеся скорее всего драхмами [4]. Монеты всех меньших номиналов имеются одинаково в обеих сериях, но распределить их по сериям не представляется возможным, так как Бертье-Делагард не различает серий и не указывает, к какой из них относится данный экземпляр. Он находит в этой чеканке диоболы, гемиоболы и тетартемории [5]. Но распределение всего весового материала на весовой шкале позволяет выделить еще номинал в $1\frac{1}{2}$ обола (средний вес 1,08 гр) и, может быть, в обол (средний вес 0,63? гр). Это повысит нормальный вес диобола до 1,49 гр (вместо среднего веса 1,44 гр у Бертье-Делагарда) и понизит нормальный вес гемиобола до 0,34 (вместо 0,38 гр). Нормальный вес тетартемория составляет около 0,20 гр.

Чеканка второстепенных городов Боспора гораздо слабее чеканки Пантикапея, сравнительно кратковременна и бедна номиналами.

---

[1] Fr. Imhoof-Blumer, Monnaies grecques, Paris, 1883, стр. 41, 43.
[2] Н. сб., II, стр. 77, № 81.
[3] Там же, стр. 53.
[4] A. Oreschnikow. Zur Münzkunde des Cimmerischen Bosporus, Moskau, 1883, стр. 20; Ch. Giel Указ. соч., стр. 23; П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XIX, 15 и А. Л. Бертье-Делагард. Поправки общего каталога монет Бурачкова, М., 1907, стр. 19.
[5] Н. сб., II, стр. 77, № 82, 83.

[1] Н. сб., II, стр. 78, № 88, 89, 91, 92.
[2] А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 166—167.
[3] Н. сб., II, стр. 80, № 106.
[4] Там же, № 105.
[5] Там же, № 107, 108, 109.

Аполлонийских монет известны две серии, первая из которых датируется примерно второй четвертью V в. до н. э., а вторая — третьей четвертью того же века [1]. Однако мы лишены возможности проследить номиналы отдельно по каждой серии аполлонийских монет, так как Бертье-Делагард серии эти не различает и дает веса монет все вместе. Можно сказать только, что номиналы в обеих сериях одинаковы, но пользоваться таблицами Бертье-Делагарда для определения среднего веса главного номинала — диобола — невозможно. Колебание в весе, согласно его таблицам, очень велико 2,00—0,92 гр, а средний вес, выведенный из этих цифр (1,44 гр.) [2], затушевывает возможные различия в весе монет той и другой серий. Поэтому мы обратились к индивидуальным весам диоболов обеих серий, известным нам помимо сводки Бертье-Делагарда, и вот какие результаты мы получили [3]:

I серия (в граммах): 1,56; 1,51; 1,45; 1,45; 1,45; 1,44; 1,42; 1,41; 1,32.

II серия (в граммах): 1,77; 1,74; 1,72; 1,60.

Бросается в глаза разница цифр в первой и второй сериях. Совершенно очевидно, что диоболы первой серии значительно легче диоболов второй. Средние цифры по обеим сериям получаются 1,44 и 1,70. Конечно, нельзя быть твердо уверенным в абсолютной правильности этих цифр (первая из них, по всей вероятности, должна быть еще ниже), выведенных из такого небольшого числа взвешиваний. Если бы удалось в таблицах Бертье-Делагарда выделить монеты, относящиеся к первой и ко второй сериям и вывести средние веса, принимая во внимание все произведенные им взвешивания, мы получили бы гораздо более точный и надежный результат. Но общая тенденция повышения веса диоболов во второй серии выступает достаточно ясно и из приведенных нами цифр. Вспомним, что вторая серия аполлонийских монет по времени соответствует пантикапейским монетам с надписью ΠΑΝΤΙ и что в этой пантикапейской чеканке мы наблюдали точно такое же повышение веса диоболов по сравнению с предыдущей серией. Это сопоставление служит вместе с тем доказательством правильности установленной нами относительной хронологии аполлонийских монет.

Среди остального аполлонийского серебра Бертье-Делагард различает гемиоболы (средний вес 0,35 гр), тетартемории (0,21 гр) и гемитетартемории [1]. Может быть и при рассмотрении этих номиналов нужно было бы сделать различие в средних весах монет первой и второй серий, как это было сделано с диоболами, но, к сожалению, мы не располагаем здесь даже теми скудными весовыми данными, которые имелись о диоболах.

Первый выпуск монет Мирмекия, состоящий из анэпиграфных монет, имеющих на обороте углубленный квадрат, разделенный на 4 отсека с точками в двух из них, относится еще к первой четверти V в. до н. э. Вся эта серия делится Бертье-Делагардом на 3 номинала в $^1/_2$, $^1/_4$ и $^1/_8$ обола, с чем можно согласиться, но отдельные монеты отнесены им не к тому номиналу, к которому они принадлежат, и поэтому средние веса номиналов выведены у него неверно. Исправление этих ошибок при помощи весовой шкалы позволяет определить нормальный вес для тетартемория — 0,24 гр и для гемитетартемория — 0,13 гр; гемиобол представлен всего одним экземпляром с весом 0,37 гр. Дальнейшая мирмекийская чеканка занимает всю вторую и третью четверти V в. и производится одновременно на двух монетных дворах — Пантикапея и Аполлонии [2]. Во всей этой чеканке преобладают мельчайшие номиналы.

Только одну монету весом в 0,57 гр Бертье-Делагард считает оболом [3]. Но редкость монет этого номинала на Боспоре вообще и отсутствие их в современной пантикапейской чеканке вызывает сомнение не только в определении номинала, но и в подлинности самой монеты такого веса. Более вероятно определение, как гемиобола, тоже единственной монеты весом 0,34 гр [4]. Совершенно же достоверно в мирмекийской чеканке засвидетельствованы лишь тетартемории и гемитетартемории со средним весом 0,20 и 0,12 гр (по Бертье-Делагарду соответственно 0,18 и 0,11 гр) [5]. Произвести определение средних весов мирмекийских монет отдельно по сериям довольно трудно, да и бесполезно, так как колебание веса в этих мельчайших номиналах незначительно и случайно.

Чеканка Нимфея, Феодосии, синдов и Фанагории была довольно кратковременной. Сопоставление монет этих центров с пантикапейским серебром в отношении стиля и техники позволяет датировать их довольно точно. Чеканка Нимфея и Синдики занимает последнюю четверть V в. до н. э. и прекращается в последних годах этого века. Ранние монеты Феодосии распадаются на две серии, из кото-

---

[1] См. ВДИ, 1949, № 1, стр. 146—147, 152.

[2] Н. сб., II, стр. 79, № 99.

[3] Монеты с указанными весами опубликованы в след. изданиях: I серия: BMC, Thrace, стр. 87, № 1, 2, 3; Fr. Imhoof-Blumer. Указ. соч., стр. 42; Ch. Giel. Указ. соч., стр. 21, № 15; E. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge, 1913, табл. IX, 10; CAH, Plates, III, 1930, табл. 20*c*; Каталог собрания древностей гр. Уварова, VII, М., 1887, стр. 50, № 367; ЗРАО, V, 1853, стр. 347; II серия: ЗРАО, V, 1853, стр. 347; Fr. Imhoof-Blumer. Указ. соч., стр. 42; Sylloge numorum graecorum Danisch nat. Museum, Thrace, I, Copenhagen, 1942, табл. I, 19.

[1] Н. сб., II, стр. 80, № 100, 101, 102.

[2] См. ВДИ, 1949, № 1, стр. 150.

[3] Н. сб., II, стр. 78, № 93.

[4] Там же, стр. 79, № 94.

[5] Там же, стр. 79, № 95, 96, 97; стр. 80, № 103, 104.

рых первая одновременна монетам Нимфея, синдов и первому выпуску пантикапейских монет с головой барана на реверсе. Вторая феодосийская серия может быть сопоставлена со вторым выпуском пантикапейского серебра с головой барана и должна быть датирована рубежом V и IV вв. К этому же времени относятся и все ранние монеты Фанагории.

Нимфейские монеты составляют все одну серию, в которой Бертье-Делагард различает три номинала [1]. Крупнейший из них, представленный всего двумя монетами с весом 4,72 и 4,93 гр, он считает пентоболом, но Подшивалов, вероятно, прав, когда видит в них эгинскую драхму с несколько пониженным весом [2]. В нескольких экземплярах найдены диоболы (средний вес 1,56 гр). Главную же массу нимфейского серебра составляют мелкие монетки с весом от 0,39 до 0,17 гр. Бертье-Делагард все их считает гемиоболами со средним весом 0,29 гр. Однако значительная разница в весе и редкость монет как раз среднего веса заставляет сомневаться в правильности такого определения. Размещение этих монет на весовой шкале показывает, что здесь следует различать два номинала: гемиобол с нормальным весом 0,34 гр и тетартеморий (0,20 гр). Такое распределение номиналов как нельзя лучше согласуется с весовыми показателями одновременной пантикапейской чеканки.

Монет Феодосии известно так мало, что о монетной системе и о номиналах можно говорить только предположительно. Первый выпуск феодосийского серебра с мужской головой на лицевой стороне и с головой быка на оборотной известен только в двух экземплярах монет, принадлежащих, видимо, к одному номиналу в $1^1/_2$ обола (вес 1,06 и 0,93 гр) [3]. Вторая серия феодосийских серебряных монет с типами головы Афины-Паллады и букрания представлена тремя номиналами [4], два из которых известны только в одном экземпляре. Бертье-Делагард считает их гемиоболом и тетартеморием, но вес 0,50 гр кажется слишком высоким для гемиобола и, может быть, в этой монете скорее надо видеть обол с несколько недостающим весом. К наибольшему номиналу этой серии принадлежат 4 монеты с весом от 2,62 до 2,35 гр, которые Бертье-Делагард считает, вероятно, вполне правильно, триоболами.

Синдские монеты представлены четырьмя одновременными сериями, различающимися типами лицевой и оборотной сторон и составом номиналов. Наиболее полной является серия с головой Геракла на лицевой стороне и с головой коня на оборотной [1]. Группу монет этой серии с колебанием веса от 1,67 до 0,95 гр Бертье-Делагард считает одним номиналом — диоболом (средний вес 1,35 гр). Но вероятно наиболее легковесные экземпляры (ниже 1,20 гр), составляющие здесь компактную группу в 5 (а с монетой из б. собрания Голикова в ГМИИ № 4327—6) экземпляров, должны быть выделены в особый номинал (тригемиобол?). Индивидуальные веса монет 0,95; 1,01; 1,04 гр и т. п. кажутся слишком низкими для диоболов и, кроме того, судя по аналогии с пантикапейским и нимфейским серебром того же времени, средний вес диобола должен быть несколько выше, чем полученный Бертье-Делагардом. Выделение указанных легковесных монет в особый номинал подняло бы средний вес диобола до 1,46 гр, что кажется нам более вероятным. К этой же серии относятся две монеты бо́льшего веса, определяемые Бертье-Делагардом как триоболы (2,65 и 1,76 гр), но, может быть, вторую из этих монет следует считать диоболом: по весу она очень близка к наиболее тяжелым диоболам этой же серии и почти совпадает с диоболом весом 1,75 гр серии с грифоном. Во всяком случае, выводить средний вес триобола из этих двух весов, 2,65 и 1,76 гр, конечно, нельзя. Мелкие монеты этой серии довольно многочисленны, вес их колеблется от 0,42 до 0,17 гр и такая значительная разница в весе не позволяет нам объединять их, как это делает Бертье-Делагард, в один номинал; да и по величине они резко распадаются на две группы: одна из них охватывает монеты с весом от 0,42 до 0,26 гр и вторая — от 0,24 до 0,17 гр. Если монеты первой группы мы можем считать вместе с Бертье-Делагардом полуоболами (нормальный вес 0,32 гр), то более легкие и меньшего размера монетки являются, видимо, тетартемориями (нормальный вес 0,20 гр). Веса этих номиналов почти точно совпадают с нормальным весом соответствующих нимфейских и пантикапейских монет.

Серия синдских монет с изображением грифона на лицевой стороне включает в себя гемиоболы (средний вес 0,29 гр) и более крупные монеты (вес от 1,75 до 0,92 гр), которые Бертье-Делагард считает диоболами [2]. Но вероятно и в этой серии из группы диоболов должны быть выделены наиболее легковесные монеты. К сожалению, размещение диоболов обеих серий на весовой шкале не дает ясной картины и поэтому высказанные соображения остаются лишь предположениями.

Только одним номиналом представлена любопытная серия монет, имеющих на аверсе фигуру коленопреклоненного Геракла, а на

[1] Н. сб., II, стр. 91, № 159, 160, 161.
[2] A. Podschiwalow. Beschreibung der unedirten und wenig bekannten Münzen, Moskau, 1882, стр. 4.
[3] Н. сб., II, стр. 72, № 53.
[4] Там же, стр. 72, № 50, 51, 52.

[1] Там же, стр. 94, № 174, 175; стр. 95, № 176.
[2] Н. сб., II, стр. 94, № 172, 173.

реверсе — сову. Вес их колеблется между 1,27 и 1,05 гр. Бертье-Делагард считает эти монеты диоболами и выводит для них средний вес 1,19 гр [1]. Сравнение этой величины с нормальными весами диоболов в других сериях приводит нас к убеждению, что мы имеем здесь дело не с диоболами, а с тригемиоболами. Косвенным свидетельством в пользу этого мнения является то, что феодосийские монеты первого выпуска, одновременные синдским монетам, представляют именно этот номинал в $1^1/_2$ обола; общим между указанной синдской серией и первым феодосийским серебром является также отсутствие в серии других номиналов.

Наконец, последняя синдская серия состоит из мелких монеток, имеющих типами головы коня и быка. Бертье-Делагард считал эти монеты тетартеморией [2], но преобладание среди них мельчайших экземпляров с весом ниже 0,15 гр и с диаметром 4—5 мм заставляет скорее видеть в них еще более мелкое подразделение — гемитетартеморий (средний вес 0,13 гр).

Все фанагорийские монеты делятся Бертье-Делагардом на четыре номинала [3]. Крупнейшую монету, известную всего в одном экземпляре (вес 4,45 гр) он считает пентоболом, но скорее в ней надо видеть эгинскую драхму [1]. К диоболам Бертье-Делагард относит монеты с весом от 1,79 до 1,01 гр с разными типами: с изображением протомы быка или его головы. Средние веса для них (по двум группам) получаются 1,57 и 1,27 гр. Такая разница в весе одного и того же номинала в одновременных сериях очень странна. Разница эта еще увеличилась бы, если бы Бертье-Делагард при выведении среднего веса по второй серии не отбросил четырех наиболее легких монет из общего числа 17. Между тем исключение такого большого процента монет хорошей сохранности (одна из них, самая легкая, весом в 1,01 гр находится в Государственном историческом музее, сохранность ее прекрасная) ничем не оправдано. Внимательное рассмотрение индивидуальных весов и применение весовой шкалы показывает, что здесь надо различать два номинала: диоболы с нормальным весом около 1,50 гр и тригемиоболы с нормальным весом 1,11 гр. Такое разделение на номиналы оправдывается и значительной разницей в размерах этих монет. Кроме того, выведенные нами средние веса превосходно согласуются со средними весами одновременной пантикапейской чеканки. Мелкие монеты Фанагории, признанные

Система номиналов боспорской чеканки VI — V вв. до н. э.

Дата	Место чеканки	Номиналы (вес в граммах)									
		Драхма	Пентобол	Тетробол	Триобол	Диобол	Тригемиобол	Обол	Гемиобол	Тетартеморий	Гемитетартеморий
Середина VI в.	Пантикапей	5,61	—	3,55?	2,75	1,64	0,99?	—	0,48	—	0,12?
Вторая половина VI—нач. V в.	Пантикапей	—	—	—	2,70	+	+	0,77?	0,47	0,25	+
Первая четверть V в.	Пантикапей	—	—	3,29	—	1,58	—	—	0,36	0,20	0,12
	Мирмекий	—	—	—	—	—	—	—	0,37?	0,24	0,13
Вторая четверть V в.	Пантикапей	—	4,42	—	—	1,39	—	—	0,31	0,21	—
	Мирмекий	—	—	—	—	—	—	—	0,34?	0,20	0,12
	Аполлония	—	—	—	—	1,44?	—	—	+	+	—
Третья четверть V в.	Пантикапей	—	—	—	—	1,68	—	—	0,37; 0,33	0,20	—
	Мирмекий	—	—	—	—	—	—	—	—	0,20	0,12
	Аполлония	—	—	—	—	1,70	—	—	+	+	—
Последняя четверть V в.— начало IV в.	Пантикапей	5,15?	—	3,10?	—	1,49	1,08	0,03?	0,34	0,20	—
	Феодосия	—	—	—	2,52	—	1,00?	0,50?	—	0,25?	—
	Синдика	—	—	—	2,65?	1,46?	1,19?	—	0,32; 0,29	0,20	0,13?
	Нимфей	4,82?	—	—	—	1,56	—	—	0,34	0,20	—
	Фанагория	4,55?	—	—	—	1,50	1,11	—	0,33	0,21	—

[1] Н. сб., II, стр. 95, № 179.
[2] Там же, № 178.
[3] Там же, стр. 92, № 162, 163, 164, 165.

[1] А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 169.

Бертье-Делагардом гемиоболами, тоже должны быть разделены на два номинала: гемиоболы, весящие в среднем 0,33 гр и тетартемории со средним весом 0,21 гр. Средние веса этих номиналов тоже совпадают почти точно с соответствующими цифровыми данными пантикапейской чеканки.

Попытаемся теперь сделать некоторые выводы из рассмотрения монетных систем отдельных боспорских городов. Для удобства сопоставления данных по отдельным выпускам и городам, мы изобразили все вышеизложенное в таблице (стр. 131), где цифры соответствуют нормальному весу номинала в граммах.

Сопоставление в одной таблице монет нескольких городов и разного времени оказалось возможным потому, что все эти монеты принадлежат к одной весовой системе. Выше уже говорилось о том, что Пантикапей и другие города Боспора употребляли при чеканке своего первого серебра эгинскую весовую систему. По этому же стандарту чеканило свою серебряную монету и большинство других городов северного и западного побережья Понта Евксинского. Что определило выбор именно этой системы припонтийскими городами? На этот вопрос давались разные ответы. Наиболее подробно разбирал этот вопрос А. Л. Бертье-Делагард: исследуя монетные системы Пантикапея и Ольвии, он пришел к выводу, что они исходят из одной и той же весовой единицы, равной эгинскому статеру (вес — 12,13 гр). Объяснял он это тем, что греки, поселившиеся на северных берегах Черного моря, нашли здесь уже сложившуюся весовую систему, которой и следовали в своей монетной политике; сама же эта система занесена была в Северное Причерноморье из Египта через Ассирию и Каппадокию еще в доисторические времена[1]. Вся эта теория Бертье-Делагарда очень искусственна и не выдерживает серьезной критики уже потому, что исходит из неверных предпосылок. Основным положением Бертье-Делагарда является то, что пантикапейское золото IV в. до н. э. и пантикапейское серебро V—IV вв. чеканены в одной системе, а так как средний вес золотой пантикапейской монеты случайно оказался равным египетскому киту, то отсюда он и выводит норму для серебряной драхмы — $^2/_3$ кита, т. е. 6,064 гр. Однако на самом деле золото и серебро чеканились в Пантикапее на совершенно различных весовых основах и к египетскому киту вес пантикапейских золотых статеров не имеет никакого отношения, да и эгинская драхма указанного Бертье-Делагардом веса никогда на Боспоре не встречается, а местная драхма всегда бывает значительно легче, как показывают и приведенные в таблице цифры. Кроме того, проникновение египетской меры веса в Северное Причерноморье еще в догреческую эпоху, широкое распространение ее там и долгое существование никак не могут быть объяснены.

Гарднер и Ростовцев видят причину распространения эгинского стандарта в припонтийских городах в том, что Эгина и Пелопоннес играли значительную роль в черноморской торговле[1]; при этом они ссылаются на известное свидетельство Геродота о кораблях, нагруженных хлебом для Эгины и Пелопоннеса, которые видел Ксеркс в Геллеспонте[2]. Однако это объяснение никак не может быть принято. Черноморская торговля могла частично попасть в руки эгинских купцов лишь в период, следующий за разрушением Милета и предшествующий установлению афинской гегемонии, с чем согласны и оба указанных автора; между тем, чеканка монеты по эгинской системе в припонтийских городах — по крайней мере в Синопе и Пантикапее — началась гораздо раньше. Кроме того, даже если Эгина и могла играть известную роль в понтийской торговле, то во всяком случае она ни в какое время не могла занимать в ней монопольного положения. Единственным возможным объяснением распространения эгинского весового стандарта в припонтийских городах нам кажется то, что он был занесен в Причерноморье колонистами-ионийцами. Как раз в середине VI в. до н. э., когда была основана значительная часть ионийских колоний на Понте и когда в Пантикапее началась чеканка монеты, некоторые ионийские центры, в том числе Милет и Теос, приняли эгинскую весовую систему для своей собственной чеканки[3]. В это время, вероятно, и распространяется эгинский стандарт в Причерноморье. Очень скоро большинство ионийских городов под воздействием золотой чеканки Креза и Кира отказалось от эгинской системы, хотя Теос, в виде исключения, пользовался ею в течение всего V в. В причерноморских же городах эта система могла удержаться благодаря тому, что серебро имело здесь значение лишь местной монеты, тогда как для внешней торговли применялись кизикины.

Второстепенные города Боспора, начавшие чеканку значительно позднее Пантикапея, естественно, приняли ту весовую систему, которой пользовался Пантикапей. Следует подчеркнуть тот факт, что выпуск монеты всеми

[1] А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене, Н. сб., I, 1911, стр. 81—84.

[1] P. Gardner. A History of ancient coinage, 700—300 B. C., Oxford, 1918, стр. 171; M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia, Oxford, 1922, стр. 229.

[2] Herod., VII, 147.

[3] B. Head. Historia numorum, Oxford, 1911, стр. 585, 595; P. Gardner. Указ. соч., стр. 196; A. Segrè. Metrologia e circolazione monetaria degli antichi, Bologna, 1928, стр. 217.

этими городами, за исключением более ранней чеканки Аполлонии и Мирмекия, которая являлась лишь дериватом пантикапейской и, вероятно, всецело от нее зависела, начинается примерно в одно и то же время — в последней четверти V в. до н. э. Такое совпадение не могло, конечно, быть случайным. Начало выпуска собственной монеты второстепенными боспорскими городами было обусловлено определенными экономическими причинами — расцветом боспорской торговли и особенно укреплением торговых связей Боспора с Афинами. Именно к последней четверти или последней трети V в. относится установление особенно оживленных отношений между Афинами и городами Боспора [1]. Усиление афинского влияния во второстепенных городах Боспора сказывается прежде всего в преобладании аттической керамики среди находок конца V в. в Феодосии [2] и в других пунктах [3]. Одновременно завязываются и дружеские связи между афинянами и пантикапейскими правителями; декрет афинского народного собрания в честь Спартока и Перисада [4] упоминает о каких-то привилегиях (δωρεαί — скорее всего речь идет о праве гражданства и об ателии [5]), дарованных афинянами еще Сатиру (407—387 гг. до н. э.). Заинтересованность Афин в боспорском хлебе в конце V в. должна была быть очень значительной, особенно после сицилийской катастрофы. Эта заинтересованность и толкала афинян на активную политику в Причерноморье: отправка морских экспедиций в Понт [6], основание или захват населенных пунктов на Боспоре (Нимфей, Стратоклея?, Афиней ?), установление дружественных связей со Спартокидами — все это звенья одной цепи, при помощи которой афинские политики стремились закрепить за собой боспорский хлебный экспорт. Неслучайным является и тот факт, что во всех трех пунктах Боспора, начавших чеканку монеты в последней четверти V в., чувствуется аттическое влияние. В Нимфее — афинском владении — оно разумеется само собой, в Феодосии и Синдике оно обнаруживается в монетной типологии (голова Афины — на феодосийских монетах, сова — на монетах синдов). Это показывает пути, по которым шел в это время с Боспора хлебный экспорт. Быстрое экономическое усиление второстепенных городов, вызванное в значительной степени спросом на хлеб в Аттике, угрожало Пантикапею потерей того первенствующего положения, которое он занимал до этого времени. Неудивительно, что первые Спартокиды так настойчиво и упорно добивались присоединения к своим владениям этих расцветающих боспорских центров, преследуя одновременно две цели: обезопасить себя от возможных конкурентов и одновременно присвоить себе те огромные выгоды и барыши, которые приносила экспортная торговля хлебом. Но, конечно, объединение Боспора не было, и не могло быть, следствием только стремлений и усилий Спартокидов; оно имело гораздо более глубокие корни. Разъединенные и, вероятно, соперничающие друг с другом греческие полисы, заброшенные в океане местных племен, то дружественных, то враждебных грекам, в силу самого своего положения должны были притти к идее объединения [1]. Поэтому-то и удалось Спартокидам так быстро организовать обширную и сравнительно прочную державу. Что экономическая потребность в объединении уже назрела к концу V в., мы можем видеть на примере единства монетного весового стандарта и близости монетной системы различных боспорских городов.

Приведенная выше таблица ясно показывает резкое преобладание мелких номиналов в чеканке боспорских городов VI—V вв. до н. э. Основная единица эгинского стандарта — статер — совершенно не появляется. Наиболее крупным номиналом является драхма (существование тригемидрахмы, как мы видели, вызывает значительные сомнения), но и она чеканится только эпизодически; также нерегулярно выпускаются и монеты достоинством в 5, 4 и 3 обола. Основу всей системы составляет диобол, встречающийся во всех выпусках боспорских городов, кроме Мирмекия и Феодосии. Но Мирмекий выпускает вообще только мельчайшую разменную монету, а чеканка Феодосии известна нам еще слишком плохо. Тригемиоболы встречаются тоже довольно редко, а существование оболов вообще сомнительно, поскольку монеты, которые по весу могли бы быть признаны оболами, встречаются единицами и вес их сильно занижен. Зато в изобилии встречаются более мелкие номиналы: гемиоболы, тетартемории, гемитетартемории. Они известны почти во всех сериях и в большом сравнительно количестве экземпляров. Особенное постоянство наблюдается в чеканке гемиоболов, встречающихся во всех сериях, кроме выпусков тех же Мирмекия и Феодосии.

Такое значительное преобладание мельчайших подразделений в чеканке боспорских городов совершенно определенно говорит о

---

[1] С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства, ИАН, ООН, 1934 г., № 8—9, стр. 600.

[2] Э. Р. Штерн. Феодосия и ее керамика, Одесса, 1901, стр. 5, 11, 33; М И Ростовцев. Скифия и Боспор. 1925, стр. 253.

[3] Э. Р. Штерн. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории черноморской колонизации, ЗООИД, XXII, стр. 10.

[4] ВДИ, 1939, № 3, стр. 239. сл., № 3.

[5] Ср. С. А. Жебелев. Указ. соч., стр. 601 сл.

[6] См. ВДИ, 1939, № 3, стр. 238.

[1] С. А. Жебелев. Указ. соч., стр. 593; его же, Боспорские этюды, ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 12.

местном характере этой чеканки. Все это мелкое серебро не могло играть никакой роли за пределами местного, боспорского рынка, и при торговых сделках с греческими купцами должна была употребляться иная, общегреческая монета. Такой монетой, игравшей роль международного средства обращения на Боспоре, как и во всем Причерноморье, были электровые статеры города Кизика — «кизикины» [1].

Мы видели, что все боспорские города в первый период своего существования чеканят только серебряную монету и только по эгинской системе. Это следует особенно подчеркнуть, так как в западноевропейской литературе существует ни на чем не основанное мнение, что серебряная монета на Боспоре является случайной и что основу денежного обращения в этих краях составляет золото. Это мнение, высказанное впервые Моммзеном, подверглось вполне справедливой критике со стороны Бертье-Делагарда [2].

Другая ошибка, столь же необоснованная, как и первая, до сих пор повторяется в нумизматических трудах западноевропейских ученых. Это мнение о том, что на Боспоре еще до начала чеканки серебра выпускалась электровая монета по милетскому стандарту (статер около 14,40 гр) и лишь впоследствии вес статера был понижен до эгинского и электр был заменен серебром [3]. На самом деле ни электр, ни милетский стандарт в боспорской чеканке никогда не применялись.

Употребляя с самого начала в своей чеканке эгинскую весовую систему, Пантикапей, а вслед за ним и другие города Боспора, не следуют совершенно точно эгинским весовым нормам. Вес эгинского статера теоретически равен 12,56 гр, драхмы — 6,28 гр и т. д. [4] На деле, однако, средний вес соответствующих номиналов никогда не достигает этих цифр, так как некоторый процент металла удерживается монетариями в виде монетной пошлины. Согласно вычислениям Бертье-Делагарда средний вес драхмы в самой Эгине на практике составлял около 6,00 гр [5]. Пантикапейская драхма с самого начала весит еще меньше — 5,61 гр. Это не должно нас удивлять, если мы примем во внимание, что боспорские монетарии, вводя у себя эгинскую систему веса, брали себе за норму не отвлеченную теоретическую величину, а реальный вес эгинских монет (драхма ≈ 6,00 гр) и в свою очередь несколько уменьшали вес в целях удержания монетной пошлины. Кроме того, эгинская система, как мы уже говорили, была заимствована Боспором не непосредственно от Эгины, а через какой-то другой центр, пользовавшийся этим стандартом вероятно уже в редуцированном виде (вспомним, что в Теосе в VI в. употребляется эгинский стандарт с весом драхмы не выше 5,96 гр [1], причем этот вес выведен теоретически из веса статера; действительный вес драхм должен быть еще ниже; то же самое находим мы и в Синопе, и в ряде других городов). Еще заметнее это отклонение от нормы в более мелких номиналах. Это обычное явление в античной чеканке, объясняющееся двумя моментами: с одной стороны, монетная пошлина была тем выше, чем мельче были монеты; с другой стороны, в торговле меньшее значение имела полновесность мелких подразделений, которые рассматривались до известной степени лишь как условные денежные знаки [2].

Дело не ограничивалось первоначальным введением несколько заниженного веса: в процессе дальнейшей полуторавековой чеканки боспорских монет происходит постепенное, от серии к серии, уменьшение их веса. Мы можем заметить это даже на примере эпизодически выпускавшихся пантикапейских драхм, но особенно ясно это видно из сравнения диоболов различных серий. Средний вес этого номинала в пантикапейской чеканке за время с середины VI до середины V в. до н. э. изменяется следующим образом: 1,64—1,58—1,39 гр. Соответствующее уменьшение веса заметно и в графе гемиоболов, для которых это уменьшение веса будет выражаться в цифрах: 0,48—0,47—0,36—0,31 гр. Аполлония и Мирмекий, начавшие выпуск своей монеты еще в первой половине V в., в весовом отношении полностью следуют нормам одновременной пантикапейской чеканки. В третьей четверти V в. до н. э. в Пантикапее была сделана попытка восстановить первоначальный вес основного номинала системы — диобола путем выпуска более тяжелых монет со средним весом 1,68 гр. Некоторое повышение веса заметно также и на гемиоболах (до 0,37 гр). Совершенно то же явление отмечается и в нумизматике Аполлонии, о чем уже говорилось выше. Но попытка эта, видимо, не имела успеха, так как вес пантикапейских диоболов следующего выпуска опять значительно ниже — в среднем около 1,49 гр. И опять соответствующие номиналы в чеканке второстепенных городов Боспора в весовом отношении рабски следуют за пантикапейскими нормами (для диоболов: Пантикапей — 1,49 гр, Нимфей — 1,56 гр, Фанагория — 1,50 гр, Синди-

[1] Об обращении кизикинов на Боспоре см. нашу статью, ВДИ, 1949, № 2.
[2] А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость, стр. 35, 98 и др.
[3] P. Gardner. Указ. соч., стр. 171—172; A. Burns. Money and monetary policy in early times, London, 1927, стр. 206.
[4] B. Head. Указ. соч., стр. 396.
[5] А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость, стр. 35, прим.

[1] B. Head. Указ. соч., стр. 595.
[2] А. Л. Бертье-Делагард. Относительная стоимость, стр. 19, 35, прим.

ка — 1,46 гр, для гемиоболов: Пантикапей — 0,34 гр, Нимфей — 0,34 гр, Фанагория — 0,33 гр, Синдика — 0,32 гр и 0,29 гр). Может быть, ничто не указывает так ясно на экономическую зависимость второстепенных городов Боспора от Пантикапея и на экономическое единство всей территории, расположенной на обоих берегах Боспора Киммерийского, как это полное совпадение номиналов и весовых норм в чеканке различных, политически самостоятельных, греческих полисов. Несколько особняком стоит как будто бы только Феодосия, не чеканившая как раз тех номиналов, которые были основными в монетной системе других городов. Но весовые нормы в Феодосии те же, что и в других центрах, и кроме того ранняя феодосийская чеканка известна нам пока еще слишком плохо, чтобы можно было бы сделать какие-нибудь решительные выводы об экономическом положении этого города на основании изучения его нумизматических памятников.

Таким образом, изучение автономной чеканки боспорских городов в пору их политической самостоятельности служит весьма веским доводом в пользу того мнения, что Боспор уже в древнейшую эпоху является единым целым, если не в политическом, то в экономическом отношении, и что гегемоном всей этой области был Пантикапей, древнейший и сильнейший из боспорских городов. По мере постепенного расширения Боспорского государства, города, включавшиеся в его состав, теряли право собственной чеканки и пантикапейская монета становилась единственным (если не считать кизикских статеров) средством денежного обращения на Боспоре. В начале IV в. этот процесс централизации денежного обращения закончился и начался новый период истории монетного дела на Боспоре.

М. М. Кобылина

ПОЗДНИЕ БОСПОРСКИЕ ПЕЛИКИ

Краснофигурная пелика является самым распространенным на Боспоре в IV в. до н. э. типом вазы.

Пелики, как свидетельствуют отчеты о раскопках, составляли часть погребального инвентаря. Их находили около гроба, или около костяка. Некоторые из них были урнами с прахом и пережженными костями и, наконец, обломки пелик, затронутые огнем, были найдены на кострищах. Возможно, что пелики изготовлялись и специально для погребальных целей. Но вообще они имели, конечно, более широкое применение. Обломки краснофигурных пелик являются обычными находками на городищах Боспора. Группа боспорских пелик со сложными мифологическими сюжетами росписей вошла в историю античной вазописи под именем ваз «керченского» стиля, но огромный массовый материал пелик с изображениями грифов и амазонок, особенно характерный для Боспора, почти не подвергался специальной обработке.

Тщательная работа С. С. Лукьянова и Ю. П. Гриневича «Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись» [1], где авторы касаются всего материала керченских краснофигурных ваз IV в. до н. э., является в настоящее время устаревшей. Новейшая работа К. Шефольда «Untersuchungen zu den Kertscher Vasen», вышедшая в Берлине в 1934 г., посвящена главным образом вазам «керченского» стиля. Массовый материал боспорских пелик он затрагивает очень мало, и его атрибуции, сделанные всецело по формалистическому методу, весьма запутывают вопрос и об этих вазах.

В V—IV вв. до н. э. краснофигурные вазы широко вывозились в города Боспора из Афин. Аттика в это время находилась в самых дружеских отношениях с правящей верхушкой Боспора, ибо сильно нуждалась в сырье, а более всего в хлебе; в свою очередь города Боспора получали из Афин вино, масло, произведения художественного ремесла, особенно расписные вазы.

Если место производства большинства краснофигурных боспорских пелик лежит вне Боспора (Аттика), то выбор сюжетов росписей свидетельствует о влиянии Боспора, так как они изготовлялись с расчетом на определенный спрос.

Характерными для боспорских пелик темами росписей являются изображения, связанные со сказаниями о странах Причерноморья. Отдаленный от Греции мир обитателей территории Северного Причерноморья и Кавказа и фантастические представления о нем легли в основу древних поэтических сказаний о путешествии Язона за золотым руном, о грифах, аримаспах и амазонках. О чудесных грифах и аримаспах впервые рассказал грекам Аристей Проконнесский около 540 г., в своей поэме «Аримаспея». Эсхил упоминает об остроглазых безгласных псах Зевса — грифах, которые живут у златоносного Плутонова потока и об одноглазых аримаспах. Вакхилид говорит об аримаспах, как о народе в Скифии и о золоте их земли. Геродот рассказывает, что аримаспы похищают золото у стерегущих его грифов.

Древние писатели изображают грифов, как фантастических зверей, похожих на львов, с крыльями и клювом орла. Такими они представлены и на боспорских пеликах. Изображения грифов на Боспоре имели особую популярность. Саркофаг из Б. Близницы [1] украшен резными деревянными изображениями грифов, раскрашенными и позолоченными. На другом саркофаге сохранились фигуры грифов, исполненные росписью [2]. Навершия столбиков царских погребальных колесниц делались в виде грифов. Гриф изображался на пантикапейских монетах. На пеликах обычно представлена борьба грифов с аримаспами или амазонками,

[1] МАР, вып. 35, 1915.

[1] ОАК, 1874, стр. 177—178.
[2] ДБК, табл. XXXIV.

голова грифа, коня и амазонки, грифы, терзающие лошадь или лань.

В древних схолиях к Илиаде Гомера говорится об амазонках, как о дочерях Арея и Афродиты, вскормленных у реки Фермодонта. Платон сообщает о том, что между народами Понта есть множество женщин, которых называют савроматидами и которые не только ездят верхом, но и владеют луком и прочим оружием и упражняются в употреблении его наравне с мужчинами.

Громадное большинство пелик с изображением амазонок и грифов найдено в районе Боспорского царства.

Просмотр и изучение боспорских пелик, рассеянных по музеям СССР, привели нас к заключению, что громадное большинство пелик с изображениями грифов и амазонок должны быть датированы второй половиной IV в. до н. э., но тип боспорской пелики и росписи этого рода появляются уже в самом конце V — начале IV вв. до н. э. Прекрасный образец такой пелики конца V в. до н. э. представляет пелика [1] Государственного Эрмитажа (№ 49-в) [2]. Она имеет раздутое тулово, широкую короткую шейку и профилированную ножку большого диаметра. На лицевой стороне изображена сцена битвы, в центре — бородатый воин в пестром восточном костюме, скачущий на коне, направляет копье на подступающего греческого воина в шлеме, прикрывающегося щитом; слева изображен другой обнаженный греческий воин, готовящийся бросить копье в воина в восточном костюме. Композиция отличается простотой. Фигура лошади сохраняет черты стиля Парфенона и стелы Дексилея. Пелика явно привезена из Афин.

Уже в первой четверти IV в. до н. э. встречаются те типы росписей пелик, которые позднее будут доминирующими — изображения грифов и амазонок. На пеликах этого времени обычно на обратной стороне фигуры в гиматиях. Вазы имеют большое раздутое тулово довольно большого диаметра, иногда расширяющееся книзу, немного скошенную или профилированную ножку, округло согнутые округлые в резрезе ручки, сравнительно узкое и более высокое, чем у вышеописанной пелики из собрания Государственного Эрмитажа, горло цилиндрической формы, ободок горла в профиле прямой или округленный, раструб горла небольшого диаметра. Мы имеем в виду пелики Керченского музея с изображением Афродиты на биге, запряженной грифами (рис. 1), Феодосийского музея — с изображением грифов по сторонам женской головы, Государственного исторического музея — с росписью в виде двух грифов, терзающих лошадь (рис. 2, *1*), Эрмитажную (№ 65-В) [1] с изображением головы коня, амазонки и грифа, и ряд других. На них написан ранний тип грифа, известный по изображениям на монетах [2] и в скульптуре [3], с гибкой шеей, с крупными, округло очерченными зубцами гребня, с выразительно очерченной головой, с круто округленным широким сомкнутым клювом;

Рис. 1. Фрагмент пелики с изображением Афродиты на колеснице, запряженной двумя грифами. Керчь, Археологический музей. Лицевая и обратная стороны

под клювом небольшой бугорок — бородка, на шее грифа этому выступу соответствуют мелкие полоски. Глаз изображен в виде кружка с маленьким кружком внутри и очерчен вверху низко спущенной округлой линией; глаз кажется глубоко посаженным и грозным; верхняя часть крыльев украшена косыми полосками и точками по две.

Ко второй четверти IV в. до н. э. относится боспорская пелика с изображением Аполлона на грифе [4], найденная с золотой монетой Филиппа Македонского середины IV в. до н. э. и имеющая более стройные формы; рядом с этим типом во второй четверти IV в. до н. э. встречается другой вариант формы: массивная ваза имеет тяжелое тулово на очень

[1] Найдена на горе Митридата в 1874 г. (оп. № 58).

[2] Указанные в настоящей статье номера пелик соответствуют номерам инвентарной описи музеев.

[1] ОАК, 1870, стр. XIX.

[2] B. V. Head. Historia Numorum. Oxford, 1911, рис. 180.

[3] Ath. Mitt., LI, 1926, табл. I, 6.

[4] ДБК, табл. VIII, 3, 2.

широкой ножке, толстые, торчащие в стороны ручки и широкий раструб горла; ручки в разрезе трехгранные, ножка профилирована, ободок горла прямой или немного скошен, чрезвычайно массивен (см. пелики Государственного Эрмитажа, Государственного исторического музея № 15299, рис. 2, *2*; 3, *1*, Одесского музея № III, 8). Эти пелики хорошо датируются по типу грифа, аналогичному изображениям на пантикапейском статере около 350 г. [1].

На пеликах второй четверти IV в. до н. э. темы грифомахии и амазономахии, а также изображения головы амазонки, коня и грифа встречаются очень часто, наряду с обычными мифологическими сюжетами аттических мастерских на вазах так называемого «керченского» стиля (рис. 3, *4*). Для пелик этого времени характерна большая пышная пальметта с множеством лепестков. Рядом с рисунками, исполненными просто, грациозно и бегло, встречаются росписи, нанесенные темными рельефными линиями.

Расцвет специфической боспорской тематики на пеликах наблюдается с третьей четверти IV в. до н. э.

Краснофигурные фазы, найденные в Олинфе [2], городе, погибшем в 348 г. до н. э.,— следовательно, сделанные до 348 г., не противоречат нашему определению боспорских пелик; наоборот, подтверждают наши даты. Так, например, на фрагменте вазы с изображением грифа и коня, голова грифа в точности такая же, как в группе пелик, которые мы датируем второй четвертью IV в. до н. э., например, на пелике Государственного исторического музея с изображением двух грифов, терзающих лань (№ 54711).

На гидрии из Олинфа [3] представлен Аполлон на грифе, перед ним убегающая и оглядывающаяся назад женская фигура; стиль росписи аналогичен нашей группе, тип грифа — такой же. На обратной стороне олинфских оксибафов и пелик мы встречаемся с тем же типом фигуры в гиматии, который известен нам по группе пелик второй четверти IV в. до н. э., а именно — закутанная в плащ фигура с поднятой к груди или протянутой вперед рукой с расходящимися от плеча складками гиматия, с темными полосами, схематично подчеркивающими край плаща на груди и внизу фигуры, с едва намеченным пышным концом гиматия за плечами [4]. Между фигурами в гиматиях иногда помещается кружок.

Полностью аналогичен и орнамент. Тот же тип ов, немного небрежно исполненных в отдельных частях [1], тот же тип пальметты; наряду со свободно обрисованными фигурами и орнаментом встречаются фигуры, врезающиеся в орнамент под ручками, а также пальметта — акротерий с усиками по сторонам, образующими орнамент в виде лиры [2].

В олинфских пеликах наблюдаем те же два типа пелик, которые мы отмечали в боспорских пеликах второй четверти IV в. до н. э.: грушевидная форма, утяжеляющаяся книзу, с более округлыми вверху ручками [3] и более стройная форма с вертикально поставленными ручками, широким в средней части, расширяющимся книзу туловом; ободок горла немного скошенный, с небольшим профильком, или без него [4].

В настоящей статье мы рассмотрим характерную для Боспора самую большую группу поздних ваз. Мы выделили их путем сопоставления форм, росписи и орнамента ваз, датированных совместными находками монет. При этом, монеты одного времени были найдены с пеликами одного и того же стиля. Это соответствие позволяет принять дату, которую дают монеты, без всяких сомнений. Найдены вместе с монетами следующие вазы: 1) ИАК, вып. 40, стр. 84, рис. 25, найдена с монетой конца IV — начала III в. до н. э. (Бурачков, XX, 93); 2) ИАК, вып. 30, стр. 18—19, рис. 12, найдена с монетой конца IV в.— начала III в. до н. э. (Бурачков, 33, 91—93); 3) ОАК, 1872, стр. XXIV, найдена с монетой конца IV — начала III в. до н. э. (Бурачков, XX, 70—71); 4) ИАК, вып. 35, стр. 14; ОАК, 1907 г., стр. 80, найдена с монетой конца IV в. до н. э. (Бурачков, XX, 88); 5) ИАК, вып. 40, стр. 69; ОАК, 1908, стр. 113, найдена с монетой конца IV в. до н. э. (Бурачков, XX, 88 и 89); 6) ОАК, 1866, стр. XI, найдена с монетой конца IV — начала III в. до н. э. (Бурачков, XX, 70—71) [5].

Кроме монет, имеются и другие совместные находки.

Варианты форм рассматриваемой группы поздних боспорских пелик весьма разнообразны. Их размеры от 8 до 72 см.

Пелики небольших размеров:

1 Пелика имеет вытянутые пропорции. Характерна высокая тонкая шейка с перехватом в середине. Раструб горла небольшой, ободок горла низкий, профиль его сильно скошен, ручки согнуты под острым углом, немного округленным и слегка вогнуты или же вертикальны, ножка профилирована и имеет

[1] B. V. Head. Указ. соч., рис. 168. Аналогичное изображение грифа имеется на гидрии из Кум, ОАК, 1862, табл. III.

[2] Excavations at Olynthus, V; Baltimore, 1933, табл. 78, рис. 119.

[3] Там же, табл. 127.

[4] Там же, табл. 91, рис. 144.

[1] Excavations at Olynthus, V, табл. 103.

[2] Там же, табл. 101, рис. 157.

[3] Там же, табл. 85, рис. 141; табл. 90, рис. 144.

[4] В указанном издании олинфских раскопок краснофигурные пелики датируются или IV в. до н. э., или ранним IV в. до н. э., или концом V в. до н. э., но даты ваз даются без всякой аргументации.

[5] Монеты определены и датированы А. Н. Зографом.

Рис. 2.

1 — пелика с изображением грифов, терзающих коня. Государственный исторический музей, № 11279; *2* — пелика с изображением головы коня, амазонки и грифа. Государственный исторический музей, № 15299; *3* — пелика с изображением грифов, терзающих коня. Государственный исторический музей, № 54710; *4* — пелика с изображением грифов, терзающих лань. Государственный исторический музей, № 54711

небольшой диаметр. Сюда относятся пелики в Государственном Эрмитаже (67-А) в Историко-археологическом музее Одессы (№ III/14, II/11).

2. Вариантом того же типа являются пелики Государственного исторического музея (№ 369) и Государственного Эрмитажа (№ 96, 98d). Особенностью этого варианта является то, что пелика имеет грушевидную форму — раздутое тулово книзу, а не в средней части, при такой же высокой тонкой шейке и небольшом диаметре ободка горла.

3. Третьим вариантом маленьких пелик являются пелики Керченского музея (№ V, 7а; № V, 7), Государственного исторического музея (№ 5540). Они имеют длинную шейку цилиндрической формы, постепенно переходящую в раздутое тулово и широкий раструб горла.

4. Четвертый вариант — пелики Керченского музея (№ V, 7), Херсонского археологического музея (1908 г., № 1) [1]. От двух предыдущих этот вариант отличается тем, что шейка имеет цилиндрическую форму без перехвата в середине и ободок, немного приподнятый над ручками, так что видны их верхушки, которые обычно прячутся под ободком. Эта форма характерна и для местных акварельных пелик — пелики Эрмитажа (№ 69) и Государственного исторического музея (№ 15327). На акварельных пеликах цилиндрическая шейка подчеркнута еще больше, ободок скошен очень сильно. Поднятие ободка над ручками особенно утрировано на акварельной пелике Государственного исторического музея (№ 22253), имеющей немного иную форму.

5. Пятый вариант представлен маленькой пеликой из Государственного исторического музея (№ 43938) и Государственного Эрмитажа (№ 63). Он отличается от предыдущих своими массивными пропорциями и представляет низкую вазу с раздутым туловом, с довольно высокой и узкой шейкой, узким диаметром ножки и довольно большим ободком, большими, немного оттопыренными ручками, слегка прогнутыми.

Формы больших пелик также имеют много вариантов. Разновидность большой пелики, немного тяжелой в нижней части, имеет следующие варианты:

1. Один из вариантов с немного тяжелым туловом и вытянутой шейкой, тонкими большими ручками, развитым ободком горла большого диаметра и довольно широкой ножкой представляют пелики Ялтинского музея: № 2549, 2845, 2546, 20569, 2582, 2558, 2554, 2559, 2552.

2. Второй вариант имеет еще более тяжелое книзу тулово, широкую ножку и более легкую верхнюю часть, более узкое горло с большими ручками и тонким ободком. Например, пелики Центрального музея Крыма (№ 134/294), Одесского музея (№ III/4 и № III/3803), Ялтинского музея (№ 2569, 2551), Государственного исторического музея (№ 3/2).

3. Третий вариант, представленный пеликой Государственного Эрмитажа (№ 51), отличается от предыдущего тем, что он имеет менее длинную, но такую же узкую шейку и сильно прогнутые ручки.

4. К четвертому варианту относятся пелики Керченского музея (№ V, 7; V, 195; V, 13); Центрального музея Крыма (№ 8/444); Ялтинского музея (№ 2545, 2543). В этом варианте подчеркнут переход от узкой длинной шейки в широкое тулово, более выделенные чем обычно плечи и развитой ободок шейки. Этой форме соответствует совершенно особый стиль росписей.

Другая разновидность большой пелики — более стройной — также имеет много вариантов.

1. Первый вариант представлен пеликами Керченского музея (№ V, 1; V, 6а; V, 6в; V, 9; V, 197; V, 4а; V, 13; V, 18; V, 5; V, 8); Государственного Эрмитажа (№ 14583, 19955, 92, 45, 57В, 65Е, 91), Центрального музея Крыма (№ 36/59, 8/62); Государственного исторического музея (№ 49468, 55765, 5); Одесского музея (№ III/25, III/2657, III/2656, III/690, III/2, III/5, III/7, III/8025, III/1325, III/12).

Эта форма является наиболее распространенной. Ее характерные особенности: раздутое в средней части стройное тулово, длинная шейка с узким перехватом в средней части, раздутый легкий раструб горла, небольшой диаметр ножки и большие вертикальные ручки, немного прогнутые, верхняя часть которых сильно развита.

2. Другим вариантом является форма, соответствующая 4-му варианту предыдущего типа, но с более развитым ободком горла, с широким его раструбом. Эти пелики имеют наибольшие размеры, например, пелики Одесского музея (№ III/3008), Ялтинского музея (№ 2550, 2571), Керченского музея (№ V, 12; V, 6), Центрального музея Крыма (№ 134/293).

Стиль росписей на указанных вазах удивительно целен и согласован с формой так же, как и в 4-м варианте предшествующего типа.

3. Третьим вариантом является пелика такой же стройной формы, но еще более утонченной. Например пелика Государственного исторического музея (№ 11281). Эта форма близка формам акварельных пелик, например, пеликам Одесского музея (№ III/129, III/6), (№ 4302).

Немного более широкое горло имеют пелики Одесского музея (№ III/2658) и Государственного Эрмитажа (№ 51-Е). Для формы этого варианта пелик характерны большие вертикальные, иногда немного прогнутые

[1] ИАК, вып. 40, 1911, стр. 71

Рис. 3.

1 — пелика с изображением амазонок, сражающихся с грифом. Ялта, Музей краеведения, № 2558; *2* — обратная сторона пелики, № 2563; *3* — пелика с изображением амазономахии. Государственный исторический музей, № 1517; *4* — пелика с изображением амазонки, сражающейся с грифом. Государственный исторический музей, № 49468

ручки, иногда торчащие в верхней части в стороны, развитой широкий раструб горла, иногда мало развитой ободок, длинная цилиндрическая или с перехватом шейка, переходящая в тулово, или резко, причем образуются плечи, или постепенно, раздутое шаровидное или грушевидное тулово, профилированная ножка небольшого диаметра.

Одновременное существование указанных различных типов форм доказывают совместные находки; например, при раскопках в 1906 г. на горе Митридата найдены были в могиле № 21 две краснофигурные пелики [1] (Херсонский музей, 33 и 34) двух форм: более раздутой, с более короткой шейкой и более вытянутой при слегка прогнутых ручках и развитом раструбе горла. В расписном склепе в 1908 г. найдены две пелики (Херсонесский музей — № 2 и № 1) [2]. Одна из них имеет стройную форму с очень тонкой шейкой, с перехватом в середине и вертикальными ручками, с небольшим диаметром ножки; другая имеет цилиндрическую вытянутую, довольно широкую шейку и грушевидное широкое книзу тулово, с довольно большим диаметром ножки.

Рисунки на вазах разных форм часто бывают одинаковы, хотя, с другой стороны, на вазах некоторых форм обычно наблюдается один и тот же стиль росписи. В росписях этих пелик можно выделить две группы пелик, отражающие, в основном, два стилистических направления. Одно из них представляет собою последний этап аттической вазописи IV в. до н. э. в ее вырождающихся формах; другое отличается новой выразительностью.

К первой группе принадлежат пелики с довольно бледным невыразительным рисунком, исполненным беглыми тонкими штрихами, со сливающимися в орнаментальное целое частями отдельных фигур и отдельных предметов.

Тематика росписей лицевой стороны первой группы пелик чрезвычайно разнообразна. Самой распространенной темой росписей является битва аримаспа или амазонки с грифом. (Пелики Керченского музея — № 49468, 42; Государственного исторического музея — № 3/2; Государственного Эрмитажа — 57-в, Ст. 2174; Одесского музея — № III/8025, III/12, III/1325; Ялтинского музея — № 2554, 5582, 2558).

Роспись на этих вазах (рис. 4; 5) является почти стандартной: композиция состоит из двух фигур — амазонки или аримаспа слева и грифа справа, которые настолько тесно поставлены одна против другой, что голова грифа касается, или почти касается головы лошади, грудь и нога грифа написаны на фоне тела лошади. Аримасп представлен всегда в одной позе — слегка наклонившись к шее лошади, левой рукой он держит поводья, правой направляет копье, изображенное двумя параллельными прямыми линиями. Волосы даны темным пятном, глаз изображен сходящимися линиями и точкой между ними, или одной линией и точкой под ней. Около губ на щеке черная точка. Одежда украшена на руках и ногах черными точками. Складки одежды имеют вид темных полос — по две у шеи, на талии, по сторонам груди; на груди орнамент или в виде расходящихся от точки лучей, или в виде спиралей; складки от талии показаны прямыми расходящимися линиями, край выделен двумя толстыми линиями. Амазонка изображается, как аримасп, но имеет на голове алопекис с выбивающейся из-под него прядью волос, падающей на плечи и вьющейся вместе с концами алопекис по спине. На некоторых росписях копье не изображено, но рука остается поднятой в воздух. Кисти рук обрисованы нечетко: правая обыкновенно дана общей массой, иногда указан большой палец. Левая же кисть очень велика, с большими круглыми пальцами (рис. 7; 8).

Фигура лошади изображается совершенно одинаково и является схематическим повторением старого греческого типа галопирующей лошади. Голова лошади очень часто имеет неправильные очертания. Глаз лошади на всех пеликах изображен одинаково: он поставлен слишком высоко и имеет вид круга с точкой в нем и дуги под ним, или же крутой дуги, открытой к шее. Тонкими штрихами нанесена грива, показаны складки на сгибе шеи и очертания мускулов на груди; грубыми штрихами изображены мускулы на ногах, одной или двумя полосками даны натянутые поводья.

На большинстве рисунков нога лошади разрезает щит. На других рисунках под ногами лошади поднимается завиток, например, на Ялтинской пелике, но на этих поздних вазах завиток встречается редко. Иногда изображается скала, на которую опирается нога грифа, например, на Керченской пелике (№ V, 1).

Гриф, кроме крыльев, всегда покрыт белой краской. Тело грифа стройное и гибкое, с довольно тонкими ногами и тонкой грациозной шеей; голова маленькая, часто с суммарным контуром, над лбом поднимаются небольшие выступы гребня, лобная часть представляет собой угловатый выступ, клюв длинный, тонкий и раскрытый. Гребень изображен в виде мелких ровных закругленных на конце зубцов. Задние ноги грифа обыкновенно имеют массивные широкие лапы, хвост плавно изгибается, крылья подняты; одно крыло идет параллельно линии спины, другое — линии передней ноги, выделяющейся на фоне лошади. Крылья расчленены тонкими параллельными полосками, верхний край их обрисован четкой округ-

[1] ИАК, вып. 40, 1911, стр. 74.

[2] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, СПб., 1914 г., табл. XXVIII; ИАК, вып. 40, 1911, стр. 66—69, рис. 4

1 *2*

Рис. 4.

1 — пелика с изображением битвы аримаспа с грифом. Государственный музей изобразительных искусств им. Пушкина, № II, 1, *б*, 377; *2* — обратная сторона той же пелики

1 *2*

Рис. 5.

1 — пелика с изображением Аполлона на грифе. Государственный музей изобразительных искусств им. Пушкина, № II. 1. *б*, 383. *2* — обратная сторона той же пелики

лой линией и подчеркнут рядом мелких точек. Щит под ногами лошади изображается в фас и украшен орнаментом, или в виде пересекающихся линий с черточками между ними, или расходящимися лучами темных полосок (Феодосийский музей, № 321) и имеет неправильную овальную форму. Встречается также щит с вырезом с одной стороны и с орнаментом в виде звезды (Государственный Эрмитаж, № 57-в. Рис. 7).

Столь же распространенными являются пелики с изображением головы лошади, грифа и головы амазонки между ними, направленными в одну сторону. Типы лошади и грифа на этих пеликах такие же, как в вышеописанной группе ваз — см. пелики Керченского (№ V, 7) и Одесского (№ III/14) музеев и Государственного Эрмитажа (67-А). На пелике наилучшей сохранности этого типа Государственного исторического музея № 5540 (из Керчи) изображена высокая тонкая протома грифа с небольшой головкой, наклоненной вперед, с двумя небольшими выступами гребня, направленными вперед. Контур головы ясный и тонкий, более четкий, чем на изображениях целого грифа; небольшой округленный выступ лба и короткий клюв с широкой верхней частью, сомкнутый и заостренный, глаз — круглый с извилистой бровью, гребень с мелкими заостренными зубцами, на груди отделена широкая полоса, заполненная тонкими косыми линиями, сгиб шеи подчеркнут дуговидными линиями; схематично изображено одно крыло,— оно выделено двумя жирными линиями и немного расширяется книзу. Перья изображены параллельными полосками и двумя рядами темных чешуек.

Аналогичное изображение грифа имеется в скульптуре среди мраморных протом грифа, украшавших погребальные вазы, относящиеся ко второй половине IV в. до н. э. (протома из Пирея [1]).

К этой же группе мы относим пелику Одесского музея (№ III/11) с изображением грифов, терзающих лошадь, а также ряд пелик со сценами борьбы аримаспа с грифом (Ялтинский музей, № 21569 и 2552, Исторический музей, № 3/7). Гриф изображен в такой же схеме; при этом обе передние лапы вырисовываются на бедре аримаспа. Фигура аримаспа дана бегло, но экспрессивно, ноги его широко расставлены, он опирается на левую ногу, слегка согнутую в колене, верхняя часть тела отклонена влево и немного назад, в левой руке щит, правая занесена над головой для удара. Костюм его такой же, как и у конного аримаспа. Равновесию композиции способствует невысокая мета, помещенная справа. Пространство между ногами заполнено диском (рис. 6, *4*).

Помимо сцены борьбы амазонки или аримаспа с грифом часто встречается сцена борьбы амазонки с греком. Например на пеликах Феодосийского музея (№ 322), Одесского музея (№ III/5), Ялтинского музея (№ 2845). Трактовка всадника остается неизменной. Ноги лошади видны на фоне бедра грека. Грек изображен спиной к зрителю, наступающим на амазонку, прикрываясь щитом в левой руке и правой рукой собираясь нанести удар (оружие в этой руке не изображено). Фигура грека наклонена вправо и опирается на правую, слегка согнутую в колене ногу; тело передано немногими резкими черными линиями: показана слегка прогнутая линия спинного хребта, очертания ягодиц, полукруглой линией обозначена коленная чашечка. Контур в известной степени передает напряжение мускулов рук и ног. Кисть правой руки изображена большой и широкой с грубо намеченными пальцами, ступни даны в общих очертаниях, одна в перспективном сокращении, другая в профиль — тонкая и длинная. На голове воина пилос белого цвета, в руке большой круглый щит. Пилос и щит украшены двумя полосками, нанесенными разбавленным лаком по краю и по средней части. Из-под руки выбивается гиматий, развевающийся вправо, края его извилисты, складки изображены бегло в виде расходящихся радиусами прямых линий. Для равновесия композиции справа помещен алтарь. Одна из пелик с аналогичным рисунком (Государственный Эрмитаж, № 16500, 1902) была найдена вместе с терракотовым медальоном с рельефным изображением головы медузы, датированным концом IV в. до н. э. [1].

Оригинальную роспись имеет пелика Одесского музея (№ III/2656). На лицевой стороне ее изображена битва амазонки, скачущей на биге, с двумя грифами. Фигуры развернуты по поверхности вазы, грифы помещены почти симметрично по сторонам биги, тело их покрыто белой краской. Тип грифа аналогичен вышеописанным, исполнение еще более беглое, особенно головы и шеи. Бига представлена в три четверти, лошади повторяют вышеописанный тип в сценах битвы грифа с конным аримаспом или амазонкой. Фигуры расставлены чрезвычайно тесно, большое свободное пространство между ногами лошадей и грифов заполнено большим щитом и колесами биги, много орнаментально исполненных деталей; на шее лошадей большие черные точки, фигура женщины изображена в костюме амазонки с орнаментом в виде лиры на груди, одежда ниже талии расчленена прямыми продольными линиями складок. Тонкому телу грифов приданы большие крылья, украшенные

[1] Ath. Mitt., LI, 1926, табл. I.

[1] ОАК, 1902 г., стр. 47.

Рис. 6.

1 — пелика с изображением головы амазонки и грифа. Государственный исторический музей, № 55765; *2* — обратная сторона той же пелики; *3* — пелика с изображением Аполлона на грифе и убегающей женщины. Государственный исторический музей, № 28/2; *4* — пелика с изображением битвы грифа с аримаспом. Государственный исторический музей, № 3/7

рядом мелких точек и тесно заштрихованными продольными линиями. Щит в средней части украшен орнаментом в виде полосок, расположенных в схеме звезды и мелкими точками по краю. Темные рельефные пятна выделяют колеса, голову лошади, ноги грифа. На горле пелики сложный орнамент из полосы мелких точек и ниже ее полосы ов. Стилистически близка этой пелике ваза Государственного исторического музея (№ 369) с изображением двух грифов, нападающих на амазонку. На пелике Одесского музея амазонка на биге изображена держащей левой рукой поводья, правой высокоподнятой рукой она собирается нанести удар грифу. Несмотря на беглость исполнения, пелика оригинальна по замыслу. Здесь вазописец использовал установившийся тип грифа и амазонки, с одной стороны, и биги, или квадриги, с другой. Среди боспорских пелик есть ряд ваз с изображением женской фигуры, управляющей аналогично трактованной бигой, или квадригой, например, вазы Одесского музея (№ III/2657), Керченского музея (№ V, 3), Ялтинского музея (№ 2549) [1].

Среди росписей этой поздней группы встречаются изображения Аполлона, едущего верхом на грифе. Одна пелика с такой росписью была найдена с монетой конца IV в. до н. э. (Херсонский музей 1908 г., № 17) [2], другая — с монетой конца IV — начала III в. до н. э. (Государственный Эрмитаж, № 14582) [3]. Этот сюжет, как и темы амазономахии и грифомахии, связан с распространением в Греции фантастических рассказов о далеких странах Северного Причерноморья. Диодор Сицилийский рассказывает, что в стране гипербореев родилась Латона, что из всех богов наиболее почитается Аполлон, которому посвящена роща и храм, украшенный множеством приношений; есть город, также посвященный этому богу, и бог является здесь через каждые 19 лет.

Изображение Аполлона на грифе является очень распространенной темой росписей боспорских пелик IV в. до н. э.

Самым ранним из известных нам на боспорских пеликах IV в. до н. э. является изображение на пелике Государственного Эрмитажа (Ст. 2083), найденной вместе с золотой монетой Филиппа Македонского середины IV в. до н. э. На лицевой стороне пелики изображен Аполлон верхом на грифе, преследующий менаду; рука Аполлона поднята вверх, в левой руке женщины тирс, в правой — большой диск [1]

На более ранних вазах, например, на венском килике [2] Аполлон изображен сидящим на грифе боком, в правой поднятой вверх руке он держит пальмовую ветвь. Впереди Аполлона на пелике изображается убегающая женская фигура. Повидимому, здесь имеет место соединение двух тем — Аполлона на грифе, направляющегося в страну гипербореев, и Аполлона, преследующего Дафну, может быть, Силена, преследующего менаду. Это соединение свидетельствует, как и образ Аполлона без атрибутов, о забвении первоначального содержания изображений, а может быть, и о другом мифе. Очень интересен рисунок на этой пелике, датирующейся второй четвертью IV в. до н. э., исполненный довольно тщательно; фигуры размещены свободно и развернуто по поверхности вазы (женская фигура), пропорции и движения их правдивы, складки развевающейся одежды менады оправданы движением тела, черты лица правильны. Белая краска на диске и темные полосы каймы на одежде женщины имеют аналогии на вазах роскошного стиля. Гриф трактован иначе, чем в поздней группе: у него ясно очерченная маленькая головка, округлая в лобной части, глаз в виде круга с точкой посредине и мелкие зубцы гребня.

Та же тема на других поздних пеликах трактована более упрощенно (рис. 6, *3*). На этих росписях наблюдаем тот же тип грифа, как и на поздних пеликах с аримаспами и амазонками, за крылом грифа видна только голова Аполлона (ни рук, ни плеч нет), женщина бежит, оглядываясь назад, но у нее в руках нет никаких предметов; левой рукой она держит край платья. Одета женщина в подпоясанный пеплос, как и на более ранней такой же пелике, но вместо объемно трактованных складок верхней части пеплоса и живо движущихся масс ткани, следующей движению ног, здесь плоскостно трактованная одетая фигура, заштрихованная косыми параллельными линиями, изображающими складки. От роскошной орнаментации каймы пеплоса остались узкие темные полоски по подолу. Форма вазы такая же, как у всех предыдущих этой поздней группы.

По типу убегающей женской фигуры и форме вазы к этой же группе мы относим ряд ваз с изображением Эрота, преследующего женщину. Эти изображения часто встречаются среди боспорских пелик, например, на керченских (№ V, 197; V, 18); Эрмитажной (№ 91) и др.

Дата этих ваз, помимо формы вазы и типа

---

[1] Довольно близкий рассмотренным изображениям биги и квадриги мотив имеется на метопе с изображением Гелиоса на квадриге, найденной в Илионе и относящейся к 323—282 гг. до н. э. Аналогична трактовка складок хитона, совершенно не передающих форм тела, прямых и слегка круглящихся; рука Гелиоса протянута вперед.

[2] Бурачков, XX, 88, 89; ИАК, вып. 40, 1911, стр. 69.

[3] Бурачков, XX, 91; ИАК, вып. 17, 1905, стр. 8.

[1] ДБК, VIII, рис. 3, 4.

[2] Röm. Mitt., XLII, 1927, табл. 4.

женской фигуры, подтверждается совместными находками. Так, херсонская пелика № 34 была найдена вместе с херсонской пеликой № 33, где имеется ясно выраженный поздний тип грифа и пальметты.

В этих росписях женщина изображена очень небрежно — в одной и той же, почти точно повторяющейся схеме: голова ее обращена к Эроту, тело в другую сторону. На некоторых росписях к Эроту протянута правая рука, ноги широко расставлены, видны их ступни в самых общих очертаниях. Согласно движению ног, широко раскинут пеплос. Одинаково изображена прическа с вытянутым узлом волос на затылке, черты лица даны небрежно, кисти рук непропорционально велики, на груди две большие валюты, или просто широкие вертикальные полосы (как на керченской пелике № V, 197), на талии две узкие горизонтальные полосы, от талии вниз радиусами расходятся прямые линии, упирающиеся в темную кайму на животе; ниже этой каймы хитон расчленен параллельными линиями, идущими по направлению ноги, отставленной назад. Между фигурой женщины и Эрота помещен висящий в воздухе диск, иногда два. Эрот изображен почти одного роста с женщиной, например, на керченской пелике (№ V, 197). Фигура его, кроме крыльев, белая, он представлен в одной и той же схеме, напоминающей, по определению Б. В. Фармаковского, плывущего человека [1], его правая рука протянута к женщине с зеркалом, или же без всякого предмета, левая рука также немного протянута вперед. Формы тела имеют мягкие очертания, без намека на мускулатуру и один и тот же контур с округлой спиной, тонкой талией и довольно широкими бедрами; длинные крылья за спиной изображены так же, как крылья грифов этого времени. Такой именно стиль росписи имеет пелика Херсонского музея № 34 с изображением Эрота, преследующего женщину, найденная вместе с пеликой Херсонского музея № 33 с изображением амазонки, борющейся с грифом, совершенно аналогичным вышеописанным сценам этой группы.

Некоторым вариантом этого типа росписей является керченская пелика (№ V, 4), где Эрот представлен ударяющим в тимпан и помещен между двумя пляшущими женщинами. Образ пляшущих женщин, как он дан на этой пелике, не характерен для пелик: такие тонкие изящные фигуры, с извивающимися линиями складок и контура тела, являются типичными для ряда гидрий (например, гидрий Ялтинского музея № 2859, Одесского музея № III/68, Государственного исторического музея № 36).

Другим вариантом является роспись на ялтинской пелике (№ 2559), где аналогично изображена фигура в гиматии, но иначе Эрот и убегающая женщина

К этой же группе относится пелика Государственного Эрмитажа № 92, с изображением Эрота на коне, преследующего женщину. Тип коня, Эрота и женщины тот же, женщина исполнена немного тщательнее, левой рукой она держит край платья около колена, а правая рука находится у плеча. Белой краской дано не только тело Эрота, но и обнаженные части тела женщины; в такой же схеме представлена убегающая женщина на упоминавшихся выше пеликах Государственного Эрмитажа (№ 14582) и Херсонского музея (1908 г., № 17), которые следует датировать концом IV — началом III в. до н. э. Характер всей композиции и стилистические черты грифа совершенно аналогичны другим пеликам этой группы.

С монетой конца IV — начала III в. [1] найдена пелика Государственного Эрмитажа (№ 25-е) с изображением вакхического сюжета: женщины и двух Панов. Женщина представлена сидящей, обеими руками она держит большой тимпан, одежда спущена до пояса, обнаженные части тела даны белой краской Эта фигура стилистически близка изображению сидящей женщины на пелике Центрального музея Крыма (№ 36/59), одежда дана такими же прямыми штрихами, только немного скругленными на сгибе ткани, охватывающей ногу. Темная линия отделяет фигуру от скалы, на которой она сидит. Скала очерчена изломанной линией и расчленена темными пятнами. Пан имеет такие же расплывчатые формы, как и Эрот, мускулы даны несколькими короткими дуговидными линиями, глаз тремя линиями, в перспективном сокращении, волосы спутанной массой, шкура пантеры за плечами и на бедрах показана большими темными точками.

К этому же времени должна быть отнесена пелика Государственного Эрмитажа (№ 96) с изображением женщины, сидящей на скале, и Эрота, протягивающего ей одной рукой зеркало, другой держащего шкатулку и повязку. Фигура Эрота аналогична вышеуказанным летящим Эротам, а сидящая женщина исполнена в таком же стиле, как вышеописанные женские фигуры.

Совершенно так же, как фигуры Панов, изображены мягкое полное тело пигмея на пелике Государственного Эрмитажа (№ 51-е) с изображением пигмея, борющегося с журавлями. Так же представлена и скала. Журавли, нападающие на пигмея с двух сторон, поставлены почти симметрично; одна нога, служащая опорой, отставлена в сторону, другая — согнутая — упирается в тело пигмея, шеи вытянуты; журавли пытаются клюнуть пигмея в лицо. Тело журавлей изображено схематично в форме

[1] Б. В. Фармаковский. Аттическая вазовая живопись и ее отношение к монументальному искусству, СПб., 1902, стр. 506.

[1] Бурачков, XX, 70—71.

яйца, крылья трактованы очень небрежно; как и у грифов, они немного раскинуты.

К этой же группе относится пелика Херсонского музея (1908 г., № 1), найденная с монетой конца IV в. до н. э.[1] и аналогичная ей пелика Одесского музея (№ III/2658) с изображением двух юношей около сфинкса. Силуэт фигур грубоват, на одесской пелике он выделен рельефной линией. Фигура сфинкса имеет удлиненные пропорции, напоминающие стройное тело грифа этой группы; как у грифов изображены и крылья; сфинкс покрыт белой краской. Скала, на которой сидит сфинкс, изображена так же, как на пеликах с пигмеями. Свободное пространство заполнено диском и щитом. На одесской пелике сфинкс изображен бросающимся на юношу.

Таковы наиболее яркие образцы росписей лицевой стороны первой группы поздних боспорских пелик.

На обратной стороне они обычно имеют две фигуры палестритов в гиматиях, более или менее деформированные. На пелике Государственного Эрмитажа (№ 25-е), датированной монетой, мы видим фигуру в гиматии, держащую большой диск, голова небольших размеров, сверху плоская, имеет почти птичье лицо с выступающим носом; внизу одежды нанесены черные широкие полосы: одна в виде вертикальной дуги, другая горизонтальная под прямым углом к ней, и несколько больших черных точек. Складки гиматия показаны расходящимися от плеча и от середины спины линиями; несколько параллельных складок проходит или под рукой, или по руке. На больших пеликах этого типа изображены три фигуры. У некоторых на груди вместо линий складок широкие темные полосы. На одесской пелике (№ III/2657) одна из фигур держит стригиль, или же просто протягивает руку, как, например, на керченской пелике (№ V, 5). Между двумя фигурами в гиматиях иногда помещается высокий алтарь, например, на пелике Государственного Эрмитажа (№ 51); на некоторых пеликах он принимает вид высокого усеченного треугольника, например, на ялтинской пелике (№ 2549) над алтарем обычно изображен кружок с орнаментом (одесская пелика № III/25) или же без орнамента (Эрмитажная пелика № 14583). Чаще между фигурами нет никакого стоящего предмета, только маленький кружок, например, на пеликах одесской (№ III/5) и ялтинской (№ 2845). Диск, который фигура в гиматии держит в руках, имеет по краю орнамент, как на пелике Государственного исторического музея (№ 1518), или только одну темную дуговидную полосу, как на пелике Одесского музея (№ III/1325). Под ручками многие пелики имеют пальметты.

При стилистически сходных рисунках первой группы боспорских пелик наблюдается одновременное существование следующих вариантов пальметт (рис. 9):

1. Вытянутая пальметта на пеликах эрмитажной (Ст. 2174) и керченской (№ V, 1) имеет высокие, расширяющиеся кверху лепестки, которые укорачиваются к краям; характерным являются расширение и крутой изгиб в верхней части всех лепестков по сторонам среднего угловатого, заостренные лепестки рядом с округлыми, а также незаконченные спирали в середине пальметты и широкие, грубо выполненные листья по ее сторонам.

2. Слегка сплюснутая сверху и снизу пальметта на эрмитажной (№ 57) и ялтинской (№ 2549) пеликах с тесно поставленными лепестками. Характер лепестков аналогичен вышеуказанным, но центральный лепесток не срезан угловато, а скруглен, спирали закончены и подчеркнуты жирной рельефной линией. Боковые листья аналогичны вышеуказанным. Иногда эта пальметта имеет более скругленные лепестки, размещенные очень тесно, и неровные очертания, например, на пелике № 369 Государственного исторического музея.

3. На одесской пелике (№ III/25) изображена пальметта большая, высокая и широкая, с множеством лепестков, но утратившая легкость и превратившаяся в схему: средние лепестки — более длинные, поставлены вертикально, остальные отгибаются почти под одним углом и верхушки их расположены по одной вертикальной линии. Центральные спирали превратились в завиток, наружные имеют неопределенную форму, так же как, например, на эрмитажной (№ 51-е), одесской (№ III/2557, 26/56, III/2657) и керченской (№ V, 5) пеликах. Эта пальметта характерна для больших пелик.

4. На других пеликах изображена пальметта с угловатыми листьями неправильной формы, неровными в верхней части и тщательно выполненными, свободно размещенными в нижней; листья по сторонам пальметты имеют неправильный округлый контур, например, на ялтинской, (№ 2559) и одесских (№ III/8023, III/12, III/11) пеликах.

5. Пальметта на ялтинской (№ 2645) и керченской (№ V, 1) пеликах отличается неодинаковостью лепестков, будучи по первому впечатлению стройной. Лепестки свободно размещены; центральные имеют правильную округлую форму; по сторонам лепестки очень широкие вверху, с угловатыми заостренными контурами, далее идут суживающиеся вверху и совсем тонкие лепестки. Листья по сторонам пальметты правильны и симметричны, от спирали поднимается массивный завиток.

6. На пелике Керченского музея (№ V, 197) пальметты имеют уродливые лепестки, несимметричные спирали, превратившийся в треугольник лист.

7. На одесской пелике (№ III/5) — большая часть лепестков пальметты имеет вид

[1] ИАК, вып. 40, 1911, стр. 66—69, рис. 4; Бурачков. XX, 89.

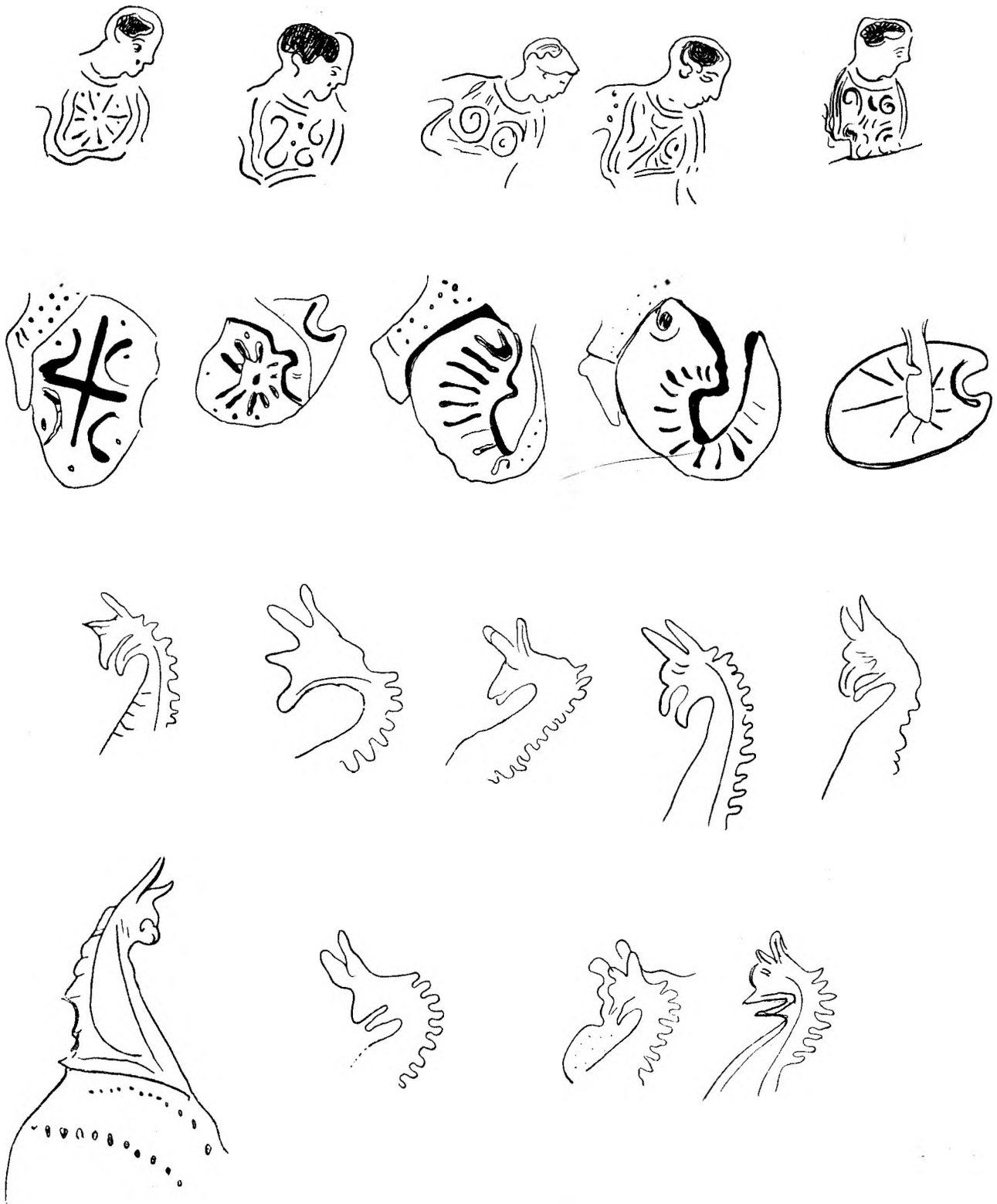

Рис. 7. — Детали росписей пелик последней четверти IV в. до н. э. — начала III в. до н. э.

1-й ряд сверху, слева направо: ГМИИ, № II. I. б, 205; Одесса, № III/8025; Керчь № V. I; Одесса № III/5; III/12. 2-й ряд — Гос. Эрм. № 2174; 57 в; Феодосия, № 321; Одесса, № III/8025; III/12. 3-й ряд — Одесса, № III/8025; Феодосия, № 321; Одесса, № III/12; Гос. Эрм., № 2174; 57 в. 4-й ряд — Керчь; Одесса, № III/1325; Керчь, № VI. I; Керчь

Рис. 8. — Детали росписей пелик последней четверти IV в. до н. э. — начала III в. до н. э. (первая группа)

1-й ряд слева направо: Феодосия, № 321; 322; Ялта, № 2845. 2-й ряд — Одесса, № III/14; Керчь, № V, 7а.
3-й ряд — Керчь; Симферополь; Гос. Эрмитаж, № 67 А

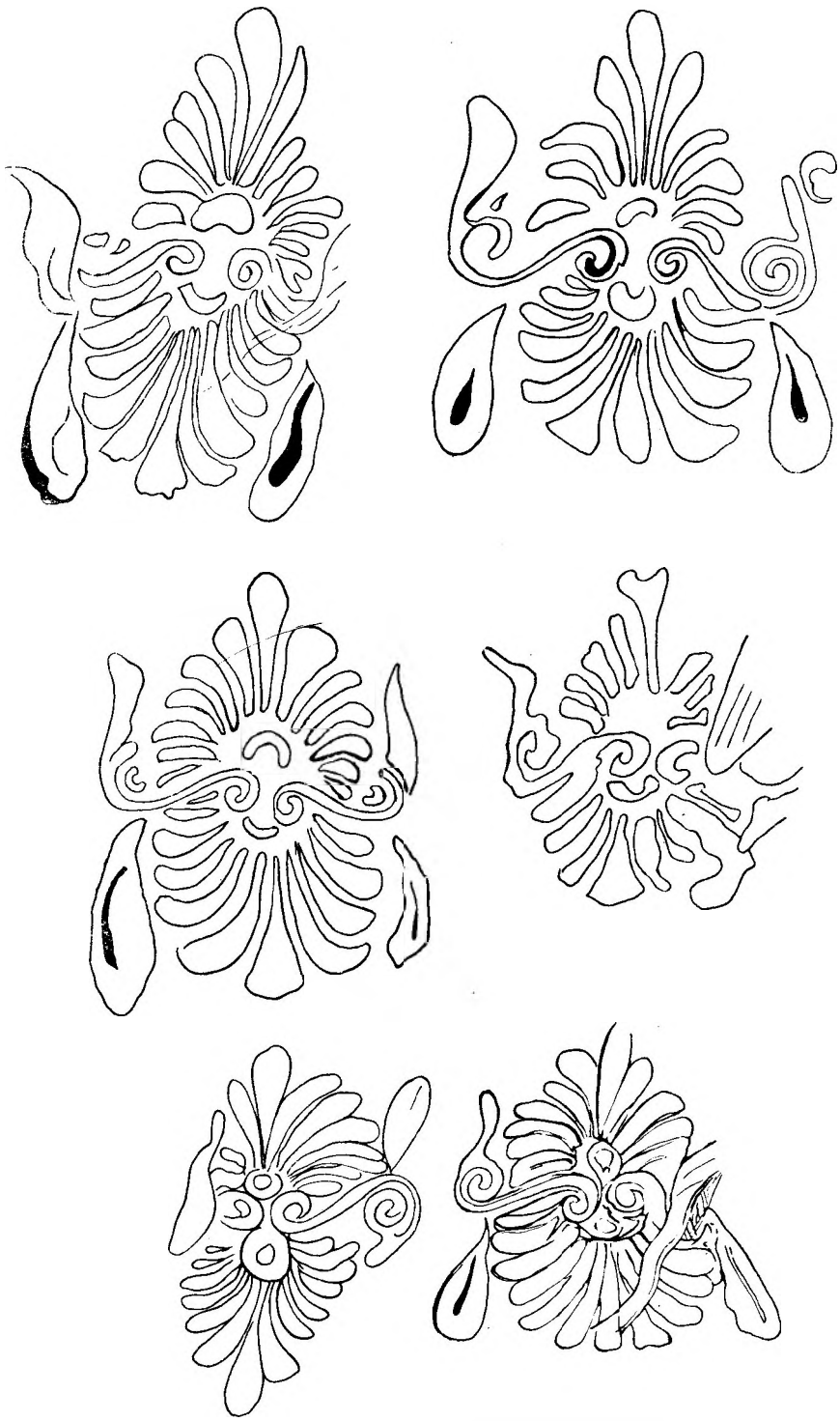

Рис. 9. — Пальметты пелик последней четверти IV в. до н. э.— начала III в. до н. э. (первая группа)

1-й ряд сверху, слева направо: Гос. Эрмитаж № 2174; Керчь, № V, I. 2-ряд: — Гос. Эрм,, № 45 А; Керчь, № V, 197. 3-й ряд — Одесса, № III, 1?; Гос. Эрм., № 57 в

вытянутых, расположенных основаниями кверху, треугольников.

Из этой группы несколько выделяется группа пелик с большей, при наличии уже указанных выше стилистических и иконографических особенностей, тонкостью выполнения рисунка. Сюда мы относим две пелики Государственного исторического музея (№ 4302 и 11281), которые имеют изящную форму, с очень тонким вытянутым горлом, большими, сильно прогнувшимися ручками и развитым ободком горла, с большим диаметром раструба; на пелике № 11281 изображен Аполлон на грифе, преследующий женщину. Фигуры распределены свободно. Гриф имеет еще более стройные пропорции, чем вышеописанные типы грифа; голова его с маленькой круглой горбинкой на лбу и довольно широким округленным сомкнутым клювом более правильно очерчена; глаз изображен в виде овала с точкой в нем, над ним надбровная дуга; на шее выступ, соответствующий бородке. Крылья его более изящны, они меньших размеров, общий контур ближайшего к зрителю крыла очерчен темной рельефной линией, рельефно выделены округлые на концах отдельные перья, они украшены тремя рядами мелких точек. Сидящий на грифе Аполлон имеет неправильный, но четкий контур лица, глаз показан тремя линиями, волосы даны темной массой с несколькими короткими завитками. Бегущая женщина имеет очень вытянутые пропорции, особенно непропорционально длинны ноги. На другой пелике Государственного исторического музея (№ 4302) представлен бой амазонки с греком. Как и на предыдущей вазе, фигуры расположены очень свободно (рис. 10, *2*). Заполнительный орнамент отсутствует. Рисунок при тонкости исполнения сцены в целом (несущейся галопом амазонки[1] и фигуры обнаженного воина) небрежен в деталях. Мускулы на теле грека изображены четко, но суммарно, грудные мышцы представлены в виде почти замкнутых кругов. Костюм амазонки украшен сплошь тонкими полосками и рядами точек, подчеркнут рельефными линиями, рука ее в кисти утолщается, ноги также очень толсты. Фигура лошади аналогична типу мчащейся галопом биги на пелике Ялтинского музея (№ 2549), только контур головы лошади исполнен более тщательно и голова имеет больше деталей, исполненных очень небрежно. Для обеих пелик характерна одинаковая манера изображения ов, свободно размещенных, довольно широких, почти одинаковых, в средней части заполненных широкой темной дугой. Пальметт нет. Рисунки на обратной стороне этих пелик также довольно близки. Между фигурами в гиматиях расположен небрежно исполненный высокий алтарь, над ним кружок. Левая фигура держит диск, правая протягивает к алтарю руку. Пропорции их очень вытянуты. Обе пелики можно рассматривать как произведение одного мастера.

В особую группу выделяются пелики Одесского музея (№ III/3803), Керченского музея (доп. оп. 23, 243) и Государственного исторического музея (№ 55765). Они имеют один и тот же тип росписи. Протома грифа расположена против головы амазонки. Форма этих пелик почти одинакова: с вытянутой шейкой, длинными ручками и расширяющимся книзу туловом. Поразительно сходство рисунка, заставляющее относить их к одному мастеру.

Для обеих пелик характерна прежде всего одна и та же композиция: большая женская голова вправо и на одном уровне с ней круто склоненная голова грифа, между ними предмет, имеющий вид листа. На обратной стороне две фигуры в гиматиях, при этом правая фигура или целиком закутана, или же протягивает руку, а левая держит большой диск, или протягивает руку. Под диском изображен кружок. И амазонка и гриф представлены своеобразно. Амазонка имеет более массивные и в то же время более вытянутые формы лица и шеи, чем на вышерассмотренных пеликах, более вытянут и ее алопекис, контур его имеет две большие волны, расположенные почти по одной вертикальной линии и затем расширяется на уровне шеи. Волосы амазонки выделены темной полосой, постепенно утончающейся к уху, несколько вьющихся прядей дано прямо по головному убору на шее. Гриф имеет тяжелые формы. Массивная шея его постепенно расширяется, крыло отделено от шеи двумя темными полосками и рядом мелких точек; опускающиеся от этих полосок вниз параллельные, немного скругленные линии обозначают отдельные перья крыльев. По шее идет широкий гребень с зубцами, более широко расставленными, чем у вышеописанных грифов этой группы, на концах заостренными; на шее спереди вместо бородки несколько дуговидных коротких линий. Голова имеет округлую выступающую лобную часть и правильно очерченный короткий клюв.

Таковы вазы первой группы.

Наиболее яркой и своеобразной из поздних боспорских ваз является вторая группа. Самый замечательный памятник этой группы — огромная ваза Ялтинского музея. Она издана в Кратких сообщениях ИИМК, вып. XIV. Характерной особенностью этой группы является вкус к темным и белым пятнам, к темным рельефным линиям и возникающая отсюда выразительность рисунка. Имеется несколько пелик этого стиля, датированных монетами, а также несколько совместных находок ваз. Пелика в Государственном Эрмитаже

[1] Аналогичное изображение несущейся галопом амазонки, как бы летящей, имеется на стенной росписи македонской гробницы, где представлена аналогичная сцена амазономахии. E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923, III, стр. 345, рис. 750.

1

2

3

4

5

Рис. 10.

1 — пелика с изображением женщины на биге. Ялта, Музей краеведения, № 2549; *2* — пелика с изображением битвы грека с амазонкой. Государственный исторический музей, № 4302; *3* — пелика с изображением головы амазонки и грифа. Ялта, Музей краеведения, № 2555; *4* — пелика с изображением битвы амазонок с грифом. Ялта, Музей краеведения, № 2551; *5* — пелика с изображением головы амазонки и грифа. Государственный исторический музей, № 55765

(№ 45-А) [1] найдена с монетой конца IV — начала III в. до н. э.[2]. Другая пелика — с монетой конца IV в. до н. э.[3].

Иконографические черты мифологических персонажей в этой группе в большинстве случаев остаются те же, что и в первой группе, но имеются другие детали (рис. 15; 16), а иногда и другие основные формы. На пелике Государственного исторического музея (№ 3/2) представлена конная амазонка, сражающаяся с грифом. Отличия от первой группы заключаются в наличии резких темных рельефных полос, оттеняющих лошадиную голову, а также в более резких и более толстых линиях деталей тела лошади и костюма амазонки, в извивающихся черных волосах амазонки, выбивающихся из-под головного убора и, наконец, в наличии крупных черных точек по верхней части левого крыла грифа. Вкус к темным пятнам и линиям виден и на обратной стороне пелики, в росписи фигур в гиматиях, где рельефной линией выделена нижняя часть головы фигуры справа и пальцы рук обеих фигур. Овы на этой пелике имеют широкие темные дуги внутри обрамления и разделены большими черными точками. Некоторые росписи этого типа могут быть отнесены к одной руке (рис. 10, *5*; 14, *3, 5*). Такую группу составляют пелики Государственного исторического музея (№ 43938), Керченского музея (№ V, 6-в, V, 6-а, V, 6), Государственного Эрмитажа (№ 15509, 19, 65-е) с изображением голов лошади и амазонки или голов грифа, лошади и амазонки. Изображения отличаются довольно большими размерами. Головы лошади, амазонки и грифа поставлены тесно. Головной убор амазонки слегка поднимается над лбом, складки его изображены резкими черными прямыми линиями, расходящимися от верхней части над лбом, несколько крупных черных и белых точек разбросаны по его поверхности. По краю головного убора проходит ряд крупных белых точек; на пеликах Керченского музея (№ 6-а) и Государственного исторического музея (№ 43938) голова амазонки украшена темной каймой с отходящими от нее белыми зубцами. На пеликах Керченского и Государственного исторического музеев у амазонки на шее белые и черные шарики — как бы ожерелье; волосы, видные из-под головного убора, изображены в виде широкой черной каймы, ограничивающей лицо и шею, которые покрыты белой краской. Лицо имеет одни и те же крупные черты: большой нос, сильно выдвинутый вперед, полные губы, с особенно подчеркнутой нижней, массивный округлый подбородок и большой широко открытый глаз; показана бровь, двумя линиями обозначено верхнее веко, одной — нижнее; радужная оболочка изображена не в виде черного кружка, а в перспективном сокращении; на шее две складки. Протома лошади также имеет свои особенности. Чолка над лбом и грива расчленены частыми, подвижными, толстыми, утончающимися линиями. Плавными сочными линиями выделен сгиб шеи, ноздри, складки кожи. На пеликах Государственного исторического музея № 5 и № 43938 глаз лошади дан в виде большого темного круга, линии рта на этих пеликах сливаются в вытянутое пятно. Аналогичное изображение головы лошади имеется на монете из Кампании, которая датируется временем 312—286 гг.[1]. Уздечка и поводья изображены полосами белой краски. Совершенно одинаково на этой группе ваз трактованы фигуры в гиматиях: дан общий контур головы, причем не всегда показан нос; глаз эскизно намечен тремя линиями, двумя — сходящиеся под дугой брови. Фигуры сильно раздуты. Широкой темной полосой подчеркнута спина и направление руки под гиматием, несколько коротких темных полос выделяют гиматий внизу, широкие, расходящиеся по всей фигуре линии означают складки. На некоторых пеликах в руке одной из фигур — диск. На пелике Государственного исторического музея № 43938 большой диск тесно вставлен между головами фигур. Этот сочный рисунок дополняет орнамент — большие овы, широко раскрытые, заполнены толстыми черными дугами Между овами большие черные точки. Пальметт нет.

Пелика Государственного Эрмитажа (№ 63), имея общие стилистические черты с только что указанными рисунками, отличается некоторыми деталями, которые не мешают присоединить ее к ним, а именно трактовкой головного убора, где совершенно отсутствуют белые пятна и изобилуют черные пятна, полосы и зубцы, а также изображением головы лошади, которая имеет более узкий силуэт, глаз в виде округлого треугольного пятна. Белые полосы упряжи отсутствуют. Фигуры в гиматиях имеют очень маленькую голову; одна из них протягивает руку, между ними алтарь и кружок.

К этому же художественному кругу считаем возможным отнести пелики Феодосийского музея (№ 320) и Государственного Эрмитажа (№ 65-е) с изображением головы амазонки и протомы грифа. Трактовка женской головы остается такой же, гриф же имеет сильно стилизованные крылья, а именно — крыло грифа на феодосийской пелике выделено широкой черной полосой, рядом крупных белых кружков и косыми тонкими параллельными линиями; показана также верхняя часть другого крыла, имеющая вид треугольника, заштрихованного прямыми линиями. На пелике Государственного Эрмитажа гриф помещен против

[1] ОАК, 1866, стр. XI.
[2] Бурачков. XX, 70—71.
[3] Там же, 91—93. ИАК, вып. 30, 1909, стр. 18—19, рис. 12.

[1] B. V. Head. Указ. соч., стр. 33, рис. 9.

головы амазонки. Крыло грифа выделено двумя черными волнистыми жирными линиями, рядом черных точек и, кроме того, показан верхний ряд коротких перьев, концы которых округло обрамлены толстыми темными линиями; голова грифа маленькая, с направленными вперед выступами гребня, имеет угловатый контур с выступающей небольшой лобной частью и сомкнутым тупым клювом. Сгиб головы подчеркнут дуговидными короткими линиями, гребень имеет мелкие зубцы. Головной убор амазонки спереди завершается завитком. Остальные черты аналогичны вышеуказанным.

Самая форма этих пелик отличается большой определенностью: с развитым раструбом горла, узкой шейкой, ярко выраженными плечами раздутого тулова и большими ручками, круто согнутыми вверху. Такая форма является наиболее характерной вообще для всей этой группы и наиболее соответствующей стилю росписей.

Кроме этих пелик, составляющих очень цельную группу, есть несколько ваз с такими же сюжетами, но несколько отличающихся деталями изображений. Эти пелики Центрального музея Крыма (№ 134/294 и 8/62) и Одесского музея (№ III/2, III/128). Голова женщины имеет здесь иначе трактованный головной убор. На пелике Одесского музея (№ III/2) он окаймлен широкой полосой волны, также и на пелике Центрального музея Крыма (№ 134/294), кроме того, довольно узкий; на другой пелике Центрального музея Крыма (№ 8/62), наоборот, головной убор очень широкий и украшен поперечным рядом черных точек, короткими завитками, разбросанными по его поверхности точками. Женская голова имеет несколько иной тип лица — с низким лбом, большим носом с горбиной и тонкими губами. Лошадь изображена так же, как в первой группе, но с обилием жирных черных линий, полос и пятен. Гриф на пелике Центрального музея Крыма (№ 8/62) имеет большую голову с тупым сомкнутым клювом, небольшие, направленные вперед над лбом выступы гребня, короткую шею с острыми мелкими зубцами гребня, длинный выступ бороды и широкое крыло, оттененное двумя темными полосами, рядом черных точек и пучком расходящихся линий перьев. Грудь его покрыта короткими косыми, широкими полосками. Гриф на двух других пеликах, наоборот, очень вытянутый и узкий с маленькой головкой, длинной тонкой шеей, широкими зубцами (особенно на одесской пелике № III/2) и узким крылом. На одесских пеликах (№ III/2 и III/128) между головой амазонки и грифа помещен узкий длинный предмет, может быть обозначающий стилизованное крыло грифа. Что касается орнамента, то он такой же, как и у предыдущих пелик, фигуры в гиматиях на одесской пелике № III/2 изображены как в первой группе, на двух других они имеют очень уродливые формы и покрыты утратившими смысл черными полосами и пятнами.

В этой группе чрезвычайно своеобразный характер имеют пелики со сценами битвы амазонок с грифами и амазономахии. Среди них особенно выделяются три громадные пелики музеев Одессы и Ялты. Одесская пелика (№ 3008) (рис. 13, *1*) и ялтинская (№ 2571) имеют одинаковую форму, с развитым раструбом горла и большим ободком, со сложным профилем, длинная шейка вазы постепенно переходит в плечи, которые четко выделены на тулове, ножка имеет сложный профиль, большие ручки в середине немного прогнуты, лицевые стороны выполнены разноцветными красками, наложенными на краснофигурные изображения. Оставлены в цвете глины только обнаженные части мужских фигур. Обратные стороны даны в краснофигурной технике, накладной краской изображены некоторые детали. Кроме накладных красок, на обеих пеликах нужно отметить применение для деталей накладной глины. Так как эти пелики детально описаны нами в другой статье [1], то мы опускаем здесь их описание.

Росписи этих больших пелик имеют много аналогичных по стилю изображений на других пеликах.

Несколько пелик, меньших размерами, но все же довольно больших, имеющих совершенно такую же форму, стоят к ним очень близко. На них изображен бой пеших амазонок с пешими греками. Композиция состоит из трех фигур, стоящих и дерущихся и двух или одной, лежащей на переднем плане. Все фигуры имеют вытянутые пропорции. Изображения лицевой стороны выполнены с широким применением накладной краски, на обратной — в краснофигурной технике; под ручками совершенно такой же орнамент, как и у этих больших ваз, исполненный немного более небрежно, боковые части его заходят в основные росписи. Фигура грека-воина совершенно такая же, как на больших пеликах. На пелике Государственного исторического музея (№ 19334) [2] вместо шлемов на головах греков венки. На пелике Государственного Эрмитажа с таким же сюжетом мы видим грека в красном с коричневой каймой хитоне, амазонка имеет голубой алопекис, светложелтую с коричневой каймой одежду, синие с коричневыми деталями анаксириды, у другой амазонки голубой костюм с лиловыми полосами. На пелике Государственного исторического музея (рис. 14, *1*) сохранились желтые полосы на одежде и следы желтой краски на щитах и лицах. Лежащие на переднем плане амазонки

[1] М. М. Кобылина. Краснофигурная пелика Ялтинского музея. КСИИМК, XIV, 1947, стр. 53.
[2] ОАК, 1886, стр. XIII.

на этих пеликах даны немного небрежнее, чем на большой одесской пелике, с меньшими деталями. Как и на больших пеликах, такие детали как оружие, ожерелья, серьги, перевязи, украшения щитов, а также шашечный орнамент на анаксиридах и детали орнамента на горле даны накладной глиной. На пелике Государственного Эрмитажа на украшениях амазонок, на оружии, на деталях орнамента, на горле имеется позолота; сохранилась позолота на венке и оружии грека слева на пелике Государственного исторического музея. Фигуры в гиматиях обратной стороны на всех трех пеликах совершенно одинаковы: вытянутые, закутанные в гиматии, близко стоящие, с круглой небольшой головой, с треугольным пятном волос, с более или менее правильным контуром лица, с четко обрисованными в контуре сложенными на груди руками и выделенным в контуре в виде выступа концом гиматия на спине. Широкая черная полоса проходит по верхней части спины и по груди. Линии складок внизу гиматия заменены черными широкими мазками краски.

Удлиненность фигур, вероятно, объясняется формой вазы.

Несколько иную композицию амазономахии, чем на двух больших пеликах, имеет пелика Центрального музея Крыма (№ 134/293), исполненная в том же стиле. На лицевой стороне изображена конная амазонка, скачущая вправо, обернувшаяся назад, готовая нанести удар наступающему на нее греку со щитом — композиция, совершенно совпадающая с росписями на больших пеликах. Направо от коня изображена амазонка с поднятой над головой рукой и со щитом в другой. На обратной стороне пелики представлена скачущая на коне амазонка, направляющая копье против обнаженного грека, изображенного со спины. В то время как лошадь на лицевой стороне написана в обычной схеме, лошадь на обратной стороне представлена в живом беге, с округло согнутыми передними ногами. К сожалению, изображения имеют довольно плохую сохранность, однако, видно обилие рельефных линий, темных полос, наличие рельефного орнамента на лицевой стороне. Стоящие фигуры на лицевой стороне имеют полные аналогии на больших пеликах. Прекрасно сохранившийся орнамент под ручками представляет собой повторение орнамента больших пелик, но он слишком велик для этой пелики, и фигуры рассекают раковины и врезаются в нижнюю пальметту. На горле нанесен сложный орнамент, состоящий из двух рядов точек, полосы ов с выпуклой сердцевиной и полосы выпуклых точек. Овы имеют такой же тип, как на больших пеликах и как на пеликах работы одного мастера с головами грифа, коня и амазонки этой группы.

Наличие на пелике Центрального музея Крыма на одной стороне более схематичного изображения, а на другой более свободного позволяет при наличии сходства форм, орнамента и общего стиля изображений отнести к этой группе две пелики Государственного Эрмитажа (№ 22303 и № 23) и Ялтинского музея (№ 2550). Форма ялтинской пелики совпадает с эрмитажной (№ 23), совпадают и отдельные фигуры; это позволяет думать, во всяком случае для этих двух пелик, об одном мастере. На ялтинской (рис. 12, *1*) и эрмитажной пеликах амазонка изображена около взвившегося на дыбы коня (изображения коня почти тождественны), справа — нападающий грек с занесенным над головой оружием; на ялтинской пелике под ногами грека, а на эрмитажной — под ногами лошади изображена оглядывающаяся назад, упавшая на одно колено амазонка; с левой стороны на эрмитажной пелике представлен упавший на одно колено грек и нападающая на него пешая амазонка. На другой эрмитажной пелике в центре композиции представлена конная амазонка, скачущая почти прямо на зрителя, справа от нее убегающая пешая амазонка, слева преследующий ее пеший грек. Как и во всех рисунках этой группы, мы наблюдаем здесь широкое применение темных рельефных линий, скорее быстрых эскизных мазков. Фигуры амазонок почти целиком исполнены накладной краской. Голова лошади на ялтинской пелике имеет немного искаженный профиль. Кисти рук чрезвычайно широки и бесформенны; ступни изображены совершенно так же, как на больших пеликах, с подчеркнутой щиколоткой. Обратные стороны этих пелик заполнены изображениями трех фигур в гиматиях удлиненных пропорций, довольно уродливых; на эрмитажной пелике (№ 23) средняя фигура, видимо, женская, с женской прической, изображена шагающей, складки гиматия (на других пеликах данные в обычной схеме складок этой группы) передают форму согнутой в локте руки и очертания отставленной в движении шага правой ноги. Амазонка, скачущая галопом с протянутой вверх, в сторону рукой известна на гидрии Эрмитажа с изображением амазономахии [1]. Рисунок на этой гидрии, а также и орнамент, сделаны в стиле рассмотренной нами росписи. Фигуры амазонок исполнены краской, детали вооружения позолочены. Фигуры нагромождены одна на другую и полны экспрессии, мы видим здесь такую же фигуру грека, опирающегося на отставленную ногу, в коротком хитоне, затем грека, наступающего со щитом в руке, изображенного со спины, с развевающимся гиматием, и амазонку с занесенным над головой оружием.

К композиции, изображенной на обратной стороне пелики Центрального музея Крыма (№ 134/293), примыкает еще несколько

[1] ДБК, табл. 1; ИАК, вып. 40, 1911, стр. 94, рис. 25.

пелик. Прежде всего сюда относится пелика Исторического музея (№ 11277; рис. 13, *2*). На ней представлена скачущая вправо амазонка, направляющая копье в наступающего на нее грека, сзади нее — убегающая амазонка, не поместившаяся в небольшом пространстве, поэтому представленная очень маленькой, одна нога ее пересекает пальметту. Ту же сцену без убегающей амазонки мы видим на пелике Керченского музея (№ V, 12) и Государственного Эрмитажа (№ 45). Мы уже знакомы с этой сценой по первой группе пелик. Отличием является большая экспрессия, пожалуй, при большей беглости, обилие рельефных полос, выделяющих отдельные части фигур, декоративный орнамент, состоящий из полос, точек и завитков. Фигуры в гиматиях аналогичны описанным в этой группе. Одна из пелик с росписью этого стиля, находящаяся в Государственном Эрмитаже (№ 45А), найдена с монетой начала III в. до н. э.[1], другая также в Государственном Эрмитаже (№ 16207) с монетой конца IV в. до н. э.[2] На первой из них изображена битва грека с раненой, упавшей на одно колено, амазонкой; аналогичную фигуру амазонки мы видели на многих рассмотренных пеликах, в том числе и на больших; справа изображена убегающая амазонка; пальметта имеет плоско срезанные верхушки лепестков, как вышерассмотренная пальметта большой пелики. На другой пелике представлен бой амазонки с греком над телом раненого грека. Этот мотив в другом исполнении мы встречаем на более ранних пеликах. Фигура амазонки имеет сходство с амазонками, наносящими или отбивающими удар, на пеликах этой группы. Фигура грека дана с удлиненными пропорциями тела, с массивными ногами и находит аналогию в фигуре грека на вышеуказанной пелике Центрального музея Крыма (№ 134/293), мышцы его тела изображены несколькими суммарными штрихами, как и прямые складки гиматия; лучше сделана фигура раненого грека; круглые четкие очертания его мышц на груди и животе напоминают трактовку обнаженного тела грека на больших пеликах. Видна тенденция к орнаментальной трактовке деталей; параллельными волнистыми полосками заполнены рукава амазонки и верхняя часть ног; параллельными волнистыми линиями показаны край волос, одежды амазонки и орнамент по краю щитов. Эти пелики являются датирующими, но узко с данной группой они не связаны ни по форме вазы, ни по композиции и тонкости рисунка.

Сцена, представленная на обратной стороне большой одесской пелики, повторяется в основной композиции на многих пеликах меньших размеров. Так, изображение грифа, борющегося с двумя амазонками, мы видим на пеликах Государственного исторического музея (№ 4303 и 5539) (рис. 11, *1*; 12, *2*), Государственного Эрмитажа (№ 51), Ялтинского музея (№ 2551 и 2569). Наиболее близкое изображение имеется на пелике Государственного исторического музея; несмотря на беглость, оно чрезвычайно экспрессивно, центральная фигура грифа с раскрытым клювом и большими распластанными крыльями выделяется большим белым пятном; на одежде амазонок обилие черных и белых точек. Беглость исполнения здесь еще более заметна, чем на больших пеликах: ноги амазонки сливаются внизу своими ступнями с почвой, в фигурах есть непропорциональность, черные пятна на одежде очень велики, фигуры в гиматиях на обратной стороне чрезвычайно раздуты.

Амазонка на пелике Исторического музея близка стилистически амазонке, готовящейся нанести удар раненому греку на указанной выше пелике Эрмитажа, найденной с монетой последней четверти IV в. до н. э.[1]. На эрмитажной пелике она имеет такую же непропорциональную фигуру, большую голову, короткую талию.

Характерно, что почти на всех пеликах этой группы гриф покрыт белой краской вместе с крыльями, при этом он изображается то более живым, как на пелике Государственного Эрмитажа (№ 51), то более схематичным, как на ялтинской пелике (№ 2569). Гриф этой группы не имеет таких стройных форм, как гриф первой группы боспорских пелик; напротив, он довольно тяжел и массивен, приближаясь к изображениям грифов на капители пилястры храма Аполлона Дидимеона, датируемым 320 г. до н. э.[2]

Такова эта изумительно цельная группа пелик с грифами и амазонками, представленная большими пеликами Ялтинского и Одесского музеев. По грандиозности изображения эти картины на больших пеликах могут быть сравнимы со сценой амазономахии на большой амфоре[3] из Зеленского кургана на Таманском полуострове, найденной вместе с двумя золотыми статерами Александра Македонского и обломком панафинейской амфоры с именем архонта Нехма 320/319 г. до н. э.; исполнение на этой амфоре немного тщательнее; на амфоре в верхнем ряду фигур справа мы видим фигуры всадников и обнаженного воина в пилосе и со щитом в руке.

Кроме темы амазономахии и грифомахии, которые особенно характерны для этой группы, имеются пелики и с другими сюжетами росписей. Часто встречаются пелики с изображением большого летящего Эрота и одной или

[1] Бурачков. XX, 70, 71. ОАК, 1866, стр. XI.
[2] Бурачков. XX, 93. ИАК, вып. 40, 1911, стр. 84, рис. 25.

[1] ИАК, вып. 40, 1911, стр. 94, рис. 25.
[2] Arch. Anz., 1913 г., 181, рис. 6, 7.
[3] ИАК, вып. 60, 1916, стр. 23, рис. 5.

двух женщин. Пелики Керченского музея (без номера), Ялтинского музея (№ 2543, 2548) (рис. 12, *3, 4*), Государственного исторического музея (№ 1-Б) и Государственного Эрмитажа (№ 88) производят впечатление сделанных одним и тем же мастером и имеют много общих черт с группой пелик с головами грифа, коня, амазонки, принадлежащих руке также одного мастера. У всех этих пелик один тип формы с цилиндрической длинной шейкой, небольшим раздутым туловом и очень широким раструбом горла. На обратной стороне две фигуры в гиматиях, такие же раздутые и с такими же черными пятнами, как и в аналогичной группе, с головами коня, амазонки и грифа. Между фигурами помещен угловатый большой диск, заполненный орнаментом на ялтинской пелике (№ 2543), кроме того, узкий в средней части алтарь. Пальметта имеет плоско срезанные верхушки лепестков. Рисунок лицевой стороны этих пелик представляет композицию из трех фигур: двух закутанных в гиматий танцовщиц с полузакрытыми лицами и летящего Эрота. Бегло исполнены легкие фигуры крутящихся в танце женщин, на кончиках пальцев поворачивающихся в стороны, но лицом к Эроту, руки их показаны в движении, но под плащом; они трактованы, как сплошное красное пятно с волнообразными контурами, оживленное лишь белыми концами ног и рельефными линиями складок. Между ними белая фигура летящего Эрота с огромными крыльями.

На одних пеликах, например на ялтинских (№ 2543, 2545) фигуры женщин имеют умеренные размеры и напоминают терракотовые статуэтки танцовщиц IV в. до н. э.; хотя складки и даны беглыми прямыми штрихами, они вполне передают общий изгиб фигуры.

1 *2*

Рис. 11.

1 — пелика с изображением битвы амазонок с грифом. Государственный исторический музей, № 4303; *2* — пелика с изображением головы грифа, амазонки и коня. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина № II, 1, б, 391.

На других вазах фигуры танцовщиц имеют такую же раздутую форму, как и фигуры на обратной стороне пелик Керченского и Государственного исторического музея. На пелике Исторического музея на головах танцовщиц белыми точками изображены венки, напоминающие белые точки на головных уборах амазонок в уже указанной группе пелик одного мастера.

На пеликах, где крылья Эрота оставлены в цвете глины, например, на ялтинских (№ 2543, 2545) они изображены так же, как крылья грифов этой группы, параллельными резкими линиями, верхняя часть выделена таким же орнаментом.

Кроме вкуса к красочным пятнам, в этой группе наблюдается применение позолоты и

Рис. 12.

1 — пелика с изображением амазономахии. Ялта, Музей краеведения № 2550; *2* — пелика с изображением амазонок, борющихся с грифом. Государственный исторический музей № 5539; *3* — пелика с изображением Эрота между двумя танцующими женщинами. Ялта, Музей краеведения, № 2543; *4* — обратная сторона той же пелики

рельефно выполненных деталей. Б. В. Фармаковский предполагает [1], что скульптура из слоновой кости и золота могла оказать влияние на широкое применение позолоты и белой краски на вазах роскошного стиля. Позолота на рельефно выделенных деталях появляется уже в конце V в. до н. э. на вазах Мидия и составляет особенность ваз так называемого керченского стиля. К середине IV в. до н. э. относится ряд ваз, где частично фигуры выполнены в рельефе, или же целиком вся композиция рельефная, как на гидрии с изображением спора Афины с Посейдоном [2], на арибалле Ксенофанта [3]. На рассмотренных пеликах перевязи оружия, пересекающие грудь, детали головных уборов, щитов, костюмы амазонок, различные орнаменты иногда исполнены рельефно; на некоторых деталях сохранилась позолота: золото, отбитое тонкими листиками, фиксировалось на этих выпуклостях посредством желтоватой барботины.

Одновременное существование двух художественных направлений, выделенных нами в первую и вторую группы, доказывается и совместной находкой двух ваз в одном склепе [4], одной из которых является описанная выше пелика первой группы из Херсонского музея с изображением Эдипа, другая, также Херсонского музея, имеет изображение головы лошади и амазонки в стиле второй группы.

Рассмотренная вторая группа имеет характерный только для нее тип пальметты с двумя разновидностями: 1) сложную с раковиной, 2) простую, узкую вверху и широкую внизу. Верхушки лепестков этих пальметт плоско срезаны.

К этой второй группе относятся пелики с очень небрежным рисунком (рис. 15), слишком схематичным, стилизованным. Мы видим здесь такой же вкус к контрастным пятнам, к сочным черным линиям и полосам. Сюда относится прежде всего ряд пелик с изображением голов грифа, коня и амазонки. Пелика Керченского музея (№ V, 6) имеет на лицевой стороне изображение головы лошади, амазонки и грифа; голова лошади, несоразмерно большая, изображена без шеи; женская голова на высокой стройной шее отличается особой трактовкой волос, показанных ниже уха в виде широкой веревочки с завитком на конце; протома грифа выделяется стилизованным изображением крыла и шеи, данной двумя округленными штрихами.

На пелике Центрального музея Крыма (№ 8/44) с тем же сюжетом росписи оригинальна протома грифа с высокой, утончающейся кверху шеей, завершающейся узкой головкой, состоящей почти из одного большого раскрытого клюва, с выступающей вперед грудью, с поднятой лапой, пышно развернутыми поднятыми крыльями, с волнистыми, как кружева, краями. Отдельные перья даны короткими параллельными полосками. Вертикально по краю крыла идут два ряда точек более мелких и более крупных. Тело и лапа грифа покрыты белой краской. Голова амазонки имеет очень вытянутые пропорции лица, шеи и головного убора. По краю головного убора выбиваются темной волнистой полосой волосы с отдельными прядями. Узкий глаз бегло дан двумя сходящимися линиями с точкой между ними и дугой брови над ними. Протома лошади большая, не только с шеей, но и с грудью, подчеркнутою рельефной дуговидной полосой. Оригинальные причудливые рваные силуэты имеют фигуры в гиматиях.

Пелики Ялтинского музея (№ 2546), Одесского музея (№ III/6), Керченского музея (№ V, 7, 8 и без номера) имеют одни и те же изображения; по типу женской головы они должны быть отнесены к первой группе, но отличаются от нее большей стилизацией и обилием черных полос, линий и пятен. Гриф имеет наклоненную вперед маленькую голову с большими круглыми глазами, сверху подчеркнутыми изогнутой бровью, тупым, четко обрисованным сомкнутым клювом и небольшим горбиком лба. Гребень дан несколькими зубцами, шея почти прямая, крыло схематично. Алопекис амазонки оживлен большими черными точками по три и выделен по краю полосой зубчиков; лицо амазонки оттенено, кроме того, темными гладкими прядями волос и имеет особые черты, выделяющие эти несколько пелик в группу, может быть также расписанную одним мастером: оно имеет кругловатый лоб с впадинкой на переносье, заостряющийся на конце короткий нос, полные губы и небольшой округленный подбородок; характерно маленькое расстояние между губами и носом. Голова лошади исполнена в стиле второй группы с вытянутыми пропорциями, но глаз изображен не в виде пятна, а в виде кружка с дугой над ним. На пелике Керченского музея (№ V, 8) по краю головного убора идет ряд точек; гриф чрезвычайно вытянут, в его силуэт врезается пальметта. Крыло стилизовано и выделено несколькими прямыми полосами и двумя прямыми рядами больших черных точек. Фигуры в гиматиях очень близки изображенным на пелике Центрального музея Крыма (№ 8/44). Эта группа пелик имеет четко очерченные рельефной линией силуэты и причудливо изгибающиеся черные полосы на гиматиях. Пелика Керченского музея (№ V, 7) имеет пальметту в виде акротерия с плоскими верхушками лепестков, аналогичную нижней пальметте больших пелик.

---

[1] Б. В. Фармаковский. Аттическая вазовая живопись, стр. 545; на стр. 544 приводится литература по технике росписи ваз.

[2] ОАК, 1872, табл. I.

[3] А. А. Передольская. Вазы Ксенофанта. ТОАИЭ, т. I, стр. 47—67; В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья, М., 1947, стр. 65.

[4] ИАК, вып. 40 1911, стр. 66—69, рис. 4, 5.

1 *2*

Рис. 13.

1 — пелика с изображением амазономахии. Одесса, Историко-археологический музей, III/3008; *2* — пелика с изображением амазономахии. Государственный исторический музей. № 11277

1 *2*

Рис. 14.

1 — пелика с изображением амазономахии. Государственный исторический музей, № 19334; *2* — пелика с изображением амазономахии. Ялта, Музей краеведения, № 499.

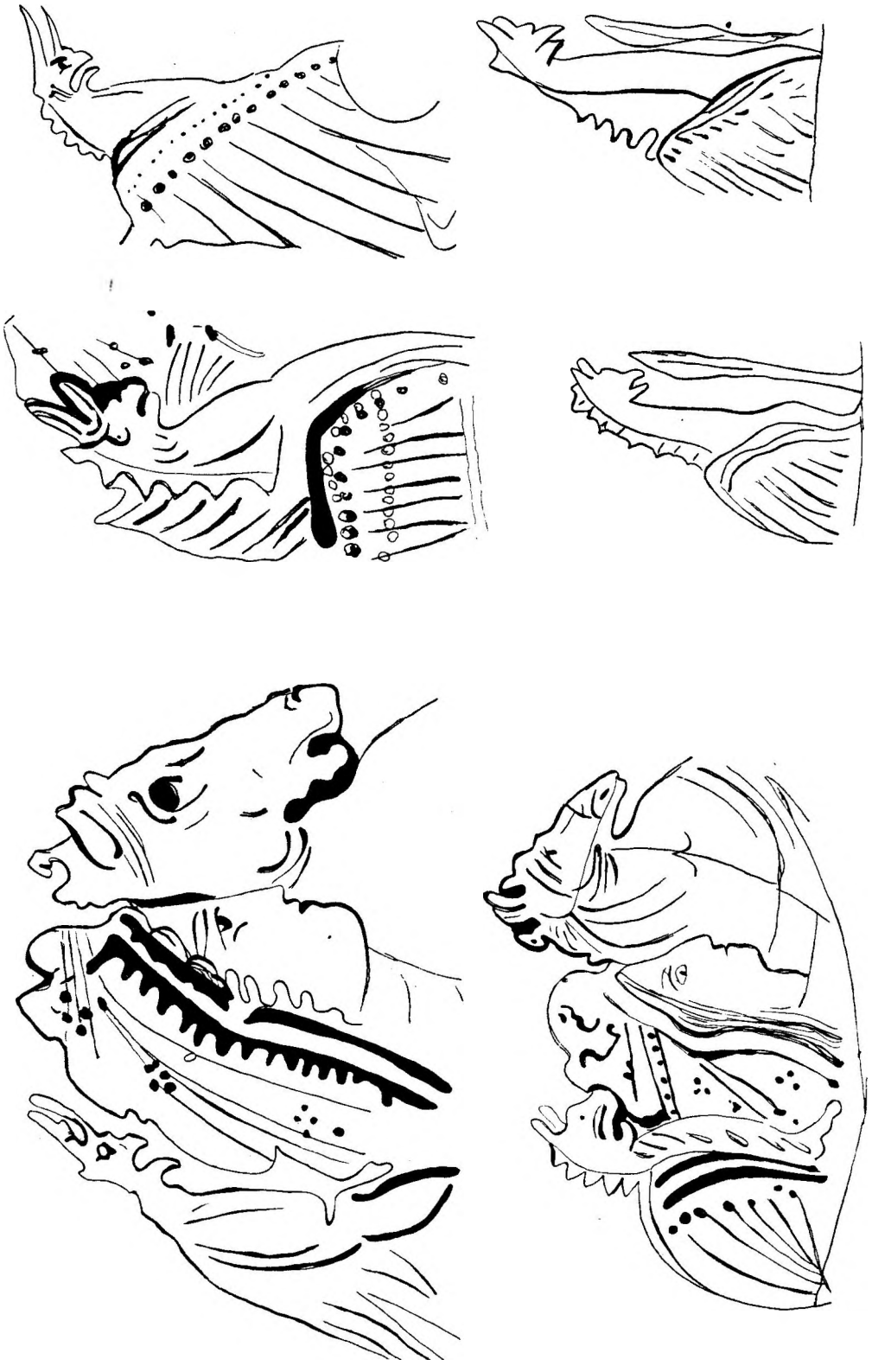

Рис. 15. Детали росписей пелик конца IV — начала III в. до н. э. (вторая группа)

Верхний ряд — Керчь, № V, 195; Гос. Эрмитаж, № 60; Керчь V, 7. Нижний ряд — Симферополь, № 8/62; Одесса, № III/128; III/2

Рис. 16. Детали росписей пелик конца IV — начала III в. до н. э. (вторая группа)
Верхний ряд—Симферополь, № 8/44; Гос. Эрмитаж, № 2192. Нижний ряд—Одесса, № III/6; III/3802; III/3008

К этим пеликам близка пелика Керченского музея (№ V, 195), но она отличается от них слишком уродливыми изображениями фигур в гиматиях, схематичным и уродливым типом протомы грифа с большими, прямо поставленными выступами над лбом, большим раскрытым клювом, имеющим форму треугольника. Сравнительно с протомой грифа голова амазонки и коня чрезвычайно велики; они изображены в стиле второй группы. То, что эта группа пелик со стилизованным изображением грифа относится к тому же времени, доказывает также совместная находка двух пелик[1] Керченского музея: со стилизованным тонким силуэтом грифа, амазонки и коня и с изображением амазонки против головы грифа, повторяющим роспись пелики Государственного Эрмитажа (№ 65-е) второй группы.

К этой же группе мы относим одесскую пелику (№ III/4) с изображением двух амазонок, борющихся с грифом. Гриф представлен в застывшей позе с широко раскрытым клювом и с маленькими крылышками. Фигуры амазонок бесформенны, с несколькими кругами на груди, горизонтальными полосами по подолу одежды и вертикальными вдоль ног, с грубыми очертаниями лиц.

В нашем определении группы поздних краснофигурных пелик мы расходимся с положениями К. Шефольда, изложенными в его книге о керченских вазах, изданной в 1934 г. Об этом типе пелик Шефольд говорит лишь мимоходом, уделяя все внимание вазам так называемого «керченского стиля». Некоторые из поздних боспорских пелик он помещает среди ваз раннего «керченского стиля» (375—360 гг.), датируя их по типу бегущей женской фигуры. Шефольд указывает, что бегущие фигуры, частые на вазах Мидия, часты и на лучших образцах раннего керченского стиля, затем у лучших мастеров почти исчезают и появляются в манерности изображений на заурядных кратерах и пеликах. Большинство фигур представлены бегущими вправо, выставив вперед левую ногу. Шефольд выделяет эти керченские пелики беглого исполнения как ранние, но расписанные в однородном ковровом стиле. Шефольд называет этот стиль «койне» и считает, что пелики исполнены еще в традициях Мидиева стиля, но с пропорциями и пространственностью «нового стиля», в них есть противоположность плоскостности и пространственности отдельных форм. По форме, по росписям и аналогиям с пеликами, хорошо датирующимися монетами, эти вазы никак не могут быть так рано датированы.

Точно так же неубедительно отнесены в группу «среднего» керченского стиля (360—350 гг.) пелики, датирующиеся третьей и четвертой четвертью IV в. до н. э.— например, пелика № 497 (табл. II, 4), которая датируется совместной находкой конца IV — начала III в. до н. э., и рядом с ней пелика № 362 (табл. XXV, 3) совершенно другой формы; автор относит к одному времени две разные по времени формы вазы.

Наши разногласия с К. Шефольдом в хронологической классификации боспорских пелик объясняются тем, что метод изучения материала, примененный К. Шефольдом, не является научным методом всестороннего изучения явления, а методом формалистическим: в основу хронологической классификации керченских краснофигурных ваз им положены сопоставления деталей отдельных фигур росписи с деталями точно датированных аттических рельефов.

Вооруженные марксистским методом, советские археологи освещают факты древней истории и культуры в исторической перспективе, изучают памятники и отдельные явления в их взаимодействии, в комплексе, и на этой основе раскрывают всю ненаучность формалистического метода при изучении памятников материальной культуры. В результате механического объединения отдельных деталей без внимания к сущности явления и без учета всех деталей, например, орнамента и формы ваз, сюжета и его трактовки и т. д., получаются совершенно неубедительные выводы.

В основе сопоставлений Шефольда, которые сами по себе недостаточны и являются лишь одним из путей, подводящих к определению памятника, лежит также неправильная предпосылка о полном тождестве скульптуры и живописи в IV в. до н. э. Однако пути развития монументальной живописи и вазописи, живописи и скульптуры были вполне самостоятельными. Поэтому сопоставления со скульптурой не могут быть основой для той или иной датировки, а опять-таки лишь одним из путей к точному определению памятника.

Распределяя вазы по хронологическим рядам на основании стилистического сходства деталей с деталями на датированных памятниках, Шефольд предполагает существование в аттической школе IVв. до н. э. лишь одного стилистического направления, упрощая таким образом сложное явление. На основании установленных путем таких сопоставлений дат отдельных фигур росписей на вазах — стоящих, сидящих, бегущих, танцующих фигур в пеплосе, в гиматии — устанавливается дата форм тех ваз, на которых они написаны. Ненаучность метода нанизывания рядов отдельных стилистических аналогий доказывается и неубедительностью выводов. В группу зрелого керченского стиля таким образом попала элевсинская пелика, датированная Шефольдом 340—330 гг. до н. э., на основании трактовки пеплоса Геры; эта пелика имеет форму и орнамент, характерные для пелик второй четверти IV в.; перенесение ее даты с 369 г., как ее обычно дати-

[1] Найденных вместе в могиле № 15 28 мая 1923 г.

ровали [1], на 40—30-е годы находится в противоречии со всеми датировками поздних красно-фигурных боспорских пелик

Олинфские пелики, точно датирующиеся до 348 г., полностью подтверждают нашу дату поздних боспорских пелик, так как представляют более ранний тип форм ваз и росписей. Детальное рассмотрение ранних групп боспорских пелик (первая половина IV в. до н. э.) не входит в задачу настоящей статьи.

Местом производства ранних и большинства поздних групп боспорских пелик являются аттические мастерские. Об этом свидетельствует глина этих ваз, а также аналогии среди аттических ваз, найденных в различных городах греческого мира. Рассмотрим детально эти аналогии.

Изображение головы коня и амазонки, направленных в одну сторону, имеется на ойнохое из Кирены [2]. Близкое изображение лошади с круто наклоненной головой, складками на сгибе шеи, со слегка вогнутой линией профиля, с четко обрисованными формами мы видим на пелике Одесского музея (№ III/3). Женская голова, представленная на ойнохое, имеет длинную шею, какая иногда встречается также и на боспорских пеликах,— см. изображение голов коня и грифа на пелике Государственного Эрмитажа (№ 65-е) — и головной убор, расширяющийся книзу: такой убор редко встречается на пеликах с изображениями коня, амазонки, грифа, но имеется на пеликах с изображениями двух женских голов, например на одесской (№ III/3803) и эрмитажной (№ 98-Е).

На ойнохое с о. Эгины изображены три головы грифа, амазонки и коня, обращенные в одну сторону [3]. Лошадь на ойнохое имеет неправильные формы, как и в поздней группе боспорских пелик, например эрмитажной (№ 67-А). Тип головного убора близок вышеуказанному на ойнохое из Кирены, протома грифа изображена здесь без крыльев, как на пелике Одесского музея (№ III/3).

В каталоге Афинского музея [4] описывается пелика из Мегары: на лицевой стороне изображены голова лошади и голова женщины, лицо женщины исполнено белой краской, на обратной — две грубо очерченные фигуры в гиматиях.

В индексе книги Б. В. Фармаковского «Аттическая вазовая живопись» указаны краснофигурные пелики Британского музея с изображениями: голов коня и амазонки с о. Родоса (F-85) и из Пирея (№ 201); с изображением женской головы и протомы грифа из Бенгази (F-12), с изображением головы женщины между двумя протомами грифа с о. Мелоса (Е-426) и с изображением головы перса и протомы грифа с о. Родоса (F-15).

Ряд пелик из Кирены имеют на лицевой стороне изображение женской головы и приближающегося к ней летящего или идущего Эрота, протягивающего или повязку с бахромой [1], или зеркало [2]; на шее женщины изображено ожерелье, на голове — повязка, украшенная черными точками, над ухом выбивается пучок волос. Пелика с аналогичным сюжетом имеется в Афинском музее [3].

Такие же изображения мы видим на поздних боспорских пеликах и оксибафах. Тип Эрота и тип женской головы совершенно аналогичны. Так, на пелике Государственного Эрмитажа (№ 98) головной убор женщины того же типа, с небольшим выступом на затылке; Эрот, приближающийся к женской голове, несет длинную расшитую повязку и шкатулку.

На другой пелике Государственного Эрмитажа (№ 12) изображен Эрот, приближающийся к женской голове с зеркалом и опахалом. У женщины такой же головной убор и такой же пучок волос над ухом.

На пелике из Кирены [4] женская голова изображена между летящим Эротом и стоящей женщиной. Это сочетание большой женской головы с целой фигурой значительно меньших размеров встречается также и на боспорских пеликах, например, на херсонской пелике (№ 8). На гидрии Ялтинского музея (№ 2753) против такой же головы помещена фигура, закутанная в гиматий, держащая в руке тимпан.

В индексе у Б. В. Фармаковского имеется указание на пелику из Бенгази Британского музея (F-13) с изображением женской головы и летящего к ней Эрота.

На краснофигурной пелике в Афинах [5] изображены две женские головы одна против другой, у одной из них лицо покрыто белой краской, обе имеют убор, украшенный точками. Аналогичное изображение имеется на одесской пелике (№ III/3803), белая краска покрывает лицо одной из голов [6]. Из пелик с изображениями грифов, амазонок и аримаспов чаще встречаются пелики со сценами борьбы конного аримаспа с грифом, совершенно совпадающие по стилю с боспорскими изображениями, например на пелике, найденной в за-

[1] A. Furtwengler. Griechische Vasenmalerei, II, München, 1904, текст к табл. 68, 69, 70, 87.

[2] S. Reinach. Répertoires des vases peints grecs et étrusques, Paris, 1922—1924, I, 130.

[3] Там же.

[4] M. Collignon. Catalogue des vases peints du Musée national d'Athènes. Paris, 1902—1908, стр. 597.

[1] Monuments Grecs, Paris, 1873—1889, II, 1885—1888, стр. 37—38.

[2] A. Ridder. Catalogue des vases peints de la Bibliothèque nationale, II, Paris, 1902, стр. 300.

[3] M. Collignon. Указ. соч., стр. 598, 1869—3316.

[4] Monuments Grecs, табл. 7.

[5] M. Collignon. Указ. соч., стр. 598.

[6] То же на пелике, изданной в ОАК за 1863, стр. 150, табл. 11, 13, а также на гидрии в Херсонском музее, № 10, на пелике Государственного исторического музея № 3/8 более раннего времени.

падной части Крита [1]. Форма этой вазы и стиль рисунка относятся к концу IV в. до н. э. Контур рисунка очень четкий, но изображения не свободно размещены на поверхности вазы. Голова грифа касается головы лошади, между ногами лошади и аримаспа помещен щит. Совпадающее во всех деталях изображение имеется на пелике Феодосийского музея (№ 321—III—VI 309-9). Пелика из Кирены [2] имеет такое же изображение на лицевой стороне, при некотором отличии в деталях. (Крылья грифа раскинуты так, что между ними значительное свободное пространство, тогда как на вышеуказанном рисунке они сливаются.) Правая передняя нога лошади врезается в щит — деталь, которая встречается на ряде боспорских пелик, например, Государственного исторического музея (№ 10-Б) и Одесского музея (№ III/1325). Близкая по типу изображения пелика из Кирены находится в музее Афин [3].

Пелика из Кирены в Париже [4] имеет еще несколько деталей, также свойственных и группе боспорских пелик, а именно — под ногами лошади и грифа над овами поднимается большой спиралевидный завиток, голова аримаспа близко наклонена к голове лошади, в руке аримаспа ясно видно направленное против грифа копье. На пелике Государственного Эрмитажа (№ 52) мы видим совершенно такое же изображение амазонки с прислоненной к шее лошади головой, в стремительном беге навстречу грифу и внизу такой же завиток. То же на пелике Государственного исторического музея (№ 49458).

На келебе из Афин [5] изображена такая же сцена, но под ногами лошади мы видим щит. И на боспорских пеликах с такими изображениями встречалась эта деталь. Так на пелике Одесского музея (№ III/3805) под ногами лошади изображен щит, но иначе украшенный; такой же щит нарисован на другой пелике Одесского музея (№ III/3905) и на пелике Государственного исторического музея (№ 54710) под ногами лошади, терзаемой грифами. Из этих сравнений ясно, что при сходстве композиции, стиля, даже отдельные мелкие детали изображений являются аналогичными.

В индексе Б. В. Фармаковского указана пелика из Апулии (стр. 113, № 374) с изображением конной амазонки, сражающейся с грифом. На большом кратере Британского музея [6] представлена битва аримаспов с грифами, фигуры распределены в два ряда. Такого расположения композиции на пеликах не встречается, но стиль росписи, отдельные группы, отдельные фигуры, их детали, совпадают с росписями на пеликах IV в. до н. э. (Кратер датируется первой четвертью IV в. до н. э.).

Два кратера в Лувре, найденные в Италии [1], украшены сложной росписью, представляющей собою соединение отдельных сцен борьбы с грифами. На кратере G 529 на обратной стороне мы видим аримаспа, отбивающегося от грифа, под ногами щит и завиток,— изображение аналогично вышерассмотренному, но присоединена пешая амазонка.

На обратной стороне кратера G 530 представлена амазонка на коне, отбивающаяся от двух грифов, симметрично нападающих на нее с двух сторон — сюжет, несколько раз встречающийся на боспорских пеликах, например, на пелике Керченского музея (№ V, 3) — конная амазонка отбивается от грифа, таким же образом закинув за голову руку. На одежде амазонок на груди совершенно такой же орнаментальный мотив в виде двойного сфинкса с одной головой с распластанными крыльями. Аналогичная сцена изображена на оксибафе из южной Галлии [2].

Изображение аримаспа, отбивающегося от двух грифов, как на кратере G 530, также можно найти на боспорских пеликах, например, на большей одесской пелике конца VI в. до н. э. Кроме положения левого грифа, почти повторяющего позу правого (на кратере он оглядывается), все остальное в построении фигур очень близко, но не совпадает в точности. Композиция на пелике является более сжатой, фигуры нагромождены одна на другую, на кратере они более свободны и естественно располагаются в пространстве, но совершенно ясно видно, что мы имеем дело с очень сходной композицией, в одном случае более ранней, в другом более поздней.

На кратере G 530 изображен гриф, нападающий на бигу. Эта же тема в такой же трактовке встречается на боспорских пеликах, например, на пелике Одесского музея; к сожалению, на фотографии луврской вазы эта группа, изображенная с боковой стороны, видна очень плохо, что не дает возможности сделать сравнение.

Группа двух грифов, терзающих коня, близкая изображению на кратере G 529, имеется на пелике Государственного исторического музея (№ 54710) немного более позднего времени, чем кратер. На ней представлена сцена, менее живая и более схематичная, лошадь изображена скачущей, повторяющей тип лошади конного аримаспа. Более близким является изображение на пелике Одесского музея (№ III/7), где лошадь представлена упавшей, как и на кратере.

---

[1] Monuments antichi dei Lincei, vol. XI, Milano, 1901, стр. 358, рис. 67.

[2] A. A. Caruana. Ancient pottery from the ancient pagan tombs and christian cemetries in Malta, Malta, 1899, табл. IV, № 39.

[3] M. Collignon. Указ. соч., стр. 596.

[4] A. Ridder. Указ. соч., II, стр. 297, табл. XVI, 406.

[5] O. Benndorf. Griechische und Sicilische Vasenbilder, LIV, 3.

[6] CVA, Gr. Brit. Fasc. 3, табл. XXIV, 4.

[1] E. Pottier. Vases antiques du Louvre, Paris, 1922, III, стр. 286—287, 529—530.

[2] CVA, Collection Mouret, табл. X, 1.

Очень близко этой композиции изображение двух грифов, нападающих на лань. Такое изображение имеется на пелике из Беотии [1] и на пелике Государственного исторического музея (№ 54711), рисунок на той и другой вазе исполнен довольно тщательно.

Оригинальное изображение имеется на пелике из Кирены[2]: два грифа с всадником в костюме аримаспов убивают странного вида животное с двумя телами и одной головой; его иногда истолковывают, как двойного грифа; нам представляется, что здесь изображена двойная лань, так как тело животного покрыто небольшими черточками, как обыкновенно изображается лань. Это подтверждается существованием другого, очень близкого изображения: двух всадников на грифах, убивающих лань, на пелике Ялтинского музея (№ 693). Изображение на пелике из Ялтинского музея чрезвычайно близко изображению на пелике из Кирены. По всей вероятности, здесь представлены Аполлон и Артемида, охотящиеся на лань. Тело лани покрыто черными точками.

В Британском музее находится пелика из Кирены [3] с изумительно тонко выполненным эффектным рисунком, на котором изображено нападение трех грифов на трех аримаспов. Аналогичного сюжета на боспорских пеликах мы пока не знаем, но стилистически чрезвычайно близок этой пелике обломок вазы, изданной А. Б. Ашиком [4] (вероятно, пелики IV в. до н. э.). На нем изображены четыре грифа, нападающие на лань; как и на британской пелике, здесь передано стремительное движение грифов бросающихся на жертву и летящих в прыжке, аналогичны массивные закругленные клювы, крупные зубцы гривы и крылья, верхняя часть которых покрыта мелкими точками, перья на концах крыльев переданы тонкими штрихами.

На других пеликах (например, на керченской пелике) встречается изображение стоящего аримаспа, отбивающегося от двух грифов, аналогичное центральной группе пелики Британского музея, но более позднее по стилю.

На луврской пелике [5] позднего типа с длинной шейкой и широким раструбом горла изображен гриф в борьбе с двумя амазонками. Сравнивая с этой вазой пелики Одесского музея (№ III/4), Ялтинского музея (№ 2569) и Государственного Эрмитажа (№ 51), мы видим одни и те же особенности с небольшими отклонениями: почти вертикально стоящего грифа (на луврской пелике голова его обращена назад) с тяжелыми широкими формами торса и лап; его тело, а чаще и крылья покрыты белой краской; правая амазонка, откинувшись назад, широко расставив ноги, пытается нанести удар, закинув руку с оружием за голову и держа в левой руке щит. Фигуры нанесены очень бегло, на ногах вместо черных точек, обычно покрывающих анаксириды, видим продольные полоски, как на луврской вазе (или же в один ряд поставленные точки), складки одежды показаны прямыми, вкось идущими жесткими линиями на груди и вниз от талии. Орнамент на щите совершенно одинаковый. Е. Поттье отмечает аттический стиль рисунка этой вазы и считает ее копией с аттической вазы, так как она сделана из италийской глины. В таком же стиле представлена борьба амазонок с грифом на кратере из раскопок Мурэ [1]. Мы наблюдаем здесь несколько в иной композиции типы амазонок и грифа группы пелик конца IV в. до н. э., а именно массивного и в то же время вытянутого, со стилизованными крыльями, нападающего на конную амазонку, которая, оглядываясь, отбивается от него подобно амазонке на лицевой стороне большой одесской пелики (№ III/3008); слева — пешая амазонка с откинутой назад рукой собирается бросить копье; под ногами грифа лежит упавшая амазонка; обе эти фигуры совпадают с аналогичными фигурами на большой одесской пелике.

В Керченском музее находится фрагмент пелики (№ V, 6) с изображением Афродиты, управляющей колесницей, запряженной двумя грифами; неполную аналогию этому изображению мы находим в Луврском музее на пелике из Кирены [2]. Дионис управляет колесницей, которую везут бык, пантера и гриф (начало IV в. до н. э.).

Тема Аполлона на грифе, столь любимая на Боспоре, на других пеликах до сих пор мною пока не найдена, за исключением вышеназванной пелики из Кирены со спорным изображением грифа-лани; это доказывает, что пелики этого типа делались специально для Боспора. Однако эта тема встречается на других вазах, например, на киликах; так, на дне килика Венского музея мы видим изображение Аполлона с лирой и пальмовой ветвью, сидящего боком на грифе [3]. Килик относится, вероятно, к началу IV в. до н. э. (по трактовке одежды Аполлона и раннему типу грифа).

На дне килика из собрания Мурэ [4] видим Аполлона на грифе, совершенно совпадающего по изображению с типом Аполлона на пеликах

---

[1] M. Collignon, Указ. соч., № 1865—2917 (1401).
[2] A. Ridder. Catalogue, II, стр. 298, № 408.
[3] A. H. Smith. Catalogue of the greecs and etruscan vases in the Britisch Museum, London, 1893, III, стр. 265, E. 434.
[4] А. Б. Ашик. Боспорское царство. Одесса. 1848—1849. III, стр. XVIII.
[5] E. Pottier, Указ. соч., III, Paris, 1922, стр. 290, G 553.

[1] CVA, Collection Mouret, табл. IX, 2.
[2] Monuments Grecs, Paris, 1873—1879, т. I, табл. 3.
[3] Röm. Mitt., 1927, табл. 24.
[4] CVA, Collection Mouret, II, 1—3.

третьей четверти IV в. до н. э. в виде юноши верхом на грифе, с поднятой вверх правой рукой и грифа с небольшой, уже мало выразительной головкой, с тяжелыми лапами и немного вялым телом. Под ногами грифа изображены волны [1].

Группа пелик с изображением амазономахии находит себе чрезвычайно много аналогий на пеликах из других мест греческого мира, так как это была популярная тема в греческом искусстве.

В каталоге Афинского музея упоминается пелика со сценой боя конной амазонки с пешим греком [2]. Роспись вазы относится к хорошему аттическому стилю. Отсутствие фотографии делает невозможным сравнение. Судя по описанию, совершенно в стиле боспорских пелик выполнена другая пелика с таким же изображением в Британском музее [3]. Происхождение этой вазы не указано, возможно, что она из Керчи. На лицевой стороне представлена амазонка на коне, поднявшемся на дыбы, и наступающий на нее, прикрывающийся щитом обнаженный грек, с руки которого спадает вниз гиматий. С этим описанием совпадает роспись на вазе феодосийского музея (№ 322) и многих других.

Такие же сложные композиции мы встречаем и на вазах из других мест. Так, в Афинском музее [4] есть пелика, роспись которой представляет сцену битвы: женщина на белой лошади скачет вправо, ее одежда исполнена накладной краской, ожерелье ее и сбруя лошади даны в рельефе; амазонка попирает ногами лошади упавшего воина, обнаженного, вооруженного мечом и защищающегося щитом; на втором плане изображена женщина, которая направляет копье на противника в хламиде, обращающегося в бегство, налево амазонка, натягивающая лук. На пелике Государственного Эрмитажа (№ 47) мы видим такую же сцену с тем отличием, что у пешей амазонки на заднем плане не копье, а меч.

На другой вазе Афинского музея, происходящей с острова Крита [5], судя по описанию, дан другой вариант амазономахии: конная амазонка на белом коне наступает на воина, одетого в короткую тунику с коническим пилосом на голове, под ногами лошади поверженный обнаженный воин, вооруженный щитом и копьем. Позади лошади — убегающая амазонка, оглядывающаяся назад. Та же сцена представлена на пелике Государственного Эрмитажа (№ 42), но с некоторыми изменениями в деталях, а именно: воин, наступающий на амазонку — обнаженный и имеет только плащ, на голове такой же конический пилос; упавший воин вооружен мечом; убегающая амазонка, обернувшаяся назад, помещена не за конем, а на противоположной стороне. То же представлено на пеликах Херсонского музея (№ 9) и Керченского музея (№ V, 2). На кратере из раскопок Мурэ [1] изображена конная амазонка, сражающаяся с пешим греком, сзади на грека нападает пешая амазонка.

На пелике Афинского музея, к сожалению, только описанной, но не воспроизведенной [2], изображено: слева — амазонка, натягивающая лук, затем конная амазонка на белой лошади, которая собирается ударить копьем обнаженного воина, упавшего на одно колено, видного со спины и прикрывающегося щитом; направо греческий воин в коротком хитоне преследует амазонку, которая защищается и бежит вправо. Подобные сцены изображены и на боспорских пеликах.

Сцена битвы на вазе из Кирены [3], где конная амазонка борется с тремя греками, близка росписи пелики Государственного Эрмитажа (№ 47), но более живая, так как фигуры размещены в разных планах. В этом отношении она аналогична краснофигурной гидрии Государственного Эрмитажа (№ 1810) [4], но, судя по росписи, немного более ранняя (форма ее не дана).

На пелике из Танагры в музее Афин [5] изображаются сражающиеся пешие амазонки и пешие греки, а также две амазонки, поверженные на землю около сражающихся. По описанию, эта роспись похожа на изображения на поздних боспорских пеликах с обильной раскраской и рельефными деталями; эта ваза имеет очень большие размеры — 0,45 м и на обратной стороне ее представлены два грифа с львиными головами, терзающие двух амазонок, как на большой одесской пелике, где на лицевой стороне — амазономахия, на обратной — грифомахия.

В индексе Б. В. Фармаковского упоминается пелика из Будруска (М. Азия), хранящаяся в Британском музее (F-14) с изображением амазономахии. В том же индексе он указывает пелику в Афинах с изображением амазонки на коне, преследующей женщину (стр. 108, № 545); такое изображение есть на одной из эрмитажных пелик (№ 92-В).

Указанные аналогии свидетельствуют о широком вывозе пелик боспорского типа из Афин не только в города Боспора, но и в другие города.

---

[1] См. также Al. Laborde. Collection des vases grecs de M. le comte de Lamberg, Paris, 1813—1824, т. 2, табл. 26.

[2] M. Collignon. Указ. соч., стр. 415, № 1267—1727.

[3] H. Walters. Catalogue of the Greek and etruscan vases, т. IV, 1896, стр. 3114.

[4] M. Collignon. Указ. соч., стр. 396, № 1859—1684.

[5] M. Collignon. Указ. соч., стр. 395, № 1860 (1445).

[1] CVA, Collection Mouret, табл. X, рис. 24.

[2] M. Collignon. Указ. соч., стр. 589—590.

[3] A. Ridder. Указ. соч., т. II, стр. 297, № 407/4880, рис. 66.

[4] ДБК, LI, рис. 3.

[5] M. Collignon. Указ. соч., стр. 591, № 1854—2199.

На олинфских пеликах также имеются изображения амазонок и грифов, так например, на одной пелике на лицевой стороне изображена голова амазонки и лошади, на другой стороне той же пелики — голова амазонки и против нее протома грифа. Д. Рубензон указывает в описании этой вазы [1], что глина этой вазы содержит примеси слюды, что все вазы этого стиля, найденные в Олинфе, сделаны из глины с примесью слюды такого же качества и цвета, как неолитическая посуда и большая часть статуэток, найденных в Олинфе, в то время, как в глине чернофигурных и краснофигурных ваз лучшей техники слюды нет. Автор считает эти вазы изделиями местного олинфского производства, предполагает, что их могли вывозить и на юг России [2], и ссылается на пелику с изображением женской головы и головы лошади, опубликованную М. И. Ростовцевым [3].

Это предположение Рубензона должно быть отброшено, так как в глине боспорских пелик нет примеси слюды, глина пелик, одновременных с олинфскими, аттическая. Да и тип грифа, коня и амазонки на этой олинфской пелике не имеет ничего общего с боспорским.

Наибольшее количество ваз с изображениями амазонок и аримаспов, борющихся с грифами, или же головы грифа, коня и амазонки, Аполлона на грифе, грифов, терзающих животных,— найдено в Северном Причерноморье, и притом на Боспоре, поэтому их справедливо назвать боспорскими.

Подсчет ваз, паспорта которых известны, дал следующие цифры: на 134 пелики, найденные в Керчи и ее окрестностях, приходится 12 пелик, найденных на Тамани, 5 пелик в Феодосии, 3 — в Нимфее, 15 — в Ольвии, 1 — в Одессе, 1 — у Танаиса и 1 — в Чигиринском уезде. Громадное количество пелик в музеях Керчи, Одессы, Москвы, в Государственном Эрмитаже не имеют паспортов. Они принадлежали или частным коллекциям, или относятся к очень старым раскопкам. Большое количество таких ваз находится в западноевропейских музеях, они были перепроданы «счастливчиками», искателями драгоценностей в древних могилах, развивавшими свои поиски в XIX — начале XX в., исчезнувшими со времени установления законодательства по охране памятников.

Боспорские пелики являются живым свидетельством того значения, которое Боспор имел в IV в. до н. э. в античном мире. Боспор снабжал Аттику сырьем и хлебом, и, вместе с тем, богатые города Боспора и более всего столица Боспора — Пантикапей были постоянными потребителями предметов художественного ремесла Афин, этого прославленного центра греческой культуры, переживавшего в IV в. до н. э. тяжелый кризис и особенно нуждавшегося в сбыте своих товаров, а более всего в боспорском хлебе [1].

Исследование культуры Боспора в советский период, изучение вновь открываемых памятников показывает своеобразие этой культуры, яркость и оригинальность памятников искусства Боспора, в основе которого лежит вся совокупность социальных отношений крупного государственного объединения, разнообразия населяющих его племен, обычаев, религиозных представлений, самой природы причерноморских степей.

Все более выясняется наличие на Боспоре производства керамики и терракот. При раскопках Митридата В. Д. Блаватским в 1947 г. были открыты формы рельефных чаш, известных ранее только как «мегарские»; новые типы эллинистической акварельной посуды были найдены и на Митридате, и в Фанагории. Однако до сих пор у нас нет документальных материалов, свидетельствующих о местном производстве на Боспоре расписных ваз такого типа, как греческие чернофигурные и краснофигурные вазы.

Развитие и расцвет краснофигурной вазописи тесно связаны с жизнью афинского государства, со всеми особенностями рабовладельческого демократического полиса.

Боспорское царство представляет совершенно другой тип античного рабовладельческого государства; все те особенности, которые характеризуют эллинистические рабовладельческие государства, появились на Боспоре гораздо раньше [2]. Уже в первой половине IV в. до н. э. здесь господствует богатая знать, эксплоатирующая остальное население Боспора; представителям ее принадлежат оригинальные памятники боспорской погребальной архитектуры [3]. Для потребления этой знати были созданы на Боспоре вазы и другие вещи из драгоценных материалов — серебра и золота, с изображениями, отражающими окружающую жизнь с живой непосредственностью, с острой наблюдательностью и отличающихся в этом отношении от декоративных росписей с мифологическими сюжетами на греческих вазах. Однако масса боспорских пелик с указанными сюжетами свидетельствует об их популярности среди широких масс населения.

Указанные выше находки пелик из олинфской глины в Олинфе, из италийской глины в Италии с такими же росписями свидетельствуют о том, что они делались и на местах, куда Аттика ввозила свою продукцию. Многие формы поздних пелик, как мы стара-

[1] Excavations at Olynthos, V, стр. 151.
[2] Там же, стр. 120, рис. 267.
[3] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, табл. XXVIII, 9.

[1] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. Л., 1949, стр. 54.
[2] В. Д. Блаватский. Античная культура в Северном Причерноморье. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 34.
[3] В. Д. Блаватский. Античная архитектура Северного Причерноморья. «Всеобщая история архитектуры», II, 2, М., 1949, стр. 368.

лись подчеркнуть при их описании, в точности повторены в акварельных боспорских пеликах. Глина очень многих поздних пелик отличается от аттической глины, например, в Государственном историческом музее имеется пелика (№ 19334), глина которой, поскольку можно судить по излому, темная, оранжевато-красная с белыми включениями, явно не аттическая, а скорее всего боспорская. Эта пелика имеет вытянутую форму с длинной шейкой и очень широким раструбом горла; на пелике представлена амазономахия — бой пеших амазонок с греками. Роспись исполнена с обильным применением накладной краски (рис. 14, *1*) [1].

Новейшие раскопки в городах Боспора дают новые материалы, подтверждая предположение о существовании боспорских мастерских краснофигурной керамики; так например, в Мирмекии (раскопки В. Ф. Гайдукевича в 1949 г.) найден ряд фрагментов краснофигурных ваз из боспорской глины: ручка пелики с пальметтой (М 46/332), обломок кратера с головой грифа и рукой амазонки (М 46/332), фрагмент пелики с изображением фигуры в гиматии (М 38/339), края кратеров (М 36/227, М 37/87, М 38/1551), обломок стенки кратера с изображением фигуры в гиматии (М 46/262).

[1] Еще А. Б. Ашик предполагал: «...судя по большому количеству черепков на местах древних поселений, судя по большому количеству их находок в курганах, по количеству ваз, открытых мною и Карейшею, судя по некоторым изображениям, собственно местным, нельзя, кажется, сомневаться в том, что и в Пантикапее фабрики расписных ваз были, может быть, на высшей степени процветания, чем в самой Греции...» («Боспорское царство», т. III, стр. 5—6). О местном производстве краснофигурных ваз говорит также Ростовцев («Скифия и Боспор», Пг., 1925, стр. 166).

М. М. Кобылина

СКУЛЬПТУРА БОСПОРА

Археологические экспедиции на территории Боспора ежегодно доставляют все новые и новые материалы, свидетельствующие о наличии местных мастерских художественного ремесла, об особых формах и конструкциях архитектуры, об оригинальных типах скульптуры [1].

Наименее изучена скульптура Боспора, огромное количество памятников которой хранится в Керченском археологическом музее, в Государственном историческом музее, в Государственном Эрмитаже, в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и других музеях.

Большинство этих памятников представляет надгробную скульптуру, главным образом рельефные стелы. Старый каталог стел, составленный заведующим античным отделением Государственного Эрмитажа Кизерицким [2], пополнился позднейшими публикациями [3], но обобщающей работы не имеется.

Исследование Н. Н. Бритовой, посвященное керченским стелам, содержащее ряд интересных наблюдений относительно деталей изображений на стелах, свидетельствующих о быте и ремесле боспорцев, еще не опубликовано.

У нас еще мало материала для суждения о декоративной скульптуре Боспора, украшавшей фронтоны и стены храмов, однако изображения фасадов храма на боспорских стелах позволяют предполагать существование фронтонных скульптур, например, изображение Афродиты Апатуры на лебеде и венчающей ее Ники [1], или полуфигуры богини Деметры на фронтоне, завершающем стелу [2]. В Керченском музее имеется ряд статуй, которые, возможно, были украшениями фронтонов.

Среди памятников боспорской скульптуры особое место занимает портрет. Сохранились портретные статуи, бюсты, головы, исполненные из мрамора или керченского известняка, различного качества исполнения и сохранности, с более или менее ярко выраженными особенностями портретного изображения. Вероятно, многие из этих портретов были надгробными памятниками. Их много в Керченском музее. Ряд прекрасных боспорских портретов имеется в Государственном Эрмитаже. Портретная статуя из Анапы, хранящаяся в Государственном Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, объясняет ряд непонятных явлений в скульптуре Боспора этого типа и позволяет объединить в целостную картину отдельные ранее известные произведения боспорского портрета.

Хотя анапская статуя уже опубликована [3], этот прекрасный памятник боспорской скульптуры великолепной сохранности и оригинального исполнения заслуживает детального описания и истолкования. Анапская статуя пред-

[1] В. Д. Блаватский. Искусство античных городов Причерноморья, М., 1948; Его же, Античная архитектура на территории Сев. Причерноморья, «Всеобщая история архитектуры», II. М., 1949; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, Л., 1949; Его же. Боспорский город Илурат. СА, XIII, 1950, стр. 173 сл.

[2] G. Kieseritzky und C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland, Berlin, 1909.

[3] Н. Н. Бритова. Керченские рельефные стелы, кандидатская диссертация; Ее же, Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 53; Ю. Ю. Марти. Поздне-эллинистические надгробия как исторический документ, СА, VII, 1940, стр. 41; М. М. Кобылина. К изучению искусства древнегреческого города Фанагории, ВДИ, 1938, № 2, стр. 336; Т. В. Блаватская. Надпись Агафа из Фанагории, ВДИ, 1948, № 4, стр. 77; М. М. Кобылина. Новый памятник боспорского искусства, ВДИ, 1948, № 4, стр. 85; А. П. Иванова. Боспорские антропоморфные надгробия. СА, XIII, 1950, стр. 239 сл.

[1] О. Ф. Вальдгауер. Афродита Урания и Афродита Пандемос, ИГАИМК, т. II, 1922, стр. 209—227, рис. 4; Л. П. Харько. Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском, КСИИМК, XIII, 1946, стр. 137—141.

[2] В. Д. Блаватский. Искусство античных городов Причерноморья, стр. 83, рис. 48.

[3] М. М. Кобылина. Новейшие открытия в античной скульптуре, «Искусство», 1941, № 2, стр. 79; В. Д. Блаватский. Искусство античных городов Причерноморья, рис. 61; Его же. Античная архитектура на территории Северного Причерноморья. «Всеобщая история архитектуры», II, 2. М., 1948, табл. I; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, Л., 1949, рис. 34.

ставляет портрет местного жителя, принадлежащего к правящей рабовладельческой верхушке. Надпись, найденная вместе со статуей, свидетельствует о том, что статуя была воздвигнута правителем Горгиппии Геродором, сыном Неокла, его отцу Неоклу, сыну Геродора в 187 г. н. э. в 12-й год правления Савромата II [1]. Неокл представлен спокойно стоящим, завернувшимся в гиматий, он опирается на левую ногу и поднял к груди правую руку. Гиматий совершенно скрывает костюм Неокла. Но на шее его показана огромная тяжелая гривна со змеиными головками и бляха с головой животного, повидимому, быка. Уже это одно негреческое, а всецело местное украшение придает статуе особую оригинальность. (рис. 1, *1—3*; 2).

Статуя Неокла изваяна из мелкозернистого, с желтоватым оттенком, вероятно, малоазийского мрамора. Поверхность статуи сохранилась прекрасно, но утрачены обе ступни ног, есть выбоины; отдельно найден кусок базы с частью стоящего на нем предмета, судя по аналогиям, связки патрусов, свидетельствующей о высоком звании изображенного лица. Статуя отличается простотой и законченностью построения. В ее исполнении наблюдается своеобразное соединение объемно исполненных форм с графичностью деталей и плоскостностью целого; правая сторона статуи показана в стройном движении форм (рис. 1, *2*), левая же — неподвижна и схематична, складки гиматия изображены врезанными прямыми линиями, образующими плоский узор в виде вписанных треугольников (рис. 4, *1*); совершенно плоско трактована тыловая сторона статуи с жестко высеченными складками гиматия. Детали лица исполнены с тенденцией к орнаментальной схеме, брови изображены елочкой, борода на щеках — мелкими углублениями. Фигура Неокла с довольно большой головой, худощавая, узкоплечая, с несколько впалой грудью отличается от античных портретных статуй, где фигуры всегда несколько идеализованы. Тенденция к жизненной передаче явлений, столь ярко выраженная в произведениях боспорской торевтики с изображениями скифов, выступает в исполнении не только фигуры, но и лица Неокла. Хотя в трактовке глаз и волос мы наблюдаем технические приемы римского портрета II в. н. э.— глаза имеют углубленные зрачки в форме лунок и вырезанные очертания радужной оболочки, курчавая борода изображена в виде крупных завитков с глубокими врезами бурава, как на портретах Марка Аврелия, Люция Вера и др. [2], анапский портрет отличается от вычурного и болезненного римского портрета этого времени своей здоровой простотою — густые, спадающие широкими прядями волосы обрамляют немолодое, усталое и доброе лицо с широким овалом, большими, плоско поставленными глазами и увядшими, немного подпухшими под глазами, щеками. С этой выразительностью портретной характеристики соединяется плоскостность всей фигуры. Сбоку статуя выглядит, как узкая высокая плита. Она могла стоять только у стены или в нише.

Анапская статуя продолжает традиции монументальных портретных статуй на Боспоре. Портрет правителя, представляющий своего рода утверждение его власти и ее пропаганду, был одним из самых характерных типов боспорской монументальной скульптуры. Об этом свидетельствуют, как письменные источники, так и сохранившиеся портреты, а также многочисленные постаменты когда-то стоявших на них бронзовых статуй, снабженные надписями.

Будучи в зависимости от боспорского хлеба и стремясь сохранить дружбу с правителями Боспора, афиняне ставили им почетные статуи. Спартоку IV афиняне воздвигли почетные статуи в Пирее и в Афинах — на акрополе и на агоре [1].

В декрете афинян в честь Спартока сказано, что народ афинский почтил медными статуями на агоре Спартока и предков Спартока. В Пантикапее были поставлены почетные статуи Левкону. «Можно предположить,— писал Б. В. Фармаковский,— что почетные статуи были поставлены и Спартоку II, и Перисаду I, и их брату Аполлонию, так как их заслуги перед афинским народом также велики, как Сатира и Левкона» [2].

Б. В. Фармаковский опубликовал рельеф из Пирея с изображением сидящих Спартока II и Перисада I и стоящего перед ними Аполлония. Рельеф увенчивает мраморную плиту с надписью, представляющую декрет афинского народа, изданный в 347—348 гг. до н. э. при архонте Фемистокле [3]. В этом декрете афинский народ восхваляет Спартока и Перисада за то, что они добрые мужи, что они будут заботиться о присылке хлеба, подобно тому, как заботился их отец, и охотно окажут эту услугу всякий раз, как в ней будет нуждаться народ. Так как они дают афинянам дары, которые давали Сатир и Левкон, то им будут воздаваться те же почести, какие воздавались Сатиру и Левкону — увенчивать каж-

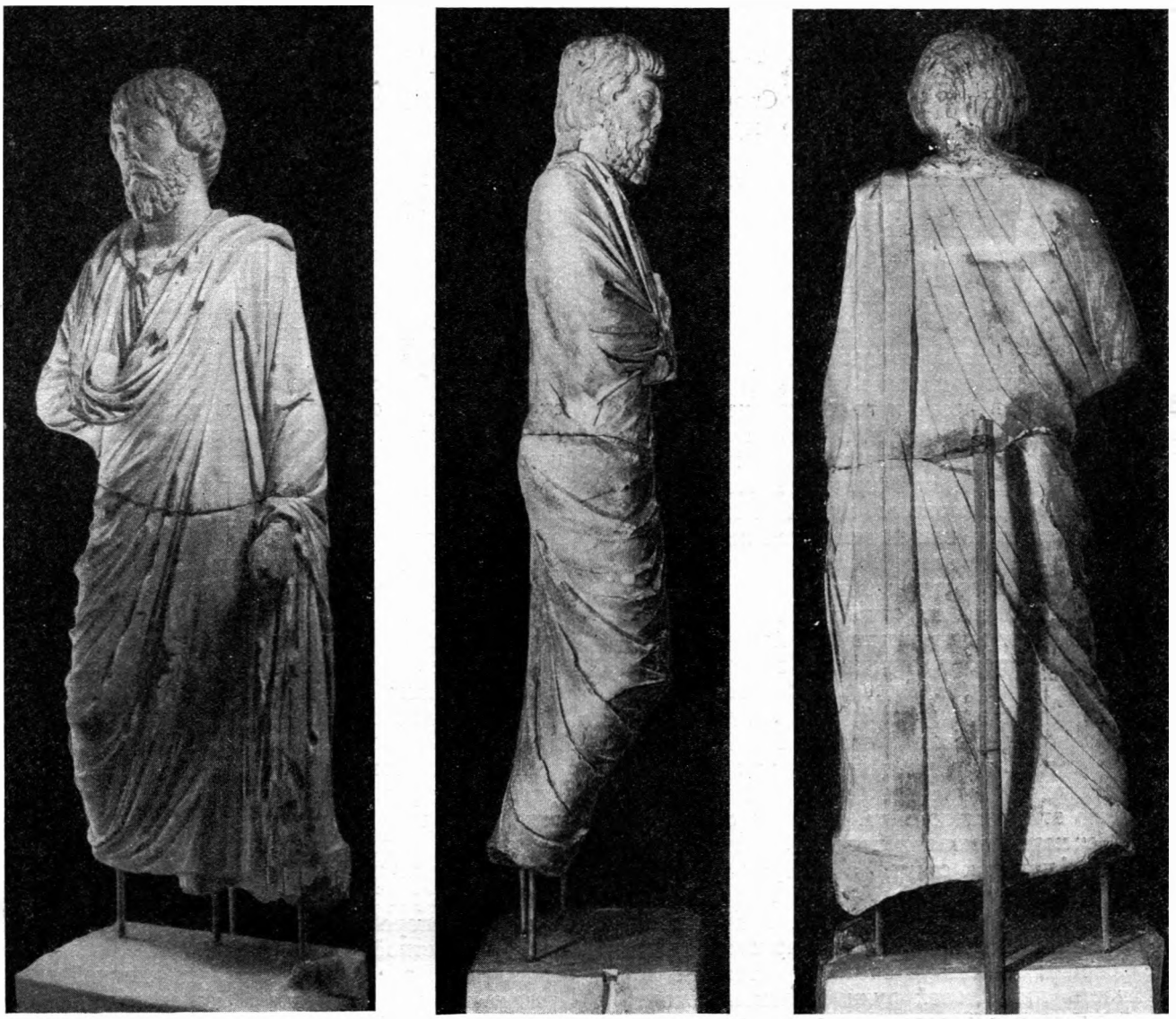
[1] ВДИ, 1949, № 4, стр. 133, рис. 1—2.

[2] F. Bruckmann. Griechische und römishe Porträts. München, 1891, табл. 5, 48; J. Stuart. Catalogue of the Ancient Sculpture of the Museo Capytolino. Oxford, 1912, табл. 47, № 51; G. Kaschnitz-Weinberg. Spätrömische Porträts, Die Antike, 1926, табл. 5.

[1] Изборник источников, Древний мир на юге России, М., 1918, стр. 86.

[2] Б. В. Фармаковский. Боспорські Спартокіді в атеньскому різьбярстве, Збірнік на пошану акад. Багали, Київ, 1925, стр. 1136.

[3] Б. В. Фармаковский. Указ. соч., стр. 1133; Изборник источников, Древний мир на юге России, М., 1918, стр. 83; В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи, стр. 61; В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 67—68, рис. 5

1 2 3

Рис. 1.

1 — статуя из Ачапы. Мрамор. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина; *2* — то же, боковая сторона; *3* — то же, обратная сторона

дого золотыми венками в 1000 драхм в Великие Панафинеи и публично возглашать, что народ афинский увенчивает Спартока и Перисада, сыновей Левкона, за их любовь к народу афинскому. Так как они посвящают венки Афине Палладе, то венки будут выставлены в храме с надписью: «Спарток и Перисад, сыновья Левкона, посвятили Афине, будучи увенчаны народом афинским».

Сопоставляя с изображением Спартокидов на рельефе из Пирея огромную мраморную статую из Пантикапея, находящуюся в Эрмитаже, Б. В. Фармаковский определяет ее, как портретную статую одного из Спартокидов. Статуя [1] сохранилась без головы, имеет высоту 2,02 м. По стилю она приближается к портретной монументальной статуе Мавзола с Галикарнасского мавзолея середины IV в. до н. э. и отличается прекрасным исполнением. Б. В. Фармаковский предполагает, что эрмитажная статуя могла быть поставлена афинским народом в честь кого-нибудь из боспорских правителей из дома Спартокидов и что афиняне ставили почетные статуи им не только в Афинах, но и в Пантикапее. Исследование Б. В. Фармаковского статуи Спартокида крайне важно для нашей темы, так как открывает самое раннее звено статуарных портретов Пантикапея. Портретных статуй последних веков до н. э. пока не открыто. Но анапская портретная статуя помогает нам понять и оценить две статуи, хранящиеся в Эрмитаже, найденные в Керчи [2]. Одна из них изображает мужчину в гиматии (рис. 3, *1*; 4, *2*), другая — женщину в покрывале (рис. 3, *2*). Мужская фигура поражает удивительной живостью и выразительностью портретной характеристики, яркостью этнического типа, которые сочетаются со схематическим исполнением отдельных деталей. Анапская статуя, в которой это своеобразное соединение проступает еще сильнее, занимает свое настоящее место, как одно из произведений боспорского статуарного портрета. Сохранность статуй очень хорошая. Но поверхность лиц, левой руки женской статуи, части гиматия с левого боку мужской фигуры испорчены чисткой и имеют неприятный беловатый цвет, в отличие от остальной теплой патинированной поверхности.

При сохранении некоторых античных приемов исполнения, эрмитажная портретная статуя является всецело местной, боспорской. По приемам исполнения лица — асимметричного, живого, с выразительно обозначенными бровями, но с невырезанными глазными яблоками, статуя может быть датирована второй половиной I в. н. э. Дата статуи подтверждается статуей женщины, найденной вместе с ней. Последняя представляет идеальный портрет, очень модный в античном искусстве в I в. н. э., восходящий к типу греческой музы, но исполненный с тяжеловатостью форм античной скульптуры второй половины I в. и с некоторой индивидуализацией идеального образа. Статуя близка в этом отношении статуе Юноны Барберини; особенно показательно исполнение хитона с глубокими провалами складок, толстые концы покрывала и мягкие, расчлененные формы лица, отличающиеся от строгой обобщенности августовской скульптуры.

Мужская статуя из Керчи является изображением местного жителя с негреческими чертами лица, с пышной шапкой волос, тип которого нам известен по рельефным стелам и который представлен и в анапской статуе. Статуя изображает молодого, безбородого, несколько полного, высокого мужчину, горделиво стоящего слегка подняв голову, отягощенную пышными волосами, спадающими на шею и шапкой подымающимися надо лбом; он стоит, выдвинув твердо на всей ступне правую ногу, правая рука его поднята к груди, в левой, опущенной, он держит свиток. Гиматий плотно окутывает фигуру, обрисовывает плечи, руки и довольно тяжелый торс; один конец гиматия, как и у анапской статуи, спадает на спину, через левое плечо, другой свисает с левой руки вниз; на ногах его мягкие башмаки. Лицо исполнено жизни и движения. Очень выразительна верхняя часть лица с выступающим лбом и темными бровями, которые показаны рельефно. Асимметрия лица и поворот головы вверх и вправо, в то время, как фигура повернута влево, сообщают портрету жизненную подвижность.

Таким образом, мы можем констатировать, что на Боспоре существует местный античный тип портретной статуи, восходящей еще к IV в. до н. э., с очень ярко выраженной тенденцией к индивидуальной характеристике, к передаче местного этнического типа, которая видна, помимо портретности лица, в передаче особенностей телосложения, и в этом отношении боспорский портрет отличается и от греческого, и от римского, где в передаче тела обычно наблюдается идеализация и отвлеченность построения.

И эрмитажная, и анапская статуи повторяют один и тот же тип фигуры в хитоне и гиматии, стоящей, опираясь на одну ногу, подняв к груди руку и опустив другую руку. Этот тип повторяется неизменно и на надгробиях от II в. до н. э. до II в. н. э. Черты местного жителя, его этнический тип переданы в этих скульптурах: манера носить одежду, пышные волосы, широкое лицо, плоско поставленные глаза.

Смотря на эрмитажную и анапскую статуи,

[1] Б. В. Фармаковский. Указ. соч., стр. 1136; А. Б. Ашик. Боспорское царство, Одесса, 1848—1849, III, стр. 52; ДБК, табл. № 13.

[2] Ю. Ю. Марти, Летопись музея, Керчь, 1926, стр. 63; Рапорт А. Б. Ашика, Архив Керченского музея, 1850 г.; Его же. Часы досуга; Его же. Письмо четвертое о керченских древностях; ЖМВД, 1851, XXXVI, стр. 297—308; ИТУАК, № 42, стр. 56—63, сообщение Шкорпила.

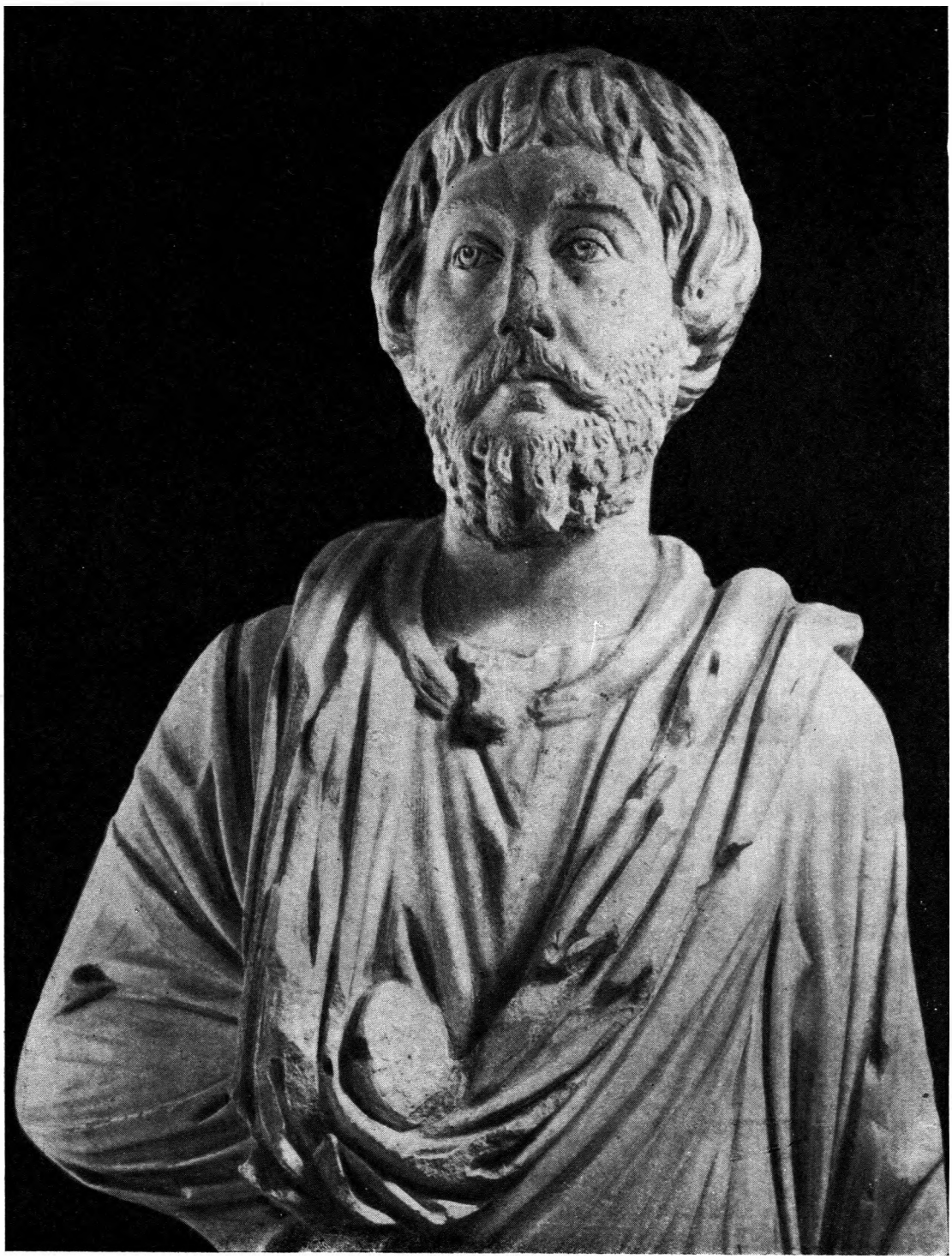

Рис. 2.
Статуя из Анапы. Деталь

1 2

Рис. 3.

1 — статуя боспорца из Керчи. Гипсовый слепок с мраморной статуи в Государственном историческом музее; *2* — женская статуя из Керчи. Мрамор. Государственный Эрмитаж

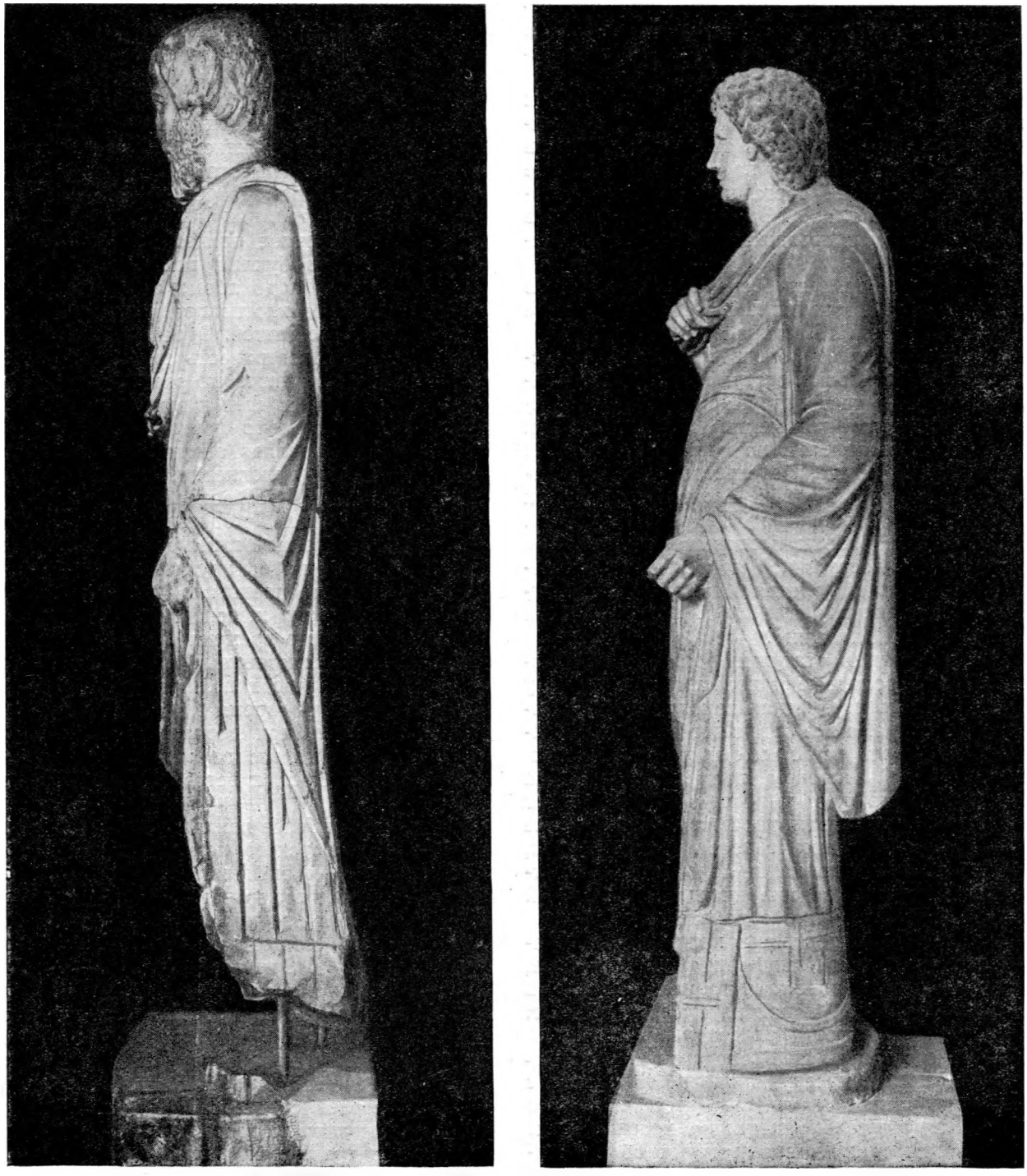

Рис. 4,

1 — статуя из Анапы. Боковая сторона; *2* — статуя боспорца из Керчи. Боковая сторона. Мрамор. Государственный Эрмитаж

мы должны констатировать усиление в более поздней анапской статуе плоскостности, графичности, орнаментальности. Эти явления, несомненно, связаны с оживлением традиций местной скульптуры и с общим процессом сарматизации Боспора [1].

Рассмотренные портретные статуи связаны с правящей верхушкой. Местный тип лица свидетельствует о том, сколь значительная часть местного негреческого населения в первые века н. э. входила в состав правящего рабовладельческого класса. Эти статуи сделаны из драгоценного привозного материала — мрамора.

К этому же разделу боспорской скульптуры относятся и недошедшие до нас бронзовые статуи правителей Боспора.

Мы пока не имеем бронзовых статуй с Боспора, но о бронзовых статуях боспорских правителей в Афинах упоминают вышеуказанные источники. Постаменты с углублениями для ног стоявших на них портретных статуй являются доказательством существования бронзовых статуй на Боспоре. Ряд таких постаментов имеется в Керченском музее. О мастерстве работы боспорских скульпторов в металле с достаточной яркостью свидетельствует известная золотая маска жены Рескупорида II, открытая в 1837 г. [2], и бронзовый бюст царицы Динамии [3].

Рядом с этими статуями должны быть поставлены акролитные и полилитные статуи, у которых лишь портретная голова была изваяна из мрамора, а все остальное из другого материала, скорее всего, местного керченского известняка. О широком распространении на Боспоре такого рода техники свидетельствуют исполненные из мрамора бюст и головы, не представляющие законченного произведения и, вместе с тем, не имеющие изломов: снизу, отчасти с боковых сторон, иногда и с тыловой стороны они суммарно обработаны.

К этой группе портретов принадлежит мраморный бюст царя Рескупорида I, может быть, Котиса, либо Савромата I, находящийся в Эрмитаже. Бюст был найден в Керчи в 1862 г. (рис. 5). Портрет представляет молодого безбородого правителя Боспора с густыми кудрявыми, спадающими на плечи волосами с очень мягкими чертами широкого овального лица. Волосы только частично исполнены из мрамора, дырочки свидетельствуют об утраченных теперь, вставленных позолоченных бронзовых локонах. Бюст составлял, вероятно, часть статуи. Предполагают, что царь был представлен или сидящим на курульном кресле, или стоящим. Такие же памятники имеются в Керченском музее, например, портретная мужская голова (рис. 6*б*), ее нижняя часть слегка закруглена и грубо обработана (голова исполнена из желтоватого, вероятно, малоазийского мрамора, высота ее 0,49 м). Портрет представляет тот же, уже описанный тип местного жителя.

К портретам, исполненным в акролитной технике, относится женская голова-маска Керченского музея (высота 0,21 м), выполненная из белого мрамора с сероватой патиной (рис. 6*а*). Памятник представляет женское лицо, обрамленное прической, состоящей из четырех рядов буклей, положенных один на другой низко надо лбом; за ними изваяна часть головы с плотно прилегающими волосами, стянутыми лентой. Обратная сторона головы и нижняя поверхность суммарно обработана; совершенно ясно, что задняя сторона головы, нижняя часть шеи и вся фигура были выполнены в каком-то другом материале. Эта голова представляет античный портрет высокого качества исполнения, выразительный и реалистический. Особенностью этого портрета является тонкая моделировка поверхности лица, невырезанные глаза и жесткая передача волос в виде рядов круглых буклей с отверстиями, просверленными буравом. Голова представляет тип женского портрета флавиевско-траяновского времени [1].

Все три рассмотренные мраморные портрета представляют части полилитных статуй. При отсутствии в то время на Боспоре собственного мрамора, при дороговизне его, из мрамора делали только голову, лицо и часть волос, иногда бюст, и вставляли в другой материал.

Таковы наиболее яркие произведения официального боспорского портрета, составляющие особый раздел античного портрета; личности, отображенные в портретах,— местные жители, представители верхушки местного рабовладельческого общества, тяготевшие к греческой культуре. Эти портреты имеют специфический отпечаток местной культуры, передают местные типы жителей, особенности телосложения, лица, костюма и представляют памятники местного искусства, сочетая особую жизненность передачи типа и натуралистическую точность деталей со старой традицией плоскостных лаконичных форм. Об этих глубоких местных традициях более всего свидетельствует массовая надгробная скульптура из местного керченского известняка, представляющая собою различного типа памятники от антропоморфного изваяния до портретной статуи. Антропоморфные памятники были найдены в различных местах на территории Северного Причерноморья, Приазовья и Кавказа — в Херсонесе, в Ольвии, в Анапе, в Пантика-

[1] В. Д. Блаватский, Северо-Понтийские города в конце II—I вв. до н. э. «Вестник Московского университета», № 7, 1949, стр. 55—71.

[2] Ю. Ю. Марти. Сто лет Керченского музея, Керчь, 1926, стр. 12—13, рис. 7.

[3] ИАК, вып. 49, 1913, стр. 90, табл. III.

[1] A. Hekler. Die Bildnisskunst der Griechen und Römer, Stuttgart, 1912, табл. 238—245.

Рис. 5.
Бюст боспорского царя. Мрамор. Государственный Эрмитаж

пее[1]. Они представляют варианты одного и того же типа: изображения человека в виде четырехугольного блока или плиты, завершающихся схематическим изображением головы; пропорции этих основных двух частей весьма различны.

На антропоморфных изображениях из Тамани III—II вв. до н. э. имеются греческие надписи с именами местных жителей, очевидно, синдов[2]. Наличие этих надписей на чисто местных памятниках говорит о том, что составители их знали греческий язык и соприкасались с греческой культурой, но при этом хранили свои обычаи, свои культы.

В Керченском музее имеется также ряд антропоморфных изображений из Пантикапея и его окрестностей[3]. Одно такое изваяние было открыто в 1948 г.

В 1948 г. в Фанагории при раскопках некрополя на холме «Е» в могиле № 4[4] было найдено человекообразное изваяние вместе с косской амфорой II в. до н. э. (рис. 7, *2*). Оно имеет своеобразную форму четырехгранного, расширяющегося книзу каменного блока (высота его — 0,39 м), который завершается шарообразной головой и, повидимому, изображает фигуру человека в длинной одежде. Одна сторона этого изваяния плоская, другая имеет резкий профиль округлой части головы и прямого угла блока; с этой стороны внизу сохранился выступ. Так как нижняя поверхность этого надгробия сбита, то нельзя сказать, как оно завершалось снизу. Это грубое изображение человеческой фигуры перекликается с очень своеобразной статуей, находящейся в Керченском музее (рис. 7, *3*). Статуя изображает стоящую женщину в длинной одежде, с головы ее спадает покрывало. Высота статуи вместе с базой — 0,63 м (база очень велика — 12 см, т. е. $^1/_5$ статуи). В основе этого изваяния лежит каменный блок, расширяющийся книзу. Передняя сторона исполнена рельефно; выступает вперед только протянутая левая рука с шаровидным предметом, вероятно, сосудом.

Античная скульптура, несомненно, сыграла роль в появлении такого рода местной скульптуры, как эта керченская статуя, где вместо

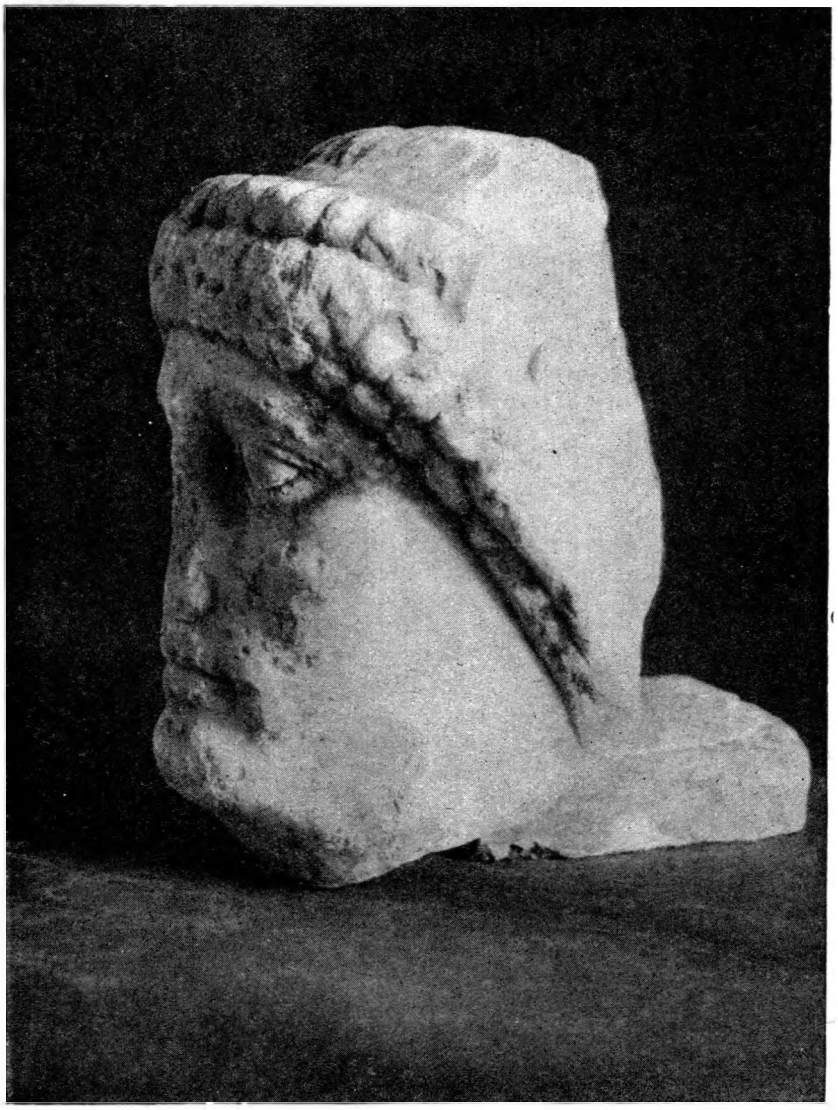

Рис. 6*а*.

Женский портрет. Мрамор. Керченский археологический музей.

древнейших абстрактных форм показаны рельефно черты лица, детали одежды; они изображают местных жителей с непосредственной наивностью; хотя пропорции тела неправильны, одежда не передает форм тела, его членений, однако ясен тип местной женщины с широким лицом, с развитыми скулами, мягкими выпуклыми щеками, с крупным подбородком и широко открытыми глазами, в длинной широкой одежде и тяжелом, спадающем с голо-

[1] Н. В. Пятышева. Античные влияния на культовую скульптуру Причерноморья, ВДИ, 1946, № 3, стр. 178; Б. В. Фармаковский. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг., ИАК, вып. 13, 1906, стр. 150, могила № 141, рис. 96; стр. 160, рис. 109.

[2] В. В. Шкорпил, Боспорские надписи, найденные в 1910 г., ИАК, вып. 40, 1911, стр. 161 и 107.

[3] G. Kieseritzky und C. Watzinger, Указ. соч., табл. I; А. П. Иванова. Указ. соч., стр. 239 сл., рис. 1—2.

[4] См. в настоящем сборнике ст.: «Восточный некрополь Фанагории 1948 г.», стр. 243, мог. № 4.

вы до ног покрывале. Этот тип — то в более пластичных формах, то более жестко передается и на надгробных рельефах.

Керченская статуя может быть датирована еще эллинистическим временем. Основанием для довольно ранней даты служит надгробная плита с рельефным изображением совершенно такой же женской фигуры, которая датируется надписью начала I в. н. э. (рис. 7, *4*). Мы наблюдаем то же движение правой руки, двумя пальцами притягивающей к груди покрывало с левого плеча, и тот же жест левой руки, держащей шаровидный сосуд, тот же тип скуластого широкого лица с маленьким ртом, коротким носом, большими глазами и прямым широким плоским лбом; тот же костюм — длинный широкий хитон в мелких складочках и широкое покрывало, спадающее с головы на плечи и такое же плоскостное графическое исполнение. Внизу слева, рядом с этой фигурой, изображена в живом повороте маленькая женская фигура, одетая по-гречески. Пластичное исполнение этой последней свидетельствует о том, что мастер владел греческой формой, но, изваяв по-гречески второстепенную фигуру, он совершенно иначе изобразил умершую, стремясь передать местный тип соответственно местным вкусам, которые с такой яркостью выступают в вышеописанной статуе женщины. Обращает на себя внимание искусство, с каким сделаны складки покрывала, построенные очень правдиво в связи с формами рук и плеч и, вместе с тем, орнаментально [1].

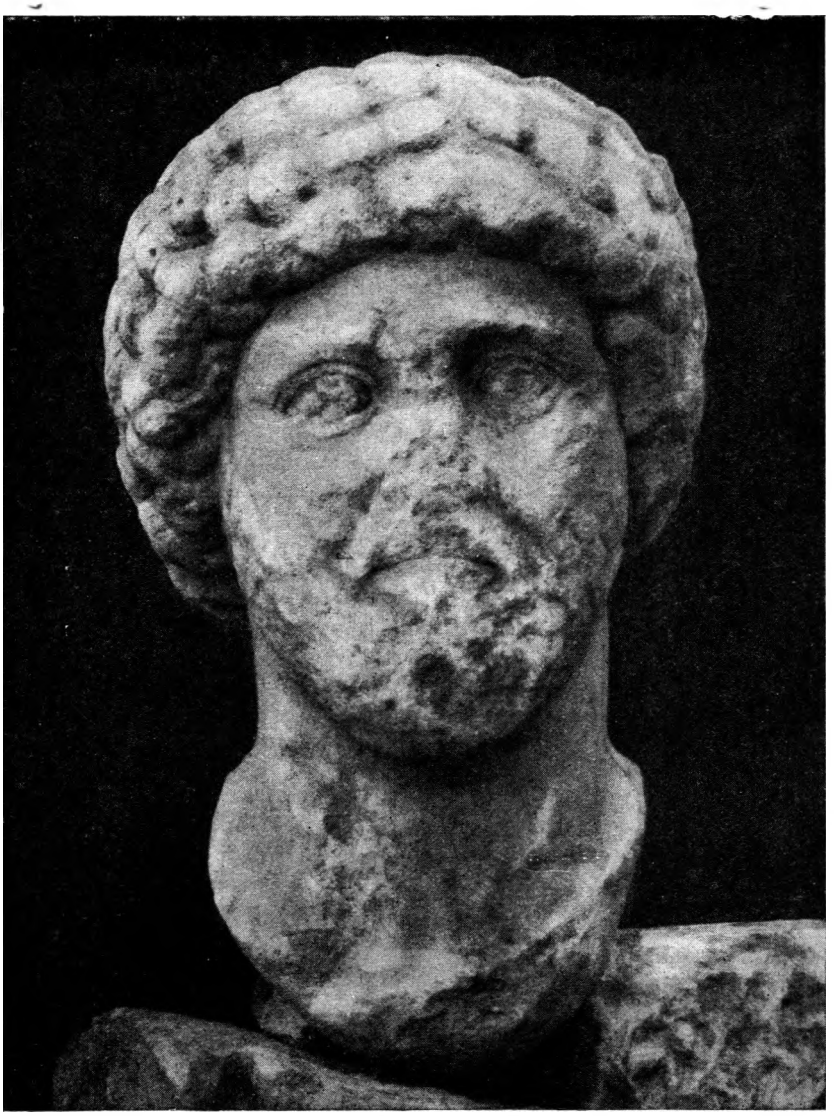

Рис. 6*б*.
Портрет боспорца. Мрамор. Керченский археологический музей

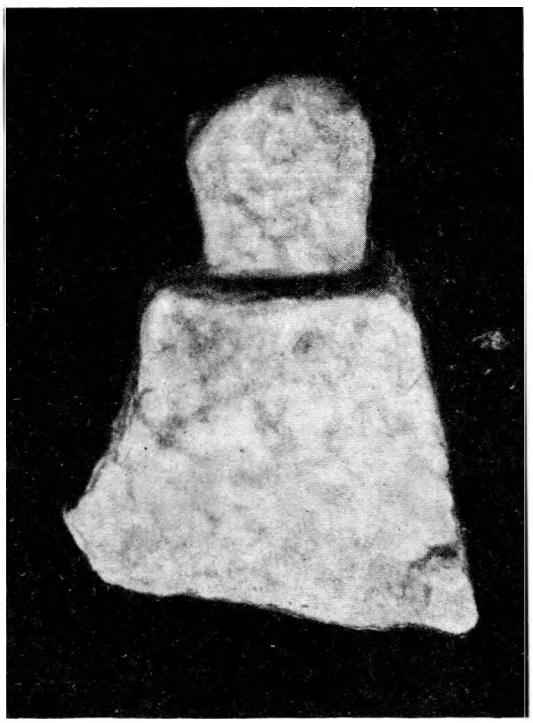
В Керченском музее имеется несколько других статуй, свидетельствующих о том, что античный тип статуи в хитоне и гиматии сливается с типом местной скульптуры, с ее тенденцией к лаконичным, неподвижным, нерасчлененным формам. Эти статуи представляют в основе массивный каменный блок, по которому рельефно нанесены детали. Одна из них представляет мужскую фигуру — прямостоящую, неподвижную, одетую в хитон и гиматий (рис. 8, *1*). Левая рука лежит на подставке, плащ падает на плечи и на грудь, левая часть его подвернута под левую руку. Фигура сливается с постаментом, обратная сторона — плоская. Передний фас решен в одной плоскости. Складки, передающие движение тела и ткани, здесь превращены в мертвую орнаментальную схему и врезаны прямыми широкими линиями. В этой скульптуре нет той тщательной обработки, которая свойственна чисто греческой скульптуре. Видны следы инструментов. На хитоне — следы траянки, врезы сделаны скарпелью, ею же обработана нижняя часть фигуры. Более объемно и тщательно исполнена рука, показано движение согнутых пальцев. Боковые стороны обработаны только в прилегающих к лицевой стороне частях.

Эта статуя стилистически близка двум другим статуям из Керчи [2]. Одна из них (№ 739, высота — 0,90 м), найденная в 1877 г. на

[1] G. Kieseritzky und C. Watzinger, Указ. соч., табл. XVII, рис. 318.
[2] ОАК, 1877, стр. 32, № 28; ОАК, 1878/79, стр. 173, № 6.

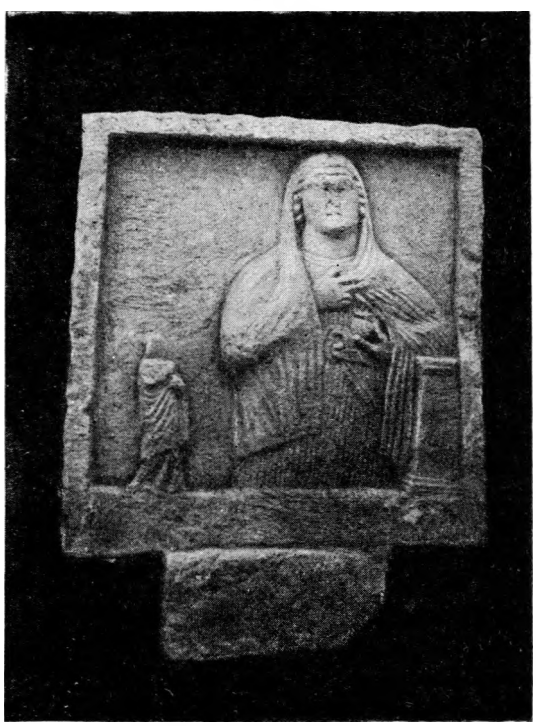
1

2

3

4

Рис. 7.

1 — надгробная статуя. Известняк. Керченский археологический музей; *2* — антропоморфное надгробие из Фанагории. Известняк. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина; *3* — надгробная статуя. Известняк. Керченский археологический музей; *4* — надгробная плита. Известняк. Керченский археологический музей

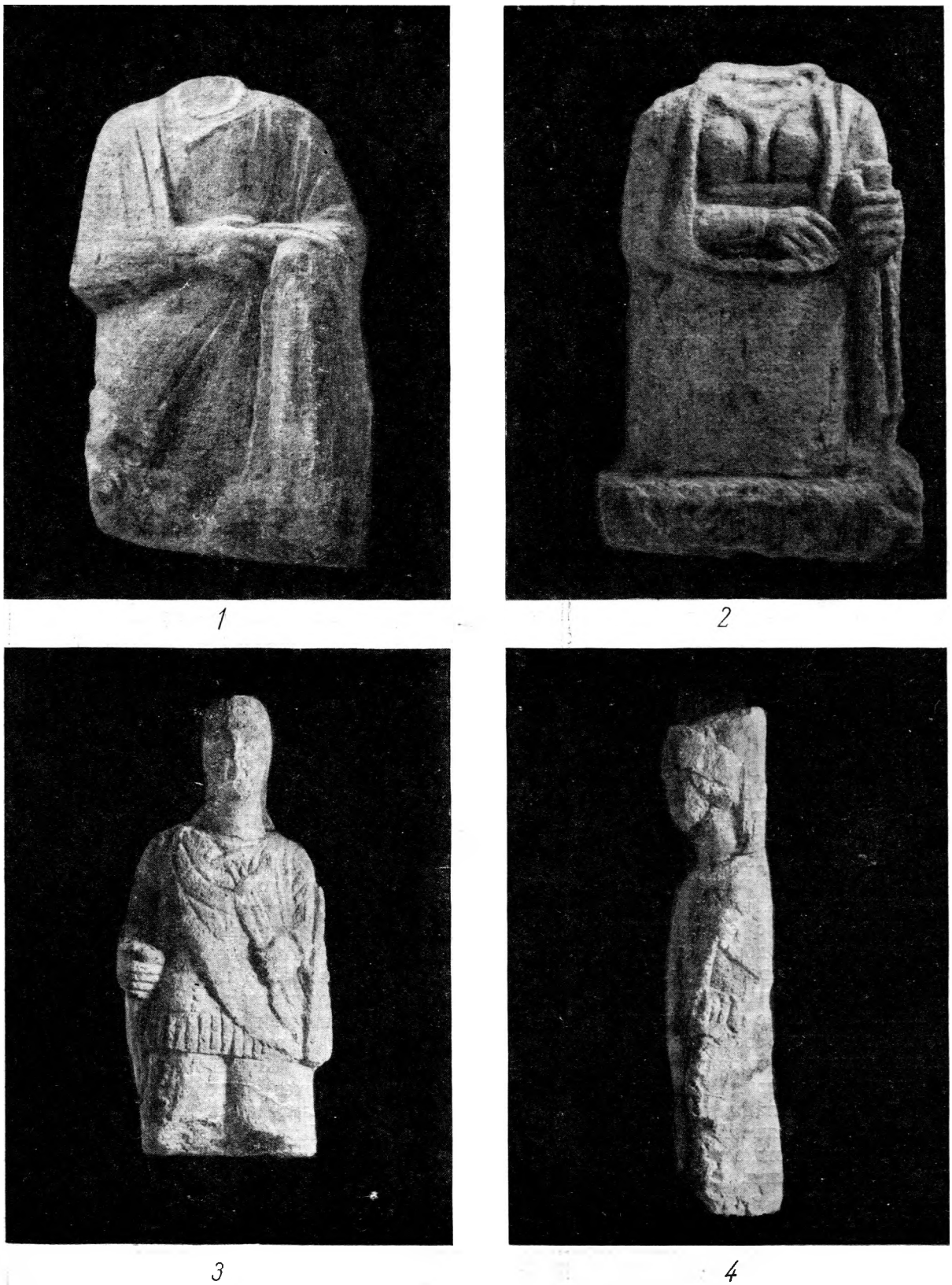

Рис. 8.

1 — надгробная статуя. Известняк. Керченский археологический музей; *2* — надгробная статуя. Известняк. Керченский археологический музей; *3* — статуя синда. Известняк. Керченский археологический музей; *4* — статуя синда, боковая сторона

некрополе, имеет на базе надпись: «Серапион, сын Аполлонида, прощай». Другая статуя — высотой 0,80 м, представляет фигуру стоящей женщины, одетую в высоко подпоясанный хитон с рукавами и плащ, который наброшен на плечи и спадает вниз, открывая грудь и талию (рис. 8, *2*). Край плаща поддерживается правой рукой, так что вся нижняя часть передней стороны фигуры закрыта. Левая рука держит какой-то предмет (вероятно, круглый сосуд), плащ свешивается двумя массивными складками. Эта статуя соединяет неподвижность каменной бабы с традициями греческой статуи в хитоне и гиматии. Огромные, грубо вырезанные пальцы рук не далеко отошли от рук каменной бабы, как и грубо изображенная грудь. С боков и спины статуя не моделирована; в профиль — это толстая каменная плита. В одной плоскости лежит рука на поясе и рука с сосудом.

Яркий пример сосуществования реалистических и абстрактных форм в боспорской скульптуре представляют два памятника, хранящиеся в Керченском музее. Один из них — верхняя часть большой статуи из известняка (высота — 0,44 м) (рис. 9, *2*) — представляет изображение женщины в хитоне и с покрывалом, спадающим с головы на плечи. Голова ее не наклонена к плечу в поисках грациозной линии контура всей фигуры, как это обычно наблюдается в греческих статуях этого типа и сохраняется в вышеописанной эрмитажной статуе из Керчи,— женщина держит голову прямо; правой рукой несколько жеманно она придерживает край плаща, выставив поверх него три пальца. Волосы с прямым пробором стянуты повязкой с большой круглой бляшкой. Такое же украшение имеется и на голове вышеописанной женской статуи в Керченском музее. Лицо этой женщины округлое, широкое, очень близко местному типу; в чертах этого лица с открытым вдумчивым лбом и высоким переносьем, с энергичным, немного выдвинутым вперед подбородком, с низко опущенными бровями, вероятно, переданы индивидуальные черты. В ушах видны серьги, форма их неясна. Рядом с пластичным исполнением лица с тонкой светотенью и мягкими складками гиматия, хорошо передающими форму головы, плеч, груди, на шее грубо показаны поперечные складки, рука жестко очерчена и кажется деревянной. Обратная сторона статуи, в противоположность эрмитажной статуе, совершенно плоская. Таким образом, и в технике исполнения, и в стиле мы наблюдаем местные особенности.

Более далекой от этого реалистического изображения является другая статуя Керченского музея, также сохранившаяся только в верхней части (высота — 0,84 м) (рис. 9, *1*). Статуя исполнена из мягкого раковистого известняка. Вся фигура плоскостна, детали выполнены рельефно. На обратной стороне, сильно поврежденной, сохранился кусок столбообразного выступа, сделанного, очевидно, для устойчивости высокой и плоской статуи. Представлена женщина в высоком головном уборе и длинном большом покрывале, спадающем с головы. Эта скульптура сохраняет характерный для античных статуй прием показа ткани, обтягивающей тело, и здесь видны под плащем очертания одной руки, прижатой к груди, другой опущенной, но складки только местами передают формы тела: на плечах они рельефны, на объемно выступающих руках они представляют прорезанные линии. Лицо трактовано очень грубо, тем не менее передан описанный выше этнический тип. Статуя была надгробной. В правой руке она держит шаровидный сосуд, подобно женской фигуре на описанном надгробии. Дата этой статуи может быть приблизительно определена по аналогиям. Изображение местной жительницы в таком же высоком головном уборе, закутанной в длинные одежды, встречается на керченских стелах II в. до н. э.— I в. н. э.[1].

К этому же разделу массовой боспорской скульптуры, связанной со смешанным населением Боспора, мы относим и статуи воинов, в которых воспроизведен тот же тип вооруженного боспорца, как и на боспорских надгробных стелах I в. до н. э.— первых веков н. э.

Нам представляется, что к этому же времени может быть отнесена статуя воина из Фанагории, хранящаяся в Керченском музее[2]. Статуя высотой 0,92 м (рис. 8, *3—4*), вероятно, надгробная, изображает воина в панцыре и плаще, в левой руке его лук, в правой — короткий меч, на голове остроконечная шапка. Статуя лишь отдаленно напоминает эллинистические статуи полководцев в панцыре, она всецело местная. Фигура сохраняет четырехфасадность узкого и плоского каменного блока и рассчитана только на точку зрения спереди. Тыловая сторона ее плоская, как доска. Лицо может быть портретно: низкий и узкий лоб, выступающий над переносьем, близко поставленные широкие глаза, сжатый рот с поднятыми вверх углами, широкие губы, резко очерченные; широкие скулы под мягкими щеками, трактованными обобщенно и несимметрично; сохранилась общая форма массивного, тяжелого подбородка. Лицо резкой линией отделено от шеи. Шея прямая, без деталей. Плащ, скрепленный на правом плече, левая рука, держащая лук, исполнены рельефно, пальцы рук, складки плаща прорезаны, ноги столбообразны. С левого бока показан колчан со стрелами. Статуя представляет нарочито парадное изображение

---

[1] G. Kieseritzky und Watzinger, Указ. соч., табл. XXI, рис. 304, табл. XXV, рис. 302, табл. XXX, рис. 436.

[2] Статуя исполнена из керченского известняка, поверхность ее сильно выветрилась.

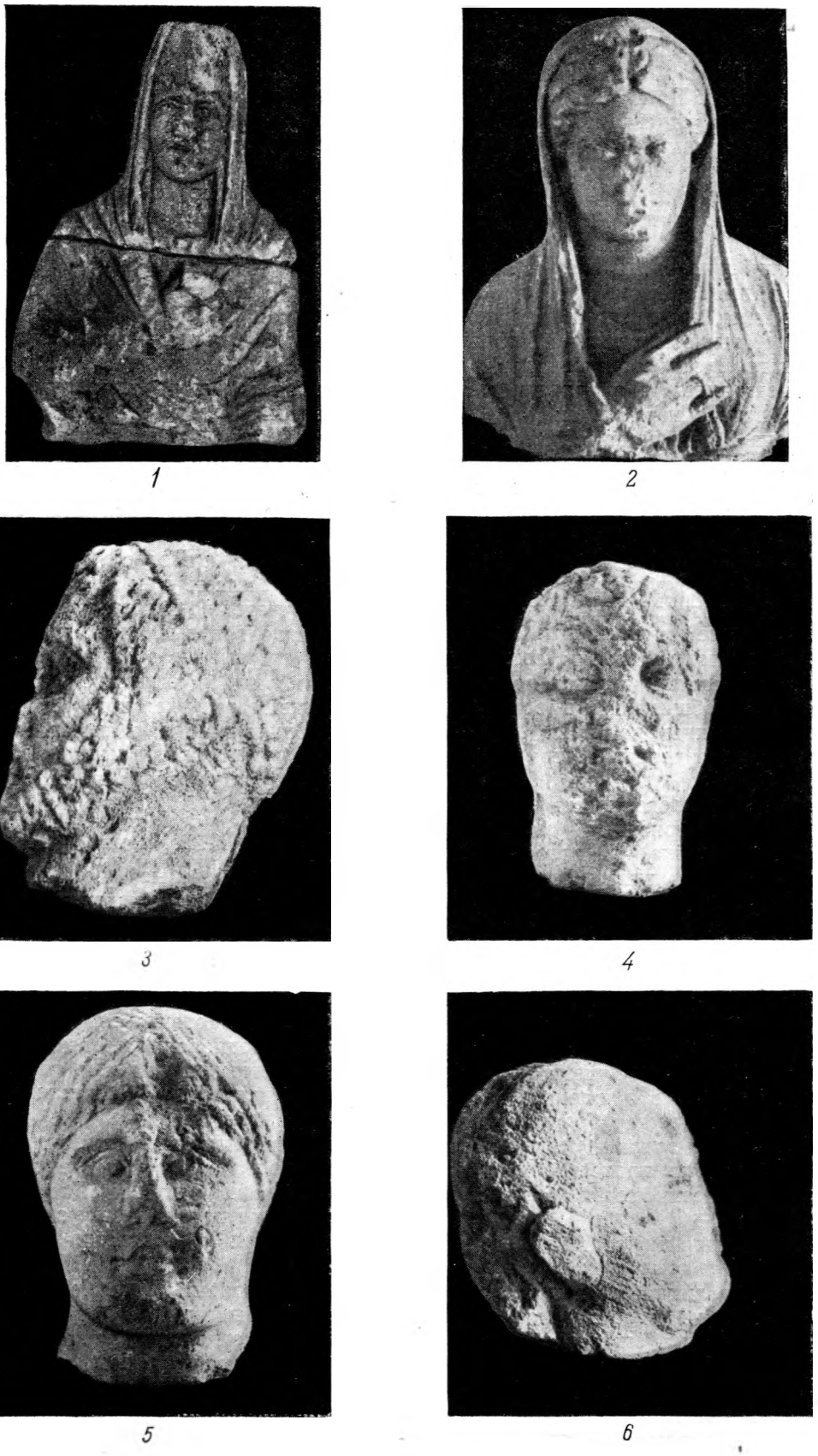

Рис. 9.

1 — верхняя часть женской статуи в высоком головном уборе. Керченский археологический музей; *2* — верхняя часть женской статуи. Известняк. Керченский археологический музей; *3* — голова правителя. Известняк. Керченский археологический музей; *4* — мужская голова. Известняк.Керченский археологический музей; *5* — женская голова. Известняк. Керченский археологический музей; *6* — мужская голова. Известняк. Керченский археологический музей

умершего воина, судя по месту находки, очевидно, синда или меота. По характеру изломов неясно, как были изображены ноги. Можно предположить, что ступни показаны не были. Ни у одной из этого типа статуй, сохранившихся целиком, мы не видим детально изображенных ног: закутанная в гиматий столбообразная нижняя часть фигуры поставлена прямо на постамент, ни ступни, ни очертания ног под одеждой не даны. Между тем, в ряде случаев совершенно ясно, что представлена целая фигура, например, вышеописанная небольшая статуя Керченского музея с шаровидным сосудом в руке имеет плащ такой длины, как у целых фигур на надгробных стелах.

Статуя воина из Тамани, известная нам, к сожалению, только по фотографии, также изображает вооруженного местного жителя синдо-меота; фигура исполнена рельефно и не нарушает массива плоского каменного блока, схематично показан костюм, состоящий из широких прямых штанов, рубашки с длинными рукавами, к поясу которой прикреплен кинжал. Ступни ног также не показаны.

Если судить по немногим статуям, сохранившимся с головой, то можно сделать заключение, что при очень обобщенной и плоскостной трактовке тела и одежды на нем, бо́льшее внимание было уделено передаче черт лица и движения рук.

Плохо сохранившаяся поверхность этих статуй, вследствие выветривания материала (обычно мягкого известняка), не позволяет судить, в какой степени эти лица портретны, но тенденции портретности несомненны. Возможно, что и в этой особенности массовой скульптуры видна местная традиция. Антропоморфные надгробия сочетали в себе абстрактную форму человекообразной фигуры и краской нанесенные детали, имевшие, вероятно, магическое значение. Тип каменной бабы также отличается более тщательно исполненным лицом и тем, что руки показаны в движении.

В Керченском музее имеется большое количество отбитых от статуи голов из мягкого керченского известняка. Они представляют различные варианты вышеописанной боспорской скульптуры (рис. 9, *3*—*6*).

Заслуживает внимания женская голова (высота 20,5 см), отбитая от статуи (рис. 9, *5*). Сохранившиеся части лица свидетельствуют о портретном изображении: лицо плоское, с широкими скулами, короткий, но широкий подбородок, маленький рот, сильно выступающее переносье и близко поставленные глаза с широким разрезом, узкий, низкий покатый назад лоб. Голова имеет характерную для такого рода памятников обобщенную трактовку масс, рельефно исполненные детали, жесткость линий, отделяющих лицо и шею. На поверхности видны следы траянки.

Как мы видели, в массовой местной скульптуре наблюдается вкус к компактным массивным формам, к сохранению основного каменного блока, детали не разбивают его, но наносятся рельефно. Поэтому трудно сказать, представляет ли голова, изображенная на рис. 9, *6*, незаконченное произведение или же схематическое изображение. Голова изваяна из известняка (высота — 0,20 м), поверхность ее сильно повреждена и имеет глубокие дыры и сбои, случайные дырочки на глазных яблоках создают неправильное впечатление зрачков. Интересно, что голова сзади плоская, как и статуя воина — меота-синда. Трудно сказать, какой был головной убор или прическа, так как верхняя часть головы сбита, но несомненно, что волосы падали назад, как и у статуи воина. Лицо круглое, плоское, с широкими скулами. Подбородок полный, округлый, лоб низкий и узкий. Глаза неглубоко посажены, широко раскрыты, переносица выдается. Глазное яблоко трактовано плоско, веки рельефны. Волосы, уши, веки выделены графично, массы щек и шеи исполнены без особых членений, и поэтому голова напоминает египетские головы саисского времени. На обратной стороне — борозды грубой стески. Особенно обращает внимание обработка хорошо сохранившегося уха: оно резко очерчено в самых общих формах и имеет совершенно плоскую поверхность. Не исключена возможность, что перед нами голова не совсем законченной статуи.

* * *

Таковы наиболее яркие образцы боспорской скульптуры, которые пока нам удалось собрать. Дальнейшие находки, вероятно, осветят новые особенности этой скульптуры.

Рассмотренные нами памятники относятся ко времени III—I вв. до н. э.— I—II вв. н. э.

Они свидетельствуют об удивительной цельности и своеобразии этой скульптуры и опровергают предположение, высказанное когда-то М. И. Ростовцевым, о том, что искусство Боспора представляло комбинации художником сложившихся шаблонов.

Согласно имеющимся материалам можно констатировать, что в последние века до н. э. и в первые века н. э. на Боспоре наблюдается расцвет скульптуры и, прежде всего, надгробной, которая представлена или статуями или стелами.

Обычай ставить на могиле антропоморфное изваяние был широко распространен среди местного населения Боспора и в городах Боспора столкнулся с греческим обычаем ставить на могиле статую или стелу. Самый характер статуарной скульптуры, изваянной из местного камня, более или менее твердого известняка, напоминающей своими лаконическими формами антропоморфные изваяния, свидетельствует о ее местном типе.

Другой особенностью скульптуры Боспора указанного времени является развитие портретной скульптуры, которая чаще всего, ве-

роятно, была и надгробной. Особого внимания, как по качеству исполнения, так и по своеобразной выразительности портретной характеристики, заслуживают портретные статуи правителей. Развитие портретной статуи правителя на Боспоре связано с тем особым значением власти боспорского царя, которое имело место на Боспоре; портретная статуя правителя являлась и пропагандой личности правителя и служила утверждению его власти.

У нас нет пока данных для суждения о портретных статуях Боспора последних веков до нашей эры, но то, что мы имеем от первых веков н. э., свидетельствует об особом пути развития портретной статуи на Боспоре.

Анапская статуя подтверждает подлинность эрмитажной портретной статуи. Общей является и особая выразительность портретной характеристики, и композиция, и некоторые технические приемы, и ярко выраженный этнический тип. Эрмитажная статуя, с другой стороны, позволяет реконструировать одну деталь анапской статуи — связку свитков папирусов у правой ноги.

Огромный материал боспорской скульптуры связан с различными слоями боспорского населения. Отсюда столь большое разнообразие направлений в боспорской скульптуре рассматриваемого периода. С рабовладельческой верхушкой связаны статуи из дорогих материалов, как мрамор и бронза, изображающие ее богатых представителей. Сюда относятся и две эрмитажные (мужская и женская) и анапская статуя и ряд мраморных голов и бюстов полилитных и акролитных статуй; сохранившиеся многочисленные постаменты с надписями на них и следами стоявших на них бронзовых статуй, свидетельствуют о принадлежности их к правящей рабовладельческой верхушке; судя по типам, воспроизведенным в этих портретах, среди правящего класса в это время доминировали представители местного населения — они повторяют тот этнический тип, который воспроизводился на надгробных стелах с изображениями местных жителей. Приемы исполнения этих статуй свойственны античной скульптуре того или иного периода и позволяют датировать скульптуру путем сопоставления с другими датированными античными статуями (например, форма вырезанного зрачка), но наряду с ними можно проследить и чисто боспорские технические приемы, например, широкое применение врезов скарпели или углублений бурава по гладкой поверхности, ярко выступающее в анапской статуе.

Портретная характеристика отличается острым реализмом не только в передаче характерных черт лица (эрмитажная статуя), но и особенностей телосложения (эрмитажная и анапская статуи).

Сравнивая эрмитажную и анапскую статуи, мы должны констатировать, что в более поздней анапской статуе наблюдается бо́льшая плоскостность, как в построении всей фигуры (достаточно сравнить боковые стороны статуи), так и в орнаментальном исполнении некоторых деталей (брови — елочкой, борода — углублениями и др.).

Как показывают хорошо датированные рельефы надгробных стел, в скульптуре Боспора, по сравнению с более ранними памятниками, наблюдается отказ от пластических форм, схематизация и упрощение. Думается, что это явление связывается с нарастающей сарматизацией Боспора.

Гораздо более многочисленны статуи и фрагменты статуй, исполненных из местного известняка, которые связаны с более широким кругом местного населения и которые можно рассматривать как массовую народную скульптуру. Для датировки этих статуй нельзя пользоваться установившимися признаками формы и техники античной скульптуры того или иного времени. Рядом с реалистическими формами первых веков до н. э. наблюдается сосуществование совершенно абстрактных антропоморфных изображений и статуй, воспроизводящих человеческую фигуру в весьма лаконичных формах, с резко выделенными членениями тела и одежды. Эти статуи датируются только надписями и совместными находками, например, керченская статуя (рис. 7, *1*).

Между двумя полюсами — антропоморфным изображением и реалистическим образом боспорца находится огромная группа статуй блокообразных, но с рельефно исполненными деталями.

Не нужно думать, что все эти скульптуры из известняка очень плохого качества, они различны и по качеству исполнения и по стилю; одни из них более реалистичны, другие более абстрактны. Плохая сохранность поверхности не дает возможности судить о первоначальном облике лучших из этих скульптур. К числу таких произведений относится фрагмент статуи, изображающей женщину в покрывале. Это — яркий образ местной жительницы, принадлежавшей, вероятно, к более богатым кругам боспорского общества, впитавшим греческую культуру, но этот образ отличается от греческого своей большей непосредственностью и свежестью передачи местного типа. Наиболее характерными для этой массы изваяний из известняка являются статуи, изваянные вместе с постаментом, с плоской обратной стороной и рельефно исполненным фасом. Обозначены только основные членения тела. Более детально исполнена голова. Это — мужские фигуры с едва намеченными очертаниями ног или с непоказанными ногами под длинными плащами; или же это женские фигуры с покрывалом на голове, иногда с повязкой под покрывалом, иногда в высоком головном уборе и обычно с шаровидным предметом в руках,

напоминающим круглый сосуд у богини на бронзовой пластине из Карагодеуашха, очевидно, связанный с погребальным культом. Нам представляется, что это схематическое изображение целой фигуры, исполненное под воздействием традиции древних антропоморфных изваяний, отсюда — скупость языка, отказ от деталей, сохранение формы массивного каменного блока. Эта лаконичность формы соединяется с индивидуализацией лица с целью сохранить образ умершего.

Таковы на данном этапе работы некоторые общие выводы о боспорской скульптуре. Многие из привлеченных мною произведений боспорской скульптуры заслуживают специального исследования, например, статуя воина синда.

В. Д. Блаватский

РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ 1938, 1939 и 1940 гг.

Раскопки Фанагории в 1936—1940 гг. выяснили в общих чертах границы древнего города, количество, время и характер культурных напластований последнего, а также дали представление о прилежащей к поселению территории, занятой могильниками, свалками и различными сооружениями (рис. 1). Результаты этих работ опубликованы в четырех[1] небольших статьях, посвященных кампаниям 1936, 1937, 1938—1939 и 1940 гг. Более подробный отчет был напечатан лишь о раскопках 1936—1937 гг.[2]

Настоящая работа представляет публикацию результатов раскопок некрополя Фанагории в 1938—1940 гг. Сначала мы остановимся на исследованиях 1938 г., которые коснулись западной части могильника Фанагории. Далее мы перейдем к небольшим вскрытиям 1939 г., которые явились непосредственным продолжением раскопок 1938 г. Наконец, будут освещены работы 1939—1940 гг. на восточном и 1940 г. на южном участке фанагорийского некрополя.

Работы 1936—1937 гг. дали нам общее представление об археологической топографии северо-западной окраины Фанагории и прилежащих к ней урочищ, находящихся вне городской черты. На разбитом у самого края нижней террасы, в шести — семи метрах от берега моря, раскопе «город А» (1936—1937 гг.) обнаружено десять культурных напластований. В нижнем слое (конца VI—V вв. до н. э.) не было обнаружено остатков построек, найденных в остальных девяти слоях примерно с V—IV вв. до н. э. до зрелого средневековья.

В 160 м на з.-ю.-з. от названного раскопа, над невысоким обрывом берега, отделенным от моря пятнадцатиметровой полосой песка, у северо-восточной подошвы холма «В» был разбит раскоп «некрополь А» (1936 г.). Там была обнаружена могила раннесредневекового времени, а недалеко от нее колодезь, бытовавший примерно в III—V вв. н. э., с прилегающими к нему остатками вымостки и древних дорог.[1]

В северном обрезе широкой расселины, образовавшейся на холме «В» в результате большого оползня, были обнаружены и раскопаны в 1936 г. незначительные части сильно поврежденных могил. Наконец в 1936—1937 гг. на вершине холма «С» (примерно в 95 м на юг от раскопа «некрополь А») был исследован могильник, заключавший погребения, в подавляющем большинстве, I—IV вв. н. э.

Таким образом, наметился район, занятый северо-западной окраиной Фанагории («город А»), и район лежащих на запад от него урочищ, расположенных вне городской черты («некрополи А, В, С»). Отсюда задачей дальнейшего исследования должно было быть уточнение северо-западной границы Фанагории на пространстве между раскопами «город А» и «некрополь А». Кроме того, одно наблюдение, сделанное еще в 1936 г. в южном обрезе оползня на холме «В», требовало дополнительного исследова-

[1] В. Д. Блаватский. Раскопки на Таманском полуострове в 1936 г., «Искусство», 1937, № 1, стр. 161 сл.; Его же. Раскопки на Таманском полуострове в 1937 г. «Искусство», 1938, № 3, стр. 135 сл.; Его же. Раскопки в Фанагории в 1938—1939 гг., ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 287 сл.; Его же. Раскопки в Фанагории в 1940 г., ВДИ, 1941, № 1 (14), стр. 220 сл.; Его же. О строительном деле Фанагории. «Доклады и сообщения. Истор. фак. МГУ», книга девятая, 1950, стр. 30 сл. См. также: М. М. Кобылина. К изучению искусства древнегреческого города Фанагории, ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 236 сл.; Ее же. Раскопки ГМИИ в Фанагории, «Искусство», 1940, № 2, стр. 155 сл.; И. Б. Зеест. Раскопки ГМИИ до Великой Отечественной войны. Памятники искусства. «Бюллетень ГМИИ», № 2, 1947, стр. 4 сл.

[2] В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. «Труды ГИМ», XVI, 1941.

[1] В 1940 г. были обнаружены следы древней дороги (рис. 3, *1*). Они четко выступали в 50 м к в.-с.-в. от колодезя и шли в направлении к з.-ю.-з. сначала ясно обрисовываясь (примерно, на протяжении 8 м), а затем в виде отдельных выходов камней (растянувшихся метров на одиннадцать). На расстоянии около 36 м от колодезя эти следы исчезали. Следы дороги выступали в обрезе нижней террасы берега, на глубине 1,35 м от современной поверхности, представляя собою ряд рваных камней. По виду и расположению они напоминали камни дорог, раскопанных в 1936 г. около колодезя III—IV вв. н. э.

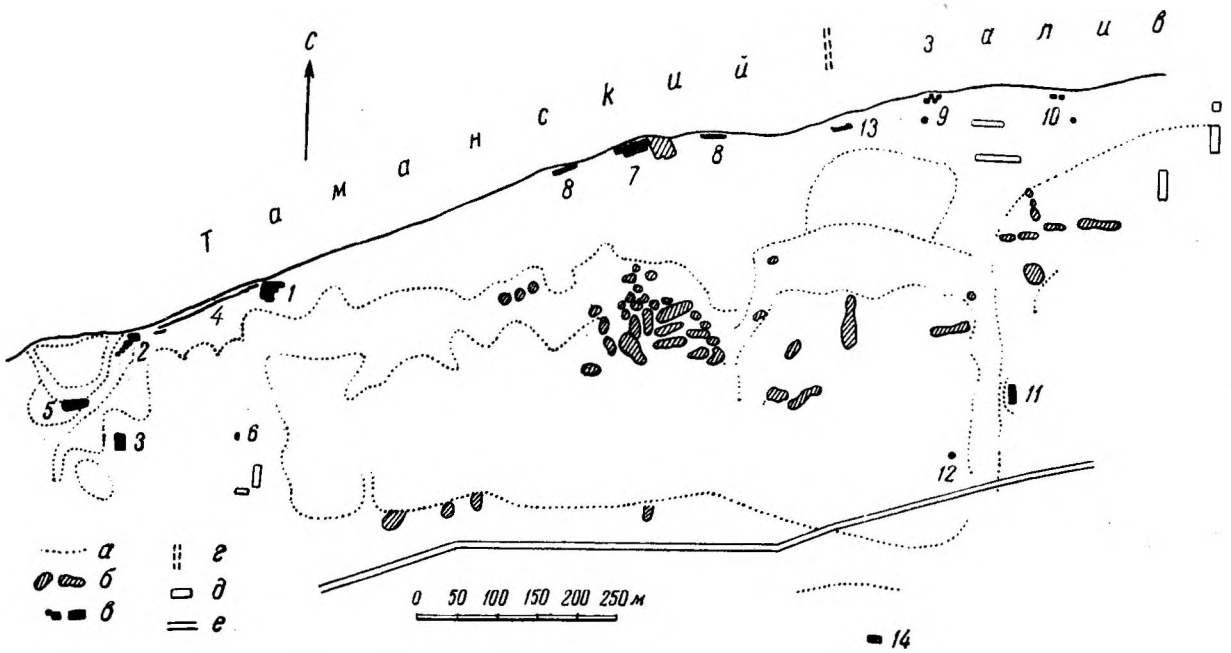

Рис. 1. Генеральный план раскопов Фанагории 1936—1940 гг.

а — границы холмов; *б* — старые раскопы; *в* — новые раскопы; *г* — кладка в море; *д* — современные постройки; *е* — дорога
1 — Раскоп „Город А" 1936—1937 гг. 2 — Раскоп „Некрополь А" 1936 г. 3 — Раскоп „Некрополь С" 1936—1937 гг. 4 — Береговой раскоп 1937—1938 гг. 5 — Раскоп „Некрополь В" 1938—1939 гг. 6 — Раскоп „Некрополь Д" 1939 г. 7 — Раскоп „Северный город" 1939—1940 гг. 8 — Раскоп „Северный берег" 1939 г. 9 — Раскоп „Восточный берег" 1939 г. 10 — Раскоп „Восточный берег" 1940 г. 11 — Раскоп „Восточный некрополь" 1939—1940 гг. 12 — Керамическая печь 1930—1931 гг. 13 — Раскоп „Северо-восточный" 1940 г. 14 — Раскоп „Южный" 1940 г.

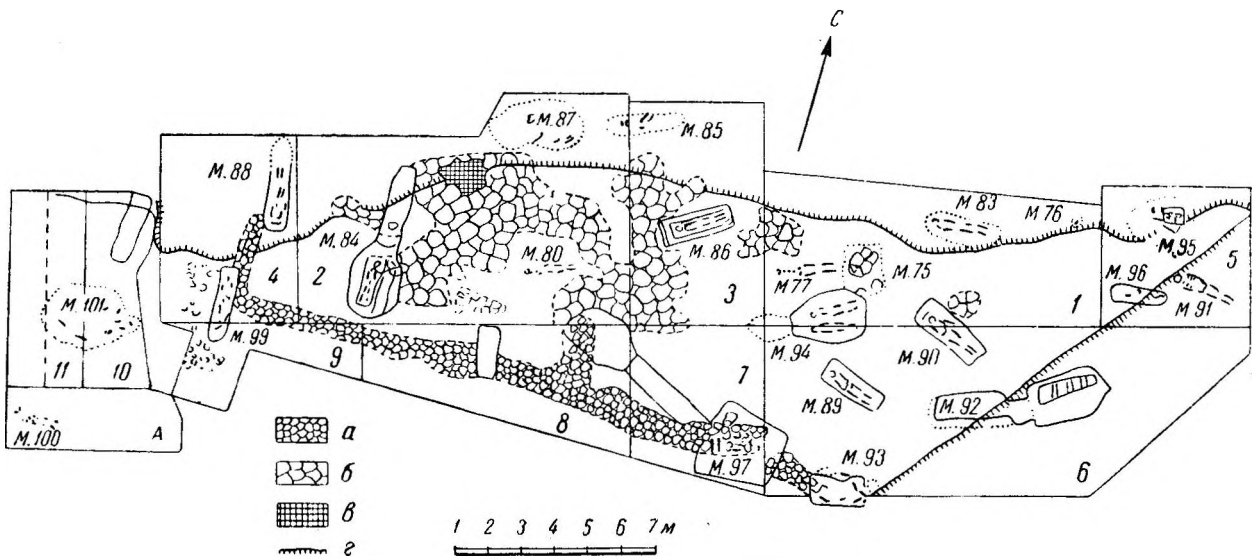

Рис. 2. План некрополя «В» 1938—1939 гг.

а — отески фундамента; *б* — бут; *в* — штукатурный пол; *г* — границы построек

ния. Там был замечен на глубине около 1,05 м от поверхности почвы выход штукатурного пола на черепяном подстиле, тянувшийся на 1,70 м в длину (рис. 3, *2* и *4*). Естественно, что наличие остатков вымостки на территории наметившегося некрополя требовало надлежащего выяснения. Сказанное определило план экспедиции 1938 г. [1]

Были разбиты два раскопа: «береговой» и «некрополь В». «Береговой» раскоп был распо-

[1] Эта экспедиция была организована Государственным музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Начальником ее был В. Д. Блаватский, его заместителем — М. М. Кобылина, руководили отрядами — Н. В. Анфимов и И. М. Блаватская; топографическую съемку и составление планов возглавлял А. Г. Воробьев. Научными сотрудниками были И. Б. Зеест, Н. Н. Британова, Н. М. Лосева, Н. Н. Погребова и Н. Е. Элиасберг. Практикантами работали десять студентов из Института им. К. Либкнехта и два из Краснодарского педагогического техникума. Фотографом был С. И. Иванов. Кроме названных лиц, в работах экспедиции принимала участие Н. Н. Анфимова.

ложен на узкой полосе прибрежного песка, которая тянется вдоль нижней террасы берега между раскопом «город А» и «некрополь А». Он позволил установить западную границу Фанагории. При этом за пределами города были обнаружены могилы греческого и римского времени. Другой раскоп 1938 г. был разбит на вершине холма «В» к югу от расселины оползня; там обнаружены многочисленные могилы преимущественно II—V вв. н. э. и остатки монументальной постройки (рис. 2). Этот раскоп закончен в 1939 г. Вскрытая площадь на обоих раскопах 1938 г. достигала примерно 600 м².

РАСКОП «НЕКРОПОЛЯ В» 1938 г.

Холм «В», на котором производились небольшие работы в 1936 г., возвышается над берегом Таманского залива. Северная часть холма повреждена большим оползнем. Вследствие этого оползня на холме образовалась широкая расселина, имеющая форму близкую букве П. К югу от этой расселины сохранилась неповрежденная часть вершины холма, представляющая небольшую площадку неправильных треугольных очертаний, вытянутую в направлении с востока на запад.

Раскоп был разбит на северо-восточной части вершины холма. Северной границей раскопа служила глубокая расселина оползня в том пласте ее, где в обрезе был виден упоминавшийся нами выход вымостки. Восточная окраина раскопа простиралась до склона холма. Раскопом была вскрыта площадь, достигавшая 300 кв. м. Она имела форму неправильного многоугольника, длиной 32 м и, в основном, до 10 м шириной. Раскоп состоял из девяти прямоугольных или треугольных площадей, к одной из которых пришлось сделать довольно большую прирезку (4 кв. м). В 1939 г. к описываемому раскопу с западной стороны была прирезана площадь около 33,5 кв. м.

Работы как 1938, так и 1939 гг., были доведены до материка, открытого на глубине 2,30—2,50 м, а в иных случаях — 2,80 м. Площади раскапывались по штыкам до материка или до обнаружения могильных пятен. При этом в земле встречались различные культурные остатки, подобные находкам в городе, но менее обильные: черепки простой посуды (ручки амфор с клеймами), толстостенной и тонкостенной, чернолаковой и краснолаковой, местной керамики, светильников, обломки черепиц, осколки стеклянной посуды, монеты, фрагменты штукатурки и пр. Попадались также кости животных, преимущественно крупного рогатого скота, овец, свиней и лошадей.

Земля представляла супесь, более или менее гумированную в верхних пластах. Под супесью лежал материковый песок, местами с железистыми прослойками. В средней и западной частях раскопа 1938 г. были открыты остатки постройки примерно III в. до н. э. Кроме того, обнаружено двадцать могил, разбросанных по всей площади раскопа; 18 из них относятся к II—V вв. н. э., а две, возможно, датируются IV в. до н. э. Дополнительными исследованиями 1939 г. открыты еще две могилы того же времени, что и большинство могил 1938 г.

Таким образом, вскрытие исследуемой площади показало, что она во всяком случае до IV в. до н. э. представляла свободный пустырь. Видимо, ранее всего на данном участке возникла небольшая[1] свалка битой керамики в западной части площадей № 4 и 9, а также на прирезке к последней (рис. 3, *3* и *5*). Эта свалка классического времени состояла из битых остродонных амфор, среди которых были найдены обломок терракотовой протомы начала V в. до н. э.— лицо богини (рис. 4, *1—2*) и фрагментированный краснофигурный килик второй половины V в. до н. э. (рис. 4, *3*)[2].

Возможно, что к IV в. до н. э. относится могила в восточной части раскопа, но в этом не может быть достаточной уверенности.

Это — могила № 91 (в юго-восточной четверти площади № 5).

На глубине 0,48 м обнаружен костяк очень плохой сохранности, ориентированный головой на з.-с.-з. Он лежал на спине. Руки были расположены вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно. Кости кистей рук и ступней ног не сохранились. Длина сохранившейся части костяка = 1,74 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. На глубине 0,68 м (т. е. на 0,20 м глубже скелета) в том же грунте у ног костяка найден краснофигурный арибаллический лекиф с изображением лежащей лани (рис. 4, *4*).

Другая могила (№ 93), расположенная в юго-западной части площади № 6, частично была перекрыта остатками фундамента здания, которое, как мы увидим в дальнейшем, относится к раннеэллинистическому времени. Это заставляет считать вторую могилу возникшей не позднее III в. до н. э. Могильная яма имела неправильную форму. Длина ее 1,95, ширина — 0,70 и глубина — 2,90 м. Яма ориентирована узкими сторонами к востоку и западу.

Могила была сильно разрушена, вероятно, в древнее время. В могиле оказались разбросанные в беспорядке две бедренные кости, две голени и две плечевые кости. Вдоль северной стороны могилы обнаружены остатки камки.

К следующему этапу истории урочища относятся остатки постройки, видимо, продолговатой в плане. На площадях № 2—3 обнаружен слой бута, вероятно, служивший подстилом полу. Сохранность бута плохая: остатки его имели сильно изрезанные очертания. Отдельные «пятна» бута встречались и на площади № 1.

[1] Недоследованная часть свалки выходила на западный край раскопа 1938 г. Доследование, произведенное в 1939 г., показало, что свалка продолжалась на запад не более чем на 1 м.

[2] Н. М. Лосева. Фрагмент краснофигурного килика из Фанагории, КСИИМК, XXII, 1948, стр. 59—61.

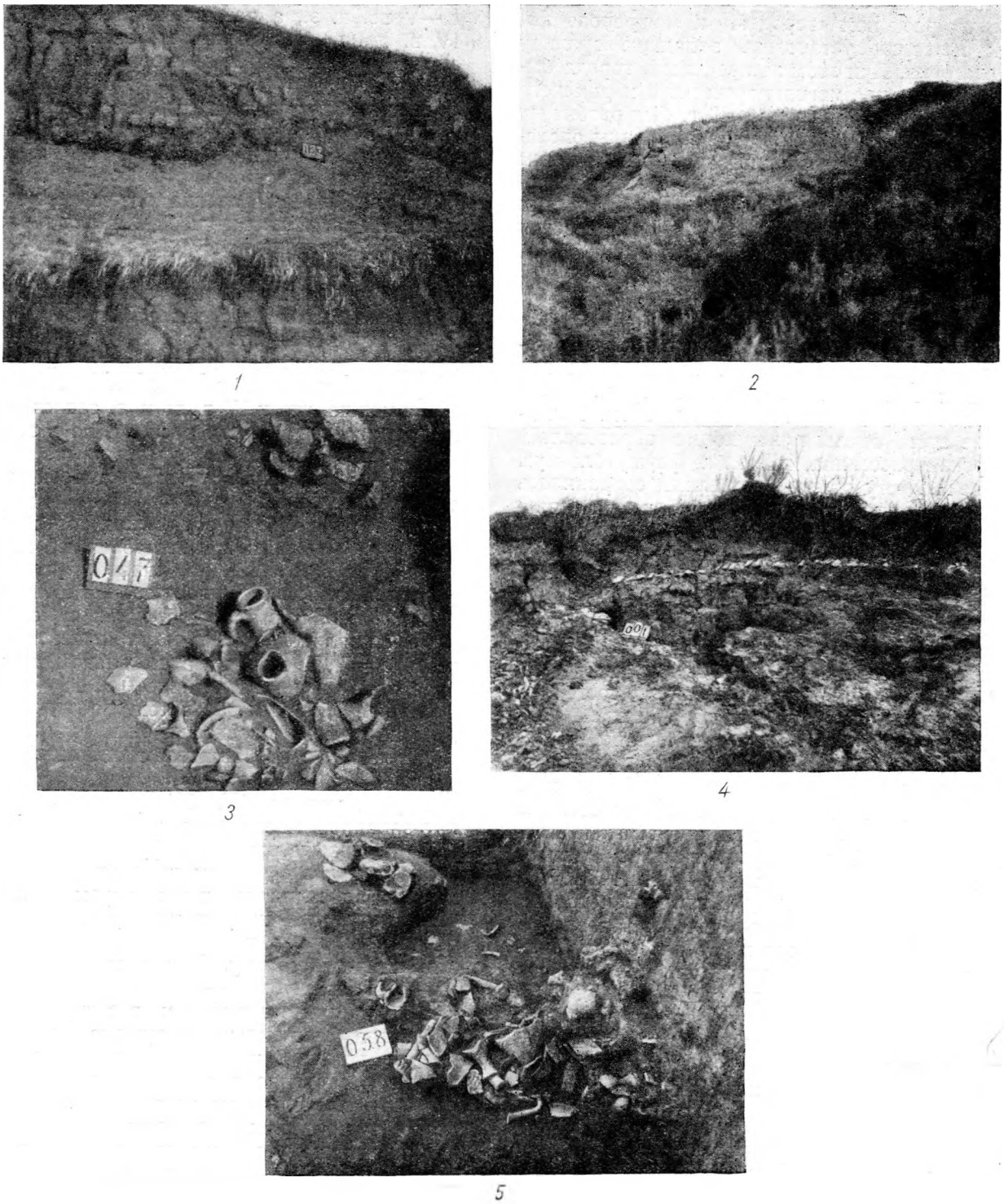

Рис. 3.

1 — следы древней дороги в обрезе берега к западу от Фанагорийского городища; *2* — черепяный пласт в обрезе холма «В». Вид издали; *3* — свалка битой керамики на холме «В» 1938 г. Верхний горизонт (с запада); *4* — черепяный пласт в обрезе холма «В». Вид вблизи; *5* — свалка битой керамики на холме «В» 1938 г. Нижний горизонт (с запада)

Рис. 4.

1 — Некрополь «В» 1938 г. Голова из терракотты в фас; *2* — Некрополь «В» 1938 г. Голова из терракоты в профиль; *3* — Некрополь «В» 1938 г. Краснофигурный килик V в. до н. э.; *4* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 91. Краснофигурный арибаллический лекиф с изображением лани

Подстил состоял из слоя обломков простых сосудов, черепицы и особенно камней. Над этим слоем местами сохранились остатки цемянки, смешанной с мелкой галькой, на которой лежал штукатурный пол, белого цвета. Сохранность штукатурки очень плохая: она сильно истрескалась и уцелела на небольшом участке (около 1,70 м в длину и 1,15 м в ширину) у северного края площади № 2. Глубина штукатурного пола от поверхности земли — около 1,05 м. Толщина пола с подстилом в его западной части — от 0,10 до 0,12 м. В восточной части, на площади № 3 бут, достигающий 0,40 м в толщину, залегает на глубине 0,85 м.

На границе площадей № 3 и № 1 остатки бута имеют рваные очертания. На этом буте лежит вымостка из пяти небольших известняковых камней, расположенных в ряд. Длина

этой вымостки — 0,68, ширина — 0,40—0,26, толщина — 0,14 м.

Помимо остатков настила пола были обнаружены следы фундамента стены (рис. 5, *1—2*). Они начинались в юго-западном углу площади № 6 и тянулись примерно на 17 м в западном направлении через площади № 7, 8, 9 и 4. На площади № 4 следы фундамента поворачивали под прямым углом на север и продолжались в этом направлении на 3 м. От фундамента сохранились только рваные камни, разбросанные дорожкой, имеющей неровные края.

Нужно думать, что эти остатки — результат разборки на камень стены и фундамента до их основания. Восточная часть фундамента (на площади № 7) пострадала особенно сильно вследствие оседания почвы в восточную камеру могилы № 97. Западная камера той же могилы была причиной оседания северной части небольшого (двухметрового) выступа фундамента.

Юго-западный угол [1] фундамента лежал на особом подстиле из обожженной глины. Длина подстила (с запада на восток) — 0,78, ширина — 0,54, толщина — 0,44 м.

Нужно думать, что обнаруженные остатки фундамента принадлежали стене, ограждавшей участок, покрытый штукатурным полом.

Плохая сохранность остатков постройки весьма затрудняет ее реконструкцию. Вероятно, это была довольно большая, прямоугольная в плане постройка. Вход в нее, скорее всего, был с запада, ввиду того, что с других сторон доступ на холм весьма труден.

Неширокая дорожка отесков и бута, оставшихся на месте выбранных до основания фундаментов, заставляет полагать, что снесенная стена не была мощной. При значительной длине она скорее могла быть оградой, чем стеной, загруженной перекрытием. По всей видимости, стена была оштукатурена. Об этом свидетельствуют найденные внутри постройки многочисленные обломки штукатурки белого, желтого, красного и темносерого цвета; часть их украшала роспись в виде ов и других орнаментов. Ближайшей аналогией подобной отделке стен является роспись погребальной камеры первого Васюринского склепа [2], относящегося к началу III в. до н. э. Показательно в этом отношении сравнение фанагорийской штукатурки с более простой отделкой керченского склепа 1908 г., относящегося еще к IV в до н. э., а также отсутствие мотивов, характерных для росписи пантикапейских домов II в. до н. э., известных нам по раскопкам конца XIX в., не говоря уже о более поздних памятниках.

[1] У этого угла с наружной стороны постройки была обнаружена свалка битых остродонных амфор, о которой мы говорили выше.

[2] М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России, СПб., 1914, стр 30 сл., табл. XIII—XIV.

Намеченная дата штукатурной отделки и сооружения стены — III в. до н. э. подтверждается найденной в буте «Ж» наксосской монетой III в. до н. э. [1] и пантикапейской монетой плохой сохранности, обнаруженной в столике «Д».

Ближайшей аналогией росписи фанагорийской постройки, как мы упомянули, является Васюринский склеп. Согласно установившемуся мнению роспись этого склепа воспроизводит вид стены малоазийского героона [2] с внутренней стороны. Отсутствие перекрытия и вход с запада позволяют предполагать, что сооружение, находившееся за пределами городской черты, в районе некрополя, представляло героон. Если такое истолкование правильно, то сооружение героона на фанагорийском некрополе может быть поставлено в связь с применявшимся на Боспоре героическим обрядом погребения знатных покойников. Вместе с тем мы можем также предположить, что изображения ограды героона на стенных росписях склепов, подобных Васюринскому, навеяны не только малоазийскими, но также и боспорскими образцами.

Возможно, что к героону имел ближайшее отношение обломок полихромной рельефной плиты, найденной на площади № 2 и, вероятно, являвшейся частью погребального ящика [3], клины [4], или трона [5], стоявшего в герооне (рис. 6, 1). Она была украшена рельефами в виде ов, пальметты, волют, жемчужника и розетты. Может быть к героону также принадлежат обломки профилированного карниза из известняка и (в чем меньше уверенности) — капители колонны дорийского ордера [6].

Нужно думать, что еще во время существования героона, в его пределах (в южной части площади № 2) возникло любопытное сооружение. На глубине 0,87—1,00 м обнаружена выкладка из шести фрагментированных черепиц, занимавших пространство 1,70 м в длину (с востока на запад) и 0,82 м в ширину (рис. 5, *3—4*). Три солена с клеймами боспорских царских мастерских: ΒΑΣΙΛΙΚΗ [7] лежали один

[1] Монета, как и другие, определена А. Н. Зографом.

[2] М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 61, 67.

[3] Ср. с аналогичной находкой в гробнице около Эретрии второй половины IV в. до н. э. («Ath. Mitt.», 1901, табл. XIV).

[4] Подобные клины хорошо известны с эпохи архаики (G. Richter, Ancient furniture, Oxford, 1926, стр. 60 сл., рис. 158—159); монументальные мраморные ножки см. также: Там же, стр. 64, рис. 167 и стр. 121, рис. 286).

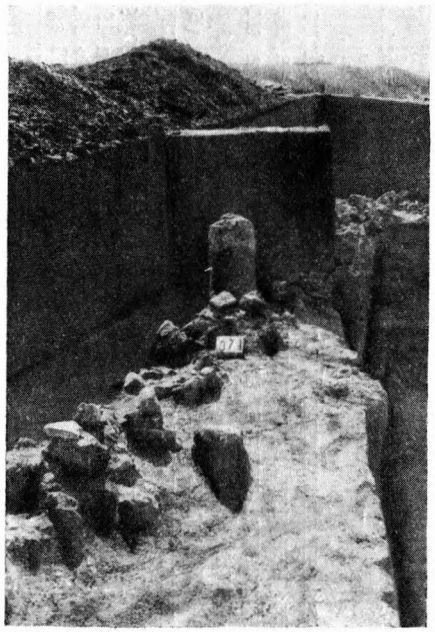
[5] См., например, обломок ножки трона из святилища в Ликосуре («Annual of the British school at Athens», 1905—1906, XII, стр. 116, рис. 5).

[6] Обломок представляет верхнюю часть ствола и капитель. Высота его — 0,128, высота абака — 0,05, диаметр ствола — 0,28 м.

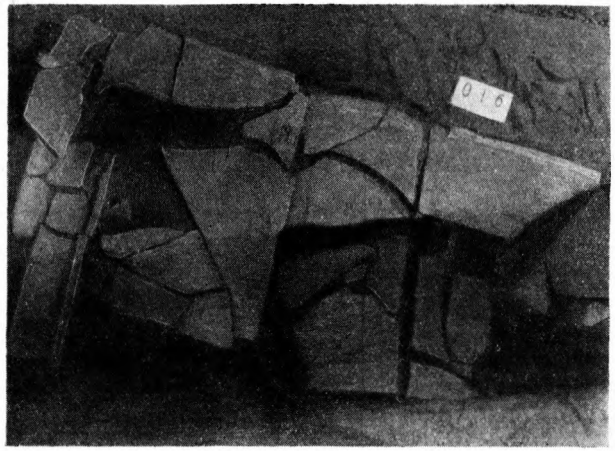
[7] Е. М. Придик. Инвентарный каталог клейм эрмитажного собрания. П., 1917, стр. 129, № 21—25; Б. Н. Граков, Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее, ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 207 сл.

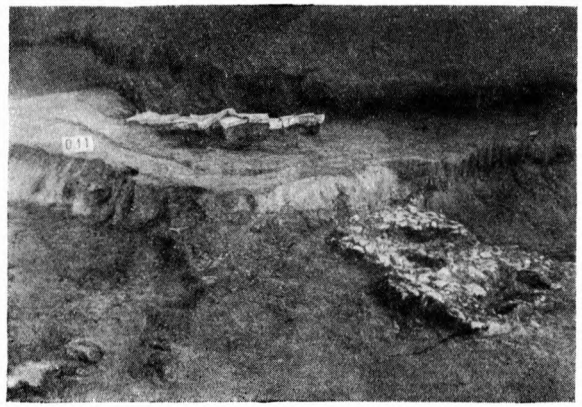
1

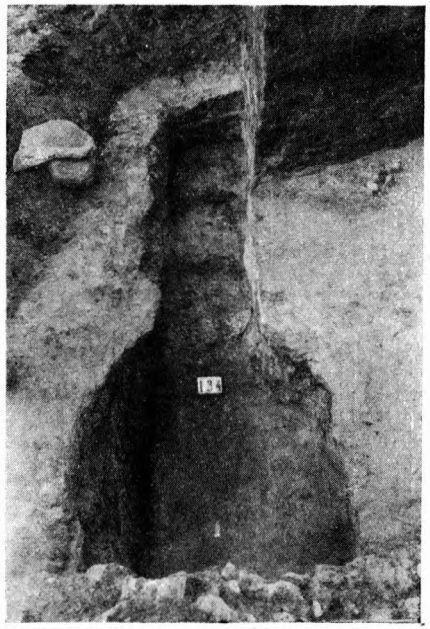
2

3

4

5

Рис. 5.

1 — Некрополь «В» 1938 г. Остатки фундамента героона. Панорама; *2* — Некрополь «В» 1938 г. Остатки фундамента героона, вид с востока; *3* — Некрополь «В» 1938 г. Заклад черепиц; *4* — Некрополь «В» 1938 г. Заклад черепиц, вид с запада; *5* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 84, вид с юга

возле другого, а под ними три калиптера; два калиптера находились на стыках между солеными, третий вдоль наружного края одного из соленов (см. о них стр. 227 сл.).

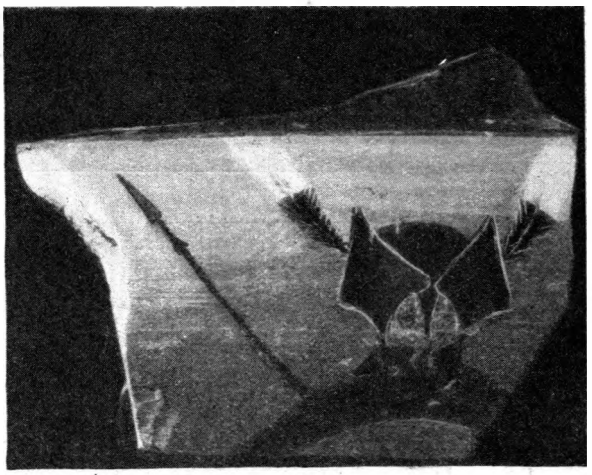
Под черепицами ничего обнаружено не было, хотя выборка земли производилась здесь до материка и был тщательно проконтролирован верхний слой последнего.

Здание героона погибло примерно в I в. до н. э.— I в. н. э., причем уже, вероятно, тогда его стены были разобраны на камень.

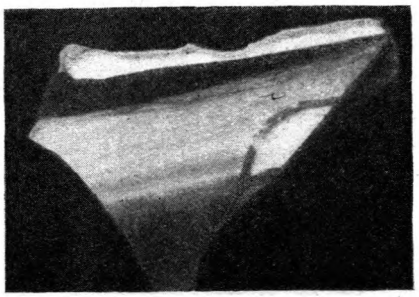
Могила № 75 (в западной половине площади № 1). Обнаруженное на глубине 1,00—1,30 м захоронение жженых костей покойника в амфоре было сильно потревожено, повидимому, еще в древнее время. В верхнем слое могилы жженые кости покойника были разбросаны на довольно значительном пространстве. В нижней части они лежали компактнее, занимая пространство 0,60 × 0,89 м. К югу от жженых костей обнаружено дно остродонной амфоры, в котором было немного золы и

1

2

3

Рис. 6.

1 — Некрополь «В». 1938 г. Полихромный рельеф; *2* — Некрополь «В». 1939 г. Обломок халкидской вазы; *3* — Некрополь «В». 1939 г. Обломок халкидской вазы

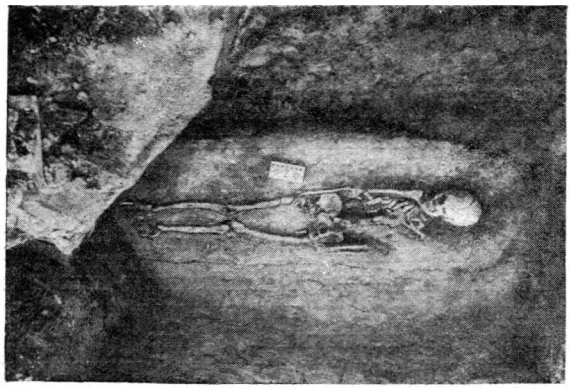
В II—V вв. н. э. обследованный участок был занят некрополем, причем некоторые могилы прорезали более древние остатки пола и фундамента. Большинство могил были простые грунтовые, заключавшие одиночные погребения. Пять могил представляли земляные склепы; четыре из них имели одну погребальную камеру, а пятый — две. Значительная часть могил и в том числе все склепы оказались разграбленными.

Опишем теперь эти могилы в порядке их номеров (нумерация общая с 1936 г.) [1].

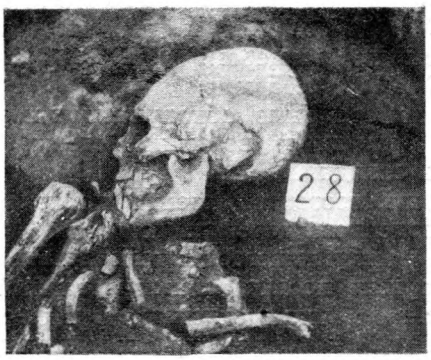
жженых костей; там же найдено оббитое дно простого сосуда, вероятно служившее крышкой амфоре. Форма могильной ямы не прослеживалась.

Могила № 76 (в северо-восточном углу площади № 1). На глубине 1,75 м открыт детский

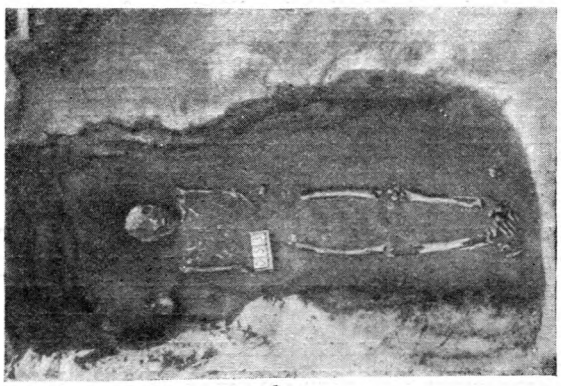
[1] Ввиду того, что нумерация могил сохранена по полевому дневнику, в порядке нумеров имеются перебои. Поэтому даем сводку нумеров могил по раскопам. «Некрополь «В» 1938 г., могилы № 75, 76, 77, 80, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97 и 99. «Береговой» раскоп 1938 г., могилы № 74, 78, 79, 81, 82, 98. «Некрополь «В» 1939 г., могилы № 100 и 101. Раскоп «D» 1939 г., могила № 120. «Восточный» раскоп 1939 г., могилы № 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119 и 121. «Восточный» раскоп 1940 г., могилы № 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133 и 134. «Южный» раскоп 1940 г., могилы № 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150 и 151.

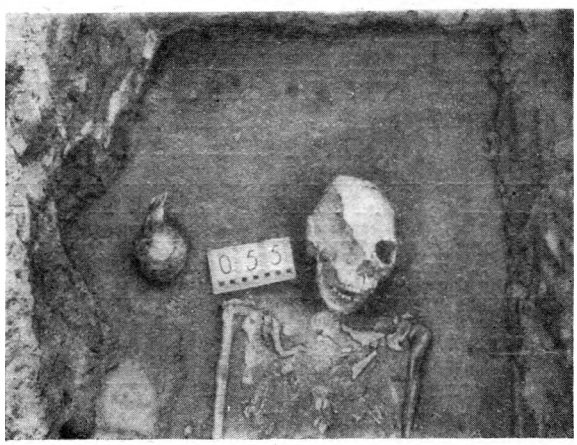
1

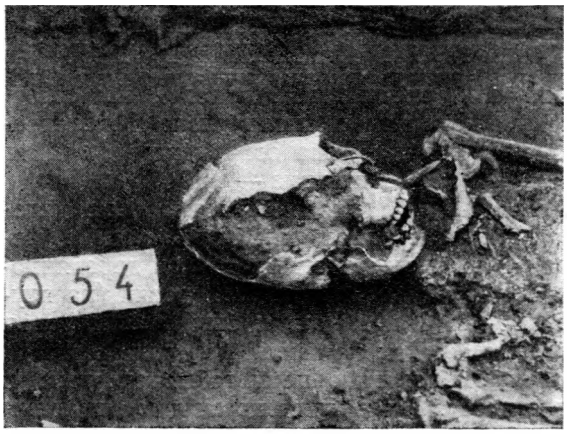
2

3

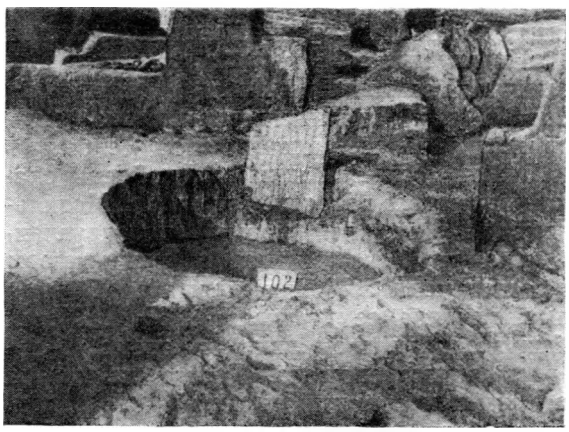
4

5

6

7

Рис. 7.

1 — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 80; *2* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 80 деталь (с востока); *3* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 86; *4* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 86, деталь (с севера); *5* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 86. Деформированный череп; *6* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 88. Следы камки (с юга); 7 — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 94 (с востока)

костяк, сильно разрушенный временем и, кроме того, видимо, пострадавший от оползня. Судя по положению сохранившихся костей, покойник был ориентирован головой на север, он лежал на спине с вытянутыми и перекрещенными ногами. Длина сохранившейся части костяка — 0,36 м, ширина — 0,17 м.

Могила № 77 (около западного края площади № 1). Неравномерный слой камки покрывал ничтожные следы остатков деревянного гроба, под которыми лежал костяк (на глубине 1,90—2,10 м). Костяк был ориентирован головой на з.-ю.-з.; он лежал на спине, с лицом, обращенным вверх и немного повернутым к левому плечу. Руки, судя по сильно поврежденным костным остаткам, были расположены вдоль туловища; ноги вытянуты параллельно. Длина расположения костей достигала 1,77 м, длина костяка до пяточной кости — 1,67 м. На тазе около бедра обнаружена бронзовая пряжка (рис. 9, *1*), под тазом — железный клинок ножа и гвоздь.

Могила № 80 (в юго-восточной части площади № 2). На глубине около 2,80 м найден костяк, ориентированный головой к з.-ю.-з. (рис. 7, *1—2*). Он лежал на спине, лицо было обращено к правому плечу, руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно. Раздавленный череп сохранял явные следы деформации. Кости сохранились не полностью — частично их растащил сурок, потревоживший могилу.

Длина расположения костей достигала 1,68 м, длина костяка до пяточной кости — 1,55 м. У левого колена найден фрагментированный железный клинок ножа. Между ступнями лежал сломанный металлический кружок. У левой руки обнаружено немного камки.

Могила № 83 (в северной части площади № 1). На глубине 2,83 м открыто темное пятно могильной земли. При выборке «пятна» на глубине 3,08 м обнаружена неравномерно лежащая камка; наиболее мощный слой ее был в средней части могилы. Под камкой найдены слабые следы дерева, вероятно, от гроба. Могильная яма неправильной формы (с закругленными углами) была вырыта в материковом песке, она имела 2,25 м в длину и 0,77 м в ширину; глубина ее достигала 3,38 м. Кости покойника сохранились лишь частично, большая часть их потревожена. Костяк лежал на спине, ориентированный головой на запад. Фаланги обеих рук лежали на головках бедренных костей. Ступни ног были сведены вместе. Череп и часть трубчатых костей не сохранились. У западной стенки могильной ямы найден фрагмент простой миски.

Могила № 84 (в западной части площади № 2) представляла однокамерный земляной склеп с колодезем и дромосом (рис. 5, *5*).

Колодезь имел в плане четырехугольную форму; длина его достигала 2,28, ширина — 0,65, глубина в северной части — 4,00, в южной — 4,32 м. На юг от узкой боковой стенки шел дромос, длиной 0,35, шириной 0,65—0,75 м, постепенно понижавшийся к камере, около которой глубина его составляла 4,51 м. Камера имела неправильную продолговатую форму, близкую к четырехугольнику с закругленными углами. Длина ее была 1,90, ширина — 1,30, глубина — 4,51 м. Потолок склепа не сохранился, но, судя по курватуре стенок, он имел сводчатое перекрытие. У входа в камеру в дромосе и колодезе лежали сдвинутые камни заклада. Из них два были из плитнякового камня размером: $0{,}77 \times 0{,}52 \times 0{,}05$ м и $0{,}58 \times 0{,}60 \times 0{,}05$ м и два из раковистого известняка размером: $0{,}70 \times 0{,}46 \times 0{,}12$ м и $0{,}53 \times 0{,}37 \times 0{,}15$ м.

В камере было обнаружено два захоронения: одно вдоль восточной стенки, другое — вдоль западной.

Вдоль восточной стенки найдены остатки раздавленного деревянного гроба (1,80 м длиной), расширявшегося в головах. Под досками обнаружен костяк, ориентированный головой к с.-с.-в., с лицом, склоненным к левому плечу, лежавший на спине с расположенными вдоль туловища руками и параллельно вытянутыми ногами. Сохранность костей очень плохая. Скелет сохранился только до нижней части берцовых костей (длина его 1,65 м). Под черепом обнаружены остатки волокнистой подстилки. Около черепа найдены две серьги, пряжка и большое количество мелких бус из черной и желтой пасты. У левой руки лежал бронзовый браслет, у правой совершенно разрушившийся перстень, на тазовой кости справа — серебряная пряжка. В головах за пределами гроба был найден открытый стеклянный сосуд (рис. 8, *1*), у восточной стенки гроба — раздавленный стеклянный графин с шаровидным туловом, длинной шейкой и с широким раструбом горла. Второй гроб стоял вдоль западной стенки камеры. Гроб был раздавлен, доски его истлели. Гроб расширялся в головах, длина его составляла 1,46, ширина 0,30—0,45, наибольшая высота 0,14 м. В гробу лежал детский костяк, ориентированный головой на север, с расположенными вдоль туловища руками и вытянутыми параллельно ногами. Общая длина расположения костей — 1,40 м, длина скелета до пяточной кости — 1,28 м. На костях таза найдена бронзовая пряжка, другая пряжка обнаружена на правой бедренной кости (рис. 9, *2—3*). У правого бедра лежал железный клинок ножа (рис. 9, *4*). В головах за пределами гроба найдены простая глиняная чашка (рис. 12, *3*) и лепной одноручный кувшин из темнокоричневой глины. Между двумя гробами в северной части камеры обнаружен раздавленный открытый стеклянный сосуд на ножке.

Могила № 85 (в северной части границы площадей № 2 и 3). Могильная яма имела нечеткую четырехугольную форму, ибо края

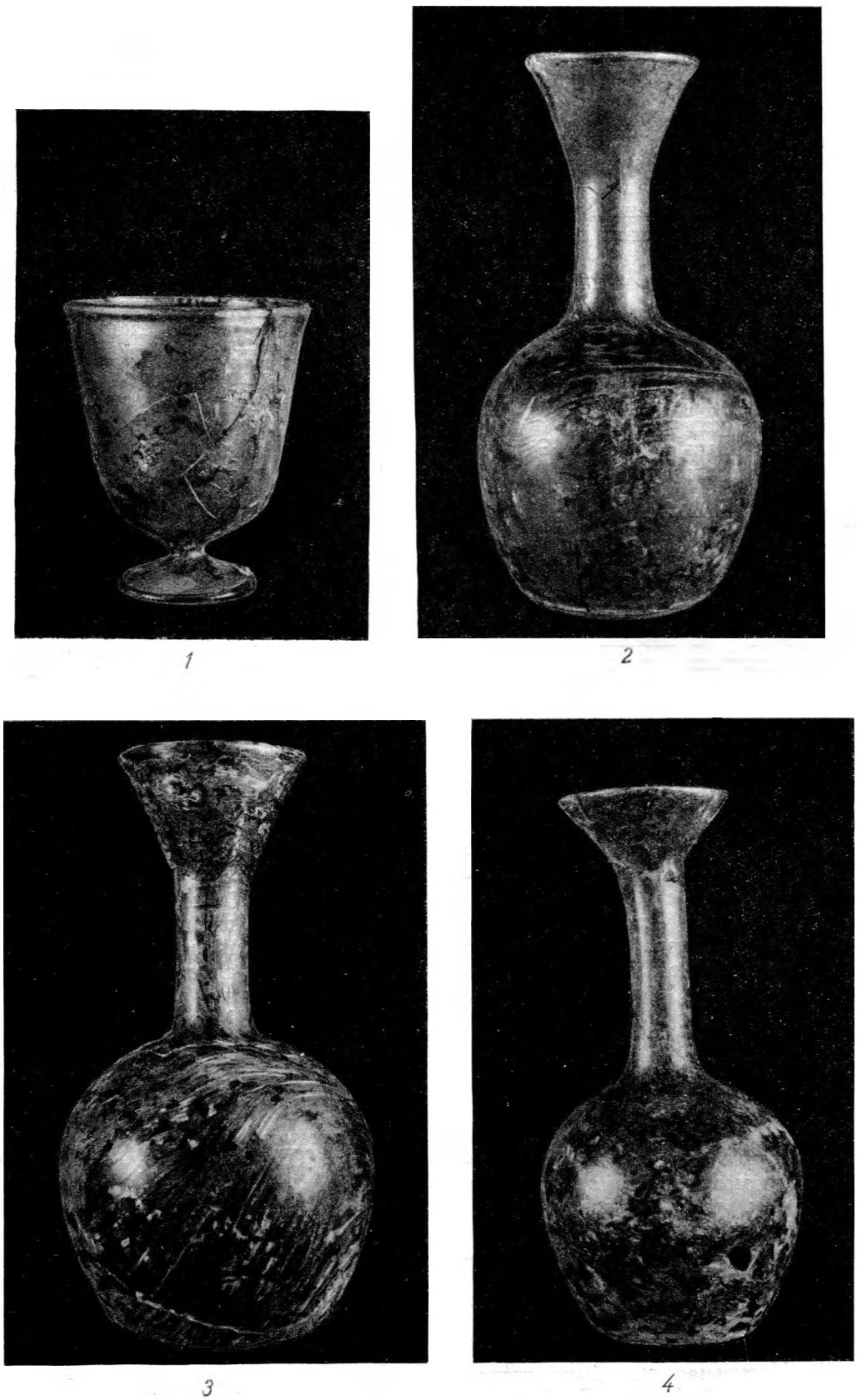

Рис. 8.

1 — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 84. Стеклянный сосуд рюмкообразной формы; *2* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 86. Стеклянный сосуд, подобный графину; *3* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 88. Стеклянный сосуд, подобный графину; *4* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 95. Стеклянный сосуд, подобный графину

ее заплыли. Длина ямы около 2,73, ширина — 0,52 — 0,66, глубина — 2,41 м.

Обнаружены следы камки, под ними ничтожные остатки деревянного гроба, ширина которого в головах достигала 0,49 м. Костяк был потревожен. Судя по нетронутым позвонкам и черепу, покойник был ориентирован на з.-ю.-з. и лежал на спине. Нижняя челюсть отпала от черепа при разложении трупа. Кости рук, ног, крестец и таз лежали в беспорядке разбросанными по могиле.

Могила № 86 (в средней части площади № 3). Могильная яма имела довольно правильную четырехугольную форму, длиной 2,10, шириной — 0,86 и глубиной — 2,69 м. На глубине 2,15 м обнаружено пятно камки, в длину 2,10 м (с ю.-з. на с.-в.) и 0,80 м в ширину. Камка лежала мощным слоем, в средней части она прогибалась на 0,42 м. Это свидетельствовало о наличии под камкой гроба, который был продавлен землей. Под камкой открыты следы крышки разрушенного деревянного гроба. Крышка была сбита из поперечных досок. Размеры одной доски частично удалось проследить: ширина ее составляла 0,10 м, толщина — 0,01 м. Боковые стенки гроба, сделанные из продольных досок толщиной 0,015 м, сохранились в высоту на 0,20 м. Размеры гроба: длина — 1,65 м, ширина — 0,40 м. На наружных сторонах досок сохранились следы покрывавшей гроб белой облицовки и розовой росписи. В гробу на глубине 2,66 м. лежал костяк, ориентированный головой на ю.-з., с лицом, обращенным вверх (рис. 7, *3—5*). Костяк лежал на спине с расположенными вдоль туловища руками; ноги были вытянуты параллельно. Костяк очень плохой сохранности. Деформированный череп был раздавлен. Длина костяка до пяточной кости 1,46 м. У левой руки найдены три маленькие темные бусы. При разборке костяка обнаружено еще 19 таких же бус. Вне гроба в юго-западном углу могилы найден графин из прозрачного стекла с шаровидным туловом, длинной шейкой и широким раструбом горла (рис. 8, *2*). Около него найден обломок краснолаковой миски.

Могила № 87 (в северо-восточной части площади № 2). Могила была совершенно разрушена, в силу чего могильная яма приобрела неправильную форму, а кости покойника лежали в полном беспорядке. В западной части могилы обнаружен раздавленный череп, имеющий следы деформации.

Глубина могильной ямы около 3,5, длина — 2,83, ширина от 1,26 до 1,48 м.

Могила № 88 (в северо-восточном углу площади № 4). Могильная яма была неправильной четырехугольной формы. Глубина ее равнялась 3,90, ширина — 0,70 м, в длину она сохранилась на 2,00 м.

На глубине 3,45 м была обнаружена камка, которая, как выяснилось в дальнейшем, покрывала только южную часть могилы (рис. 7, *6*). Под камкой на глубине 3,81 м найдены следы деревянного гроба, в ширину они тянулись на 0,39 м, в длину сохранились на 1,90 м, в высоту — на 0,16 м. Толщина одной из досок — 0,005 м. Северная часть могилы и гроба, вероятно, была перерыта сусликом и, кроме того, разрушена оползнем холма. Покойник, ориентированный головой на ю.-в., лежал на спине. Голова была немного наклонена к левому плечу, руки расположены вдоль туловища и плотно прижаты к последнему, ноги вытянуты параллельно. Судя по костям, скелет принадлежал мужчине. Череп был деформирован. Кости очень плохой сохранности, часть их разрушилась совершенно, часть была смещена (вероятно, сусликами). Ступни ног отсутствовали. Около левого бедра покойника найдена бронзовая пряжка. В головах, за пределами гроба, стоял графин из прозрачного стекла с шаровидным туловом, длинной шейкой и широким раструбом горла (рис. 8, *3*).

Могила № 89 (в западной части площади № 6). Могильная яма имела в глубину 2,38, в длину— 1,96 и в ширину от 0,68 в з.-с.-з. части (в головах) до 0,48 м в в.-ю.-в. части (в ногах). На глубине 2,00 м была обнаружена лежавшая над могилой камка. Она занимала пространство в виде неправильного четырехугольника длиной 1,65 и шириной 0,40 м. В средней части слой камки был довольно мощным. Сильный прогиб его—на 0,30 м — указывал на наличие под ним продавленного землей гроба.

Под камкой были обнаружены слабые следы перегнившего деревянного гроба, а под ними, на глубине 2,30 м,— костяк, очень плохой сохранности. Покойник лежал на спине, головой он был ориентирован на с.-з., руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно. Длина костяка до пяточной кости — 1,58 м. У левого плеча найдена сильно поврежденная железная фибула. У правой руки лежала стеклянная двойная цилиндрической формы буса.

Могила № 90 (на границе площадей № 1 и 6). Могильная яма имела вытянутую четырехугольную форму; длина ее — 2,25, ширина — 0,75, глубина — 3,30 м. На отвесных стенках ямы, от которых легко отделялась наполнявшая могилу гумированная супесь, четко прослеживались вертикальные следы инструмента, которым была вырыта могила. Лезвие этого инструмента было слегка вогнуто, в ширину оно имело 0,065 м. На глубине 2,83 м, вдоль поперечной северо-западной стенки могилы открыта приступка 0,20 м шириной; такая же приступка обнаружена вдоль другой поперечной, юго-восточной, стенки могилы на глубине 2,93 м.

Ниже, на глубине 3 м, найдена сильно истлевшая камка, под которой на глубине

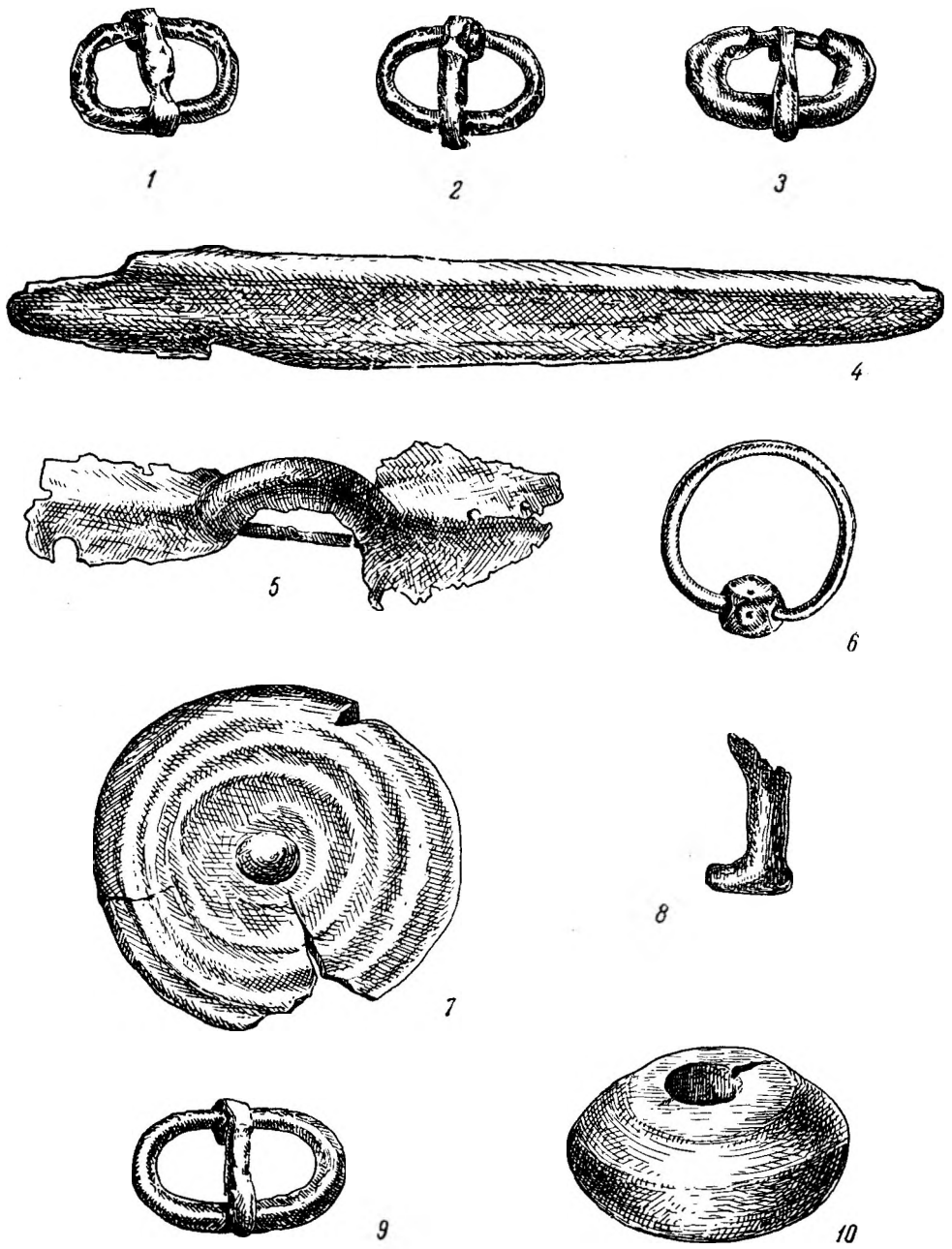

Рис. 9.

1 — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 77. Пряжка; *2* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 84. Пряжка; *3* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 84. Пряжка; *4* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 84. Нож; *5* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 90. Фибула; *6* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 94. Серьга; *7* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 94. Зеркало; *8* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 94. Нога деревянной фигурки; *9* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 95. Пряжка; *10* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 97. Пряслице

3,05—3,25 м лежали остатки перегнившего гроба. Длина гроба 1,70, ширина — 0,43, наибольшая сохранившаяся высота — 0,20 м. Углы гроба — прямые. Судя по остаткам, гроб был довольно монументальным: углы его были скреплены брусками 0,04 × 0,06 м толщиной. Крышка гроба состояла из продольных досок, укрепленных двумя поперечными. Дно гроба также было сделано из продольных досок. Толщина досок — 0,01 м. Ширина некоторых из прослеженных досок — 0,20 м. Плохо сохранившийся костяк был ориентирован головой к с.-з. Он лежал на спине, руки были расположены вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно. Длина расположения костей около 1,62 м. Длина скелета до пяточной кости — 1,54 м.

Под костями обнаружены следы перегнившей волокнистой подстилки. Под теменем найдена бронзовая серьга с украшением в виде граненой бусы. Вторая такая же серьга лежала у правой руки, куда она, видимо, была занесена сурком, довольно сильно потревожившим могилу. На левом плече обнаружена бронзовая фибула (рис. 9, *5*). В головах вне гроба найден фрагментированный сосуд из прозрачного стекла.

Могила № 92 (в средней части площади № 6) представляла однокамерный земляной склеп с колодезем и дромосом. Колодезь имел в плане четырехугольную форму. Длина колодезя была 1,90, ширина востоко-северо-восточной стороны — 0,62, западно-юго-западной — 0,70 м. Глубина колодезя в востоко-северо-восточной части — 4,75, а западно-юго-западной — 4,72 м. В востоко-северо-восточной стенке колодезя начинался сводчатый дромос 0,60 м длиной. Дромос постепенно расширялся; у колодезя ширина его равнялась 0,56 м, у камеры она достигала 0,73 м. Из колодезя в дромос вела покатая ступенька 0,23 м шириной. Глубина пола дромоса в западно-юго-западной части была 5,38, а в восточно-северо-восточной (при входе в камеру) — 5,45 м. Пол камеры был ниже пола дромоса, в силу чего при входе образовывалась ступенька в 0,14 м вышиной. Направление оси камеры было с ю.-з. на с.-в. Камера имела неправильную вытянутую форму, близкую овалу, одна из сторон которого срезана (последняя примыкала к дромосу). В силу этого юго-западная сторона камеры образовывала тупые углы с северо-западной и юго-восточной стенками, которые, образуя округлые очертания, сходились на северо-восточной стороне. Пол камеры постепенно понижался к северо-востоку, где он достигал 5,72 м глубины, а в юго-западной части глубина его была 5,58 м. Наибольшая длина камеры — 2,40, ширина юго-западной стороны — 1,30, наибольшая ширина у северо-восточной стороны — 1,46 м. Потолки дромоса и погребальной камеры осели. Могила ограблена, повидимому, еще в древнее время. Грабитель проник в склеп через колодезь и дромос, как показывают разбросанные кости, остатки деревянных гробов, обломки простого глиняного кувшина и округлая стеклянная буса, найденные в дромосе и колодезе; при этом в востоко-северо-восточной части колодезя они лежали почти на полу, в направлении же к з.-ю.-з. уровень их залегания соответственно повышался.

В склепе сохранились следы двух захоронений в гробах. Один гроб стоял вдоль северо-западной стенки камеры и был обращен головной частью к ю.-з. Длина гроба была 1,85, ширина в головной части — 0,48, в ногах — 0,29 м. От гроба сохранилась часть боковых стенок и дно, от крышки дошел лишь незначительный обломок доски шириной в 0,18 м. Возможно, что он был сделан из дерева двух пород: боковые стенки из более светлого и прочного, которое довольно хорошо сохранилось, доски же дна и крышки — из более темного, совершенно перегнившего. Дно гроба состояло из трех продольных досок: по середине была клинообразная (основание которой было 0,21 м шириной), по бокам ее две доски в 0,15 и 0,12 м шириной. Доски дна были укреплены тремя поперечными планками 0,17 м шириной. Гроб, очевидно, был скреплен железными гвоздями. При гробе были найдены: 1) четыре больших округлых бусы из синей стеклянной пасты, одна с розовым зигзагообразным узором, другая с белыми точками, остальные две — гладкие; 2) два фрагмента бальзамария из прозрачного стекла; 3) какой-то разрушенный предмет из серебра; 4) железный гвоздик с приставшими к нему остатками дерева.

У юго-восточной стенки камеры обнаружены остатки второго захоронения, сильно разрушенного грабителем. От гроба сохранились лишь слабые следы дерева, вероятно, часть остатков его была выброшена в дромос и колодезь. Возможно, что гроб был той же конструкции, как и описанный выше. В южной части камеры среди остатков второго гроба был найден раздавленный череп, повидимому, лежавший in situ. Судя по положению последнего, второй покойник был ориентирован головой на ю.-з. При втором гробе найдены: 1) большая цилиндрическая янтарная буса; 2) три мозаичные бусы из темносиней стеклянной пасты, украшенные сероватыми и красными точками, 3) осколок стеклянного стакана, 4) двое бронзовых маленьких щипчиков, 5) круглое бронзовое зеркальце и 6) бронзовый колокольчик с железным язычком.

В могильной земле камеры было найдено фрагментированное бронзовое кольцо и обломок янтарной бусы.

При расчистке камеры пол ее в восточной части провалился и обнаружилась грабительская мина, проходившая под камерой с ю.-в. на с.-з. и не задевавшая склеп.

Могила № 94 (на границе площадей № 1 и 6, частично заходила на площади № 3 и 7) представляла однокамерный земляной склеп с дромосом (рис. 7, 7). Камера имела неправильную четырехугольную форму и была вытянута в направлении с з.-ю.-з. на в.-с.-в. Стенки камеры как бы выгибались наружу, углы скруглены. Длина камеры равнялась 2,25 м. Ширина у дромоса (в западно-юго-западной части) — 0,58 м, в наиболее широкой средней части — 1,70, в востоко-северо-восточной части — 1,10 м. Глубина пола камеры достигала 2,81 м. Стенки камеры сохранились лишь на 0,50 м в высоту. Дромос склепа также уцелел только частично. Небольшая ступенька, глубиной 0,20 м, отделяла дромос от камеры; по мере удаления от этой ступеньки пол дромоса все более и более повышался. Ширина дромоса — 0,54, длина прослеженной части 1,20 м. Вход в камеру был закрыт закладной плитой из камня-плитняка. Размеры ее: 0,77 × 0,55 × × 0,10 м. Плита стояла на упомянутой нами ступеньке.

В камере было обнаружено два очень плохо сохранившихся костяка. Один покойник лежал вдоль северо-северо-западной стенки камеры. Он был ориентирован головой к з.-ю.-з., лежал на спине, руки были расположены вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно. Длина костяка до нижней части берцовой кости 1,50 м (ниже скелет не сохранился). У левой голени найден фрагментированный лепной горшок из очень плохо обожженной темной глины. В нем оказались остатки золы, древесные угольки и нижняя часть обгоревшей ноги деревянной фигурки (рис. 9, *8*). Другой покойник лежал вдоль юго-юго-восточной стенки камеры. Так же, как и первый, он был ориентирован головой к з.-ю.-з. и лежал на спине. Кисти рук покоились на тазовых костях, ноги вытянуты параллельно. Длина костяка могла быть прослежена только до нижней части берцовой кости — 1,54 м. Около черепа найдена серебряная серьга с украшением в виде многогранника (рис. 9, *6*). На левой руке обнаружено два бронзовых браслета. На груди лежали две бронзовые фибулы, бронзовое зеркальце (рис. 9, *7*) и бусы: 1) удлиненная граненая из горного хрусталя, 2) округлая среднего размера из темного стекла, 3) биконическая из желтоватой пасты, 4) четыре округлых небольшого размера из желтоватой пасты, 5) две маленьких (темная и желтоватая), 6) одна круглая разноцветная. Кроме того, найдено несколько распавшихся бус, сделанных из цветной стеклянной пасты.

При грохотании могильной земли обнаружен маленький детский бронзовый браслет, возможно, свидетельствующий о наличии в камере совершенно разрушившегося детского захоронения.

Могила № 95 (в северной части площади № 5) представляла сильно разрушенный оползнем земляной склеп. Глубина его — 3,19 м. Сохранилась только часть могильной камеры, первоначальные границы которой могли быть намечены лишь частично. Темное пятно могильной земли имело округлые очертания, протяжение его с севера на юг 1,62 м и с востока на запад — 2,00 м.

На глубине 2,72—2,87 м в могильной земле были обнаружены следы совершенно разрушившегося деревянного гроба. Судя по этим следам, гроб имел прямоугольную форму и был ориентирован узкими сторонами к ю.-ю.-з. и с.-с.-з. Остатки гроба лучше заметны в юго-юго-восточной части, к противоположной стороне они постепенно исчезают. Следы гроба имеют 1,28 м в длину и 0,40 м в ширину; наибольшая высота их 0,15 м. В гробу найдены остатки беспорядочно лежащих костей. Часть их, среди которых следует отметить обломок бедренной кости, лежит in situ; это позволяет считать, что покойник был ориентирован головой к ю.-ю.-в. Предположение о такой ориентации костяка подтверждается наличием большого количества мелких бус, найденных в юго-юго-восточной части гроба. В головах, к северу от гроба, был найден раздавленный графин из прозрачного стекла с шаровидным туловом, вытянутой шейкой и широким раструбом горла (рис. 8, *4*).

На 0,20 м глубже был обнаружен второй, также сильно истлевший деревянный гроб, лежавший под первым. Длина сохранившейся части этого гроба — 1,20 м, ширина его — 0,38; наибольшая сохранившаяся высота 0,10 м. Гроб был обращен узкими сторонами к в.-с.-в. и з.-ю.-з. В гробу обнаружены остатки костяка, ориентированного головой на в.-с.-в. Он лежал на спине. Лицо было обращено вверх, правая рука расположена вдоль туловища, левая слегка согнута в локте. Таз не сохранился, но следы бедренных костей тянулись параллельно, и на них костяк обрывался. Длина сохранившейся части костяка — 1,10 м. У левого локтя найден обломок железного клинка ножа. Около таза обнаружена серебряная пластинка и рядом с ней бронзовая пряжка (рис. 9, *9*). Между бедренными костями лежали обломки кремня и разрушившегося железного предмета, повидимому, сварившихся наконечников стрел. За пределами гроба, к северу от головной части, обнаружен стеклянный графин, аналогичный найденному при первом покойнике. Глубина второго погребения 3,07—3,17 м.

Могила № 96 (в юго-западной части площади № 5) оказалась совершенно разрушенной, повидимому, еще в древности. Могильная яма имела не вполне правильную четырехугольную форму 1,60 м длиной и 0,45 м шириной. Узкими сторонами она обращена к востоку (отклонение к с.-в.) и западу (отклонение к ю.-з.). Глубина могилы — 2,60 м. Стенки могилы сохранились только на 0,10 м.

В могиле найдено несколько обломков трубчатых костей и девять фаланг, лежащих в совершенном беспорядке.

Могила № 97 (в основном находилась на площади № 7, частично заходила на площади № 6, 8 и 2) представляла большой двукамерный склеп с двумя дромосами и колодезем. Могила настолько сильно разграблена, что невозможно даже установить количество находившихся в ней захоронений. Сохранность архитектурного сооружения очень плохая: не только расселись потолки, но даже стенки камер и дромосов почти полностью оказались разрушенными.

Колодезь имел вытянутую четырехугольную форму; длина его была 2,40, ширина — 0,80 м, глубина — 5,48 м. Узкими сторонами он был обращен к с.-з. и ю.-в. От узких сторон колодезя два дромоса вели в погребальные камеры: восточную и западную. Оба дромоса шли по направлению продольных стенок колодезя. Дромос восточной камеры был длиной 0,80 и шириной 0,70 м. Пол его был на глубине 5,55 м.

Восточная камера имела в плане трапециевидную форму. Продольная ось ее не совпадала с осью колодезя и дромосов: она шла в направлении с запада на восток. Стенки камеры имели в длину: восточная — 1,50, северная — 2,00, западная — 2,30 и южная — 2,20 м. Пол камеры понижался в восточном направлении; в западной части глубина его равнялась 5,69, а в восточной — 5,85 м.

Из колодезя в западный дромос вела отлогая ступенька в 0,20 м шириной и 0,40 м высотой. Западный дромос имел всего 0,40 м в длину; ширина его у колодезя была 0,60 м, у камеры она достигала 1,00 м. Глубина пола равнялась 5,90 м.

Западная камера была расположена по той же оси, что и оба дромоса и колодезь. Эта камера имела в плане неправильную овальную форму и была обращена одной из узких сторон к дромосу. Длина камеры — 2,00 м, ширина — 1,30—1,50, глубина пола ее — 5,95 м.

Могила, как мы уже упоминали, была сильно разорена, и находки в ней были довольно скудны. В колодезе был найден известняковый квадр, размером 0,58 × 0,25 × 0,21 м, очевидно, служивший закладной плитой западной камеры.

В восточной камере были обнаружены следы досок деревянного гроба, стоявшего вдоль южной стенки камеры. Отпечаток боковой доски гроба на южной стенке камеры имеет 1,80 м в длину и 0,30 м в высоту. Судя по обломкам костей (главным образом, черепа, позвоночника и берцовых) покойник был ориентирован головой на запад и лежал на спине. Ноги его были вытянуты параллельно. Около берцовых костей обнаружены две бронзовые пряжки. В юго-западном углу камеры найден раздавленный графин из прозрачного стекла с шаровидным туловом, вытянутой шейкой и расходящимся раструбом горлом. В могильной земле, заполнявшей восточную камеру, в северо-западном углу были обнаружены два закладные камня из раковистого известняка (размером 0,60 × 0,60 × 0,50 и 0,59 × 0,25 × 0,20 м) и пряслице биконической формы из грубой темной глины (рис. 9, *10*).

В западной камере были обнаружены следы сгнивших деревянных досок и лежавших в беспорядке костей.

Как мы уже отметили выше, над восточной камерой могилы № 97 проходили остатки фундамента поперечной стены, а над западной камерой той же могилы, расположенной под прямым углом к упомянутой стене,— небольшой выступ фундамента. При обвале земли в обе камеры оба фундамента заметно осели, что довольно сильно нарушило их первоначальное расположение. Оседавшие в восточную камеру камни продвинулись в северном направлении. Опускавшиеся камни расположились над западной камерой наподобие небрежно сложенной лестницы.

Могила № 99 (в южной части площади № 4, частично на площади № 9). Могильная яма имела неправильную четырехугольную форму, длина ее равнялась 2,30, ширина — 0,55—0,60, глубина — 0,87 м. Своей северной частью могильная яма врезалась в юго-западный угол остатков фундамента стены и частично его разрушила. Могила была покрыта слоем камки. Под камкой лежал костяк, ориентированный головой к северу. Лицо его было обращено к югу. Костяк лежал на спине, руки были расположены вдоль туловища. Кости ног большей частью были сдвинуты и лежали в беспорядке, можно предполагать, что первоначально они были вытянуты параллельно. У таза обнаружены две бронзовые пряжки; две другие бронзовые пряжки лежали у костей ног. В головах стоял простой одноручный глиняный кувшин.

РАСКОП «НЕКРОПОЛЬ В» 1939 г.

Работы 1939 г. на раскопе «некрополь В» явились непосредственным продолжением исследований 1938 г., лишь немного дополнившим последние.

Как отмечалось выше, в юго-западном углу раскопа «некрополь В» 1938 г. была обнаружена свалка битых остродонных амфор, частично уходившая за западный край раскопа. Для доследования этой свалки была разбита площадь № 10 [1], к которой в дальнейшем по ходу работ были присоединены площадь № 11 [2] и прирезка «А» [3]. Площадь № 10 ле-

[1] Размер площади № 10 по западной стороне — 5,70, по южной — 2 м.

[2] Размер площади № 11 по западной стороне — 5,75, по южной — 2,25 м.

[3] Размер прирезки «А»: длина 5,20, ширина 1,75 м.

жала к западу от площадей № 4 и 9 (1938 г.), но не подходила к ним в притык, ибо под западной стенкой раскопа 1938 г., в промежуток времени между двумя экспедициями были закопаны три лошадиных трупа посредством отвала земли сверху. Поэтому полоса земли примерно в один метр шириной между площадями № 4 и 9 (1938 г.) и № 10 (1939 г.) стала недоступной для исследования. В пределах этой однометровой полосы закончилась свалка амфорных черепков 1939 г., ибо каких-либо следов названной свалки на площади № 10 обнаружено не было. В земле (вверху — в гумусной, ниже — в гумированной супеси и песке) встречались различные находки, обломки черепицы, черепки простой, местной чернолаковой и краснолаковой посуды и пр. Особого упоминания заслуживает обломок большой чернофигурной вазы с фасовым изображением головы гоплита, халкидской работы VI в. до н. э. (рис. 6, *2—3*).

На исследованной площади было обнаружено две могилы.

Могила № 100 (в западной части прирезка «А»). На глубине 2,00—2,30 м открыт костяк, ориентированный головой на з.-ю.-з. Он лежал на спине с расположенными, вероятно, вдоль туловища руками и вытянутыми ногами. Могила была потревожена в древнее время, и часть костей была смещена. Общее протяжение костей — 1,40 м. Никаких вещей в могиле не обнаружено.

Могила № 101 (на границе площадей № 10 и 11) представляла земляной склеп. Камера, вытянутая с востока на запад, имела 2,45 м в длину, 1,60 м в ширину и 3,10 м в глубину. Стенки камеры сохранились на 0,48 м в высоту. К востоку от камеры находился дромос, отделенный от нее ступенькой 0,22 м высотой. Ширина дромоса была 0,70 м, длина его не могла быть установлена, ибо земля, была пропитана гноем трупов недавно зарытых здесь лошадей. Склеп был явно разграблен. В дромосе обнаружены несколько лежавших в беспорядке трубчатых костей, три черепа, один из них деформированный, и железный обломок (меча?). В камере вдоль южной стенки лежали остатки костяка. Судя по расположению костей, покойник был ориентирован головой на восток и лежал на спине. Около костяка замечены следы гроба. К этому захоронению, вероятно, относился плохо сохранившийся стеклянный флакон, обнаруженный в юго-восточном углу камеры.

У северной стенки камеры, вероятно, было второе захоронение, к нему, нужно думать, относятся стеклянный сосуд, глиняное пряслице с орнаментом в виде насечки и бронзовый колокольчик. У северной стенки найдена ручка стеклянного сосуда.

Наконец, в северной части площади № 10 была обнаружена яма прямоугольной формы, ориентированная узкими сторонами на север и юг. Длина ямы — 2,96, ширина в южной части — 0,70, в северной — 0,60 м. Стенки ямы были отвесные; дно неровное — оно углублялось уступами в виде широких ступенек в южном направлении; наибольшая глубина ямы составляла 3,96 м. Находок в яме не было. Форма ее заставляет предполагать, что яма представляет незаконченный колодезь земляного склепа.

Подведем краткий итог тем наблюдениям, которые могут быть сделаны на основании работ 1938—1939 гг. на «некрополе В». Всего было раскопано 22 могилы, из них оказалось 6 склепов и 16 простых. Во всех склепах и в 15 простых могилах наблюдалось трупоположение, в одной из простых могил (№ 75) — кремация.

Все костяки, которые дошли до нас в неповрежденном виде, лежали на спине, руки и ноги в подавляющем большинстве случаев были вытянуты и расположены параллельно. Ориентация костяков в простых могилах преобладает на з.-ю.-з.; кроме того, часто встречается на север, с.-з. и запад. В склепах ориентация различная, доминирует же направление на ю.-з. и з.-ю.-з., особенно последнее.

Относительно обряда следует отметить, что в простых могилах в девяти случаях над покойником лежал слой камки. Захоронение в гробах в простых могилах наблюдалось семь раз, причем всегда сопровождалось камкой. В пяти склепах встречались захоронения в гробах, в одном, самом неглубоком, покойники, повидимому, были положены без гробов. В одной из простых могил (№ 90) покойник лежал в гробу на подстилке. Подстилка была обнаружена под головой одного из покойников, захороненных в склепе (могила № 84).

Глубина могил весьма различна. Неглубоких могил, менее 1 м в глубину, открыто всего две (№ 91 и 99); две могилы имеют глубину от 1 до 2-х м (№ 75 и 76). Значительно большее число могил имеет глубину от 2 до 3 метров; число простых достигает восьми (№ 77, 80, 85, 86, 89, 93, 96 и 100); кроме того, 2,81 м в глубину имеет один склеп (№ 94). Самые глубокие простые могилы числом четыре (№ 83, 87, 88 и 90) имеют глубину между 3 и 4 м, им близки два склепа (№ 95 и 101). Глубже — склеп № 84, доходящий до 4,51 м, и, наконец, самые глубокие склепы № 92 (5,72 м) и № 97 (5,95 м).

Как мы уже отмечали, на обследованном участке чистый материк залегал довольно глубоко (примерно, на уровне 2,30—2,50 м, в некоторых случаях ниже 2,80 м). Поэтому выше этого уровня могильную яму удавалось проследить лишь в редких случаях (например, могила № 99). Это позволило определить форму могильных ям лишь у десяти из шестнадцати простых могил; все они представляли более или менее правильные, прямоугольные углубления. Только в одной из них (№ 90),

вдоль узких сторон, оказались небольшие приступки.

Из шести склепов один был двухкамерный (№ 94), четыре — несомненно однокамерных и, наконец, последний (№ 95) дошел до нас в столь поврежденном виде, что однокамерным мы можем его считать лишь условно.

Два довольно хорошо сохранившихся в соответствующих частях однокамерных склепа, а равно и двухкамерный, имели колодези, которые сообщались посредством дромосов с камерами. Такое же устройство, нужно думать, имела могила № 94, сильно поврежденная в этой части.

Что касается ориентации склепов, то здесь трудно установить пока какую-либо закономерность. Мы имеем один случай северо-южной (могила № 84), два — западно-восточной с отклонением к с.-в. (могилы № 92 и 94), один — западно-восточной (могила № 101) и, наконец, двухкамерный склеп с ориентацией к ю.-в. и с.-з.

Инвентарь в большинстве простых могил оказался весьма скромным. В пяти из них не обнаружено никаких вещей. В остальных встречались преимущественно бронзовые пряжки, железные клинки ножей и бусы, реже — глиняная и стеклянная посуда, серьги, фибулы.

Близкий по типу, более обильный инвентарь, или, вернее, его остатки, были найдены в разграбленных склепах. Бусы и посуда встречались в большем количестве, кроме того, следует отметить находки бронзовых зеркал, браслетов, щипчиков, серебряных поделок. Особого внимания заслуживает обнаруженный в склепе № 94, очевидно, ритуальный горшок из плохо обожженной глины с углями и золой, в котором была найдена обуглившаяся нога деревянной фигурки.

Инвентарь, найденный в могилах, заставляет датировать их временем от II до V вв. н. э. или, во всяком случае, не противоречит этой дате. Исключением, по всей видимости, является могила № 93, частично лежавшая под фундаментом героона III в. до н. э., и возможно также еще могила № 91, в которой под костяком был обнаружен краснофигурный арибаллический лекиф.

Как своеобразную особенность могил «некрополя В» можно отметить наличие в некоторых из них позднеантичных сосудов, подобных графинам из прозрачного стекла с шаровидным туловом, вытянутой шейкой и расходящимся раструбом горлом. Сосуды такой формы найдены в количестве шести. Четыре из них обнаружены в склепах, два — в простых могилах.

Наконец, следует отметить, что некоторые костяки имели деформированные черепа; в простых могилах это явление наблюдалось четыре раза, в склепах — два. Это позволяет предполагать сарматское происхождение погребенных, что свидетельствует о значении неэллинских элементов населения Фанагории в рассматриваемую эпоху.

«БЕРЕГОВОЙ» РАСКОП 1938 г.

Второй раскоп в 1938 г. был разбит на прибрежной узкой полосе песка, которая тянется между «городским раскопом А» 1936—1937 гг. и колодезем III—V вв. н. э., открытым в 1936 г. (рис. 10; 11, *1—2*).

«Береговой» раскоп начинался на расстоянии 26,60 м на в.-с.-в. от колодезя и тянулся с перерывами на протяжении около 145 м, доходя непосредственно до «Городского» раскопа. Всего было разбито 29 полуквадратов (размером 5 × 2,5 м). Первые восемь полуквадратов шли в направлении к в.-с.-в. Из них раскопано было только четыре (нечетные номера). Между VIII и IX полуквадратам изгиб береговой линии заставил отклонить к северу направление раскопа. От IX до XXV площади были расположены по прямой. Вскрытые площади на полуквадратах IX—XV, вследствие близости моря, пришлось ограничить до 5 × 2 м; полуквадраты XVI—XXV раскопаны полностью.

Могилы, обнаруженные на VII, XIX и XX полуквадратах, заставили сделать небольшие прирезки.

Полуквадрат XXV врезался в засыпанный раскоп 1937 г. («город В»). В силу этого полуквадрат XXVI (вскрыта площадь 5 × 2 м) был отодвинут несколько к с.-в., причем он задел северную границу раскопа «город В» 1937 г. В притык к северо-восточному углу полуквадрата XXVI была расположена группа из трех полуквадратов XXVII—XXIX, из которых первые два (размером 5 × 2,5) были вскрыты полностью, а XXIX — частично (не обследованной осталась площадь в 2,5 × 2,8 м). Общая вскрытая площадь «берегового» раскопа достигала 300 м.

Раскопки описанной береговой полосы дали следующие результаты. На всем протяжении от I до XXIII полуквадрата встречался материковый песок светложелтого цвета, местами с желтовато-коричневатыми железистыми прослойками. В верхнем слое этого песка попадалось небольшое количество обломков античной посуды, нередко окатанных. Встречались, главным образом, фрагменты остродонных амфор, реже черепицы: соленов и калиптеров, обломки пифосов, реберчатой посуды, сероглиняной, римского стекла. Отметим глиняное грузило, медную монету и костяную ручку (вероятно, ножа), куски мраморных облицовочных плит, штукатурку и строительный раствор. Эти находки встречались главным образом на квадратах I, III, V, VII, а также XVII—XXIII. На лежащих между ними квадратах IX—XIII и XVI оказался чистый морской песок. Крайне незначительное количество обломков посуды было найдено на XIV квадрате.

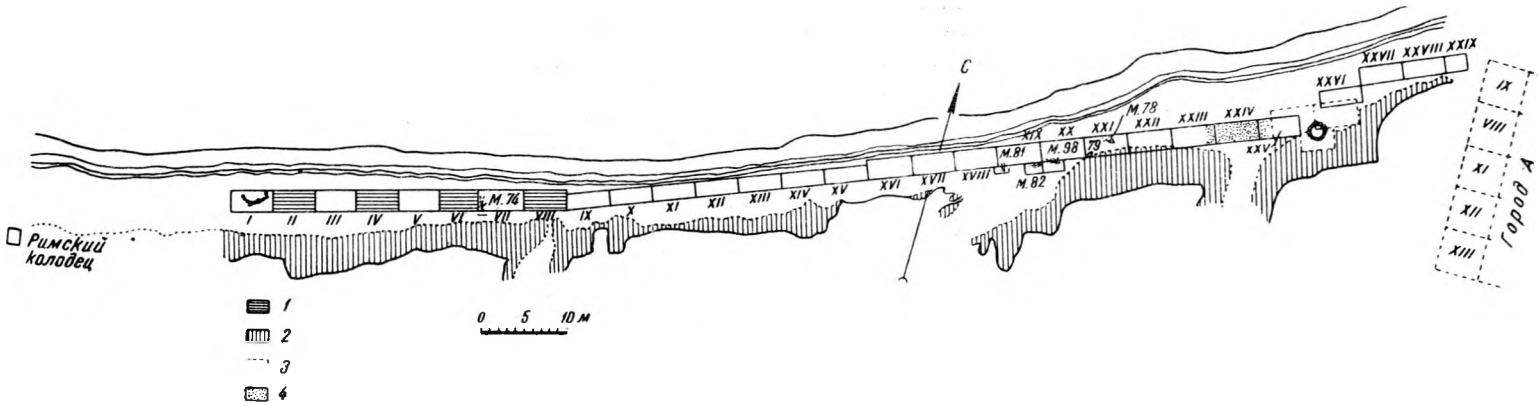

Рис. 10. План «Берегового» раскопа 1938 г.

1 — невскрытые площади; *2* — скат; *3* — раскопы 1936 — 1937 гг.; *4* — гумусная земля

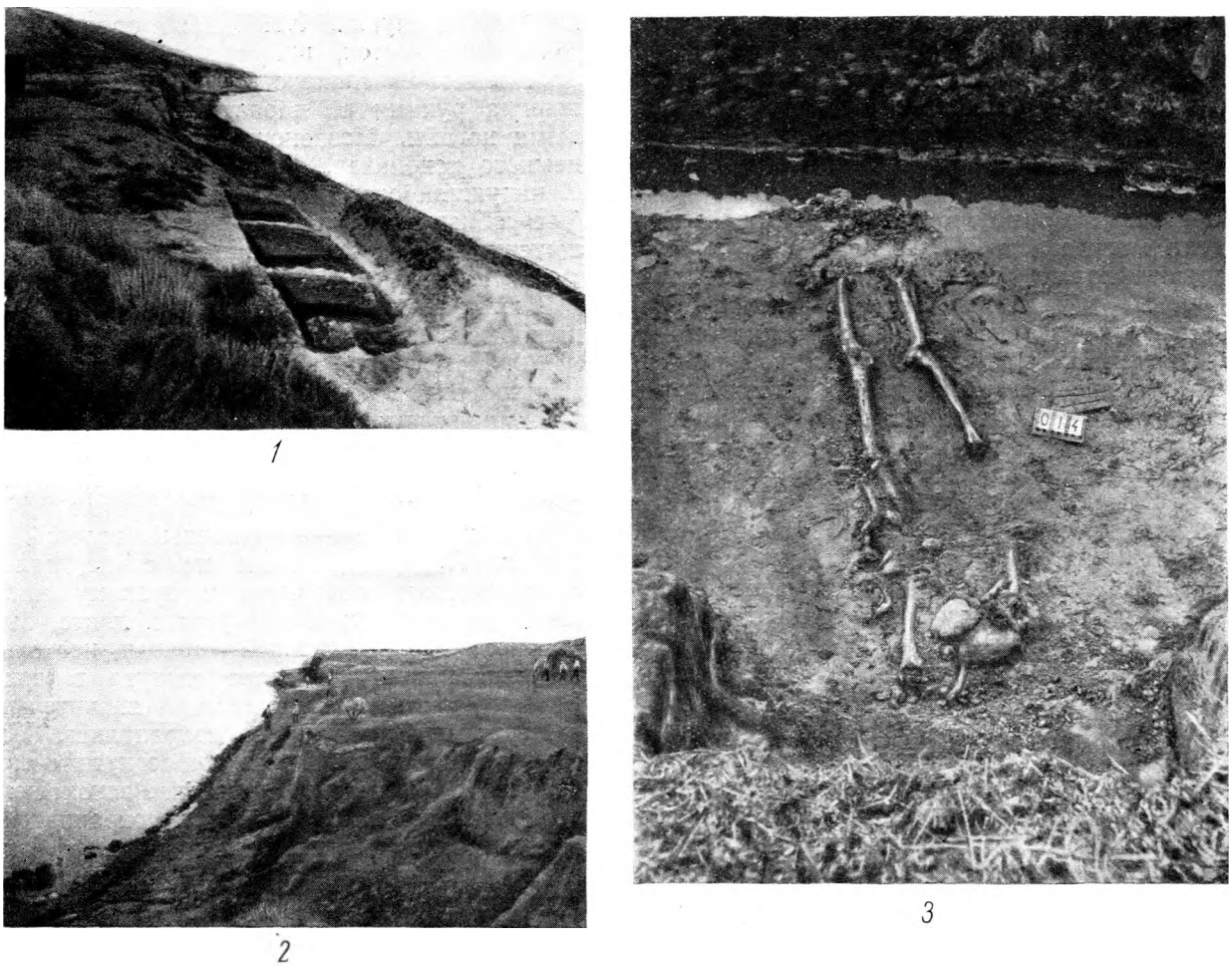

Рис. 11.

1 — «Береговой» раскоп 1938 г. Общий вид с востока; *2* — «Береговой» раскоп 1938 г. Общий вид с запада; *3* — «Береговой» раскоп 1938 г. Могила № 74 (с юга)

Над песком местами был обнаружен небольшой слой осыпи — гумированного суглинка серовато-коричневатого цвета, местами (например, на квадратах XIX, XX) в песке были обнаружены ямы, заполненные темной сильно гумированной землей.

Работы доводились до материка — чистого морского песка, обнаруженного на небольшой глубине; на полуквадратах I—XXIII материк был обнаружен в большинстве случаев на глубине 0,40—0,80, иногда лишь на глубине 0,20—0,30 и самое большое — 1 м.

На I полуквадрате было обнаружено (на глубине 0,10—0,30 м) частично уходившее в северный край раскопа полукольцо, сложенное из четырнадцати рваных известняковых камней средней величины. Песок внутри кольца камней и между камнями обильно насыщен гумусом. Это позволяет предполагать, что камни служили обкладкой куче сгнившей камки.

Далее на восток была обнаружена одна могила на VII полуквадрате и группа из пяти могил на полуквадратах XIX, XX и XXI. Находка этих могил, относящихся отчасти к III в. до н. э., а отчасти к первым векам н. э., показывает, что пространство между колодезем 1936 г. и «городским раскопом А» 1936—1937 гг. в античную эпоху было занято некрополем.

На границе VI и VII полуквадратов была найдена могила (№ 74). На глубине 0,47 м обнаружен костяк, ориентированный головой на ю.-ю.-в., лежащий на спине с вытянутыми ногами и руками (рис. 11, *3*). Череп был смещен, он находился над грудной клеткой и был обращен нижней стороной вверх. Нижняя челюсть лежала с черепом. Кости грудной клетки были также несколько смещены. Почти весь таз и локтевые кости правой руки не сохранились. Левая малоберцовая кость имеет патологические наросты.

Около черепа была обнаружена буса из прозрачного стекла. Близ головки левой бедренной кости лежала круглая бронзовая пряжка со щитком. В нижней части каждой ноги найдено по пряжке, круглой с треугольным щитком (рис. 12, *1*). В 0,35 м на запад от костяка была обнаружена фанагорийская медная монета конца III — начала II вв. до н. э.[1]

В 10 м к востоку от могилы № 74 в промоине, разрушившей восточную часть площади полуквадрата VIII, была найдена бедренная кость человека, явно лежавшая не in situ. Возможно, что эта кость происходит из находившегося недалеко античного погребения.

Довольно компактно расположенная группа могил, как мы уже упоминали, была обнаружена на полуквадратах XIX—XXI.

В юго-западном углу полуквадрата XIX были найдены остатки сильно поврежденной могилы № 81, которая немного заходила на полуквадрат XVIII. Глубина захоронения — 0,15 м. От скелета сохранились только лежавшие параллельно кости голеней и части костей ступней. Судя по их положению, костяк лежал на спине с вытянутыми ногами и был ориентирован головой на в.-ю.-в. Никаких вещей не найдено. К востоку от голеней обнаружено черное гумусное пятно ямы, повидимому, уничтожившей большую часть погребения.

В юго-восточной части полуквадрата XIX открыта уходившая в южный борт могила № 82.

На глубине 0,53 м обнаружен костяк, ориентированный головой на восток с небольшим отклонением к югу. Он лежал на спине, лицо было обращено к ю.-ю.-з. Руки были расположены вдоль туловища, причем кисть левой руки лежала на бедре, ноги были вытянуты почти параллельно. Кости ступней не сохранились. Сохранность костяка хорошая.

В юго-западном углу полуквадрата XX была открыта могила № 98. Скелет, обнаруженный на глубине 0,25 м, был ориентирован головой на восток, лицо обращено к ю.-з. Костяк лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и параллельно расположенными ногами. Позвоночник в средней части немного искривлен. Длина костяка — 1,61 м. С наружной стороны правой плечевой кости была обнаружена лежавшая в наклонном положении чернолаковая чашечка III в. до н. э. (рис. 12, *2*).

В юго-западном углу полуквадрата XXI обнаружены остатки разрушенного погребения № 79. На глубине 0,35—0,40 м найдена фрагментированная остродонная амфора (сохранились дно, часть плеч, ручка) и обломок человеческого черепа.

В северо-восточной части полуквадрата XXI обнаружена могила № 78. На глубине 0,20 м открыт костяк, ориентированный головой на восток. Покойник лежал на спине, голова была немного повернута к правому плечу. Левая рука, немного согнутая в локте, была вытянута вдоль туловища, правая несколько отведена наружу и более согнута в локте. Верхняя часть позвоночника и значительная часть грудной клетки не сохранились. Ноги сильно раздвинуты. Кости ног согнуты в тазобедренном и коленном суставах. Расположение ног позволяет предположить несохранившееся деревянное покрытие. К югу от левой ноги костяка найден фрагмент краснофигурного арибаллического лекифа, а к северу от скелета обнаружен обломок краснофигурного сосуда IV в. до н. э.

Как мы уже говорили, раскопки I—XXIII полуквадратов показали, что все это пространство в древности лежало вне городской черты и было занято некрополем. Иную картину дали раскопки полуквадратов XXIV и XXV, расположенных далее на восток. На полуквадрате XXIV, кроме неширокой, около 0,60—0,70 м,

[1] Бурачков, XXIII, 10.

полосы вдоль западного края (где наблюдалась картина, аналогичная имевшей место на полуквадрате XXIII),— под довольно тонким слоем гумированного песка залегал более мощный гумированный слой песка с примесью глины и глиняного шлака, заключавший довольно многочисленные находки. Ниже лежал вязкий суглинок с примесью гумуса, под которым показался песок. В песке не было никаких находок. Работы были доведены до глубины 1,12 м.

Находки в гумированных слоях представляли обломки простой посуды III—I вв. до н. э. и первых веков н. э., реберчатой, толстостенной, краснолаковой посуды; встречались также фрагменты черепицы и кирпичи первых веков н. э. и средневекового периода, куски строительного раствора, костей животных и пр. Кроме того, встречались обломки современного стекла и железа, которые попадались на значительной глубине.

Близкую картину дали раскопки смежного полуквадрата XXV; в песке встречались такие же находки; было обнаружено большое количество новой жужелицы и обломки «татарской» черепицы на глубине до 0,70 м.

Как мы уже упоминали, значительная часть полуквадрата XXV врезалась в раскоп 1937 г. не дойдя примерно на метр до обнаруженного на этом раскопе круглого колодезя. Таким образом, мы можем отметить, что на протяжении примерно 10 м к западу от обнаруженного на окраине города колодезя наблюдается довольно глубокое залегание гумированного мусорного слоя, содержащего, при этом на довольно значительной глубине современные находки.

Далее же к западу, за пределами этих 10 м, тянется чистый береговой песок с могилами античного времени.

Отмеченное явление позволяет предположить, что на 10-метровом пространстве полуквадратов XXIV и XXV некогда стояла крепостная стена Фанагории, защищавшая город с западной стороны. Стена была разобрана до основания, вероятно в XIX в., и образовавшуюся на месте ее яму заполнил наплыв гумированного песка, заключавший разнообразные находки, древние и новые. Наше предположение подтверждается также наличием небольшой балки, которая тянется в южном направлении от морского берега, начинаясь прямо против полуквадрата XXIV. Эта балка, вероятно, образовалась в результате размыва ямы, получившейся после выборки стен. Отметим, что намеченная линия стены совпадает также с линией края наиболее высокого холма верхней террасы, где по стратегическим соображениям было бы наиболее целесообразно провести оборонительную стену.

Выдвинутая на восток группа четырех полуквадратов (XXVI, XXVII, XXVIII и XXIX) не дала существенных результатов.

Возвращаясь к береговому участку стены, отметим, что в результате работ 1938 г. можно считать установленным нахождение развалин построек, обнаруженных в 1936—1937 гг., на самой окраине города, который, повидимому, оканчивался всего лишь в 20—25 м к западу от раскопа «город А» (1936—1937 гг.).

РАСКОП «D» 1939 г.

Выводы, сделанные в 1938 г. о местонахождении западной границы Фанагории, были подтверждены небольшим раскопом «D» 1939 г.[1] (рис. 12, *4*).

Этот раскоп был разбит на холме «D», примыкающем с запада к верхнему плато городища, примерно в 70 м к с.-з. от хутора Кучеренка. Раскоп имел прямоугольную форму размером 1,75 × 6 м и был ориентирован продольной осью с с.-с.-з. на ю.-ю.-в. По ходу работ пришлось сделать прирезку, в результате чего общая площадь достигла 11,3 кв. м. Глубина раскопа достигала 2,25 м.

Земля представляла серовато-желтую супесь, гумированную в верхних слоях. В ней попадались в небольшом числе обломки простой и чернолаковой посуды, а также сосудов из серой и грубой глины и кости животных. Никаких остатков архитектурных сооружений обнаружено не было.

В северо-восточном углу раскопа, на глубине около 0,85 м, найдено скопление плохо сохранившихся человеческих костей. У западного края раскопа обнаружена могила № 120. На глубине 1,82—1,93 м был открыт костяк, ориентированный головой на с.-с.-в. Он лежал на спине, голова была повернута к правому плечу. Руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно. Сохранность костей средняя. Общая длина костяка — 1,65 м, длина до пяточной кости 1,50 м. Находок не было.

Таким образом, работами на раскопе «D» установлено, что данный участок в древности лежал вне городской черты и был занят некрополем. Это находится в полном соответствии с предположением, что граница Фанагории проходила по западному краю верхней террасы, поднимающейся над городским раскопом 1936—1937 гг.

[1] Фанагорийская экспедиция 1939 г. была организована Государственным музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Начальником ее был В. Д. Блаватский, его заместителем — М. М. Кобылина, начальниками раскопов — Н. В. Анфимов и И. М. Блаватская. Топографической группой руководил В. Г. Воробьев, архитектурными обмерами — А. И. Каплун. Старшими научными сотрудниками были И. Б. Зеест, Н. Н. Анфимова, Н. М. Лосева, А. К. Коровина, Ю. И. Кораблев, младшими научными сотрудниками — П. И. Ломакин и М. К. Маркун. Фотографировали В. В. Каллюс и О. С. Попова. В экспедиции участвовали шесть студентов Московского университета и один практикант Краснодарского бюро охраны памятников.

«ВОСТОЧНЫЙ» РАСКОП 1939 г.

Одной из задач, стоявших перед фанагорийской экспедицией 1939 г., было исследование восточной части некрополя и установление восточной границы города.

Верхнее плато фанагорийского городища перерезается на востоке глубокой и сравнительно узкой лощиной, по которой проходила дорога из молочно-товарной фермы (бывш. хутора Семеняки) к тракту Темрюк — Тамань. На террасе к западу от этой лощины встречается обильный подъемный материал, заключающий значительное количество строительных остатков, что заставляет предполагать там наличие мощного культурного слоя города. Принадлежность к городу данного участка подтверждается находкой позднеантичной печи для обжигания керамики, раскопанной в в 1930—1931 гг.[1], около верхнего края западного склона лощины в южной части, где склон становится более отлогим.

Восточнее лощины местность значительно более неровная, чем западное плато. Вместе с тем к востоку от лощины подъемный материал значительно более скуден и почти не содержит строительных остатков. Это побуждало полагать, что восточной границей города является край плато к западу от лощины.

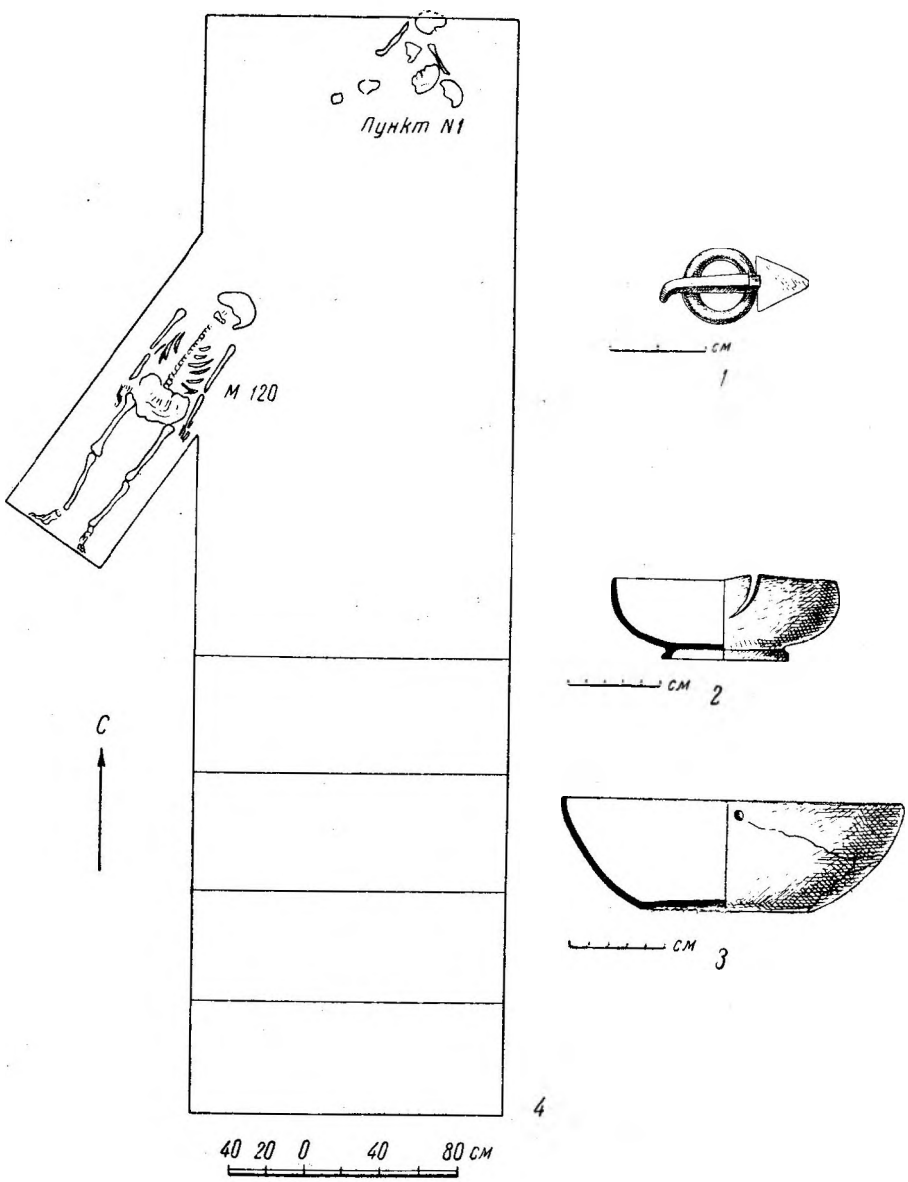
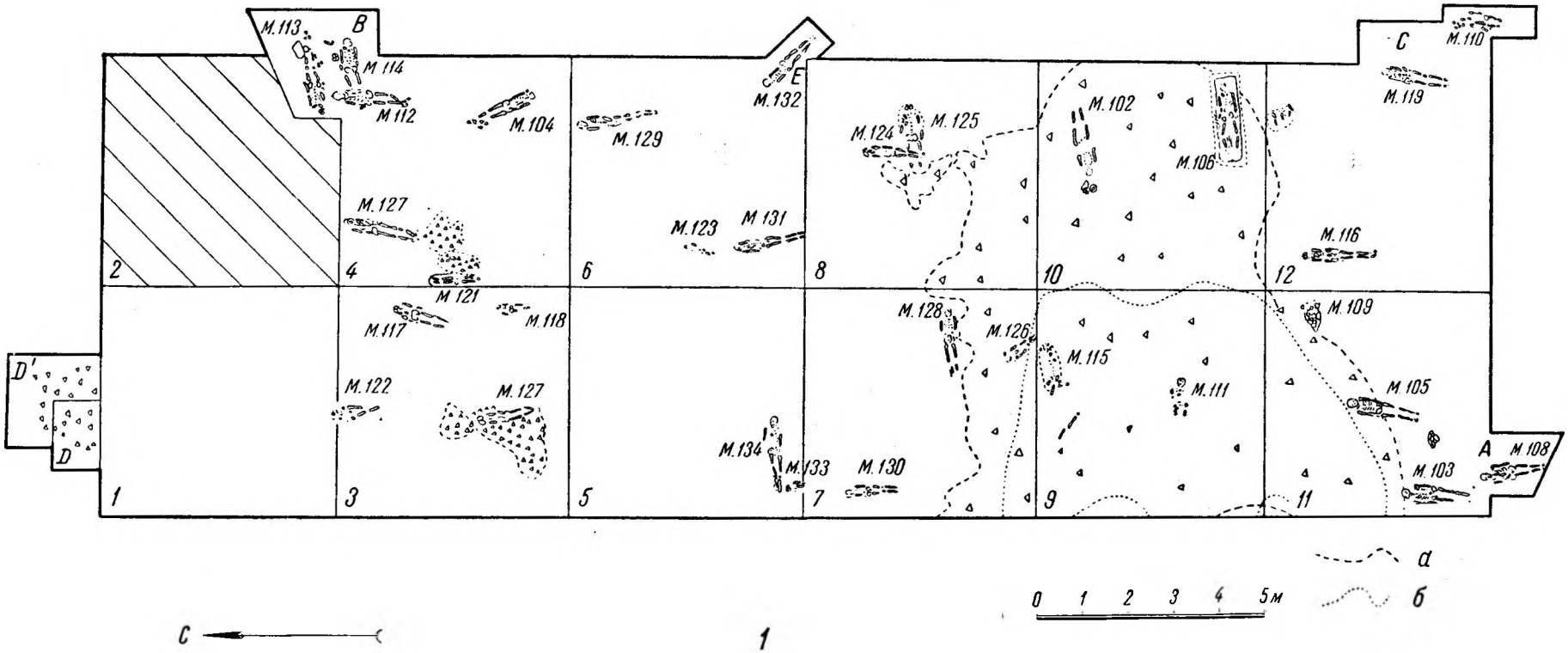

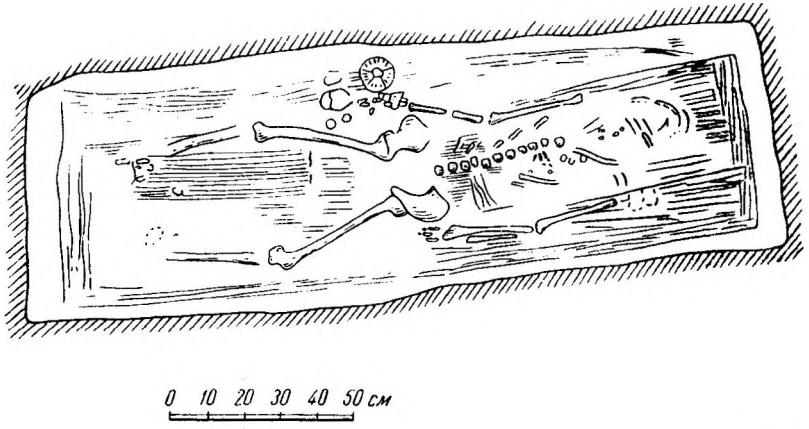
Рис. 12.

1 — «Береговой» раскоп 1938 г. Могила № 74. Пряжка; *2* — «Береговой» раскоп 1938 г. Могила № 98. Чернолаковая чашка; *3* — Некрополь «В» 1938 г. Могила № 84. Чашка; *4* — раскоп «*D*» 1939 г. План

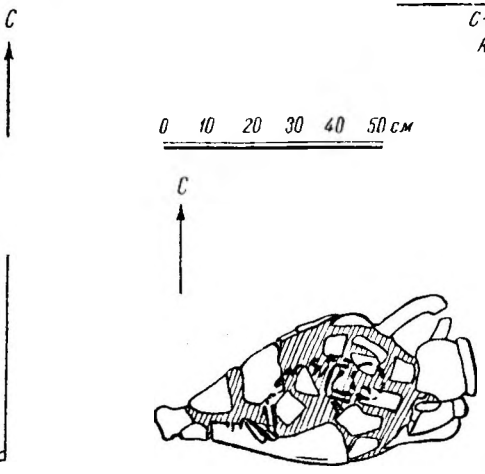
[1] В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи по раскопкам в Керчи и в Фанагории в 1929—1931 гг., ИГАИМК, вып. 80, 1934, стр. 53 и сл.

1

2

3

Рис. 13.

1 — Восточный некрополь 1939—1940 гг. План: *а* и *б* — границы черепяных завалов; *2* — восточный некрополь 1939 — 1940 гг. План могилы № 106; *3* — восточный некрополь 1939 — 1940 гг. План могилы № 109

Для решения этой задачи был разбит «Восточный» раскоп, расположенный на плато к востоку от лощины (рис. 13, *1*). Это плато лежит примерно в четырехстах метрах от берега Таманского залива, оно имеет крутые склоны с северной и западной стороны, более отлогие на северо-восточной, а на юго-восточной и южной плато постепенно переходит в степную равнину.

В северо-западной части плато был разбит прямоугольный раскоп размерами 10 × 30 м, состоящий из двенадцати квадратов [1]; длинными сторонами он был ориентирован с севера на юг. В северной части раскопа были вскрыты квадраты № 1, 4 и восточная половина квадрата № 3, в южной — квадраты № 9, 10, 11 и 12. Кроме того, к трем квадратам пришлось сделать прирезки, в силу чего вскрытая площадь в общем достигла 173 м [2].

По всей площади раскопа земля представляла суглинок с большей или меньшей примесью гумуса в верхних слоях. Под суглинком лежала плотная, темносерая материковая глина с обильными известковыми белыми включениями, прослойками желтого и светлосерого песка, а местами также железистых образований и довольно частыми включениями слюды. Глубина материка достигала 1,60 м.

В земле попадались различные находки: обломки простой посуды, в том числе ручки и горла амфор с клеймами, черепки сосудов из серой глины, чернолаковой, краснолаковой и расписной посуды, осколки светильников, строительной керамики и т. д. Помимо этих находок попадались куски сырца, кости домашних животных, раковины, небольшие камни. Особо следует отметить находку кремневой пластины с ретушью (рис. 15, *1*).

На вскрытой площади было обнаружено 19 простых грунтовых могил, относящихся к различным эпохам, от конца VI в. до н. э. до первых веков н. э., а также, видимо, и более позднего времени. Кроме того были найдены значительные черепяные свалки примерно V—III вв. до н. э. Полное отсутствие каких-либо остатков архитектурных сооружений позволяет утверждать, что данный участок лежал за пределами городской черты во все времена существования Фанагории.

Освоение исследованного участка началось в очень ранний период, примерно отвечающий времени возникновения города. В этот период раскапываемое плато было занято некрополем, о чем свидетельствуют могилы № 106 и 109, которые особо интересны, ибо они являются первыми погребениями архаического времени, найденными в Фанагории [2].

Могила № 106 (в юго-восточном углу квадрата № 6) представляла трупоположение в деревянном гробу (рис. 13, *2*). Могильная яма почти прямоугольной формы была вырыта в материке. Длина ее составляла 2,10, ширина 0,63—0,70, первоначальная глубина — около 1 м, а от нынешней поверхности почвы — 1,65 м. Сохранность гроба плохая: от дерева осталась труха коричневого цвета. Гроб имел прямоугольную форму размером: 1,90 × 0,40 м. Высота четко сохранившихся остатков гроба — 0,25 м, но отдельные следы дерева позволяют считать, что высота гроба была не менее 0,37 м. Следов брусьев в углах гроба не обнаружено. По следам дерева удалось проследить отдельные доски, толщина их — 0,01, ширина — 0,20 м. От крышки сохранились следы двух продольных досок, сшитых тремя поперечными. Костяк был ориентирован головой на восток, с отклонением к северу. Он лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и слегка раздвинутыми в коленях ногами. Такое положение ног, а равно и небольшое смещение всех костей, возможно, вызвано тем, что труп разлагался в пустом пространстве гроба, а затем кости могли быть сдвинуты при последующем оседании земли. Сохранность костей очень плохая. Кости ступней не сохранились вовсе. Общая длина костяка — 1,56 м, глубина залегания его — 1,35—1,45 м.

В гробу, у кисти правой руки обнаружен фрагментированный чернолаковый лекиф с орнаментом из стилизованных бутонов на плечах, относящийся к последней трети VI в. до н. э. (рис. 15, *2*).

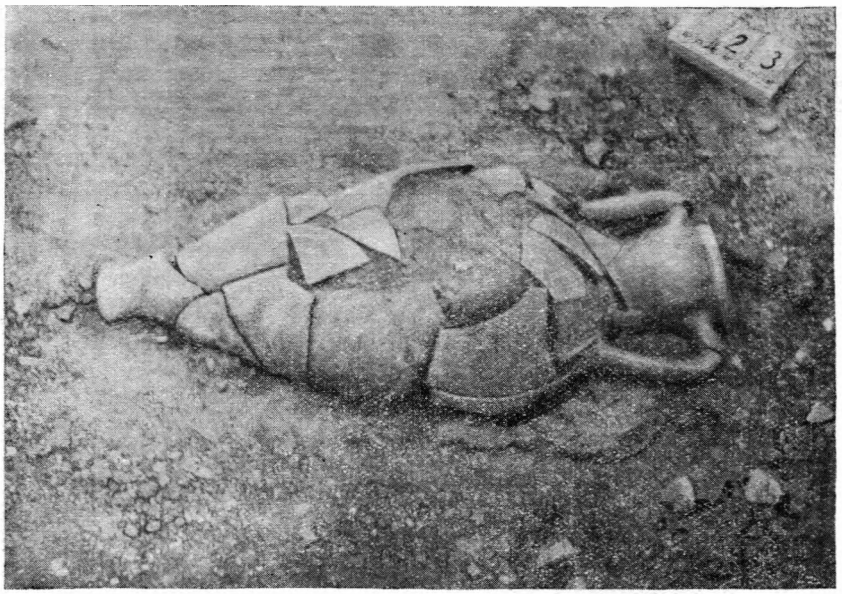
Могильная земля содержит всего лишь два обломка керамики, несмотря на то, что примерно в 0,80 м над костяком залегает солидный слой черепяной свалки. Это явно свидетельствует о возникновении этой свалки после захоронения, а также о том, что яма для могилы № 106 была вырыта на небольшую глубину (примерно около 1 м).

Другая могила № 109 (в северо-восточном углу квадрата № 11) представляла детское трупоположение в пухлогорлой амфоре конца VI — начала V вв. до н. э. (рис. 13, *3*; 14, *1*). Раздавленная амфора была обращена горлом к востоку с небольшим отклонением к северу. Длина амфоры — 0,73, наибольшая ширина — 0,34 м. Глубина залегания от нынешней поверхности — 1,00 — 1,17 м, первоначальная же глубина захоронения — 0,50 — 0,67 м [1]. В амфоре, черепом к горлу, лежал на левом боку костяк младенца в сгорбленном положении. Лицо обращено к югу, левая рука подведена к подбородку, правая согнута меньше. Ноги согнуты в коленях. Сохранность

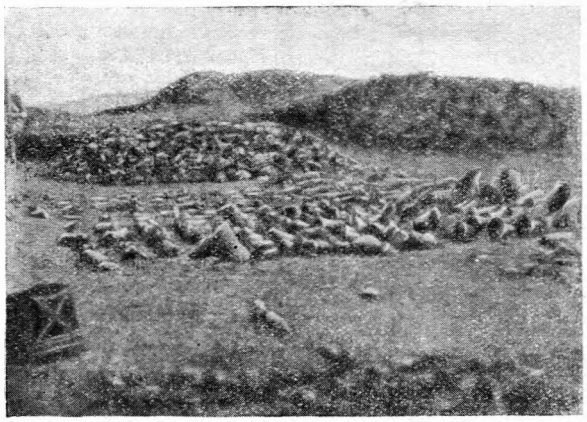
[1] Квадраты получили нумера от 1-го до 12-го. Западные шесть квадратов (от севера к югу) обозначены нечетными нумерами, восточные — четными.

[2] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 266.

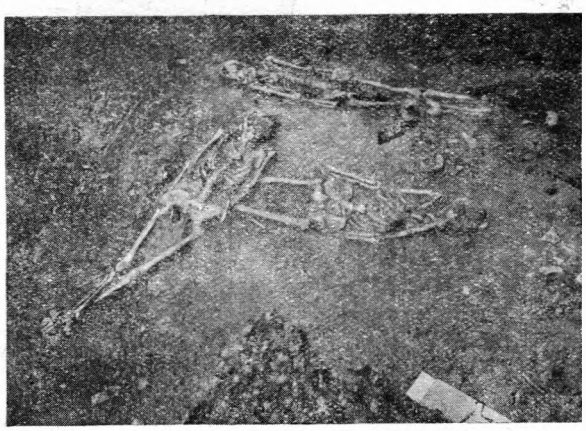
[1] Как мы увидим из дальнейшего, к с.-з. от могилы № 109 находится черепяная свалка архаического и раннеклассического времени, глубина которой колеблется от 0,50 до 1,25 м.

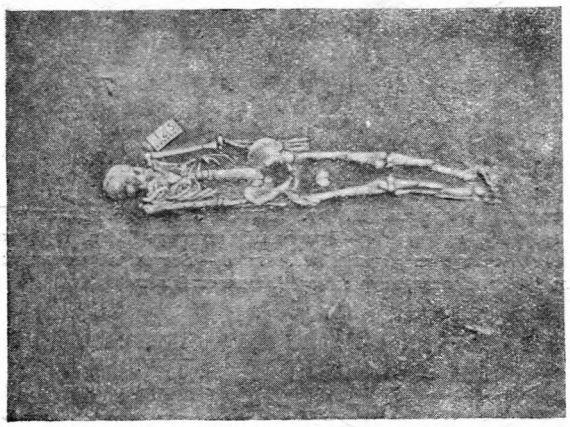
1

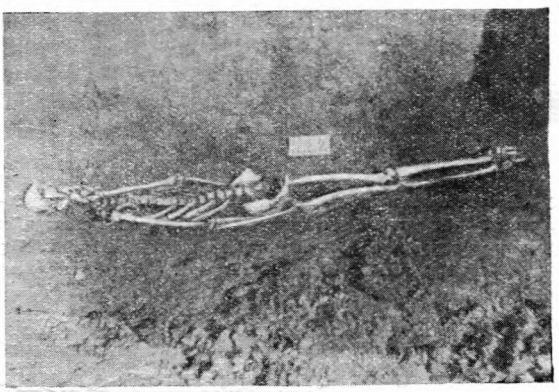
2

3

4

5

Рис. 14.

1 — Восточный некрополь 1939 — 1940 гг. Могила № 109; *2* — Восточный некрополь 1939 — 1940 гг. Обломки амфор из свалки; *3* — Восточный некрополь 1939 — 1940 гг. Могилы № 112, 113 и 114; *4* — Восточный некрополь 1939 — 1940 гг. Могила № 107; *5* — Южный некрополь 1940 г. Могила № 143

костей очень плохая — от них видны лишь следы. Общая длина расположения костей — 0,35 м. Под костями обнаружен подстил 0,01 м толщиной — возможно, следы оболочки, в которую был завернут труп младенца.

Вскоре после сооружения описанных могил исследуемый участок был занят черепяными свалками, общая мощность пласта которых местами превышала 1 м. Свалки были обнаружены в южной части раскопа, причем более ранний нижний пласт черепков лежал на глубине 0,50 — 1,25 м. Более поздний, верхний пласт обнаружен на глубине 0,15 — 0,50 м от поверхности почвы и на расстоянии от 0,25 до 0,90 м от нижней свалки, отделенной от него земляным слоем со значительно меньшим числом черепков. Нижний пласт свалки занимал почти всю площадь квадрата № 9 и северо-западную часть квадрата № 11, где она, впрочем, была выражена много слабее. Наибольшее протяжение вскрытой части нижнего пласта с севера на юг — около 8 м, с востока на запад — примерно 5 м. Мощность пласта — 0,10—0,15 м.

Находки в древнейшей части свалки относились в большинстве к архаической и классической эпохам. Это преимущественно черепки простой посуды, толстостенных и тонкостенных и, особенно, остродонных амфор архаического и раннеклассического времени (рис. 14, *2*). При этом фрагменты амфор нередко имеют значительные размеры. Далее следует отметить обломки чернолаковых сосудов, небольшое число расписных, местной посуды из серой глины и терракотовых статуэток. Фрагменты строительной керамики, камни и кости животных встречались в незначительном количестве. Немногочисленны были и находки эллинистического времени: по всей видимости, они попадались на том же гори-

Рис. 15.

1 — Восточный некрополь 1939 г. Кремневая пластинка; *2* — Восточный некрополь 1939 г. Могила № 106. Чернолаковый лекиф; *3* — Восточный некрополь 1939 г. Обломок фанагорийского сосуда с клеймом; *4* — Восточный некрополь 1939 г. Протома богини из терракоты; *5* — Восточный некрополь 1939 г. Терракотовая статуэтка сидящей богини; *6* — Восточный некрополь 1939 г. Голова из терракоты; *7* — Восточный некрополь 1939 г. Краснофигурный арибаллический лекиф

зонте лишь благодаря нарушению слоев более поздними могилами.

Среди находок особого упоминания заслуживает обломок плеча простого кувшина из красноватой глины с круглым клеймом, представляющим голову силена в профиль (легенда: ФА) (рис. 15, *3*). Исключительная тщательность работы не уступает первоклассным образцам классической торевтики. По типу головы клеймо должно датировать IV в. до н. э. Согласно определению А. Н. Зографа, это клеймо следует считать местным, фанагорийским.

Наличие земляного пласта с меньшим числом черепков над древнейшим слоем свалки заставляет думать, что данный участок после интенсивных сбросов мусора продолжал служить свалкой хотя бы время от времени.

Вновь усилились сбросы битых черепков в IV—III вв. до н. э. Тогда-то и возник верхний пласт свалки (лежащий на глубине 0,15—0,50 м). Толща основного пласта этой свалки всего 0,10—0,15 м, но насыщенность его много больше черепяного слоя древнейшей свалки. Кроме того, верхний пласт занимает значительно большую площадь, покрывая почти полностью квадраты № 9 и 10, а также северо-западную половину квадрата № 11 и, по всей видимости, уходя за пределы вскрытой площади на запад и на север [1] (и в небольшой мере на восток). Таким образом, наибольшее протяжение открытой в 1939 г. части верхнего пласта составляло с востока на запад — 10 м, а с севера на юг — 8 м; последняя цифра после работ 1940 г. возросла до 10,20 м.

Находки в верхней свалке относятся в подавляющем большинстве к IV—III вв. до н. э. Встречались также и предметы более раннего времени — конца VI и V вв. до н. э. Видимо, эти предметы были перемещены из нижних пластов свалки при рытье могил. Самые поздние находки в свалке — фрагменты краснолаковой посуды, найденные в незначительном количестве.

Большая часть находок — обломки остродонных амфор, среди которых встречались горла и ручки с клеймами. Величина обломков чаще всего — средняя. Встречались также черепки простых толстостенных и тонкостенных сосудов, посуды из серой и черной глины и чернолаковой посуды, чернофигурных, краснофигурных и расписных ионийских (с орнаментом в виде полос), а также обломки терракотовых статуэток, куски черепицы и сырцового кирпича, камни и кости домашних животных.

Среди находок особо следует отметить фрагментированные терракоты: протому богини конца VI в. до н. э. (рис. 15, *4*) и статуэтку, изображающую сидящую женскую фигуру (рис. 15, *5*), терракотовую головку (рис. 15, *6*), а также краснофигурный арибаллический лекиф беглого стиля с изображением на тулове головы Гермеса (рис. 15, *7*). Горло лекифа утрачено.

Таким образом, можно считать твердо установленным, что исследуемый участок был использован для сброса там сухого («чистого») мусора, преимущественно битой керамики. Это имело место, может быть, с конца VI в. до н. э., но главным образом в V в. и особенно в IV—III вв. до н. э.

Помимо описанных больших свалок в западной части квадрата № 4 и в юго-восточной части квадрата № 12, а также на прирезке «С», были обнаружены незначительные сбросы керамических обломков, а у северного края квадрата № 12 — скопление костей домашних животных.

После того как в раннеэллинистическое время исследуемый холм перестал быть местом свалок, там вновь стали погребать умерших. Как показывают могилы № 111 и 113, там хоронили уже в II—I вв до н. э. Могилы 103, 104, 105, 107 и 119 свидетельствуют о том, что на вершине холма совершались погребения и в первых веках н. э. Можно думать, что ряд захоронений, совершенно лишенных инвентаря, с ориентацией головой на север, скорее всего следует отнести к средневековью, таковы № 110, 117 и 118. Менее ясна датировка могил № 108 и 112.

Глубина всех этих могил невелика. Все они были выше горизонта материка, в силу чего проследить форму могильных ям оказалось невозможно. Могилы, расположенные на площади свалки, частично прорывали последнюю.

Опишем теперь отдельные могилы в порядке нумеров.

Могила № 102 (в северной части квадрата № 10). На глубине 0,45—0,50 м обнаружен костяк, ориентированный головой на запад с отклонением к югу. Он лежал на спине, плечевые кости рук были расположены вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно. Общая длина сохранившихся костей — 1,50 м. В 0,20 м от черепа найден фрагментированный кувшинчик из красной глины и нижняя часть простого сосуда. В могильной земле встречалось много обломков керамики.

Могила № 103 (в юго-западном углу квадрата № 11). На глубине 0,47—0,65 м открыт костяк, ориентированный головой на север. Он лежал на спине с расположенными вдоль туловища руками и параллельно вытянутыми ногами. Голова была повернута к правому плечу. Часть костей, в том числе ступни, не сохранились. Общая длина сохранившихся костей — 1,47 м. Под правым предплечьем обнаружена стеклянная буса с глазками, под правой частью таза — круглая буса с глазками

[1] О северной части этой свалки (на квадратах № 7 и 8) см. Отчет о работах на «восточном» раскопе в 1940 г.

В могильной земле встречалось много фрагментов керамики.

Могила № 104 (в юго-восточной части квадрата № 4). На глубине 1,10—1,15 м найден костяк, ориентированный головой на ю.-ю.-в. Он лежал на спине. Голова была повернута к правому плечу, слегка согнутые в локтях руки расположены вдоль туловища. Ноги вытянуты и немного сближаются в ступнях. Кости ступней и левой голени не сохранились. Общая длина сохранившихся костей — 1,35 м. В ногах лежали фрагментированные простые миски и обломок железного ножа.

Могила № 105 (в середине квадрата № 11). На глубине 0,82—1,05 м обнаружен костяк, ориентированный головой на север с отклонением к востоку. Он лежал на спине с расположенными вдоль туловища руками и вытянутыми ногами. Голова была слегка приподнята. Сохранность костей хорошая. Общая длина костяка — 1,60 м, длина до пяточной кости — 1,50 м. Под черепом найдены бронзовая серьга с подвеской, две бронзовые бусы в виде маленьких катушек, одна буса цилиндрической формы и две голубоватых бусы с глазками. Около правой руки лежал разрушившийся железный браслет, под правым бедром обнаружено небольшое пятно камки.

Могила № 107 (в северо-западной четверти квадрата № 4). На глубине 0,98—1,08 м открыт костяк, ориентированный головой на север с отклонением к востоку (рис. 14, *4*). Он лежал на спине, голова была немного повернута к левому плечу, руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты. Общая длина костяка — 1,58 м, длина до пяточной кости — 1,49 м. На запястье правой руки и выше запястья на левой обнаружены железные браслеты, у кисти правой руки лежали бронзовая серьга и остатки железного предмета — возможно, псалия. Под правой тазовой костью — какой-то бронзовый предмет, возможно пряжка.

Могила № 108 (в прирезке «А» к югу от квадрата № 11). На глубине 0,75—0,85 м найден костяк, ориентированный головой на север с отклонением к западу. Он лежал на спине, голова была приподнята и несколько наклонена к правому плечу. Левая рука расположена вдоль туловища, правая согнута в локте, кисть ее покоилась на тазовых костях. Ноги вытянуты и сближены в ступнях. Ступни обращены пальцами врозь. Общая длина костяка — 1,43 м, длина до пяточной кости — 1,39 м. Около черепа найдены две бронзовые серьги плохой сохранности.

Могила № 110 (в прирезке «С» в юго-восточном углу квадрата № 12). На глубине 0,41—0,60 м обнаружен костяк, ориентированный головой на север. Он лежал на спине, руки, видимо, были расположены вдоль туловища, ноги вытянуты. Сохранность костей плохая. Общая длина сохранившихся костей — 1,14 м. Над костяком небольшое скопление обломков керамики.

Могила № 111 (в средней части квадрата № 9). На глубине 0,40—0,48 м открыт костяк, ориентированный головой на запад с отклонением к северу. Он лежал на спине с расположенной вдоль туловища правой рукой и параллельно вытянутыми ногами. В остальном положение костяка не прослеживается в силу отсутствия ряда костей. Общая длина сохранившихся костей — 0,82 м. На костях ног лежали два фрагментированных сосуда из серой глины: чернолаковая миска II в. до н. э. и небольшой кувшин подобный лагину (рис. 16, *1*).

Могила № 112 (в северо-восточном углу квадрата № 4 и прирезке «В»). На глубине 0,82—0,95 м найден костяк, ориентированный головой на север. Он лежал на спине, голова была повернута к левому плечу, руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты и скрещены в ступнях. Общая длина костяка — 1,63 м, длина до пяточной кости 1,50 м. К северу от черепа лежало грузило.

Могила № 112 перерезала западную часть могилы № 114 (рис. 14, *3*) Судя по повреждениям костяка в последней, ширина могильной ямы погребения № 112 была не более 0,40 м, т. е. она едва позволяла поместить в нее покойника.

Могила № 113 (в прирезке «В» к квадрату № 4). На глубине 0,82—0,93 м обнаружен костяк, ориентированный головой на запад с отклонением к югу (рис. 14, *3*). Он лежал на спине, голова была повернута вправо и наклонена к правому плечу, руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно. Кости ступней не сохранились. Общая длина сохранившихся костей — 1,50 м. У правого колена найдены фрагментированная простая тарелка, чашка и простой флакон (рис. 16, *2*). В ногах обнаружен простой тонкостенный кувшинчик, прикрытый куском солена. Перечисленная керамика относится к II—I вв. до н. э.

Могила № 114 (в северо-восточном углу квадрата № 4 и прирезке «В»). На глубине 0,80—0,90 м открыт костяк, ориентированный головой на восток с отклонением к северу. Он лежал на спине; голова была повернута к правому плечу, руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно. Нижние концы бедренных костей и кости голеней уничтожены могилой № 112. Общая длина костяка — 1,60 м, длина до пяточной кости — 1,50 м. В 0,05 м от правого плеча обнаружено донышко простого сосуда.

Могила № 115 (у северного края квадрата № 9). На глубине 0,25—0,35 м найден костяк, ориентированный головой на восток с отклонением к северу. Могила потревожена: сохранились лишь обломки и следы костей. Общая длина расположения костей 1,10 м. У черепа

обнаружен фрагментированный одноручный кувшин и ребра коровы. Под костяком лежал слой желтого песка 0,02 м толщиной; ширина его — 0,46 м, первоначальная длина не могла быть прослежена.

Могила № 116 (в северо-западной части квадрата № 12). На глубине 0,72—0,78 м обнаружен костяк, ориентированный головой на север. Он лежал на спине, правая рука была расположена вдоль туловища, кисть левой положена на тазовую кость, ноги вытянуты и сближены в ступнях. Общая длина костяка — 1,67 м, длина до пяточной кости — 1,55 м. На одну из фаланг кисти правой руки был надет бронзовый проволочный перстень. У правого локтя лежали обломок алабастра и черепок сетчатого арибаллического лекифа.

Могила № 117 (в северо-восточной части квадрата № 3). На глубине 0,65—0,78 м открыт костяк, ориентированный головой на север с отклонением к востоку. Он лежал на спине, череп был несколько сдвинут к левому плечу, руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно. Сохранность костей плохая. Общая длина костяка — 1,38 м, длина до пяточной кости — 1,35 м. Под черепом наблюдались следы истлевшей поперечной доски.

В могильной земле встречались обломки простой керамики.

Могила № 118 (в юго-восточной части квадрата № 3). На глубине 0,42—0,49 м найден костяк ребенка, ориентированный головой на север. Он лежал на спине, голова была слегка приподнята, руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно. Смещенная правая сторона скелета залегала несколько ниже левой. Сохранность костей плохая. Кости кистей рук и ступней ног утрачены. Общая длина сохранившихся костей — 0,83 м.

Могила № 119 (в юго-восточной части квадрата № 12). На глубине 1,00—1,06 м обнаружен костяк, ориентированный головой на север с отклонением к востоку. Голова была повернута лицом к левому плечу, правая рука расположена вдоль туловища, левая согнута в локте, кисть ее покоится на тазовых костях. Ноги вытянуты, ступни их сведены пальцами вместе. Общая длина костяка 1,58 м, длина до пяточной кости — 1,45 м. У грудных позвонков лежал бронзовый колокольчик. При костяке найдены 83 различные бусы первых веков н. э. Они были обнаружены главным образом у шеи, левого бедра и левой руки.

Могила № 121 (у западного края квадрата № 4). На глубине 0,41—0,65 м был открыт костяк, ориентированный головой на юг. Он лежал на спине, лицо было обращено к с.-з. Ноги вытянуты. Могила была потревожена, кости смещены, и многие из них утрачены. Общая длина расположения костей — 1,08 м. В могильной земле найдено несколько обломков простой керамики.

Таковы, могилы, открытые на «Восточном некрополе» в 1939 г. Общую характеристику их мы дадим ниже, вместе с могилами, раскопанными там же в 1940 г.

«ВОСТОЧНЫЙ» РАСКОП 1940 г.

Работы на «восточном» раскопе, начатые в 1939 г., были продолжены в 1940 г.[1] Задачей работ 1940 г. было доисследование центральной части раскопа. Были вскрыты квадраты № 5, 6, 7, 8 и западная половина квадрата № 3. Кроме того, к квадратам № 1 и 6 пришлось сделать прирезки. В общем, в 1940 г. было вскрыто 117,7 м^2. Результаты этих работ подтвердили выводы, сделанные в 1939 г. о том, что исследуемый участок всегда находился вне городской черты Фанагории и использовался временами как могильник, а временами как место свалки сухого мусора.

Земля как в гумусном, так и в материковых пластах, была такая же, как в раскопе 1939 г. Мало чем отличались и обнаруженные в ней находки; в 1940 г. встречались: обломки простой посуды, в том числе остродонных амфор, фрагменты сосудов из серой и черной глины, а также строительной керамики. Кроме того, попадались куски сырца, небольшие камни, кости домашних животных, раковины и пр.

На вскрытой площади обнаружено тринадцать могил различного времени (от архаического или раннеклассического до средневекового) и продолжение свалки (V — III вв. до н. э.), открытой в 1939 г.

Древнейшими находками 1940 г. на исследованном участке следует признать две могилы № 125 и 128, которые, по всей видимости, предшествуют по времени черепяной свалке IV—III вв. до н. э.

Могила № 125 (в восточной части квадрата № 8). Плохо сохранившаяся могильная яма могла быть прослежена лишь частично. Длина ее — около 1,60, ширина примерно 0,60, глубина около 1,50 м. Продольная ось ямы направлена с востока на запад. На глубине 1,35—1,50 м обнаружен костяк, ориентированный головой на восток. Он лежал на спине. Лицо, повидимому, было повернуто к левому плечу, руки вытянуты и немного отведены от бедер в стороны, ноги расположены параллельно. Сохранность костей плохая. Общая

[1] Фанагорийская экспедиция 1940 г. была организована Государственным музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Начальником ее был В. Д. Блаватский, начальниками раскопов были М. М. Кобылина, Н. В. Анфимов и А. Г. Воробьев, старшими на квадратах Н. Н. Анфимова, А. Н. Каплун, Ю. И. Кораблев, Н. И. Сокольский, Т. В. Бороздина, М. Г. Воробьева, О. С. Попова, Д. Б. Шелов, Н. Н. Погребова, научными сотрудниками были Н. М. Лосева и П. И. Ломакин, практикантами В. Фельдман, М. Маркун, Т. Протасова, Е. Толчинская, Т. Златковская, В. Юдичев, Ю. Баталов, К. Володина, фотографом был В. Масс, обмеры производила Т. Н. Протасова.

длина костяка — 1,47 м, длина до пяточной кости — 1,44 м. Описанная могила лишена инвентаря, однако ее можно отнести не позже чем к IV в. до н. э. Она находится в непосредственной близости к черепяной свалке IV—III вв. до н. э., значительно ниже ее по уровню, а в заполняющей ее могильной земле нет черепков. В силу этого следует заключить, что захоронение предшествовало возникновению свалки.

Могила № 128 (в юго-восточной четверти квадрата № 7). На глубине 1,60—1,65 м открыт костяк, ориентированный головой на восток с незначительным отклонением к северу. Он лежал на спине с расположенными вдоль туловища руками и параллельно вытянутыми ногами. Сохранность костей плохая. Общая длина сохранившихся костей — 1,65 м. В могильной земле найдено несколько обломков простых сосудов. Могила ниже уровня частично ее покрывающей черепяной свалки IV—III вв. до н. э. При этом могильная земля почти не содержит обломков посуды. Отсюда ясно, что захоронение предшествовало возникновению свалки и, следовательно, не может быть датировано позднее чем IV в. до н. э.

Следующий этап истории исследованного участка связан с превращением его в место свалки сухого мусора, что произошло примерно в IV—III вв. до н. э. В 1940 г. на южных частях квадратов № 7 и 8 было обнаружено непосредственное продолжение верхнего пласта свалки 1939 г.

Вскрытая в 1940 г. площадь свалки была сравнительно невелика (протяжение ее с севера на юг — 2,40, с востока на запад — 8,50 м)[1]. Большая часть ее была раскопана в 1939 г., кроме того, восточная и особенно западная окраины свалки находятся за пределами исследованной площади.

Участок свалки, раскопанный в 1940 г., представляет довольно компактный слой черепков. Глубина верхней поверхности этого слоя до поверхности почвы колеблется от 0,15 до 0,50 м. Мощность слоя колеблется от 0,10 до 0,45 м, кроме того, в отдельных местах скопления фрагментов последние встречаются и глубже. На дневной поверхности свалки преобладают лежащие плашмя черепки остродонных амфор. Размеры этих черепков средние и мелкие. Значительно реже встречаются фрагменты посуды, расположенные стоймя. Черепки лежат очень компактно, земляные промежутки между ними занимают значительно меньшее пространство, чем самые черепки. В толще свалки расположение фрагментов беспорядочное, а не горизонтальное, как на поверхности; вместе с тем, черепки лежали менее компактно. Наиболее крупные обломки посуды (в том числе днища амфор) встречались в среднем и нижнем горизонтах свалки. Большинство черепков имели острые края, окатанных найдено мало. Значительная часть фрагментов была покрыта известковым налетом. Подавляющее большинство обломков принадлежало остродонным амфорам. На более чем 18 500 таких обломков найдено только 4 фрагмента толстостенных сосудов, 28 — чернолаковых, один — краснолаковый, один — расписной и два — рифленых[1]. Незначительно также число амфорных клейм. Из 555 ручек только шесть были с клеймами и притом все они относятся к раннему времени. Остальные находки — это три обломка терракотовых протом классического времени, немногочисленные черепки светильников, куски глиняной обмазки, кости животных и остатки камки. Найденные черепки посуды в громадном большинстве относятся к IV—III вв. до н. э. Лишь небольшая часть их датируется более ранним или более поздним временем. Значительная часть принадлежала амфорам боспорского производства.

Помимо описанной большой свалки, другая, значительно меньших размеров, была обнаружена в юго-восточной четверти квадрата № 3. Наибольшее протяжение ее с севера на юг было 2,75 м, с востока на запад — 1,50 м. Глубина ее от поверхности почвы — 0,20—0,30 м. Мощность пласта свалки в южной части до 0,40 м, а в северной, где повидимому черепками заполнялась древняя яма, толща пласта достигала 1 м. Свалка в основном состояла из обломков остродонных амфор, преимущественно классического и эллинистического времени. Отдельные фрагменты относились к более поздней эпохе. Среди находок отметим разбитую остродонную амфору IV—III вв. до н. э. и обломок терракотовой статуэтки классического или раннеэллинистического времени.

Другое скопление черепков было замечено в северном обрезе квадрата № 1. Для исследования этого скопления была разбита приемка «D — D′». В основном на этой свалке битой керамики были обнаружены находки классического и эллинистического времени: обломки простой посуды, чернолаковой, расписной, фрагменты терракотовых статуэток и пр. Среди терракотовых обломков отметим часть гротескной фигурки полуобнаженного мужчины примерно конца V — начала IV вв. до н. э.

Но особенно интересны найденные в этом скоплении обломки трех (и части других) ойнохой[2] из серой глины с орнаментом в виде

[1] Посредине квадрата № 8 обнаружено небольшое скопление обломков керамики, выступающее как бы языком от свалки и отделенное от нее узким промежутком.

[1] Участок свалки, раскопанный в 1939 г., заключал пропорционально большее количество обломков посуды расписной, простой тонкостенной и из грубой глины, а также амфорных клейм.

[2] Вероятно, к той же группе ваз относится найденная в 1911 г. в насыпи гробницы № 56 около Тузлы фрагментированная глиняная ойнохоя с двумя еле заметными красными поясками и оттиском весьма интересной головы смеющегося лысого старика с раскрытым ртом, возле головы вырезаны буквы «ФА»

полос и клеймами на плечах (рис. 16, *5*—*7*). Клейма круглые с изображением канфара и легендой ФА. Эти клейма были определены А. Н. Зографом как фанагорийские и датированы IV в. до н. э. Несомненно местное производство их подтверждается явными следами производственного брака (трещины и пятна на

ских традициях в керамическом производстве Фанагории.

Аналогичным образом орнаментирован невысокий кувшинчик, обломки которого были найдены на той же свалке.

Раскопками 1939 г. было установлено, что после того как восточное плато перестало слу-

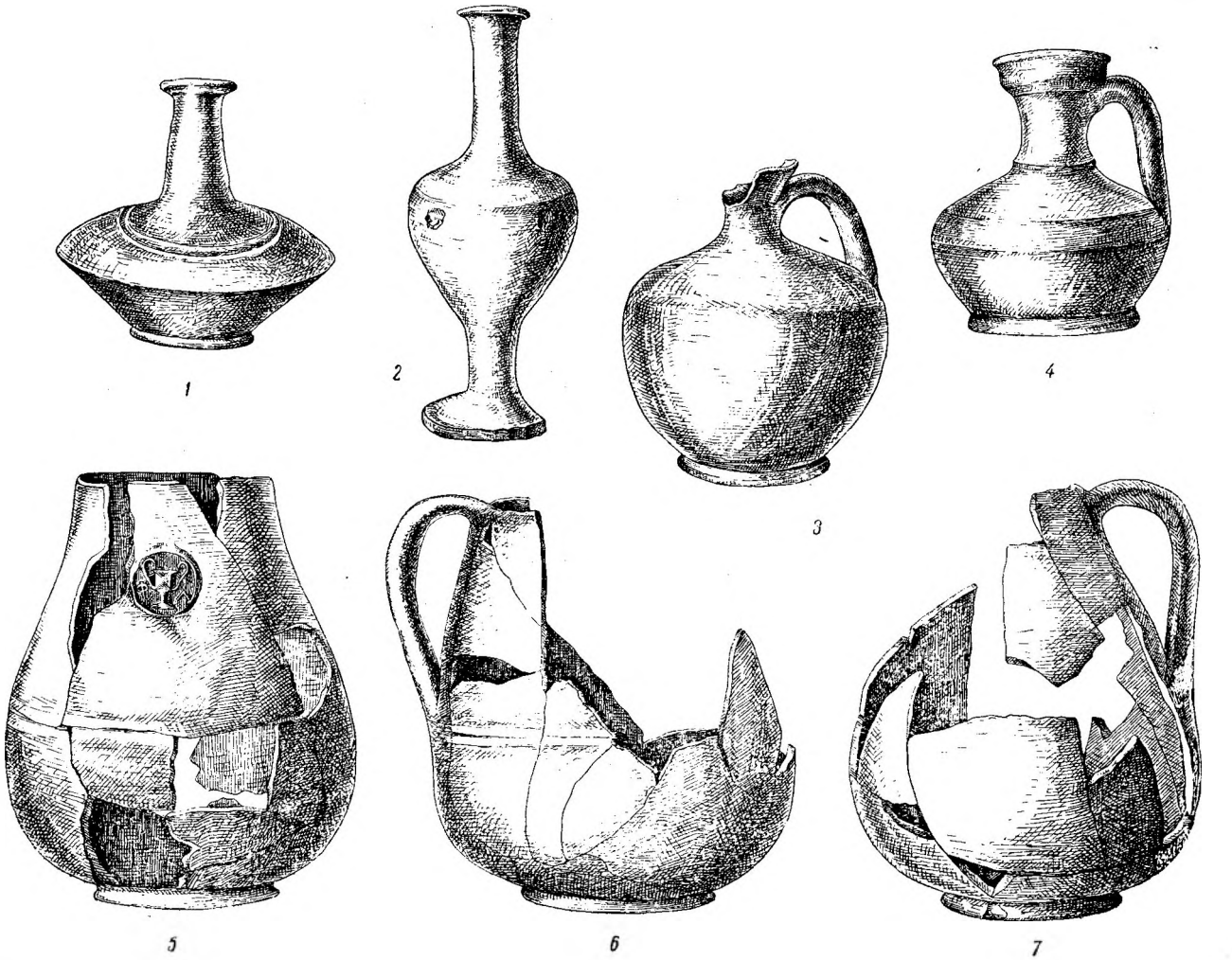

Рис. 16.

1 — Восточный некрополь 1939 г. Могила № 111. Сосуд; *2* — Восточный некрополь 1939 г. Могила № 113. Флакон; *3* — Южный некрополь 1940 г. Зольник (Тризна). Простой сосуд; *4* — Южный некрополь 1940 г. Зольник (Тризна). Простой сосуд; *5* — Восточный некрополь 1940 г. Фанагорийская ойнохоя № 153, керамический брак; *6* — Восточный некрополь 1940 г. Фанагорийская ойнохоя № 156, керамический брак; *7* — Восточный некрополь 1940 г. Фанагорийская ойнохоя № 182, керамический брак.

сосудах), которые, по всей видимости, вышли из одной печи. Наличие орнамента в виде горизонтальных полос свидетельствует об ионий-

жить местом свалок — этот участок вновь был занят могильником. Могил, сооруженных позднее времени свалки (т. е. позднее IV—III вв. до н. э.), в 1940 г. было раскопано одиннадцать. Все они по большей части плохо датируются, но по всей видимости относятся к довольно позднему времени. Так, могила № 129 была сооружена не ранее II в. н. э. Могилы № 122, 124, 130, 131 и 133, скорее всего, одного времени с близкими им по характеру средневековыми могилами «южного» некрополя 1940 г. Это сходство определяется ориентацией и расположением костяка, отсутствием погребального

(В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. ИАК, вып. 56, стр. 24). Затем следует упомянуть ойнохою с клеймом в виде бородатой головы из Государственного Эрмитажа Б. 2745 (K. Schefold, Untersuchungen zu den Kertscher Vasen, Berlin, 1934, стр. 64, рис. 12 и, вероятно, ВДИ, 1937, № 1, стр. 253, прим. 1), ойнохою с клеймом в виде безбородой головы в островерхом головном уборе (Керченский музей) и, наконец, клеймо в виде головы силена, повернутой в три четверти (Государственный исторический музей).

инвентаря, глубиной и, видимо, формой могильной ямы. К тому же времени, что и последние пять могиль «восточного некрополя», возможно относятся также могилы № 123, 126 и 132.

Опишем отдельные могилы в порядке номеров.

Могила № 122 (у западного края квадрата № 3). На глубине 0,29—0,37 м обнаружен костяк, ориентированный головой на север с небольшим отклонением к западу. Он лежал на спине с расположенной вдоль туловища правой рукой и согнутой в локте левой, кисть ее покоилась на правом бедре. Ноги были вытянуты и сведены (возможно, перекрещены) в голенях. Сохранность костей плохая, часть их утрачена. Общая длина сохранившихся костей — 1,13 м. В 0,10 м к западу от левой голени на 0,10 м ниже горизонта, на котором лежал костяк, обнаружена медная монета. Принадлежность ее погребению весьма сомнительна.

Могила № 123 (в западной части квадрата № 6). На глубине 0,40—0,64 м открыт детский костяк, ориентированный головой на с.-с.-в. Он лежал на спине, голова была, повидимому, повернута к правому плечу, правая рука расположена вдоль туловища, правая нога вытянута, сохранность костей плохая, общая длина их — 0,78 м.

Могила № 124 (в средней части квадрата № 8). На глубине 0,86—1,11 м найден костяк, ориентированный головой на север. Он лежал на спине, голова была повернута направо и склонена к правому плечу. Правая рука была расположена вдоль туловища. Левая плечевая кость руки, видимо, была смещена (лежала на грудной клетке), кости предплечья расположены вдоль туловища, а кисть покоилась на бедре. Ноги вытянуты и сближались в ступнях. Сохранность костей средняя. Общая длина костяка — 1,36 м, длина до пяточной кости — 1,25 м. В могильной земле могил № 122, 123 и 124 встречались обломки простых сосудов.

Могила № 126 (у южного края квадрата № 7). На глубине 0,31—0,35 м обнаружен костяк, ориентированный головой на с.-з. Сохранилась лишь нижняя часть костяка, судя по которой, покойник лежал на спине с вытянутыми и, вероятно, скрещенными в ступнях ногами. Сохранность костей посредственная. Общая длина сохранившихся костей 0,85 м. Захоронение было произведено непосредственно на поверхности черепяной свалки IV—III вв. до н. э. и слегка потревожило лишь самый верхний слой последней.

Могила № 127 (в юго-западной четверти квадрата № 3). На глубине 0,70—0,80 м открыт костяк, ориентированный головой на север с небольшим отклонением к западу. Костяк лежал на спине, череп его был смещен. Правая рука расположена вдоль туловища, левая согнута в локте, кисть ее покоилась на тазовых костях. Правая нога была вытянута, левая согнута в колене и скрещивалась в ступнях с правой. Сохранность костей хорошая. Общая длина сохранившихся костей 1,42 м.

Под ступнями костяка лежали два клыка кабана. В могильной земле встречалось большое количество обломков керамики и мелких камней, ибо погребение прорезало черепяную свалку IV—III вв. до н. э.

Могила № 129 (в северо-восточной части квадрата № 6). На глубине 0,76—0,89 м найден костяк, ориентированный головой на север с незначительным отклонением к западу. Он лежал на спине, лицо было повернуто к правому плечу. Правая рука расположена вдоль туловища, левая согнута в локте, кисть ее покоилась на тазовых костях. Ноги вытянуты и сведены в ступнях. Сохранность костей хорошая. Общая длина костяка — 1,73 м, длина до пяточной кости 1,60 м. Судя по расположению костей, труп покойника при захоронении был втиснут в крайне узкую яму. С обеих сторон черепа (у ушей) лежали сильно фрагментированные бронзовые серьги, на левом и правом предплечьи обнаружены обломки железных браслетов. У кисти левой руки найдена буса из пасты.

Могила № 130 (в западной части квадрата № 7). На глубине 0,48—0,60 м обнаружен костяк, ориентированный головой на север. Он лежал на спине, голова была немного наклонена к правому плечу и обращена лицом вверх. Руки расположены вдоль туловища, кисти их покоились на тазовых костях. Ноги вытянуты и сведены к ступням. Сохранность костей плохая. Длина костяка до пяточной кости — 1,20 м. В могильной земле встретилось несколько обломков простых сосудов.

Могила № 131 (в юго-западной части квадрата № 6). На глубине 0,90—1,05 м открыт костяк, ориентированный головой на север с небольшим отклонением к западу. Он лежал на спине, голова была повернута к правому плечу. Руки расположены вдоль туловища, кисти их лежали под тазовыми костями. Ноги вытянуты и сближены в ступнях. Сохранность костей хорошая. Общая длина костяка — 1,47 м, длина до пяточной кости — 1,37 м.

Могила № 132 (в юго-восточном углу квадрата № 6 и приемке «Е»). На глубине 0,92—1,22 м найден костяк, ориентированный головой на с.-з. Он лежал на спине, голова была повернута к правому плечу. Правая рука расположена вдоль туловища, левая согнута в локте, кисть ее покоилась на тазовых костях. Ноги вытянуты и сведены в ступнях. Сохранность костей хорошая. Часть костей потревожена,— отчасти это было вызвано тем обстоятельством, что труп покойника при захоронении был втиснут в крайне узкую могильную яму. Общая длина костяка — 1,52 м, длина до пяточной кости — 1,41 м.

Могила № 133 (в юго-западном углу квадрата № 5). На глубине 0,58—0,70 м обнаружен детский костяк, ориентированный головой на

север. Он лежал на спине, голова была повернута к правому плечу. Руки расположены вдоль туловища. Сохранность костей очень плохая, нижняя часть костяка утрачена. Общая длина сохранившихся костей — 0,41 м.

Могила № 134 (у южного края квадрата № 5). На глубине 1,05—1,25 м открыт костяк, ориентированный головой на восток. Он лежал на спине, голова была повернута к правому плечу. Руки были расположены вдоль туловища, ноги вытянуты и сведены в ступнях. Сохранность костей плохая. Правая сторона костяка опущена на 0,15—0,20 м ниже, чем левая. Общая длина костяка — 1,70 м. В могильной земле найдено несколько обломков простых сосудов.

Всего за два года работ на «восточном» раскопе было обнаружено тридцать две могилы. Все погребения представляли собой трупоположения, причем костяки лежали на спине. Единственным исключением является могила № 109 (костяк младенца в амфоре). Ориентация покойников головой на север наблюдалась в восемнадцати случаях, на восток — в семи, на запад — в трех, на с.-з. — в двух, на ю.-ю.-в.— в одном. В тринадцати случаях голова была повернута к правому плечу, в одном наклонена к тому же плечу, но обращена лицом вверх (могила № 130), в трех случаях наверняка и в возможно четвертом голова была повернута к левому плечу.

В большинстве погребений руки были расположены вдоль туловища, а ноги вытянуты и лежали параллельно, иногда они сближались в ступнях. В семи случаях левая рука оказалась согнутой в локте, а кисть ее положена на тазовую кость. В могиле № 104 обе руки были согнуты в локтях. В погребениях № 112 и 127 ноги были скрещены в ступнях; возможно, то же имело место и в могиле № 122.

Захоронение в деревянном гробу обнаружено только в могиле № 106, детское погребение в амфоре — лишь в могиле № 109. Подсыпка песка под костяком наблюдалась только один раз — в могиле № 115.

Все захоронения неглубоки: глубина менее 0,50 наблюдалась в шести могилах, от 0,50 до 1,00 — в пятнадцати, от 1,00 до 1,50 — в девяти и 1,65 м — в двух (№ 106 и 128).

Погребальный инвентарь был весьма скромным. В пятнадцати могилах вещей не было вовсе. В остальных попадались бусы, мелкие бронзовые украшения, железные браслеты, глиняная посуда, железные ножи. В могиле № 115 были найдены коровьи ребра. Весьма сомнительна принадлежность погребению монеты, найденной в ногах костяка могилы № 122; эта монета лежала на 0,10 м ниже горизонта погребения. Нельзя с полной уверенностью утверждать принадлежность погребению клыков кабана, обнаруженных под ногами костяка в могиле № 127.

«ЮЖНЫЙ» РАСКОП 1940 г.

После того как западная граница Фанагории была намечена работами 1938 г., а восточная — работами 1939 г., на очередь встал вопрос об южной границе города. Этот вопрос был решен в 1940 г.

Топографические условия позволяли предполагать, что граница проходила по южному краю верхнего плато фанагорийского городища. Оно возвышается над впадиной, по которой идет дорога из Темрюка в Тамань, и представляет, таким образом, удобный оборонительный рубеж. Однако обилие подъемного материала на северном склоне сопки Блевака делало возможным предположение, что территория города простиралась значительно дальше, в южном направлении, захватывая склоны сопки. Для выяснения этого вопроса был разбит «Южный» раскоп; он был расположен к югу от восточной части верхнего плато городища на северном склоне сопки Блевака на второй снизу террасе, примерно в 140 м от профилированной дороги (рис. 17).

Раскоп имел форму прямоугольника: 10 × 5 м, причем длинные стороны его были ориентированы с востока на запад. Раскопка велась квадратами 5 × 5 м; по ходу работ пришлось сделать прирезки, в силу чего вскрытая площадь в общем составила 53,1 м (рис. 17, *1*).

Земля представляла суглинок со значительным содержанием гумуса в верхнем слое и обильным количеством камней («плитняка») и железняка. Эти камни были меньше по размерам в верхних пластах земли, а в нижних они достигали 1 м в длину и ширину. Верхний пласт почвы исследуемого участка, пересыхая, растрескивался на глубину до 0,60 м и приобретал исключительную твердость. В настоящее время (а, возможно, и в прошлом) данный участок представляет выгон, и большая плотность земли объясняется, может быть, тем, что ходивший в этом месте скот в сырую погоду перемешивал ногами почву с суглинком и частями свежих растений, в результате чего образовался почвенный слой, по составу сходный с саманом, отличающимся, как известно, значительной твердостью. Под суглинком лежала плотная, темная коричневато-серая глина с белыми известковыми включениями, редкими включениями слюды и уже упоминавшимися выше камнями. Корни растений проникали в землю на глубину свыше 1,50 м. Ввиду необследованности участка и возможности грязевых наплывов в результате вулканической деятельности Блеваки, по обнаружении материка на всей площади раскопа (на глубине 0,50—1,20 м) были сделаны еще контрольные углубления. Северо-восточная четверть каждого квадрата была раскопана на глубину до 2,90 м.

На вскрытой площади были обнаружены остатки зольного пятна с расположенной около него фрагментированной посудой классического

времени — по всей видимости, остатками тризны, и, кроме того, семнадцать могил, относящихся, нужно думать, к средневековому времени. Никаких архитектурных сооружений найдено не было. Это позволяет утверждать, что данный участок находился за пределами города во все время существования Фанагории.

В земле (вне остатков тризны и могил) попадались немногочисленные находки античного времени: обломки простой посуды, очень мало чернолаковых черепков, фрагментов строительной керамики, стекла, сырца, кости домашних животных, раковины и т. д.

В средней части восточного квадрата (№ 2) на глубине 1,08—1,10 м от поверхности почвы было обнаружено резко выделявшееся зольное скопление, вокруг которого лежал более тонкий слой золы (рис. 17, *2*). Общая протяженность зольного слоя с с.-з. на ю.-в.— 3,60 м, а с с.-в. на ю.-з.— 1,60 м; центральная, более насыщенная часть имеет протяжение в первом направлении — 1,80, во втором — 1,20 м. Зола, судя по характеру ее, происходит от сожжения не дерева, а соломы или тростника, которые и в настоящее время являются основными видами топлива в окрестностях Фанагории. Над всей площадью, покрытой золой, лежал слой глины 0,18—0,20 м толщиной; в глине находились включения мелких угольков и золы. Кроме того, над скоплением золы обнаружен большой камень — железняк (размером 0,28 × 0,40 × 0,60 м), под ним залегали частицы не вполне перегоревшего топлива. По всей видимости, кострище, занимавшее участок центрального скопления золы, при гашении было засыпано глиной. Тогда на него и был сброшен упомянутый большой камень. При засыпке кострища зола распылялась, в результате чего и образовался легкий слой золы вокруг кострища и, кроме того, глина засыпи перемешалась с золой.

Рядом с главным скоплением золы и частично на нем была обнаружена греческая глиняная посуда. К с.-з. от зольного пятна были найдены обломки фрагментированной остродонной амфоры с красными полосками на горле, ручках и ножке. К ю.-з. от скопления золы была обнаружена вторая разбитая на части амфора; в 0,15 м к востоку от второй амфоры найдены два простых кувшинчика из красной глины, по форме тулов сходных с арибаллическими лекифами (рис. 16, *3—4*).

В юго-восточной части тонкого зольного слоя обнаружены обломки третьей фрагментированной амфоры (горло, по всей видимости, принадлежавшее этой амфоре, лежало в 1,60 м к с.-з. от остальных частей ее). К западу от третьей амфоры найдены фрагменты простой тарелочки. Кроме того, по всему пространству зольника встречались фрагменты простых, чернолаковых и лощеных сосудов, а также в незначительном количестве кости животных и ничтожные остатки рыбьих и птичьих костей.

Описанный комплекс зольника скорее всего возник в IV—III вв. до н. э., в результате какого-то культового действия, скорее всего тризны, которая была справлена на загородном пустыре.

Над северо-восточным краем зольника, на 0,25—0,30 м выше последнего, найдена чернолаковая одноручная чашка III в. до н. э.

Выше уровня зольника было обнаружено семнадцать могил, расположенных по всей площади раскопа. Все они представляли трупоположения в простых ямах, всегда неглубоких, а часто даже незначительных по глубине.

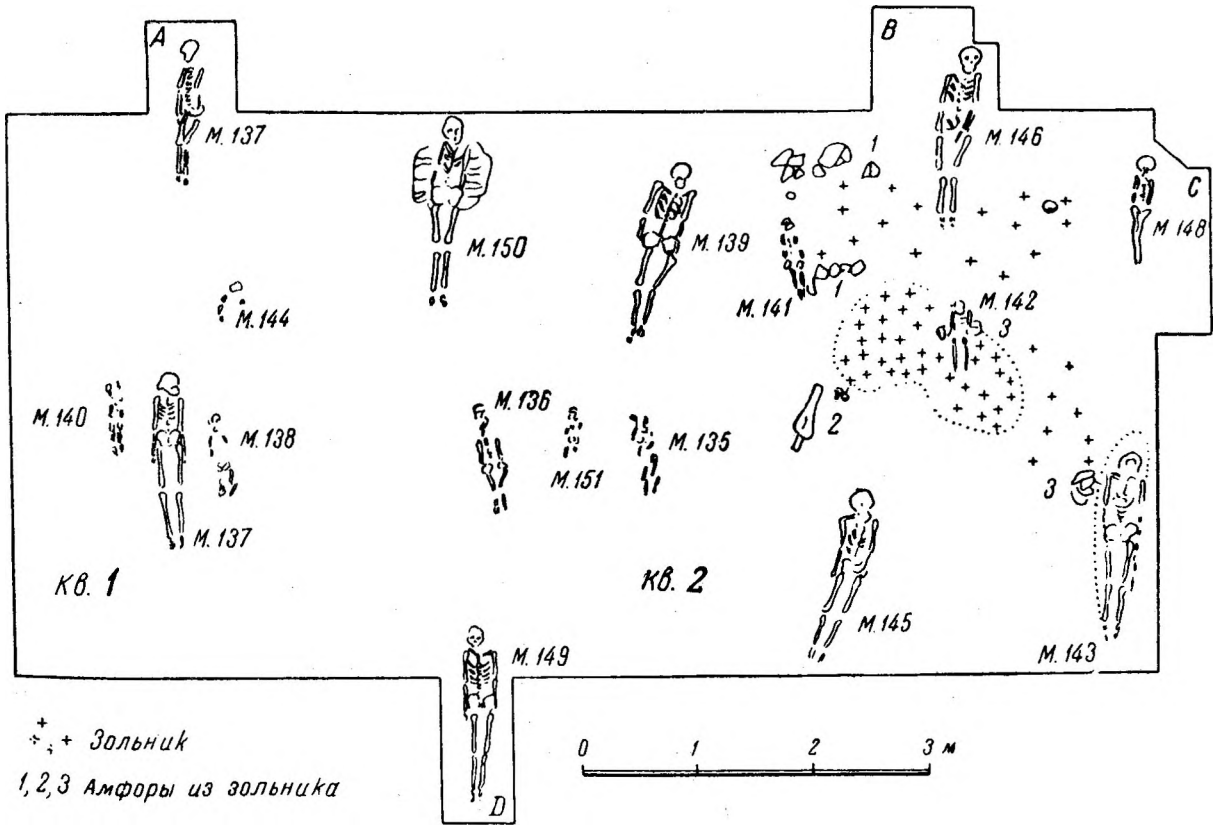
Коль скоро все могилы оказались, по всей видимости, близки между собой по времени, мы дадим их описание в порядке нумеров дневника.

Могила № 135 (в западной части квадрата № 2). На глубине 0,16—0,25 м обнаружен детский костяк, ориентированный головой на север. Он лежал на спине с расположенными вдоль туловища руками и параллельно вытянутыми ногами. Положение костяка было наклонное, ноги находились несколько ниже головы. Сохранность костей плохая, особенно черепа, от которого дошла только часть верхней челюсти. Общая длина костяка — 0,69 м. Кости немного смещены и местами раздроблены, что, возможно, произошло в результате надавливания копытами скота на почву в дождливую погоду или вскоре после дождя. Тогда земля очень мягка, и копыта лошадей, а также крупного рогатого скота, глубоко уходят в почву; захоронение же, как мы уже отмечали, было произведено на совсем небольшой глубине.

Могила № 136 (в восточной части квадрата № 1). На глубине 0,16—0,35 м открыт детский костяк, ориентированный головой на север с незначительным отклонением к западу. Голова была слегка повернута к правому плечу. Костяк лежал на спине. Правая рука была вытянута вдоль туловища, левая — положена поверх ребер и таза; ноги сведены в коленах, голени расположены параллельно. Сохранность костей посредственная. Фаланги рук и ног почти не сохранились. Общая длина костяка — 1 м. Так же, как и в могиле № 135, кости раздавлены и частично смещены.

Могила № 137 (в северной части квадрата № 1 и на приемке «А»). На глубине 0,25 м найден костяк подростка, ориентированный головой на север с еле заметным отклонением к востоку. Костяк лежал на спине, причем левая часть его была приподнята по сравнению с правой. Руки вытянуты вдоль туловища; левое плечо и предплечье лежали поверх ребер. Ноги расположены параллельно, с незначительным изгибом в коленях. Сохранность костей посредственная. Общая длина костяка — 1,32 м, длина до пяточной кости — 1,25 м.

Могила № 138 (в средней части квадрата № 1). На глубине 0,20—0,34 м обнаружен

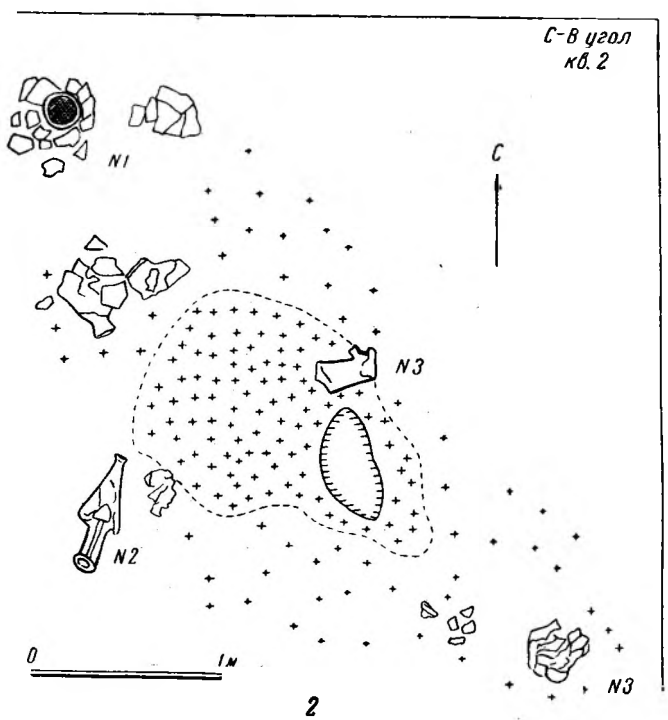

Рис. 17.

1 — Южный некрополь 1940 г. План; *2* — Южный некрополь 1940 г. Тризна. План

детский костяк, ориентированный головой на север. Он лежал на спине с расположенными вдоль туловища руками и параллельно вытянутыми ногами. Сохранность костей плохая. Кисти рук и ступни ног отсутствуют. Общая длина костяка — 0,74 м. Как и в могилах № 135 и 136, часть костей смещена и раздавлена.

Могила № 139 (в северо-западном углу квадрата № 2). На глубине 0,30—0,51 м открыт костяк, ориентированный головой на север, с небольшим отклонением к востоку. Он лежал на спине с расположенными вдоль туловища руками, кисти их были положены на бедра, вытянутые ноги сходились в ступнях. Сохранность костей хорошая. Общая длина костяка — 1,67 м, длина до пяточной кости — 1,58 м. Около левой части тазовой кости у кисти руки обнаружен сильно окислившийся кусок бронзы.

Могила № 140 (в западной части квадрата № 1). На глубине 0,36—0,44 м найден детский костяк, ориентированный головой на север. Костяк лежал на спине, причем левая часть его была приподнята по сравнению с правой. Руки расположены вдоль туловища, ноги слегка согнуты в колёнях. Сохранность костей плохая. Кисти рук и ступни ног утрачены. Общая длина костяка — 0.64 м.

Могила № 141 (в северо-западной четверти квадрата № 2). На глубине 0,30—0,43 м обнаружен детский костяк, ориентированный головой на север. Он лежал на спине с расположенными вдоль туловища руками и ногами, скрещенными в ступнях. Сохранность костей плохая. Кисти рук и ступни почти полностью утрачены. Общая длина костяка 0,71 м.

Могила № 142 (в средней части квадрата № 2). На глубине 0,42—0,52 м открыт детский костяк, ориентированный головой на север. Он лежал на спине, лицо было обращено кверху, руки расположены вдоль туловища, кисти положены на бедра, ноги вытянуты параллельно. Сохранность костей посредственная. Ступни утрачены. Общая длина костяка — 0,70 м.

Могила № 143 (в юго-восточном углу квадрата № 2). На глубине 0,67—0,90 м найден костяк, ориентированный головой на север с небольшим отклонением к востоку (рис. 14, *5*). Он лежал на спине, голова была повернута к левому плечу, руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно, сохранность костей, кроме черепа, очень хорошая. Общая длина костяка — 1,72 м, длина до пяточной кости — 1,54 м.

Покойник был сверху чем-то покрыт, вероятно, тканью. Перегной ее образовал черную пелену, 1,70 м длиной и 0,48 м шириной, лежавшую над костями. Аналогичное пятно перегноя было обнаружено и под костями покойника.

Могила № 144 (в средней части квадрата № 1). На глубине 0,20—0,25 м обнаружен детский костяк, ориентированный головой на север, с отклонением к востоку. Он лежал на спине, правая рука была вытянута вдоль туловища. Сохранность костей очень плохая; большая часть их вовсе утрачена. Длина костяка — 0,35 м.

Могила № 145 (в южной части квадрата № 2). На глубине 0,56—0,76 м открыт костяк, ориентированный головой на север с отклонением к востоку. Он лежал на спине, голова склонена к правому плечу, лицо повернуто влево. Руки расположены вдоль туловища, а кисти их находились под тазовыми костями. Ноги вытянуты параллельно. Общая длина костяка — 1,59 м, длина до пяточной кости 1,48 м. Под черепом лежал большой камень, возможно случайный. Под костями обнаружены остатки перегноя, возможно ткани, имевшие вид черного пятна. Это пятно (местами прерываясь) занимало пространство от головы до бедер около 0,75 м в длину. В могильной земле найдено несколько обломков простых сосудов.

Могила № 146 (в северной части квадрата № 2 и приемке «В»). На глубине 0,66—0,83 м обнаружен костяк, ориентированный головой на север. Он лежал на спине, голова была повернута к левому плечу. Правая рука была вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, кисть ее покоилась на тазовых костях. Ноги вытянуты. Сохранность костей, кроме черепа, очень хорошая. Общая длина костяка — 1,62 м, длина до пяточной кости — 1,48 м. В могильной земле найдено несколько обломков простых сосудов.

Могила № 147 (в западной части квадрата № 1). На глубине 0,50—0,70 м найден костяк, ориентированный головой на север. Он лежал на спине, голова была повернута к левому плечу, руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты и сближены в ступнях. Сохранность костей хорошая. Общая длина костяка — 1,58 м, длина до пяточной кости — 1,48 м.

Могила № 148 (в северо-восточном углу квадрата № 2 и в приемке «С»). На глубине 0,64—0,72 м открыт костяк подростка, ориентированный головой на север, с незначительным отклонением к востоку. Он лежал на спине, голова была склонена к левому плечу, лицо обращено кверху, руки расположены вдоль туловища, слегка согнутые в коленях ноги вытянуты. Сохранность костей, кроме черепа, хорошая. Общая длина костяка около 1 м, до пяточной кости — 0,90 м. Под костяком местами обнаружены пятна черного перегноя, возможно, остатки ткани, так же как и в могилах № 143 и 145.

Могила № 149 (в юго-восточном углу квадрата № 1 и в приемке «Д»). На глубине 0,85—1,03 м найден костяк, ориентированный головой на север. Он лежал на спине с расположенными вдоль туловища руками, кисти

которых были положены на бедра, ноги вытянуты параллельно. Общая длина костяка — 1,70 м, длина до пяточной кости — 1,58 м.

Могила № 150 (в северо-восточном углу квадрата № 1). На глубине 1,00—1,07 м открыт костяк, ориентированный головой на север, с незначительным отклонением к востоку. Он лежал на спине, голова была наклонена к правому плечу, руки расположены вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно. Сохранность костей очень хорошая. Нижняя челюсть отпала от черепа. Общая длина костяка — 1,75 м, длина до пяточной кости — 1,65 м. Над верхней частью костяка, на пространстве от черепа до таза, на глубине 0,90—1,03 м от поверхности, другими словами, на 0,02—0,10 м над костями, прослежено пятно плохо сохранившихся следов дерева. Протяжение его с севера на юг — 0,60 м, с востока на запад — 0,70 м. Судя по следам, здесь было положено шесть брусков дерева, видимо,— сучьев, расположенных по направлению с востока на запад. Первый, считая с севера, отпечатан на глине, до нас дошли отдельные мелкие волокна; след сохранился в длину на 0,35 м, ширина его — 0,025 м. Второй — длиной 0,51 м и шириной 0,045 м — также представлял отпечаток на глине с мелкими волокнами. Третий прослеживался только по отпечатку на глине 0,62 м длиной и 0,042 м шириной. Лучше сохранились остатки четвертого бруска. Остатки дерева темнокоричневого, местами черного цвета тянулись на 0,39 м в длину, 0,04 м в ширину, при толщине от 0,01 до 0,03 м. От пятого бруска лишь частично сохранились остатки дерева; в основном он прослеживается по отпечатку на глине 0,56 м длиной и 0,045 м шириной. То же следует сказать и о шестом, заметном на 0,44 м в длину и 0,044 м в ширину. Судя по следам, описанные бруски или сучья лежали наклонно, западные концы на 0,10—0,13 м были выше восточных. Вероятно, описанный настил — часть несохранившегося перекрытия могильной ямы. Это предположение подтверждается также отпавшей от черепа нижней челюстью, указывающей, что разложение трупа происходило в пространстве, незаполненном землей.

Могила № 151 (у восточного края квадрата № 1). На глубине 0,10—0,15 м обнаружен детский костяк, ориентированный головой на север с небольшим отклонением к востоку. Он лежал на спине, руки расположены вдоль туловища, бедренные кости ног вытянуты параллельно. Сохранность костей плохая, многие из них, в том числе ножные, ниже колен,— утрачены. Общая длина сохранившейся части костяка — 0,44 м.

Как и в могилах № 135, 136 и 138, часть костей смещена и раздавлена.

Таковы семнадцать могил, найденных на «южном» раскопе в 1940 г. Как видно из описания, все они представляют гробницы одного и того же типа. Это трупоположения костяков, ориентированных головой на север. Отклонения от этого направления, если и существуют, то столь незначительны, что практического значения иметь не могут. Все костяки лежали на спине. Лишь в могилах № 137 и 140 наблюдалось несколько иное расположение; однако в этом вряд ли можно видеть иной обряд. В подавляющем большинстве случаев руки были расположены вдоль туловища, а ноги вытянуты параллельно или сведены в ступнях. В трех погребениях (№ 139, 142 и 149) кисти рук лежали на бедрах, в одном (№ 145) — под тазовыми костями, в двух погребениях (№ 136 и 146) левая рука была согнута в локте, и кисть ее покоилась на тазовой кости, в другой могиле (№ 141) — ноги скрещены в ступнях. В трех погребениях голова повернута к правому плечу, в шести — к левому, в пяти — обращена лицом вверх, в четырех — первоначальное положение не поддавалось установлению.

Инвентарь в могилах отсутствовал, если не считать обломка бронзы в могиле № 139, куда он, возможно, попал совершенно случайно. В трех могилах, № 143, 145 и 148, обнаружены следы перегноя, возможно остатки ткани. В одном погребении (могила № 150) обнаружены следы деревянного настила, возможно закрывавшего могилу сверху.

Все могилы неглубоки: десять из них имели менее 0,50 м в глубину, шесть — от 0,50 до 1 м и одна 1,07 м. В силу этой небольшой глубины захоронений могильные ямы не могли быть прослежены. Однако судя по тому, что костяки производят впечатление как бы сжатых с боков, а два из них (могилы № 137 и 140), видимо, были с трудом втиснуты в слишком узкие для них могилы, можно предполагать незначительную протяженность могильных ям, не превышавших, вероятно, длины трупа. Особенно это характерно для детских погребений. Всего было девять могил, восемь из них имеют в глубину менее 0,50 м.

Отсутствие погребального инвентаря сильно затрудняет датировку погребений и определение культурной принадлежности последних. Однако самая глубокая из могил лежала выше, чем зольник с амфорами классической эпохи; притом все они были вырыты в земляном пласте, вероятно отлагавшемся постепенно в течение долгого времени. Уже одно это наводит на мысль о сравнительно позднем времени могил, в полном соответствии с чем является несвойственное античному обряду похорон совершенное отсутствие погребального инвентаря, которое вряд ли следует объяснить одной лишь бедностью покойников. Наконец, и характер костей хорошо сохранившихся костяков побуждает думать скорее о средних веках, чем об античной эпохе. Если принять эту дату, тогда ориентация покойников головой на

север — лицом на юг, может быть, найдет объяснение как ориентация на Иерусалим, свойственная тем средневековым обитателям Таманского полуострова, которые исповедывали юдаизм.

ГЛАВНЕЙШИЕ ИТОГИ РАСКОПОК НЕКРОПОЛЯ В 1938—1940 гг.

В результате исследования различных участков некрополя в 1938—1940 гг. оказалось возможным окончательно установить ранее наметившуюся западную границу Фанагории, а также выяснить пределы, до которых простирался этот город на востоке и юге.

Работы 1938 г. показали, что холм «В» всегда находился вне города и был занят некрополем. Примерно в III в. до н. э. там, по всей видимости, был сооружен героон, по разрушению которого на вершине холма стали погребать покойников, о чем свидетельствуют могилы II—V вв. н. э. Большая часть этих могил — грунтовые, видимо, принадлежавшие небогатому населению Фанагории. С этими могилами перемежаются земляные склепы фанагорийской знати. Часть погребенных, видимо, была сарматского происхождения.

Производившимися в том же году раскопками узкой полосы берегового песка были обнаружены могилы античного времени. На восток от них выявлено, по всей видимости, ложе выбранной начисто фанагорийской оборонительной стены, расположенной недалеко от городского раскопа («А») 1936—1937 гг. Таким образом, оказалась точно установленной западная граница города, хорошо связывающаяся с рельефом местности (западным краем верхнего плато). Небольшие работы, производившиеся в 1939 г. в западной части некрополя Фанагории, подтвердили выводы, сделанные в 1938 г.

Раскопками 1939—1940 гг. установлена восточная граница Фанагории. При этом выяснена история жизни восточного холма, находившегося вне городской черты. Там обнаружены могилы конца VI — начала V вв. до н. э., лежащие над ними пласты черепяной свалки и, наконец, многочисленные могилы II—I вв. до н. э., первых веков н. э. и более позднего времени. В отличие от западных некрополей Фанагории, раскапывавшихся в 1936—1937 гг., на холме «С» и в 1938 г. на холме «В», где наряду с простыми грунтовыми могилами встречались земляные склепы фанагорийской знати, обследованная часть восточного некрополя имеет более однородный характер. Видимо, там погребались покойники рядового населения Фанагории.

Наконец, исследования, произведенные в 1940 г., на северном склоне сопки Блевака, позволили установить южную границу Фанагории. Обнаруженные при этом остатки кострища IV—III вв. до н. э. и средневековый могильник явно показали, что исследованный участок находится вне городской черты.

Таким образом, раскопками 1940 г. были окончательно выяснены общие очертания границ Фанагории. Это позволило примерно установить площадь, занятую древним городом. Фанагория занимала (не считая частей размытых морем) приблизительно 36 га.

Н. Я. Мерперт

ФАНАГОРИЙСКИЕ ЧЕРЕПИЦЫ ИЗ РАСКОПОК 1938 г.

Во время раскопок Фанагории в 1938 г. в южной части II площади некрополя «В» была обнаружена выкладка из шести черепиц.

Черепицы располагались на глубине 0,87—1,00 м. Ими было выложено пространство около 1,70 м в длину и 0,82 м в ширину. Три солена [1] с клеймами ΒΑΣΙΛΙΚΗ лежали рядом, примыкая друг к другу поперечными бортами. Под ними находились калиптеры. Два калиптера лежали на стыках между соленами, третий — вдоль наружного края одного из соленов (рис. 1). Все черепицы были раздавлены. Под черепицами находилась засыпанная землей яма, совершенно пустая: в ней обнаружены лишь два черепка (простой и чернолаковый) и одна ракушка.

Конструкция выкладки и ее расположение показывают, что она не имела непосредственного отношения к остаткам архитектурного сооружения III в. до н. э., обнаруженного в этом же раскопе [2]. Это не крыша. Калиптеры лежали под соленами, являясь как бы поддерживающими их поперечными балками. Вся выкладка расположена заметно южнее архитектурных остатков; она производит впечатление не завала, а специально сложенной конструкции. Само же здание вообще, вероятно, не имело крыши: оно, по предположению В. Д. Блаватского, представляло героон; это тем более вероятно, что находилось оно в районе некрополя [3]. Последнее обстоятельство облегчает, как мне кажется, решение вопроса о назначении обнаруженной выкладки. Как известно, греки и римляне широко использовали черепицу для устройства гробниц. Черепичные гробницы, относящиеся к разным эпохам, в большом числе найдены в различных частях античного мира. Конструкции их разнообразны,— от довольно сложных черепичных ящиков до простого перекрытия черепицей могильной ямы. Иногда на одном некрополе встречаются различные типы черепичных гробниц [1].

На Боспоре черепичные гробницы имели значительное распространение. Иногда плитами и черепицами обкладывались стены и пол ямы. В подобных случаях мы имеем дело с погребением в каменном ящике или с целым черепичным сооружением. Крыша черепичных гробниц часто делалась на два ската. Иногда вся черепичная гробница составлялась из черепиц, соприкасавшихся своими верхними краями, и давала в разрезе треугольник [2].

Две конструкции черепичных гробниц опубликованы в «Древностях Боспора Киммерийского» [3], одна — двускатная, вторая — несколько сложнее: помимо черепичной двускатной крыши, она имела черепичные же стенки. Но, наряду с подобными, имели место и гораздо более простые конструкции гробниц. Иногда черепицей обкладывались лишь стенки гробницы [4]. Подобные гробницы часто закладывались черепицей [5]. Наконец, наиболее простой тип представлял обычные земляные могилы, покрытые черепицей сверху. Такие гробницы встречены в наибольшем числе. Иногда черепицы перемежались с каменными плитами [6] или досками [7]; последние играли, видимо, роль опорных балок.

---

[1] Я придерживаюсь здесь терминологии, принятой в свое время Б. В. Фармаковским. Возражения В. Ф. Гайдукевича против обозначения плоской черепицы термином «солен» (В. Ф. Гайдукевич, Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы, ИГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 286) не представляются мне окончательно обоснованными.

[2] См. статью В. Д. Блаватского «Раскопки некрополя Фанагории в 1938—1940 гг.», помещенную в настоящем сборнике, стр. 195 сл.

[3] В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1938/39 г., ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 292.

[1] O. Menghin und A. Saracsin. Römische Funde aus Sommerein am Zeithagebirge, Niederösterreich, JOAI, XXIV, Beibl., стр. 83—84.

[2] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 180.

[3] Атлас. «Виды и чертежи Боспора», № 9 и 10.

[4] ИАК, вып. 9, 1904, стр. 158.

[5] Там же, вып. 9, стр. 104; вып. 40, 1911, стр. 86 сл.

[6] Там же, вып. 9, 1904, стр. 162, 145 сл.

[7] Там же, вып. 40, 1911, стр. 74.

Расположение черепиц исследуемой выкладки очень напоминает конструкцию простейших могил, покрытых черепицей. Площадь, покрытая черепицей, равна 1,70×0,82 м, находившаяся под нею яма вполне могла служить могилой для человека небольшого роста. Расположение калиптеров на необычном для них месте — под соленами, на стыке их поперечных сторон — позволяет предполагать, что калиптеры служили опорными поперечными балками, поддерживающими солены. Но яма оказалась пуста, никаких следов погребения в ней не обнаружено, что не позволяет точно определить ее назначение. Представляется закономерным предположение, что это пустая могила — κενοτάφιον. Такие могилы сооружались в честь погибших в море или на чужбине. Они хорошо известны в античном мире. Греция знала их со времен Гомера [1], в классический и эллинистический периоды они получили широкое распространение [2]. Сооружение кенотафия сопровождалось торжественным обрядом, сам он почитался так же, как и настоящая могила. Римляне переняли этот обычай [3]. В средние века кенотафии сооружались у многих народов, известны они и в древней Руси, в частности в Гнездовском могильнике.

Перейду к описанию найденных черепиц [4].

I. Солен фрагментированный (рис. 2). Представляет плоскую прямоугольную плиту длиной 0,595, шириной — 0,50 и толщиной — 0,022 м. Вдоль обеих длинных сторон имеются закраины, высотой 0,038, шириной — 0,026 м. На расстоянии 0,023 м от одной из коротких сторон, параллельно ей по внешней поверхности черепицы тянется валик, упирающийся концами своими в закраины. Ширина валика у основания — 0,013, высота его — 0,008 м. У противоположной короткой стороны на внутренней поверхности черепицы вдоль самого ее края тянется загибающееся вниз утолщение — «зуб». Ширина его — 0,02, толщина — 0,03 м. До длинных бортов черепицы зуб не доходит: этому препятствуют срезы, расположенные на нижней поверхности черепицы, с той же стороны, что и зуб, у обоих углов. На внешней поверхности черепицы, у той же короткой стороны, на расстоянии 0,045 м от нее и около 0,20 м от длинных сторон, расположе-

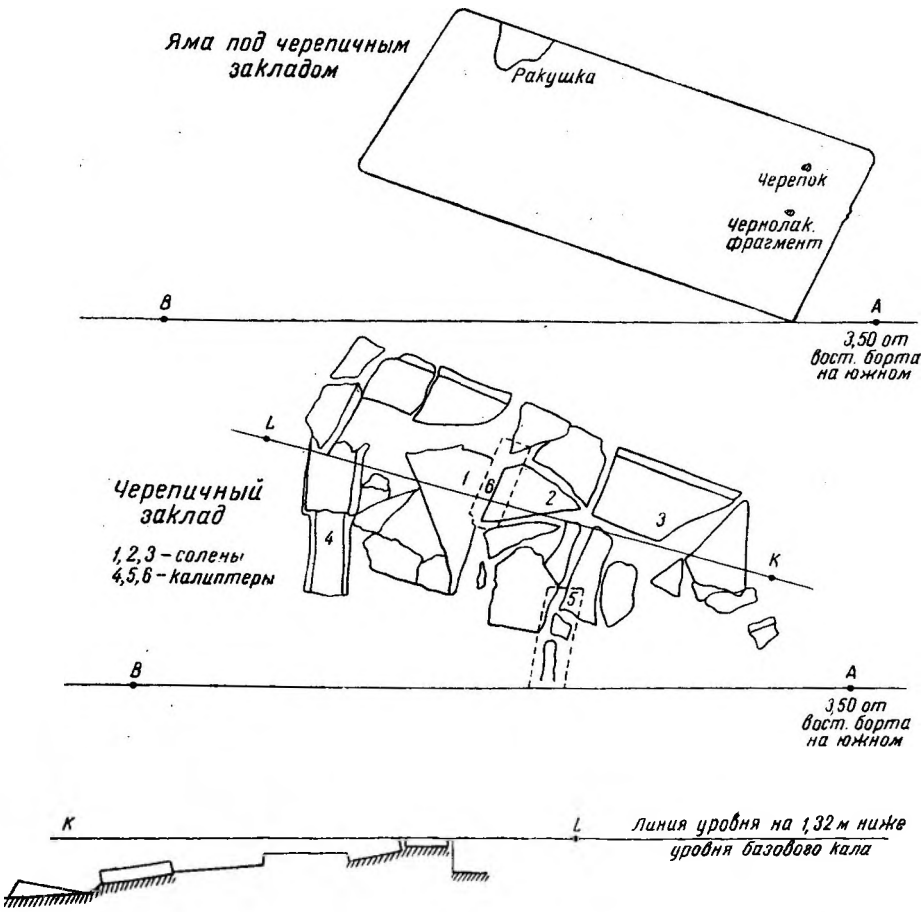

Рис. 1. План и разрез выкладки.

[1] Hom. Od. IV, 584.
[2] Xen. Anab., 6, 4, 9; Pausan., 9, 18, 4.
[3] E. Cuq, Funus, Daremberg — Saglio, стр. 1370, 1396.

[4] Я описываю черепицы в том состоянии, в котором они находятся ныне в ГМИИ им. А. С. Пушкина.

но клеймо с надписью ΒΑΣΙΛΙΚΗ. Поле его имеет овальную форму. Длина поля — 0,098, ширина — 0,022 м, высота букв — 0,019 м. Сделана черепица из яркокрасной глины с многочисленными белыми и коричневыми включениями. Внешняя поверхность черепицы и длинные борта ее покрыты тонким слоем хорошо отмученной, несколько более

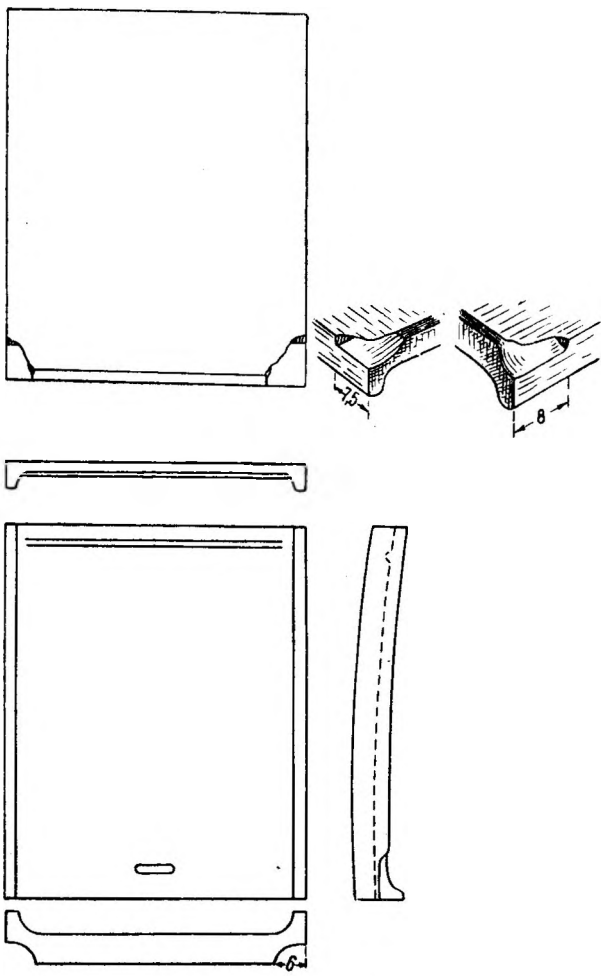

Рис. 2. Солен I.

светлой глины. Солен состоит из 6 фрагментов и собирается не полностью.

II. Часть солена, состоящая из 11 фрагментов (рис. 3). Конструкция полностью повторяет описанную выше. Длина солена неполная, ширина — 0,50, толщина — 0,022 м. Высота закраины — 0,038, ширина ее — 0,027 м. Валик расположен на расстоянии 0,025 м от борта, его ширина у основания — 0,015, высота — 0,01 м. Ширина зуба — 0,02, толщина — 0,028 м. Клеймо расположено на расстоянии 0,04 м от короткого и 0,20 м от длинных бортов. Как общие формы солена, так и формы его деталей тождественны формам первого солена. Глина красная с белыми и коричневыми включениями. Внешняя поверхность и длинные борта ангобированы.

III. Часть солена, той же конструкции, состоящая из 7 фрагментов (рис. 4). Длина — 0,62 м, ширина неполная, толщина — 0,025 м. Высота закраины — 0,025, ширина — 0,025 м. Высота валика — 0,01, ширина 0,015 м, расстояние его до края солена — 0,02 м. Ширина зуба — 0,022, толщина — 0,02 м. Клеймо расположено на расстоянии 0,045 м от короткого и

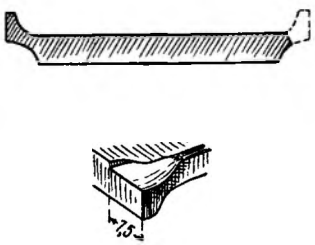

Рис. 3. Солен II.

0,19 м от длинного борта. Форма поля клейма четырехугольная со сглаженными углами. Длина его — 0,076, ширина — 0,03 м, высота букв — 0,013 м. В верхней половине клейма — надпись ΒΑΣΙΛΙΚΗ, в нижней — изображение

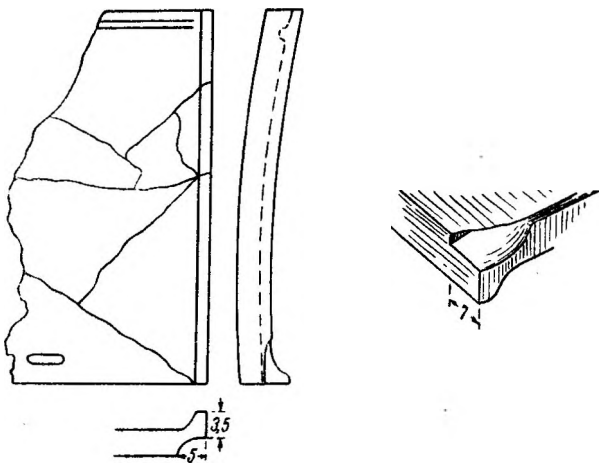

Рис. 4. Солен III.

трезубца и дельфина. Глина черепицы красно-коричневая, цвет ее несколько более темный и густой, чем у двух предыдущих, включений меньше. Поверхность ангобирована.

I. Калиптер фрагментированный (рис. 5). Представляет собой опрокинутый жолоб с граненой наружной поверхностью. Внутренняя поверхность — гладкая, в разрезе — полукруглая. Верхние грани образуют как бы двускатную крышу, нижние несколько скошены внутрь. Длина калиптера — 0,623, ширина его внизу — 0,135, максимальная ширина — между местами стыка верхних и нижних граней — 0,150, высота до гребня — 0,08, высота внутренней части — 0,045, ширина верхних граней — 0,09, нижних — 0,034 м. У одного из концов калиптера, за 0,07 м от него, поверхность верхних граней понижается на 0,003 м, образуя

небольшую ступень. На противоположном конце калиптер имеет щиток, опущенный вниз на 0,03 м, нижние его грани повторяют форму верхних граней калиптера. Калиптер сделан из темной красно-коричневой глины с коричневыми и белыми включениями. Поверхность его ангобирована.

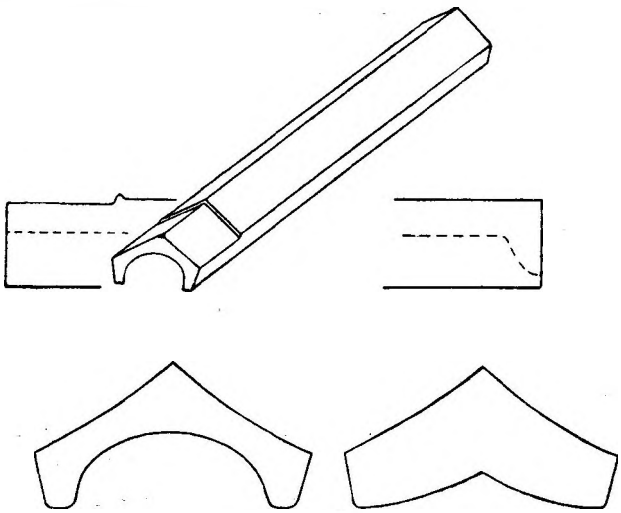

Рис. 5. Калиптер I.

Остальные два калиптера имеют такую же конструкцию, описывать подробно я их не буду, укажу лишь на размеры и некоторые особенности.

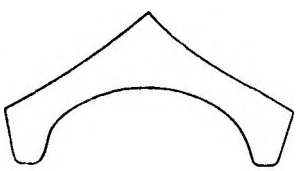

Рис. 6. Калиптер II.

II. Фрагмент калиптера (рис. 6). Длина неполная; ширина внизу — 0,140, максимальная ширина — 0,150 м; высота до гребня — 0,080, высота внутренней части — 0,045 м, ширина

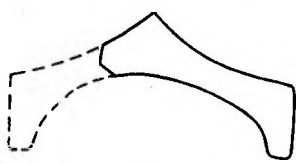

Рис. 7. Калиптер III.

верхних граней — 0,09, нижних — 0,036 м. Щиток шириной 0,03 м. Глина красно-коричневая, темная, с белыми и коричневыми включениями. Поверхность ангобирована. Форма тождественна форме предыдущего калиптера.

III. Фрагмент калиптера (рис. 7). Его форма и размеры несколько отличаются от описанных выше. Верхние грани не прямые, а несколько вдавленные, нижние — совершенно вертикальные. Длина — неполная; ширина — 0,160 м; высота до гребня — 0,076, высота внутренней части — 0,040 м; ширина верхних граней — 0,088, ширина нижних — 0,040 м. Глина красная, более светлая, с белыми и коричневыми включениями. На внешней поверхности видны следы красной краски.

Описанные черепицы принадлежат хорошо известной кровельной конструкции, господствовавшей в архитектуре античного мира почти безраздельно. Конструкция эта неоднократно описывалась [1], поэтому я опишу ее лишь в самых общих чертах. Вся поверхность крыши покрывалась соленами. Они располагались непрерывными рядами сверху вниз — от конька крыши до ее нижнего края. Боковые борты каждого такого ряда были составлены длинными сторонами черепиц, снабженными закраинами. Внутри ряда солены укладывались так, что нижняя часть каждого из них несколько перекрывала следующий солен. Нижней частью следует считать ту, где расположен зуб, верхней — ту, где валик. Зуб верхнего солена заходил за валик нижнего и удерживал его. Сам он удерживался соленом, расположенным над ним и т. д. Самый верхний солен был закреплен наглухо: он либо был коленчатым и перекрывал верхнюю балку (конек), либо прикреплялся к ней гвоздями. Таким образом, каждая верхняя черепица удерживала нижнюю от сползания. Это скрепление сверху вниз.

Но наряду с этим каждый нижний солен в свою очередь удерживал верхний от оползания. Верхние концы закраин каждого нижнего солена входили в вырезы-пазы на нижней поверхности верхнего солена, упирались в них и не допускали оползания. Самые нижние солены, расположенные у края кровли, закреплялись наглухо,— скорее всего, прибивались гвоздями. Это скрепление снизу вверх. Таким образом, как мне представляется, здесь существовало двойное скрепление, весьма простое и прочное. Прочность увеличивалась тяжестью черепицы. Накладывание нижнего конца верхнего солена на верхний конец нижнего предотвращало проникновение воды: ряд становился беспрерывным. Ряды укладывались параллельно, вплотную друг к другу, так что солены соседних рядов соприкасались своими длинными, снабженными закраинами, бортами. Но как бы плотно ни прилегали ряды друг к другу, между ними неизбежно оставалась щель, достаточная для проникновения воды. Эта-то щель и закрывалась желобчатыми черепицами — калиптерами. Они располагались непрерывными рядами на протяжении линии стыка соленов. Нижний конец верхнего калиптера, снабженный щитком, накладывался на верх-

[1] В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК, 104, 1934, стр. 211; J. Durm. Die Baukunst der Griechen, Leipzig, 1910, стр. 201 сл.

ний конец нижнего калиптера, снабженный ступенью. Щиток упирался в край ступени и не допускал сползания калиптера вниз. Таким образом, и здесь получалась прочная конструкция, не требовавшая гвоздей или каких-либо иных приспособлений для прикрепления черепиц к кровельной обрешетке.

Подобная конструкция могла быть совершенной лишь при условии тождества размеров черепиц и полного соответствия размеров соленов и калиптеров. Сколько-нибудь значительное отступление от этого правила нарушало цельность конструкции и тем самым лишало ее водонепроницаемости. Тождество размеров черепиц одной кровли подтверждается замечательной находкой, сделанной в Фанагории в 1939 г. На VIII площади «берегового» раскопа, в слое III—II вв. до н. э. был найден завал из четырех соленов и двух калиптеров, представляющий часть обрушившейся крыши. Солены лежали в два ряда, по два с каждой стороны. Один из калиптеров занимал свое законное место, прикрывая закраину солена (рис. 8 и 9). Типологически эти черепицы не отличаются от черепиц находки 1938 г. Но формы их несколько более четки (у черепиц 1938 г. острые грани сглажены) и, что главное, совершенно тождественны между собой. Основные размеры одинаковы: длина соленов — 0,650, ширина — 0,510—0,512, толщина — 0,025 м. Одинаковы даже второстепенные размеры: высота и ширина закраины — 0,02, ширина и толщина зуба — 0,02 м, валик расположен на расстоянии 0,015 м от борта, высота и ширина его — 0,01 м. Поверхность всех соленов и калиптеров покрыта красной краской. Калиптеры также тождественны между собой: длина их соответствует длине соленов, ширина 0,150 м (нижние грани вертикальны), высота до гребня — 0,075, высота внутренней части — 0,042 м, верхние грани несколько вдавлены, ширина их — 0,08, ширина нижних граней — 0,045 м. Все черепицы сделаны из красно-коричневой глины, темный и густой цвет которой очень близок к глине солена 1938 г., обозначенного мною цифрой III. Тождество черепиц находки 1939 г. позволяет предполагать, что они вышли из одной мастерской, даже, может быть, из одной формы.

Несколько сложнее вопрос с черепицами интересующей нас выкладки, обнаруженной в 1938 г. Первые два солена — I и II — тождественны между собой и, несомненно, вышли из одной мастерской. Веским доказательством этого является одинаковое клеймо ΒΑΣΙΛΙΚΗ. От черепиц находки 1939 г. эти черепицы отличаются как размерами, так и цветом глины: длина и ширина их несколько меньше, глина несколько светлее и ярче. Поверхность не окрашена, но ангобирована. Третий же солен (III) длиннее первых двух, его четкие формы и темная красно-коричневая глина ближе к черепицам находки 1939 г. (правда, поверхность его ангобирована). Клеймо его, помимо легенды ΒΑΣΙΛΙΚΗ, имеет изображения дельфина и трезубца. Вероятнее всего, этот солен вышел из другой мастерской. Два первых калиптера (I и II) одинаковые, длина и характер глины сближают их скорее с соленом III, нежели с I и II. Третий калиптер по форме своей, как уже указывалось, отличается от первых двух. Глина его,— яркокрасная,— близка к глине соленов I и II, но внешняя поверхность не ангобирована, а покрыта краской.

Таким образом, не все черепицы выкладки 1938 г. тождественны, не все соответствуют друг другу. Это не удивительно: мы имеем здесь дело не с крышей здания, а с гробницей, для которой тождественность черепиц отнюдь не обязательна. Вместе с тем эта разнородность указывает на существование нескольких различных мастерских, снабжавших Фанагорию черепицей. Вопрос о местонахождении черепичных мастерских на Боспоре ставился неоднократно. В. В. Шкорпил считал в свое время Фанагорию наиболее вероятным местом этих мастерских, ссылаясь на обилие здесь сырьевых ресурсов и на находки остатков обжигательных печей [1]. Находки черепиц с клеймом ΠΑΝΤΙ[ΚΑΠΑΙΤΩΝ] заставили В. В. Шкорпила изменить свое мнение и локализовать мастерские в самом Пантикапее [2]. Черепицы с этим клеймом являются весьма веским доказательством наличия в Пантикапее собственных черепичных мастерских. Но опровергают ли они возможность существования таких же мастерских в Фанагории? Думаю, что нет. Прежние доводы В. В. Шкорпила, приводимые в пользу фанагорийского керамического производства, не только не опровергнуты, но укреплены дальнейшими находками. В. Ф. Гайдукевич совершенно справедливо говорит о возможности наличия черепичных мастерских и в Пантикапее и в Фанагории [3]. Подтвердить, однако, это суждение конкретными данными пока трудно. Все эллинистические черепицы как Пантикапея, так и Фанагории принадлежат к одному типу черепиц, названному в свое время «боспорским» типом. Их конструктивные особенности совершенно одинаковы. Отметить различия в глине очень трудно: они могут зависеть от условий производства, от качества обжига, непосредственно влияющего на цвет глины; только технический анализ может разрешить этот вопрос. Поэтому ни типологически, ни по цвету и качеству глины выделить фанагорийскую группу

[1] В. В. Шкорпил. Керамические надписи, найденные и приобретенные Керченским музеем в 1906—1907 гг., Архив Керченского музея, стр. 145—147; В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 220, пр. 1.

[2] В. В. Шкорпил. К вопросу о времени правления архонта Игиэнонта, «Сборник в честь гр. А. А. Бобринского», СПб., 1911, стр. 31 сл.

[3] В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 221.

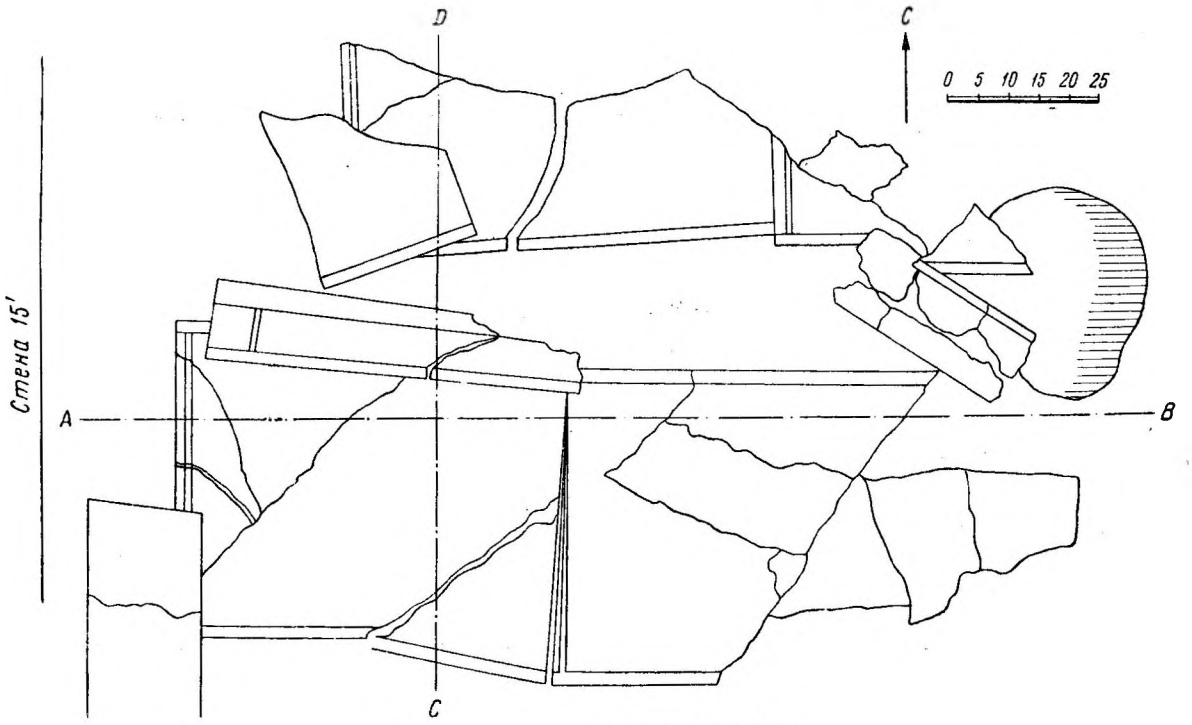

Рис. 8. План черепичного завала 1939 г.

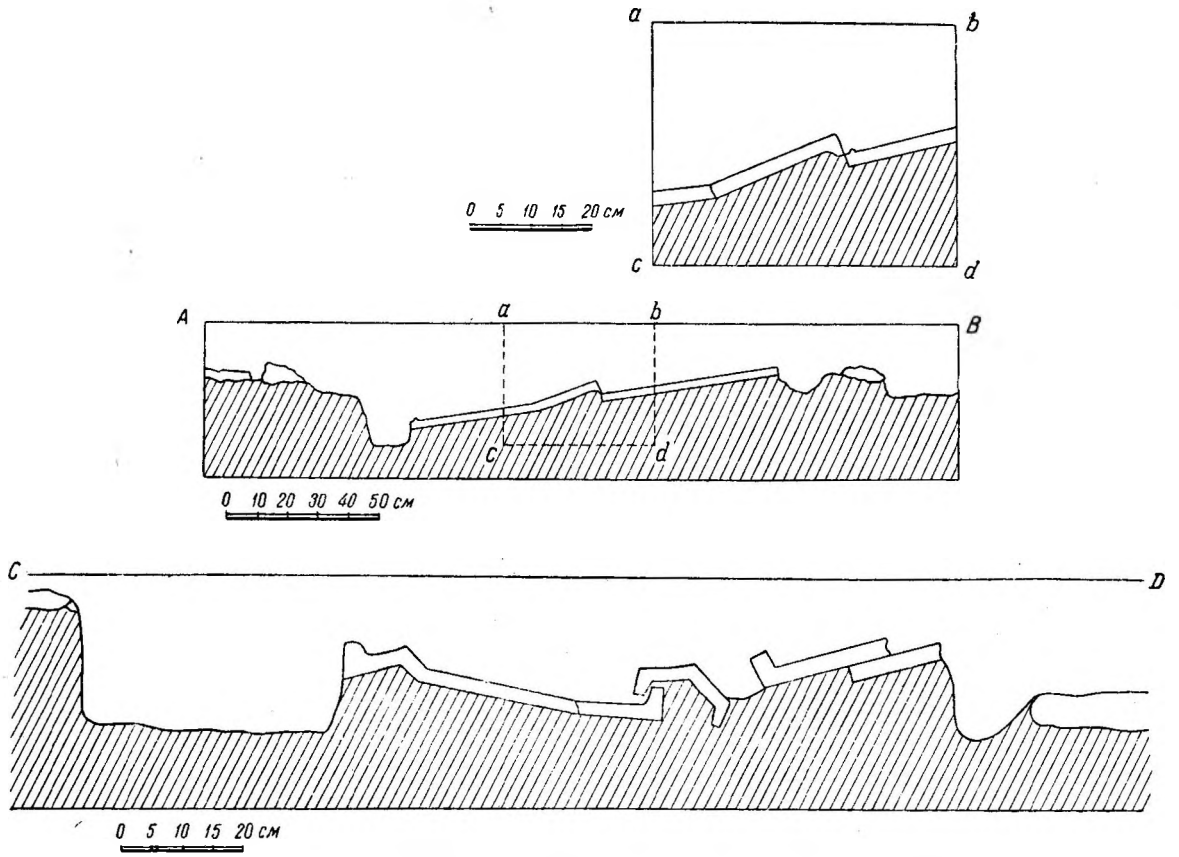

Рис. 9. Фанагория 1939 г. «Береговой» раскоп. Площадь VIII. Продольный и поперечный разрезы завала 1939 г.

кровельных черепиц пока нельзя. Рассмотренные нами выше группы черепиц, найденных в 1938—1939 гг., типологически полностью укладываются в рамки «боспорского типа», конструктивно они тождественны черепицам, описанным В. Ф. Гайдукевичем. Но я отмечал выше, что черепицы из раскопок 1938 г. разнородны. Между тем уже Гайдукевич отметил замечательное единство размеров боспорских

Произведенные мною обмеры черепиц Государственного исторического музея в Москве и Керченского историко-археологического музея полностью подтвердили это единство размеров, причем наиболее стабильной оказалась длина, колебания которой не превысили 2 см. 30 обмеренных боспорских черепиц имели длину от 58 до 60 см. Наибольшее колебание ширины — 3,2 см (49,3—42,5 см). Колебания

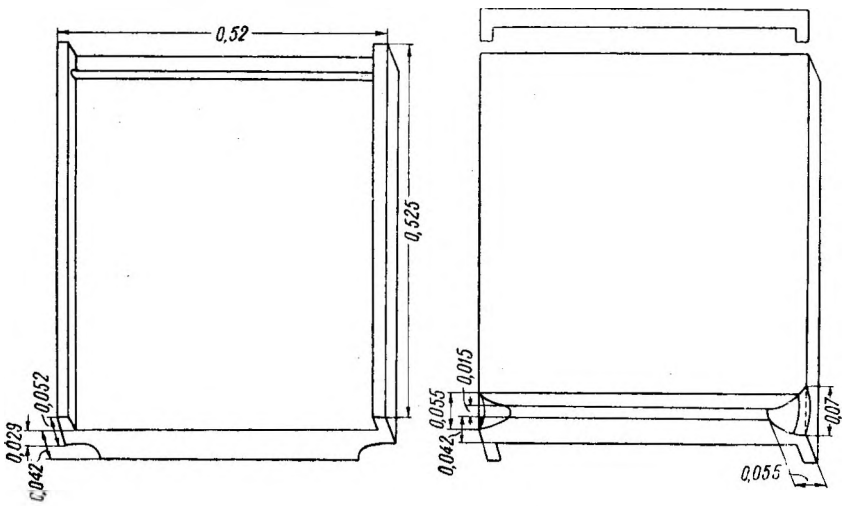

Рис. 10. Солен Таманского музея.

черепиц, хотя клейма свидетельствуют о выходе их из различных мастерских. Клейма позволяют предполагать, что производство

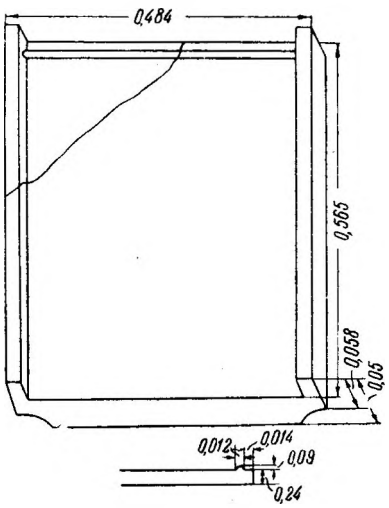

Рис. 11. Солен Феодосийского музея.

черепиц на Боспоре было наиболее интенсивным с конца IV в. до н. э. до первой половины II в. до н. э., т. е. в эпоху расцвета Боспорского царства. В. Ф. Гайдукевич справедливо предполагает, что в этот период отдельные мастерские находились под жестким государственным контролем и следовали единому эталону [1].

[1] В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 244.

толщины не превышают нескольких миллиметров (2—2,6 мм). Даже второстепенные размеры очень сходны. Однако указанный стандарт распространялся, видимо, лишь на мастерские самого Пантикапея. Черепицы того же времени и той же типологической группы, найденные в других городах Керченского и Таманского полуостровов, имеют значительно более разнообразные размеры и пропорции и заметно отходят от пантикапейского стандарта. Приведу три примера. В 1928 г. в Тамани был найден солен [1]. По форме и конструкции он не отличается от собственно-пантикапейских соленов. Глина тоже близка к глине боспорских черепиц, она имеет те же включения, и лишь цвет ее несколько гуще и темнее. Но размеры и пропорции таманского солена значительно отличаются от рассмотренных выше. Длина его — 52,5 см — на 7—8 см меньше обычной длины боспорских соленов, зато ширина — 52 см — несколько превышает обычную. Вместо прямоугольной (прибл. 6 × 5) мы имеем здесь почти квадратную форму: длина превышает ширину всего на 0,5 см (рис. 10).

Должны быть выделены и солены Феодосийского музея, найденные в Феодосии. Конструкция их тоже не отличается от боспорских. Глина красноватая, менее яркая, чем у боспорских соленов. Один из соленов имеет почти такие же пропорции, он лишь несколько

[1] Обмеры и чертеж этого солена, так же как и двух последующих, были любезно предоставлены мне В. Д. Блаватским.

меньше боспорских (56,5 × 48,4 см) (рис. 11). Длина другого несколько больше обычной, а ширина несколько меньше (77 × 47,8 см). Форма солена представляет, таким образом, сильно вытянутый прямоугольник (рис. 12).

Мы располагаем пока слишком немногими данными, недостаточными для сколько-нибудь прочных выводов. Но приведенные факты позволяют предполагать, что жесткий контроль распространялся лишь на определенный круг мастерских, расположенных, видимо, в самом Пантикапее и в ближайшем его окружении, тогда как черепичное производство отнюдь не ограничивалось этим кругом мастерских.

В свете этого предположения рассмотрим трезубца — найдено пока только в Фанагории (известно 8 фрагментов соленов с этим клеймом).

Все это позволяет выделить III солен, найденный в 19?8 г., так же как и солены находки 1939 г., из числа стандартных пантикапейских черепиц. Можно предполагать, что эти черепицы вышли из местных фанагорийских мастерских, не придерживавшихся столь строго пантикапейского стандарта. Но дальше предположения пока итти нельзя: только открытие прямых следов мастерских или эпиграфические данные смогут окончательно решить вопрос о черепичном производстве в Фанагории.

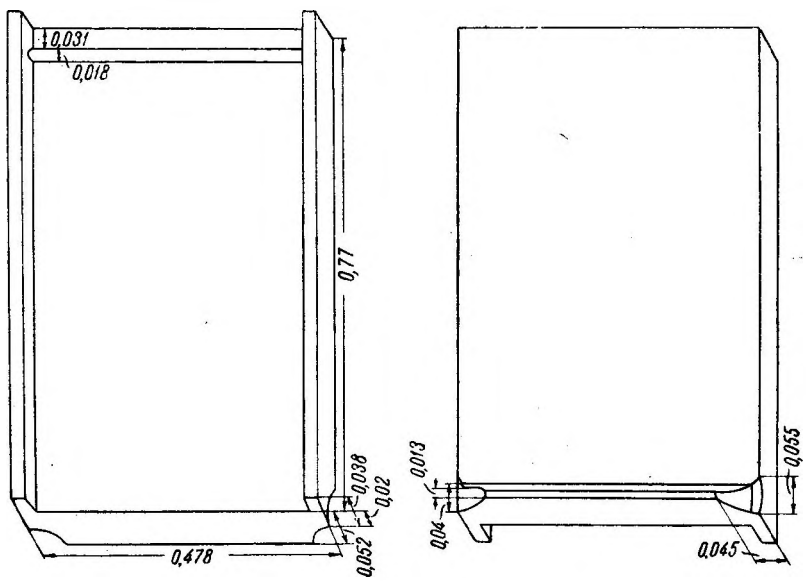

Рис. 12. II солен Феодосийского музея.

черепицы, найденные в 1938 г. Первые два солена (I и II), тождественные между собой, полностью укладываются в рамки боспорского или, точнее, пантикапейского стандарта (0,59 × 0,50 м). Глина их тождественна глине пантикапейских черепиц, а клеймо ΒΑΣΙΛΙΚΗ широко распространено на Боспоре. Третий же солен (III) длиннее первых двух (0,62 м), т. е. выходит за рамки пантикапейского стандарта. Правда, превышение стандартной длины пока незначительно, всего на 0,02 м, но и оно у собственно-пантикапейских соленов до сих пор не встречено. Однако, как уже отмечалось выше, помимо длины третий солен несколько отличался от первых двух (а следовательно и от панктикапейского типа) цветом глины, который сближает его с соленами, обнаруженными в 1939 г., уже заметно отличающимися своими размерами от пантикапейского стандарта. Наконец, если клеймо ΒΑΣΙΛΙΚΗ первых двух соленов неоднократно было найдено на западном берегу Боспора Киммерийского, то клеймо третьего солена — с легендой ΒΑΣΙΛΙΚΗ и изображениями дельфина и

Значительно легче и определеннее решается вопрос о датировке нашей выкладки. Здесь должны быть учтены данные типологии, эпиграфики и стратиграфии. Выше указывалось, что слой, в котором найдена вымостка, датируется остатками расписной штукатурки и наксосской монетой III в. до н. э. Эта дата, однако, для наших черепиц требует подтверждения другими данными, ибо они могли быть не одновременны архитектурным остаткам. Не представляет труда и датировка типа черепиц. Все они относятся к «боспорскому» типу, существовавшему с конца IV до начала II в. до н. э. К этому же времени относятся и древнегреческие черепицы за пределами Боспора, наиболее близкие к нашему типу — черепицы Пергама [1], Делоса [2] и Приены [3].

[1] Inschriften von Pergamon, II, стр. 393; Alterthümer von Pergamon, т. VIII, Berlin, 1895, стр. 394.

[2] T. Homolle. Exploration archéologique de Délos, Paris, 1909—1917; G. Leroux, La salle hypostyle, Paris, 1909, стр. 41, рис. 62—64.

[3] T. Wiegand und H. Schräder. Priene, Berlin, 1904.

Значительно точнее дата может быть установлена по клейму. Клеймо ΒΑΣΙΛΙΚΗ подробно исследовано в работе В. Ф. Гайдукевича. Согласно этому исследованию оно появилось на Боспоре не ранее распространения здесь титула βασιλεύς, т. е. не ранее начала III в. до н. э., и исчезло вместе с прекращением клеймения черепиц на Боспоре в первые десятилетия II в. до н. э. Данные палеографии позволяют уточнить датировку отдельных клейм внутри указанных временных рамок. Клейма на соленах I и II тождественны (рис. 13). Форма поля обоих клейм овальная, длина его — 0,098, ширина — 0,022 м. Высота букв — 0,019 м. Буквы простые и четкие, нормальной формы и ширины. Сигма имеет равномерно расходящиеся верхнюю и нижнюю линии. Весь стиль надписи — четкий и строгий, отсутствие каких бы то ни было украшений букв сближают ее с лапидарными эпиграфическими надписями конца IV в. до н. э. Но линии К и Λ несколько расширяются у концов, что характерно для III в. до н. э. Во всяком случае, клейма первых двух соленов представляют ранний вариант ΒΑΣΙΛΙΚΗ и должны быть датированы первыми десятилетиями III в. до н. э.

13

Рис. 13. Клеймо I и II соленов.

Стиль надписи клейма третьего солена несколько иной (рис. 14). Буквы толще и шире. Концы их заметно расширены. Бета имеет угловатые, а не округлые очертания, верхняя и нижняя части ее разделяются очень четко. Нижняя и верхняя линии сигмы совершенно горизонтальны. Как мне представляется, это клеймо относится к более позднему времени, чем первые два и может датироваться последними десятилетиями III в. до н. э. Таким образом, черепичная выкладка находки 1938 г. состоит из разновременных черепиц и должна быть датирована по наиболее поздней из них концом III в. до н. э. Эмблему последнего клейма В. В. Шкорпил сравнивал с изображениями на статерах Перисада и Игиэнонта и считал именным знаком Спартокидов [1].

14

Рис. 14. Клеймо III солена.

[1] В. В. Шкорпил. К вопросу о времени правления архонта Игиэнонта, стр. 41.

М. М. Кобылина

РАСКОПКИ «ЮЖНОГО» НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ В 1947 г.

В 1947 г. были возобновлены прерванные войной раскопки Фанагории. Экспедиция в Фанагорию была организована Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР и Государственным музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Начальником экспедиции была М. М. Кобылина. В ней принимали участие научные сотрудники Государственного музея изобразительных искусств — И. Д. Марченко и Н. А. Сидорова и Краснодарского музея — Н. В. Анфимов, а также студенты Московского городского и Краснодарского педагогических институтов.

Одной из задач экспедиции 1947 г. было продолжение исследования нижних склонов так называемой Блеваки — потухшего грязевого вулкана, Майской горы, расположенной к югу от верхней террасы городища.

Поверхность склонов Майской горы особенно нижних (обращенных к городищу), и более всего овражков и небольших балок, образовавшихся в результате размывов стекающих вод, покрыта множеством античных фрагментов, что вызывало предположение о наличии в этом месте городских свалок. Нижние склоны Майской горы представляют четыре, весьма ясно отграниченные балками, неправильной формы плоских холма. На самом восточном из них в 1940 г. был проведен «южный» раскоп, который дал слабо насыщенный находками загородный культурный слой и некрополь — здесь была найдена тризна классического времени и более поздние погребения без вещей [1]. В 1947 г. здесь были произведены раскопки в трех пунктах: «I майский» раскоп, в 103 м на 48° на юг от юго-западного угла «южного» раскопа 1940 г.; «II майский» раскоп в 288 м на 87° к югу от юго-западного угла «южного» раскопа 1940 г.; «III майский» раскоп, в 155 м на 65° южнее юго-западного угла «II майского» раскопа.

[1] См. в настоящем сборнике статью В. Д. Блаватского «Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг.», стр. 189.

«I майский» раскоп был разбит на второй возвышенности, представляющей большое плато, немного поднимающееся к югу. До войны здесь были посевы, поэтому почва оказалась рыхлой, покрытой обильной растительностью. На поверхности найдены: носик открытого светильника из серой глины, ножка чернолакового эллинистического канфара, фрагменты тонкостенных краснолаковых эллинистических сосудов, пирамидальное грузило, пробка из черепка, а также куски черепицы, фрагменты простых сосудов. Раскопанная здесь площадь — 15 кв. м.

Раскопки были доведены до материка (глубина — 1 м), представляющего плотную, слежавшуюся комками, неровного светлого грязножелтого цвета вулканическую брекчию. Обнаружены культурные напластования явно загородного характера. Нижний слой (толщиной 0,53, глубиной — 1 м) — эллинистический, представлял гумированную глину с небольшим количеством фрагментов простой глиняной посуды, эллинистических и, в частности, «мегарских» чаш, и чернолаковых сосудов. Верхний слой I—III вв. н. э. представляет перепаханный грунт (толщиной 0,47 м), рыхлый черного цвета гумус с небольшим количеством фрагментов римских и эллинистических амфор, простых чаш и кувшинов, римских и краснолаковых чаш, простых тонкостенных сосудов, местной посуды оранжевой и серой глины, лепных сосудов из серой глины, чернолаковых чаш III—II вв. до н. э.

«II майский» раскоп (рис. 1) был разбит к западу от «I майского», на следующем холме. Этот холм представляет плоский сверху бугор, несколько повышающийся к югу. На поверхности оказалось много обломков керамики и черепицы. Здесь была вскрыта площадь в 60 кв. м.

Раскоп доведен до материка, находящегося на глубине 1,15 м. «II майский» раскоп дал более интересную картину жизни на этом участке — загородные культурные слои и некрополь. Были обнаружены четыре культурных

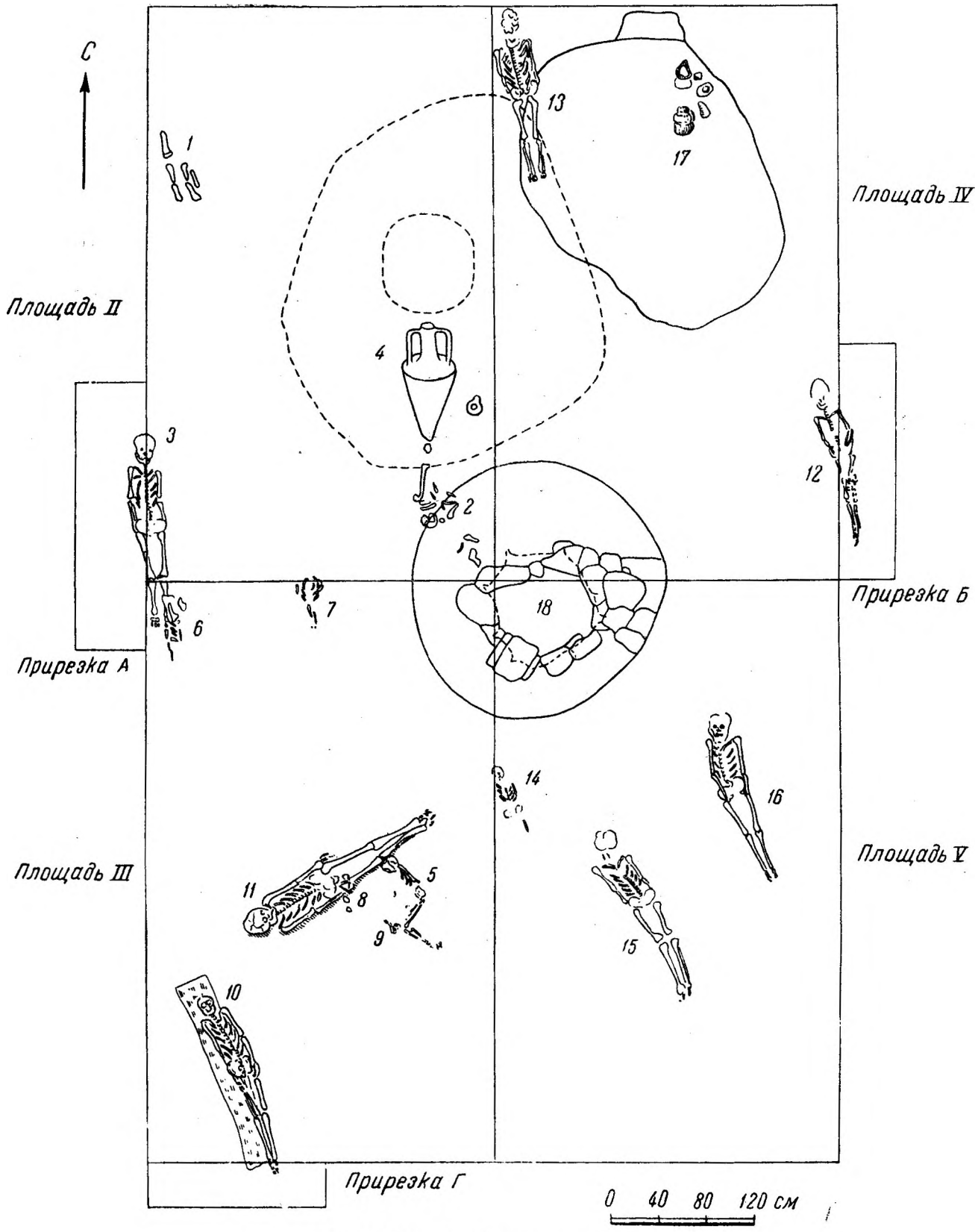

Рис. 1. План «II майского» раскопа

слоя. Первый слой, нижний, IV в. до н. э., лежал на материке (глубина его 0,95—1,15 м). К нему относится место тризны протяжением — 0,90 (с юга на север) × 0,70 м (с запада на восток), покрытое тонким слоем золы (толщина его — 0,02 м) с остатками костра. Площадка обнаружена на глубине 1,13 м от поверхности, кострище представляет груду золы и закопченных обломков глиняной посуды; среди них найдены куски амфор, донышко чернолакового килика со штампованным орнаментом, носик открытого светильника, фрагмент лощеного сосуда из серой глины черного цвета, представляющего интересный образец местного производства. На костре найдено также пряслице и собачий клык. На расстоянии 0,40 м от костра обнаружена косо (под углом 30°) врытая в материк амфора и около нее чернолаковый светильник IV в. до н. э., хорошо датирующий этот тип амфоры с маленьким, округло очерченным венчиком, мягкими очертаниями очень подчеркнутых плеч, крутым сгибом массивных ручек, овальных в разрезе, и четко сформированным колпачком на донышке. Под амфорой лежали обломки стенок битой амфоры (того же типа, как и на костре) и кости животных. Амфора на $^1/_3$ оказалась заполненной (она была не закрыта). Содержимое состояло из пепла, перемешанного с землей; в пепле были найдены: труха костей, кости рыб, фрагмент тонкостенного сосуда с белой облицовкой типа лагиноса.

Тонкий второй слой, III в. до н. э., лежал на глубине 0,96 м. Он представлен второй площадкой тризны, лежащей выше первой на 0,18 м к востоку от нее, слегка на нее находящей, с хорошо сохранившимся кострищем. Площадка обнаружена на глубине 0,95 м, верхняя часть кострища — на глубине 0,85 м. Площадка четко выделяется, ее размеры — 2,35 (с юга на север) × 2 м (с запада на восток); она хорошо утрамбована, вся покрыта тонким слоем золы и имеет сероватый цвет. На кострище (высотой 0,11 м, площадью 0,50 × 0,40 м) обнаружены обломки амфор, куски самана среди угля и золы. Кострище, вероятно, относится к III в. до н. э., над ним лежит ярко выраженный слой II—I вв. до н. э.

К третьему слою II—I вв. до н. э. относится мощный слой толщиной 0,70 м; он лежал над второй площадкой с кострищем и имел глубину 0,25—0,95 м. Находки в этом слое: боспорская черепица с двускатными калиптерами, фрагменты пифоса, жаровни, эллинистических амфор, эллинистических чернолаковых, коричневолаковых и краснолаковых сосудов, куски открытых светильников, фрагменты терракотовой статуэтки (эта статуэтка аналогична по технике и стилю статуэткам, обнаруженным на железнодорожном раскопе 1947 г.[1]), изображающей стоящую женскую фигуру, пирамидальные грузила, куски самана. К этому слою относится и колодезь, открытый в центре раскапываемой площади. Колодезь имел когда-то цилиндрическую форму, но со временем его стенки деформировались, верхние кольца кладки развалились и значительная часть их упала внутрь колодезя. Водоносный слой колодезя находится на глубине 3,90 м от поверхности восточного борта. Стенки колодезя сохранились на высоту 0,90 м, диаметр его — 0,95 м. Колодезь сложен из камней различных размеров: 0,46 × 0,32 × 0,12; 0,22 × 0,32 × 0,20; 0,30 × 0,20 × 0,23 м, правильной прямоугольной формы. Сохранились 8 рядов кладки сильно разрушенной, между камнями которой есть промежутки, многие камни вывалились, другие раскололись. При расчистке колодезя выяснилось, что заполняющий его грунт со множеством черепков и камней представляет два слоя. Нижний — толщиной 1,15 м — II—I вв. до н. э.; верхний — толщиной 0,80 м — первых веков н. э. Находки в колодезе свидетельствуют о бытовании последнего в эллинистический период, но, по всей вероятности, вода в нем скоро иссякла. В нижнем слое были найдены фрагменты боспорской черепицы с двускатными калиптерами, обломки родосских, фасосских, синопских, косских, хиосских эллинистических амфор, значительно меньше простых тонкостенных сосудов (фрагменты флаконов, чаш, рыбного блюда), несколько фрагментов чернолаковых классических сосудов, довольно большое количество эллинистических краснолаковых и коричневолаковых сосудов, терракотовая статуэтка, аналогичная вышеуказанной, пирамидальное грузило. В верхнем слое колодезя найдены фрагменты боспорской черепицы, стенок пифоса, очень большое количество стенок простых сосудов; из них немного тонкостенных, фрагмент чернолакового эллинистического сосуда, донышко римской краснолаковой чашки, пирамидальное грузило.

Значительная мощность (0,70 м) третьего слоя, характер находок, среди которых есть архитектурная черепица (калиптеры), наличие колодезя заставляют предположить возможность существования в этом месте во II в. до н. э. какого-то загородного жилого дома, существовавшего, как и колодец, очень недолго.

Четвертый (верхний) культурный слой первых веков н. э.— перекопанный и, как и на «I майском» раскопе, довольно тонкий (толщиной 0,20—0,25 м). В нем найдены обломки боспорской черепицы (двускатной, желобчатой и седлообразной), очень большое количество стенок амфор и простых сосудов, обломок горла с энглифическим клеймом, сравнительно немного тонкостенных, несколько чернолаковых и классических эллинистических фрагментов, обломок терракотового миниатюрного алтарика. К этому слою относится глубокая, за-

[1] См. М. М. Кобылина. Терракоты Фанагории местного производства, ВДИ, 1949, № 2, стр. 107—114.

валенная камнями и битой посудой яма над колодезем и вышеописанный верхний слой в колодезе. Находки в яме: множество мелких камней, очень много фрагментов простых сосудов, главным образом амфор, более всего эллинистических с небольшим процентом римских, небольшое количество обломков черепицы, мелкие обломки чернолаковых сосудов IV в. до н. э. и «мегарских» чашек, пирамидальное грузило, кусочки сырца, терракотовые статуэтки, аналогичные вышеуказанным, но лучшей сохранности (стоящая женская фигура в хитоне и гиматии на скругленной базе, державшая в левой руке, вероятно, тимпан, и женская фигура в подпоясанном тонком хитоне, скрепленном на плечах, срезанная базой по линии бедер, фрагмент терракотовой женской маски, сильно поврежденная терракотовая статуэтка мальчика), костяная пластинка с отверстиями для прикрепления, фрагменты открытых светильников. Грунт в яме сильно гумированный; встречаются угли, зола, ракушки, много костей животных. Яма датируется I—II вв. н. э.

На «II майском» раскопе было обнаружено 6 погребений, впущенных в верхний эллинистический слой. Эти погребения залегали на разных уровнях, некоторые очень близко от поверхности. Повидимому, более поздние погребения разрушили более ранние. Вследствие особенностей грунта форму могил определить было невозможно.

Могила № 1 (152) на глубине 0,35 м от поверхности. Сохранились малые берцовые кости. Вещей нет.

Могила № 2 (153) на глубине 0,32—0,40 м, разрушенная. Сохранились лишь кости черепа, руки, ключицы, несколько ребер. Костяк ориентирован головой на юг. Вещей нет.

Могила № 3 (154) на глубине 0,55 м. Сохранность сравнительно хорошая. Костяк ориентирован головой на запад. Около головы найден кусочек охры и галька из белого кварца, около груди — маленький бронзовый бубенчик, около таза — бронзовая бляшка, в левой руке — бронзовая монета III—IV вв. н. э. Длина костяка до пяточной кости — 1,63 м.

Могила № 5 (155) на глубине 0,58 м, скорченное погребение подростка, ориентированное головой на с-з. Вещей нет.

Могила № 6 (156) на глубине 0,48—0,50 м, сдвинута погребением № 3 и совершенно разрушена. Судя по сохранившимся берцовым костям и костям таза, костяк был ориентирован головой на север. Вещей нет.

Могила № 7 (157) на глубине 0,58 м от поверхности. Совершенно разрушена. Судя по направлению сохранившихся костей, костяк был ориентирован головой на с.-з. Вещей нет.

Могила № 8 (158) на глубине 0,85 м, разрушенная; костяк был ориентирован головой на север. Вещей нет.

Могила № 9 (159) на глубине 1,13 м. Погребение сильно разрушено, костяк ориентирован головой на с-з. Вещей нет.

Могила № 10 (160) на глубине 0,83 м. Довольно хорошо сохранившийся костяк, ориентированный головой на с.-з., лежал на спине, с руками, вытянутыми, вдоль тела; длина костяка до пяточных костей 1,57 м. Накрыт деревянной доской, длиной 1,78—1,85, шириной 0,08— головой на с.-з. Вещей нет.

Могила № 11 (161) на глубине 1,25 м; костяк расположен головой на ю.-з., лежал на спине, руки были вытянуты вдоль тела; погребение частично впущено в материк, хорошая сохранность. Длина костяка до пяточной кости — 1,83 м. Вещей нет.

Могила № 12 (162) на глубине 0,45 м; костяк, головой на север, лежал на спине, как бы сдавленный с боков, руки расположены вдоль тела, длина — 1,40 м. Вещей нет.

Могила № 13 (163) на глубине 0,65 м. Погребение сильно разрушено, костяк, ориентированный головой на с.-з., лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела, длина костяка — 1,40 м. Вещей нет.

Могила № 14 (165) на глубине 0,39 м. Погребение нарушено, костяк ориентирован головой на с.-з., лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела. Длина костяка — 1,50 м, сохранность костей плохая. Вещей нет.

Могила № 15 (166) на глубине 0,78 м; костяк, ориентированный головой на с.-з., лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела, длина костяка — 1,55 м. Вещей нет.

Могила № 16 (167) на глубине 0,78 м; костяк головой на с.-з. Вещей нет.

Некрополь, обнаруженный на «II майском» раскопе, связан с бедным населением города, о чем свидетельствует почти полное отсутствие инвентаря. Могилы представляют собой простые ямы, форму их проследить не удалось; умершие были положены без гробов, ибо никаких следов последних не обнаружено; в одном случае — могила № 9 (160) — погребение было покрыто досками.

Только одна могила № 3 (154) датируется (III—IV вв. н. э.). Все остальные погребения, которые были врезаны в слой III—I вв. до н. э., могут быть и античными (первых веков н. э.) и средневековыми.

«III майский» раскоп находился на последнем западном холме, почти против юго-западного угла городища, к югу от полотна железной дороги. Этот холм ограничен с севера и запада довольно глубокими балками, на их пересечении образовался мыс, на склоне которого было множество фрагментов керамики (очевидно, смытых сверху). Здесь найдены: два пирамидальных грузила, фрагмент терракотовой статуэтки, фаянсового сосудика, стенки классических чернолаковых сосудов, донышко классической амфоры. Раскоп был разбит на этом мысу. Материк—такой же, как на

«I и II майских» раскопах, находился на глубине 1,30 м. Здесь обнаружены загородные культурные напластования: тощий слой III—I вв. до н. э. и довольно мощный слой первых веков н. э.

Нижний слой III—I вв. до н. э. на глубине 1,30 м представляет мало загрязненную брекчию светлосерого неровного цвета (толщина слоя — 0,40 м) с небольшим количеством фрагментов черепицы, местных сосудов, эллинистических амфор.

Верхний слой первых веков н. э., толщиной 1,10 м, имеет сильно гумированный грунт, обильно насыщенный фрагментами керамики, особенно в верхних двух штыках. Среди находок: мелкие куски сырца и черепицы, обломки римских и эллинистических амфор, много римских профилированных ручек, фрагменты черно-лаковых и краснолаковых эллинистических сосудов, мелкие фрагменты «мегарских» чаш, терракотовый летящий голубь с отверстием для подвешивания [1], терракотовая головка в венке (эллинистическая), фрагментированный светильник IV в. до н. э., круглое грузило со схематическим изображением ветви на вдавленной стороне, два грубых поздних грузила в виде высокой плоской усеченной пирамиды. В этот слой впущено одно погребение — могила № 17.

Могила № 17(168) на глубине 0,80 м. Сохранность погребения плохая, костяк, ориентированный головой на ю.-з., лежит на спине, руки вытянуты вдоль тела, правая рука слегка сдвинута в сторону, ноги слегка согнуты. Длина костяка — 1,50 м. Вещей нет. Погребение относится к средневековому периоду Фанагории.

Таким образом, некрополь, обнаруженный экспедицией 1947 г. к югу от городища, оказался аналогичным некрополю, открытому в 1940 г. Раскопки 1947 г., вместе с раскопками 1940 г. дали целостную картину района к югу от плато городища, на нижних склонах Блеваки. В IV и III вв. до н. э. здесь совершались тризны, связанные с заупокойными культами. Во II—I вв. до н. э. на территории «II майского» раскопа (как раз против средней части плато городища) был сооружен и бытовал колодезь. С первых веков нашей эры и позднее здесь находился некрополь бедного населения города. Отсутствие вещей не позволяет определить точно самую позднюю дату этого некрополя [1]. Единственное датированное погребение относится к III—IV вв. н. э.

[1] Терракотовый голубь с отверстием для подвешивания и с отверстием для крыльев был найден также на поверхности городища; очевидно, эти изображения связаны с культом местной богини Афродиты Апатуры.

[1] А. П. Смирнов связывает этот некрополь и кострища с коренным местным населением. А. П. Смирнов. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным, Нальчик, 1948, стр. 78.

М. М. Кобылина

РАСКОПКИ «ВОСТОЧНОГО» НЕКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ В 1948 г.

В 1948 г. экспедиция в Фанагорию была организована Государственным музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР [1].

В 1948 г., одновременно с раскопками на территории городища, было продолжено исследование холмов, прилегающих к насыпи городища с востока, а именно: были произведены раскопки на ближайшем холме «Е», к с.-в. от верхней террасы городища, рядом с холмом, раскопанным В. Д. Блаватским в 1939—1940 гг. [2].

Раскопки 1948 г. были произведены в северо-западной части холма. Общая площадь раскопа «Е» — 124 кв. м. Вся площадь исследована до материка (рис. 1). Глубина материка различна: в северо-восточной части площади — 1,55 м, в юго-западной — 2,25 м. Материк составляет светложелтый песок с прослойками светлосерой глины и с включениями белоглазки.

Раскопки обнаружили, что вершина холма представляет сплошную могильную насыпь, обильно насыщенную погребениями, залегающими на глубине от 0,30 до 1,90 м.

Значительная часть погребений была совершенно разрушена. Некоторые из более ранних погребений были повреждены более поздними. Глинистый грунт отличался чрезвычайной плотностью. Проследить очертания могил, вырытых в насыпи, было невозможно. Только у погребений, заходящих в материк, можно было выяснить дно могильной ямы.

На площади 124 кв. м обнаружены 34 более или менее сохранившихся погребения и следы многих разрушенных могил в виде отдельных костей, целых сосудов и частей сосудов. Основная масса погребений (16) датируется III—II вв. до н. э.; 6 погребений относятся к первым векам н. э. Остальные (без вещей) не могут быть точно датированы. Почти все более поздние погребения лежали глубже — или на материке, или частично впущенные в материк. То же явление наблюдалось и при раскопках 1938 г. на холме «В» с западной стороны городища, где территория эллинистического героона была перерезана более поздними склепами [1].

Характерным типом эллинистической могилы на восточном некрополе 1948 г. является могила, перекрытая соленами. На многих соленах имеются клейма боспорской мастерской с именем Спартока, начертанным в две строчки. Почти все эллинистические погребения сопровождались остродонными амфорами — одной или несколькими. Среди них есть родосские, косские, книдские. Эти амфоры, а также чернолаковые амфориски и чаши свидетельствуют о торговых и культурных связях Фанагории с главнейшими греческими центрами в эллинистический период и хорошо согласуются с находками на городище.

За исключением указанных амфор и небольшого количества чернолаковых ваз, на этом некрополе обнаружена посуда из фанагорийской глины местного производства различного качества — от акварельных расписных чаш и пелик и тонкостенных кувшинов до больших реберчатых амфор и лепных сосудов. Эта местная посуда хорошо датируется совместными находками — монетами первой половины III в.

---

[1] Начальником экспедиции была М. М. Кобылина; принимали участие научные сотрудники Государственного музея изобразительных искусств И. Д. Марченко, Н. А. Сидорова, А. Ф. Виноградова, научный сотрудник Краснодарского музея Н. В. Анфимов, аспирант Н. И. Сокольский, студенты Московского государственного университета и фотограф В. С. Суров.

[2] Точка А (юго-восточный угол раскопа «Е») находится на 14° к востоку от северо-западного угла «восточного» раскопа 1939—1940 гг. Юго-западный угол «северного» раскопа 1939—1940 гг. находится от той же точки А некрополя на 75° к западу.

[1] См. в настоящем сборнике статью В. Д. Блаватского «Раскопки некрополя Фанагории в 1937, 1938 и 1940 гг.», стр. 189.

до н. э. клеймами на соленах, чернолаковой керамикой, типами остродонных амфор [1].

Явно эллинистическими являются следующие погребения.

Могила 1 (169). Разрушена. Под раздавленными амфорами (тремя синопскими и одной косской) и разбитыми соленами на глубине 0,93 м обнаружен череп и берцовая кость.

Могила 2. Плохо сохранившийся костяк, ориентированный головой на юг. Около грудной клетки лежала разбитая косская амфора. Глубина могилы — 0,60 м.

Могила 4 (172). Сильно поврежденная. Под антропоморфным надгробием, лежащим на боку, и разбитой косской амфорой обнаружены кости конечностей. Глубина могилы — 0,35 м.

Могила 5 (173). Скорченный костяк, ориентированный головой на север. Длина костяка — 0,90 м. Между черепом и плечом — маленький лепной сосудик (№ 28) из черной глины [2]. Около него — фрагмент железного предмета. На расстоянии 0,40 м к западу от костяка найден простой одноручный кувшин (рис. 5, *6*) и небольшой флакон эллинистического типа (оп. № 100, рис. 4, *1*), возможно относящиеся к этому погребению. Глубина могилы — 0,80 м.

Могила 7 (175). Нарушена грабителями. Среди груды обломков соленов и глиняной посуды, залегающих на глубине 0,31—0,80 м, обнаружены два поврежденные черепа на расстоянии 0,20 м друг от друга. Один из них — детский. Могила была перекрыта соленами. На одном из соленов лежали кости ног лошади. Среди поврежденного инвентаря сохранились: бронзовая монета первой половины III в. до н. э., чернолаковый амфориск со штампованным орнаментом (рис. 2, *2*), чернолаковая чашечка конца IV в. до н. э., часть чернолаковой реберчатой чаши начала IV в. до н. э. (рис. 2, *4*), расслоившаяся родосская амфора, фрагменты амфор IV в. до н. э., куски рыбного блюда, кастрюля, обломок бронзовой фибулы.

Могила 9 (177). Перерезана могилой 8. Была перекрыта соленами, от которых сохранился один большой обломок. От костяка, ориентированного головой на с.-в., сохранился череп, несколько прилегающих к нему позвонков и кости ног. Глубина могилы — 1,25 м.

Могила 10 (178). Повреждена. Сохранились остатки костей ребер и рук и обломки двух амфор — косской и гераклейской. Глубина могилы — 0,35 м.

Могила 11 (179). Повреждена. Была перекрыта соленами. На двух соленах клейма с именем Спартока, аналогичные вышеуказанным. Солены лежали вдоль могилы один на другом, на узких концах могилы плиты стояли вертикально; расстояние между ними, равное длине могилы, составляло 1,80 м. Костяк, ориентированный головой на восток, лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела, сохранился плохо. Длина костяка до пяточной кости — 1,70 м; общая длина костяка — 1,85 м; во рту была обнаружена бронзовая боспорская монета, не поддающаяся точному определению. Инвентарь состоял из простого сосуда с одной ручкой (оп. № 133) и кастрюли (оп. № 135), от которой сохранилась только ручка. Глубина могилы — 1,05 м.

Могила 15 (183). Костяк, ориентированный головой на восток, лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела. Длина до пяточной кости 1,37 м, общая длина — 1,47 м. Костяк лежал на подсыпке из ракушек, от которых сохранились расслоившиеся части; у колена правой ноги — одноручный сосуд (рис. 2, *3*), у ступни левой ноги находилась чашка с крышкой — лекана местного типа (рис. 2, *5*). Глубина могилы — 0,98 м.

Могила 17 (185). Костяк потревожен. Кости разбросаны. Сохранились обломки трех амфор из светлокоричневой, красноватой, повидимому, фанагорийской глины с блестками, IV—III вв. до н. э. типа амфоры из Фанагории 1947 г. Глубина могилы — 1,50 м.

Могила 21 (189). Костяк, ориентированный головой на юг, лежал на спине, левая рука согнута и поднята, правая рука немного согнута в локте и несколько выдвинута вправо, ноги раздвинуты более обычного. Длина до пяточной кости — 1,64 м, общая длина — 1,80 м. Около колен были обнаружены обломки амфоры и около нее куски детского черепа. Глубина могилы — 0,75 м.

Могила 23 (191). Могила была покрыта соленами. Сохранились четыре солена, два из которых лежали горизонтально, два — наклонно, в направлении на запад, один из них совершенно целый (0,50 × 0,60 × 0,02 м). На одном солене сохранилось клеймо с именем Спартока. Под крайним восточным соленом обнаружен раздавленный череп, к с.-в. от него, на расстоянии 0,15 м поврежденная пелика (оп. № 145) с остатками акварельной росписи (рис. 3, *1*). Под черепом — разбитая лекана (оп. № 147—148, рис. 3, *2*). Глубина могилы — 0,90 м.

Могила 25 (193). Разрушена. Первоначальное положение сохранилось только у берцовых костей, судя по которым костяк лежал головой на с.-з.; другие кости лежали в беспорядке. Рядом найдены куски амфор, среди них верхняя часть местной амфоры из красной глины и дно синопской амфоры, а также сероглиняная одноручная чашечка. С этим погребением связаны куски больших сырцовых плит: три куска стояли вертикально, на них видны следы огня и золы; два из них

[1] Остродонные амфоры определены И. Б. Зеест, монеты Д. Б. Шеловым.

[2] См. в настоящем сборнике статью И. Т. Кругликовой «Фанагорийская местная керамика из грубой глины».

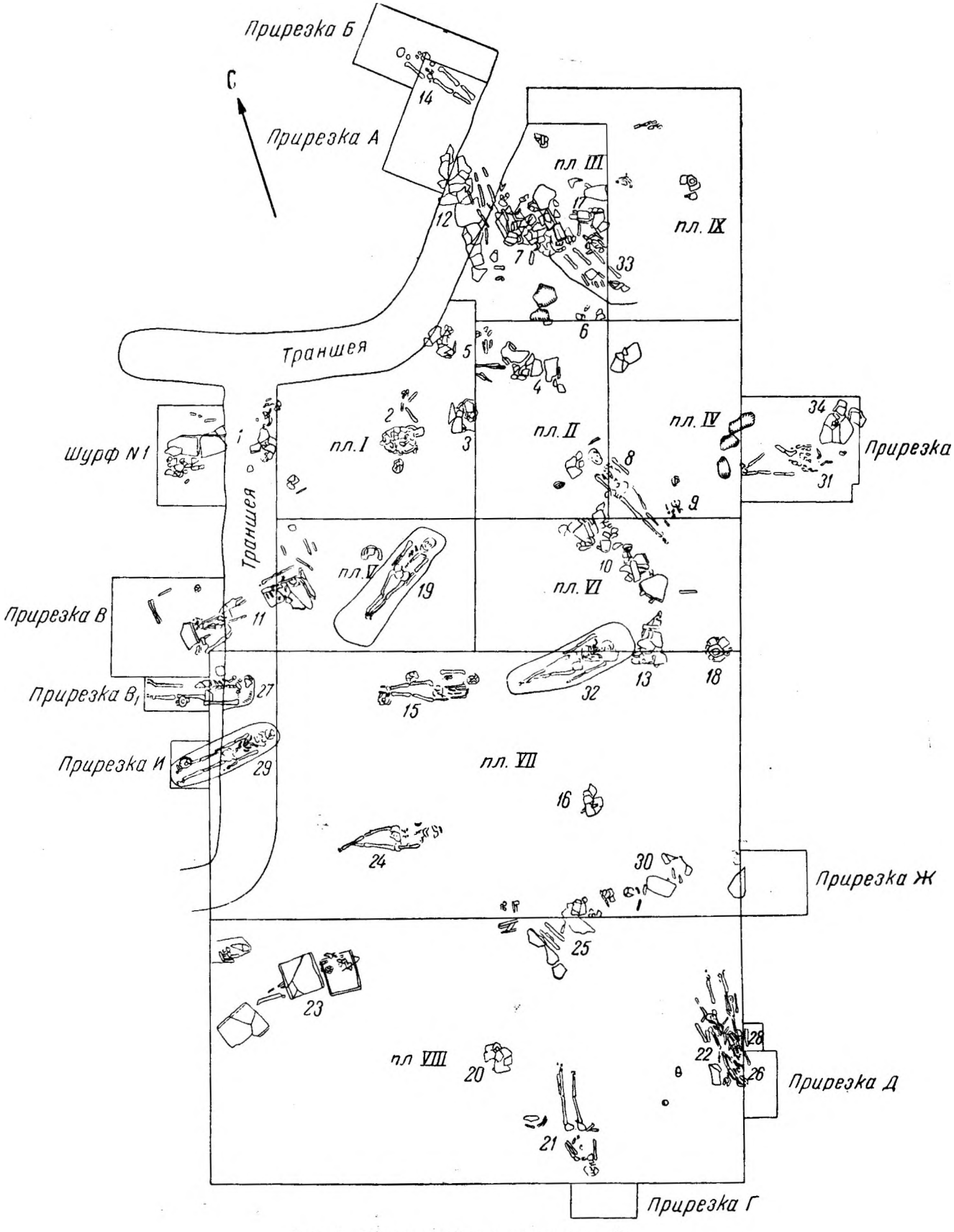

Рис. 1. Генеральный план некрополя «Е»

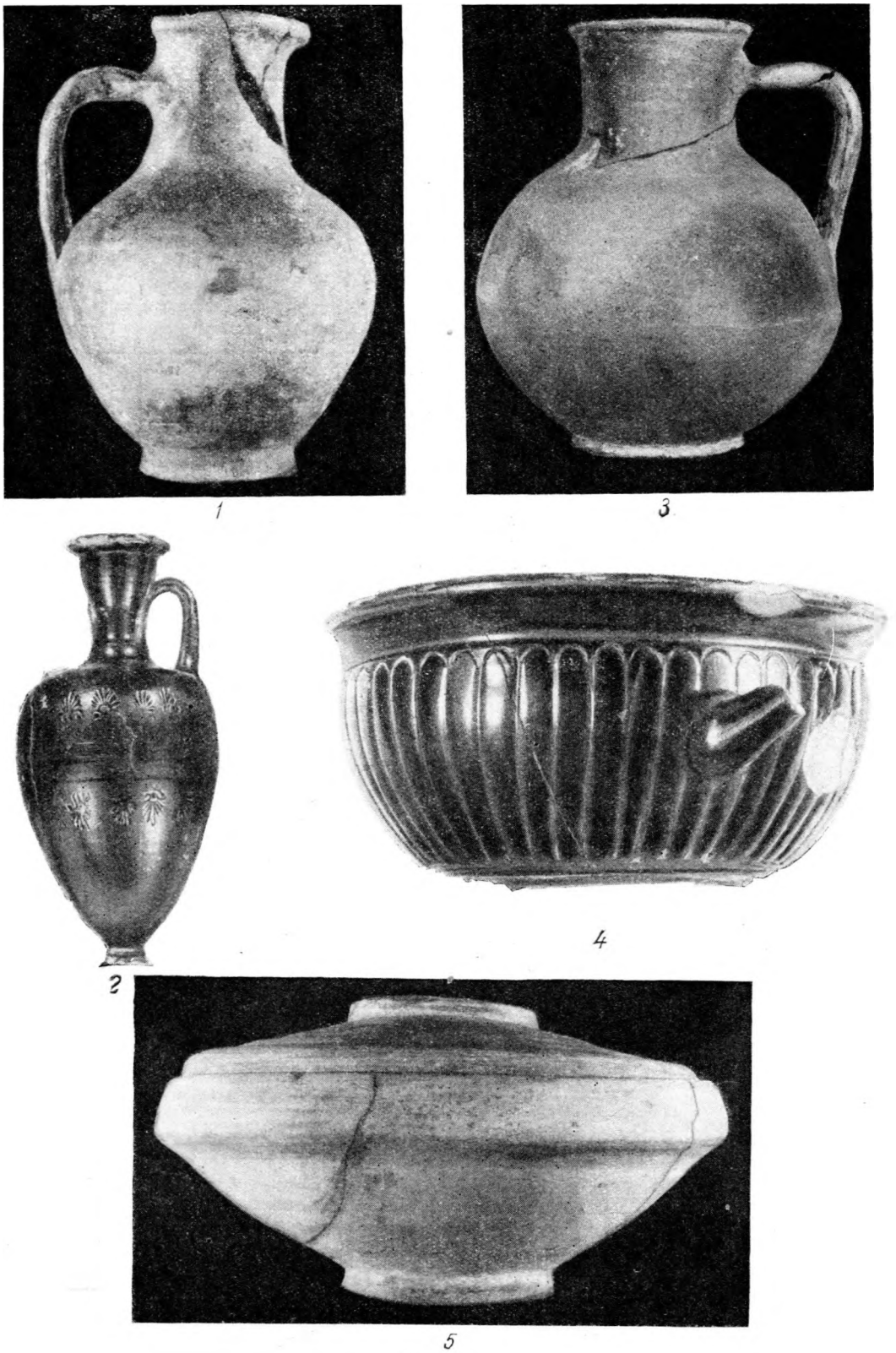

Рис. 2.

1 — одноручный сосуд. Могила 11; *2* — чернолаковый амфориск. Могила 7; *3* — одноручный сосуд. Могила 15; *4* — чернолаковая чаша. Могила 7; *5* — чаша с крышкой. Могила 15

представляют обломки одной плиты (их размеры: 0,26 × 0,16 × 0,02 м; 0,20 × 0,15 × 0,02 м). Под разрушенными частями костяка найден большой кусок такой же плиты, что подтверждает связь этих плит с погребением. Следы огня и золы свидетельствуют о каком-то обряде, совершенном на могиле. Глубина могилы — 1,55 мм.

Могила 26 (194). Костяк, ориентированный головой на юг, лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела; длина до пяточной кости — 1,73 м, общая длина костяка — 1,88 м. С западной стороны костяка обнаружен почти вертикально стоящий большой обломок солена. Глубина могилы — 1,10 м.

Могила 27 (195). Довольно хорошо сохранившийся женский костяк, ориентированный головой на восток, лежал на материке, на спине, руки расположены вдоль тела. Длина костяка до пяточной кости — 1,48 м, общая длина костяка — 1,56 м. Во рту обнаружена медная монета II в. до н. э., у колена левой ноги — акварельная лекана (оп. № 136—137, рис. 3, *3*; 4, *2*), у кисти левой руки — бронзовое кольцо с плоским утолщением в середине (оп. № 138, рис. 4, *4*). Костяк лежал на подстилке из камня. Глубина могилы — 1,20 м.

Могила 29 (197). Женский костяк, ориентированный головой на восток, лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела. Длина до пяточной кости — 1,39 м, общая длина — 1,52 м. Во рту найдена бронзовая монета третьей четверти III в. до н. э., у голени правой ноги — чашка, накрытая чашкой (своеобразный тип местной леканы) (оп. № 110—111; рис. 4, *3*; 5, *3*), у пятки правой ноги — глиняный флакон (оп. № 112). У головы обнаружен тонкостенный одноручный сосуд с тремя рельефными полосками на тулове (оп. № 109). Около него три фрагмента бронзовой фибулы, на безымян-

Рис. 3.

1 — акварельная пелика. Могила 23; *2* — лекана. Могила 23; *3* — расписная акварельная лекана. Могила 27; *4* — расписная акварельная лекана из некрополя. Тирамбы (Пересыпь)

ном пальце левой руки — кольцо из сплава серебра с медью со щитком в середине, около щитка — вдавленное изображение головы в шлеме (оп. № 114 рис. 4, *5*); на каждом из остальных пальцев — тонкие бронзовые кольца, распавшиеся на куски; под челюстью найдены 19 бус из стекла и стеклянной пасты, три у ног, одна у левой кисти (рис. 4, *6*). Прослеживается дно могильной ямы, скругленное на узких концах, ее размеры — 1,70 × 0,70 м. Глубина могилы — 1,55 м.

Таковы погребения IV—II вв. до н. э.

Погребения первых веков н. э. значительно беднее инвентарем. Сюда относятся:

Могила 13 (181) детская в большой книдской амфоре, горло которой отбито и было прикрыто горлом с ручками от другой амфоры I в. н. э. (довольно узкогорлой, коричневой глины с белыми включениями). В земле, заполнявшей амфору, сохранились лишь несколько косточек детского черепа. Глубина могилы — 0,72 м.

Могила 28 (196). Костяк, ориентированный головой на юг, лежал на спине. Кости таза потревожены, ноги не сохранились. Длина сохранившейся части костяка — 1,10 м. У левого плеча стеклянный лакримарий. Глубина могилы — 1,30 м.

Могила 31 (199). Плохо сохранившийся костяк, ориентированный ногами на запад; череп не сохранился, на его месте — фрагменты стенок простого сосуда или амфоры. Над костями, на 0,27 м выше, обнаружена разбитая на куски большая реберчатая амфора. Глубина могилы — 1,05 м.

Могила 32 (200). Заходит в материк. Мужской костяк довольно хорошей сохранности, ориентированный головой на с.-в., лежал на спине, руки расположены вдоль тела, концы ног скрещены. Длина костяка — 1,55 м. У правого плеча — фрагментированная бронзовая фибула. Очертания могильной ямы у ног и головы нарушены, вероятно, грабителями. Размер дна могильной ямы 1,98 × 0,63 м. Глубина могилы — 1,55 м.

Могила 34 (202). Разбитая реберчатая амфора с широким горлом и профилированными ручками из местной глины III в. н. э. В земле, заполняющей амфору, найдены косточки детского черепа, ребер, конечностей. Глубина могилы — 0,46 м.

Наиболее поздней из этих погребений является могила 8 (176). Крупный мужской, хорошо сохранившийся костяк лежал на материке, ориентированный головой на север, на спине, руки расположены вдоль тела. Длина костяка до пяточной кости 1,60 м, общая длина — 1,80 м. Верхняя челюсть зеленого цвета от окиси какого-то несохранившегося предмета. Под правой берцовой костью — большая бронзовая пряжка III—IV вв. н. э. (длина — 0,06 м) (оп. № 142, рис. 5, *1*). Под пяточной костью правой ноги — маленькая круглая бронзовая пряжка (оп. № 143, рис. 5, *2*). Глубина могилы — 1,40 м.

Остальные погребения могут быть отнесены к III—I вв. до н. э.— первым векам н. э., ибо отсутствие точно датированного инвентаря не дает возможности более точного определения.

Могила 3 (171). Разбитый плоскодонный кувшин, отверстие которого было закрыто соленом. В земле, заполнявшей сосуд, были найдены мелкие неопределенные косточки. Глубина могилы — 0,58 м.

Могила 12 (180). Плохо сохранившийся костяк, ориентированный головой на юг, лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела. Длина костяка — 1,40 м. Около правого плеча обнаружен кусочек сырца и уголь. Дно могильной ямы прослеживается только в южной части; судя по ней, оно — прямоугольное, со скругленными углами. К востоку от костяка, на расстоянии 0,25—0,30 м от него была обнаружена дорожка (длиной 2,05, шириной 2—0,50 м), состоявшая из разбитых соленов, лежащих наклонно и горизонтально, обломков амфор на них и прилегающих к ним трех камней: известняковой плиты, имеющей форму ножки жертвенного стола (0,41 × 0,31 × 0,11 м), блока ракушечника и небольшого камня известняка без следов обработки. Под ракушечником находился большой булыжник. Глубина могилы — 1,05 м.

Могила 14 (182). Костяк плохой сохранности, ориентирован головой на с.-з. Длина костяка — 1,30 м. Глубина могилы — 0,75 м.

Могила 16 (184). Совершенно разрушенная, сохранился лишь развалившийся череп, лежащий под обломками сосуда типа глубокого лютерия. Глубина могилы — 0,85 м.

Могила 18 (186). Разбитый плоскодонный кувшин (аналогичный сосуду из могилы 3) с остатками детского погребения. Глубина могилы — 1,13 м.

Могила 19 (187). Хорошо сохранившийся женский костяк, ориентированный головой на с.-в., лежал на спине, руки расположены вдоль тела. Длина костяка — 1,58 м, длина до пяточной кости — 1,45 м. Прослеживается могильная яма (длина — 2,15, ширина — 0,65, высота — 0,48 м).

Могила 20 (188). Детское захоронение в разбитом плоскодонном кувшине (аналогичном кувшинам из могил 3 и 18). Нижняя часть кувшина лежала на боку и была прикрыта сверху и снизу кусками пифоса. В земле, заполнявшей кувшин, были найдены отдельные кости скелета. Глубина могилы — 0,42 м.

Могила 22 (190). Костяк, ориентированный головой на север, лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела, концы ног скрещены. Длина костяка — 1,07 м. Над костяком найдена верхняя часть разбитого большого с узким горлом сосуда, приспособленного для подвешивания; в горле сосуда пробуравлены две круглые

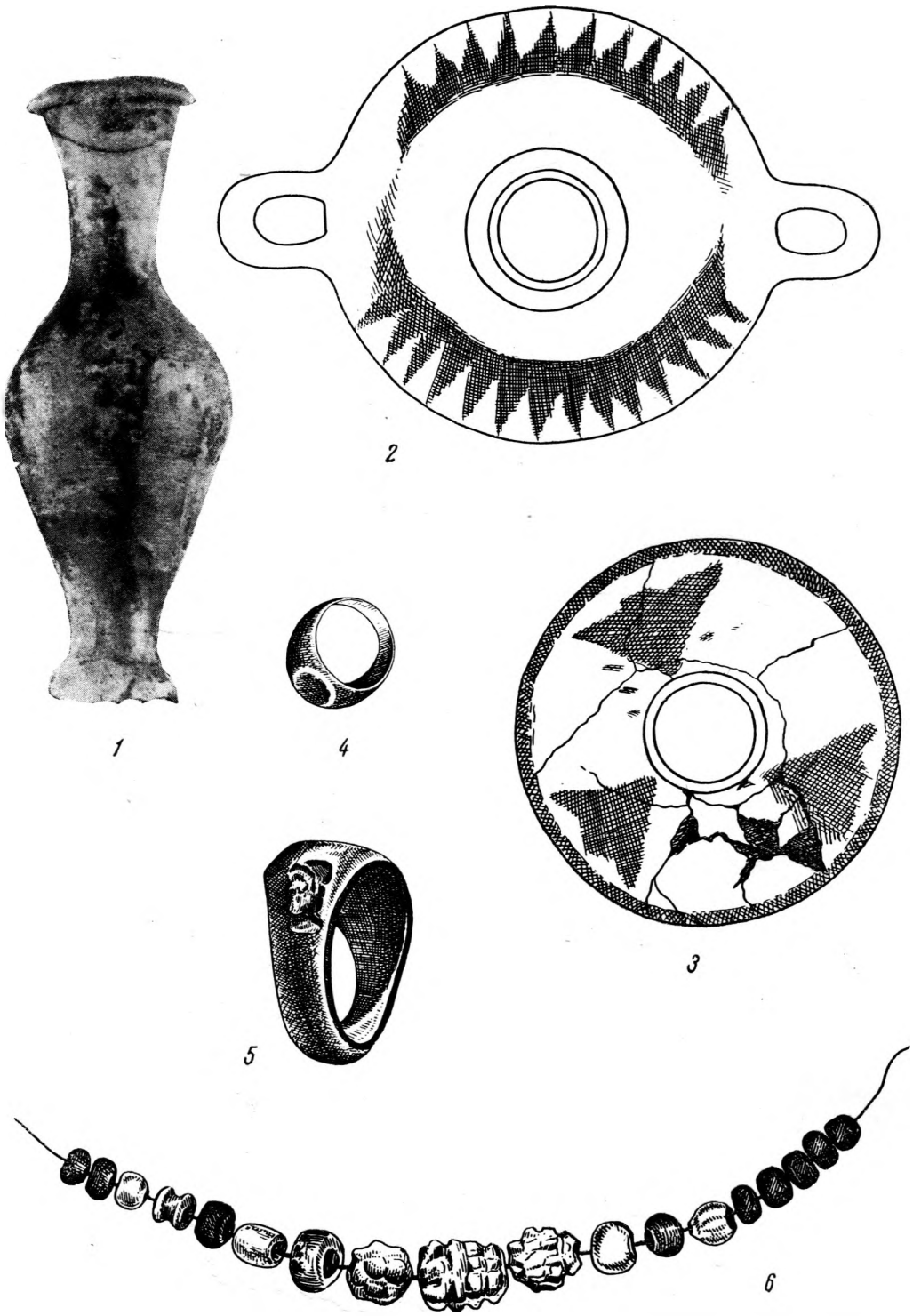
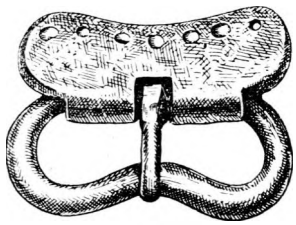

Рис. 4.

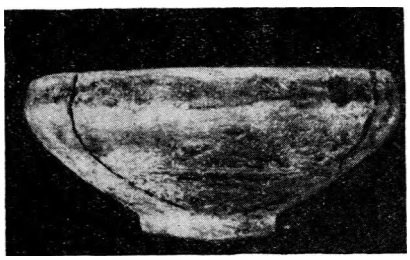
1 — флакон. Могила 5; *2* — роспись леканы. Могила 27; *3* — роспись на чаше. Могила 29; *4* — Бронзовое кольцо. Могила 27; *5* — увеличенное вдвое кольцо. Могила 29; *6* — бусы. Могила 29

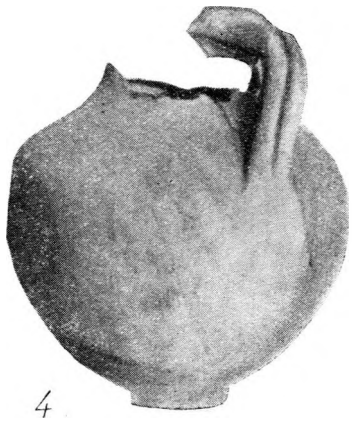
1

2

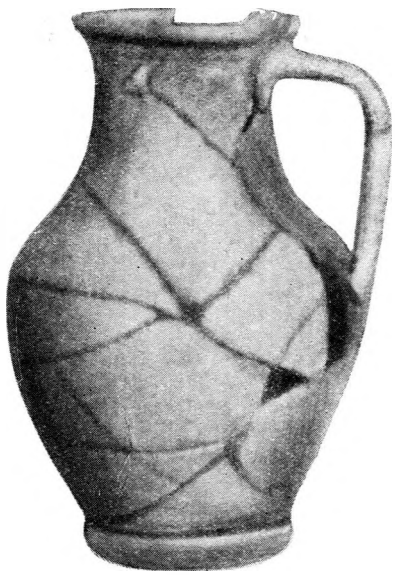
3

4

5

6

Рис. 5.

1 — пряжка. Могила 8; *2* — пряжка. Могила 8; *3* — акварельная чаша. Могила 29; *4* — сероглиняный сосуд. Некрополь «Е»; *5* — сосуд с витой ручкой. Некрополь «Е»; *6* — одноручный сосуд. Некрополь «Е»

дырочки, одна против другой. Глубина могилы от поверхности — 0,75 м.

Могила 24 (192). Сильно поврежденный костяк лежал головой на восток, на спине, руки расположены вдоль тела, концы ног скрещены. Длина до пяточной кости — 1,50 м. Около костей обнаружены разбитые раковины (вероятно, остатки подсыпки из раковин) и обломки тонкостенных сосудов. Глубина могилы — 1,04 м.

Могила 33 (201). Истлевший костяк, ориентированный головой на ю.-з., лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела. У кисти левой руки найден фрагмент железного лезвия, у правой руки — другой, между ногами — третий. Глубина могилы — 1,85 м.

От совершенно разрушенных могил остались лишь отдельные, случайно лежащие кости, целые или разбитые сосуды. Общий характер этих остатков один и тот же: главным образом, это куски соленов, амфор (эллинистических и раннеримских), простых сосудов, есть горлышко чернолакового арибаллического лекифа, фрагменты чернолаковых эллинистических и краснолаковых чаш. Из целых сосудов отметим простой тонкостенный кувшинчик (№ 17) светлокоричневой глины, грубый черно-серый сосуд с широким горлом (№ 102) простой маленький одноручный лепной сосудик с носиком для слива (№ 118), краснофигурный арибаллический лекиф с пальметтой (№ 129), часть плоскодонного большого кувшина с толстыми стенками, сероглиняный сосуд с двумя двуствольными ручками и шаровидным туловом (№ 122, рис. 5, *4*, *5* и *6*).

Особенностью некрополя, обнаруженного на холме «Е», является то, что он в общем был не чисто греческий, а греко-синдский, как по своему инвентарю, так и по обряду погребений. В погребении № 4 рядом с эллинистической косской амфорой находилось схематическое изображение человеческой фигуры, изваянное из керченского известняка [1]. Трапециевидная форма туловища указывает на изображение женщины в одежде. Это изваяние восходит к древнему типу местной скульптуры в ее геометрических, исполненных магического значения формах. Среди погребений есть одно скорченное и три со скрещенными ступнями. В могиле 7, датируемой IV—III вв. до н. э., были обнаружены над соленами кости лошади; несколько отдельных костей ног лошади были найдены в грунте, возможно, от разрушенных могил. С другой стороны, во рту у некоторых костяков была найдена монета.

Среди погребений, открытых на холме «Е», интересны детские погребения в разбитых сосудах эллинистического и римского времени. Обычай погребения ребенка в сосуде для архаического периода Фанагории был отмечен в 1939 г., когда было открыто погребение в архаической амфоре. На некрополе «Е» были найдены четыре детских погребения в сосудах; три в плоскодонных толстостенных из светлой серо-желтой глины одноручных кувшинах, прикрытых большими кусками амфор, соленов, пифоса; одно — в огромной реберчатой амфоре.

Характерным инвентарем для раскопанных погребений является посуда — амфоры, чаши, амфориски, флаконы, блюда, одноручные кувшины от больших толстостенных до небольших тонкостенных и лепных, леканы, пелики. Как уже указывалось выше, основная масса посуды местного, фанагорийского производства. Заслуживают внимания простые амфоры из фанагорийской глины, например, реберчатая амфора из погребения 34, ручка местной амфоры с боспорским клеймом в виде эты в круге.

Кроме простой местной посуды, в некрополе «Е» найдены местные акварельные вазы, своеобразные или по росписи, или по форме. Лекана из могилы 27 сохраняет греческую форму, но оригинально расписана геометрическим узором — от широкой черной полосы вокруг ножки расходятся черные треугольники (рис. 4, *2*). В могиле 29 найдены две чаши (рис. 5, *3*; 4, *3*). Одна чаша служит крышкой для другой; нижняя чаша по краю имеет красный и желтый поясок, верхняя — посредине красный диск, по сторонам три красных, схематично изображенных цветка. В 1946 г. Н. В. Анфимовым были найдены совершенно такого же типа акварельные вазы (леканы и пелики) на «Пересыпи» — некрополе почти уже уничтоженного морем городища Тирамбы (рис. 3, *4*). Находки таких же ваз в Фанагории свидетельствуют о том, что Фанагория и была местом их изготовления.

Комплекс терракот, открытый в Фанагории в 1947 г., позволил установить наличие фанагорийской мастерской коропластики, а дальнейшая работа над массой терракот из Фанагории показала наличие в Фанагории местного производства терракот с конца VI в. до н. э. и его расцвет в период эллинизма.

[1] См. в настоящем сборнике статью М. М. Кобылиной «Боспорская скульптура», рис. 7, *2*.

В. Д. Блаватский

ХАРАКС

I. КРАТКИЙ ОБЗОР ИТОГОВ ИССЛЕДОВАНИЙ ХАРАКСА ДО 1931 г.

Харакс до сего времени сравнительно мало привлекал внимание исследователей нашего юга, хотя Ай-Тодорское городище находится в поле зрения русских археологов уже более ста лет (рис. 1—2) [1]. Еще в 1837 г. появилось первое краткое описание городища [2], а в 1849 г. гр. Шувалов производил там первые раскопки [3]. С 1896 г. начались раскопки, которые велись с перерывами и продолжались около 15 лет. Каких-либо отчетов об этих раскопках опубликовано не было [4]. Работы, видимо, производились без достаточной системы. Внимание исследователя привлекали пункты, разбросанные почти по всей поверхности холма, за исключением разве восточного склона. Нужно думать, что выбор места раскопок в значительной мере определялся остатками стен, выступавшими над землей.

В общей сложности вскрыта значительная часть городища, однако выводы крайне затруднены отсутствием раскопочных дневников и отчетов, описей находок и надлежащих чертежей, обнаруженных памятников архитектуры.

Остановимся на главнейших сооружениях, обнаруженных старыми раскопками в Ай-Тодоре. К ним принадлежит внешняя крепостная стена, довольно хорошо сохранившаяся на восток от дороги к вершине холма, где она представляет мощную киклопическую кладку из громадных грубо наломанных глыб (рис. 3) [1]. Солидная башня, расположенная к востоку от киклопической стены, видимо, фланкировала последнюю. Менее ясно было продолжение названной стены к ю.-з. от дороги, ведущей к вершине холма; в этой части стена прерывалась сравнительно хорошо сохранившимися воротами [2]. Значительно менее четко прослеживалась внутренняя оборонительная стена [3], за которой сосредоточиваются многочисленные постройки. Прежде всего это расположенная около самой стены большая цистерна, носившая, как показывает обнаруженная около нее надпись, наименование Нимфей: [N]YMPH[AEVM] [4]. Выше, над самым обрывом к морю, находятся развалины терм [5], с примыкающим к ним комплексом построек, назначение которых пока остается невыясненным. Помимо этих зданий, как в пределах участка, огражденного внутренней стеной, так и между обеими стенами разбросан ряд нередко очень плохо сохранившихся развалин отдельных зданий.

Весьма печально обстоит дело со старыми вещевыми находками в Харакс. В Ялтинском музее краеведения находилась большая коллекция памятников античного искусства и материальной культуры из раскопок в Ай-Тодоре конца XIX — начала XX в. Фашистские вандалы, сжегшие во время оккупации Ялтинский музей, почти полностью уничтожили эту замечательную коллекцию. Ныне возможно судить об этих вещах только по фотографиям, зарисовкам и отдельным записям, которые

---

[1] Обзор истории изучения Харакса см. В. Н. Дьяков. Древности Ай-Тодора, Ялта, 1930, стр. 18 сл.

[2] П. Кеппен. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических, СПб., 1837, стр. 191 сл.

[3] См. об этом Кондараки. Универсальное описание Крыма, Николаев, 1873, ч. I, стр. 169, прим.

[4] См. о них М. И. Ростовцев. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость, ЖМНП, 1900, март, стр. 140—158; его же. Römische Besatzungen in der Krim und das Kastell Charax, «Klio», 1902, II, I, стр. 80—95; его же. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре, ИАК, вып. 40; 1911, стр. 1—42. См. то же в путеводителе «Крым»; Л. С. Башкиров, Историко-археологический очерк Крыма, Симферополь, 1914, стр. 122—129; В. Н. Дьяков. Древности Ай-Тодора, Ялта, 1930. Надписи из Харакса изданы в IOSPE, I, № 674—683

[1] «Klio», 1902, стр. 90; В. Н. Дьяков. Указ. соч., стр. 21 сл.

[2] В. Н. Дьяков. Указ. соч., стр. 20, рис. 7.

[3] «Klio», 1902, стр. 89; В. Н. Дьяков. Указ. соч., стр. 23 сл.

[4] ИАК, вып. 40, 1911, стр. 3, 41 сл.; IOSPE, I, стр. 514, № 680.

[5] «Klio», 1902, стр. 90 сл.; В. Н. Дьяков. Указ. соч., стр. 25 сл.

сохранились в личных архивах наших археологов.

Эти находки позволяют сделать некоторые выводы о занятиях населения и культуре Харакса. О значительной роли рыболовного промысла свидетельствуют многочисленные бронзовые рыболовные крючки различных размеров [1], грузила и иглы для плетения сетей. На обработку земли указывает двуконечная железная мотыга [2] длиной 0,38 и шириной 0,23 м (рис. 4, *1*). Восемь круглых каменных

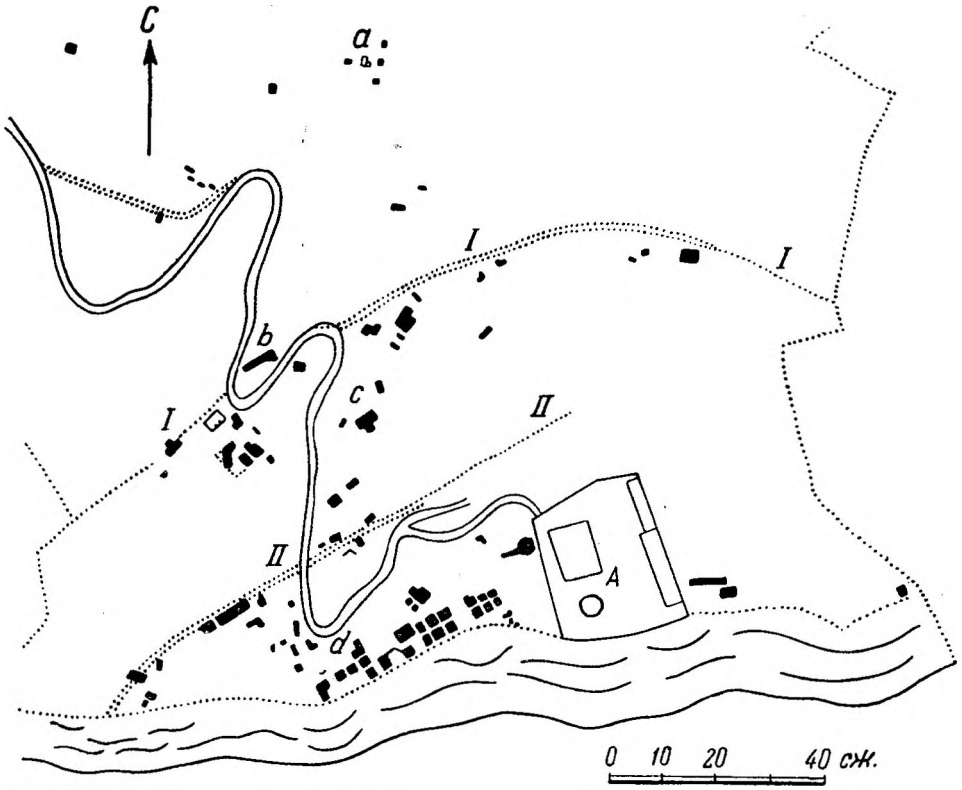

Рис. 1. Харакс. Генеральный план старых раскопок.

I — внешняя стена; *II* — внутренняя стена; *a* — гробницы; *b* — место башни; *c*, *d* — места находок клейменых кирпичей.

жерновов (от 0,30 до 0,40 м диаметром) позволяют заключить о довольно интенсивном развитии мукомольного дела (рис. 4, *2*). Среди них особенно интересна (находящаяся и в настоящее время в Ялтинском музее) пара жерновов; нижний имеет форму невысокого конуса, верхний — биконические очертания. Высота их вместе достигает 0,24 м, наибольший диаметр около 0,35 м. Для хранения припасов служили большие пифосы, их в Ай-Тодоре было найдено несколько. Затем отметим предметы, связанные с рукоделием. Это — несколько десятков костяных проколок, около тридцати костяных игл [3], примерно столько же бронзовых [1], костяные пластинки для ниток, пряслица и пр. Найденные в Хараксе свинцовые пластинки и стержни [2] не были материалом для ремесленников. Скорее всего, они были заготовкой для скреп, применявшихся для починки разбитой посуды.

Предметы вооружения сравнительно немногочисленны, это — железные наконечники копий, а также бронзовые втульчатые и железные черешковые наконечники стрел. Кроме того, в коллекции было значительное количество булыжников, служивших ядрами баллист [3] и для метания из пращей и вручную [4]. Камни эти, по большей части, в кулак величиной.

Из предметов домашнего обихода в описываемом собрании хранились многочисленные фрагменты краснолаковой посуды [5], большей частью с рельефными украшениями; таков, например, край одного сосуда с рельефным изображением орла. Затем следует упомянуть простую керамику, как тонкостенную, так и толстостенную. Среди простых сосудов отметим большой неглубокий лутерий [6] из желтоватой глины. Лутерий имеет сильно

[1] Ялтинский музей, № 5934—5960. Указанные в настоящей статье номера вещей, хранившихся и хранящихся в Ялтинском музее, соответствуют номеру инвентарной описи музея.

[2] Ялтинский музей, № 2079.

[3] Ялтинский музей, № 5839—5859.

[1] Ялтинский музей, № 5860—5878.

[2] Там же, № 5801—5812.

[3] Ср. Arch. Anz., 1917, I—II, стр. 3—10, рис. 1—2.

[4] В. Д. Блаватский. Осада и оборона в античном Причерноморье, КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 92.

[5] Ялтинский музей, № 5251—5290.

[6] Там же, № 3760.

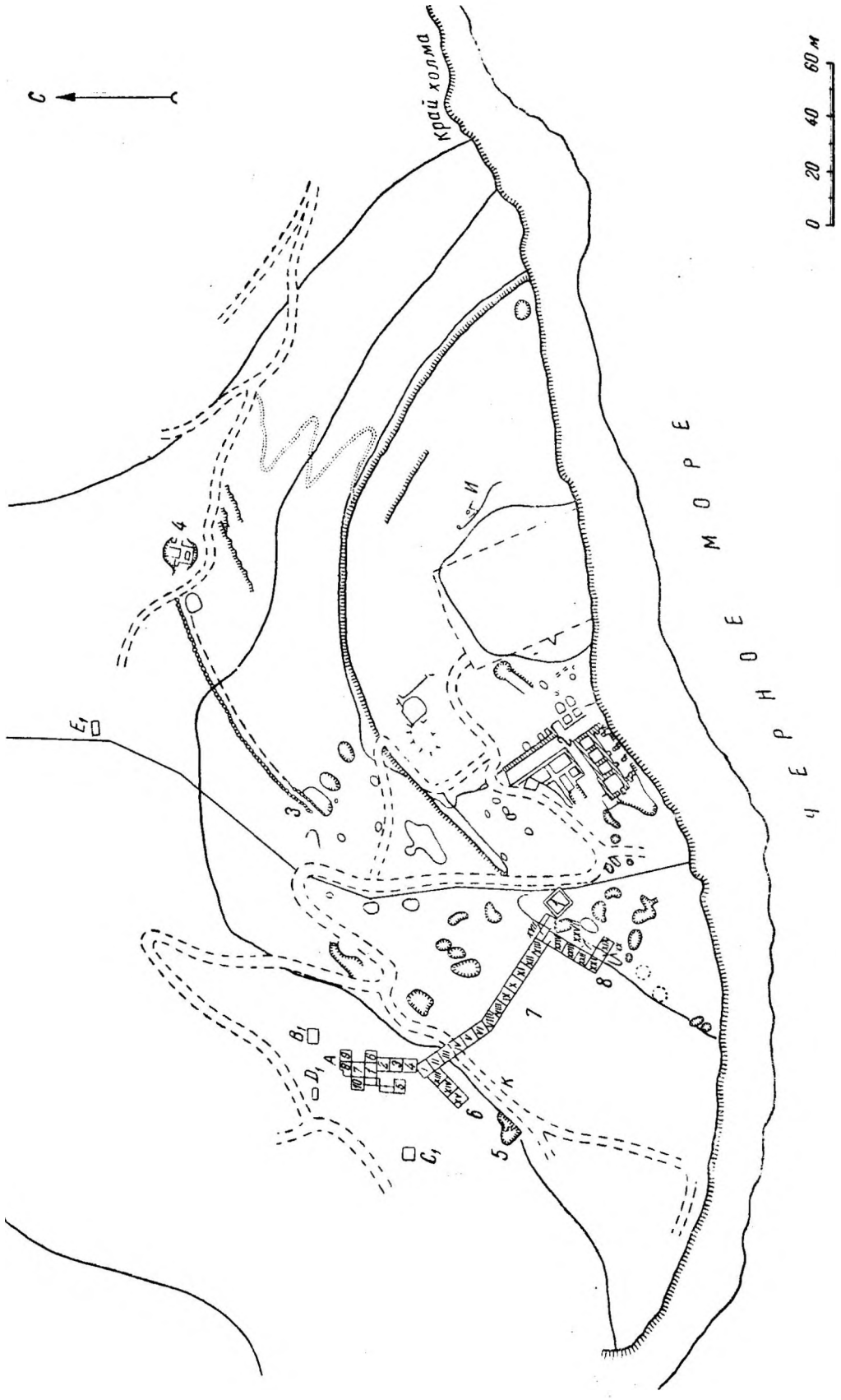

Рис. 2. Харакс. Генеральный план раскопок 1931, 1932, 1935 гг.

1 — Нимфей; *2* — терма; *3* — таврская стена; *4* — башня; *5*—ворота; *6* — наружная оборонительная стена; *7* — пустырь между оборонительными стенами; *8* — внутренняя оборонительная стена; *И* — раскоп 1931 — 1932 гг.; *К* — раскоп 1931 г.; *А* — раскоп 1932 и 1935 гг.; B_1, C_1, D_1, E_1 — раскопы 1935 г.

выступающий слив и ручки, плотно прижатые к краям сосуда. Высота его — 0,06, диаметр — 0,295 м (рис. 4, *8*). Отметим обломки узкогорлых амфор [1] и римских светильников, по большей части покрытых лаком, с рельефными украшениями на щитках. Местная керамика была представлена только одной ручкой [2] из серой глины, грубой работы, с орнаментом в виде крупных насечек. Помимо глиняной посуды, назовем также обломки стеклянной (прозрачное зеленоватое и бесцветное стекло), преимущественно туалетного назначения.

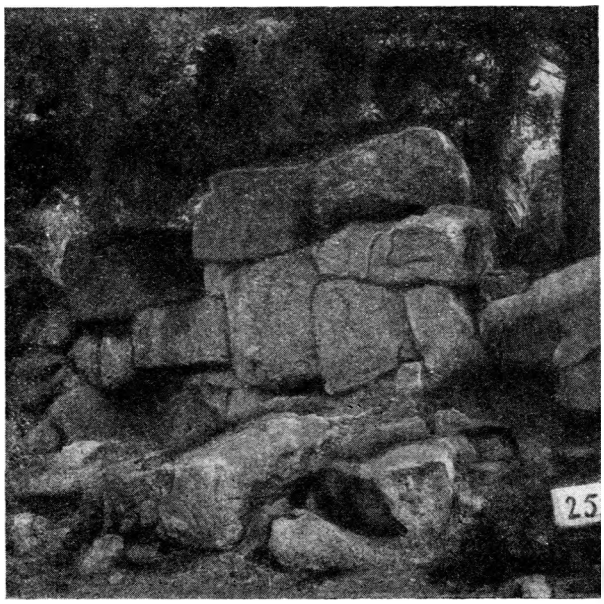

Рис. 3. Харакс. Внешняя стена. Киклопическая кладка

Весьма разнообразны металлические изделия и обломки их. Таковы железные конские удила и клинок ножа, несколько десятков железных гвоздей и ключи [3]. Бронзовые предметы были представлены [4] также многочисленными (несколько десятков) гвоздями и гвоздиками с выпуклыми и плоскими шляпками, различными бляшками, ключами характерной для античной эпохи формы с круглым, как у перстня кольцом, очень коротким стержнем и сильно развитой бородкой. Упомянем еще большой, продолговатый точильный камень и небольшие бруски прямоугольных или округлых очертаний, большая часть которых имеет отверстия для подвешивания.

О развитии грамотности у населения Харакса свидетельствуют стили, находки которых неоднократны. Предметами, служившими для игры, и игрушками является свинцовый кубик с значками («кость» для игры), колокольчик и астрагалы.

[1] Ялтинский музей, № 3919.
[2] Там же, № 3916.
[3] Там же, № 5541—5565.
[4] Там же, № 5661—5800.

Обильны и разнообразны предметы украшений и уборы: различные бусы [1], в том числе из халцедона, янтаря и египетской пасты, бронзовые серьги, кольца, а также перстни из бронзы, стекла и (один) из золота [2]; к ним принадлежат также резные камни [3] с различными изображениями, в том числе, Зевса, Тихи, Асклепия и Гигиейи, музыканта, играющего на струнном инструменте, и др. Многочисленны бронзовые фибулы [4], браслеты [5], пряжки и прочие бронзовые поделки. К туалетным принадлежностям относятся еще костяные ложечки.

Перечисленные предметы не отличаются особым богатством, свидетельствуя о довольно скромном достатке их обладателей. Это вполне естественно, если принять во внимание, что Харакс был, в основном, не торговым пунктом, а военным поселением, при котором жили и ремесленники.

Ряд находок дает представление о строительном деле в Хараксе, стоявшем на значительной высоте. Отличается тщательностью исполнения обломок угла карниза [6] из известняка, украшенного профилировкой и жемчужником, над которым проходила полоса красной краски (размеры фрагмента, приблизительно 0,21 × 0,24 × 0,25 м. См. рис. 4, *3*). Довольно большой водомет [7] из известняка, украшенный головой льва, также, видимо, принадлежал к одной из построек.

Не менее интересны, чем образцы архитектурной отделки, большие широкие керамические трубы [8] (рис. 4, *5*), служившие для духового отопления терм Харакса [9], о которых мы будем говорить ниже. Такие трубы были проложены под полом обогревавшихся помещений. До нас дошли большие квадратные кирпичи [10] (рис. 4, *6*), которыми выстилался

[1] Ялтинский музей, № 5141—5165.
[2] Там же, № 5181—5220.
[3] Там же, № 5403—5412.
[4] Там же, № 4918—5140.
[5] Там же, № 4902—4917.
[6] Там же, № 3815.
[7] Там же, № 3822.
[8] Таких труб в Ялтинском музее было около десятка. Все они были исполнены из хорошо обожженной красноватой глины. Сообщим размеры двух из них:

	№ 3842	№ 3838
Длина сохранившейся части (обе трубы дошли не полностью)	0,65 м	0,73 м
Диаметр верхней (узкой) части	0,225 »	0,21 »
» основания (широкой части)	0,235 »	0,255 »
Толщина стенок вверху (в изломе)	0,02 »	0,017 »
» » у бокового отверстия	0,035 »	0,037 »
» » у основания (широкая часть)	0,025 »	0,03 »
Боковое отверстие: длина	0,15 »	0,11 »
» » ширина	0,09 »	0,09 »

[9] ЖМНП, 1900, стр. 152.
[10] Таких кирпичей в Ялтинском музее было три. Один из них (№ 8, X, 17) был из красно-коричневой глины, размером: 0,58 × 0,575 × 0,07 м. На широкой стороне кирпича по диагоналям неглубокие, двойные желобки (ширина обоих — 0,03 м) и клеймо вексилляции Равенской эскадры. Другой кирпич из такой глины также с клеймом названной вексилляции имел размеры: 0,58 × 0,58 × 0,08 м.

такой пол, и грубоотесанные каменные столбики, которые служили ему опорой (рис. 4, *4*).

Все это показывает, что Харакс не уступал по строительной технике другим римским кастелям.

Кроме упомянутых больших кирпичей, в Хараксе были найдены еще и другие, тоже плоские, квадратной формы, но значительно меньших размеров[1]. Для скрепления кирпичей и камней в Хараксе применялся строительный раствор, образец которого хранился в Ялтинском музее[2]. Известковая масса в нем смешана с мелкими камнями. Далее следует отметить многочисленные фрагменты черепицы: соленов и калиптеров[3] и, наконец, керамические водопроводные трубы (рис. 5, *1—4*)[4].

Строительные материалы из Харакса более чем другие из вышеперечисленных находок подверглись изучению. Наличие на кирпичах и черепицах клейм тех воинских частей, которыми они были изготовлены, позволило сделать ряд важных выводов для истории Харакса. Эти клейма трех типов:

Первый тип[5] клейма: VEXS

CRAVSP

может быть[6] прочтен следующим образом: vex(illatio) c(lassis) Rav(ennatis) s(umptu) p(ublico). Это позволяет заключить, что первоначально Харакс был оккупирован десантом, состоявшим из моряков Равеннской эскадры. Вероятно, это произошло после походов Плавтия Сильвана, в результате которых последовала оккупация Крыма римскими войсками[7] при императоре Нероне. Вместе с тем, рассматриваемые клейма не могли быть позднее эпохи императора Веспасиана, ибо тогда Равеннская эскадра получила наименование praetoria[8], отсутствующее на наших клеймах.

Второй тип[9] клейма:

PER⏚L·A·C⏚
LEG·I·IT·PRAEP
VEX·MOES·INF

транскрибируется[10] следующим образом: Per L. A.... C.... (centurionem) leg(ionis) I It(alicae) praep(ositum) vex(illationi) Moes(iae) inf(erioris). Другими словами, этот штемпель относится к вексилляции I Италийского легиона, которая стояла в Хараксе во II в. н. э.[11]

Наконец, третий[12] тип штемпеля: LEXICL может быть прочтен[13] следующим образом: le(gio) XI Cl(audia).

[1] Например, кирпич № 3817 из хорошо обожженной, немного пористой «зернистой» глины серовато-коричневатого цвета, местами с красноватым оттенком. Размер его: 0,275 × 0,27 × 0,06 м. Формовка кирпича — небрежная. На верхнюю поверхность кирпича довольно небрежно нанесены по диагоналям двойные неглубокие желобки; общая ширина их — 0,03 м. Кирпич не клейменный. Другой пример небольшого кирпича — № 3871, размер его 0,27 × 0,27 × 0,07 м; глина — красновато-коричневая; на лицевой стороне по диагоналям двойные неглубокие желобки. Наконец, упомянем фрагментированный кирпич из красно-коричневой глины с клеймом XI Клавдиева легиона. Размеры его 0,26 × 0,26 × × 0,055 м.

[2] № 3867.

[3] Встречаются и целые черепицы. Например, калиптер, № 3923, сделанный из красновато-коричневатой глины; длина его 0,48 м (рис. 4, *7*; 5, *5*).

[4] В Ялтинском музее имелось до полутора десятков водопроводных труб. Четыре из них были хорошей сохранности. Все трубы были сделаны из хорошо обожженной красновато-коричневатой глины, размеры их (в м) следующие.

Инв. №	Размер								
	Длина	Диаметр узкого края	Диаметр широкого края	Окружность валика	Расстояние валика		Толщина стенок		Толщина валика
					от узкого края	от широкого края	у узкого устья	у широкого устья	
3848	0,415	0,083	0,115—0,118	Ок. 0,408	0,0026	0,383	0,004—0,005	0,004—0,006	0,006—0,007
3851	0,413	0,065	0,125	0,405	0,068	0,345	0,006	0,008	0,017
3853	0,41	0,072	0,125	0,395	0,065	0,345	0,005	0,02	0,007—0,008
3856	0,345	0,068	0,13	0,40	0,055	0,29	0,004	0,023	0,03

На трубе № 3848 на расстоянии 0,29—0,298 м от широкого устья находился волнистый желобок, опоясывающий трубу; на той же трубе на расстоянии 0,142—0,15 м от широкого устья — в стенке небольшое круглое отверстие, имеющее в диаметре 0,008 м снаружи и 0,003 м внутри. На трубах № 3851 и 3853 местами приставший известковый раствор с мелкой темной галькой.

[1] Например, черепица Ялтинского музея № 4001.

[2] ЖМНП, 1900, стр. 154 сл. О транскрипции и датировке этого клейма см. также: «Klio», 1902, стр. 93 сл.; ИАК, вып. 40, 1911, стр. 36.

[3] CIL, XIV, 3608.

[4] ЖМНП, 1900, стр. 157.

[5] Такое клеймо оттиснуто на обломке кирпича Ялтинского музея № 3996, грубо сформованного из красновато-коричневатой глины. Другие примеры: кирпич № 3998 и черепицы № 3818 и 4000.

[6] ЖМНП, 1900, стр. 155; «Klio», 1902, стр. 93.

[7] ЖМНП, 1900, стр. 144.

[8] Клеймо XI Клавдиева легиона было оттиснуто на кирпиче Ялтинского музея № 3816. Этот кирпич сделан из красновато-коричневой глины. Форма его типична для римского кирпича: он почти квадратный и довольно тонкий; размеры его 0,265 × 0,263 × 0,057 м.

[9] ЖМНП, 1900, стр. 156; «Klio», 1902, стр. 93.

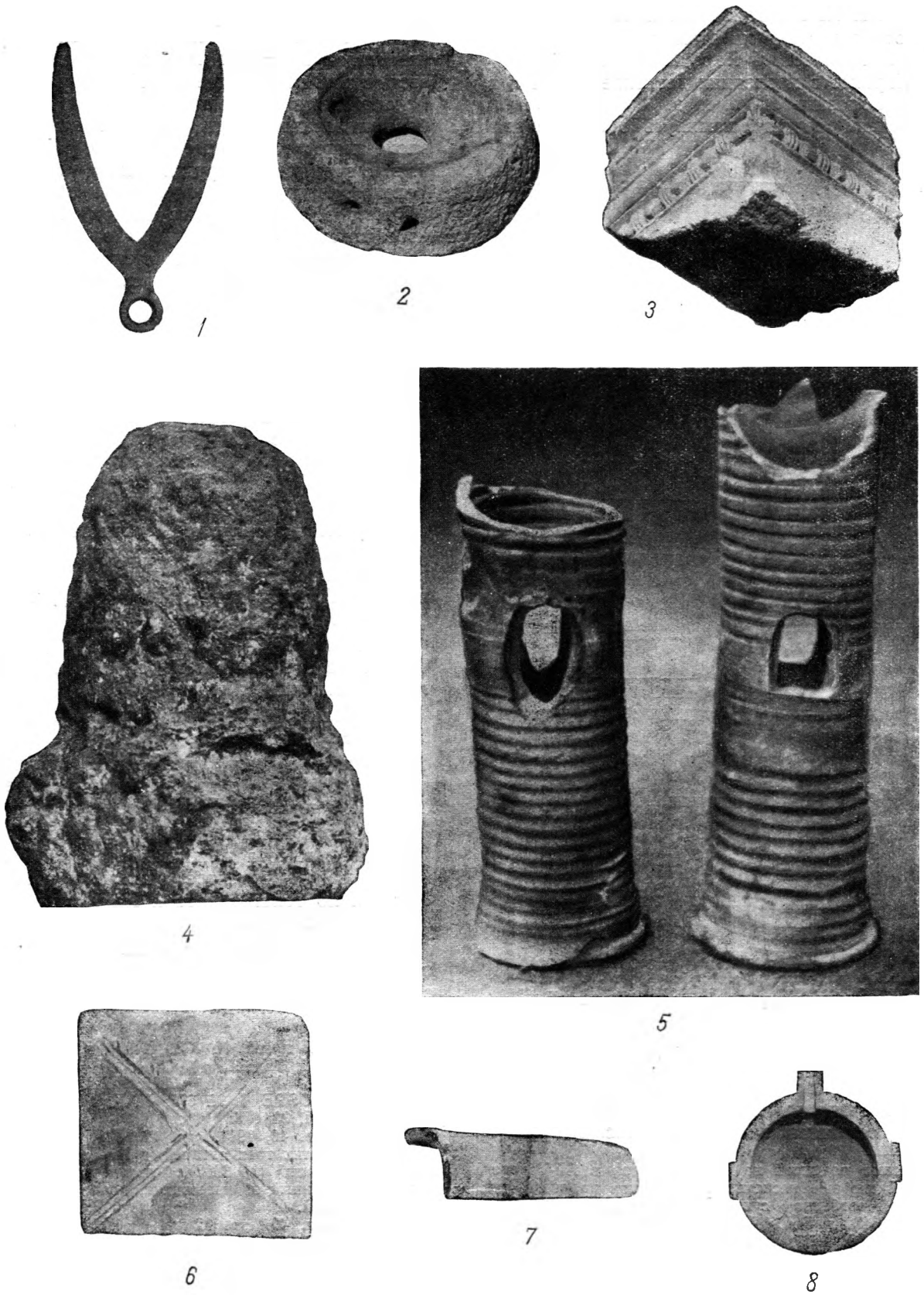

Рис. 4.

1 — Харакс. Двуконечная мотыга. Ялтинский музей, № 2079; *2* — Харакс. Жернов. Ялтинский музей, № 3832; *3* — Харакс. Обломок карниза. Ялтинский музей, № 3815. Размер 0,21×0,25 м; *4* — Харакс. Каменный столбик из терм. Ялтинский музей; *5* — Харакс. Трубы духового отопления из терм. Ялтинский музей; *6* — Харакс. Кирпич с клеймом вексилляции Равеннского флота, размер 0,58×0,58×0,08 м. Ялтинский музей; *7*—Харакс. Калиптер. Ялтинский музей; *8* — Харакс. Лутерий. Ялтинский музей

Солдаты XI Клавдиева легиона, наименование которого стоит на этом клейме, были последним гарнизоном Харакса. Они появляются в Хараксе в последних десятилетиях II и в первой половине III в. н. э.

Наконец, следует упомянуть о лапидарных

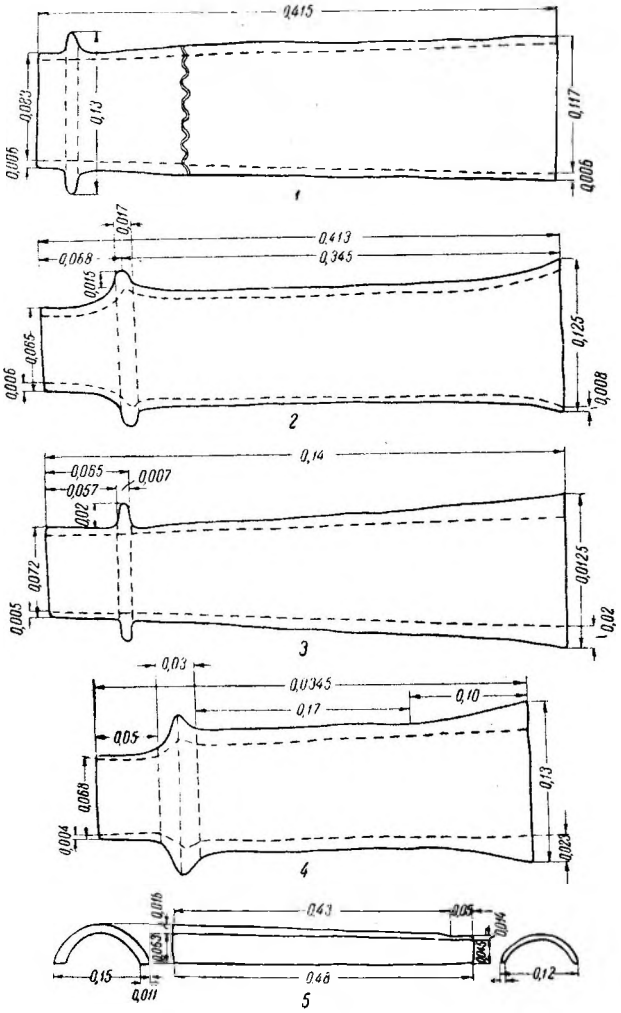

Рис 5.

1 — Харакс. Водопроводная труба. Ялтинский музей, № 3848; *2* — Харакс. Водопроводная труба. Ялтинский музей № 3851; *3* — Харакс. Водопроводная труба. Ялтинский музей, № 3853; *4* — Харакс. Водопроводная труба. Ялтинский музей, № 3856; *5* — Харакс. Калиптер. Ялтинский музей

памятниках — надписях и рельефах, происходящих из Ай-Тодора. К их числу принадлежат три[1] довольно высоких, нешироких алтаря[2], очень простых по очертаниям (рис. 6, *1*).

Такие алтари нередко сооружались римскими военными[3]. Названные ай-тодорские памятники высечены из местного твердого известняка. Они посвящены «Юпитеру Лучшему Величайшему» от лица дорожной стражи — бенефициариев. Один[1] из них относится к эпохе императора Антонина Пия (138—161 гг. н. э.), время двух других может[2] быть определено только приблизительно II или началом III в. н. э.[3]. Упомянутые алтари[4] происходят из святилища бенефициариев, расположенного за наружной крепостной стеной на северо-восточном склоне Ай-Тодорского холма. Там же был найден еще ряд сильно фрагментированных небольших вотивных рельефов[5]. Бегло перечислим их:

1. Разбитый на части рельеф[6], высотой 0,365 м, из крупнозернистого белого мрамора. На рельефе изображены Дионис, небольшая фигура Пана с пантерой на фоне виноградной лозы, с которой собирают виноград три мальчика. Под рельефом греческая посвятительная надпись, вероятно, Аврелия Юлиана.

2. Фрагментированный, далеко не полностью сохранившийся рельеф[7], высотой 0,31 м, из крупнозернистого белого мрамора с изображением Диониса и небольшой фигурой Силена с пантерой.

3. Небольшой обломок рельефа, высотой 0,065 м, с изображением бедра мужской фигуры, возможно, Диониса.

4. Небольшой обломок рельефа, высотой 0,05 м, с изображением части паха и ноги.

5. Нижняя часть мраморного рельефа[8], высотой 0,165 м, с изображением Гермеса в сопровождении петуха и барана.

6. Четыре обломка плохо сохранившегося рельефа[9] (высота приблизительно 0,16 м) с изображением (в центре) Мифры, убивающего быка (и по бокам) Пата и Каутопата, а также Солнца и Луны.

7. Два обломка[10] от мраморного рельефа с аналогичным изображением, от которого сохранилась лишь часть боковых фигур.

---

[1] Помимо надписей на этих алтарях, в Ай-Тодоре было найдено еще несколько фрагментов надписей, не имеющих особенно существенного значения. Это № 4010, 5424 и 5440 Ялтинского музея, см. о них ИАК, вып. 40, 1911, стр. 42. О других надписях (из Нимфея и на рельефах с Дионисом) мы упомянем в своем месте.

[2] ИАК, вып. 40, 1911, стр. 5 сл.

[3] См., например, Д. Дечев. Антични паметници от българските земи. «Годишник на Пловдивската Народна Библиотека и Музей», 1940—1941, стр. 34 сл.; Al. Bărcăcila. Une ville Daco — Romaine: Drubeta. L'archéologie en Roumaine, IX, 1938, табл. XXVI, рис. 53.

[1] Ялтинский музей, № 3739; ИАК, вып. 40, стр. 5, № 1; IOSPE, I, № 674.

[2] Там же, № 3801, 3800; ИАК, вып. 40, стр. 5, № 2; IOSPE, I, № 675; ИАК, вып. 40, стр. 6, № 3, IOSPE, I, № 676.

[3] ИАК, вып. 40, 1911, стр. 12.

[4] Помимо этих трех алтарей, в Ай-Тодоре был найден еще четвертый (№ 3802), близкий первым по типу, также исполненный из известняка, но не имеющий никаких надписей.

[5] ИАК, вып. 40, стр. 12 сл.

[6] Ялтинский музей, № 5414; ИАК, вып. 40, стр. 13—14, рис. 1; IOSPE, I, № 678.

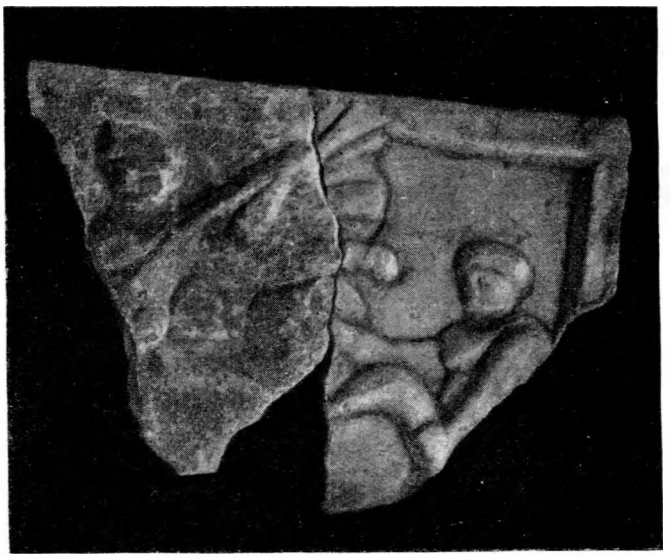
[7] Там же, № 5415; ИАК, вып. 40, стр. 14, рис. 2.

[8] Там же, № 5419; ИАК, вып. 40, стр. 14—15, рис. 16.

[9] Там же, № 5420; ИАК, вып. 40, стр. 15, рис. 7.

[10] Там же, № 5422 и 5423; ИАК, вып. 40, стр. 15, рис. 8.

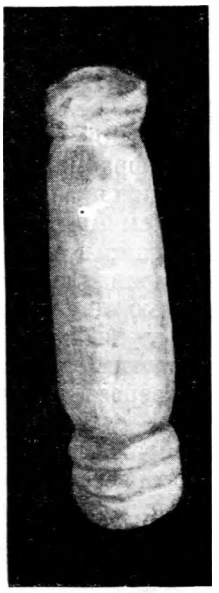

2

3 4 5

Рис. 6

1 — Харакс. Алтарь из святилища бенефициариев. Ялтинский музей; *2* — Харакс. Рельеф с изображением Фракийского всадника (высота 0,12 м). Ялтинский музей; *3* — Харакс. Рельеф с изображением Фракийского всадника (высота 0,12 м). Ялтинский музей; *4* — Харакс. Надгробие в виде каменной бабы (высота 0,68 м). Ялтинский музей; *5* — Харакс. Каменный столб, высота 0,89 м. Ялтинский музей

8. Два обломка[1] мраморного рельефа, высотой 0,11, шириной 0,148 м, с изображением Фракийского всадника, поражавшего, вероятно, кабана, позади которого находится фигура юноши (рис. 6, *2*).

9. Обломок мраморного рельефа[1], высотой 0,12 м, с изображением Фракийского всадника. Сохранились лишь круп лошади и часть одежды всадника.

10. Полностью сохранившийся рельеф[2] из крупнозернистого мрамора (высотой 0,155 м) с изображением Гекаты.

[1] Там же, № 5421. В старой публикации ИАК, вып. 40, стр. 15, № 8 и 10, табл. IV, рис. 9 и 11 эти фрагменты описаны как части двух различных рельефов. Оба куска, несомненно, принадлежали одному памятнику, как нам удалось в этом убедиться, складывая фрагменты, изломы которых плотно приходятся один к другому.

[1] Ялтинский музей, № 3910; ИАК, вып. 40, 1911, стр. 15, рис. 10.

[2] Там же, № 5417; ИАК, вып. 40, 1911, стр. 16; рис. 15.

11. Обломок мраморного рельефа[1], высотой 0,08 м, с изображением Артемиды и лани, от которых дошли лишь части фигур.

Изображения на этих своеобразных каменных иконах из святилища бенефициариев наглядно показывают, что среди солдат Ай-Тодорского гарнизона были распространены культы: Диониса, Мифры, Артемиды, Гекаты, Фракийских всадников. Иконография Диониса и других божеств, не говоря уже о Фракийских всадниках, носит фракийский характер[2], что вполне естественно, коль скоро римские части, занимавшие Херсонес и Харакс, комплектовались главным образом новобранцами из северо-восточной части Балканского полуострова. Любопытным подтверждением этого положения является характер монет, обнаруженных в святилище[3]. При раскопках в пределах городища встречались в большом количестве херсонесские, боспорские и римские монеты[4], в отличие от чего в развалинах святилища преобладали монеты придунайских городов.

Два[5] вотивных рельефа были найдены на западном склоне Ай-Тодорского холма:

1) фрагментированный рельеф, высотой 0,15 м, с изображением Артемиды сопровождаемой собакой[6];

2) фрагментированный не полностью сохранившийся рельеф, высотой 0,235 м, с изображением Артемиды с собакой и ланью на фоне дерева[7]; возможно, что один из фрагментов не принадлежит данному рельефу, являясь частью другой иконки Артемиды.

Вторая группа рельефов, видимо, связана с другим святилищем, посвященным Артемиде, вероятно, находившимся тоже за крепостными стенами. Достойно внимания, что тип изображения Артемиды на этих рельефах не повторяется в фракийских святилищах[8] и имеет близкие аналогии на херсонесских монетах. Нужно думать, что в отличие от культов, связанных со святилищем бенефициариев, культ Артемиды носил местный характер.

Помимо этих рельефных плит, опубликованных еще в 1911 г., в Ялтинском музее хранилось еще два неизданных обломка рельефов, о времени и месте находки которых у нас нет данных. Однако они настолько близки по типу иконкам из святилища бенефициариев, что вряд ли есть основания сомневаться в айтодорском происхождении и этих памятников.

1. Обломок мраморного рельефа[1] высотой 0,08 м, с изображением левой руки, держащей тирс, от которого сохранилась лишь верхняя часть. От человеческой фигуры, кроме руки, дошли лишь незначительные части головы и торса. Рельеф, видимо, представлял изображение Диониса, аналогичное № 1—2 из находок в святилище бенефициариев.

2. Нижняя половина мраморного рельефа[2], высотой 0,12 м, с изображением Фракийского всадника, скачущего на коне вправо (рис. 6, *3*). Под передними ногами лошади — голова кабана. Верхняя часть фигуры всадника и голова коня не сохранились. Среди иконок из святилища бенефициариев наиболее близкой аналогией этому памятнику является рельеф № 9.

Наши представления о культах божеств, распространенных среди обитателей Харакса, пополняет небольшая бронзовая пластина с рельефным изображением Тихи, держащей рог изобилия и фиалу.

В Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина находится происходящий, вероятно, с некрополя Ай-Тодора большой мраморный рельеф[3], высотой 0,87 м, с изображением Фракийского всадника, собаки и кабана. Рельеф, как показывает надпись на нем, D(is) M(anibus) L. F(urio) Seu(tho) op(tioni) [prae]f(ecti) coh(ortis) I T[hr(acum)... представлял надгробный памятник Люция Фурия Севта оптиона префекта I Фракийской когорты. Поэтому можно думать, что в гарнизоне Харакса, наряду с легионерами, были также и солдаты вспомогательных отрядов.

Из других лапидарных памятников Ялтинского музея, видимо происходящих из Ай-Тодора, упомянем своеобразную «каменную бабу»[4] (рис. 6, *4*). Это грубо высеченное из известняка поясное изображение человеческой фигуры в одежде местного покроя; вероятно, это был надгробный памятник[5]. Высота скульптуры — около 0,66, ширина у основания 0,44, наибольшая толщина (тоже у основания) — 0,19 м.

К сожалению, в очень плохом виде дошла до нас другая скульптура местной работы, исполненная из песчаника. Это обломок головы, от которой сохранилась нижняя половина лица[6] и прилегающая часть шеи. Высота обломка — 0,175, ширина — 0,167, толщина — около 0,55 м. Формы лица распластаны. Нижние веки, очертания ноздрей и рост резко очерчены, видимо, посредством скорпели; остальные части лица исполнены очень суммарно.

[1] Ялтинский музей, № 5421; ИАК, вып. 40, 1911, стр. 16.
[2] ИАК, вып. 40, 1911, стр. 17 сл., стр. 32 сл.
[3] Там же, стр. 35—36.
[4] В Ялтинском музее хранится коллекция монет из Ай-Тодора; эти монеты наряду с эпиграфическим материалом позволили сделать заключение о времени пребывания в Хараксе римлян. ЖМНП, 1900, стр. 153 сл.; «Klio», 1902, стр. 92 сл.
[5] ИАК, вып. 40, 1911, стр. 16 сл.
[6] Ялтинский музей, № 5413.
[7] Там же, № 5416.
[8] ИАК, вып. 40, 1911, стр. 16.

[1] Ялтинский музей, № 3911.
[2] Там же, № 5418.
[3] ИАК, вып. 40, 1911, стр. 38 сл., табл. III, рис. 3.
[4] Ялтинский музей, № 3804.
[5] G. Kieseritzky und C. Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland, Berlin, 1909, стр. 137, табл. LV, № 747 и особенно стр. 139, табл. LVI, № 766, 1—7.
[6] Ялтинский музей, № 20327 (XXII-20).

Помимо перечисленных произведений монументальной скульптуры, в Хараксе было найдено еще несколько терракот, среди них фигурка римского орла, женская головка, терракотовые маски и пр.

В заключение упомянем небольшой столбик[1] из песчаника фигурной формы. Назначение его с уверенностью установить трудно (рис. 6, *5*). Возможно[2] в нем видеть дорожный столб. Он имел в высоту 0,90 м при нижнем диаметре 0,22, а верхнем — 0,19 м. В основании столбика были три выпуклых валика (общая высота 0,18 м), находившаяся над ними часть соответствует по форме гладкому стволу колонны, обладающему заметной припухлостью. Немного расширяющаяся верхняя часть столбика отличается простым профилем, завершает ее небольшой умбон. На поверхности столбика сохранились следы работы траянкой.

Таковы были материалы, доступные исследователям Ай-Тодора до раскопок 1931 г. Они позволяли наметить следующие основные вехи истории Харакса.

Харакс, возможно, возник[3] в доримское время и представлял oppidum тавров — место ярмарок и убежище от врагов. Часть наружной крепостной киклопической стены[4], видимо, принадлежала этому укреплению.

Вероятно, во второй половине I в. н. э., когда римляне заняли крымские города, избрав главной опорной базой Пантикапей[5], в Хараксе высадился десант моряков Равеннской эскадры[6]. При Домициане[7], возможно, последовала эвакуация[8] Крыма и вторично Харакс был занят уже во II в. н. э., когда центральным пунктом крымской оккупации стал Херсонес[9]. Гарнизон Херсонеса во II в. состоял первоначально из солдат I Италийского, а позднее XI Клавдиева легиона[10]. Харакс существовал до середины III в. н. э.[11], когда в связи с углублением социально-экономического кризиса Римской империи и опустошительными набегами готов и других припонтийских народов римляне вынуждены были эвакуировать свои отряды из Крыма.

Городище Ай-Тодора представлялось заключавшим развалины ряда сооружений; некоторые из этих руин (термы, Нимфей) намечались довольно четко, но проследить какое-либо взаимоотношение между ними было трудно. Поэтому неудивительно, что исследователи Ай-Тодора не поднимали вопроса о характере культурных напластований в Хараксе и говорили о всех сооружениях городища как памятниках одного культурного слоя.

Наконец, отметим, что хотя на одном из планов, изданном еще в 1900 г.[1], имеется обозначение: «могилы», тем не менее данные об этих могилах, видимо, были столь шатки и туманны, что в последующих работах[2] некрополь Ай-Тодора считался не найденным и высказывалось даже предположение[3], что тела умерших солдат гарнизона не хоронились в Хараксе и отправлялись для похорон в Феодосию или Херсонес. Однако настаивать на справедливости такой гипотезы было трудно, хотя бы ввиду наличия уже упоминавшегося нами надгробия Люция Фурия Севта, по всей видимости, происходящего из Харакса.

II. РАСКОПКИ ХАРАКСА в 1931, 1932 и 1935 гг.

В 1931, 1932 и 1935 гг. научно-исследовательские учреждения Москвы посылали археологические экспедиции для раскопок Харакса[4]. Небольшая экспедиция 1931 г. была организована Государственной академией искусствознания, в следующем 1932 г. экспедицию отправило Московское отделение Государственной Академии истории материальной культуры. Наконец, в 1935 г. раскопки Харакса производились по инициативе Московского отделения Государственной академии истории материальной культуры; в этой экспедиции приняли самое интенсивное участие, командировав научных сотрудников и предоставив средства, Государственный музей изобразительных искусств и Государственный исторический музей; к ним

---

[1] Ялтинский музей, № 3805 (LIX-7).

[2] Точных аналогий нашему столбику мы не знаем. О дорожных столбах см. Arch. Anz., 1911, 3—4, стр. 879 сл.

[3] ИАК, вып. 40, 1911, стр. 9 сл.; ИАК, вып. 58, 1915, стр. 3.

[4] Ср. Н. И. Репников. Предполагаемые древности тавров. «Изв. Тавр. Общ.», 1, 1927, стр. 129.

[5] ЖМНП, 1900, стр. 149.

[6] Там же, стр. 144, 157

[7] Там же, стр. 151.

[8] Вопрос об эвакуации римлянами Крыма в 80—110 гг. н. э. подвергался сомнению В. Н. Дьяковым. См. В. Н. Дьяков. Таврика в эпоху римской оккупации. «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. XXVIII, вып. 1, М., 1942, стр. 61.

[9] ЖМНП, 1900, стр. 149; «Klio», 1902, стр. 83 и 93.

[10] Там же, стр. 144; «Klio», 1902, стр. 83 и 93.

[11] «Klio», 1902, стр. 95.

[1] См. план: ЖМНП, 1900, стр. 150—151. Эти могилы, судя по плану, находились на расстоянии примерно 100 м к северу от того места, где дорога, идущая с вершины холма, в первый раз подходит к наружной крепостной стене, поворачивая при этом к ю.-з. (рис. 1).

[2] «Klio», 1902, стр. 94—95; ИАК, вып. 40, 1911, стр. 9—10.

[3] «Klio», 1902, стр. 94—95.

[4] Об этих раскопках см. мою небольшую статью: «Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг.», ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 321—335. В 1941—1942 гг. вышли работы В. Н. Дьякова «Оккупация Таврики Римом в I в. н. э.» (ВДИ, 1941, № 1, стр. 87—97) и «Таврика в эпоху римской оккупации» «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. XXVIII, вып. 1, 1942); в них автор весьма убедительно и во многом совершенно по-новому осветил историю Таврики в первых веках н. э., широко при этом использовав археологические материалы Харакса, в частности, из раскопок 1932 и 1935 гг.

присоединился и Центральный антирелигиозный музей.

Работы, предпринятые в Хараксе в 1931, 1932 и 1935 гг.[1], должны были разрешить следующие задачи. Прежде всего, выяснить количество, время и характер культурных напластований городища, на что, как мы уже отмечали выше, при раскопах начала XX в. не было обращено внимания. Далее нужно было выяснить специфические особенности различных частей поселения, а именно: 1) лежащих между нижней (наружной) стеной и верхней, 2) находящихся внутри верхней стены — на западном и восточном склонах холма. Наконец, необходимо было разрешить оставшийся неясным вопрос о некрополе Харакса.

Для решения перечисленных задач были произведены раскопки, в основном сосредоточенные в следующих пунктах: 1) в верхней части восточного склона холма (1931—1932 гг.— И); 2) в средней части северо-западного склона холма в районе между внутренней и наружной крепостной стеной, недалеко от ворот последней (1931 г.— К); 3) также на северо-западном склоне холма, примерно в 25 м к северу от раскопа 1931 г.— где в 1932 г. был обнаружен некрополь; в 1935 г. этот раскоп был значительно расширен, причем обследованы части некрополя, прилежащие к раскопу 1932 г.

Далее раскоп был продвинут вверх, причем исследованы: наружная оборонительная стена (В), пространство между нею и следующей стеной, верхняя оборонительная стена и небольшая площадь внутри последней. В общем «раскоп А» 1935 г. растянулся на 105 метров.

Раскопочные работы сопровождались топографической съемкой городища и обмерами главнейших памятников архитектуры Харакса, обнаруженных старыми раскопками. Съемка городища была произведена с сечением горизонтали 5 м, при масштабе плана 1 : 1000. На план были нанесены все старые и новые раскопы. Архитектурные обмеры были сделаны: 1) киклопической кладки наружной оборонительной стены на северном склоне холма, тянущейся с перерывом на 125 м (план и фасад); 2) башни у восточной части киклопической стены (план); 3) Нимфея (план и геометрали всех четырех сторон); 4) терм (план и разрезы) и 5) прилежащего к термам комплекса так называемой палестры (план). При этом киклопическая стена и башня около нее подвергались обмерам без каких-либо подготовительных работ. Нимфей и термы обмерялись после удаления заполнявшего их балласта, накопившегося после раскопок начала текущего столетия. Перед съемкой плана так называемой палестры была вырублена находившаяся в ней обильная растительность.

В связи с зачисткой и обмерами терм и палестры были произведены небольшие раскопочные работы на территории внутренней части крепости (principia). Были вскрыты площади около западного угла здания терм («раскоп В») и на север от палестры («раскоп С»).

Помимо описанных работ экспедицией был зачищен и зафиксирован участок римского водопровода, находящийся на огороде санатория «Харакс» приблизительно в 700 м на з.-с.-з. от Нимфея, шедшего по направлению к последнему.

Наименее удачными по результатам были работы, проведенные в 1931—1932 гг. в верхней части восточной покатости холма. Этот пункт был намечен для раскопок, ибо предшествовавшие работы преимущественно были направлены на исследование северной, северо-западной и западной части холма, восточный же склон оставался почти неизученным.

Местом раскопок был избран участок, лежащий в верхней части покатости, ввиду того, что ниже склон холма подвергся искусственному плантажу при устройстве огорода и фруктового сада, а ниже плантажа представлял крутой откос, обильно заросший деревьями.

Там был вскрыт участок около 100 кв. м площадью. Работы доведены до материковой скалы, обнаруженной в среднем на глубине 1,00 м. Наибольшая глубина достигала 1,65 м. Были обнаружены остатки стен здания[1], которое не может быть признано античным; вскрытый около стен культурный слой носил заметные следы глубоких повреждений его в XIX в., когда, по всей видимости, была сооружена и упомянутая постройка.

Сказанное делало описываемый раскоп малоинтересным для изучения Ай-Тодорского городища. Достойным внимания был только перекопанный в новое время античный куль-

---

[1] Руководителем раскопок Харакса во время трех названных кампаний был В. Д. Блаватский. Помимо него в экспедиции участвовали: в 1931 г.— научный сотрудник М. М. Кобылина и двое рабочих; в 1932 г.— научные сотрудники Е. О. Прушевская и М. М. Кобылина, практикантка И. М. Блаватская и шесть рабочих. В 1935 г. начальником административной части экспедиции была Т. Я. Никифорова, руководителями раскопов: городским — А. П. Смирнов, некропольским — И. М. Блаватская, топографическую съемку производили Е. В. Веймарн и М. А. Александровский, в число обязанностей последнего входили также неотложные реставрационные работы. Старшими на квадратах были И. Б. Зеест, И. Д. Марченко, Н. П. Розанова, Г. Д. Смирнов, З. А. Мишина, З. К. Новгородов и К. Каретников, фотографом экспедиции был С. В. Рыбин.

[1] Здание было вытянуто в направлении с в.-ю.-в. на з.-с.-з., длина его была около 14,40 м, ширина около 7,90 м.

турный слой, изучение которого позволило сделать некоторые выводы. Находки в этом слое довольно типичны для античного городища I—III вв. н. э.: обломки краснолаковой посуды, простой, в том числе узкогорлых амфор, реберчатых сосудов, простых тонкостенных и толстостенных, посуды из коричневатой, сероватой и грубой глины; попадались также фрагменты черепицы, главным образом, соленов, реже калиптеров; отметим еще обломки прозрачного стекла, фрагмент бронзовой фибулы[1] (рис. 10, *1*) и метательный камень — булыжник.

Особенно важны, правда, малочисленные черепки сосудов эллинистической эпохи. Эти обломки подтвердили ранее высказывавшуюся гипотезу[2] об освоении Ай-Тодорского холма еще в доримское время. Однако ничтожность этих находок не дает оснований предполагать наличие солидного культурного слоя эллинистического времени

Вместе с тем, некоторые черепки реберчатых сосудов, найденных в 1931—1932 гг., можно датировать и позднее середины III в. н. э., т. е. более поздним временем, чем ранее установившаяся дата прекращения существования кастеля.

Таким образом, несмотря на значительные повреждения культурного слоя, исследованный участок позволил сделать выводы, что жизнь на Ай-Тодорском холме имела место и до и после римской оккупации. К этому вопросу мы еще вернемся в дальнейшем.

Второй раскоп, разбитый в 1931 г., представлял пробное вскрытие небольшой площади[3] на северо-западном склоне холма, между внутренней и наружной оборонительной стеной, к ю.-ю.-в. от крепостных ворот последней. Место, где был разбит раскоп, представляет покатый склон. В 2 м севернее раскопа проходит дорожка, а за нею, вдоль последней, тянется выкид старого раскопа, которым была обнаружена наружная оборонительная стена. Вся эта местность поросла кустами можжевельника; часто попадаются камни больших и средних размеров. В отличие от первого раскопа — участок около крепостных ворот оказался неповрежденным с древнего времени. Культурный слой здесь не был мощным. Уже на глубине около 0,20 м местами появилась материковая скала, а наибольшая глубина материка была всего 0,45 м. Дерновый слой был в среднем 0,07 м толщиной, под ним залегала темнокоричневая земля, доходившая до материковой скалы, имевшей неровную поверхность. Под дерновым слоем, на глубине 0,07—0,10 м, обнаружено значительное скопление щебня и сильно окатанных черепков, по большей части, мелкого размера. Состояние этих фрагментов допускает предположение, что по ним долгое время ходили или ездили, т. е. они служили своего рода примитивной вымосткой. Залегавший ниже землянной пласт, местами насыщенный щебнем, не заключал каких-либо остатков построек. Находки в этом пласте малохарактерны, относятся они к римскому времени. Обнаружены обломки соленов и калиптеров, простой посуды, в том числе реберчатой и тонкостенной, сероглиняной и грубоглиняной, черепок сосуда с рельефным орнаментом, кусок точильного камня, а также незначительные обломки костей животных.

Небольшие размеры вскрытой площади позволяют делать какие-либо выводы лишь с крайней осторожностью. Можно думать, что весьма неровная материковая скала в древности, так же как и в настоящее время, была покрыта землею с большой примесью щебня. Этот щебень, а равно и обломки керамики, как мы уже отмечали, образовывали своего рода примитивную вымостку, покрывавшую незастроенное пространство пустыря. Точная датировка слоя затруднялась отсутствием достаточно характерных находок. Но во всяком случае можно считать, что большая часть поддающихся определению обломков посуды должна быть отнесена к эпохе пребывания римлян в Крыму, а другая же часть их, возможно, принадлежит и к ближайшему после нее времени; первые встречаются на всем протяжении земляного пласта, вторые лишь не более 0,20 м в глубину. Однако это обстоятельство еще не дает оснований для заключений о наличии двух культурных напластований обычного типа. Сползания культурного слоя, возможность втаптывания отдельных фрагментов и другие причины легко могут изменять характер напластований на пустырях, подобных описываемому.

Вскрытый участок позволяет предполагать, что пространство около крепостных ворот было незастроенным, представляло пустырь. Этот пустырь, вероятно, имел стратегическое назначение. Там могли выстроиться отряды, предназначенные для вылазки или выступления, а при отходе войск в крепость вошедшие размещались без сутолоки и тесноты. Наличие незастроенного пустыря за наружной стеной около крепостных ворот в Хараксе интересно сравнить с описанием римского лагеря у Полибия (VI, 31, 10—14), о чем мы еще будем говорить в дальнейшем.

---

[1] Ср. ОАК, 1897 г., стр. 30, рис. 90 и стр. 128, рис. 247, гробница 987.

[2] ИАК, вып. 40, 1911, стр. 9 сл. О том же см. Н. И. Репников. Предполагаемые древности тавров. «Изв. Тавр. Общ.», т. I, 1927, стр. 139.

[3] Раскоп состоял из двух квадратов, каждый размером 1,5 × 1,5 м, ориентированных сторонами по странам света. Расстояние северо-западного угла первого квадрата от юго-восточного угла крепостных ворот равнялось 16,37 м, а юго-западного угла того же квадрата от юго-западного угла крепостных ворот было 19,88 м. Второй квадрат примыкал к первому с запада.

Более значительными, как по размерам вскрытой площади, так и по достигнутым результатам, следует признать раскопки 1932 и 1935 гг. на северо-западном склоне холма, за внешней оборонительной стеной. Там был раскопан некрополь, причем в 1932 г. было вскрыто одиннадцать могил [1] на пространстве 61 кв. м, а в 1935 г.— двадцать две могилы на площади 210 кв. м (рис. 7).

Экспедиции 1932 г. удалось установить, что земляными работами на западном склоне Ай-Тодорского холма разрушен ряд погребений. В силу этого было произведено обследование данной местности. Работа велась на западном склоне холма ближе к его подошве, где спуск холма местами крутой, местами значительно более пологий. Местность эта — сильно пересеченная, заросла крупными кустами можжевельника, нередко попадаются и лиственные деревья. На поверхности земли большое количество камней, местами выходы скалы материка. Прежде всего было произведено предварительное обследование площади, причем обнаружены по обрезу две сильно поврежденных могилы (№ 1 и 2), затем были разбиты и раскопаны два расширенных прирезками полуквадрата (площадью 5×2,5 м) и, наконец, рядом с северным полуквадратом был раскопан квадрат А1 (5×5 м), также с прирезками [2].

В 1935 г. работы велись к северу, а отчасти также к востоку и югу от раскопа 1932 г. Было разбито девять квадратов (А2 — А10), расположенных впритык к старым раскопам. Размеры этих квадратов 5×5 м, ориентация сторон по странам света. Эти квадраты были полностью раскопаны за исключением восточной половины квадрата А6 и северо-западной четверти квадрата А8.

Помимо этих площадей, обследованных на раскопе А, в 1935 г. было заложено еще два разведочных квадрата В1 и С1 и один полуквадрат Д1.

Техника раскопок некрополя была следующей. Вскапывали площади квадратов по штыкам лопатами и кирками до обнаружения погребений. Погребения зачищались мелкими инструментами. Могильная земля контролировалась переборкой руками, в случаях, когда было возможно, применялся грохот. Земля удалялась по всей исследованной площади до материковой скалы, очень неровной, в силу чего и глубина выемки весьма неравномерна. Земля состояла из незначительного пласта дернового слоя (всего 0,02 м толщиной), довольно тонкого слоя гумированной глины (толщиной 0,10—0,15 м), под которым находилась глина, от 0,10 до 0,80 м толщиной, лежавшая на материковой скале (рис. 12, *4*).

Земля, которую приходилось вскапывать на участке некрополя, отличалась исключительной твердостью ввиду обилия в ней щебня и корней, в силу чего она крайне туго поддавалась инструменту. В земле было обнаружено небольшое количество обломков черепицы, главным образом, соленов, и посуды: пифосов, остродонных амфор, реберчатых и сероглиняных сосудов. В меньшем количестве встречались кости и зубы животных, куски строительного раствора и металлического шлака.

Обнаруженные при раскопках 33 могилы сконцентрированы на квадратах А1, А2, А6 — А10, а также полуквадратах № 1 и 2 и их прирезках.

Подавляющее большинство покойников были кремированы, причем жженые кости часто лежали в остродонных амфорах. Только в двух могилах (№ 4 и 17) были прослежены трупоположения. Амфоры с прахом покойных обычно ориентировались горлом на ю.-в. и иногда лежали в наклоненном положении. Нередко около горла такой амфоры встречались обломки местных сосудов из грубой глины, которые могли служить крышками. Реже жженые кости покойников клались в могилы завернутыми в мягкие оболочки, не сохранившиеся до нашего времени. Еще реже прах помещался в урну или сосуд местной работы. В могилах встречались бронзовые пряжки, перстни и фибулы, медные монеты, железные ножи, бусы из стеклянной пасты и других материалов, глиняные сосуды и стеклянные стаканы. Сосуды, по большей части, найдены раздавленными. Стеклянные стаканы обычно клались вместе с жженными костями в амфору, а металлические предметы помещались под нею. Большой интерес представляют обнаруженные в могилах орудия труда: топоры, серпы, рыболовные крючки и пряслица, свидетельствующие о занятиях жителей [1]. Находок предметов вооружения немного: наконечник копья, боевой топор, кинжал и железный умбон щита.

Могильная яма не всегда могла быть прослежена. Размеры могилы, предназначенной для сожженного праха покойников, весьма невелики. Могилы имели неправильную, продолговатую форму. Они выкапывались в земле,

[1] Мой краткий отчет о раскопках этого некрополя, не лишенный, к сожалению, некоторых досадных опечаток, был опубликован еще в 1933 г. См. В. Д. Блаватский. Предварительный отчет о раскопках в Хараксе в 1932 г., Проблемы истории материальной культуры, ГАИМК, 1933 г., № 1—2, стр. 55—60.

[2] Все площади ориентированы сторонами по странам света. Юго-западный угол полуквадрата № 1 находится в 44,35 м к с.-с.-в. от северо-восточного угла крепостных ворот. Квадрат А1 был расположен к востоку от полуквадрата № 1. Северо-восточный угол полуквадрата № 2 находится на 1 м к югу от юго-западного угла полуквадрата № 1.

[1] Помимо упомянутых нами орудий труда весьма ценными находками для определения занятий местных ремесленников являются шлак, а также очень грубая посуда местного производства.

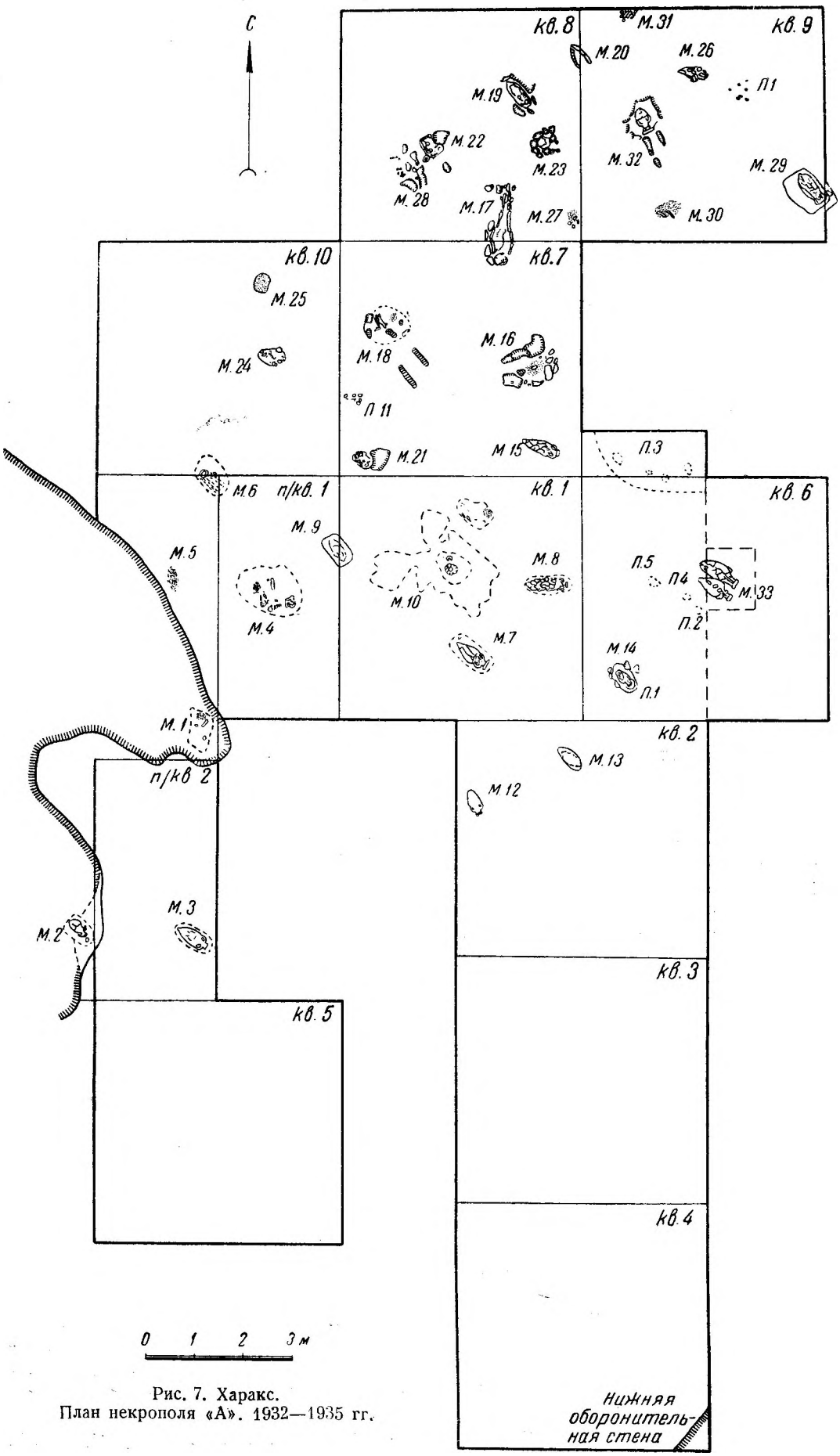

Рис. 7. Харакс.
План некрополя «А». 1932—1935 гг.

заполнявшей расселины в материковой скале, и в силу этого имеют небольшую глубину. Преобладает глубина 0,30—0,7 м; наибольшая глубина могилы — 0,98 м; верхние же части могилы иногда были всего лишь на 0,11 м ниже современного уровня почвы. Небольшая глубина погребений, видимо, была одной из причин плохой сохранности положенных в могилы сосудов, большая часть которых дошла до нас в раздавленном виде.

Над захоронением иногда встречался заклад, выложенный из необработанных камней, поверх которых посыпалась земля.

Перейдем теперь к описанию отдельных могил.

При обследовании разрушенной могилы № 1 (находящейся между полуквадратами № 1 и 2) обнаружены: на глубине 0,27 м железный топор, тонкостенный стеклянный сосуд, разбитый на мелкие куски, обломки простых и реберчатых сосудов, а также черепки посуды из грубой зеленоватой глины. От костей сохранились лишь ничтожные остатки. Глубина погребения около 0,50 м, протяжение с севера на юг — 0,85 м, а с востока на запад установить нельзя, ибо погребение сильно повреждено в западной части.

Повреждена была и могила № 2, обнаруженная к западу от полуквадрата № 2: жженые кости покойника были сложены в раздавленную остродонную амфору, от которой сохранилась лишь верхняя половина. Горло амфоры было ориентировано на ю.-з. Длина сохранившейся части амфоры — 0,48, наибольшая ширина — 0,185 м. Над горлом амфоры лежал открытый местный сосуд (шириною 0,10—0,105 м) из грубой зеленоватой глины. Над амфорой найден зуб овцы. Под амфорой обнаружены бронзовая пряжка и несколько черепков сосудов. В могильной земле попадались редкие кусочки угля. Длина (с с.-з. на ю.-в.) сохранившейся части погребения — 0,75, ширина (с с.-в. на ю.-з.) — 0,45, глубина — 0,52 м.

При вскрытии разбитых участков в северо-восточной части полуквадрата № 1 и северной части квадрата А1 на глубине 0,14—0,25 м был обнаружен каменный завал, под которым залегал тонкий слой погребенной почвы.

На полуквадрате № 2 найдена только одна могила № 3 (рис. 8, *1*). Жженые кости были сложены в остродонную амфору, ориентированную горлом на ю.-в. (с отклонением к югу на 15°). Над горлом амфоры лежала небольшая разбитая чаша из зеленовато-серовато-грубой глины. К югу от амфоры обнаружена железная пряжка, к западу — многочисленные фрагменты местной посуды, к с.-з., около дна — бронзовая пряжка. При разборке погребения под амфорой было обнаружено немного черепков местной глиняной посуды и зуб, кроме того, около дна — нож и кусок железного шлака; около горла — бронзовый браслет. Глубина могилы 0,47—0,50, длина — 0,65, ширина — 0,25 м. К северу от могилы № 3, недалеко от последней, была найдена бронзовая поделка (язычок).

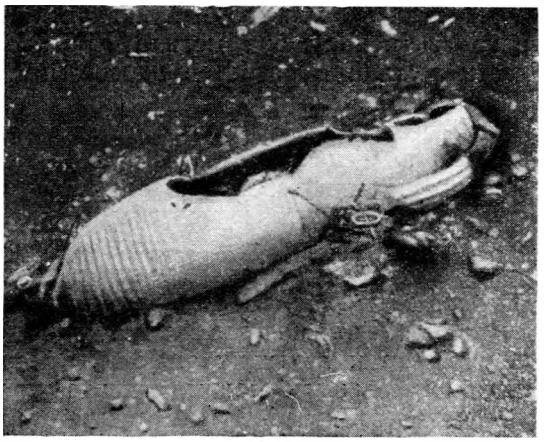
На полуквадрате № 1 обнаружены три могилы. Одна из них № 4 резко отличается от прочих погребений тем, что представляет собою коллективное захоронение: трупоположение двух детских костяков, вместе с которыми находился череп и часть костей скелета взрослого; сохранность костей очень плохая. Череп взрослого (№ 1) лежал на левой щеке лицом к востоку. На ю.-в. от него лежал детский костяк № 2, голова его была ориентирована на ю.-в. (с отклонением к югу на 15°), а лицо обращено к северу. У ребер этого костяка обнаружены две большие бусы из стеклянной пасты, украшенные зигзагами; почти под черепом были найдены еще одна буса того же типа и рядом с ней бронзовая пряжка. У правого колена оказалась буса из пасты, украшенная глазками [1], около таза — маленький осколок стеклянного сосуда. Около бедер костяка № 2 был череп другого детского костяка № 3, ориентированного головой на ю.-ю.-в. Сильно истлевшие ребра этого костяка находились под черепом № 1; над ребрами была найдена буса из стеклянной пасты, украшенная зигзагами. В могиле попадались черепки простой и грубой посуды, а также небольшие угольки. К западу от костяков найдена буса синего стекла. Глубина могилы от 0,59 до 0,67 м, длина могилы (с с.-в. на ю.-з.) около 1,10 м.

На западной прирезке к полуквадрату № 1, простиравшейся до кромки выемки, произведенной земляными работами, была обнаружена могила № 5. Она находилась в небольшой впадине между выходами скалы материка. Погребение было потревожено еще в древности.

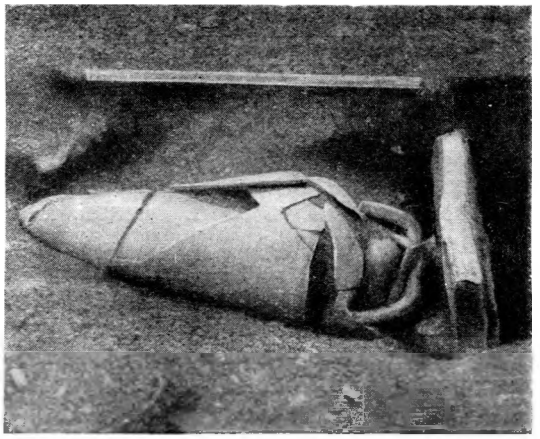
В могиле были найдены не заключенные в какой-либо сосуд многочисленные мелкие куски костей, под которыми лежало немного пепла, черепки простой тонкостенной реберчатой, серой и грубой местной посуды. Глубже, при разборке, были обнаружены два бронзовых перстня, стеклянные подвески и буса и два железных лезвия ножей. Перечисленные находки занимали площадь длиною с севера на юг около 0,47, а с востока на запад — 0,22 м; глубина их около 0,25 м.

Могила № 6 лежала в северо-западном углу полуквадрата № 1 и выходила за пределы последнего. Как и в могиле № 5, жженые кости покойника были захоронены не в сосуде; они лежали продолговатой грудой, расположенной в направлении с ю.-в. на с.-з. В северо-западной части груды были обнаружены

[1] Ср. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 47, табл. № 21, 24.

1

2

3

4

5

Рис 8.

1 — Харакс. Некрополь, 1932 г. Могила № 3; *2* — Харакс. Некрополь, 1932 г. Могила № 7; *3* — Харакс. Некрополь, 1932 г. Могила № 7 после удаления амфоры; *4* — Харакс. Некрополь. 1935 г. Могила № 12; *5* — Харакс. Некрополь, 1935 г. Могила № 17

черепки простого сосуда; кроме того, в погребении найдены кости животного и осколок кремня, фрагменты простых, тонкостенных и сероглиняных сосудов, бронзовая пряжка, обломки железа и шесть медных монет [1], среди которых одна — императора Траяна (103—111 гг. Cohen, II, 63, 431), одна — херсонесская второй половины III в. н. э. (Бурачков, XVI, 117), одна — Константина I (306—337 гг. Cohen, VII, 292, 546), две — Лициния Старшего (308—324 гг.), одна из которых бита в Никомидии (Cohen, VII, 196, 74), а другая в Гераклее Понтийской (Cohen, VII, 203, 145) и, наконец, последняя монета цезаря Константина II (317—337 гг. Cohen, VII, 384, 161). Глубина могилы около 0,50 м.

В южной части квадрата А1 была обнаружена могила № 7 (рис. 8, *2—3*). Жженые кости покойника лежали в остродонной амфоре, ориентированной горлом на ю.-в. (с отклонением на 10° к востоку). Горло амфоры закрывал квадратный плоский кирпич. Размеры этого кирпича: 0,27 × 0,27 × 0,038 м; с одной из широких сторон кирпич покрыт слоем строительного раствора 0,012 м толщиной. В насыпи могилы к северу от амфоры найдена челюсть свиньи. При расчистке амфоры встречались черепки посуды и зубы животных. При разборке погребения под горлом и плечами амфоры обнаружен железный топор, длиной 0,188 м (рис. 11, *1*), бронзовый браслет [2] и пряжка, а также два железных ножа. Под средней частью амфоры найдены осколки стеклянного сосуда, черепки глиняной посуды, бронзовые обломки и рыболовный крючок. Кроме того, в могиле были обнаружены черепки глиняных сосудов: простых тонкостенных, толстостенных, реберчатых из серовато-коричневой и грубой глины. Длина могилы — 1,05, ширина — 0,45, глубина — 0,625 м.

У восточной стороны квадрата А1 обнаружена могила № 8. Жженые кости покойника лежали в разбитой вдребезги остродонной амфоре, ориентированной горлом на восток (рис. 9, *1*). Внутри амфоры, помимо костей, обнаружен осколок стеклянного сосуда. Горло амфоры накрывал камень. Под ним лежало дно сосуда из грубой серой глины, внутри его обнаружены угольки. Около амфоры найдено несколько черепков толстостенных глиняных сосудов, вероятно, пифосов. У донышка амфоры обнаружен обломок чашки из хорошо обожженной серой глины. При разборке погребения под амфорой встретились куски строительного раствора, а также обломок тонкостенного стеклянного сосуда и зуб животного. Длина могилы — 0,90, ширина — 0,55, глубина — 0,25 м.

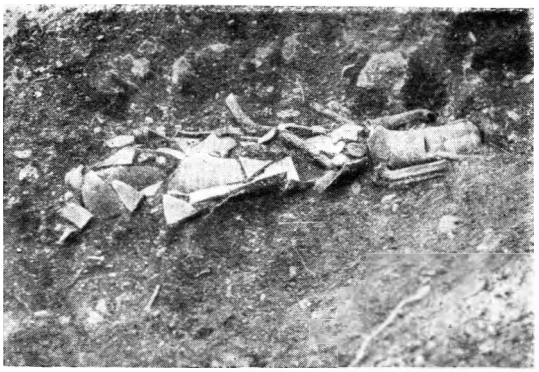
На границе первого полуквадрата и квадрата А1 обнаружена могила № 9. Жженые кости лежали в разбитой вдребезги амфоре. Последняя была ориентирована горлом на ю.-в. Вместе с костями умершего внутри амфоры был найден зуб жеребенка. Над горлом амфоры лежали черепки местного сосуда из грубой серой глины, кусок угля, обломок кости и зуб животного. Около средней и нижней части амфоры найдены черепки простой, тонкостенной и грубой керамики, а также обломки костей. В северо-восточной части погребения, ближе к донышку амфоры, обнаружены два бронзовых рыболовных крючка и расколотая пополам стеклянная буса из синего и желтого стекла, а также медная монета. Эта монета совершенно распалась вследствие сильного окисления. Под амфорой, посредине, лежали обломок бронзового перстня и грузило. Под горлом амфоры обнаружены кусок плоской, короткой бронзовой пластинки и несколько черепков посуды. Размеры могилы: длина — 0,72, ширина — 0,42 м, глубина залегания амфоры — 0,30 м.

Обнаруженная в средней части квадрата А1 могила № 10 несколько отличается от прочих (рис. 9, *2—4*; 10, *2*). Она была завалена камнями, промежутки между которыми были заложены щебнем и глиной. Протяжение этой кучи с севера на юг — до 2,25 м и с востока на запад — до 2,75 м. Под камнями стоял небольшой сосуд пифосообразной формы, служивший урной для жженых костей покойника. Вместе с костями в урне найден разбитый тонкостенный открытый стеклянный сосуд. Урна была закрыта простой чашкой, раздавленной и рассевшейся. С нижней стороны непосредственно рядом с урной лежали нож и сломанный серп. На север от урны стоял небольшой глиняный кувшин с поврежденным горлом. К с.-в. от нее же найден обломок железной рукоятки с ушком, к с.-з.— два рыболовных крючка и медная монета императора Константина I, чеканенная после смерти последнего (в 337 г. н. э.). Другая медная монета — боспорская Рескупорида VII, относящаяся к 314 или 317 гг., была найдена на з.-с.-з. от урны, наконец, третья монета, тоже Рескупорида VII, датируемая 327 г., была обнаружена на ю.-ю.-з. от урны, вместе с небольшим обломком бронзовой пряжки. На ю.-в. от урны найдена железная пряжка, на юг от нее — третий рыболовный крючок. Кроме того, в могиле были обнаружены два железных стержня, два осколка кремня и черепки посуды простой, тонкостенной, толстостенной, а также из коричневой, серой и грубой глины. Длина погребения (с востока на запад) — около 0,57, ширина (с севера на юг) — около 0,55, глубина — 0,68 м.

Около северного края квадрата А1 обнаружена могила № 11. Жженые кости были сложены в виде компактной массы, без сосуда.

[1] Эти монеты, равно как и остальные, были определены А. Н. Зографом.

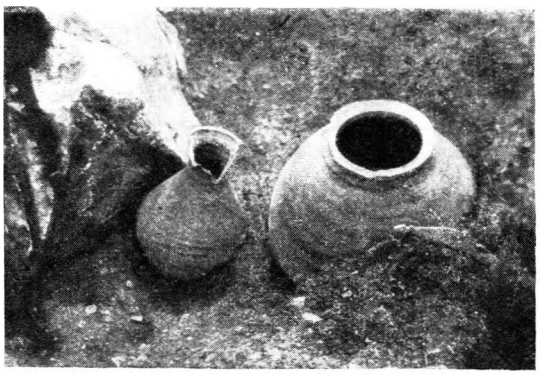
[2] Ср. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 5, табл. XI, № 7.

1

2

3

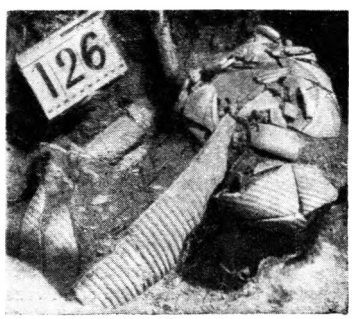
4

5

6

7

Рис. 9

1 — Харакс. Некрополь, 1932 г. Могила № 8; *2* — Харакс. Некрополь, 1932 г. Могила № 10, начало расчистки; *3* — Харакс. Некрополь, 1932 г. Могила № 10, продолжение расчистки; *4* — Харакс. Некрополь, 1932 г. Могила № 10, окончание расчистки; *5* — Харакс. Некрополь, 1935 г. Могила № 15, начало расчистки; *6* — Харакс. Некрополь, 1935 г. Могила № 15, окончание расчистки; *7* — Харакс. Некрополь, 1935 г. Могила № 29, начало расчистки

Среди костей найдены два маленьких бронзовых обломка от браслета и рыболовного крючка. На юг от костей обнаружены: осколок стеклянного сосуда, куски шлака и мелкие угольки; на ю.-з. от них — клинок длинного железный умбон щита [1]. Внутри умбона были железный нож, два бронзовых рыболовных крючка, бронзовое кольцо и два бронзовых перстня с высокими щитками. Помимо перечисленных предметов в могиле обнаружены

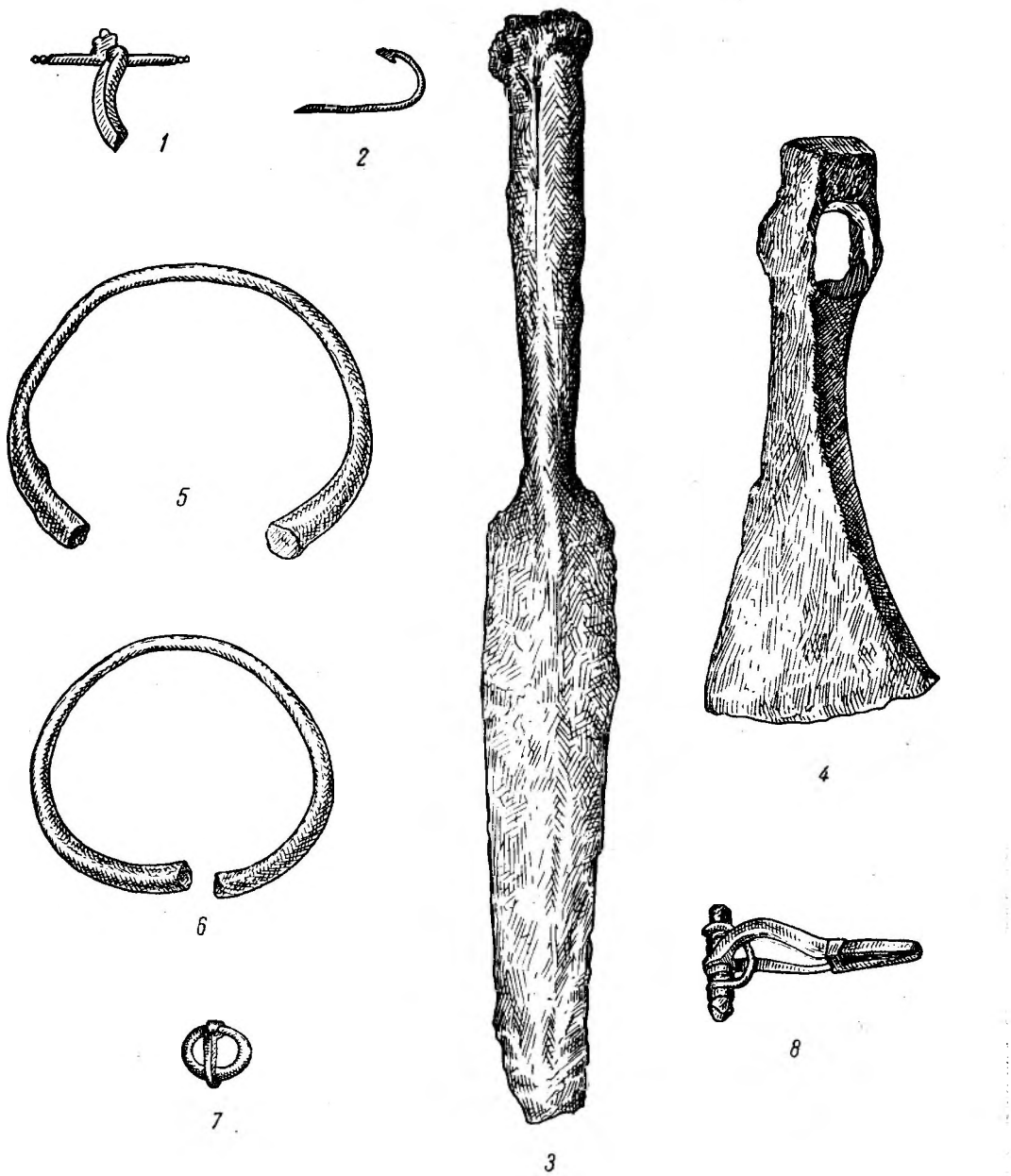

Рис. 10

1 — Харакс, 1931 г. Обломок бронзовой фибулы; *2* — Харакс, 1932 г. Могила № 10, бронзовый рыболовный крючок; *3* — Харакс, 1935 г. Могила № 18, наконечник копья; *4* — Харакс, 1935 г. Могила № 19, топор; *5* — Харакс, 1935 г. Могила № 19, бронзовый браслет, *6* — Харакс, 1935 г. Случайная находка, бронзовый браслет; 7 — Харакс, 1935 г. Могила № 29, пряжка; *8* — Харакс, 1935 г. Могила № 33, фибула

кинжала с зубцами у основания хвоста [1], серп (рис. 11, 2) и железная ручка щита, лежавшие вместе; на запад — сильно разломанный черепки простой серой и грубой посуды. Грунт ложа могилы был сильно прожжен. Это допускает возможность предположения, что покой-

[1] Ср. В. В. Саханов. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, 1914, стр. 125—126, рис. 1—6.

[1] Ср. железный умбон Керченского музея. Дополн. описание 23, V, 9.

ник был сожжен на месте погребения. Длина могилы (с с.-з. на ю.-в.) — 0,64, ширина (с с.-в. на ю.-з.) — около 0,50, глубина — около 0,50 м.

Могила № 12 обнаружена у западного борта квадрата А2. Жженые кости покойника были сложены в остродонную амфору (рис. 8, *4*), горло которой ориентировано на ю.-ю.-в. Амфора была раздавлена. У горла обнаружено дно грубого местного сосуда, служившее крышкой амфоры. Под ручкой амфоры лежал железный клинок ножа. Глубина захоронения — 0,11—0,55 м.

Могила № 13 найдена в северной части квадрата А2. Жженые кости покойника были сложены в остродонную амфору, ориентированную горлом на ю.-в. Амфора была раздавлена. У горла ее лежали черепки грубого местного сосуда, который, вероятно, закрывал амфору. Амфора лежала в яме неправильной формы, вырытой до материковой скалы. Длина могилы — 0,60, ширина — 0,40 м, глубина захоронения — 0,20—0,34 м.

Могила № 14 была открыта в юго-западном углу квадрата А6. Под закладом из беспорядочно лежащих рваных камней обнаружена раздавленная амфора, заключавшая жженые кости. Амфора ориентирована горлом на ю.-в. Горло ее закрывал кусок солена. К ю.-в. от амфоры лежала медная монета Фофорса 299 г. н. э. Под амфорой земля была смешана с золой и мелкими угольками. Могильная яма имела неправильную овальную форму. Длина могилы — 0,65, ширина — 0,43 м; глубина захоронения — 0,25—0,55 м.

Могила № 15 раскопана в юго-восточном углу квадрата А7. На глубине 0,05 м был найден заклад из беспорядочно расположенных рваных камней, под которым лежала раздавленная амфора с жженными костями покойника (рис. 9, *5—6*). Амфора была ориентирована горлом на ю.-в. Горло и плечи ее закрывала нижняя часть другой амфоры. В горле амфоры была обнаружена ручка сосуда из грубой серой глины в виде фигурки животного, вероятно, кабана (рис. 14, *4*). Внутри амфоры, среди жженых костей, найден стакан из прозрачного зеленоватого стекла с синими глазками (рис. 14, *5*). Могильная яма имела овальную форму длиной 0,70, шириной 0,40 м. Глубина залегания амфоры — 0,19—0,70 м.

Могила № 16 обнаружена в юго-восточной четверти квадрата А7. На глубине 0,60—0,67 м лежала компактная масса жженых костей; около них сломанный железный клинок ножа, несколько обломков железных предметов, бронзовая пряжка и пять медных монет: 1) Фофорса 291 г., 2) римская начала IV в. н. э. (Cohen, VII, 331, 231), 3) Фофорса 297 г. н. э., 4) Констанция II — 323—335 гг. н. э. (Cohen, VII, 465, 169) и 5) Рескупорида VII 324 г. н. э. Форма могильной ямы не могла быть прослежена. Кости, судя по компактности их массы, нужно думать, были положены в могилу в какой-то мягкой оболочке, не сохранившейся до нашего времени. Среди черепков, найденных в могильной земле, особо должен быть отмечен один обломок с потеками лака черного цвета [1].

Могила № 17 открыта на границе квадратов А7 и А8. На глубине 0,19—0,30 м был обнаружен заклад из пласта рваных камней средней величины. Под камнями лежал костяк, ориентированный головой на юг (рис. 8, *5*). Лицо было обращено к востоку. Костяк лежал на спине. Руки, слегка согнутые в локтях, были вытянуты вдоль туловища. Ноги расположены параллельно. Около таза с левой стороны были найдены бронзовая пряжка, обломок кремневой стрелки и три осколка кремня. Кости скелета, довольно хорошей сохранности, переломаны в тех местах, где

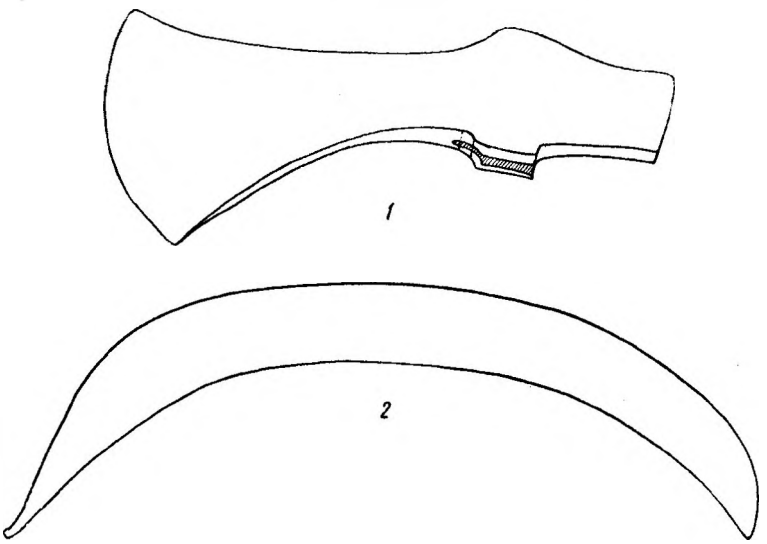

Рис. 11

1 — Харакс, 1932 г. Могила № 7, топор; *2* — Харакс, 1932 г. Могила № 11, серп

под ними находятся выступы скал. Длина могилы — 2,20, ширина — 0,75, глубина — 0,38 м.

Могила № 18 была обнаружена в северо-западной четверти квадрата А7. На глубине 0,45—0,76 м найдены кости умершего, лежавшие компактной массой. Около костей находились с ю.-в. разбитый тонкостенный одноручный глиняный кувшин (рис. 13, *4*), под которым лежал сломанный железный клинок ножа, а с с.-з.— смятая, сильно разрушенная, покрытая окисью бронзовая ойнохоя с железной ручкой, под ней — разбитый точильный камень и несколько глубже, в расселине скалы, группа железных предметов: боевой топор,

[1] По описи 1935 г. № 592.

наконечник копья (рис. 10, *3*), сломанный клинок ножа, стержень и обломки различных предметов. Кроме того, в могиле были обнаружены черепки тонкостенных стеклянных сосудов, бронзовый браслет, два сломанных бронзовых браслета, железный клинок ножа, бронзовые и железные обломки, два пряслица: алебастровое и стеклянное, овальная вставка из белой пасты и десять различных бус. Это были: две граненые (рис. 14, *9*) бусы из стекла, три круглые стеклянные (рис. 14, *8*) бусы, одна круглая буса желтого стекла, одна белая круглая буса, одна разбитая буса с мозаичным орнаментом, обломки длинной и круглой костяных бус. Наконец, в могиле найдены четыре медные монеты: 1) Фофорса 297 г. н. э., 2) Фофорса 286 г. н. э., 3) Максимиана 286—305 гг. н. э. (Cohen, VII, 151, 187) и 4) Гардиана III 238—244 гг. н. э. Вырытая в углублении между скал могильная яма имела продолговатую неправильную форму; наибольшая длина ее — 0,85, ширина — 0,70 м.

Могила № 19 обнаружена в северо-восточной четверти квадрата А8. Остродонная амфора с жженными костями покойника была ориентирована на ю.-в. Горло амфоры прикрывали два небольших необработанных камня. В амфоре среди жженых костей обнаружены: кусок серебряного перстня, три обломка железных гвоздей, железная пряжка и две медные монеты: Максимиана 286—305 гг. н. э. (Cohen, VI, 511, 184) и Константина I 305—337 гг. н. э. (Cohen, VII, 249, 172). Под амфорой в могильной земле на дне могилы найдены: бронзовый браслет (рис. 10, *5*), сломанная бронзовая фибула, бронзовая пряжка, обломок точильного камня, три железных клинка ножей и небольшой железный топор (рис. 10, *4*). Амфора лежала на глубине 0,20—0,53 м, находившиеся под ней предметы — на глубине 0,36—0,53 м. Могильная яма, вырытая в углублении скалы, имела неправильную форму, длина ее — 0,70, ширина — 0,35, глубина — 0,53 м.

Могила № 20 открыта на границе квадратов А8 и А9. Жженые кости покойника были сложены в остродонную амфору, ориентированную горлом на ю.-в. Амфора была раздавлена. Под амфорой найден сломанный железный клинок ножа и обломки железного предмета. Амфора лежала на глубине 0,23—0,37 м.

Могила № 21 обнаружена в юго-западном углу квадрата А7. На глубине 0,22—0,44 м найдена урна с двумя горизонтально расположенными ручками, наполненная жженными костями умершего. Урна была закрыта краснолаковой чашкой (рис. 13, *5*). Рядом стоял краснолаковый одноручный кувшинчик; все сосуды были раздавлены. В могильной земле найдены сломанные: бронзовая серьга, железное кольцо и остеклившиеся шлаки.

Могила № 22 найдена в средней части квадрата А8. На глубине 0,03—0,14 м обнаружен заклад из беспорядочно лежавших камней различной величины. Под закладом находилась раздавленная остродонная амфора с жженными костями покойника. Горло амфоры было ориентировано на ю.-в. Около амфоры лежало дно другой амфоры. К югу от амфоры стояла небольшая чашка из серой глины (рис. 14, *1*).

В амфоре среди костей найдены медная монета Лициния 308—324 гг. н. э. (Cohen, VII, 196, 70) и обломки бронзового браслета.

Вырытая в углублении в скале могильная яма имела неправильную форму. Длина ямы — 0,85, ширина — 0,57, наибольшая глубина — 0,50 м.

Могила № 23 открыта в восточной части квадрата А8. Могила была потревожена уже в древнее время, и до нас дошли лишь незначительные остатки ее. На глубине 0,05 м обнаружена группа беспорядочно расположенных рваных камней, среди них лежала нижняя часть амфоры с остатками жженых костей покойника. Наибольшая глубина могилы — 0,37 м.

Могила № 24 раскопана в восточной части квадрата А10. На глубине 0,26 м была обнаружена урна с жженными костями покойника, покрытая краснолаковой миской. Оба сосуда были раздавлены. Около урны найдены бронзовый браслет, сломанная бронзовая фибула, бронзовый перстень, бронзовое кольцо, клинок железного ножа, подвеска из граненого стекла и семь различных бус. Две из них были янтарные, остальные: одна — из синего стекла, другая — из темной пасты, цилиндрической формы (рис. 14, *10*), третья — с желтым орнаментом (рис. 14, *11*), четвертая — округлая из синего стекла, пятая — черная, с зигзагообразным орнаментом (рис. 14, *7*). Могильная яма овальной формы имела длину — 0,45, ширину — 0,30 и наибольшую глубину — 0,60 м.

Могила № 25 найдена в северо-восточной части квадрата А10. На глубине 0,26—0,36 м обнаружено, видимо, еще в древности разрушенное погребение. Среди черепков простого сосуда лежали остатки жженых костей, сломанный железный клинок ножа, железные и бронзовые обломки, маленькая округлая буса синего стекла, осколки шлакированного стеклянного сосуда с синими глазками. Все находки были расположены очень беспорядочно.

Могила № 26 открыта в северной части квадрата А9. Жженые кости покойника лежали в остродонной амфоре, горло ориентировано на восток, с незначительным отклонением к ю.-в. (рис. 13, *1*). Амфора была раздавлена. Могильная яма имела неправильную форму: она постепенно суживалась в направлении к горлу амфоры. Видимо, это вызывалось формой расселины скалы [1], в которой

[1] Возможно, что необходимость считаться с направлением расселины скалы заставила несколько изменить в данной могиле обычную ориентацию амфоры (горлом на ю.-в.).

1

2

3

4

Рис. 12

1 — Харакс. Некрополь, 1935 г. Могила № 29, окончание расчистки; *2* — Харакс. Некрополь, 1935 г. Могила № 33, каменный заклад могилы, *3*—Харакс. Некрополь, 1935 г. Могила № 33, окончание расчистки; *4* —Харакс. Некрополь, 1935 г. по окончании работ

была вырыта могила. Длина могилы — 0,65, ширина — 0,30, глубина залегания амфоры — 0,43 м

Могила № 27 обнаружена в юго-восточном углу квадрата А8.

На глубине 0,50—0,58 м лежала компактная масса жженых костей, видимо, завернутых в несохранившуюся мягкую оболочку. Около костей в могильной земле обнаружены разбитая краснолаковая мисочка, железный клинок ножа, сломанная железная пряжка, поврежденная бронзовая фибула и медная монета Фофорса 287 г. н. э. Длина могилы — 0,40, ширина — 0,30 м.

Могила № 28 найдена в юго-западной четверти квадрата А8. На глубине 0,29—0,51 м обнаружена компактная масса жженых костей, поверх которых лежала разбитая миска из серой глины, а рядом находился одноручный тонкостенный кувшинчик из серой глины, покрытой темносерой поливой (рис. 14, *2—3*).

В могильной земле найдены следующие предметы: железный ключ, железное кольцо, три сломанных железных клинка ножей,

поврежденные железные фибулы, железные предметы разной величины цилиндрической формы, некоторые из них имеют дужки для подвешивания, обломки железа, два бронзовых кольца, куски бронзовых фибул, обломки поделок из бронзы, куски серебряных пластинок, глиняное пряслице, вставка из белой пасты овальной формы в серебряной оправе, несколько целых и поломанных бус, частично деформированных. В числе целых бус: одна — из темной пасты с зигзагообразным орнаментом, другая — округлая из синего стекла, третья — большая из бесцветного стекла, четвертая — округлая из желтой пасты, пятая — с синими глазками, шестая — граненая синего стекла (рис. 14, *12—15*), седьмая — большая, округлая светлолилового цвета и восьмая — из лиловатого стекла. Кроме того, найдена одна серебряная монета Гордиана III 238—244 гг. н. э. (Cohen, V, 36—155) и десять медных монет (из них шесть монет Фофорса: 286(?), 291 (?), 295, 297, 298 и 299 гг. н. э., три монеты Максимиана 286—305 гг. н. э. (Cohen, VI, 511—187) и одна монета Лициния (?) начала IV в. н. э. Часть находок в могиле носит следы огня.

Могила № 29 открыта в юго-восточной четверти квадрата А9. На глубине 0,65—0,98 м обнаружена раздавленная остродонная реберчатая амфора с жженными костями покойника (рис. 12, *1;* рис. 13, *2, 6—7*). Амфора ориентирована горлом на ю.-в. Горло и плечи амфоры покрывали две краснолаковые миски (рис. 13, *6*). К западу у стенки амфоры стоял большой одноручный реберчатый кувшин, около ручки амфоры обнаружена небольшая краснолаковая мисочка. Все сосуды раздавлены. В амфоре, среди жженых костей, найден стеклянный стакан. Под амфорой залегало зольное пятно, особенно мощное в северо-западном углу могильной ямы (от 0,01 до 0,08 м толщиной).

На поверхности золы в северо-западном углу могилы найден расплавившийся стеклянный сосуд. В золе под амфорой обнаружено несколько бус, подвергнувшихся действию огня, фрагменты стекла, несколько железных предметов, среди которых кольцо и стержень, возможно, части конских удил, сильно поврежденная бронзовая фибула, бронзовое колечко с нанизанными на него тремя бронзовыми бусами, сварившимися с куском железа, бронзовая пряжка, бронзовый рыболовный крючок, кусочек шлака и четыре медные монеты: две Рескупорида VII (320 и 325 гг. н. э.) и две с совершенно поврежденной поверхностью. Над юго-восточным углом могилы лежал край пифоса.

Могильная яма имела продолговатую форму, длина ее — 0,90, ширина — 0,75 м.

Могила № 30 была найдена в южной части квадрата А9. На глубине 0,44—0,60 м лежала компактная масса жженых костей, очевидно, сложенных в несохранившуюся оболочку, рядом с нею был железный кинжал.

В могильной земле обнаружены черепки тонкостенного сосуда из серой глины, бронзовая пряжка, обломок бронзового кольца, куски бронзового перстня, поврежденный рыболовный крючок, сломанный железный клинок ножа и куски железных стержней (гвозди?). Могильная яма вырыта в углублении в скале, имеющем неправильную форму. Длина ямы — 0,43, ширина — 0,30 м.

Могила № 31 раскопана в северо-восточном углу квадрата А9. Могила была очень сильно повреждена. На глубине 0,33—0,45 м обнаружен разбитый вдребезги местный лепной сосуд из грубой коричневой глины; в нем лежали жженые кости покойника. Погребение разрушено настолько сильно, что нельзя было установить форму и размеры сосуда. В могильной земле найдены плохо сохранившаяся буса и большое количество черепков местной посуды из серой глины. Могильная яма была вырыта в небольшой расселине в скале. Длина могилы — 0,23, ширина — 0,21 м.

Могила № 32 открыта в западной части квадрата А9. На глубине 0,45—0,62 м лежал одноручный лепной кувшин из грубой коричневой глины с жженными костями умершего. Кувшин ориентирован горлом на ю.-в.— возле дна его лежала большая буса из темного стекла с цветным орнаментом (рис. 14, *16*). Около горла кувшина стоял на ребре обработанный плоский камень (длиной 0,38, шириной 0,25, толщиной 0,07 м) к нему примыкали два других камня, также несущих следы обработки. Все три камня образовывали в плане фигуру, близкую букве П. Между этими камнями были найдены черепки тонкостенного кувшинчика, часть которого лежала около сосуда с костями. Очевидно, это сооружение из камней одновременно с могилой и, возможно, являлось укреплением для надгробного памятника. Могильная яма была вырыта в углублении между скалами, имеющем неправильную форму. Длина могилы — 0,58, ширина — 0,54 м.

Могила № 33 обнаружена в средней части квадрата А6 (рис. 10, *8;* 12, *2—3;* 13, *3;* 14, *6*). На глубине 0,32—0,44 м найден заклад из беспорядочно лежавших необработанных камней. Длина заклада — 1, ширина — 0,72 м. Под закладом на глубине 0,39—0,61 м лежали рядом две раздавленные остродонные амфоры с жженными костями покойников. Амфоры ориентированы горлами на ю.-в.; горла их были закрыты фрагментами соленов. Около юго-западной амфоры найдено пряслице из глины, а внутри ее, среди жженых костей,— три стакана из прозрачного зеленоватого стекла с синими глазками, сломанный детский браслет и железный клинок ножа. Около северо-восточной амфоры обнаружена бронзовая фибула, а внутри среди жженых костей — стакан из

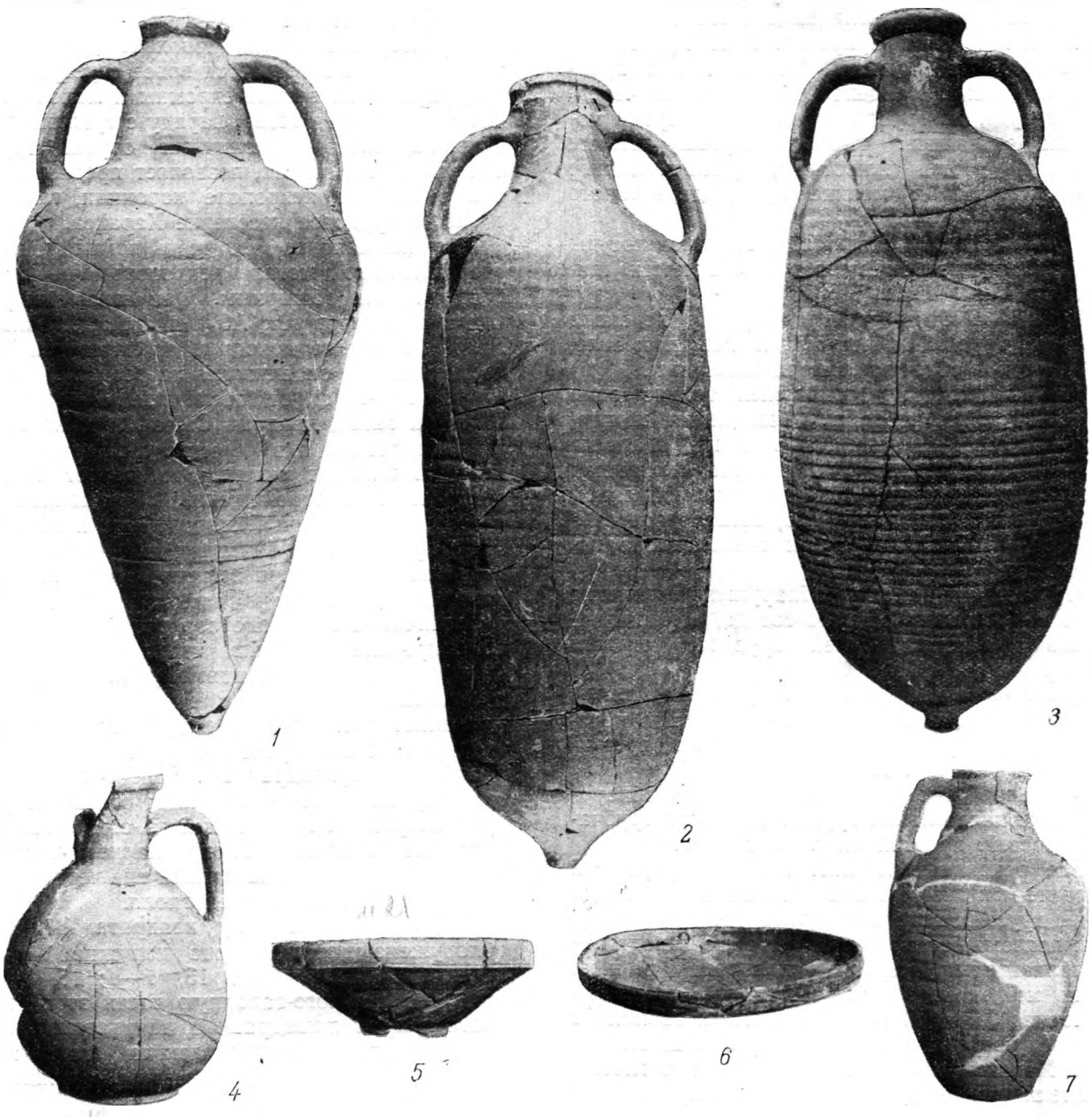

Рис. 13

1 — Харакс 1935 г. Могила № 26, остродонная амфора; *2* — Харакс 1935 г. Могила № 29, остродонная амфора; *3*—Харакс 1935 г. Могила № 33, остродонная амфора; *4* — Харакс 1935 г. могила № 18, кувшин; *5* — Харакс 1935 г. Могила № 21, краснолаковая чашка; *6* — Харакс 1935 г. Могила № 29, краснолаковая чашка; 7 — Харакс 1935 г. Могила № 29, кувшин

прозрачного зеленоватого стекла с синими глазками.

Между горлами амфор лежало много черепков сосудов из грубой глины. Могильная яма неправильной формы имела в длину около 1, в ширину — 0,75 м.

Помимо описанных тридцати трех могил на обследованном участке некрополя обнаружены еще в нескольких местах скопления обломков керамики, костей и зубов животных, а также другие предметы. Такие скопления, возможно, отчасти представляют остатки разрушенных в древности захоронений, а отчасти являются остатками жертвоприношений. Подобные скопления получили наименование пунктов. Более всего их было обнаружено на квадрате А6; упомянем главнейшие из них.

Пункт № 1 представлял компактную группу черепков посуды из грубой глины.

Пункт № 2 также был скоплением черепков посуды из местной грубой глины, а также сильно окатанных обломков простой посуды.

Пункт № 3 обнаружен у северного борта квадрата 6А, для исследования его была сделана специальная прирезка. Этот пункт значительно превосходил по площади оба предшествовавших. Найдено большое число черепков посуды из грубой серой глины, среди которых оказались: челюсть коровы, мелкие обломки костей животных, незначительные остатки золы и мелкие куски деревянного угля.

Пункт № 4 был скоплением осколков посуды из грубой серой глины и обломка кости животного.

Пункт № 5 представлял группу черепков посуды, простой и местной, лежащих в золе, и несколько обломков костей животных.

На квадрате А7 обнаружен только один пункт № 1: это небольшое компактное скопление обломков посуды. На том же квадрате обнаружены среди беспорядочно лежавших камней два больших куска известковой плиты со следами букв — вероятно, остатки надгробной стелы. Поверхность их очень сильно повреждена.

На квадрате А9 было обнаружено скопление черепков местного грубого сосуда, а также челюсть и обломки костей крупного рогатого скота.

В юго-восточной части квадрата А1 найдено несколько отдельных костей, обломки керамики и херсонесская медная монета третьей четверти III в. н. э.

В средней части того же квадрата обнаружена незначительная группа обломков трубчатых костей, простая ойнохоя и буса.

Все описанные могилы имеют однородный характер и несомненно близки по времени одна другой. Дата обнаруженного некрополя, как показывают монеты и вещевые находки,— приблизительно первая половина IV в. н. э. (или, может быть, конец III в. н. э. и первая половина IV в. н. э.) Эта дата позволила с полной уверенностью отодвинуть существование Харакса по крайней мере на столетие, вопреки ранее существовавшим представлениям [1].

Таким образом, раскопанный могильник Харакса относится к тому периоду, когда Крымское побережье было оставлено римлянами и эта территория стала ареной готского вторжения. Однако некрополь Харакса не заключает ничего специфически готского. Нужно думать, что в данном некрополе погребались потомки обитателей canabae, культура которых имела смешанный характер. Об этом свидетельствует погребальный ритуал. Возможно, с римским гарнизоном Харакса можно связать сожжение покойников, на долю местного населения приходится обычай класть в могилу местные лепные сосуды из грубой глины, зубы животных и осколки кремней [1], которые встречались в некоторых могилах.

Характер погребений довольно бедный: золота в них не встречается вовсе, серебра почти нет, украшения весьма скромны и малочисленны. Это обстоятельство, наряду с сравнительно большим числом различных орудий труда, найденных в могилах, позволяет предполагать, что в данном некрополе хоронили, главным образом, трудовое население Харакса.

Отметим наконец, что очень компактный по расположению могил некрополь Ай-Тодора вряд ли был обширным. Как показали раскопки квадратов А2, А3, А4 и А5, могилы в данном месте не доходили до наружной крепостной стены, оканчиваясь на расстоянии примерно 10—12 м от последней. Разбитый в 21 м на запад квадрат С1, в 11 м на север полуквадрат Д1 и в 7,5 м на с.-в. квадрат В1 не дали находок могил. Это делает вполне возможным предположение о сравнительно небольшой площади некрополя 1932 и 1935 гг., даже принимая во внимание, что часть могил вероятно погибла при земляных работах, производившихся западнее участка 1932 г. [2].

Заканчивая краткий обзор результатов работ на некрополе, отметим, что на квадрате В1 были обнаружены, повидимому, следы древней кремации.

Помимо обследования некрополя А (и прилегающих к нему участков В, С, D) был еще раскопан полуквадрат Е1. Этот полуквадрат, выдвинутый далеко [3] на с.-в. от основного раскопа некрополя А, разбитый к з.-с.-з. от башни [4] в районе святилища бенефициариев, показал, что данный участок находился вне черты древнего поселения и его некрополя.

В юго-восточном углу квадрата А4 было обнаружено внешнее лицо наружной оборонительной стены (рис. 15, *1—4;* 16, *1—3*). Вместе с тем юго-западную часть этого квадрата накрывал квадрат А1, начинавший собой ряд квадратов большого раскопа («город А»), прорезавших пространство между наружной и внутренней оборонительной стенами и пересекавших последние (квадраты [5]: AI, AII, AIII, AIV, AV, AVI, AVII, AVIII, AIX, AX, AXI, AXII, AXVI, AXVIII). Кроме того, три квадрата (AXIII, AXIV и AXV) были вытянуты

[1] «Klio», 1902, стр. 95; см. также В. Н. Дьяков. Древности Ай-Тодора, стр. 33 сл.

[1] Любопытным пережитком местной традиции в этом отношении, вероятно, является могила № 17 1935 г., заключавшая, как мы уже упоминали, трупоположение.

[2] Напомним, что согласно одному старому плану (ЖМНП, 1900, Общий план раскопок Ай-Тодора) примерно в 130—150 м к с.-в. от некрополя 1932—1935 гг. находились «могилы», время которых остается неизвестным.

[3] Расстояние от раскопа «Е» до ближайшей точки раскопа «А» (квадрат А 9) приблизительно равно 146 м.

[4] Расстояние от раскопа «Е» до башни — около 65 м.

[5] Размеры этих квадратов 5 × 5 м.

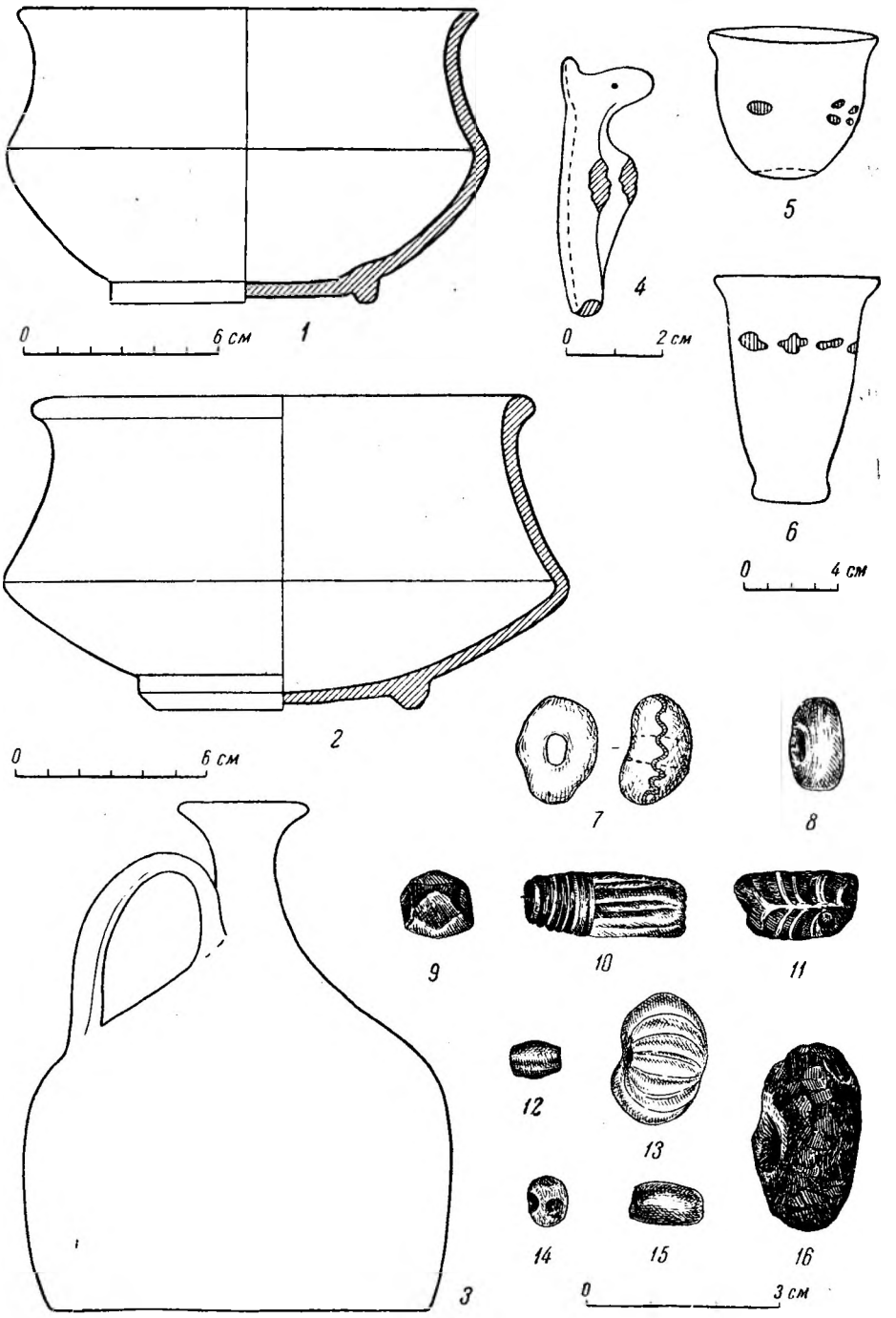

Рис. 14

1 — Харакс 1935 г. Могила № 22, сероглиняная чашка; *2* — Харакс 1935 г. Могила № 28, чашка; *3* — Харакс 1935 г. Могила № 28, одноручный кувшинчик; *4* — Харакс 1935 г. Могила № 15, ручка сосуда в виде животного; *5* — Харакс 1935 г. Могила № 15, стеклянный стакан; *6* — Харакс 1935 г. Могила № 33, стеклянный стакан; *7* — Харакс 1935 г. Могила № 24, буса из пасты; *8* — Харакс 1935 г. Могила № 18, буса из зеленоватого стекла; *9* — Харакс 1935 г. Могила № 18, буса из стекла; *10* — Харакс 1935 г. Могила № 24, буса из черной и желтой пасты; *11* — Харакс 1935 г. Могила № 24, буса из желтоватой пасты; *12* — Харакс 1935 г. Могила № 28, буса из голубого стекла; *13* — Харакс 1935 г. Могила № 28, буса из прозрачного стекла; *14* — Харакс 1935 г. Могила № 28, буса из желтой пасты с голубыми глазками; *15* — Харакс 1935 г. Могила № 28, буса из голубого стекла; *16* — Харакс 1935 г. Могила № 32, буса из темного стекла

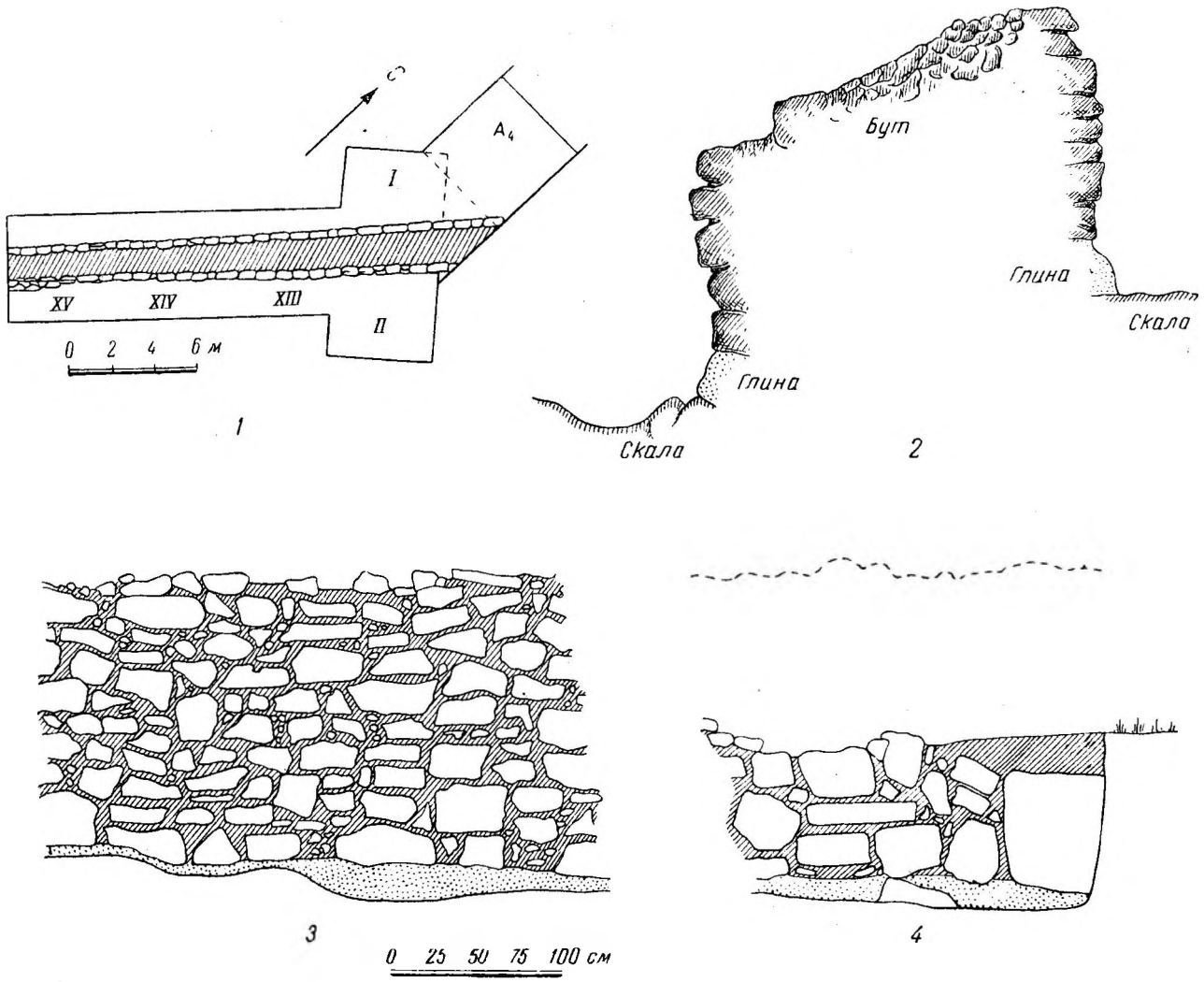

Рис. 15

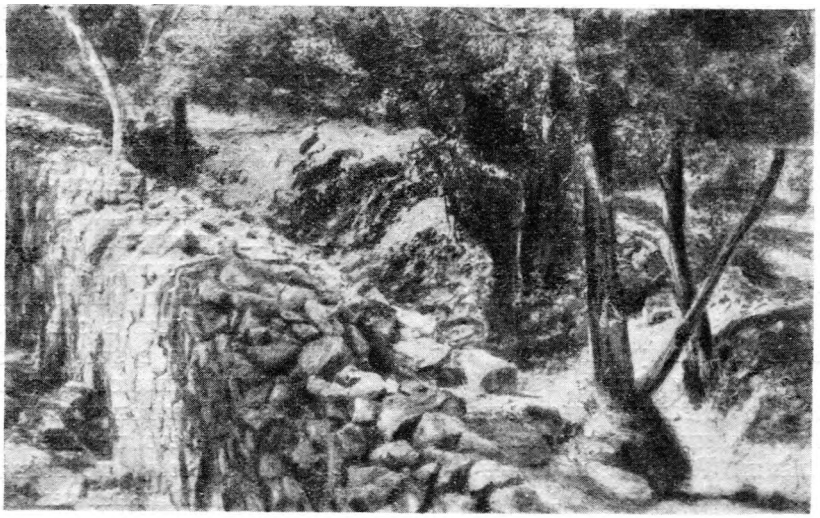
1 — Харакс 1935 г. Нижняя оборонительная стена, план; *2* — Харакс 1935 г. Нижняя оборонительная стена, разрез; *3* —Харакс 1935 г. Нижняя оборонительная стена, фас внутренней стороны; *4* — Харакс 1935 г. Нижняя оборонительная стена, фас внешней стороны.

вдоль наружной крепостной стены, наконец, ряд квадратов был разбит вдоль внутренней оборонительной стены и на территории крепости внутри последней (квадраты AXIX, AXX, AXXVII, AXXVI, AXXI, AXXII, AXXIII, AXXIV, AXXV).

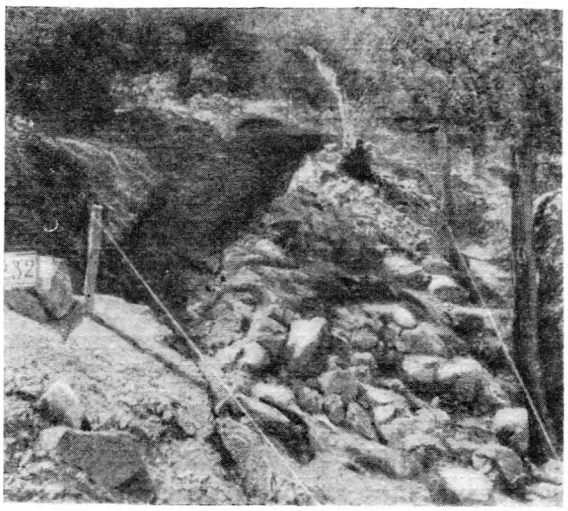
Квадратами AI, AII, AXIII, AXIV и AXV была раскрыта наружная стена, которая шла с с.-в. на ю.-з. Кладка стены значительно отличалась от находящейся на восток от нее киклопической «таврской» стены [1]. Именно, стена, открытая в 1935 г., имела с наружной и внутренней стороны панцыри, сложенные из довольно больших камней. Промежуток между

[1] Эта «киклопическая» кладка наружного пояса стен Харакса напоминает по характеру кладки стены таврского укрепления на вершине горы Медведь (Н. И. Репников. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г., ИАК, вып. 30, 1909, стр. 103, рис. 6—7).

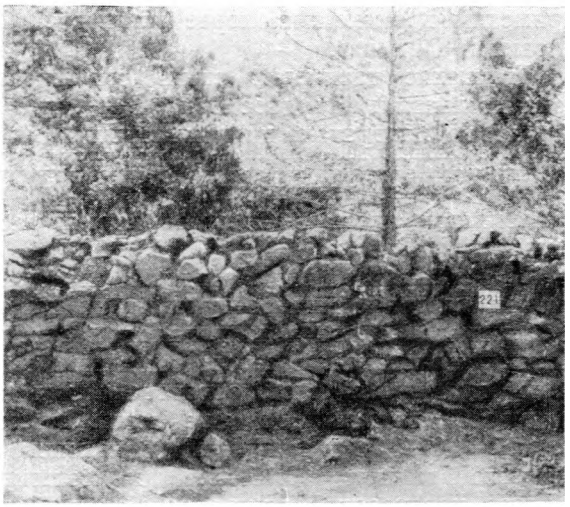
План Харакса, составленный нашей экспедицией, показал соотношение двух участков нижней стены: раскопанного в 1935 г. и открытого старыми работами. Оба стоят на одной отметке, второй отстоит от первого примерно в 40—54 м к с.-в.; в настоящее время их отделяет друг от друга дорога на вершину холма. Иное дело находящаяся восточнее «киклопическая» стена, которая стоит на более высокой отметке, не совпадая с направлением двух названных выше отрезков стены. Поэтому можно заключить, что римляне, ремонтируя оборонительные сооружения Ай-Тодорской крепости, оставили без изменения «киклопическую» кладку, пристроив к ней с запада, на более низком горизонте, выдвинутую вперед стену. Построенная римлянами стена была частично расчищена раскопками 1935 г. На месте стыка новая стена поворачивала таким образом, что перемычка между нею и «киклопической» стеной была примерно на месте нынешних ворот по дороге из санатория на вершину Ай-Тодорского холма.

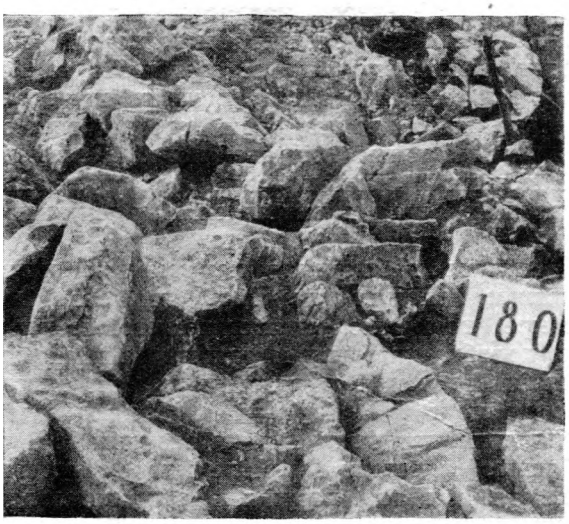
1

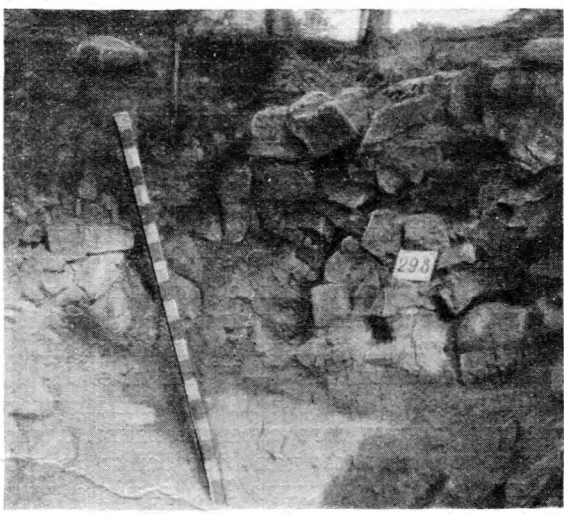
2

3

4

5

Рис. 16

1 — Харакс 1935 г. Нижняя оборонительная стена; *2* — Харакс 1935 г. Нижняя оборонительная стена; *3* — Харакс 1935 г. Нижняя оборонительная стена; *4* — Харакс 1935 г. Завал камней на квадратах AXVI и AXVII; *5* — Харакс 1935 г. Верхняя оборонительная стена, часть кладки и упор

панцырями был заполнен бутом. Стена производила впечатление сложенной наспех. Толщина ее равнялась 2,20—2,40 м. С внутренней стороны стена сохранилась на высоту 1,40—2,20 м, с наружной всего на 1—1,50 м. Верхняя часть стены рухнула главным образом в северо-западную сторону, образовав мощный слой завала, тянущийся на расстоянии 4—5 м от стены. Подсчет массы завала дает возможность примерно определить начальную высоту стены, которая, по всей видимости, приблизительно равнялась 3 м.

В завале стены и в культурном слое под ним встречались черепки простой, грубой и краснолаковой посуды, а также строительной керамики, в том числе один обломок черепицы с клеймом вексилляции Равеннской эскадры. В пласте глины, подстилающей основание стены, обнаружены черепки краснолаковой посуды. Все это заставляет датировать стену римским временем и скорее всего второй половиной I в. н. э.

Уточнение датировки стены сопряжено со значительными трудностями, ибо земляной пласт на квадратах, примыкающих к нижней стене с внутренней стороны (AII, AXIII, AXIV, AXV), сильно поврежден, вероятно, производившимися здесь в прежнее время раскопками.

В тех местах, где античный слой сохранился, картина была следующая: на неровной материковой скале лежал пласт красноватой глины, выше залегал сероватый глинисто-золистый культурный слой, образовавшийся в результате оползания, а еще выше гумусный слой (0,40—0,50 м толщиной) и, наконец, слой старого выкида (0,15—0,20 м толщиной). Пласт красноватой глины по большей части был 0,10—0,30 м в толщину. В нем обнаружены обломки краснолаковой посуды, узкогорлых амфор и прозрачного стекла, по большей части относящиеся к I—III вв. н. э. Среди них встречались единичные обломки, относящиеся к эллинистическому периоду (например, ручка остродонной амфоры приблизительно III в. до н. э.) и, кроме того, находки более позднего времени (III—IV в. н. э.). Эти единичные эллинистические черепки, несомненно, свидетельствуют о каких-то формах жизни на Ай-Тодорском холме еще в доримскую эпоху, но решительно не дают оснований датировать рассматриваемый культурный слой иным временем, чем I—IV вв. н. э.

Таким образом, начало образования описываемого культурного слоя, вероятно, примерно совпадает с временем постройки наружной стены (вторая половина I в. н. э.), а дальнейшее отложение этого слоя, возможно, отвечает времени бытования названной стены. Если последнее предположение справедливо, то можно думать, что стена простояла примерно до IV в. н. э., может быть, подвергаясь временами ремонту.

Лежащий на красноватой глине сероватый глинисто-золистый слой постепенно утолщается по мере приближения к стене и достигает 1—1,5 м. В противоположном, юго-восточном направлении он постепенно становится тоньше: как показало исследование квадрата AIII, названный слой исчезает на 6-м метре от стены. Как мы отмечали, этот слой образовался вследствие наплыва земли со склонов холма. Сползавшая земля задерживалась стеной, вытянувшейся поперек склона, и в силу этого скоплялась здесь в значительном количестве. Обнаруженные в этом слое предметы I—IV вв. н. э. устанавливают, разумеется, лишь время отложения первоначально культурного слоя, а отнюдь не его перемещения при оползании. Таким образом, первоначальное отложение сползшего в дальнейшем слоя одновременно с эпохой глинистого слоя, примыкающего к наружной стене, и со временем существования поселения.

Процесс перемещения серой глины, образовавшей большой наплыв у стены, мог иметь место еще в последние времена существования Харакса, но в основном он происходил после прекращения жизни на Ай-Тодорском холме.

Квадраты от AII до AXII, вытянутые (с небольшим надломом) в одну линию между наружной и внутренней стеной, не дали остатков построек. Довольно тонкий слой земли, сравнительно редко достигавший 0,70—0,80 м, лежал на скале с неровным профилем и многочисленными выходами на поверхность.

Состав земли: вверху — гумусный, черный или черно-коричневый пласт, ниже — глинистый красно-коричневый; в последнем культурных остатков мало, первый же содержит их местами значительное количество. Эти скопления культурных остатков — не результат спокойного, постепенного напластования городища — их скорее следует истолковать как сбросы мусора, подолгу оставшиеся на поверхности земли, измельчавшиеся, окатывавшиеся и, возможно, частично передвигавшиеся стекавшей с холма дождевой водой. Довольно значительный наклон почвы способствовал сползанию земли в направлении к наружной стене.

Суммируя наблюдения над междустенным участком, следует признать, что там был пустырь, возможно, стратегического назначения, подобно интервалам между крайними палатками и валом в римском лагере, по описанию Полибия (VI, 31, 10—14). Напомним, что к близким выводам привели и раскопки 1931 г. небольшой площади в районе северо-западных крепостных ворот наружной оборонительной стены.

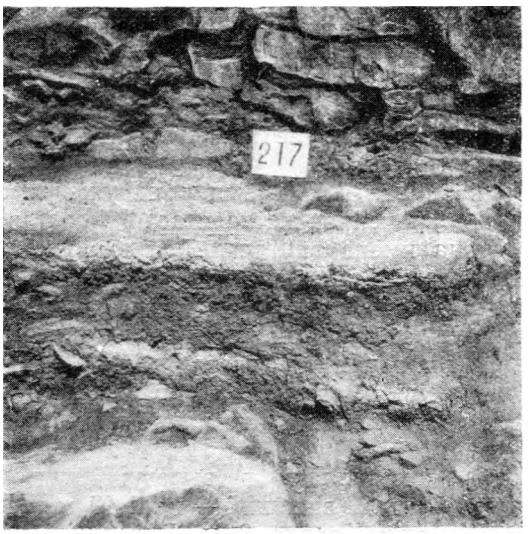
Мы уже указали на наличие сбросов и наплывов и отсутствие правильных культурных напластований на междустенном участке. В силу этого представляется возможным говорить лишь о датировке культурных остатков

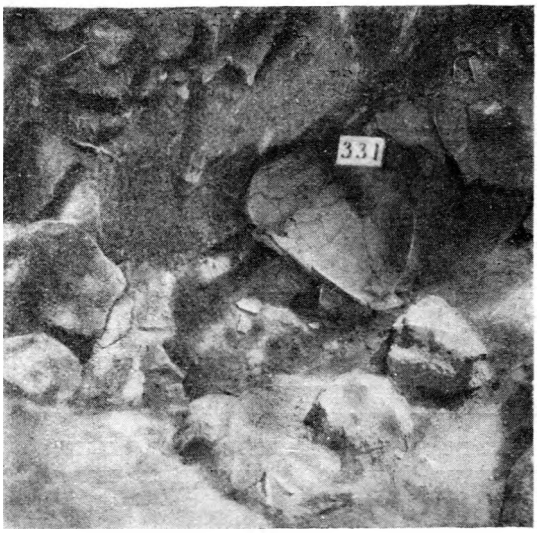
1

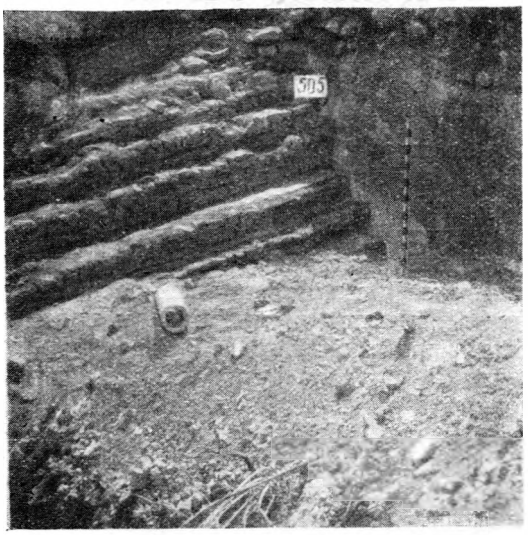
2

3

4

5

6

Рис. 17

1 — Харакс 1935 г. Верхняя оборонительная стена, часть кладки и упор; *2* — Харакс 1935 г. Стена № 8; *3* — Харакс 1935 г. Вымостка № 6; *4* — Харакс 1935 г. Амфора, обнаруженная на квадрате AXXVII; *5* — Харакс 1935 г. Нимфей, лестница; *6* — Харакс 1935. Водоотлив на квадрате CI.

в целом, не расчленяя их на отдельные слои. Найденный на квадратах AII — AXII материал, в основной массе, представляет обломки керамики (черепки краснолаковой посуды, остродонных, узкогорлых амфор, местных сосудов, черепицы и пр.), они относятся, главным образом, к эпохе пребывания римлян в Хараксе.

Незначительная часть находок должна быть датирована более ранним временем. Таковы, например, найденный на квадрате AII республиканский динарий, чеканенный около 81 г. до н. э., или обнаруженная на том же квадрате ручка остродонной амфоры раннеэллинистического времени.

Более видное место, чем эти ранние находки, занимают обломки керамики III—IV вв. н. э., в частности, стенки реберчатых сосудов, горла и ручки поздних остродонных амфор. Частично эти фрагменты близки сосудам, найденным на некрополе Харакса, и относятся, подобно последним, к эпохе после оставления римлянами Крыма. Должно отметить, что на некоторых квадратах (например, AII, AXI, AXII) поздние фрагменты встречались в самых нижних штыках.

Следующей группой квадратов раскопа А была обследована внутренняя — верхняя оборонительная стена крепости. Чтобы проследить появление верхней стены, были разбиты [1] квадраты A XVI, A XVII, A XVIII, A XXIII, A XXII, A XXI, A XXIV, A XXV и A XXVI. Этими работами обнаружена, главным образом, внешняя сторона верхней стены, уступающая по сохранности нижней.

Культурные напластования на квадратах, примыкающих к верхней стене, отличаются значительно большей мощностью, чем в межстенном пространстве, достигая на квадрате A XVI 3 м толщины.

На границе квадратов A XII и A XVI подъем материковой скалы вверх прекращается, и скала внезапно резко падает, образуя седловину, через которую и проходит верхняя стена. Эту впадину скалы (на предстенном пространстве) заполняла насыпь, отличавшаяся сложной стратиграфией пластов. На материковой скале лежал золисто-глинистый пласт, достигавший 1,5 м в толщину (на квадрате A XVI). В нем найдены обломки краснолаковой посуды, узкогорлых амфор, сосудов из прозрачного стекла, относящиеся к I—III вв. н. э. Выше лежит (главным образом, на площади квадрата A XVII) субструкция стены — мощный, до 2 м, пласт бута из мелкого щебня, светложелтой глины с примесью строительного раствора. На субструкции покоится упор («отлив») стены, сложенный из больших и мелких камней на светлой глине и строительном растворе (рис. 16, *5*; 17, *1*). На высоте 1,5 м «отлив» переходит в вертикальный панцырь стены; последний сохранился на 0,50—0,60 м в высоту.

Перед стеной, на квадрате A XVI на золисто-глинистом пласте на пространстве около 3 м в длину лежали рваные камни; выше была зольная прослойка, а над нею — полуметровый глинисто-золистый слой, который, продолжаясь на квадрате A XVII, залегал над субструкцией, доходя до «упора» стены. Выше лежал завал камней стены (крупных от панцыря и более мелких от забутовки) (рис. 16, *4*). Слой завала местами достигал 1 м в толщину. Завал панцыря прослеживался, примерно, на 7 м вниз по склону холма. Между камнями завала была гумусная земля; над завалом находился тонкий (0,15—0,25 м) выкид из старых раскопов.

По линии квадратов A XXIII, A XXII, A XXI, A XXVI было прослежено направление верхней оборонительной стены, которая шла с с.-в. на ю.-з. Был зачищен внешний панцырь стены и поддерживающий его упор, аналогичный по конструкции «упору» на квадрате A XVII. Юго-западная часть стены стояла не на субструкции, а на скале или лежащей над нею материковой глине.

На квадрате A XXI был обнаружен и подвергнут сильной зачистке старый пролом стены. Стена имела внутренний и внешний панцыри, сложенные на глине из больших рваных камней; пространство между панцырями было заполнено забутовкой из крупного щебня и гальки на глиняном растворе. На внешнем и внутреннем панцыре верхней стены местами сохранились незначительные следы облицовки.

Стена сохранилась в высоту: внутренний панцырь — на 2, внешний — на 1,40 м. Ширина стены внизу равна 3 м. В верхней части, в силу большого наклона наружного панцыря, стена сильно раздалась, и ширина ее достигает 3,40 м. Слой земли над внутренним панцырем очень тонкий — 0,10 м, над наружным — 0,65 м.

Датировку верхней стены определяют найденный в кладке ее на квадрате A XXI фрагмент черепицы со штемпелем вексилляции Равеннской эскадры, а равно и обломки краснолаковой посуды и прозрачного стекла, обнаруженные в забутовке и в нижнем культурном слое у стены; они указывают на сооружение этой стены в римское время, вероятно, в эпоху пребывания на Ай-Тодорском холме десанта Равеннской эскадры, т. е. во второй половине I в. н. э. Наличие более поздних (II и III вв.) осколков керамики в культурном слое под стеной, на квадратах A XVI — A XVII, заставляет предполагать, что стена позднее подвергалась ремонтам.

Описанная нами верхняя стена, как и несколько меньшая по размерам нижняя, не могут считаться обычными крепостными стенами.

[1] Эти квадраты были раскопаны лишь частично. Квадрат AXXIV не раскапывался вовсе.

Небрежно, наспех сложенные, они являются скорее оборонительными сооружениями лагерного типа — valla.

Внутри верхней стены, на восток и юго-восток от квадрата А XXI была вскрыта площадь около 55 кв. м (А XIX, А XX и западная часть квадрата А XXVII [1]), на которой обнаружен ряд архитектурных остатков (рис. 18). Работы на квадрате AXIX свелись, в основном, к зачистке старого раскопа, ибо почти по всей поверхности этого квадрата перекопанный грунт доходил до скалы. Также поврежден был грунт, главным образом, в средней части и на площади AXX.

Раскопками участка внутри верхней оборонительной стены открыты остатки построек, принадлежащих разновременным напластованиям. На площади А XX обнаружена лежащая на скале и материковой глине известковая вымостка пола № 6, примыкающая к оборонительной стене: глубина залегания этой вымостки от современной поверхности почвы равна 2,18 м (рис. 17, *3*). Толщина вымостки — 0,05—0,06 м, в длину она выявлена примерно на 3,40 м (в направлении с с.-в. на ю.-з.), в ширину вымостка сохранилась не более чем на 1,80 м. Вымостку покрывал золистый культурный слой, толщиной 0,25—0,30 м, относящийся к I в. н. э.; в нем найдены две монеты: одна I в. до н. э., другая — I в. н. э., обломки глиняной и стеклянной посуды.

Над вымосткой № 6 в северо-восточной части площади А XX обнаружена кладка № 7, сложенная на глине из рваных камней. Глубина ее подошвы — 2,18 м, в вышину она сохранилась примерно на 0,40 м. Кладка идет в направлении с ю.-з. на с.-в. и затем поворачивает под прямым углом на с.-з. Длина первого отрезка около 1,65, второго — около 2 м, ширина кладки — до 0,80 м.

Выше залегала явно относящаяся к следующему горизонту вымостка № 5. Эта вымостка сохранилась значительно хуже, чем нижняя, и состояла из известкового раствора, смешанного с крупной галькой. Длина вымостки № 5 — 1,40, ширина — 0,75—0,80, толщина — 0,05—0,06, глубина — 1,90 м. В одном слое с вымосткой № 5 находятся кладки: № 4 — у юго-восточного и № 8 — у северо-восточного

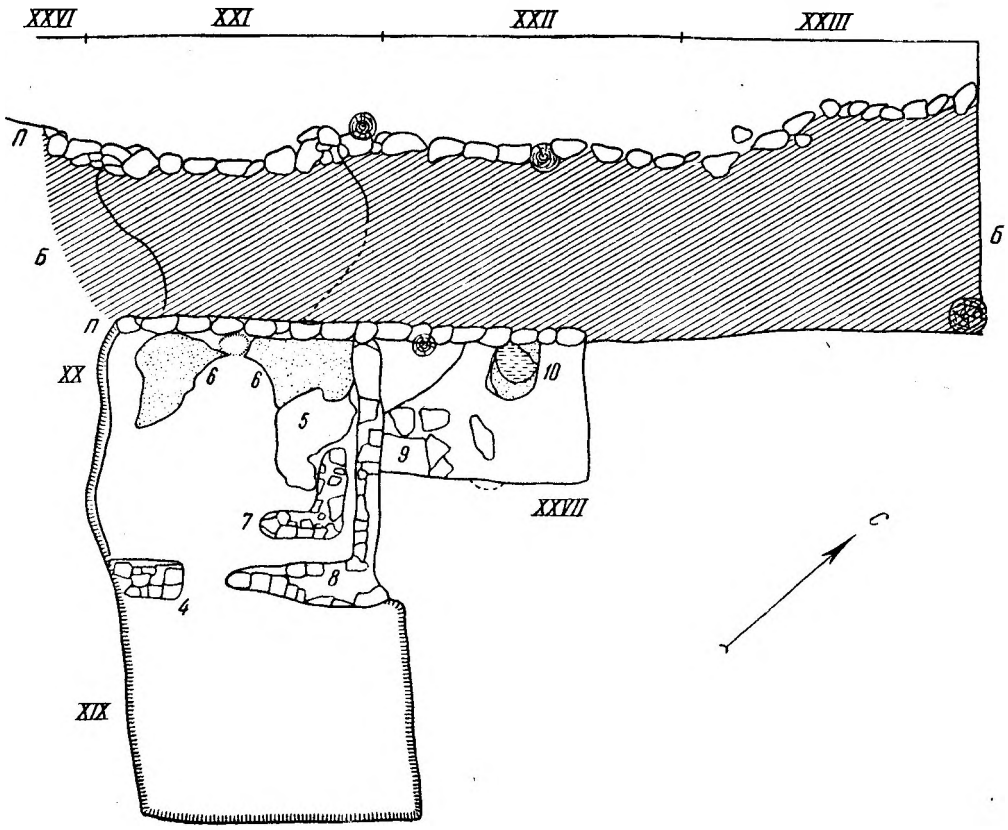

Рис. 18. Харакс 1935 г. План раскопа у внутренней оборонительной стены

4—кладка (верхняя); *5*—вымостка (верхняя); *6*—вымостка (нижняя); *7*—кладка из ровного камня; *8*—кладка (верхняя); *9*—вымостка (верхняя); *10*—вымостка (нижняя); *б*—внутренняя оборонительная стена; *п*—пень.

[1] Протяжение вскрытой части квадрата AXXVII с с.-з. на ю.-в.— 2,5 м, с с.-в. на ю.-з.— 3,5 м.

обреза вскрытой площади (рис. 17, *2*). Обнаруженные над вымосткой № 5 находки относятся к II—III вв. н. э. (черепки краснолаковой керамики II в. н. э., обломки черноглиняной кухонной посуды позднеантичного времени, херсонесская монета середины III в. н. э. и пр.).

Это заставляет отнести верхний культурный слой на данном участке к поздней эпохе существования Харакса, примерно к концу II — к первой половине III вв. н. э., т. е. ко времени XI Клавдиева легиона.

Близкая картина смены культурных напластований наблюдалась на квадрате А XXVII, где также были обнаружены две вымостки. Нижняя вымостка № 10, лежавшая на том же уровне, что и вымостка № 6, состояла из плотного слоя извести, смешанной с галькой и битой керамикой, который покоился на глиняном подстиле. Толщина подстила — 0,08 м, а общая толщина вымостки — 0,12—0,15 м. Длина обнаруженной части пола № 10 достигает 0,78, ширина — 0,67 м. На нижней вымостке лежал тонкий слой золы, заключавшей мало характерные находки римского времени.

Верхняя, лежавшая на глубине 2,00 м небрежно сооруженная вымостка № 9 состояла из мелких черепков керамики, мелкой гальки с песком и известковым раствором. Она была открыта на 3 м в длину и на 2 м в ширину. В проломе верхней вымостки была обнаружена раздавленная остродонная амфора, лежавшая на глубине 2,00—2,18 м. В амфоре находился мелкий известковый порошок для строительного раствора (рис. 17, *4*). Пятна извести были обнаружены на верхнем полу. Над верхним полом встречались обломки простой посуды и краснолаковые черепки, приблизительно II в. н. э. Выше лежал завал стены. Высота сохранившейся части внутреннего панцыря стены на квадрате А XXVII достигала 2,50 м.

Таким образом, внутри верхней крепостной стены обнаружено два помещения, примыкавших к оборонительной стене. Одно из них (квадрат А XXVII), возможно, служило складом строительных материалов, а другое (А XX), судя по обилию золы на полах, могло быть жилым или караульным помещением. Раскопки установили наличие на квадрате А XXVIII двух, а на квадрате А XX — трех строительных периодов, которые хронологически могут быть сопоставлены с данными о римских подразделениях, занимавших Харакс. Это наблюдение особенно существенно, ибо до раскопок внутри верхней стены проблема многослойности культурных напластований Харакса даже не вставала, и только эти работы позволили считать твердо установленным наличие различных строительных периодов в Ай-Тодорском кастеле. К этому вопросу мы еще возвратимся при рассмотрении терм и раскопок на прилежащем участке.

На ю.-в. от квадратов А XVI — А XVIII и А XXV находится бассейн Нимфей (рис. 17, *5*; 19; 20) [1]. Раскрытый старыми раскопками, этот бассейн не был в свое время обмерен; заваленный затем мусором, он стал недоступным

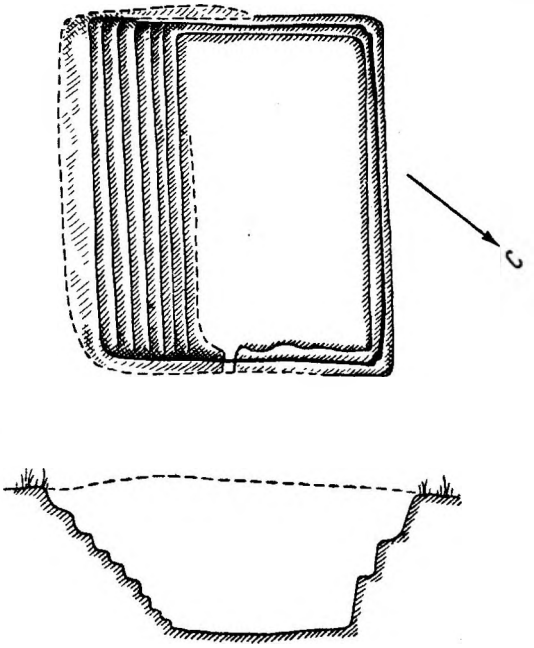

Рис. 19. Харакс 1935 г. Нимфей, план и разрез. 1/200

для исследования. Для производства его обмеров и фотографирования пришлось произвести значительные работы. Большая кубатура балласта, заполнявшего Нимфей, заставила зачищать его «на перевал» [2]. По окончании обмеров Нимфей вновь был засыпан во избежание дальнейших разрушений.

Было установлено, что Нимфей представляет большую прямоугольную в плане цистерну, углы которой ориентированы почти по странам света. Длина его с с.-в. на ю.-з. — 9, ширина — 7,7 м. Стены Нимфея сохранились на 2,55 м в высоту. Вдоль юго-восточной стороны Нимфея, обращенной во внутрь крепости, имеется лестница, спускающаяся до самого дна цистерны. На остальных трех сторонах стены Нимфея образуют небольшой уступ. Стены Нимфея имеют сложную облицовку: ближайшая к кладке щебневая забутовка на цемянке покрыта цемянкой с черными включениями, на которой, наконец, лежит цемянка, смешанная с толченой керамикой. Пол Нимфея представляет ровную, но не горизонтальную поверхность: он постепенно пони-

[1] См. А. С. Башкиров. Историко-археологический очерк Крыма. Путеводитель по Крыму, Симферополь, 1914, стр. 128.

[2] В силу этого не удалось зафиксировать выложенное камешками на дне цистерны изображение полипа (ИАК, вып. 40, 1911, стр. 42).

жается в направлении к с.-в.; там в нижней части стены устроен слив, служивший для чистки цистерны. Вводное отверстие слива сохранилось, диаметр его — около 0,20 м.

Работы на квадратах А XVI, А XVII, А XVIII и А XXV показали, что материковая скала, постепенно повышающаяся на всем пространстве от квадрата А I до А XII, на границе квадрата А XII и А XVI начинает падать, видимо, образуя седловину. Над этой седловиной проходила верхняя оборонительная стена и в ней вероятно помещалась цистерна Нимфея. Если это предположение справедливо, то водохранилище Нимфея не было вырублено в скале, а сооружено над скалой, что характерно для римской строительной техники, широко применявшей надземные сооружения, связанные с водоснабжением.

Рис. 20. Харакс 1935 г. Нимфей, лестница.

Большое число кусков черепиц, найденных на квадратах АXVIII и АXXV, примыкающих к Нимфею, подтверждает предположение о существовании перекрытия над цистерной.

На квадрате АXVI был обнаружен небольшой (0,14 × 0,09 × 0,02 м) обломок мраморного барельефа. На нем видна часть задрапированной, вероятно женской фигуры на фоне дерева. По стилю рельеф близок иконкам, обнаруженным старыми раскопками в Ай-Тодоре. Можно предполагать, что представленная на нашем рельефе женская фигура изображала нимфу (рис. 21). Самый рельеф скорее всего был вотивным посвящением водяным божествам, очевидно почитавшимся в бедном влагой южнобережье Крыма. Если это предположение справедливо, то рельеф, вероятно, относится к постройке, возвышавшейся над цистерной.

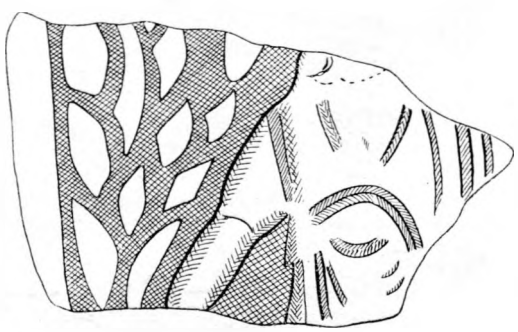

Рис 21. Харакс 1935 г. Обломок рельефа, найденного около Нимфея

Перейдем к работам в районе терм (рис. 22; 23, *1—5;* 24, *1—5*). Обнаруженное старыми раскопками здание терм заплыло землей и заросло довольно большими деревьями, кустами, а также травой. Внутри

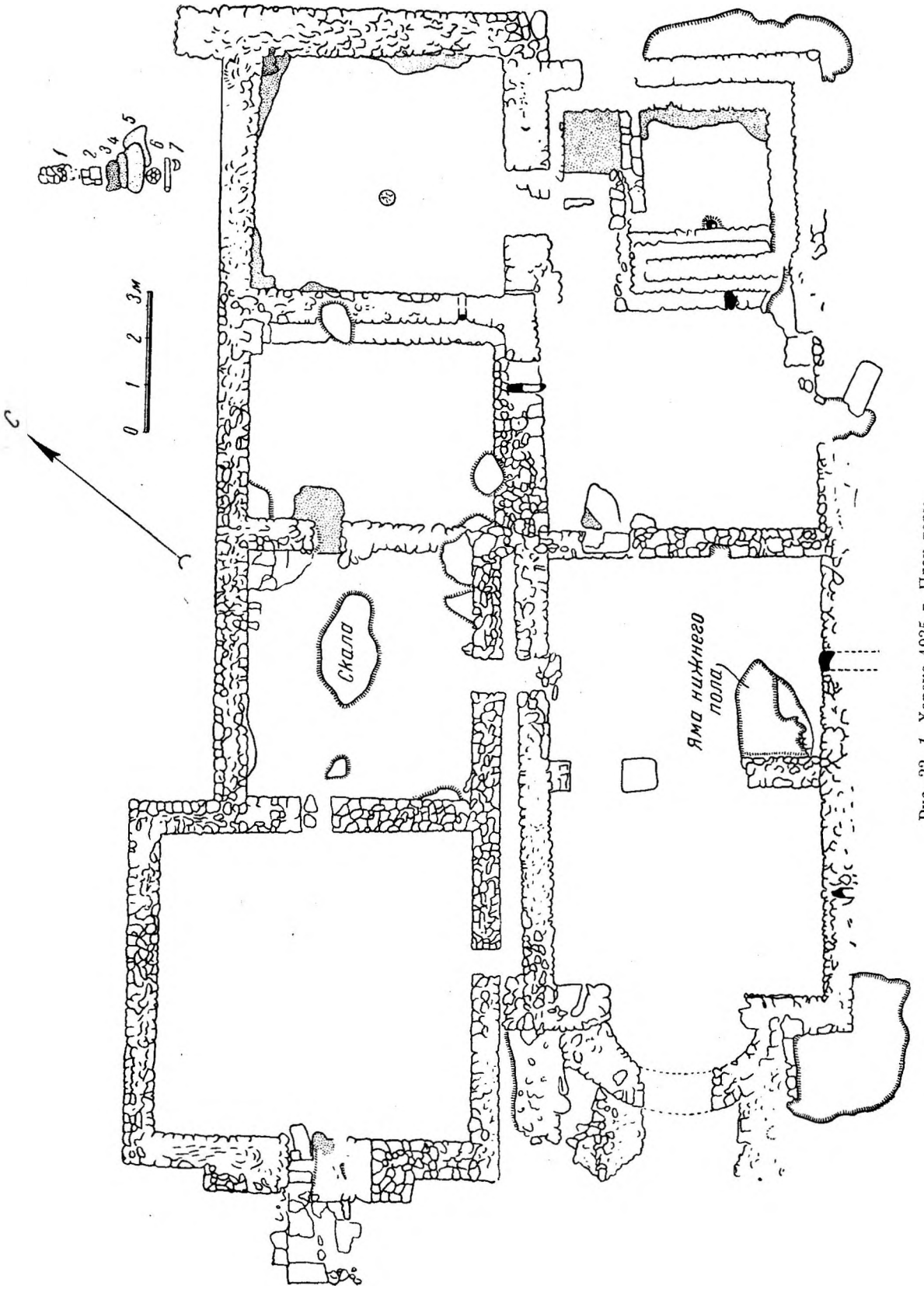
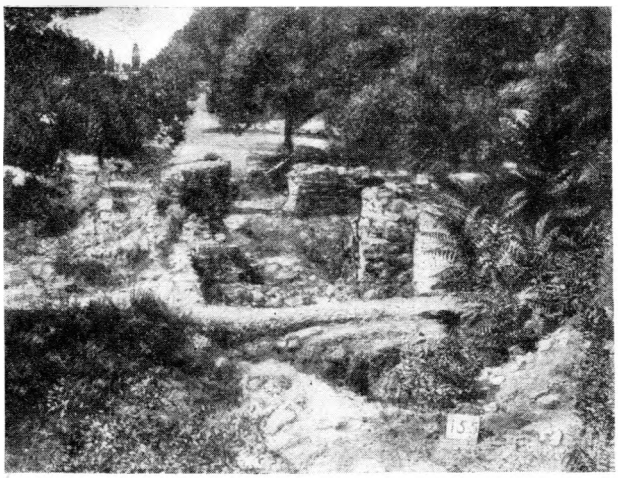

Рис. 22. *1*. Харакс 1935 г. План терм

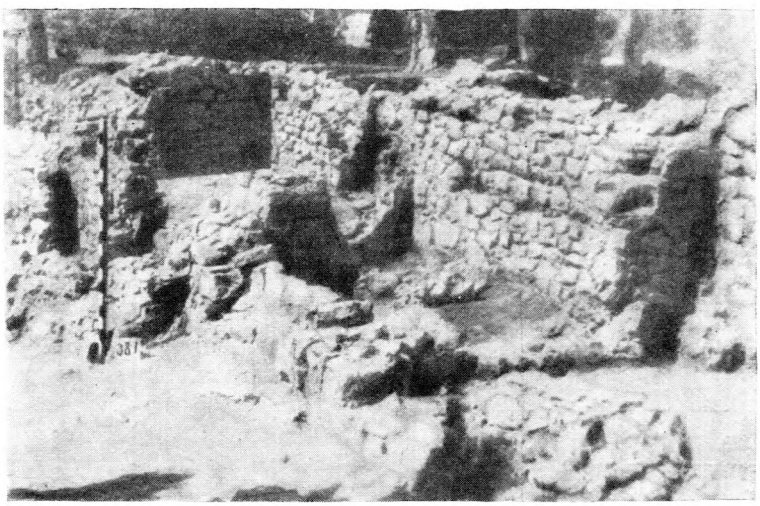
1 — кладка из рваного камня на известковом растворе, *2* — кирпич; *3* — пол, покрытый известковым раствором с песком; *4* — пол, покрытый известковым раствором с мелкой галькой; *5* — пол, покрытый известковым раствором с мелким щебнем; *6* — пень дерева; *7* — керамические трубы

1

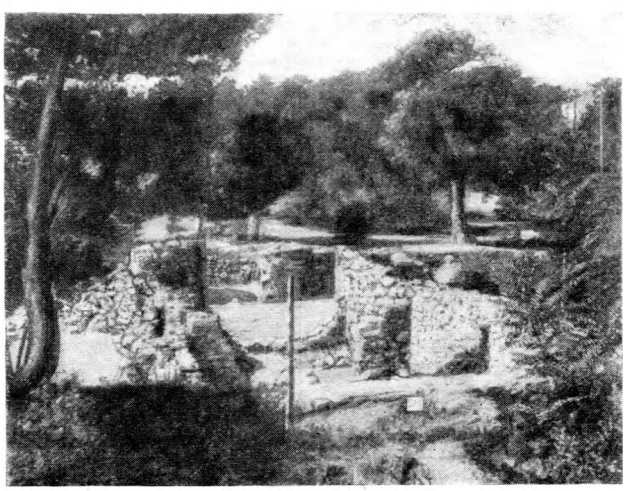
2

3

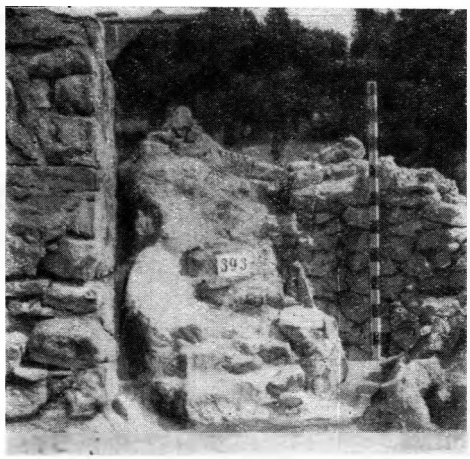
4

5

Рис. 23. Харакс 1935 г. Термы.

1 — вид с востока до расчистки; *2* — вид с востока до расчистки; *3* — вид с востока после расчистки; *4* — западное помещение; *5* — вид с востока после расчистки

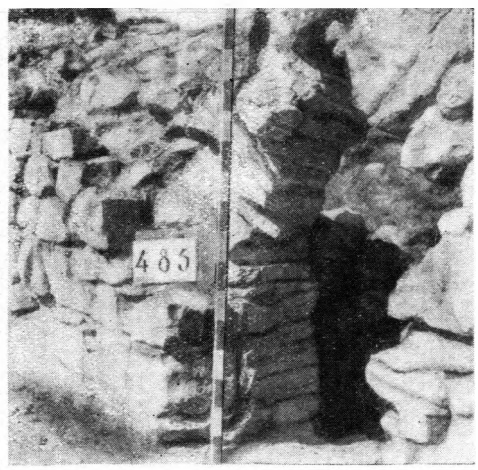
1

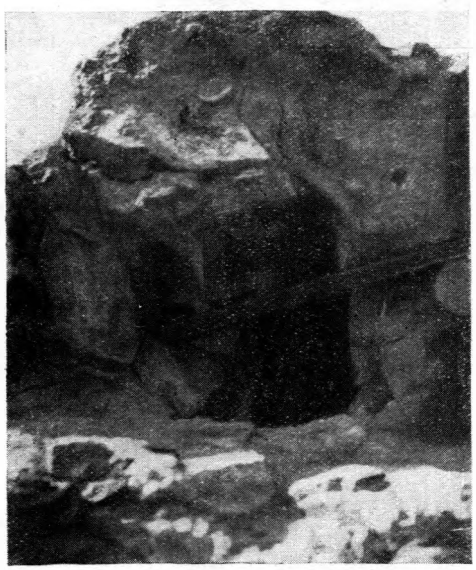
2

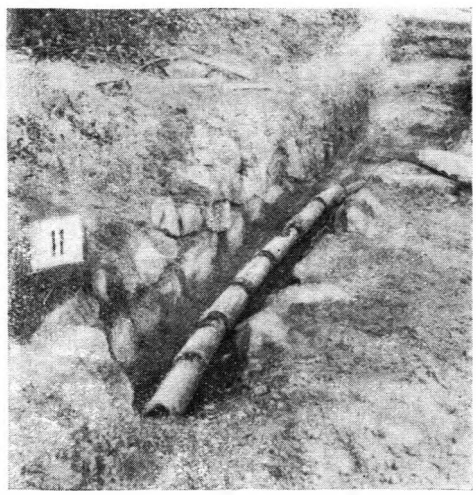
3

4

5

6

Рис. 24

1 — Харакс 1935 г. Термы, западное помещение; *2* — Харакс 1935 г. Термы, проем, перекрытый аркой; *3* — Харакс 1935 г. Термы, деталь кладки; *4* — Харакс 1935 г. Термы, проем, перекрытый аркой; *5* — Харакс 1935 г. Термы, след деревянной балки; *6* — Харакс 1935 г. Водопровод в 700 м к с.-с.-з. от Нимфея

здания лежало много свалившихся со стен камней, некоторые из них были связаны строительным раствором. Эти повреждения отчасти вызвали выросшие на стенах деревья, которые разворачивали камни своими корнями.

Для съемки плана здание было расчищено, после чего произведено детальное фотографирование и обмеры. Затем вызывающие опасения части здания были засыпаны.

Рис. 25. Харакс 1935 г. Термы, обломок черепицы с клеймом вексилляции Равеннской эскадры

Произведенные обмеры показали, что здание терм (или, точнее, восемь выявленных помещений) [1] имеют в длину около 24,65 м, а наибольшая ширина его — 14,85 м. Установлено, что здание терм представляет не одновременную, а постепенно расширявшуюся постройку. Древнейшая часть ее — ближайший к морю, юго-восточный ряд помещений, состоящий из четырех комнат, служивших в древности баней. Примыкающие к нему с с.-з., расположенные в ряд четыре большие комнаты сооружены позднее, и, нужно думать, в свою очередь, относятся к двум строительным периодам. Две северные комнаты имеют общую внутреннюю стену с помещениями, расположенными вдоль морского берега. Иное дело — комната в западном углу терм и соседняя с ней; они имеют с юго-восточной стороны самостоятельную стену, которая идет вдоль северо-западной стены первого ряда помещений и отстоит от последней на 0,25—0,45 м.

Зачисткой обнаружено, что цементированный бассейн для купания в восточном углу здания имел отверстие для слива посредине юго-западной стены. Выход этого отверстия был прослежен в соседней комнате ниже уровня кирпичного пола, остатки которого сохранились в северо-восточной части помещения. На пороге двери в юго-западной стене этого помещения найден сломанный перстень с резным камнем.

В ряде помещений были обнаружены разбитые водопроводные трубы [1]. Во внутренних стенах трех комнат второго ряда (всех, кроме угловой, северной) выявлены просветы, вероятно, для теплоходов духового отопления, судя по характеру кладки, имевшие арочные перекрытия.

Комната в западном углу терм имеет посредине северо-западной стены [2] перекрытый аркой проем. Этот проем, поднимавшийся на небольшую высоту над уровнем пола, не мог быть дверью и служил для хозяйственных надобностей. В арке, перекрывающей проем, обнаружен обломок черепицы с клеймом XI Клавдиева легиона, заставляющий отнести время сооружения этого помещения к поздней эпохе существования римской крепости.

Первый ряд комнат здания терм, вероятно, был сооружен в эпоху пребывания в Хараксе вексилляции Равеннской эскадры, так как кирпичи, выстилающие пол в соседнем с бассейном помещении, близки по типу кирпичам Ялтинского музея, снабженным клеймами Равеннского флота.

Наконец упомянем о развалинах кладки, может быть, древней лестницы, обнаруженной на запад от комнаты в южном углу терм. Если это предположение верно, оно доказывает существование второго этажа.

Около западного угла здания терм была вскрыта небольшая площадь: квадраты BI и BII, углы которых ориентированы по странам света. Работы доведены до материка, обнаруженного на глубине около 1,20 м.

На с.-з. от помещения, датированного заключавшимся в кладке обломком черепицы с клеймом XI Клавдиева легиона, была обнаружена вымостка, лежавшая на глубине 0,80 м. Она состояла из известкового раствора с мелкой галькой, битым черепком и каменными плитками и лежала на толстом слое бута. Трудно с уверенностью установить отношение вымостки к зданию терм, вероятно, она одновременна с поздней пристройкой к зданию терм. Находки, встречавшиеся над вымосткой: краснолаковые фрагменты II—III вв. н. э., обломки прозрачного, бесцветного и зеленова-

[1] Юго-западную часть здания терм нельзя считать достаточно выясненной.

[1] В северо-западной стене помещения на ю.-з. от бассейна, под порогом двери, была обнаружена водопроводная труба. Другая труба была обнаружена между комнатой в северном углу терм и помещением на ю.-з. от нее. Наконец, третья водопроводная труба была найдена в юго-восточной стене комнаты в южном углу терм; в аналогичной стене соседнего помещения в том же (т. е. расположенном вдоль берега) ряду найдено, повидимому, отверстие для стока воды.

[2] Эта стена сложена на растворе из плохо прилегающих друг к другу камней различной величины с прокладкой между ними кирпичей и крупных кусков черепицы. Строительный раствор — известковый с примесью мелкой гальки и черепка. Известковая облицовка с примесью мелкой гальки и битого мелкого черепка, некогда покрывавшая стену, сохранилась не везде.

того стекла, черепки простых сосудов, реберчатых и узкогорлых амфор, а также керамические клейма XI Клавдиева легиона должны быть отнесены к последним десятилетиям II—первой половине III в. н. э. и несколько более позднему времени.

Северо-западнее первой вымостки, на квадрате BII, обнаружена монументальная каменная кладка на глиняном растворе. Она тянется с с.-в на ю.-з. и пересекает поперек площадь квадрата. Глубина ее подошвы — 1,20 м, в вышину она имеет до 0,95 м; толщина ее около 0,75 м. С кладкой связана вторая вымостка из мелкой гальки и отдельных больших плиток камней на известковом растворе. В длину она выявлена на 5 м, в ширину сохранилась на 3 м; толщина ее — 0,07—0,10 м.

Вторая вымостка залегает ниже, чем первая; глубина ее поверхности — 1,05—1,15 м. Это заставляет отнести стену и вторую вымостку к более раннему времени. Названная стена является частью большого, не вполне ясного по назначению строительного комплекса, расположенного на с.-з. от здания терм, в котором В. Н. Дьяков[1] считал возможным усмотреть палестру.

Последний раскоп «С» в верхней части городища был разбит на небольшой свободной площади между обнаруженными старыми раскопками большим комплексом «палестры» и лежащей на с.-з. от него дорогой на вершину холма. Был вскрыт один квадрат CI, размером 5×5 м, ориентированный сторонами по странам света. Обнаружены три культурных слоя, причем верхние два были повреждены в новое время. Так, в нижней части второго слоя, на глубине около 1,50 м, найдены обломки нового бутылочного стекла. В нижнем культурном слое был обнаружен открытый водоотлив, сложенный из рваных камней на растворе (рис. 17, *б*). Внутренняя поверхность его хорошо цементирована; ее покрывала обмазка, состоящая из двух слоев: белого и поверх него розового; водоотлив лежал на каменном буте. Он тянулся по направлению с с.-в. на ю.-з.; длина обнаруженной части его достигала 1,20, ширина — 0,25, глубина верхней поверхности — 1,90, дна желоба — 2,40 м. Среди находок в третьем слое отметим херсонесскую монету середины I в. н. э., а также черепки краснолаковой и простой посуды.

К более позднему, второму, напластованию относится обнаруженное на раскопе продолжение стен комплекса «палестры», которые на исследованном участке сохранились очень плохо. Глубина второго слоя достигает 1,55 м. Перед сооружением названных стен, видимо, была произведена нивелировка в данной местности, на что указывает в юго-восточной части бут из красной глины и щебня, а в северо-западной половине — известковый бут, на них стоят стены № 1, 2 и 3, сложенные из рваных камней больших и средних размеров. Стена № 4 стоит на буте (№ 8) из красной глины и щебня.

В самом позднем, верхнем, слое обнаружена плохо сохранившаяся известковая вымостка, лежащая на постели из щебня. Толщина вымостки — 0,04 м, постели — 0,08—0,10 м, глубина подошвы постели от поверхности почвы — 0,55 м. Длина этой вымостки — 2,05, ширина — 1,65 м.

Подведем итоги работам в районе терм. Исследование терм и прилегающего участка показало наличие здесь трех строительных периодов. В некоторых пунктах можно наблюдать обычное послойное нарастание культурных напластований, налегающих одно на другое (квадрат CI), в других пунктах продолжавшее существовать здание (термы) дополнялось пристройками, возникавшими в более поздние строительные периоды.

Древнейший из этих строительных периодов (вторая половина I в. н. э.) может быть поставлен в связь с пребыванием в Харакс вексилляции Равеннской эскадры, самый поздний (конец II — первая половина III в. н. э.) —с эпохой вексилляции XI Клавдиева легиона; второй период можно отнести к первой половине и началу второй половины II в. н. э., связав его с временем вексилляции I Италийского легиона.

К первому периоду относится юго-восточный ряд комнат здания терм и нижний слой с открытым водостоком на квадрате CI.

Ко второму периоду относятся помещения у северного угла здания терм, комплекс построек «палестры», а также монументальная стена и нижняя вымостка на квадрате BII.

К третьему периоду, XI Клавдиева легиона, относятся помещения в западном углу здания терм и примыкающая к нему верхняя вымостка на квадрате BI.

Помимо описанных работ, экспедицией 1935 г. был зачищен и зафиксирован участок римского водопровода, находящийся на огороде санатория «Харакс», приблизительно в 700 м на с.-с.-з. от Нимфея (рис. 24, *б*). Водопровод шел в направлении к Нимфею. Направление водопровода в другую сторону позволяет думать, что голова водопровода находилась у подножья Ай-Петри. Зачищенное звено водопровода состояло из семи гончарных труб. Длина его достигала 2,60 м, угол падения на этом отрезке был довольно большой, ибо разница уровней равнялась 0,18 м. Характер труб не дает оснований сомневаться в том, что их следует отнести к римскому времени.

Этот водопровод заставляет коснуться вопроса о водоснабжении Харакса. Уже ранее высказывалось мнение[1], что Нимфей Харакса

[1] В. Н. Дьяков. Древности Ай-Тодора, стр. 28.

[1] ИАК, вып. 40, 1911, стр. 42.

снабжался собираемой с крыш дождевой водой. Обнаруженный на квадрате CI открытый сток мог быть частью системы стоков, снабжавших Нимфей водой. Вместе с ним водопровод, доставлявший ключевую воду с подножья Ай-Петри, по всей видимости, также шел в Нимфей.

Нам представляется возможным примирить эту видимую двойственность системы водоснабжения Харакса следующим образом. Выше мы уже говорили, что открытый сток квадрата CI относится ко второй половине I в. н. э. Напомним, что основной базой римлян в Крыму тогда был довольно далекий от Харакса Пантикапей [1]; в силу этого вряд ли десанту Равеннского флота было под силу освоение территорий, лежащих вглубь от берега. При таких обстоятельствах естественно предположить, что цистерна Нимфея снабжалась тогда дождевой водой с крыш, стекавшей в нее по открытым стокам. Иную картину мы наблюдаем во II в. н. э., когда опорной базой римских войск в Крыму стал Херсонес [2], и в Ай-Тодоре стояли солдаты вексилляции сухопутных войск: отряды I Италийского и позднее XI Клавдиева легионов. Связанный с известным святилищем Ай-Тодорский пост бенефициариев II и первой половины III вв. н. э. [3] свидетельствует о римской экспансии, охватившей территории южнобережья. Тогда у Харакса с Херсонесом могла быть прочно налаженная сухопутная связь. Отсюда возникает предположение, что водопровод в Ай-Петри был сооружен именно в это время, вероятно, в связи с увеличивавшейся потребностью в воде населения кастеля.

Разумеется, все сказанное нами о снабжении Нимфея лишь предположение, которое могут подтвердить или опровергнуть дальнейшие раскопки, прежде всего, в районе Нимфея.

Вернемся снова к находкам на Ай-Тодорском холме. Значительное число их позволяет с достаточной уверенностью сделать ряд выводов о времени и характере культурных напластований Харакса [4].

Как обычно при раскопках античных городищ, в Хараксе обнаружено очень большое количество черепков глиняных сосудов. Это обломки краснолаковой посуды, простой, остродонных и узкогорлых амфор, толстостенных и тонкостенных сосудов, реберчатых, а равно и посуды из коричневой, сероватой и грубой глины. Все эти черепки встречались в более или менее измельченном виде. Целые сосуды почти не попадались [1]. Встречались также глиняные светильники и их осколки.

Затем следует отметить многочисленные находки строительных материалов. Обломки черепицы (соленов и калиптеров), кирпичей, куски строительного раствора, а также и камни и щебень со следами раствора. Реже попадались обломки керамических труб, водопроводных и духового отопления. Среди обломков черепицы и кирпичей некоторые имели клейма вексилляции Равеннской эскадры. Реже встречались клейма XI Клавдиева и I Италийского легионов.

Значительно реже попадались осколки посуды из прозрачного стекла, бусы и металлические изделия. Таковы бронзовые предметы (или обломки их): пластинки, иглы, гвозди, скрепки, а также пряжка и кольцо. Обнаружено несколько монет: медных, серебряных и одна свинцовая. Изделия из железа представлены ножами, гвоздями (и их обломками), втулкой копья, наконечниками стрел и рядом бесформенных кусков. Найдена одна свинцовая пластина.

К предметам из кости относятся проколки и обломки их, моталка для ниток и ряд обломков костей со следами обработки. Изделия из камня представлены небольшими точилами, куском грузила и рядом обломков жерновов. Следует отметить весьма многочисленные маленькие и особенно средних размеров (с кулак и больше) булыжники, служившие для метания вручную, а также применявшиеся для пращей и в качестве ядер баллист.

Весьма немногочисленны находки памятников искусства: фрагменты терракотовых статуэток, обломок мраморного рельефа, найденный около Нимфея, и перстень с резным камнем, происходящий из терм.

В заключение отметим куски шлаков керамического и железного, указывающие на занятия ремесленников Харакса. Большой интерес представляют также многочисленные находки костей животных и раковин моллюсков.

Эти находки позволяют сделать ряд выводов. Остановимся прежде всего на керамике. Черепки простой посуды очень многочисленны; по сравнению с ними обломков местной, в том числе грубоглиняной посуды весьма мало. Эту картину дополняет обилие находок характерного римского строительного материала: кирпича, строительного раствора и черепицы. Все это наглядно показывает уклад жизни в Хараксе.

Далее следует отметить, что, по сравнению с множеством обломков простой посуды, число черепков краснолаковой керамики, стекла и

---

[1] ЖМНП, 1900, стр. 149.
[2] ЖМНП, 1900, стр. 149; Klio, 1902, стр. 85.
[3] ИАК, вып. 40, 1911, стр. 12.
[4] Настоящий обзор посвящен находкам не только на главном городском раскопе «А», но также и на дополнительных раскопах «В» и «С», ввиду того, что находки на всех этих участках имеют в основном однородный характер.

[1] К ним принадлежит раздавленная остродонная амфора с материалом для строительного раствора, найденная в помещении за внутренней стеной, на квадрате AXXVII.

терракотовых статуэток отнюдь не велико. Совсем малочисленны художественные памятники и изделия из серебра. Это особенно резко бросается в глаза, если сравнить находки в Хараксе с находками римского времени в более богатых городах: Пантикапее, Фанагории или Ольвии.

Сказанное свидетельствует о довольно скромном достатке населения Ай-Тодора — гарнизонных солдат и ремесленников. Обильные находки костей животных дают представление о развитии скотоводства у жителей Харакса, нужно думать, занимавшего довольно значительное место в хозяйстве этого поселения. Многочисленны кости овец, крупного рогатого скота (встречаются в том числе и телячьи), а также свиней; затем следуют кости лошадей [1] (встречаются и жеребячьи), а также коз, значительно меньше костей собак, кур и гусей. О занятии охотой свидетельствует ряд кабаньих клыков и клык медведя.

Рыболовство засвидетельствовано находками рыбьих костей и орудиями труда рыболовов, известными по старым раскопкам — рыболовным крючкам и грузилам, а также игле для плетения сетей из Ай-Тодора. Ряд крючков был найден в 1932 и 1935 гг. и в могилах некрополя. Наконец, отметим и находки раковин моллюсков, вероятно, употреблявшихся в пищу, и клешни краба.

Перечисленные находки рисуют занятия населения Харакса. Обнаруженные раскопками куски шлаков позволяют предполагать существование кузнечного и гончарного дела, кости животных и орудия труда — скотоводство, охоту и рыболовство. Находки серпов, мотыги и жерновов свидетельствуют о занятии сельским хозяйством и мукомольным делом. Обнаруженные в могилах рабочие топоры говорят о существовавшей обработке дерева, а многочисленные архитектурные остатки и обломки строительных материалов — о довольно высоком уровне зодчества.

Мы неоднократно отмечали, что пребывание римских гарнизонов в Хараксе, вероятно, приходится на вторую половину I — середину III вв. н. э.

Однако, наряду с многочисленными находками этой эпохи, в городе встречаются, правда, более малочисленные и менее значительные находки [2], относящиеся к более позднему времени. Таковы, например, черепки простой посуды III — IV вв. н. э. Однако эти находки не образуют самостоятельного позднеантичного культурного слоя (второй половины III — первой половины IV вв. н. э.) и свидетельствуют лишь об известных формах жизни на Ай-Тодорском холме в эпоху после эвакуации римлянами Крыма. Вполне возможно, что после оставления римлянами Харакса, он в течение некоторого времени продолжал служить для окрестного населения временным убежищем на случай военной опасности (refugium), как это было и до захвата его римлянами.

Раскопки некрополя осветили историю Харакса в ближайшее столетие после середины III в. н. э. Могилы этого времени позволяют думать, что в них были погребены небогатые поселенцы, вероятно, потомки обитателей canabae Харакса — земледельцы и ремесленники, погребальные обряды которых сохранили некоторые черты романизации.

Находки монет в городе и на некрополе позволяют сделать следующие выводы. Монеты, найденные в 1935 г. в городе, не отличаются по характеру от старых монетных находок в Ай-Тодорском городище [1]. Небольшая часть их относится ко времени, предшествующему римской оккупации Крыма [2]. Все же остальные приходятся на период с середины I в. н. э. до середины III в. н. э., т. е. эпоху, когда южная часть Таврического полуострова была занята римлянами. При этом как старые, так и новые находки дали, в основном, монеты римских императоров и херсонесские [3]. Другие [4] монеты представлены в значительно меньшем числе.

Совершенно иную картину дают монеты, происходящие с некрополя.

Они сильно отличаются от городских находок как по времени, так и в значительной мере по месту чеканки. Подавляющее большинство их датируется второй половиной III и первой половиной IV вв. н. э. и приходится, преимущественно, на два последних десятилетия III и первые десятилетия IV в. н. э. В могилах 1932 г. было найдено 10 монет, в могильнике 1935 г.—27 [5]. Из этих монет: 17 бос-

[1] Лошадь вряд ли могла иметь большое хозяйственное значение в Хараксе, поэтому можно думать, что сравнительно большое число лошадиных костей, найденных в Ай-Тодоре, указывает на наличие кавалеристов в составе крепостного гарнизона. Это предположение подтверждается также надгробием Луция Фурия Севта, оптиона префекта I Фракийской когорты, вероятно, происходящим с некрополя Харакса (ИАК, вып. 40, 1911, стр. 38 сл.).

[2] Достойно внимания, что и старыми и новыми раскопками до сего времени в городе не обнаружено монет, чеканенных позднее середины III в. н. э.

[1] ЖМНП, 1900, стр. 153 сл.; Klio, 1902, стр. 92 сл.; ИАК, вып. 40, 1911, стр. 35 сл.

[2] ЖМНП, 1900, стр. 153. В 1935 г. на квадрате А II был найден динарий К. Публиции, чеканенный около 81 г. до н. э.

[3] Старые раскопки давали особенно много херсонесских монет («Klio», 1902, стр. 92); также и в городских раскопах 1935 г. преобладали монеты Херсонеса.

[4] См. об этом ИАК, вып. 40, 1911, стр. 35—36. В 1935 г. были найдены две хиосские монеты на квадрате А II (Num. Chron., 1918, II, стр. 14) и квадрате АХХ (Num. Chron., 1918, II, стр. 32, № 108).

[5] Помимо упомянутых двадцати семи монет, в могилах 1935 г. было найдено еще три монеты, которые совершенно не поддаются определению. Часть монет, обнаруженных на некрополе в том же году, происходит не из могил, а найдена на прилежащем урочище. К числу этих монет относятся: 7 херсонесских монет середины III в. н. э., найденных на квадрате А 4, т. е. за пределами некрополя на участке перед крепостной

порских (причем 12 из них относятся к последним десятилетиям III в. н. э. и 5 — к первым десятилетиям IV в. н. э.), 18 римских императорских: одна — императора Траяна, относящаяся к 103 — 111 гг. н. э., другая — императора Гордиана III — 238—244 гг. н. э., 5 монет последних десятилетий III в. н. э. и 11 — первых четырех десятилетий IV в. н. э.; самая поздняя из этих монет — императора Константина I чеканена после его смерти в 337 г. н. э. Наконец, две херсонесские монеты второй половины III в. н. э.

Таким образом, херсонесские монеты, занимавшие до середины III в. н. э. первое место среди монетных находок Харакса, позднее этой даты явно отступают на второй план. Преобладающее значение получают монеты римских императоров и Боспора.

Это новое явление никак нельзя считать случайным. Харакс, представлявший в период оккупации наблюдательный пункт и своего рода форпост Херсонеса, далеко выдвинутый на восток, был, разумеется, теснейшим образом связан с главной римской базой в Крыму во II в. и первой половине III в. н. э. После ухода римских войск Херсонес утратил свое значение для Харакса, в силу чего могло появиться некоторое тяготение последнего к Боспору [1], о чем свидетельствует отмеченный нами приток монет.

Таковы результаты раскопок, производившихся в Караксе в 1931, 1932 и 1935 гг. Они позволяют считать твердо установленным, что Ай-Тодорское укрепление, несомненно, возникло еще в доримское время и представляло «убежище» тавров. В эпоху оккупации южного берега Крыма римляне заняли Харакс, вероятно, с целью лишить тавров их опорного пункта, а равно и затруднить им выход к морю. Занявшие Харакс моряки Равеннской эскадры, видимо, должны были ограничиться захватом побережья. В дальнейшем, когда в Караксе стояли вексилляции I Италийского и XI Клавдиева легиона, римлянами контролировалась несколько бо́льшая территория. Об этом свидетельствует как наличие дорожной стражи — бенефициариев, так и водопровода, снабжавшего водой Нимфей в Караксе.

Оборонительными сооружениями римского Харакса частично служила таврская киклопическая стена, но, главным образом, довольно небрежно сложенные стены, построенные римлянами еще в период десанта равеннских моряков. Небрежность кладки этих стен, построенных, вероятно, наспех, нужно думать, была причиной неоднократных ремонтов последних. Это позволяет видеть в укреплениях Харакса не монументальные оборонительные стены, а своего рода лагерный вал, сооруженный в условиях богатого камнем и бедного землей южного берега Крыма.

Пространство между наружной и внутренней оборонительными линиями Харакса, видимо, в значительной мере оставалось незастроенным и служило своего рода стратегическим пустырем, подобно незанятому палатками пространству в римском лагере. Большая часть строений была сосредоточена внутри верхней стены на довольно ограниченном пространстве, площадь которого была не более полутора гектаров.

Раскопки городища Харакса показали наличие там трех культурных напластований. По всей вероятности, они отвечают времени пребывания в Караксе вексилляций: Равеннской эскадры, I Италийского и XI Клавдиева легионов. Сравнительно монументальное здание терм просуществовало в течение всех трех периодов. Первоначально сооруженный «банный корпус» последовательно расширялся дальнейшими пристройками. Можно предполагать, что термы Харакса были одним из довольно богатых зданий в этом скромном поселении, обитателями которого были солдаты и ремесленники. Находки в культурных напластованиях Харакса значительно беднее, чем в богатых торговых городах Северного Причерноморья.

После оставления римлянами южного берега Крыма жизнь на Ай-Тодорском холме не прекратилась. Укрепления Харакса, видимо, продолжали служить убежищем окрестному населению на случай опасности. За наружной стеной Харакса в первой половине IV в. н. э. возник некрополь, в котором хоронило своих покойников небогатое местное население земледельцев, рыбаков и ремесленников, видимо, потомков обитателей canabae Харакса.

стеной, 1 херсонесская монета того же времени, обнаруженная на квадрате С 1, т. е. также за пределами некрополя, и, наконец, монета императора Домициана (81—96 г. н. э.), найденная в разведочном раскопе Е 1.

Из этих монет 25 были найдены в могилах, 2 — в грунте на территории некрополя (на квадрате А 8) — это были монеты Фофорса (287 г. н. э.) и Лициния (?) — 307—313 гг. н. э.

[1] Это явление представляет известный интерес не только для истории Харакса, но и для Боспора, история которого в IV в. остается мало освещенной.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Бурачков — П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, Одесса, 1884.
ВДИ — Вестник древней истории.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
ДБК — Древности Боспора Киммерийского, СПб., 1854.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗРАО — Записки Российского археологического общества.
ИАК — Известия археологической комиссии.
ИАН ООН — Известия Академии Наук, Отделение общественных наук.
ИГАИМК (ИРАИМК) — Известия Государственной (Российской) академии истории материальной культуры.
Изв. Тавр. Общ.— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
ИТУАК — Известия Таврической архивной комиссии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МАР — Материалы по археологии России.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
Н. сб.— Нумизматический сборник.
ОАК — Отчет археологической комиссии.
СА — Советская археология.
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
ТОАИЭ — Труды Отдела античного искусства Эрмитажа.
ТОПКЭ — Труды Отдела первобытной культуры Эрмитажа.
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
AJA — American Journal of Archaeology.
Arch. Anz.— Archäologischer Anzeiger.
Ath. Mitt.— Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Athenische Abteilung.
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum.
Cohen — H. Cohen. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire romain, communément appellées médailles imperiales, Paris, 1859—1868.
CVA — Corpus Vasorum Antiquorum.
Daremberg-Saglio — C. Daremberg et E. Saglio. Dictionnaire des Antiquités grecques et romaines.
JOAI — Jahreshefte des Oesterreichischen archäologischen Instituts.
IOSPE — Inscriptiones orae Septentrionalis Ponti Euxini.
Num. Chron.— Numismatic Chronicle.
RE — A. Pauly, G. Wissowa, W. Kroll, Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.
Röm. Mitt.— Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Römische Abteilung.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 6
В. Д. Блаватский. Материалы по истории Пантикапея. План города 9
Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав 63
И. Т. Кругликова. Фанагорийская местная керамика из грубой глины 87
И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией . . 107
И. Б. Зеест. Керамическая тара Елисаветовского городища и его курганного некрополя 119
Д. Б. Шелов. Монетная система городов Боспора в VI—V вв. до н. э. 125
М. М. Кобылина. Поздние боспорские пелики 136
М. М. Кобылина. Скульптура Боспора 171
В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. . . 189
Н. Я. Мерперт. Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г. 227
М. М. Кобылина. Раскопки «Южного» некрополя Фанагории в 1947 г. 236
М. М. Кобылина. Раскопки «Восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. . . 241
В. Д. Блаватский. Харакс 250

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *Т. Д. Златковская*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректор *А. В. Ключарев*

*

РИСО АН СССР № 3931. Т-03078. Издат. № 2497.
Тип. заказ № 849. Подп. к печ. 29/V 1951 г.
Формат бум. 60×92¹/₈. Бум. л. 18,5. Печ. л. 37.
Уч.-издат. 34,25. Тираж 2000. Цена в пер. 30 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
29 справа	8 св. на полях	142,14	142,147
39 слева	14 св.	клеймам	клеймами
55 слева	2 сн. на полях	141-145	144—145
131	таблица 2-я графа	чека ки	чеканки
167 слева	4 сн.	Боспорское	Воспорское
174 слева	8 сн.		
223	рис. 17 прирезка *А*	м. 137	м. 147
253 справа	8 сн.	быро	было

36 ру6.